3 1761 08821305 3

Полное собраніе сочиненій

В. Д. ГРИГОРОВИЧА.

Изданіе Н. Г. Мартынова.

Grigorovich, Dmitry Vasil'evich
LR
G8576

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

Polnoe Sobranie
Sochinenij, t. 7

СОЧИНЕНІЙ

Дм. Вас. Григоровича.

---

t. 7

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1890.

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ

и

ОЧЕРКИ.

1854—1857 гг.

Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

v. 7

462782
6.6.47

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца Н. Г. МАРТЫНОВА.

1890.

Типо-Литографія и Фототипія В. И. Штейнъ. Почтамтская ул., № 13.

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр.
1854. Прохожій. Святочный разсказъ 1
1856. Столичные родственники. Повѣсть 57
1856. Пахарь. Повѣсть. 239
1857. Школа гостепріимства. Повѣсть. 284
1857. Скучные люди. Физіологическій очеркъ 356
1857. Очерки современныхъ нравовъ. Юмористическія замѣтки 394

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ

и

ОЧЕРКИ

1854—1857 гг.

ПРОХОЖІЙ.

(СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ).

I.

ПРОЛОГЪ.

. . . Да, поистинѣ, это была ужасная ночь! Старики говорили вправду: такая ночь могла только выпасть на долю Васильеву вечеру. И въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ и каждому чудилось что-то недоброе въ суровомъ, непреклонномъ голосѣ бури. Изъ пустого не стали бы выводить страховъ! (Этакъ, пожалуй, пришлось бы бояться каждой мятели, а между тѣмъ и всей-то зимы никто не боится). Всякій знаетъ, что зима ходитъ въ медвѣжьей шкурѣ, стучится по крышамъ и угламъ и будитъ бабъ топить ночью печи; идетъ ли она по полю—за ней вереницами ходятъ мятели и просятъ у нея дѣла; идетъ ли по лѣсу—сыплетъ изъ рукава иней; идетъ ли по рѣкѣ—куетъ воду подъ слѣдомъ на три аршина,—и что жъ?—всякій, встрѣтившійся съ нею, прикутается только въ овчину, повернется спиною, да идетъ на палати! На этотъ разъ, однакожъ, иное было дѣло.

Посреди свиста и завыванія вѣтра, внятно слышались дикіе голоса и стоны, то пѣвучіе и какъ-будто те-

рявшіеся въ отдаленіи за гумнами, то отрывчатые, пронзительные, раздававшіеся у самыхъ воротъ и оконъ и забиравшіеся даже въ трубы и запечья. Выходилъ ли кто на улицу—передъ ними зримо почти носились незнакомые, чуждые образы; изъ мрака и вихрей возникали то и дѣло страшные, никому невѣдомые лики.... Да, старики говорили правду, когда, прислушиваясь чуткимъ ухомъ къ реву мятели, утверждали они, что буря бурѣ рознь и что шишига, или вѣдьма, или нечистая сила (что все одно) играла теперь свадьбу, возвращаясь съ гулянокъ. Но хорошо имъ было такъ-то раздобарывать, сидя на горячей печкѣ. Что̀ имъ дѣлалось посреди веселья, криковъ ребятъ и шумнаго говора гостей, наполнявшихъ избу! (Въ Васильевъ вечеръ, какъ вѣдомо, одна только буря злится да хмурится.) Студеный вѣтеръ не проникалъ ихъ членовъ нестерпимымъ ознобомъ, снѣжные хлопья не залипали имъ очей, шипящіе вихри не рвали на части ихъ одежды, не опрокидывали ихъ въ снѣжные наметы... какъ это дѣйствительно было съ однимъ бѣднякомъ, прохожимъ, брошеннымъ въ эту ночь посреди поля, далеко отъ жилья и голоса человѣческаго...

Много грозныхъ ночей застигало прохожаго, много вьюгъ и непогодъ вынесла сѣдая голова его, — но такой ночи онъ никогда еще не видывалъ. Затерянный посреди сугробовъ, по колѣни въ снѣгу, онъ тщетно озирался на стороны или ощупывалъ костылемъ дорогу: мятель и сумракъ сливали небо съ землею, снѣжныя горы, взрываемыя могучимъ вѣтромъ, двигались какъ волны морскія, и то разсыпались въ обледенѣломъ воздухѣ, то застилали дорогу; гулъ, ревъ и смятеніе наполняли окрестность. Напрасно также силился онъ подать голосъ: крикъ застывалъ на губахъ его и не достигалъ ни до чьего слуха; грозный ревъ бури одинъ подавалъ о себѣ вѣсть въ мрачной пустынѣ, одинъ онъ отзывался въ чьемъ-нибудь сердцѣ... Отчаяніе начинало уже проникать въ душу путника, страшныя думы бродили въ головѣ его и воплощались въ видѣнія: на-дняхъ знакомый мужичокъ, застигнутый такою же точно погодой, сбился съ пути на собственномъ гумнѣ своемъ, и на другой день объ утро

нашли его замерзшаго подъ плетнемъ собственнаго огорода; третьяго дня постигла такая же участь бабу, которая не могла найдти околицы; вечоръ еще, посреди самой улицы, нашли мертвую калику-перехожую, которая за мятелью не различила избушекъ...

Такъ думалъ прохожій; а вьюга между тѣмъ съ часу на часъ подымалась сильнѣе и сильнѣе. Вотъ повернула она, поднялась хребтомъ на пригоркѣ, закрутилась вихремъ, пронеслась надъ головою путника, загудѣла въ поляхъ и ударила на деревню. Вздрогнули бѣдныя лачужки, внезапно пробужденныя отъ сна посреди темной, холодной ночи: замирая отъ страха, онѣ тѣсно прижались другъ къ дружкѣ, закутались до верху своимъ снѣжнымъ покровомъ, прилегли на бокъ и трепетно ждутъ лютаго вихря! Но вихрь, привыкшій къ простору, рвется и мечется пуще прежняго въ тѣсныхъ закоулкахъ и улицахъ. Разбитый на части, онъ, разомъ со всѣхъ сторонъ нападаетъ на лачужки, всползаетъ на шаткія стѣны, гудитъ на стропилахъ, ломаетъ тамъ сучья, срываетъ воробьиныя гнѣзда, сверлитъ кровлю и, выхвативъ клокъ соломы, бросается на кровлю, силясь сбросить пѣтушка или конька на макушкѣ; и тогда какъ одна часть бури реветъ вокругъ дома, другая уже давно проползла шипящею змѣею подъ ворота, ринулась въ клѣти и сараи, обѣжала навѣсы и, не найдя тамъ, вѣроятно, ничего, кромѣ вьющагося снѣга, напала на беззащитную жучку, свернувшуюся клубкомъ подъ рогожей... Но вотъ вихрь прилегъ на земь, загудѣлъ вдоль плетня, украдкою подобрался къ калиткѣ, поднялся на дыбы, сорвалъ ее съ петель, бросился на улицу, присоединился къ другому, третьему, и снова грозный ревъ наполняетъ окрестность...

Но что до этого! По всему крещеному міру не было все-таки бѣдной избенки, не было такого скромнаго уголка, гдѣ бы не раздавались веселыя пѣсни, гдѣ бы не было тепло и пріютно! Тамъ—шумная толпа ребятишекъ рѣзво прыгаетъ по лавкамъ и нарамъ, выбрасывая изъ рукава нарочно припасенныя про случай хлѣбныя зерна и звонко распѣвая:—«Уроди, Боже всякаго хлѣбца

по закорму, что по закорму да по великому, а и стало бы того хлѣбушка на весь міръ крещеный...» Между тѣмъ, старшая хозяйка дома,—мать или тетка,—отбиваясь одною рукою отъ колючихъ иглъ овса и гречи, пущенныхъ въ нее какъ бы нечаянно шаловливымъ парнемъ, другою приподнявъ надъ головою зажженную лучину, суетливо ходитъ взадъ и впередъ и набожно подбираетъ зерна въ лукошко для будущаго посѣва. Остальные члены избы, кто усѣвшись подъ иконы, кто стоя въ углу, молча, но весело глядятъ на совершеніе обряда; даже старая подслѣповатая бабушка, много лѣтъ не сходившая съ печи, свѣсилась на перекладину поглядѣть на внучекъ,—на семейную радость!

Въ другой избѣ крики и хохотъ раздаются еще громче. Рой молодыхъ дѣвокъ натискался въ избу. Двери плотно заперты; окно на улицу завѣшено прорванною понявой. Одна изъ нихъ—самая вострая,—стоитъ на слуху въ сѣничкахъ, не идетъ ли кто. Остальныя заняты дѣломъ: кто повязываетъ на голову войлокъ, обвитый вокругъ палки, кто натягиваетъ армякъ или покрываетъ маленькую головку неуклюжей шапкой, обтыканной по краямъ, ради смѣха, льняными прядями, обсыпанными мукою; кто прикутывается въ овчину, вывороченную на изнанку:—это наряженныя! Хохотъ, визгъ, шушуканье, пискъ не прерываются ни на минуту. Надо же весело справить послѣдній день Васильева вечера! Въ третьей избѣ громкій говоръ и восклицанія смѣнились на минуту молчанкою. Ребята, бабы, большіе и малые, всѣ пришипились. Тамъ подъ сладкій шумокъ веретена и прялки тянутся мѣрныя розсказни старика-дѣда. Семейка сѣла въ кружокъ и, пригнувшись къ одной лучинѣ, не пропускаетъ ни одного звука, ни одного движенія разскащика. Разсказъ, прерываемый трескомъ мороза, который стучитъ въ углы и заборы, благополучно дотянулся однакожъ за полночь. Лучина скоро угаснетъ. И тогда вся семья, женатые и холостые, большіе и малые, заползутъ на печку и предадутся мирному отдыху, ни мало не заботясь, что вьюга реветъ и завываетъ въ полѣ и вокругъ дома...

О! счастливъ сто разъ счастливъ тотъ, у кого въ

такую ночь родной кровъ, родная семья и теплая печка!.. Такъ по крайней мѣрѣ думалъ... но не до того впрочемъ было прохожему, чтобы умомъ раскидывать! Отчаянье уже давно овладѣло его душою. И если какія-нибудь мысли и приходили ему въ голову, — имъ все-таки не время теперь было опредѣляться въ ясную думу; онѣ мелькали предъ нимъ также быстро, какъ снѣжные хлопья, несомые лютою мятелью, посреди которой стоялъ онъ съ обнаженною сѣдою головой и замиравшимъ сердцемъ,—и такъ же быстро уносились и смѣнялись другими мыслями, какъ одинъ вихрь смѣнялся другими вихрями...

Силы начинали покидать его. Онъ провелъ окоченѣвшею ладонью по мерзлымъ волосамъ, окинулъ мутными глазами окрестность и крикнулъ еще разъ. Но крикъ снова замеръ на помертвѣлыхъ устахъ его.

Прохожій медленно опустился въ сугробъ и трепетною рукой сотворилъ крестное знаменіе. Буря между тѣмъ пронеслась мимо: все какъ-будто на минуту стихло... и вдругъ, нежданно, въ сторонѣ, послышался лай собаки... Нѣтъ, это не обманъ,—лай повторился въ другой и третій разъ... Застывавшее сердце старика встрепенулось; онъ рванулся впередъ, простеръ руки и пошелъ на слухъ... Немного погодя, ощупалъ онъ сараи, и вскорѣ изъ-за угла мелькнули передъ нимъ привѣтливые огоньки избушекъ.

II.

Хозяинъ въ дому—какъ Адамъ въ раю,
Виноградье красно-зеленое.
Хозяйка въ дому—какъ аладья въ меду,
Виноградье красно-зеленое.
Малыя дѣтушки—какъ аладушки—
Виноградье красно-зеленое!

Простонародная пѣсня.

— Ахъ вы, пострѣлы вы этакіе!.. Вишь заладили: пусти да пусти на улицу! Уйметесь вы, али нѣтъ?.. закричала въ сотый разъ старостиха, подбѣгая дробнымъ шажкомъ къ нѣсколькимъ парнишкамъ и дѣвчонкамъ, которые стояли у дверей и голосили во всю избу.—Моя-

чать! вотъ я васъ погуляю!.. Молчать, говорятъ!.. прибавила она, внезапно останавливаясь надъ маленькою толпою съ распростертыми въ воздухѣ руками, какъ коршунъ надъ стадомъ утятъ. Но ребятишки успѣли уже выхватить изъ среды своей младшаго брата, неуклюжаго карапузика лѣтъ пяти, съ огромнымъ кускомъ ржаной лепешки во рту, выставили его впередъ и, прежде чѣмъ рука матери опустилась книзу, отступили въ уголъ.

— Это Филька кричалъ, а не мы... проговорили они въ одинъ голосъ, тискаясь другъ на дружку.

— То-то Филька, я вамъ дамъ Фильку, смотрите вы у меня! произнесла старуха, отступая въ свою очередь и грозя въ уголъ.

Она повернулась къ нимъ спиною и мгновенно обратила вскипѣвшую досаду на старшую дочь — дѣвушку лѣтъ семнадцати, сидѣвшую на лавочкѣ, подлѣ окна.

— Ну, чего ты сидишь,—ноги-то развѣсила, начала старуха, принимаясь снова размахивать руками: — что сидишь?.. Нешто не видишь — лучину надо поправить; словно махонькая какая: все ей скажи да скажи, сама разума не приложитъ!..

Дѣвушка встала, молча вынула изъ горшка новую лучинку, зажгла ее, подержала огнемъ книзу, заложила въ свѣтецъ и сѣла со вздохомъ на свое прежнее мѣсто. Дурное расположеніе старухи ни мало однакожъ не измѣнилось. Волненіе и досада проглядывали попрежнему въ каждомъ ея движеніи. Она суетливо подошла къ окну, прислушалась сначала къ реву бури, которая сердито завывала на улицѣ,—потомъ вернулась на середину избы и, обнаруживая сильное нетерпѣніе, начала вслушиваться въ храпѣнье, раздававшееся съ печки.

— Левонычъ, а Левонычъ! заговорила она наконецъ, топнувъ ногою и устремляя глаза на рыжую бороду, которая выглядывала вострымъ клиномъ изъ-за края печки: — Левонычъ, слышь, говорятъ, вставай! Ну, чего ты въ самомъ-то дѣлѣ разлегся, словно съ устали? полночи дожидаешься, что-ли? вставай, говорятъ!

— О-о-о! Господи!.. Господи... Чего тебѣ, ну? отозвался староста зѣвая, и потягиваясь.

— Тьфу, увалень! прости Господи; — тебѣ что? тебѣ что?.. подхватила она съ сердцемъ и стараясь передразнить его:—тебѣ что?.. Самъ наказывалъ будить; память заспалъ, что ли? Я чай, у Савелія давно завечеряли; ты думаешь—староста, такъ и ждать тебя станутъ,—нештò возьмешь; вставай, говорятъ!

— Ммм... простоналъ староста, переваливаясь на другой бокъ; при этомъ борода его исчезла и на мѣстѣ ея показалась багровая, глянцовитая лысина, на которой свѣтъ лучины отразился какъ въ стеклѣ.

— Слышь, говорятъ: понавѣдывались за тобою отъ Савелья, сказываютъ, и мельникъ тамъ, и пономарь! крикнула она, обнаруживая крайнее нетерпѣніе.

Но на этотъ разъ лысину покрылъ овчинный полушубокъ, и уже старостиха ничего не услышала, кромѣ удушливаго храпа и сопѣнья.

Старостиха была баба норовистая и ни въ чемъ не терпѣла супротивности. Не раздумывая долго, она бросилась къ печкѣ и занесла уже правую руку въ стремячко, съ твердымъ намѣреніемъ стащить соннаго старосту на полъ, какъ въ эту самую минуту раздалась стукотня въ окнѣ, и, вслѣдъ за тѣмъ, кто-то запѣлъ тоненькимъ голосомъ:

Коляда, коляда!
Пришла коляда!
Мы ходили, мы искали
По всѣмъ дворамъ, по проулочкамъ...

— Мамка, пусти къ ребятамъ на улицу! заголосили въ то же время ребятишки, выступая изъ угла:—пусти хоша поглядѣть...

— Цыцъ, окаянные!.. цыцъ! крикнула старостиха, ухватившись второпяхъ за ногу мужа и поворачивая назадъ голову.

— Мамка, мамка!.. заголосили громче парнишки, подстрекаемые пѣніемъ за окномъ, которое не умолкало:— пусти поглядѣть на ребятъ...

Но старостиха не дослышала далѣе; она соскочила на земь, схватила вѣникъ и со всѣхъ ногъ метнулась въ уголъ. Ребятишки снова выставили впередъ Фильку. Но

на этотъ разъ дѣло обошлось иначе. Старуха ухватила своего любимца за шиворотъ, вѣникъ зашипѣлъ, Филька испустилъ пронзительный крикъ и болтнулъ въ воздухѣ ногами.

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!.. приговаривала мать, скрѣпляя каждое слово новымъ ударомъ:—ну, перестань же, перестань, присовокупила она, смягчая неожиданно голосъ и увлекая его къ столу:—перестань, говорятъ, нà пирожка, нà пирожка, продолжала старуха, суя ему подъ носъ кусокъ:—нà пирожка... А, такъ ты не хочешь, пострѣлъ, не хочешь... нà же тебѣ, нà тебѣ!—И вѣникъ снова зашипѣлъ въ воздухѣ.—Ну, нà пирожка... возьми.., о! о! уймешься ты али нѣтъ?... опять!.. постой же. постой...

И вѣникъ поднялся уже въ третій разъ, какъ за окномъ раздался новый стукъ, но только сильнѣй прежняго, и тотъ же голосъ запѣлъ, но только настойчивѣе:

Чванны ворота!
Посконна борода!
Кричать ли Авсень?..

— Матушка, подай имъ хоть лепешку, сказала старшая дочь, робко взглядывая на мать и потомъ обращая съ любопытствомъ живые черные глаза свои на окно:—они, матушка, такъ-то хуже не отстанутъ...

— Не отстанутъ! ахъ ты, дура, дура! крикнула старостиха, бросая Фильку и останавливаясь впопыхахъ посередь избы:—а вотъ погоди, я имъ дамъ лепешку...

Но шумъ подъ окномъ обратился уже въ неистовые крики, сопровождаемые присвистываньемъ, прищелкиваньемъ, и голосъ распѣвалъ во все горло:

Чванны ворота,
Посконна борода,
Честь была тебѣ пропѣта,
Подавай лепешку
Въ заднее окошко!

Присоединенный къ этому вой Фильки и ревъ остальныхъ дѣтей остервенили въ-конецъ старуху; и Богъ вѣсть, чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ не голосъ старосты, который раздался почти въ то же время съ печки:

— Старуха... о! о!.. что у васъ тамъ такое? соснуть не дадутъ... никакъ колядки задумали пѣть... гони ихъ...

— А самъ-то ты что лежишь на печкѣ, увалень ты этакой! Бьюсь не добьюсь поднять его на ноги; тьфу!..

— Старой чортъ, подай пирога,
Не дашь пирога—изрубимъ ворота.
Авсень!..

раздалось снова за окномъ.

— Вишь, черти! вымолвилъ староста, подпираясь локтемъ и лѣниво потирая лысину: — поди уйми ихъ, старуха, чего стоишь?

Старостиха подняла окно и высунулась на улицу; но почти въ ту-жъ минуту отскочила на середину избы. Нѣсколько комковъ снѣгу влетѣли вслѣдъ за нею.

— Ухъ! окаянные! ухъ, дьяволы! завопила старуха, протирая глаза и метаясь, какъ угорѣлая, изъ угла въ другой:—гдѣ кочерга?.. гдѣ?.. а все ты, увалень! лежитъ себѣ, словно съ ногъ смотался, — не шелохнется, хоть домъ гори...

— На будущій годъ
Осиновый тебѣ гробъ!

крикнулъ кто-то звучнымъ голосомъ, ударивъ кулакомъ въ оконную раму.

— А вотъ погоди, погоди, проговорилъ староста, спускаясь наконецъ съ печки:—дамъ тебѣ осиновый гробъ; это, я знаю, все Гришка Силаевъ озорничаетъ; погоди, я тебѣ шею - то накостыляю, заключилъ онъ, ставъ на полъ и протирая глаза:—вы чего?.. Ну, чего воете?

— Тятенька, пусти насъ на улицу! жалобно отозвались ребята.

— На улицу,—прытки добре; слышите, погода какая, замерзнуть, небось, хочется... Парашка, давай кушакъ да шапку—они, кажись, на лавкѣ подъ образами — давай, пора идти, я чай, и взаправду у Савелія завечеряли... примолвилъ онъ, обращая сонные глаза на старшую дочь, которая во все это время также неподвижно сидѣла на лавочкѣ, изрѣдка лишь поглядывая завистливо на уличное окно.

— Ну, вотъ, давно бы такъ, ступай-ка, ступай!.. и то два раза спрашивали, сказала старуха, торопливо подавая варежки.

— Вотъ что, хозяйка, вымолвилъ мужъ, останавливаясь у двери:—смотри, безъ меня никого не пущай въ избу; неравно наряженные придутъ, — гони ихъ въ три шеи... Повадились нынче таскаться... А пуще всего не пущай Домну,—чтобъ и духу ея здѣсь не было...

— Чего ей ходить-то? недовольнымъ голосомъ возразила жена: — небось не придетъ... Да вотъ, постой, я припру за тобой шестомъ калитку...

Сказавъ это, она набросила полушубокъ на плечи и, ворча что-то подъ носъ, поплелась за мужемъ. Очутившись на крылечкѣ, староста остановился, ошеломленный стужею и вѣтромъ, который съ такою силой мутилъ по двору снѣгъ, что нельзя даже было различить навѣсовъ.

— Ухъ! морозно добре стало, старуха... ухъ... ишь какъ ее, погодка-то разгулялась... у!..

Онъ ухватился обѣими руками за шапку и попятился назадъ.

— Ну, вотъ еще что̀ выдумалъ! первинка тебѣ небось; ступай, ступай; тебѣ такъ съ просонья почудилось; вѣстимо, вѣтеръ гудётъ,—зимнее дѣло; ступай, у Савелія давно уже, я чай, завечеряли,—ступай, говорю, не срамись...

И, вцѣпившись въ мужнинъ кожухъ, она почти силою стащила его съ крылечка и повлекла по двору...

Пробравшись къ воротамъ, она отворила калитку. оглянулась во всѣ стороны и наконецъ вытолкнула мужа на улицу. Видно было, что она ждала кого-то и боялась. чтобы мужъ не встрѣтился съ гостемъ. Какъ только шаги его заглушились ревомъ бури, лицо старостихи просвѣтлѣло; вопреки обѣщанію, она отворила настежь калитку и вернулась въ избу.

— Ну, что-жъ ты, Парашка сидишь? Отецъ ушелъ, и ты ступай на улицу, сказала она, неожиданно обращая рѣчь къ старшей дочери.

— Я думала, матушка, ты не велишь... отвѣчала дѣвушка, радостно вставая съ мѣста.

— Мамка, пусти и насъ! произнесъ сквозь слезы голосъ изъ угла.

— Што-о-о-о!.. воскликнула старуха, быстро поворачиваясь къ углу.

Злосчастный Филька снова предсталъ было передъ матерью, но съ тою однакожъ разницею, что на этотъ разъ онъ сильно упирался ногами, кричалъ во все горло и отбивался руками и ногами отъ рукъ сестеръ и братьевъ, которые за него прятались.

— Чего вы, пострѣлы, все его впередъ суете? я нешто не вижу... подь сюда, касатикъ, заключила старостиха, гладя по головѣ своего любимца и закутывая его въ то же время въ полушубокъ.—Ну, крикнула она, взглядывая нерѣшительно на уголъ:—ступайте на улицу!...

Радостный крикъ, единодушно вырвавшійся изъ угла, былъ единственнымъ отвѣтомъ.

— Цыцъ, пострѣлы! задребезжала старуха, затыкая сначала уши и пускаясь потомъ въ догонку то за однимъ, то за другимъ:—цыцъ!—никого не пущу... тьфу, окаянные, прости Господи — пошли вонъ!... А ты, моя касатушка, не смѣй у меня шляться по улицѣ! прибавила она, повертываясь къ Парашѣ, которая взялась уже за скобку двери:—будь довольна, что изъ избы-то тебя выпустили... не стать же тебѣ шаламберничать съ ребятами; сиди у воротъ, и шагу не смѣй ступить безъ спросу!...

Дѣвушка, не ожидавшая, вѣроятно, такого притѣсненія, опустила къ полу веселое свое личико и молча послѣдовала за своими братьями и сестрами, голоса которыхъ раздавались уже за воротами.

III.

Ахъ, ты, Домна, Домна...
...—баба ты удалая!...

Простонародная пѣсня.

Секунду спустя, старостиха осталась одна-одинешенька посреди избы. Этого только, казалось, и добивалась она такъ долго. Ворчливое выраженіе на лицѣ ея мигомъ

смѣнилось какою-то довольною заботливостью. Она бросилась къ печкѣ, вынула одинъ за другимъ нѣсколько горшковъ, поставила ихъ на столъ противъ образовъ и приготовила все нужное для сытной трапезы; послѣ этого, старуха поспѣшно набросила на голову старый зипунъ, зажгла лучину и, заслоняя ее ладонью отъ вѣтра, вышла въ сѣни. Тутъ пригнула она на бокъ голову и стала внимательно вслушиваться; убѣдившись, что слышанный ею шумъ происходилъ единственно отъ бури, старуха захлопнула дверь на крылечко и вошла въ коморку или чуланъ, прилѣпленный, какъ ласточье гнѣздо, къ одному изъ угловъ сѣней. Сквозь щели этого чулана, сколоченнаго живьемъ изъ досокъ, не только проходилъ свободно вѣтеръ, но даже сѣялся въ изобиліи снѣгъ, и многихъ трудовъ стоило старостихѣ найдти укромное мѣсто для лучины; приткнувъ ее наконецъ кой-какъ за пустую бочку, она вытащила изъ-подъ нары сундучокъ, отворила его помощью витого ключика и принялась выкладывать на полъ разное добро; поочередно выступили, одна за другою, старыя понявы, куски холста, мотки, коты, низанные бисеромъ подзатыльники и наконецъ полотенца; добравшись до послѣднихъ, старуха бережно отложила два изъ нихъ въ сторону и продолжала разбирать свое имущество. Она уже подбиралась къ самому дну сундучка, какъ вдругъ на крылечкѣ послышалось топанье чьихъ-то ногъ; старостиха насторожила слухъ и затаила дыханіе. Раздавшійся немного погодя кашель возвратилъ, однакожъ, спокойствіе на лицо ея; откашлянувшись въ свой чередъ, она сунула подъ мышку отложенныя два полотенца и, приподнявъ надъ головою лучину, вернулась въ сѣни; задвижка щелкнула, дверь на крылечко отворилась, и въ сѣни вошла, покрякивая и оттаптывая ноги, дюжая, плечистая баба съ пухлыми щеками и крошечными черными глазками, которые бѣгали, какъ мышенки, не смотря на то, что имъ, очевидно, тѣсно становилось посреди многочисленныхъ складокъ, образовавшихся отъ наплывшаго жиру. Въ одной рукѣ держала она довольно полновѣсный горшокъ, прикрытый тряпицею; другая рука ея придерживала на груди прорванную шубейку, которая

прикрывала ей плечи и голову. Увидя передъ собой старостиху, дюжая баба приподняла горшокъ такъ, чтобы онъ бросился ей тотчасъ же въ глаза, и поклонилась.

— Здравствуй, Домна Емельяновна, добро пожаловать! произнесла та, кланяясь въ свою очередь.

Вслѣдъ затѣмъ, она прикрыла полою зипуна лучину и отошла немного въ сторону.

— А что, касатушка, никого у васъ нѣтъ? прохрипѣла Домна, осматриваясь нерѣшительно на стороны.

— Никого, родная, всѣ, и малы и велики, со двора ушли, отвѣчала старостиха, утвердительно моргая глазами.

Услыша это, гостья мгновенно пріободрилась, отряхнула снѣгъ, покрывавшій шубейку, постучала ногами объ полъ и оправилась. Послѣ того, она повернулась спиною къ хозяйвѣ и, обмакнувъ нѣсколько разъ сряду жирную ладонь свою въ горшокъ, принялась опрыскивать какою-то жидкостью притолку, стѣны, сѣничекъ и порогъ, нашептывая что-то подъ носъ. Старостиха стояла во все это время въ углу, какъ стопочка, и только моргала глазами; сморщенное лицо ея поворачивалось и слѣдило однакожъ подобострастно за каждымъ движеніемъ гостьи. Наконецъ, она проворно вынула одно полотенце и улучивъ минуту, когда Домна окончила причитанье, подала его съ поклономъ.

Ощупавъ полотенце, Домна снова повернулась спиною, покосилась на старуху, и сдѣлавъ видъ, какъ-будто обтираетъ имъ спрыснутые дверь и полъ, спрятала его за пазуху. Послѣ того, она закрыла горшокъ, поставила его на полъ и подошла къ старостихѣ, какъ ни въ чемъ не бывало *).

— Спасибо тебѣ, Домна Емельяновна, что понавѣдалась, сказала старостиха, отвѣшивая маховой поклонъ:—а я ужъ чаяла, касатка, ты за мятелью-то не зайдешь ко мнѣ; выходила за ворота, смотрю: гудетъ погода; нѣтъ, думаю, не бывать тебѣ...

---

*) Обрядъ этотъ совершается на Васильевъ вечеръ и извѣстенъ въ Великороссіи подъ названіемъ: «смываніе лихоманокъ». Смываніе производится (какъ увѣряютъ, по крайней мѣрѣ, плутовки, пользующіяся довѣріемъ поселянъ) снадобьемъ изъ четверговой соли, золы изъ семи печей и угля, выкопаннаго въ Ивановъ день изъ-подъ чернобыльника.

— И-и-и... Христосъ съ тобою, съ чего жъ не бывать? ужь коли посулила, стало приду, отвѣчала скороговоркою Домна:—да и пригожее ли дѣло, родная, солгать въ такую пору...

— То-то, болѣзная! зайди въ избу, Емельяновна—отогрѣйся.

— Спасибо тебѣ на ласковомъ словѣ, отвѣчала Домна.

Старостиха отворила дверь и обѣ вошли въ избу.

Хозяйка засуетилась у печки и, пригласивъ гостью присѣсть къ образамъ, поставила передъ ней скляницу, заткнутую ветошью, вмѣстѣ съ толстенькимъ стаканчикомъ, вертѣвшимся на донышкѣ, какъ волчокъ. Гостья не долго отнѣкивалась, выпила вино бычкомъ, т. е. однимъ духомъ до послѣдней капельки, и, кашлянувъ, закусила пирожкомъ съ кашей.

Вообще должно сказать, Домна не была ни въ какомъ случаѣ бабою ломливой или привередливой. Баба была бойкая, острая! Да и можно ли по настоящему, быть иначе сиротѣ безпріютной, вдовѣ безпомощной? Извѣстно: живешь мірскимъ состраданіемъ, пробавляешься чужими крохами; тутъ всякій, того и смотри, сядетъ тебѣ на плечи, да еще спасибо скажешь, коли шею не наколотятъ,—на чести людской не уѣдешь далеко! Домна знала это какъ нельзя лучше, и потому, желая избѣгнуть, по возможности, сиротской невзгоды, норовила всегда сѣсть сама на чужія плечи. «И будь безъ хвоста, да не кажися кургузъ», говоритъ пословица. И такъ ловко вела она свое дѣльце, что никто не пенялъ на нее; каждый. напротивъ, встрѣчалъ ее съ поклономъ и принималъ съ почетомъ. Съ уголька ли спрыснуть, заговорить ли отъ прострѣла, смыть ли лихоманку, — вездѣ и всегда она одна. Незадолго еще до настоящаго времени, слыла она первою запѣвалкою и хороводницею во всемъ околоткѣ; никто не подлаживалъ такъ складно подъ пѣсню въ обломокъ косы, никто не выплясывалъ и не разводилъ такъ ловко руками, ни чей голосъ не раздавался звучнѣе; но съ тѣхъ поръ, какъ надорвала она горло на гулянкѣ въ день приходскаго праздника, и голосъ ея, дребезжавшій на всеобщее удивленіе, какъ не-

подмазанное колесо, захрипѣлъ, какъ у опоенной клячи,— слава ея въ околоткѣ стала еще почетнѣе. Лѣшій ее знаетъ, какъ она это дѣлала, — но теперь въ сосѣднихъ деревняхъ безъ Домны, — что безъ праваго глазу. Безъ нея не обходится ни одна свадьба, потому что, не будь Домны, и свадьбѣ бы не состояться; она поклонилась отцу, поклонилась матери—и уладила дѣльце; на пирахъ является она бабкою позываткой, —первая затѣваетъ пляску, первая пьетъ сусло и бражку. Въ зимніе, долгіе вечера Домна—не баба, а просто золото. Она все знаетъ: кто хочетъ или задумалъ только жениться, кого замужъ выдаютъ, гдѣ и за что поссорились люди; тамъ строчитъ она сказку узорчатую, тутъ поворожитъ, здѣсь спрыснетъ студенцемъ, — словомъ, на все про все. И крова, кажись, нѣту, и мужа нѣту—сирота какъ есть круглая, а живетъ-себѣ припѣваючи. Да и о чемъ тужить? Сама не разъ говорила Домна:—«И то правда, касатушки, подъ окошечкомъ выпрошу, подъ другимъ съѣмъ, подъ третьимъ высплюсь,—поддевочка-то сѣра, да волюшка-то своя!..»

Такъ вотъ какова была гостья старостихи.

— Ну, что̀, касатка, я чай, у сосѣдей была? спросила старостиха, придвигая къ ней пирогъ.

— Какже, родная, скороговоркою отвѣчала Домна, косясь однимъ глазомъ на скляницу, другимъ на чашку съ гороховымъ киселемъ:—когда жъ и быть-то, какъ не нынче? кому охота напустить къ себѣ въ домъ злую лихость? та—Домна Емельяновна, пособи, другая также!— Ну, я не отнѣкиваюсь отъ добраго дѣла; вѣстимо, долго ли накликать бѣду; о-охъ! знамо, не простой день, касатка,—Васильевъ вечеръ... Нонѣ, болѣзная ты моя, лихоманку-то выпираетъ изъ преисподней морозомъ... Вотъ она и снуетъ, окаянная, по свѣту,—ищетъ виноватыхъ; гдѣ теплая изба, туда и она... притаится, это, за простѣнокъ али притолку, и ждетъ, нечисть, не подвернется ли кто... Я сама ихъ видала, всѣхъ сестеръ видала... ужъ въ чемъ, кажись, только душа есть: тощія, слѣпыя, безрукія такія... а не самой изъ дому — затрясутъ, поди, до смерти, — прибавила Домна, надламывая пирожка и взглядывая на старостиху, которая сидѣла

противъ нея на лавочкѣ и, прищурившись, какъ кошка на печкѣ, мотала въ тягостномъ раздумьи головою.

— Вотъ, скажу тебѣ, продолжала Домна;—видѣла я мужика въ Груздочкахъ, такъ ужъ подлинно жалости подобно... И здоровъ былъ, и рослъ, что̀ хмѣлина въ весну, а какъ напала, это, она на него,—похирѣлъ, словно трава подкошенная... А все отъ того, что жена его поартачилась, да не пустила смыть лихоманку въ Васильевъ вечеръ...

— Ахти, касатка, эки дѣла какія! что-жъ она, — недобрая мать,—злобу какую на мужа-то имѣла?.. спросила старостиха.

— А кто ее знаетъ, — я не мало ее тогда уговаривала...

— Да что-жъ ты, родная, не пьешь, не ѣшь ничего... произнесла хозяйка, принимаясь суетиться: — не позорь нашего хлѣба-соли... выпей еще стаканчикъ...

— Спасибо тебѣ на ласковомъ словѣ, отвѣчала Домна, радостно принимая приглашеніе:—ну, такъ вотъ, родная, какъ начала она трясти его, трясла ужъ она это, трясла, чуть не до смерти, насилу отшептали, совсѣмъ было сгибъ человѣкъ... Да постой, не нынче, такъ завтра у насъ въ деревнѣ прилучится такое дѣло,—коли еще не хуже...

— О-охъ! произнесла старостиха, со страхомъ озираясь на сторону:—что-жъ такое, родная?..

— А вотъ что̀, отвѣчала Домна, отдувая багровыя свои щеки: — захожу это я нынче, объ утро, къ Василисѣ, сосѣдкѣ твоей, вѣстимо, касатка, не изъ корысти какой, чтобъ мнѣ сошлось что за хлопоты, захожу къ ней,—а такъ, по простотѣ моей сиротской; извѣстно, люди бѣдные, нешто̀ съ нихъ возьмешь... Маешься ты, говорю, Василиса, съ своимъ сыномъ, дай, говорю, отведу я отъ него нечистую силу, нынче только, говорю, и можно образумить каженника, — сама, чай, вѣдаешь, день какой,—куда-те, и слышать не хочетъ; да это бы еще ништо, Богъ съ ней, а то, туда же, окрысилась на меня: вы, говоритъ, по деревнѣ про сына пустили толки, то да се... Ну, думаю себѣ, дѣлай какъ знаешь, сама на

послѣдяхъ спокаешься, не сдобровать тебѣ съ твоимъ каженникомъ *).

Тутъ Домна покосилась украдкою на старостиху и сказала, понизивъ голосъ:

— Ты, касатка, не подпущай его, смотри, близко къ дому; я давно хотѣла съ тобой, на досугѣ, глазъ на глазъ поговорить...

Старостиха насторожила уши.

— Онъ, слышала я отъ добрыхъ людей, продолжала таинственно Домна:—за твоей дочкой увивается... избави Господи!.. У каженниковъ дурной глазъ! того и смотри, испортитъ дѣвку...

— Что ты, касатка,—охъ!.. Да подступись онъ только... Да я и ему-то, и его матери-то всѣ глаза выплюю!.. возразила съ негодованіемъ старостиха: — я, родная, какъ только провѣдала про эвто дѣло, и дочь-то не пускаю со двора, зарокомъ наказала не ходить за ворота...

— То-то, болѣзная, я не въ проносъ говорю тебѣ такое слово; ты дѣвку-то свою не пущай, а онъ, окаянный, все возьметъ свое, коли заберетъ на умъ, — напуститъ на нее лихость,—а ты поди плачь, тоскуй опосля... По-моему, до грѣха, надо отводить его какъ ни-на-есть отъ нее, чтобъ дѣвка-то опостыла ему, — безъ этого не миновать вамъ бѣды... Ужъ лучше, коли на то пошло, продайте вы ее въ чужую деревню, я и женишка пріищу. Такого ли жениха вамъ надыть! Да ему и въ ротъ не вкинется, и во снѣ не приснится такое счастье... Она у тебя пригожѣе всѣхъ молодицъ села... Вотъ довѣдалась я (люди добрые сказывали), и она, Василиса-то, на то же норовитъ; стану, говоритъ, просить барина!.. Пригодное-ли дѣло, касатка, вамъ съ ними родниться? шишь—голь, да и полно! Вамъ просвѣту не дадутъ: вишь, скажутъ, породнились съ кѣмъ!.. Вѣстимо, кто про что: другому и крохи пропустить нечѣмъ, да добрый человѣкъ, а этотъ, болѣзная ты моя, каженникъ! Ужъ что это за человѣкъ! чурается добрыхъ людей, словно собакъ паршивыхъ, ни

*) Каженникомъ называютъ въ деревняхъ человѣка, одержимаго меланхоліей или душевною тоскою, а иногда просто безъ причины. Не ходитъ парень въ хороводы—ну, и каженникъ!

съ кѣмъ слова не промолвитъ, ни въ пляску, ни въ пѣсни... я тебѣ говорю: отлучи ты его до бѣды отъ дѣвки-то!..

— Оо-хъ! я и сама о томъ думаю, касатушка... помоги, Домна Емельяновна, произнесла съ явнымъ безпокойствомъ старостиха: — рада служить тебѣ всѣмъ добромъ,—отведи ты его, Богъ съ нимъ! отъ моей дочери...

Тутъ старостиха привстала съ лавки, поклонилась гостьѣ и положила передъ ней на столъ второе полотенце...

— Спасибо тебѣ на ласковомъ словѣ, отвѣчала Домна, спрятавъ полотенце, какъ бы невзначай, за пазуху: — рада и я служить тебѣ,—изволь, помогу,—слушай...

И Домна подсѣла уже къ старостихѣ и прильнула къ ея уху,—но въ самую эту минуту раздался такой сильный ударъ въ ворота, что обѣ бабы невольно подпрыгнули на лавочкѣ.

— Охъ, родная! воскликнула Домна, бросаясь впопыхахъ изъ одного угла въ другой: — никакъ мужъ твой идетъ,—вотъ накликали бѣду!..

Старостиха въ это время подбѣжала къ окну, подняла его и выглянула на улицу.

— Нѣтъ, касатка, не онъ! крикнула она, просовываясь въ избу и обращаясь къ Домнѣ, которая стояла уже въ дверяхъ:—не онъ; вѣтеръ сорвалъ доску съ надворотни,—не бойся, — онъ у Савелія на вечеринкѣ и не скоро вернется,—сиди безъ опаски.

— Охъ, касатка, всполохнулась я добре, вымолвила гостья, отдуваясь и прикладывая ладонь къ лѣвому боку:— ну, кабы онъ, бѣда, думаю;—сердчаетъ онъ на меня... а сама не знаю за что... провалиться мнѣ, стамши, коли знаю...

Но рѣчь Домны снова была прервана такимъ страшнымъ грохотомъ подъ воротами, у плетней и подъ навѣсами, какъ будто буря, собравъ всѣ силы свои, разомъ ударила на избу старосты.

— Съ нами крестная сила! пробормотала хозяйка дома, творя крестное знаменіе.

— Охъ, не къ добру, родная, проговорила Домна, крестясь въ свою очередь:—слышь, какъ вдругъ все загудѣло... Охъ, вотъ такъ-то, какъ шла я къ тебѣ... иду,—

вдругъ, отколѣ ни возьмись, замело меня совсѣмъ и зги не видно: куда идти, думаю, и сама не знаю; стою это я, касатка, — слышу, кто-то словно подлѣ меня всплакался... да жалостливо такъ... Охъ, не къ добру...

Мало-по-малу однакоже и хозяйка, и гостья успокоились. Буря пронеслась мимо. — Старостиха бережно заперла двери и снова сѣла на лавочку; Домна откашлянулась, нагнулась къ ея уху и стала ей что-то нашептывать.

IV.

Чижикъ пыжикъ, у воротъ,
Воробышекъ махонькой,
Эхъ, братцы, мало насъ!
Голубчики, нежножко...
Иванъ сударь,—поди къ намъ,
Андреевичъ, приступись.

Народная пѣсня.

Парашѣ страхъ однакожъ прискучило сидѣть подъ окнами своей избушки. Въ первое время, послѣ того, какъ проводила она маленькихъ сестеръ и братьевъ за ворота, ее радовало, что привелось, по крайней мѣрѣ, разъ посидѣть свободно на улицѣ, что, можетъ статься, удастся хоть издали прислушаться къ веселымъ пѣснямъ подругъ; полная такихъ мыслей, она не замѣчала скуки, пока наконецъ не увидѣла ясно, что ожиданія обманули ее. Сколько ни напрягала она вниманія, — всюду слышался ревъ бури, которая, врываясь поминутно въ деревню, грозно завывала, метаясь изъ конца въ конецъ улицы; глухая ночь царствовала повсюду; изрѣдка лишь, проникая мракъ, сквозь снѣжную сѣть, мелькали кое-гдѣ, какъ искры, огоньки дальнихъ избушекъ. Параша не понимала, куда такъ скоро могла дѣться рѣзвая толпа ребятъ и дѣвокъ, недавно еще шумѣвшихъ подъ ея окнами.

«Неужто запугали ихъ мятель и холодъ?» подумала она, стараясь проникнуть въ сотый разъ темноту, ее окружавшую:—«чего-жъ тутъ бояться?.. О! еслибъ только дали мнѣ волю присоединиться къ нимъ, я бы всѣхъ

ихъ пристыдила. А можетъ быть, они забились въ избы, не страха ради, а ради забавы... Я чай, гадаютъ они, или наряжаются... куда какъ весело!..» Параша взглянула на окно своей избушки и загрустила еще сильнѣе прежняго. Не смѣя ослушаться матери, но совсѣмъ тѣмъ не желая вернуться въ скучную избу,—она подошла къ заваленкѣ, оттоптала снѣгъ въ углу, между стѣною и выступомъ бревенъ, прикуталась съ головою подъ овчиннымъ своимъ тулупчикомъ и, съежившись клубочкомъ, какъ котенокъ, закрывъ глаза, принялась съ горя умомъ раскидывать. Она мысленно переносилась въ каждую избу; тамъ невидимкою присутствуетъ она посреди веселаго сборища; тутъ прислушивается къ говору парней; здѣсь подруги наряжаютъ ее: она смотрится въ крошечное оправленное зеркальцо, — глядитъ и глазамъ не вѣритъ, какъ пристала къ ней высокая шапка съ золотомъ, синій кафтанъ и красная рубаха съ пестрыми ластовицами; въ другомъ мѣстѣ... но не перечесть всего, о чемъ думаетъ молоденькая дѣвушка. Кончилось тѣмъ, что Параша не утерпѣла, сбросила съ головы овчину, заглянула въ окно къ матери, и убѣдившись, вѣроятно, что съ этой стороны не предстояло опасности, — соскочила съ заваленки и украдкою подобралась къ сосѣдней избѣ.

Изба эта, — хилая лачужка, занесенная почти до верху снѣгомъ, отдѣлялась всего-на-все отъ избы старосты длиннымъ навѣсомъ, и Парашѣ стоило только сдѣлать нѣсколько прыжковъ, чтобы очутиться подъ единственнымъ ея окошкомъ.

Дѣвушка прильнула свѣженькимъ своимъ личикомъ къ стеклу, сквозь которое проникалъ огонекъ, и, затаивъ дыханіе, долго смотрѣла во внутренность избушки. Но и тутъ, казалось, ожиданія обманули ее. Параша нахмурила тоненькія свои брови и думала уже вернуться назадъ, когда совершенно неожиданно до слуха ея коснулся чей-то тоненькій голосокъ. Голосъ выходилъ изъ ближайшаго овина; Параша притаилась въ уголъ и стала вслушиваться; голосъ, очевидно принадлежавшій женщинѣ, напѣвалъ между тѣмъ протяжно:

Ай звѣзды, звѣзды,
Звѣздочки!
Всѣ вы, звѣзды,
Одной матушки,
Бѣлрумяны вы,
И дородливы!..
Гляньте, выгляньте
Въ эту ноченьку!..

«Это, должно быть, Кузнецова Дунька загадываетъ себѣ счастье... подумала Параша:—но гдѣ же видитъ она звѣзды?..—продолжала она, прикутываясь въ тулупчикъ и поднимая кверху голову:—ухъ! какъ темно и страшно... ну, долго же придется ей ждать звѣздочку... А что́, всѣ вѣдь нынче гадаютъ... дай-ка и я себѣ загадаю... что-то мнѣ выпадетъ?..» Послѣднее заключила она, стоя уже подлѣ своей избы; она оглянулась сначала на всѣ стороны, потомъ обратилась снова почему-то къ сосѣдней лачужкѣ и произнесла на-распѣвъ:

Взалай, взалай, собаченька,
Взалай, сѣренькой волчокъ!
Гдѣ собачка залаетъ,
Тамъ и мой суженой...

Но каково же было удивленіе дѣвушки, когда съ сосѣдняго двора, какъ нарочно, отозвался лай собаки. Лай замолкъ, а Параша все еще стояла, какъ прикованная на мѣстѣ; сердце ея билось сильнѣе; не довѣряя своему слуху, она готовилась повторить пѣсню, но голоса и хохотъ, раздавшіеся внезапно съ другого конца улицы, привлекли ея вниманіе.

— Тащи, каженника, тащи его!.. что онъ взаправду артачится... тащи его, ребятушки, пущай наряжается съ нами... тащи его, — не слушай, кричалъ кто-то, надрываясь со смѣху.

Параша бросилась сломя голову на заваленку, вытянула впередъ голову и, казалось, боялась проронить одно слово. Голоса и хохотъ приближались съ каждою минутой; вскорѣ различила она толпу, которая направлялась прямо къ ея избѣ.

— Ребята, никакъ у старосты огонь! катай туда! закричалъ тотъ же голосъ, по которому Параша тотчасъ же узнала перваго озорника деревни, Гришку Силаева:

полно тебѣ, Алешка, козыриться, не топырься;—сказано, что не выпустимъ, такъ стало такъ и будетъ; полно тебѣ слыть каженникомъ, пришло время развернуться, мы изъ тебя дурь-то вызовемъ... Тссс!.. тише, ребята, ни гугу! дѣвки, полно вамъ шушукаться! никакъ кто-то сидитъ у старосты на заваленкѣ...

— Дѣвушки, касатушки... охъ!.. заговорило въ одно время нѣсколько тоненькихъ голосковъ.

— Ну, чего вы жметесь другъ къ дружкѣ, чего? небось не съѣдятъ, шепнулъ Гришка Силаевъ:—ступайте за мной...

И толпа наряженныхъ, стиснувшись въ одну плотную кучку, пододвинулась ближе. Гришка сдѣлалъ шагъ впередъ, и вдругъ залился звонкимъ, дребезжащимъ хохотомъ.

— Э! такъ это вотъ кто! — здравствуй, старостина дочка, произнесъ онъ, снимая обѣими руками шапку и кланяясь Парашѣ чуть не въ ноги.

— Дѣвушки, касатушки, и вправду она! воскликнули дѣвушки, окружая подругу: — что ты здѣсь дѣлаешь? пойдемъ съ нами, полно тебѣ сидѣть,—смотри, какъ мы нарядились! пойдемъ!..

— Нѣтъ, мнѣ нельзя... я и рада бы, да право нельзя, касатушки... того и смотри, матушка позоветъ... отвѣчала Параша, заглядывая вправо и влѣво и какъ бы желая различить кого-то въ толпѣ.

— А развѣ матушка твоя дома? спросилъ Гришка.

— Дома.

— И отецъ дома?

— Нѣтъ, отецъ у Савелія на вечеринкѣ.

Гришка радостно хлопнулъ въ ладоши, прыгнулъ на заваленку и столкнулся носъ съ носомъ со старостихою, которая совершенно неожиданно отворила окно и высунулась на улицу. Гришка свистнулъ и бросился въ самую середину толпы, которая откинулась въ сторону.

— Ахъ вы, проклятые!.. Кто тамъ?.. Чего вамъ надыть?.. пошли прочь, окаянные!.. Парашка! Парашка!—что те не докличешься.. ступай въ избу, гдѣ ты? о! постой, я тебя проучу!..

Параша откликнулась, набросила на голову полушубокъ и, вздохнувъ, отправилась къ воротамъ.

— Параша, крикнулъ ей въ слѣдъ Гришка: — кланяйся маменькѣ! — цѣлуй у ней ручки; скажи, что всѣмолъ мы, слава Богу, здоровы и ей того желаемъ...

— Ахъ ты охлестышъ поганый! взвизгнула старостиха, высовываясь по грудь изъ окна: — погоди, постой,—я тебѣ дамъ знать!..

— Что ты, маменька, глотку-то дерешь?.. не обиждайся, за добрымъ дѣломъ къ тебѣ, родная... отозвался Гришка, пробираясь украдкою съ огромнымъ комкомъ снѣга подъ полою:—приходили звать тебя въ гости; неравно обознаешься; ищи ты насъ вотъ какъ: ворота досчатые, собака новая, въ избѣ два окна, какъ найдешь,— прямо придешь! заключилъ онъ, пуская комокъ въ старостиху, которая успѣла однакожъ во-время захлопнуть окно.

Толпа захохотала.

— Эхъ, промахнулся! произнесъ Гришка, отряхая руки:—а жаль, кабы не обмишулился, было бы чѣмъ закусить... ишь ее, баба-яга какая... Ребята, на зло же ей, слушай: старосты нѣтъ, пойдемте къ ней въ избу... выворотимъ каженнику овчину, онъ будетъ медвѣдемъ, а я вожакомъ; ладно, что ли? Ну, Михайло Иванычъ, поворачивайся, да не пяль глаза на стороны, — сказано не выпустимъ, пойдешь съ нами! прибавилъ онъ, стаскивая полушубокъ съ плечъ молодого парня, который впрочемъ, довольно охотно поддавался.

— А ну, быть, стало, по вашему! неожиданно воскликнулъ молодой парень, отрывая глаза отъ старостина окна и принимая какъ-будто рѣшительное намѣреніе: — давайте овчину, я самъ выворочу... Ну, такъ, ладно что ли? заключилъ онъ, просовывая ноги въ рукава вывороченной овчины и тяжело поворачиваясь передъ толпою, которая разразилась звонкимъ смѣхомъ.

— Ай да молодецъ! заревѣлъ Гришка, топая въ восторгѣ ногами:—я вамъ говорилъ; на него только наговорили, какой онъ каженникъ! Давай другую овчину, закутаемъ его голову! Такъ. Ну-ка-сь, Михайло Иванычъ: а

какъ ребята за горохомъ хаживали... ну-у-у! ай да Алёха! Я говорилъ вамъ, не сплохуетъ! Онъ только прикидывался тихоней, а они ему вѣрили... Ребята, крикнулъ Гришка, останавливая толпу, которая уже двинулась къ воротамъ старостиной избы:—стойте! по моему вотъ что̀: дайте ей, старой вѣдьмѣ, опомниться; она теперь взбѣленилась, такъ ужь заодно придется ей сердчать... дадимъ-ка ей лучше простыть, да тогда, на спокоѣ-то и потревожимъ ее, пущай-де знаетъ. Пойдемте, какъ есть, слѣдомъ къ Савелью, теперь пиръ горой; народу тамъ гибель, потѣшимся на славу,—а тамъ сюда добро пожаловать... такъ что ли!..

— Пойдемте, пойдемте! отозвались всѣ разомъ.

И толпа, повернувшись лицомъ къ вѣтру, весело понеслась за Гришкой на другой конецъ деревни. Но не достигла она и половины дороги, какъ вдругъ буря, смолкнувшая на время, снова ударила всей своей силой; все помутилось вокругъ, и наряженные наши не успѣли сдѣлать одного шагу, какъ уже увидѣли себя окруженными со всѣхъ сторонъ вихремъ.

— Держись, не вались! крикнулъ Гришка, сгибаясь въ три погибели и становясь спиною къ мятели:—наша возьметъ, стой крѣпче, не робѣй! Эй вы, любушки, голубушки, присовокупилъ онъ, пробираясь къ дѣвушкамъ:—что пришипились? играйте пѣсни!..

— Полно тебѣ, Гришка... Охъ, дѣвушки, страшно! охъ, касатушки, страшно!—раздавалось то съ одной стороны, то съ другой.

— Страшно... у! у! у!.. произнесъ Гришка, становясь на четвереньки и принимаясь то хрюкать свиньею, то выть волкомъ: — ой, дѣвушки, смотрите-ка, смотрите... вонъ вѣдьма на помелѣ ѣдетъ, ей-ей вѣдьма,—у! смотри сторонись, хвостомъ зацѣпитъ!..

Дѣвушки, прятавшіяся другъ за дружкою, подняли головы и вдругъ испустили пронзительный крикъ. Въ сторонѣ, за мятелью, послышался дѣйствительно чей-то прерывающійся, замирающій стонъ... Въ эту самую минуту, вѣтеръ рванулъ сильнѣе, вихрь пронесся мимо и въ мутныхъ волнахъ снѣга, между сугробами, показался

страшный образъ старика съ распростертыми впередъ руками...

Но толпа успѣла уже разбѣжаться во всѣ стороны.

V.

За дубовы столы,
За набраные,
На сосновыхъ скамьяхъ,
Сѣли званые.
На столахъ куръ, гусей,
Много жареныхъ,
Пироговъ, ветчины
Блюда полныя!

Кольцовъ.

Между тѣмъ, пирушка у Савелія шла на славу; народу всякаго, званаго и незванаго, набралось къ нему такое множество, что кажись пришелъ бы еще одинъ человѣкъ, такъ и мѣста бы ему не достало. Даже подъ самымъ потолкомъ торчали головы; послѣднія, впрочемъ, принадлежали большею частью малолѣтнимъ парнишкамъ и дѣвчонкамъ, которые, будучи изгоняемы отовсюду, рѣшительно не знали уже куда приткнуться. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, сидѣть дома, когда у сосѣда вечеринка, да еще въ какое время — въ святки? Того и смотри нагрянутъ наряженые, пойдутъ пляски, пѣсни... деревенскимъ ребятамъ все въ диковину! И вотъ, томимые любопытствомъ, пробираются они сквозь перекрестный огонь пинковъ и подзатыльниковъ, карабкаются на лавки, всползаютъ на печку и палати, мостятся другъ на дружку, только лишь бы поглядѣть на веселье. Между ними попадаются такіе бойкіе, которые, не зная куда дѣвать маленькаго братишку, заснувшаго у нихъ на рукахъ, забрались вмѣстѣ съ нимъ на зыбкую перекладинку, — и висятъ — себѣ, какъ бы ни въ чемъ не бывало.

Въ избѣ жарко, какъ на полкѣ; никто однакожъ не думаетъ отступать къ двери; каждый, напротивъ того, наровитъ изо всей мочи, какъ бы протискаться впередъ, къ красному углу, гдѣ происходитъ угощенье. Тамъ за

столомъ, покрытымъ рядномъ, обложеннымъ по краямъ ложками и обломками пироговъ и хлѣба, сидѣли гости званые и почетные. На самомъ первомъ мѣстѣ, подъ образами, въ которыхъ дробился свѣтъ восковой свѣчки вмѣстѣ со свѣтомъ сальнаго огарка, воздвигнутаго на столѣ, бросался прежде всего въ глаза мельникъ и жена его, оба толстые, оба красные какъ очищенная свекла, оба, повидимому, готовые лопнуть отъ жиру. Подлѣ нихъ, по правую руку, сидѣлъ пономарь изъ чужой вотчины, долговязый, рябой какъ кукушка, косой какъ заяцъ, съ вострымъ обточеннымъ носомъ и коротенькой взъерошенной косичкой на затылкѣ; жаръ дѣйствовалъ на него совсѣмъ иначе, чѣмъ на мельника: онъ, казалось, сушилъ и коробилъ его какъ щепку. Подлѣ пономаря сидѣлъ сотской,— крошечный, мизерный, мозглявый старикашка лѣтъ семидесяти-пяти, но живой и вертлявый, щупавшій поминутно то медаль на груди форменной инвалидной шинели, то дергавшій себя за кончики сѣдыхъ волосъ, изрѣдка торчавшихъ по обѣимъ сторонамъ лысины; слезливые глаза его щурились постоянно, тогда какъ ротъ, украшенный однѣми деснами, былъ постоянно открытъ и сохранялъ такое выраженіе, какъ будто сотскаго парилъ кто-то сзади наижесточайшимъ образомъ самымъ жгучимъ вѣникомъ. По лѣвую руку мельника находился знакомый уже намъ староста и рядомъ съ нимъ хозяинъ дома — рыжій, плечистый мужикъ, такой же толстый почти, какъ мельничиха. Съ обоихъ потъ катилъ градомъ, но оба не замѣчали этого и, казалось, были очень довольны сосѣдствомъ другъ друга, потому то-и-дѣло обнимались. По обѣимъ сторонамъ описанныхъ лицъ, на лавочкахъ подлѣ стола и немного поодаль, сидѣли еще гости, тоже званые, но менѣе почетные. Тутъ были и старики, и молодые, и бабы съ ихъ ребятами; всѣ они расположились семьями: гдѣ мужъ съ женой, гдѣ старуха съ снохой. Каждая семья явилась въ гости съ своей чашкой и ложками; радушіе хозяевъ ограничивалось снабженіемъ съѣстнымъ; и такъ какъ хозяйка приготовила кисленькаго и солененькаго въ волю, а хозяинъ припасъ чѣмъ и ротъ прополоснуть, то гости были очень довольны. Немолчный

говоръ, восклицанія, хохотъ, раздававшіеся вокругъ стола, свидѣтельствовали довольство присутствующихъ. Но всѣхъ довольнѣе былъ, повидимому, все-таки самъ хозяинъ.

— Лександръ Елисѣичъ, сватъ! кумушка Матрена Лексѣвна! Кондратій Захарычъ! — еще стаканчикъ, милости просимъ, понатужьтесь маленько... кричалъ Савелій, приподымаясь поминутно съ штофомъ въ одной рукѣ, съ стаканомъ въ другой, и кланяясь поочередно каждому изъ гостей своихъ: — Лександръ Елисѣичъ, что жъ ты, откушай, —полно тебѣ отнѣкиваться,—ну, хошь пригубь, прибавилъ онъ, обращаясь настойчивѣе къ мельнику, который пыхтѣлъ, какъ быкъ, взбирающійся на гору.

— О-охъ! не много ли, примѣрно, будетъ, Савелій Трофимычъ, отвѣчалъ гость; но взялъ однакожъ стаканъ, тягостно возвелъ къ потолку тусклые, водянистые глаза свои, испустилъ страдальческій вздохъ и, проговоривъ: «Господи, прости намъ прегрѣшенія наши!», выпилъ все до капельки.

— Гости дорогіе, милости просимъ: Данила Львовичъ, ты что? аль боишься уста опорочить? пей, да подноси сосѣду, продолжалъ Савелій, передавая штофъ старостѣ и подмигивая на пономаря, который сидѣлъ, раскрывъ ротъ, какъ птица, умирающая отъ жажды, что не мѣшало ему однакожъ, усердно вертѣть лѣвымъ глазомъ вокругъ мельничихи. — Дядя, а дядя, дядя Щеголевъ! полно тебѣ раздобарывать, успѣешь еще наговориться... Эхъ, а еще куражился: всѣхъ, говорилъ, положу лоскомъ! что-жъ ты?.. Хороберъ, видно, на словахъ! заключилъ Савелій, протягивая руку къ сотскому, который разсказывалъ что-то мельнику.

— Подноси, подноси знай, да не обноси! захрипѣлъ старикашка, заливаясь удушливымъ, разбитымъ смѣхомъ; онъ взялъ стаканъ, бодро привсталъ съ мѣста, произнесъ: «всѣмъ гостямъ на бесѣду и во здравіе!»—выпилъ вино, крякнулъ и постучалъ себя стаканомъ въ голову.

— Вишь, балагуръ, занятный какой! ай-да Щеголевъ! раздалось со всѣхъ концовъ посреди хохота.

— Такъ какъ же тяжко, примѣрно, вамъ было въ ту пору? спросилъ мельникъ, когда усѣлся Щеголевъ.

— А ты думаешь какъ? возразилъ Щеголевъ, бодрившійся и дѣлавшійся словоохотливѣе по мѣрѣ того, какъ штофы пустѣли:—куда жутко пришлось: народъ весь разбѣжался; избы, знаешь ты, супостатъ раззорилъ, очистилъ все до послѣдняго зернышка; сами прохарчились... захочешь пирожка,—ладно молъ,—льду пососешь; захочешь щецъ,—воды похлебай, а другого чего и не спрашивай!..

— А что, примѣрно, бывалъ самъ въ сраженіи? перебилъ мельникъ, выставляя впередъ подбородокъ и осѣняя ротъ крестнымъ знаменіемъ.

— И-и... Александръ Елисѣичъ, спросите, гдѣ онъ только не былъ, какихъ сраженій не видалъ, ходилъ подъ Кутузовымъ противъ француза,—подлинно любопытствія всякаго достойно! произнесъ пономарь, значительно обводя косыми глазами компанію, и потомъ стараясь снова сосредоточить ихъ на мельничихѣ, которая переминалась на одномъ мѣстѣ, какъ откормленная гусыня.

— Такъ ты Кутузова-то видалъ? сказываютъ, сильный, примѣрно, былъ человѣкъ... спросилъ мельникъ, глубокомысленно насупливая брови.

— Кутузова-то! воскликнулъ Щеголевъ, заливаясь снова разбитымъ своимъ смѣхомъ и хорохорясь несравненно болѣе прежняго:—а ты думаешь какъ!.. какъ сядетъ бывало на коня... ухъ!—ничего, говоритъ, не боюсь! Самъ батюшка-царь его жаловалъ; разъ на паратѣ собственноручно цѣловалъ его... Русакъ былъ, настоящій русакъ! Кутузовъ, говоритъ ему, возьми себѣ за услуги твои Смоленское... возьми ужъ, говоритъ, и Голенищева въ придачу! Вотъ такъ настоящій былъ воинъ! Ничего, говоритъ, не боюсь! куда ни покажется,—такъ лоскомъ и кладетъ супостата! какъ ты думаешь? самъ на конѣ сидитъ, а надъ нимъ, слышь ты, двуглавый россійскій орелъ летитъ... ничего, говоритъ, не боюсь!..

— Ну, а самъ-то ты, самъ, бывалъ въ сраженіяхъ? Страшно чай? продолжалъ разспрашивать Александръ Елисѣичъ.

— Чего страшно!—ничего не страшно! французъ ли, супостатъ ли... пали, да и только! бей его, врага-супостата! крикнулъ Щеголевъ, ударивъ кулакомъ по столу.

— Я чай, въ пушку ударили? вымолвилъ пономарь, выглядывая изъ-за мельничихи.

— Въ пушки ударили, въ барабаны забили,—пули и картечи летѣли намъ на встрѣчу! подхватилъ Щеголевъ, отчаянно потряхивая головою, въ которой начинала уже бродить нескладица.

— Лександръ Елисѣичъ, еще стаканчикъ, полно тебѣ спѣсивиться,—откушай! перебилъ Савелій.

— Нѣтъ, Савелій Трофимычъ, надо настоящимъ дѣломъ разсуждать, ей, ей, примѣрно, не по моготѣ...

— Кондратій Захарычъ, милости просимъ!..

— Много довольны, кушайте сами; много довольны вашимъ угощеньемъ, отвѣчалъ пономарь, принимая стаканъ и раскланиваясь на стороны.

— Кума, Матрена Алексѣевна, не обезсудь, просимъ покорно, продолжалъ хозяинъ, осклабляя зубы на мельничиху, которая сидѣла, понуривъ голову, съ видомъ крайняго изнеможенія:—понатужьтесь еще; дай тебѣ Господи долго жить, да съ нами хлѣбъ-соль водить...

Мельничиха допила вино, потупила глаза и прокатила стаканъ по столу, что значило, что она напрямикъ отказывалась.

— Сватъ Данила, угощайтесь,--ну, первинка тебѣ, что-ли!..

— Такъ и быть, согрѣшу,—обижу свою душу,—выпью, во здравіе и многолѣтіе!..

— Вотъ такъ-то... Эй, Авдотья, давай перемѣну! крикнулъ хозяинъ, упираясь спиною и локтями въ толпу, которая чуть не сидѣла на шеѣ, и оборачиваясь къ печкѣ, гдѣ слышался пискливый говоръ бабъ и звяканье горшковъ.

— Сейчасъ! отозвался пронзительный голосъ, покрывшій на минуту шумъ гостей; вслѣдъ затѣмъ послышались звуки, похожіе на то, когда ломаютъ щепки, но означавшіе въ сущности, что хозяйка отвѣсила нѣсколько подзатыльниковъ ребятамъ осаждавшимъ блюда; минуту спустя, изъ середины толпы выступила жена Савелія, сопровождаемая двумя снохами, державшими въ каждой рукѣ по огромной чашкѣ.

— Куманекъ, сватушка, кушайте, угощайтесь, милости просимъ; кумушка, Матрена Лексѣвна, прикушай, касатка; ты у насъ дорогая гостьюшка, сказала хозяйка— сухая, высокая баба съ сморщеннымъ лицомъ и провалившимися губами, которыя корчились и ежились, чтобы произвести привѣтливую улыбку:—кушайте, родные вы мои, — не судите хлѣбъ-соль, укланялись, угощаючи васъ, продолжала она, отвѣшивая маховой поклонъ мельничихѣ, тогда какъ обѣ снохи подставляли чашки гостямъ, сидѣвшимъ съ своими ложками на лавкахъ.

— Много довольны вашимъ хлѣбомъ и солью! спасибо за ласку и угощенье! дай тебѣ и дѣткамъ твоимъ всяческаго благополучія отъ царя небеснаго! раздалось отвсюду.

— Авдотья, давай перемѣну! крикнулъ снова Савелій, начинавшій покачиваться во всѣ стороны, не смотря на то, что сильно упирался на старосту.

— Кумушка, Матрена Лексѣвна, не побрезгай, возьми хоть орѣшковъ, хоть орѣшковъ возьми... говорила хозяйка, кланяясь и поднося чашку съ орѣхами мельничихѣ: — возьми, не прогнѣвайся, возьми; ужотко дѣтямъ твоимъ зубки позабавить, себѣ на потѣху.

— Пули и картечи... летѣли... къ намъ на встрѣчу! пробормоталъ неожиданно Щеголевъ, поднимая голову.

— Ну, Господь съ тобой касатикъ, отвѣчала хозяйка:—кушай во здравіе...

— Авдотья, давай перемѣну! крикнулъ снова Савелій.— Эге... ге... братъ, Щеголевъ, присовокупилъ онъ, размахивая руками передъ сотскимъ, который клевалъ носомъ корку пирога; —что-жъ ты хотѣлъ-то всѣхъ лоскомъ положить?..

— Давай!.. прохрипѣлъ Щеголевъ, болтнувъ головою, какъ-будто кто далъ ему подзатыльника: — ничего не боюсь!.. пули... картечи... летѣли...

— Эй, Кондратій Захарычъ! очень вы тутъ толмачите! заключилъ Савелій, махнувъ рукою и поворачиваясь къ пономарю, который разговаривалъ съ мельникомъ.

— А вотъ, Александръ Елисѣичъ разсказывалъ, какой случай вышелъ съ шушеловскимъ мужикомъ, Кирилой Власовымъ; небось ты его не знаешь?..

— Трафилось видѣть. А что̀ случай какой?

— Да не сегодня, такъ завтра помретъ, за попомъ посылали...

— Ой ли! да съ чего такъ?.. спросило нѣсколько голосовъ.

— Разскажи, Александръ Елисѣичъ, шепнулъ пономарь, любознательно вглядываясь однимъ глазомъ въ мельника, тогда какъ другой глазъ не менѣе любознательно устремился на мельничиху.

— А вотъ что, началъ мельникъ, останавливаясь на каждомъ словѣ, чтобы перевести одышку: — недѣли три тому будетъ, пошелъ какъ-то Кирила на Каменскую мельницу; дѣло было къ вечеру, гораздо ужъ смерклось; взялъ, примѣрно, шапку, пошелъ. Пришелъ, примѣрно, на мельницу, помолотился, взялъ мѣшокъ съ мукою и идетъ домой. Время стояло, какъ ныньче, мятель, примѣрно, такая буря, зги не видать, продолжалъ Александръ Елисѣичъ, посматривая поочередно то на того, то на другого, тогда какъ присутствующіе, подстрекаемые любопытствомъ, двигались къ нему и вытягивали шеи: — вотъ сталъ онъ подходить къ лѣсу, миновалъ было половину, вдругъ слышитъ, кто-то кликнулъ его по имени. «Кирила Власовъ!» зоветъ, примѣрно, какъ словно знакомый какой человѣкъ, либо сродственникъ... Онъ глядь— никого... «Кто тамъ?» крикнулъ; — никто, примѣрно, не откликается... Чтой-то за диво!.. Вотъ онъ опять пошелъ; что ни шагъ ступитъ, зоветъ его кто-то по имени да и полно!.. Вотъ приходитъ онъ домой; сѣлъ, поѣлъ, легъ на печку — не спится... словно, говоритъ, мутить меня стало... Ну, нечего дѣлать, всталъ это онъ, сѣлъ на лавку и сталъ примѣрно сумлѣваться... Кто, говоритъ, звалъ меня въ лѣсу?.. Сталъ это онъ такъ-то сумлѣваться, вдругъ слышитъ — стучатъ въ окно... Кто? говоритъ,—кого надыть?.. «Пусти, Власычъ, пусти, примѣрно, переночевать!» отозвалось за окномъ. Какъ услыхалъ, говоритъ, такъ индо по закожью меня и дернуло, вся кровь, говоритъ, запечаталась во мнѣ... слышу, говоритъ, тотъ-же голосъ, что звалъ меня въ лѣсу!..

— Подлинно диковинное дѣло и всякаго любопытствія

достойно! произнесъ со вздохомъ пономарь, обращая на этотъ разъ оба глаза на сосѣдку. Но только-что успѣлъ онъ это сдѣлать, какъ оба глаза его вмѣстѣ съ глазами мельника и всѣхъ присутствующихъ устремились въ одно мгновеніе на уличное окно.

Въ окнѣ послышался стукъ... Всѣ оглянулись и невольно попятились назадъ. Стукъ въ окнѣ повторился.

— Ну, чего вы?.. крикнулъ Савелій, обращаясь къ бабамъ, которыя съ визгомъ побросались въ сторону:— кума! Матрена Лексѣвна; полно тебѣ! присовокупилъ онъ, вставъ съ мѣста и подталкивая мельничиху, которая повалилась всею тяжестью на сотскаго и притиснула долговязыя ноги пономаря, успѣвшаго уже прыгнуть на лавку.—Ну, чего вы! экъ!—ишь ихъ!.. (Тутъ Савелій повернулся назадъ къ двери, гдѣ происходила какая-то каша, въ которой все двигалось, кричало и тискалось.) Куда вы? стойте, я погляжу пойду!..

Савелій сдѣлалъ шагъ къ окну, но стукъ раздался снова, сопровождаемый на этотъ разъ голосомъ, отъ котораго вздрогнули въ самыхъ дальнихъ углахъ избы.

— О-охъ! касатикъ, Савелій Трофимычъ, не ходи! съ нами крестная сила! проговорила хозяйка, вцѣпившись въ мужнину рубаху.

— Кто тамъ? крикнулъ, что есть мочи, Савелій.

— Про-хо-жій!.. отвѣчалъ дрожащій, прерывающійся голосъ.

— Чего надыть? гаркнулъ Савелій.

— Пусти... перено... чевать... озябъ... отвѣчалъ голосъ, заглушенный ревомъ мятели.

— Ступай! ступай! коли ты добрый человѣкъ, сердито отозвался Савелій, дѣлая шагъ къ окну:—ступай, по добру по здорову, много васъ шляется,— проваливай, проваливай... здѣсь не мѣсто, ступай! Эй, Лександръ Елисѣичъ! Данило! кума! гости дорогіе! что жъ вы, аль не слышите? чего всполохнулись! Это должно быть какой-нибудь христарадникъ, а вы и взаправду подумали... садитесь, милости просимъ... ишь нашелъ время таскаться да грызть окна...

— Да ты, касатикъ, посмотри въ окно! сказала хозяйка, робко выглядывая изъ толпы.

— Чего смотрѣть! говорятъ—те толкомъ—нищенка!

— Охъ, нѣтъ, родной, нѣтъ, Савелій Трофимычъ, обойди-ка вокругъ двора,—оно вѣрнѣе,—обойди, касатикъ, раздалось въ толпѣ бабъ.

— Ну, пошли... съ вами не столкуешь!.. эй, Лександръ Елисѣичъ, сватъ Данило, Кондратій Захарычъ,—полно вамъ; кума Матрена Лексѣвна, просимъ покорно, просимъ не сумлѣваться,—чего вы взаправду переполошились, садитесь! говорилъ Савелій, усаживая гостей, которые, не слыша болѣе шума за окномъ, начинали мало-по-малу ободряться:—Авдотья, давай перемѣну!..

Гости, ободренные окончательно тишиною, водворившеюся за окномъ, усѣлись по-прежнему на свои мѣста; мельничиха освободила задыхающагося Щеголева, пономарь завертѣлъ снова лѣвымъ глазомъ вокругъ сосѣдки, на столѣ появились два новые штофа, снохи перемѣнили чашки на ковши съ сусломъ и брагою, и веселая вечеринка, прерванная на время, продолжалась на славу радушнымъ хозяевамъ.

VI.

Ахъ, ты, сѣй, мати, мучицу, пеки пироги,
Слава!
Какъ къ тебѣ будутъ гости нечаянные,
Слава!
Какъ нечаянные и незванные...
Слава!
Къ тебѣ будутъ гости, ко мнѣ женихи!...
Слава!

Простонародная пѣсня.

— Ребята!.. эй!.. гдѣ вы? крикнулъ Гришка Силаевъ, останавливаясь на другомъ концѣ улицы и оглядываясь во всѣ стороны.

Онъ приложилъ указательные пальцы обѣихъ рукъ къ губамъ, испустилъ дребезжащій, пронзительный свистъ и сталъ прислушиваться.

— Кто тутъ? робко отозвалось нѣсколько тоненькихъ голосковъ подлѣ сосѣднихъ воротъ.

Гришка повернулся къ воротамъ и свистнулъ во второй разъ.

— Гришка, ты? повторили тѣ же голоса, и вслѣдъ затѣмъ изъ-за сѣней выглянула сначала одна голова, потомъ другая, и наконецъ показался парень и нѣсколько дѣвушекъ.

— Я, я!—ступайте сюда, не бойтесь... кто это?—воскликнулъ Гришка, достигая ихъ однимъ прыжкомъ и принимаясь ощупывать круглое лицо парня:—э-э! Петрушка Глазунъ! смотри-ты, куда затесался,—съ дѣвками!..

— Я нарочно побѣжалъ съ ними... онѣ, вишь, задумали по домамъ разойдтись!..

— Ну, ладно, ладно, пойдемте!..

— Охъ, касатушки, страшно, охъ, дѣвушки, страшно! Гришка, куда ты насъ тащишь?—а ну, опять встрѣнется... проговорили дѣвушки. прижимаясь другъ къ дружкѣ и боязливо выглядывая изъ-за полушубковъ.

— Ну, вотъ, полно вамъ ломаться, пойдемте! лихъ его, пущай встрѣнется; вы и взаправду думаете лѣшій какой, или вѣдьма...

— Вѣстимо, чего бояться! произнесъ въ сторонѣ мягкій голосъ, по которому всѣ присутствующіе узнали тотчасъ же Алексѣя каженника:—должно-быть намъ такъ почудилось, а не то вѣрно какой-нибудь побирушка, прибавилъ онъ, присоединяясь къ толпѣ.

— Ай да Алёха! молодца, право слово—молодца! Дѣвки! скажите: съ чего онъ такъ расходился? отколѣ прыть взялась!.. ну, идемте, что ли?

И Гришка, сопровождаемый дѣвками, Петрушкой и Алексѣемъ, который еле-еле передвигалъ ноги, запрятанные въ рукава вывороченнаго полушубка, сталъ пробираться подлѣ избъ.

— Эй, ребята, дѣвки! выходите, полно вамъ! кричалъ онъ, останавливаясь поминутно и оглядываясь на стороны.

— Кто тамъ?

— Выходи,—чего спрашиваешь,—ступай, такъ увидишь!

— Да какъ же звать?..

— Зовутъ зовуткой, а величаютъ уткой!

Раздавался хохотъ и толпа увеличивалась новымъ озорникомъ. Такимъ образомъ, разбѣжавшіеся парни и дѣвки примыкали одинъ за другимъ къ наряженнымъ, и толпа не успѣла дойдти до конца деревни, какъ уже почти всѣ оказались на-лицо.

— Чего оглядаетесь на стороны? лѣшій-то давно лыжи навострилъ, — такъ испужали его наши дѣвки, — куда прытки голосить! сказалъ Гришка, останавливая толпу:— ну, всѣ ли здѣсь?.. Бука, ступай сюда; ты, коза, пойдешь слѣдомъ за букой; каженникъ становись здѣсь, я тебя поведу; а за нами баба-яга... ну, поворачивайся, да смотри, не плошай... прибавилъ онъ, повертывая за плечи долговязаго парня въ понявѣ, съ платкомъ на головѣ и сидящаго верхомъ на помелѣ.

— А куда намъ идти-то? спросилъ кто-то.

— Сказано, къ Савелью.

— Нѣтъ, ребята,—слушай, Гришка!—пойдемте лучше въ другую избу,—туда не проберешься; я-было сунулся— куда-те: въ сѣняхъ народъ стоитъ...

— И то, пойдемте-ка лучше, коли ужь идти, пойдемте къ старостѣ, какъ прежде хотѣли, вымолвилъ Алексѣй.

— Слышь, ребята, слышь, что говоритъ каженникъ; ай да Алёха! закричалъ Гришка: — чтой-то, братцы, я запримѣтилъ, больно онъ расходился нынче; никогда такого не бывало!.. должно быть не спроста... Слышь, какъ его раззадориваетъ идти къ старостѣ; ужъ не Парашка ли тому виною... пойдемъ да пойдемъ!.. А ну, быть, какъ сказалъ каженникъ, — качай!.. И Гришка, подпершись въ бока, выступилъ впередъ и запѣлъ, приплясывая:

Чижикъ, пыжикъ у воротъ,
Воробышекъ махонькой...
Эхъ братцы, мало насъ,
Голубчики, немножко!..

— Тише, Гришка, что ты орешь! услышитъ старостиха, не пуститъ насъ...

— Небось, мятель гудитъ—не услышитъ! Смотри, только, ребятишки, не обознаться бы намъ...

— Ну, вотъ! тише, говорятъ! развѣ не видишь, — вотъ и изба...

— Ребята, стой! шепнулъ Гришка, снова останавливая толпу: — у старосты огонь; поглядите, кто у нихъ въ избѣ; не вернулся ли хозяинъ?

— Нѣтъ, вижу! отвѣчалъ такъ же тихо Петрушка, взобравшійся на заваленку: — никого нѣтъ; сидятъ старуха да дочь...

— Ладно, подбирайся къ воротамъ; тихонько, смотри... такъ, ладно... Братцы, никакъ калитка-то заперта... Стой! Кто изъ васъ цѣпкой, — полѣзай черезъ ворота, да сними запоръ...

— Давай, я пойду, сказалъ Алексѣй, двигаясь къ воротамъ.

— Нѣтъ, ты и коза не трогайтесь съ мѣста; Петрушка, ступай сюда, шепнулъ Гришка, подставляя спину.

Петрушкѣ чехарда была въ привычку; онъ прыгнулъ на плечи товарища, уцѣпился руками за перекладину воротъ и, минуту спустя, бухнулся въ сугробъ, по ту сторону воротъ. Шестъ, припиравшій калитку, былъ снятъ, и толпа, затаивъ дыханіе, начала пробираться по двору старосты къ крылечку.

— Тсссс... произнесъ Гришка, останавливаясь на крылечкѣ и подымая руку кверху:—дверь заперта изнутри!.. ничего, молчи, я дѣло справлю: смотри только, какъ свистну, всѣ за мной въ одну плетеницу, да не робѣй, дружно!

Сказавъ это, онъ ударилъ кулакомъ въ дверь. Минуту спустя, въ сѣняхъ послышались шаги.

— Кто тамъ? спросила хозяйка.

— Отворяй, отвѣчалъ Григорій, поддѣлываясь подъ голосъ старосты.

— Ты, Львовичъ?

— Отворяй, говорятъ... аль не признала? продолжалъ Гришка, стараясь прикинуться пьянымъ.

Старуха проворчала что-то сквозь зубы и загремѣла

запоромъ; вслѣдъ за тѣмъ она выглянула на крылечко, но въ ту же секунду надъ самымъ ея ухомъ раздался пронзительный свистъ, и не успѣла она крикнуть, какъ уже толпа ринулась въ сѣни, сшибла ее съ ногъ и ударилась съ визгомъ и хохотомъ въ избу.

— Ай, батюшки, рѣжутъ! ай, касатики, рѣжутъ! завопила старуха, бросаясь какъ угорѣлая въ уголъ сѣнечекъ и забиваясь между корытами и досками...

Страхъ ея не былъ однакожъ продолжителенъ; заслышавъ пѣсни, пляски и хохотъ, раздавшіеся залпомъ въ избѣ, она высвободилась изъ засады и кинулась къ растворенной настежъ двери. Увидя толпу наряженныхъ и дочь, стоявшую посреди ихъ съ веселымъ, смѣющимся лицомъ, старостиха окинула глазами сѣни; но, не найдя, вѣроятно, ни кочерги, ни полѣна, метнулась въ избу и прямо повалилась на медвѣдя, который переминался съ ноги на ногу, стоя передъ Парашею.

— Ахъ, ты разбойникъ! ахъ, ты окаянный! взвизгнула она, принимаясь тормошить медвѣдя, который не двигался съ мѣста, не сводилъ глазъ съ дѣвушки и, казалось, не замѣчалъ, что происходило вокругъ.

— У... у... у! захрипѣлъ бука, вынырнувъ неожиданно изъ-за медвѣдя и, ставъ между нимъ и старостихою, простеръ къ ней руки, обернутыя соломой.

— Бя... бя... бя! затрещала коза, дергая ее сзади.

— Бу!.. у... у! ревѣлъ бука, пыряя ее рогами.

— Кудахъ! кудахъ, иррр... зашипѣлъ, откуда ни возьмись, журавль, то-есть долговязый, плечистый парень, у котораго рука была притянута къ головѣ и все это окутано рогожей:—иррр... присовокупилъ журавль, тыкая ее въ бокъ веретеномъ, изображавшимъ клювъ.

— Пострѣлы! черти! собаки! вопила старостиха, отбиваясь руками и ногами.

— Полно, тетенька, не сердчай, запищала скороговоркою баба-яга, заметая слѣдъ помеломъ и смѣло наступая на старуху, которая задыхалась отъ злобы:—слушай: загадаю тебѣ загадку: двое идутъ, двое несутъ, а самъ-треть ноетъ... Не любо?.. изволь другую: подъ лѣсомъ-лѣсомъ пестрые колеса висятъ; дѣвицъ украшаютъ, молод-

цовъ дразнятъ... Не угадала?.. Серьги, тетенька, серьги.

— Поди прочь, лѣшій! крикнула старостиха, замахиваясь обѣими руками на бабу-ягу, но, оглушенная визгомъ и хохотомъ, въ ту жъ минуту обратилась къ толпѣ дѣвушекъ.—А вы, безстыжія! погоди, постой! о! Грушка Дорофеева, я тебя признала,—ахъ ты, срамница! прибавила она, бросаясь на толстенькую дѣвушку, прятавшуюся за подругъ; но Груша нырнула въ толпу, толпа раздвинулась—и старостиха прямешенько наткнулась на Гришку, козу и медвѣдя, которые вертѣлись вокругъ ея дочери.

— Ну-ко-сь, Михайло Иванычъ, заговорилъ Гришка, размахивая палкою такъ ловко, что старостиха никакъ не могла приступиться:—потѣшь, покажи господамъ честнымъ и хозяйкѣ дорогой, какъ малые ребята горохъ ворова...а...а...ли... А ну, поворачивайся! крикнулъ онъ, дернувъ за веревку, привязанную къ поясу медвѣдя, который все-таки не двигался съ мѣста и не отрывалъ глазъ отъ Параши:—а ну, ну, полно, аль приворожила тебя красная дѣвушка?.. ну, коза, валяй, начинай!.. Михайло Иванычъ, что жъ ты взаправду уставился? не кобенься, кланяйся хозяюшкѣ молодой, да въ самыя ножки, присовокупилъ Гришка, опуская палку на плечи медвѣдя, который на этотъ разъ повалился очень охотно въ ноги Парашѣ.—Такъ, ну, коза, живо!..

Тутъ Гришка, продолжая размахивать палкой, пустился въ присядку вмѣстѣ съ козою, припѣвая скороговоркою:

Антонъ козу ведетъ,
Антонова коза нейдетъ;
А онъ ее подгоняетъ,
А она хвостомъ подымаетъ...
Онъ ее возжами,
Она его рогами.

Старостиха кричала, бранилась, но уже никто ее не слушалъ: все вокругъ нее заплясало, завертѣлось, и трудно опредѣлить, чѣмъ бы кончилась потѣха, еслибъ въ самомъ разгарѣ суматохи не раздалось внезапно изъ сѣнечекъ:

— Староста идетъ!..

Казалось, громъ, упавшій въ эту минуту на избу, не

произвелъ бы такого дѣйствія на присутствующихъ. Раздался оглушительный визгъ; баба-яга бросила помело, Гришка палку, журавль веретено, и всѣ, перепрыгивая другъ черезъ дружку, какъ бараны, побросались въ дверь, преслѣдуемые старостихою, у которой, откуда ни возьмись, явилась въ рукахъ кочерга.

— А! разбойники! что взяли! что взяли!.. кричала она, нападая съ яростью на бѣглецовъ и не замѣчая впопыхахъ медвѣдя, который, запутавшись въ своихъ овчинахъ, стоялъ посреди избы и оглядывалъ со страхомъ углы и лавки.

— Что взяли! продолжала старуха, врываясь въ сѣни:—Левонычъ! Левонычъ! держи ихъ, не пущай смотри... держи разбойниковъ!..

Медвѣдь быстро оглянулся на дверь и сбросилъ овчину, покрывавшую ему голову.

— Параша, это я! не бойся... произнесъ онъ, обращаясь къ дѣвушкѣ, которая боязливо пятилась къ печкѣ:—спрячь меня! видитъ Богъ, для одной тебя пришелъ къ вамъ... Слышь, отецъ идетъ! прибавилъ онъ, высвобождая одну ногу изъ рукава овчины.

Страхъ Параши прошелъ повидимому тотчасъ же, какъ только медвѣдь показалъ свою настоящую голову. Раздумывать долго нельзя было; голосъ старосты и жены его приближался и слышался уже на крылечкѣ. Надо было на что-нибудь рѣшиться... Дѣвушка взглянула еще разъ на парня и указала ему подъ лавку. Едва Алексѣй успѣлъ спрятать свои ноги, какъ староста и жена его вошли въ избу. Глаза Данилы блуждали неопредѣленно во всѣ стороны, и вообще на опухшемъ лицѣ его изображалась сильная тревога.

— Ну, чего ты уставился, что глаза-то выпучилъ?.. Тьфу! прости Господи! произнесла старуха, бросая съ сердцемъ кочергу:—кричу ему: держи ихъ, не пущай!..

— Охъ... дай духъ перевести... мнѣ почудилось... перебилъ староста, протирая глаза.

— То-то, съ пьяна-то черти знать тебѣ показались!.. Толкомъ говорятъ—ребята были, чтобъ ихъ собаки поѣли!

Пришли, давай, разбойники, все вверхъ дномъ вертѣть; содомъ такой подняли, проклятые...

— Погоди... стой! я съ ними справлюсь; ты скажи только, кто да кто былъ, произнесъ не совсѣмъ твердо староста, у котораго хмѣль отшибалъ нѣсколько языкъ и память.

— Извѣстно, кому больше, какъ не Гришкѣ Силаеву; проклятый такой, чтобъ ему...

— Ладно, ладно... а вѣдь мнѣ почудилось... У Савелія, слышь ты, такую диковинку разсказывали... иду я какъ-то домой, втемяшилось мнѣ эвто въ голову... а тутъ они, проклятые, понагрянули... не думалъ, не гадалъ... Да постой, я имъ задамъ завтра таску, особливо Гришкѣ... я давно запримѣтилъ...

Староста не докончилъ рѣчи; голова его откинулась назадъ, ротъ искривился, глаза выкатились какъ горшки и остановились на одной точкѣ. Увидя что-то мохнатое, выползавшее изъ-подъ лавки, старуха съ визгомъ вцѣпилась въ мужа. Одна Параша не тронулась съ мѣста; она опустила только зардѣвшееся лицо свое и принялась перебирать край передника.

Алексѣй вышелъ изъ своей прятки и всталъ на ноги. Данило повалился на лавку: старуха закрыла лицо и послѣдовала его примѣру.

— Данило Левонычъ, тетушка Анна, не пужайтесь! это я... произнесъ Алексѣй, дѣлая шагъ впередъ.

Заслыша знакомый голосъ, мужъ и жена подняли голову.

— Какъ!.. ахъ ты, окаянный! воскликнула старостиха, мгновенно приходя въ себя.—Левонычъ, хватай его!..

— Каженникъ!.. проговорилъ староста, протирая глаза и тяжело приподымаясь съ мѣста.

— Хватай его, держи! голосила старуха, принимаясь толкать мужа.

— Полноте вамъ сумлѣваться... сказалъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ Алексѣй:—я не воръ какой, не убѣгу отъ васъ, самъ дамся въ руки...

— Чего тебѣ надыть? заревѣлъ Данило, грозно подходя къ парню.

— А! такъ вотъ какъ! крикнула старостиха, кидаясь на дочь:—такъ вотъ ты какими дѣлами... погоди, я съ тобой справлюсь!

— Тетушка Анна, не тронь ее... сказалъ Алексѣй, становясь между дочерью и матерью:—видитъ Богъ, она не причастна... я во всемъ причиной, и винюсь предъ вами...

— А вотъ погоди, ты у меня скажешь, зачѣмъ затесался подъ лавку, вымолвилъ староста, хватая парня.

— Погоди, дядя Данило, постой, незамай,—я винюсь безъ того... пришелъ съ ребятами къ тебѣ; думали позабавиться, пѣсни поиграть... кричатъ: ты идешь... всѣ вонъ кинулись, я одинъ не поспѣлъ, — вотъ и вся вина моя... а она, дочь твоя, Данило Левонычъ, видитъ Богъ, ни въ чемъ не причастна!..

— Да ты, дурень ты этакой, что̀ его слушаешь! тащи его въ сѣни... дай ему таску, чтобъ помнилъ впередъ... тащи его... ахъ ты, охаверникъ, каженникъ проклятый... постой, я те дамъ знать... голосила старостиха, подталкивая Алексѣя въ спину, тогда какъ мужъ тащилъ его въ сѣни: — такъ, такъ, такъ, хорошенько ему, разбойнику!..

Увѣщанія и разговоры были напрасны: староста и жена его стащили бѣднаго Алексѣя на дворъ, и вскорѣ послышался шумъ свалки.

— Ну, теперь я съ тобой поговорю, начала старостиха, торопливо вбѣгая въ избу:—ахъ ты, срамница ты этакая!.. Да гдѣ она?.. Парашка! крикнула она, оглядываясь во всѣ стороны. Увидя дочь, которая стояла на лавочкѣ и, просунувшись по поясъ въ окно, глядѣла на улицу, старуха пришла въ неописанную ярость.

— Что ты тутъ дѣлаешь? взвизгнула она, втаскивая ее въ избу и замахиваясь обѣими руками.

— Безъ тебя, матушка, постучали въ окно... я отворила... какой-то человѣкъ?..

— Какой человѣкъ?

— Должно быть нищенка...

— Какой тамъ еще лѣшій? произнесъ староста, входя въ это время въ избу.

— Нищенка, батюшка, отвѣчала Параша:—просится переночевать...

— А! это должно быть тотъ самый, что стучался къ Савелью, да всѣхъ насъ переполошилъ, проговорилъ Данило, нетерпѣливо подходя къ окну, въ которомъ мелькнула блѣдная тѣнь человѣка:—погоди же, я тебя выучу таскаться по ночамъ... Чего тебѣ надо? крикнулъ онъ, просовывая голову на улицу:—отваливай, отваливай отселева, коли не хочешь, чтобы я проводилъ! Вишь нашелъ постоялый дворъ; въ какую пору таскатъся выдумалъ... Погоди, я еще узнаю завтра, что ты за человѣкъ такой!.. Ступай, ступай... Вишь, взаправду, повадился таскаться, примолвилъ староста, захлопывая окно: — прогнали съ одного двора чуть не взашей, нѣтъ—въ другой лѣзетъ... И добро бы время какое, а то мятель, вьюга, стужа... тутъ и собака, кажись, лежитъ — не шелохнется, а онъ слоняется да окна грызетъ... О-охъ, заключилъ Данило, зѣвая и разваливаясь на печкѣ.

VII.

Мы ходили, мы искали
Коляду, коляду,
По всѣмъ дворамъ, по проулочкамъ.
Нашли коляду
У Василисина двора.
Здравствуй хозяинъ со хозяюшкой,
На долги вѣка, на многи лѣта!

Простонародная пѣсня.

«Вотъ не было тоски и печали!» подумалъ Алексѣй, выходя изъ старостиныхъ воротъ на улицу; «все, какъ есть, все теперь пропало!» продолжалъ онъ, равнодушно шагая по сугробамъ и не обращая вниманія на студеный вѣтеръ, который гналъ ему въ лицо цѣлое море снѣгу;— «и зачѣмъ было мнѣ пытать свое счастье, зачѣмъ было идти къ нему въ избу?.. Какъ словно не зналъ я, не вѣдалъ — не вернуть этимъ пропавшаго дѣла. Коли прежде зарокомъ не велѣли ей молвить слова,—бѣгала она отъ меня какъ отъ волка, теперь, стало, и подавно ждать нечего... Эхъ, загубилъ я въ-конецъ свою голову!..»

Раздумывая такимъ образомъ, онъ не замѣтилъ, какъ очутился подъ воротами своей избенки. Изъ слухового окна все еще мелькалъ огонекъ, и Алексѣй, не ожидавшій застать старуху-мать на ногахъ, поспѣшилъ въ избу. Но старушка предупредила его; она давно сидѣла настороже, прислушиваясь къ малѣйшему шуму и шороху. Чуткій слухъ не обманулъ ее. Заслышавъ знакомые шаги, она суетливо поправила платокъ на головѣ, взяла лучину, и прежде чѣмъ сынъ успѣлъ пройдти дворъ, стояла уже въ сѣнечкахъ.

— Охъ, родной мой! куда это ты запропастился? произнесла она, выбѣгая на крылечко и заслоняя дрожащею ладонью лучинку;—ужъ я ждала-ждала; время, думаю, не доброе, не прилучилось ли чего, помилуй Богъ...

— Нѣтъ, матушка, ничего, весело отвѣчалъ Алексѣй. взбираясь по ступенькамъ.

— То-то, родной... а я сижу такъ-то думаю...

И старушка, улучивъ минуту, когда парень прошелъ мимо, взяла лучину въ лѣвую руку, взглянула на сына и, отвернувшись нѣсколько въ сторону, сотворила крестное знаменіе. Послѣ этого она догнала его, и оба вошли въ избу.

Избенка была крошечная: стѣны ея, перекосившіяся во многихъ мѣстахъ и прокопченыя дымомъ, были такъ черны, что даже съ помощью лучины едва-едва можно было различить что-нибудь въ углахъ. Но, не смотря на это, вездѣ, куда только проникалъ глазъ, виднѣлись слѣды заботливости и строгаго порядка; все показывало, что старушка была добрая, радѣльная хозяйка. Ничто не валялось зря, гдѣ ни попало; все было прибрано къ мѣсту; земляной полъ былъ чисто-на-чисто выметенъ; и хотя печать бѣдности отражалась на каждомъ предметѣ, но все-таки лачужка Василисы глядѣла какъ-то уютнѣе, привѣтливѣе, теплѣе многихъ сосѣднихъ избъ. Наружность самой хозяйки соотвѣтствовала какъ нельзя лучше ея жилищу: это была крошечная, тщедушная старушенка, съ вдавленною грудью, прикрытою толстой, заплатанной, но чистой рубахой. Голова ея, повязанная ветхимъ платкомъ съ длинными концами назади, склонялась постоянно

на бокъ,—ни дать, ни взять, какъ кровля ея избенки. Лицо Василисы было желто и покрыто мелкими, какъ паутина, морщинками; но столько еще веселости отражалось въ ея свѣтлыхъ глазахъ, столько добродушія проглядывало въ потускнѣвшихъ, истертыхъ чертахъ, что нельзя было не полюбить ее съ разу.

Заложивъ въ свѣтецъ лучинку, она тотчасъ же подошла къ сыну.

— Алёша, погляди-ка-сь на меня... ты словно, касатикъ, не веселъ?

— Нѣтъ, матушка, право ничего, отвѣчалъ парень, отходя къ печкѣ и принимаясь развѣшивать на шесткѣ вымокшую овчину.

— Полно, родной, я вижу... не тотъ ты былъ, какъ пошелъ изъ дому; ужъ не прилучилось ли чего? вымолвила старушка, преслѣдуя сына и устремляя на него пытливый взглядъ.

— Взаправду ничего, сказалъ Алексѣй, стараясь засмѣяться: — ходилъ съ ребятами по сосѣдямъ, вездѣ пиръ такой, веселье... съ чего, кажись, быть не веселу!..

— То-то, то-то, касатикъ, съ чего тебѣ кручиниться... а я такъ-то сижу да думаю: куда, молъ, думаю, запропастился...

— Я, признаться, матушка, не чаялъ, что ты станешь меня дожидаться.

— Ахъ ты, голова, голова!.. а то какъ же? Такъ-таки лечь мнѣ да махнуть рукой?.. Вспомни-ка, какой нынче вечеръ!.. Развѣ ты запамятовалъ, что было у насъ прошлаго года?.. нуткась, ну, раскинь-ка умомъ, весело прибавила она, качая головою и не отрывая глазъ отъ парня.

— Не помню, матушка, отвѣчалъ Алексѣй, разглаживая волосы.

— Не помнишь?.. ахъ ты, голова, голова! а я-то жду да жду его.

— Что жъ такое, матушка?.. видитъ Богъ, не запомню...

— Ну, молчи только, молчи, коли такъ, сказала она,

лукаво подмигивая однимъ глазомъ:—ставь скорѣй свѣтецъ къ столу, да засвѣти новую лучину.

Старушка поправила платокъ на головѣ, повернулась къ сыну спиною и торопливо подошла къ печкѣ.

— А! знаю, знаю!.. воскликнулъ Алексѣй, слѣдившій съ любопытствомъ за всѣми движеніями матери:—знаю, ты, какъ въ запрошломъ году, хочешь кашу вынимать! примолвилъ онъ, дѣлая шагъ къ старушкѣ, которая неожиданно показалась изъ-за печки съ полновѣснымъ горшкомъ въ рукахъ.

— Молчи, только молчи, вымолвила она, отклоняя сына локтями и заботливо ставя горшокъ на столъ.— Ну, теперь садись, да смотри, что-то пошлетъ намъ Господь... Ахъ, родной!.. погляди-ка, погляди, какой полной!.. постой... нѣтъ, и не треснулъ нигдѣ, какъ есть нигдѣ! радостно говорила она, ощупывая горшокъ, между тѣмъ какъ сынъ разсѣянно и какъ-то принужденно глядѣлъ на все происходившее. — А ну-ка-сь, ну, посмотримъ, что-то скажется...

Тутъ Василиса бережно сняла пѣнку.

— Вотъ не чаяла, не гадала! Ахти, касатикъ, родной ты мой! воскликнула она, всплеснувъ руками и взглянувъ на сына, который обнаружилъ тотчасъ же веселость:—погляди-ка, красная какая! да разсыпчатая какая!.. Ахти, родные вы мои, да и полная, полная, — словно и не кипѣла... а ну, дай-то Господи, кабы сбылось!..

— Что-жъ, по твоему, матушка, чему же быть? спросилъ сынъ.

— А быть, родной ты мой, дѣлу хорошему... ахъ, кабы Господь пособилъ намъ! отвѣчала старушка, творя крестъ:—слышь, коли такъ-то, прибавила она, указывая на горшокъ:—люди добрые, дѣды наши, сказывали,— быть благополучію всему дому, будущій урожай и... и талантливую дочку!..

Алексѣй недовѣрчиво улыбнулся. Въ самую эту минуту кто-то постучался въ окно.

— Слышалъ, Алёша?.. спросила старушка, оглядываясь въ ту сторону.

— Никакъ стукнули въ окно, отвѣчалъ парень, приподымаясь съ лавки.

— Погоди, Алёша... Охъ, съ нами святая сила!.. сказала старушка, удерживая сына.

— Ничего, матушка, должно быть изъ сосѣдей кто; можетъ статься, нужда какая; постой-ка, погляжу... Кто тамъ? крикнулъ онъ, прикладывая лицо свое къ окну и стараясь разглядѣть сквозь снѣговое узорочье стекла.

Съ минуту продолжалось молчаніе, прерываемое визгомъ мятели, которая люто завывала вокругъ избушки.

— Кто тамъ? повторилъ Алексѣй.

— Прохожій... отвѣчалъ трепещущій, вздрагивающій голосъ:—пустите... во имя Христово... прибавилъ голосъ, дѣлавшій явныя усилія, чтобы внятно произносить слова.

— Слышь? сказалъ Алексѣй, поворачиваясь къ матери:—вѣрно съ пути сбился, за мятелью; пущай его обогрѣется.

— Охъ, касатикъ! вымолвила старушка, нерѣшительно взглядывая въ окно.

— А что жъ, вѣдь не убудетъ у насъ... къ тому же не помирать ему взаправду на улицѣ.

— Вѣстимо, родной не убудетъ... Ну, Господь съ тобой, какъ знаешь, такъ и дѣлай... покличь его.

— Дядя! а дядя! ступай на дворъ! крикнулъ Алексѣй, стукнувъ въ окно:—погоди, матушка, я выйду на дворъ, провожу его, а то и не найдетъ пожалуй...

Алексѣй набросилъ на плечи овчину и вышелъ на крылечко.

— Дядя! гдѣ ты? сюда ступай! крикнулъ онъ, поворачиваясь къ воротамъ.

Мятель ревѣла по-прежнему; снѣжные хлопья, валившіе со всѣхъ сторонъ, усиливали темноту и безъ того уже мрачной ночи; на дворѣ нельзя даже было различить собственной руки.

— Сюда, дѣдушка!.. ступай на голосъ! продолжалъ кричать парень.

Глухой стонъ отозвался гдѣ-то въ сторонѣ, и минуту

спустя, неровные шаги зазвучали на шаткихъ ступеняхъ крылечка.

— Сюда, дѣдушка, сюда... сказалъ Алексѣй, входя въ сѣни и отворяя дверь избы, чтобы виднѣе было куда идти:—войди, отогрѣйся...

Прохожій вошелъ въ избу. Алексѣй взглянулъ на него при свѣтѣ лучины—и невольно отступилъ къ матери, которая попятилась къ образамъ и перекрестилась. Передъ ними стоялъ, едва держась на ногахъ, сѣдой старикъ лѣть семидесяти,—блѣдный и растрепанный, походившій скорѣе на пришлеца съ того свѣта, чѣмъ на живого человѣка. Страшная худоба изнеможеннаго лица его и блѣдные, совсѣмъ почти бѣлые зрачки, глядѣвшіе мутно и безжизненно, довершали это сходство. Онъ дрожалъ всѣми своими членами; зубы его щелкали; холщевая сума, висѣвшая за спиною, и мерзлыя лохмотья рубища, прикрывавшія тощую его грудь, плечи и ноги, тряслись въ свою очередь, слѣдуя движеніямъ закутаннаго въ нихъ тѣла. Онъ медленно поднялъ окоченѣвшія руки, провелъ ими по головѣ, сдѣлалъ шагъ впередъ, хотѣлъ что-то сказать, но рѣчь его вышла нескладна. Онъ глубоко вздохнулъ, ощупалъ невѣрными руками стѣну и опустился въ изнеможеніи на лавочку.

— Что ты, дѣдушка, аль прозябъ добре? посиди, посиди, отогрѣйся; изба у насъ теплая, сказалъ Алексѣй, въ которомъ страхъ смѣнился жалостливымъ участіемъ. Онъ подошелъ къ старику.

— Вѣстимо, касатикъ; да ты бы къ печкѣ-то сѣлъ... проговорила Василиса, слѣдуя за сыномъ.

Бѣлые зрачки старика устремились какъ-то неопредѣленно на хозяевъ лачужки; онъ снова хотѣлъ что-то сказать, и снова дрожавшія губы не повиновались ему; онъ опустилъ голову и принялся ощупывать край лавки и рубище.

— Погоди, дѣдушка, я подсоблю, руки-то у тебя окоченѣли, ничего съ ними не сдѣлаешь... произнесъ Алексѣй, видя, что старикъ хотѣлъ освободиться отъ сумы, которая перетягивала ему грудь и плечи:—положи ее на

лавочку... ладно; тебѣ бы лучше разуться, право ну, скорѣй бы отогрѣлъ ноги.

— Вѣстимо, касатикъ, разуться; ишь застылъ какъ, перебила Василиса, качая головою: — разуйся, да подь къ столу, я чай съ пути-то поснѣдать хочешь...

И не дожидаясь отвѣта, она придвинула къ столу лучину и начала хлопотать подлѣ горшковъ.

— Ну, дядя, вставай, повечеряй поди, сказалъ Алексѣй.

— Ась?..

— Повечеряй поди! крикнулъ парень, наклонясь къ его уху:—съ дороги-то, я чай, проголодался.

— Нѣтъ... охъ... спасибо, касатикъ... спасибо... простоналъ старикъ, останавливаясь на каждомъ словѣ.

Онъ замоталъ какъ-то безсильно головою, ухватился руками за края лавки, закрылъ глаза и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Что-жъ ты, родной, аль недужится?.. спросила Василиса, подходя къ прохожему и стараясь вглядѣться ему въ лицо: — знамо, въ такую-то пору безъ одежи... тебѣ, родной, поправиться бы надыть, да время-то вишь позднее...

Старикъ приложилъ изрытую ладонь къ тощей груди своей и закашлялся; кашлю этому, казалось, конца не было.

— Спасибо... проговорилъ онъ, переводя одышку и подымая глаза на хозяйку:—спасибо вамъ... что пустили...

— И-и-и, касатикъ, Господь съ тобой! сиди, сиди, обогрѣйся... да ты бы, право, поснѣдалъ чего; каши, а не то и киселекъ есть у насъ...

— Нѣтъ... спасибо... охъ!.. вотъ кабы парень-то твой... пособилъ... силъ моихъ нѣтъ...

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но слова замерли въ его горлѣ; онъ ощупалъ вокругъ себя мѣсто, придвинулъ суму и медленно сталъ опускаться на лавку.

— Не нудь себя, дѣдушка, не нудь, вымолвилъ Алексѣй, подсобляя старику растянуться на лавкѣ и подталкивая ему подъ голову сумку. — Ну, дѣдушка, ладно что ли?

— Ладно, ладно, спасибо... родной... охъ! проговорилъ

— Ладно!.. спасибо! сказалъ старикъ, сжимая губы, чтобы удержать стоны и щелканье зубовъ.

— Ладно, такъ и Христосъ съ тобой; спи, авось ночью переможешься, объ утро легче станетъ... Я чай и намъ пора, матушка, промолвилъ парень, обратясь къ матери; но увидя, что она молилась передъ образами, онъ взобрался на печку и началъ раздѣваться.

Немного погодя, старушка затушила лучину и присоединась къ сыну.

Въ избушкѣ стало тихо... По мѣрѣ того, однакожъ, какъ тишина и спокойствіе возникали внутри, голосъ бури, незамѣчаемый и забытый посреди разговоровъ и происшествій ночи, поднимался слышнѣе и слышнѣе; ревъ вѣтра, то глухой, какъ похоронное причитанье, то свирѣпый и пронзительный, какъ дикая, разгульная пѣсня, загудѣлъ снова на дворахъ и въ навѣсахъ. Иной разъ, весь этотъ грохотъ мятели падалъ какъ бы сломанный внезапно на пути своемъ вражескою силой,— воцарялось мертвое молчаніе... И вдругъ, откуда ни возьмись, летѣли новые вихри, росли, подымались хребтами, вторгались со всѣхъ сторонъ въ проулки, потрясали ворота, навѣсы и дико рвались вокругъ лачужекъ, какъ бы желая срыть ихъ съ основанія.

Но сколько ни надрывалась буря, сколько ни разсылала она вихрей, — все было напрасно; грозный ревъ не доходилъ, по крайней мѣрѣ, до слуха Василисы; утомленная дневнымя хлопотами и заботами, старушка не успѣла перекрестить изголовье, какъ уже голова ея склонилась и сладкій сонъ оковалъ утомленные члены. Что-жъ касается до Алексѣя,—ему также нипочемъ былъ голосъ вьюги; преданный весь происшествію въ домѣ старосты,—происшествію, которое разрушило въ-конецъ его надежды, онъ лежалъ, не смыкая глазъ, и ничего не слышалъ... Глухой стонъ, раздавшійся на лавкѣ подъ образами, вывелъ его, однакожъ, изъ забывчивости; онъ вспомнилъ присутствіе прохожаго и насторожилъ слухъ.

Стонъ повторился еще протяжнѣе.

— Дѣдушка, что ты? спросилъ парень, приподнимаясь на локтѣ.

— Подь сюда...

Голосъ, съ какимъ были произнесены эти слова, отозвался почему-то въ самомъ сердцѣ молодого парня; онъ проворно соскочилъ съ печки, нащупалъ въ потьмахъ сѣренку, зажегъ лучину и подошелъ къ лавкѣ.

Старикъ лежалъ по-прежнему въ растяжку; члены его перестали однакожъ, трястись и только бѣлые зрачки блуждали съ безпокойствомъ вокругъ.

— Что съ тобой, дѣдушка? прихватило, что ли? вымолвилъ Алексѣй, нагибаясь къ блѣдному, заостренному лицу старика.

— Гдѣ старуха-то... я ее не вижу... она тебѣ мать? произнесъ больной.

— Мать, а что?.. спросилъ Алексѣй, котораго невольно начиналъ пронимать страхъ.

— Позови ее сюда... отвѣчалъ старикъ едва внятно.

Алексѣй заложилъ въ свѣтецъ лучину, разбудилъ мать, и минуту спустя, оба очутились подлѣ лавки.

— Тетушка, сказалъ старикъ, обращая тусклый взоръ на Василису:—пришелъ видно мой часъ помирать... ты и парень твой... не отогнали меня... пустили какъ родного... Богъ васъ не оставитъ...

— И-и-и, касатикъ, что ты, опомнись... старѣе да хворѣе тебя живутъ... полно, Богъ милостивъ!..

— Нѣтъ, тетка, чую—смерть пришла... спасибо вамъ... охъ... не дали помереть на улицѣ... будьте же до конца родными мнѣ... никого у меня нѣтъ... все мое... добро...

Онъ отвелъ глаза отъ старухи и остановился.

— И-и-и, касатикъ, на что намъ добро твое, мы не изъ корысти какой пустили тебя; мы, касатикъ, и своимъ довольны, благодаримъ царя небеснаго!..

Больной снова устремилъ потухающій взоръ на старуху, хотѣлъ что-то сказать, но снова остановился. Видно было, что въ душѣ его происходила борьба между желаніемъ высвободить какую-то тайну и страхомъ сообщить ее слишкомъ рано. Прошло нѣсколько минутъ тягостнаго ожиданія для Василисы и ея сына, которые стояли, прикованные страхомъ, и не сводили глазъ со старика. Едва слышный стонъ вырвался наконецъ изъ груди его; онъ

приподнялъ длинныя, сухія руки, вперилъ полуоткрытые глаза на старуху и произнесъ отрывисто:

— Пошли... сына въ село... Аблезино... тамъ... за рощей... подлѣ громоваго колодца... дупло... зарыта ку... кубышка,—двадцать лѣтъ копилъ!.. никому только... не сказывай... продолжалъ онъ ослабѣвающимъ голосомъ,— вы меня... призрѣли... возьмите... за добро ваше... Господи! прости прегрѣшенія... охъ!..

— Касатикъ, дѣдушка! что ты, очнись! Христосъ съ тобой, кормилецъ! слышь, не сбѣгать ли парню за попомъ?.. крикнули въ одно время Василиса и сынъ ея.

Старикъ скрестилъ руки на груди, потянулся и закрылъ глаза.

Василиса и сынъ ея бросились къ лучинѣ.

Когда они вернулись къ лавкѣ и взглянули, при трепетномъ свѣтѣ угасающей лучины, въ лицо прохожему,— онъ былъ уже мертвъ.

VIII.

Катилося зерно по бархату,
Слава!
Еще ли то зерно бурмицкое,
Слава!
Прикатилося зерно ко яхонту,
Слава!
Крупенъ жемчугъ съ яхонтомъ;
Слава!
Хорошъ молодякъ съ молодкою!
Слава!

Простонародная пѣсня.

Зима прошла давнымъ-давно; о вьюгахъ и мятеляхъ и помину не было въ нашей деревушкѣ. Мужички только-что поубрались съ хлѣбцомъ и откосились. Улица, заметенная когда-то сугробами снѣга, представляла теперь самое оживленное и веселое зрѣлище. Повсюду толпился народъ; въ околоткѣ деревень было не мало и, по принятому обыкновенію взаимнаго угощенія на храмовыхъ праздникахъ, все окрестные обыватели сошлись и съѣхались къ сосѣдямъ.

Время выдалось къ тому самое пригодное: день былъ

прекрасный; на небѣ ни облачка, въ воздухѣ стояла такая затишь, что осиновый листъ не шелыхался. Все располагало къ веселью. И нельзя впрочемъ было жаловаться,—веселились изрядно! Пѣсни, крики, шумъ, несвязный говоръ,—раздавались со всѣхъ сторонъ, лучше чѣмъ на иномъ базарѣ. Красныя рубашки, шапки съ заломомъ, повитыя цвѣтами, желтые и алые платки, понявы,—сіяли такимъ ослѣпительнымъ блескомъ, что даже и у трезвыхъ рябило въ глазахъ. Шумъ, носившійся надъ деревней, переходилъ постепенно изъ одного конца въ другой; то подымался онъ вокругъ рогожнаго навѣса купца съ краснымъ товаромъ, расположившагося подлѣ часовни у колодца, то вдругъ неожиданно сосредочивался на серединѣ улицы, гдѣ водили хороводы... Звонкая, оглушительная, дребезжащая пѣсня охватывала на минуту всю деревню, и снова все это заглушалось ревомъ, визгомъ и хохотомъ, раздававшимися внезапно изъ толпы фабричныхъ, глазѣвшихъ, какъ боролись два дюжіе батрака съ ближайшихъ мельницъ.

Время подходило уже къ вечеру, когда знакомый нашъ Савелій Трофимычъ вышелъ на крылечко своей избы, сопровождаемый пономаремъ и сотскимъ.

— Ну, Кондратій Захарычъ, не взыщи за угощенье, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады; годъ выдался плохой, наказалъ насъ Господь... не взыщи,—укланялись, видитъ Богъ, укланялись,—сказалъ Савелій, принимаясь обнимать пономаря.

— Много довольны... много... дай Богъ вѣкъ съ тобой хлѣбъ-соль водить!... отвѣчалъ гость, утирая обшлагомъ рукава слѣды поцѣлуевъ радушнаго хозяина.

— Не взыщи и ты,—ничего не жалѣли для дорогого гостя, продолжалъ Савелій, обращаясь къ сотскому, который слѣдовалъ сзади и, зяжмуривъ глаза, придерживался къ стѣнкѣ.

Но Щеголевъ, вмѣсто отвѣта, покачнулся въ сторону, приложилъ ладонь къ правой щекѣ, осклабилъ беззубыя десны и запѣлъ хриплымъ голосомъ:

Охъ, плыла-а—утка!
Плы-ла ут-ка...
Вдоль по-морю...

— Полно, Щеголевъ... полно же, замѣтилъ съ укоромъ пономарь, удерживая сотскаго, который, очутившись на дворѣ, чуть было не клюнулся на порожнюю телѣгу.

— Не замай его, Кондратій Захарычъ, нонѣ всѣ у насъ въ расхмѣль... слышь какъ потѣшаются?... Ты куда, Кондратій Захарычъ? спросилъ Савелій, останавливаясь подъ воротами.

— На новоселье...

— Ой-ли? къ кому?...

— Къ Алексѣю; какъ шелъ къ тебѣ, встрѣтился я съ нимъ,—звалъ подъ вечеръ.

— Пойдемъ вмѣстѣ; онъ и меня звалъ... а развѣ ты не былъ у него?

— Нѣтъ, не привелось.

— Стало, и избы его не видалъ... Ну, ужъ вотъ такъ изба, Кондратій Захарычъ... такой, кажись, во всемъ околоткѣ нѣту.

— Слыхалъ, слыхалъ; да гдѣжъ видѣть? я съ самой зимы, — помнишь, у тебя угощались, — съ той поры не навѣдывался къ вамъ въ деревню.

— Двѣсти рублевъ за избу-то далъ...

— Сказывали мнѣ, отвѣчалъ пономарь, придерживая Щеголева, который совершенно неожиданно приткнулся къ нему спиною:—правда-ли, Савелій Трофимычъ, говорятъ, нищенка-то отговорилъ ему тысячу рублевъ?

— Нѣтъ, тысячу не тысячу, а вѣрныхъ четыреста...

— Скажи намилость, какое дѣло! Сказывали, случилось-то въ ту самую пору, какъ мы у тебя пировали,— въ Васильевъ вечеръ,—помнишь, кто-то стукнулъ еще въ окно?

— Ну, вотъ поди жъ ты! Эка дурость напала тогда на насъ!... Вѣдь стучалъ да просился тотъ же нищенка; а намъ съ пьяну-то показалось и невѣсть что... Стучалъ это онъ по всѣмъ дворамъ, ходилъ, ходилъ, да и набрелъ на Василисину избу,—тѣ его и пустили... Пришла ночь; полеглись,—вотъ и сталъ онъ отходить. «Такъ и такъ, говоритъ, вы, говоритъ, меня не отогнали,—вамъ и добро мое...» Повѣдалъ имъ, гдѣ и какъ найдти... Вступились-

было за эвто дѣло, анъ нѣтъ; аблезинскій баринъ все какъ есть велѣлъ передать Алексѣю, нашему барину повѣстилъ,— все имъ досталось!...

— Подлинно диковинное дѣло и всяческаго любопытствія достойно, перебилъ пономарь, пожимая плечами и подымая брови.—Скажи намилость, Савелій Трофимычъ, какъ же это староста-то вашъ подался?... сказывали, былъ онъ въ ссорѣ съ ихъ домомъ, — знать этого, говоритъ, не хочу!...

— Да, мало ли что говорилъ онъ... корячился, пока у Алексѣя гроша не было, а какъ пронюхалъ, какъ довѣдался, такъ и перечить не сталъ; каженникъ да каженникъ,—только бывало и слышно... а тутъ обрадовались, пошли вертѣть хвостомъ... оглянуться не успѣли, какъ они свадьбу сыграли...

— Гдѣ свадьба?.. какая свадьба?.. пойдемъ!.. прохрипѣлъ неожиданно Щеголевъ, насовываясь на Савелія:— дядя Савелій... а дятя Сав... ты мнѣ тезка... Много довольны, вотъ какъ передъ Богомъ... много довольны... продолжалъ онъ, протягивая руки, чтобъ обнять тезку, но потерялъ равновѣсіе и рухнулся на пономаря.

— Экъ его! охочъ до винца! произнесъ, смѣясь, Кондратій Захарычъ, прислоняя сотскаго къ воротамъ.

— Куды-те, замѣтилъ Савелій: — другой выпьетъ, — какъ платкомъ утретъ, а этотъ словно огнемъ выжигаетъ; ну да Господь съ нимъ! Мы, Кондратій Захарычъ, на улицѣ-то затеряемъ его въ народѣ; я его не звалъ, самъ назвался ко мнѣ,—съ нимъ только провозишься... Щеголевъ, пойдемъ съ нами! крикнулъ Савелій, взявъ сотскаго подъ руку.

Пономарь подхватилъ его подъ другую руку, всѣ трое выбрались за ворота и вскорѣ замѣшались въ толпѣ.

— А! Данила Левонычъ, ты ли это? воскликнулъ пономарь, отступая передъ высокимъ мужикомъ съ желтою бородою, желтымъ лицомъ и желтыми волосами.

— Здорово, Кондратій Захарычъ, отвѣчалъ староста, слегка приподымая шапку: — чему ты дивуешься? не призналъ?

Да кто тебя признаетъ? вишь какъ перемѣнился, что съ тобой? хвораешь что ли?..

— Что станешь дѣлать! отвѣчалъ староста, махнувъ рукою:—такая-то бѣда стряслась на меня:—бьетъ лихоманка окаянная, да и полно,—вотъ почитай четыре мѣсяца, али пять,—съ самыхъ святокъ... весь домъ съ ногъ сбила, всѣхъ даже ребятъ перебрало... а старуху мою такъ повернула, что о сю пору ногъ не переведетъ!

— Поди жъ ты! съ чего бы быть такому?

— Тебѣ бы, Данила Левонычъ - я говорилъ тогда,— надыть поворожить на Васильевъ вечеръ,—не упустить этого дѣла... вотъ хозяйка моя позвала Домну, велѣла ей смыть лихоманку,—такъ ничего... помиловала.

— Была она и у насъ, Домна-то,—чтобъ ее черти ѣли!—да ничего не пособила; знать ужь такъ Господь Богъ наслалъ за грѣхи наши, отвѣчалъ староста, зѣвнувъ и перекрестивъ ротъ.

— Ну, прощай, Данило Левонычъ!

— Вы куда?

— Къ твоему зятю,—звалъ на новоселье.

— Ступайте! отвѣчалъ староста, поварачиваясь къ нимъ спиною.

Немного погодя, Савелій и пономарь пробились сквозь толпу, вышли на другой конецъ улицы и завернули въ узенькій переулокъ, залитый свѣтомъ заходящаго солнца. Посреди переулка, между широкимъ сараемъ и плетнемъ, изъ-за котораго сквозь густыя вѣтви рябины выглядывала верхушка скирды, подымалась высокая сосновая изба съ крытымъ крылечкомъ и бѣлою трубою. Окна, ворота, убитыя гвоздями съ жестяными головками, окраины крыши, вплоть до деревяннаго конька на макушкѣ, были обшиты, словно полотенце, вычурными, рѣзными поднизями, горѣвшими на солнцѣ, какъ вылитые изъ золота. Двѣ-три тучныя, темнозеленыя вѣтки рябины, усѣянныя красными гроздами дозрѣвшаго плода, высунувшись нѣсколько впередъ, набрасывали косвенно густую, зубчатую тѣнь на лѣвый уголъ избы и заслоняли одно окно; но это служило только къ выгодѣ дру-

гого окна, хвастливо выказывавшаго свой ставень съ ярко намаленными цвѣтами и всѣ четыре стекла, въ которыхъ играли и дробились послѣднія вспышки потухающаго дня.

На ступеняхъ крылечка сидѣла Василиса въ синей поддевкѣ изъ домотканной крашенины, въ новомъ платкѣ, повязанномъ врозь-концы; подлѣ нея стоялъ Алексѣй, въ темномъ кафтанѣ, небрежно висѣвшемъ на плечахъ, въ красной, александрійской рубахѣ. Но непокорные глаза пономаря окончательно разбѣжались, когда онъ взглянулъ на Парашу, которая стояла, подпершись круглыми локтями на перила и опустивъ немного голову. И въ самомъ дѣлѣ,—способствовала ли къ тому бѣлая коленкоровая рубашка, обшитая на плечахъ красными городочками и ловко обхватывающая полную грудь, или алый платокъ, повитый вокругъ смуглаго ея личика,—но только трудно было узнать въ ней прежнюю дѣвушку. Кондратій Захарычъ не успѣлъ навести оба глаза на Савелія и сообщить ему свои замѣчанія,—какъ уже съ крылечка замѣтили приближающихся гостей и спѣшили къ нимъ на встрѣчу.

— Кондратій Захарычъ, Савелій Трофимычъ, куда это вы запропастились?.. ужь мы ждали васъ, поджидали!.. сказалъ Алексѣй, раскланиваясь передъ каждымъ гостемъ.

— А вотъ... Савелій Трофимычъ задержалъ; я бы къ вамъ давно понавѣдался... отвѣчалъ пономарь, приподымая шляпу и дѣлая тщетныя усилія, чтобы оторвать лѣвый глазъ съ запонки на груди Параши.

— Ну, кумъ, свалилъ на меня вину... произнесъ, самодовольно смѣясь, Савелій:—такъ и быть, беру грѣхъ на свою душу!.. авось не посерчаютъ...

— Что-жъ вы стоите, гости дорогіе?.. сказала Василиса, низко кланяясь: —войдите, милости просимъ, касатики...

— И-то, и-то... вымолвилъ Савелій, разглаживая бороду:—вѣдь мы къ вамъ на новоселье пришли...

—Милости просимъ, милости просимъ, рады вамъ!..заключили Алексѣй и Параша, сторонясь, чтобы дать имъдорогу.

Кондратій Захарычъ сдѣлалъ неимовѣрное усиліе — оторвалъ оба глаза отъ запонки, устремилъ ихъ на крылечко и, сопровождаемый Савеліемъ и хозяевами, вошелъ въ избу.

СТОЛИЧНЫЕ РОДСТВЕННИКИ.

((ПОВѢСТЬ).

I.

ТРИ ПИСЬМА ВМѢСТО ПРОЛОГА.

Отъ Аркадія Ивановича Пигунова Николаю Степановичу Фуфлыгину.

1-го апрѣля. С.-Петербургъ.

«Неоцѣненный братъ Николай!

«Итакъ, все пропало, все лопнуло, все пошло съ молотка. Это ужасно! До сихъ поръ не могу опомниться. Какъ, еще годъ назадъ, было у тебя небольшое имѣніе— и вдругъ... Повторяю: я не могу очнуться!..

«Когда я показалъ моей Нидочкѣ (ты знаешь, я привыкъ называть этимъ именемъ мою ангельскую жену),— когда я показалъ ей письмо твое, она упала ко мнѣ на грудь и такъ громко зарыдала, что Вася, Полиникъ, Соня и Аполлонъ (послѣдняго ты еще не знаешь; онъ родился всего три мѣсяца), — всѣ вдругъ проснулись и жалобно заплакали, протягивая къ намъ свои ручонки; бѣдныя малютки, казалось, понимали наше горе и раздѣляли его.

Въ эту минуту,—до того времени, ты понимаешь, я призывалъ на помощь свои силы и крѣпился, боясь напугать жену,—но въ эту минуту сердце мое переполнилось черезъ край, и я самъ залился слезами...

«Ты видишь изъ этого, неоцѣненный братъ, что горе твое не такъ велико: есть еще сердца, которыя горячо тебѣ сочувствуютъ, есть души, которыя отзываются на твои страданія! Словомъ: ты понятъ! А быть понятымъ въ такія минуты — великое утѣшеніе. И наконецъ, кто, если не я, можетъ тебѣ сочувствовать? Вспомни: отцы наши, конечно, не были друзьями; но все равно: не дѣти ли мы одной и той же матери? Хотя въ разное время, не одна ли мать носила насъ девять мѣсяцевъ подъ своимъ сердцемъ? Впечатлѣнія дѣтства, игры дѣтскихъ лѣтъ (помнишь, какъ ты отдалъ мнѣ взаймы твой послѣдній гривенникъ?)—все это... (помнишь, какъ мы, однажды утромъ, бѣжали по тропинкѣ, которая изгибалась по оврагу?..) все это связало насъ неразрывно и не смотря на десятилѣтнюю разлуку, ты для меня все тотъ же братъ по крови и чувствамъ. И мнѣ ли не понять тебя, дорогой Николай? Мнѣ ли, котораго постигло такое же точно несчастіе? Деревня моя точно такъ же пошла съ молотка! Повторяю: мнѣ ли не понять тебя? Я выдержалъ, однакожъ, жестокіе удары судьбы, меня поразившіе! Провидѣніе меня не оставило: оно послало мнѣ въ утѣшенье милыхъ малютокъ и жену (ангельское, небесное существо!), которая поддерживаетъ меня на трудномъ жизненномъ поприщѣ! Мужайся же, Николай, будь твердъ, не унывай, не падай духомъ. У тебя также двое малютокъ и милая, нѣжная подруга. Кромѣ этого, самыя твои обстоятельства далеко не такъ печальны, какъ ты думаешь. Когда пошла съ молотка моя деревушка, я и семья моя очутились безъ копѣйки посреди Петербурга, и одинъ Богъ только вѣдаетъ... Ну, да что объ этомъ!.. У тебя, пишешь ты, остались еще послѣ продажи три тысячи серебромъ! Съ такою суммой человѣкъ далекъ отъ погибели. Поздравляю тебя отъ души (Нидочка присоединяетъ также свои поздравленія) за твое намѣреніе. Само небо, можно сказать, внушило тебѣ мысль ѣхать въ Петербургъ, чтобы искать

мѣсто. Съ твоими тремя тысячами можно многое сдѣлать! Что-жъ касается до предложенія дѣдушки Изосима Петровича, прошу тебя, ради самого Бога, вникни въ одно только: если онъ точно желалъ протянуть тебѣ руку помощи, то почему-жъ не сдѣлать этого въ критическую минуту? Ему стоило заплатить долги твои и выкупить твое имѣніе. Но онъ далъ тебѣ разориться, и теперь, когда все уже кончено, предлагаетъ мѣсто управителя на своемъ заводѣ; это, просто, низко; ты пишешь еще, что онъ накладываетъ на тебя какіе-то два года испытанія, какъ-бы для того, чтобы убѣдиться, способенъ ли ты управлять его винокуреннымъ заводомъ!.. У меня вся кровь волнуется при этомъ! Послушай, братъ, я не гордецъ; никогда не былъ гордецомъ, всегда даже гнушался этимъ порокомъ, отличающимъ низкія, мелкія души; но, признаюсь, больно было бы думать, что братъ мой по матери управляетъ винокуреннымъ заводомъ! Подумай, бывалъ ли кто изъ Фуфлыгиныхъ въ такой должности? Нѣтъ, ты не примешь предложенія дѣдушки Изосима Петровича, не измѣнишь своей благородной цѣли и пріѣдешь въ Петербургъ искать мѣсто. Подумай также: дѣдушка Изосимъ Петровичъ эгоистъ, сухой, холодный эгоистъ. Онъ предлагаетъ вамъ кровъ и кусокъ хлѣба, но, подумай, что значатъ эти грубыя матеріальныя условія въ такую минуту, когда твоя душа истерзана печалью, и слѣдовательно, всего дороже теперь—объятія друга и нѣжное, горячо сочувствующее сердце? Самъ же ты пишешь: «Всѣ отъ меня отвернулись, всѣ меня оставили!..», а между тѣмъ ты, у котораго было прекрасное родовое имѣніе,—въ кого ты его прожилъ?.. Твой домъ былъ открытъ для всѣхъ сосѣдей, ты поилъ и кормилъ весь уѣздъ, ты задавалъ прелестные праздники и веселилъ все окружавшее тебя общество!.. и вотъ тебѣ благодарность: «всѣ отвернулись!» Итакъ, бросай все это и спѣши осуществить свое благородное намѣреніе! Здѣсь только, въ Петербургѣ, въ нашей семьѣ, найдете вы оба съ вашими малютками то родственное чувство, въ которомъ вы такъ теперь нуждаетесь. (Въ ту минуту, какъ я пишу эти строки, моя Нидочка восторженно бьетъ въ ладоши, а Вася и Полиникъ

играютъ и спрашиваютъ: «скоро ли пріѣдутъ дядя Николя и тетя Соня?») О положеніи своемъ ты не сокрушайся: гдѣ-жъ и мѣста, если не въ Петербургѣ? Мнѣ знакома половина города; и наконецъ, при случаѣ, позволь тебѣ замѣтить: жена моя—урожденная баронесса Ластъ; слышишь, баронесса! здѣсь связи много значатъ, какъ и вездѣ впрочемъ. Только главное, Бога ради, дорогой Николай, позволь дать тебѣ дружескій, братскій совѣтъ: Бога ради береги свои три тысячи! Старайся какъ можно меньше тратить до твоего пріѣзда; хорошо было бы, если-бъ ты привезъ сюда непочатыми эти три тысячи. Мы тогда вѣрнѣе достигли бы своей цѣли. Что-жъ дѣлать: грустно, больно съ этимъ сознаться, но въ Петербургѣ деньги играютъ важную роль! Итакъ, говорю: до радостнаго свиданія! Не дождусь, кажется, минуты, когда обниму тебя (шутка, вѣдь мы десять лѣтъ почти не видались!). Прощай, братъ, будь здоровъ, смотри же, помни: береги деньги! Всѣ мои обнимаютъ тысячу разъ тебя, твоихъ милыхъ малютокъ и жену, съ которой я и моя Нидочка страстно желаемъ познакомиться.

Нѣжно любящій тебя братъ

Аркадій Пигуновъ».

«P. S. Нидочка сама бы тебѣ написала, но она снова въ интересномъ положеніи и чувствуетъ себя сегодня особенно какъ-то нехорошо (скажу мимоходомъ, это повергаетъ меня въ большое безпокойство; докторъ говоритъ, что нѣтъ ни малѣйшей опасности,—но ужъ я таковъ!).—Напиши два слова о днѣ твоего выѣзда по желѣзной дорогѣ, мы пріѣдемъ встрѣчать тебя.—Скоро ли! скоро ли!..»

Отъ Кокò Свищова Николаю Степановичу Фуфлыгину.

«Безцѣнный дядя!

«Прежде всего, бросьте вашего Изосима Петровича и его винокуренный заводъ,—это главное; потомъ, дайте хорошаго киселя вашимъ сосѣдямъ, которые васъ объѣдали,

а теперь отворачиваются; жаль, что не могу къ вамъ пріѣхать: я бы за васъ съ ними раздѣлался! Пріѣзжайте же, смотрите, скорѣе въ Петербургъ; лучше этого вы ничего не могли придумать. Вамъ нечего очень жалѣть о вашей деревнѣ, чортъ съ ней! тамъ скука; вы, значитъ, все-таки пожили, пожуировали жизнію... Ну, и прекрасно. Жаль только, что раньше не вздумали пріѣхать въ Петербургъ; вѣдь сколько разъ писалъ я вамъ объ этомъ! Здѣсь, по крайней мѣрѣ, прожились бы вы во сто тысячъ разъ пріятнѣе. Денегъ у васъ осталось мало, но ничего; можно еще пожить очень хорошо. Надо вамъ сказать, въ Петербургѣ денегъ рѣшительно ни у кого нѣтъ: вы сами убѣдитесь въ этомъ, когда пріѣдете; вы, слѣдовательно, съ вашими тремя тысячами, будете еще богачомъ передъ другими. Меня очень радуетъ, что вы и милая тётушка, Софья Петровна, никогда не были въ нашей столицѣ; вы увидите, что это за городъ; я васъ всюду повезу и все вамъ покажу. О мѣстѣ, которое вы намѣрены искать, нечего говорить; это послѣднее дѣло; мѣсто тотчасъ же найдется, я думаю. Я записывался и числился въ десяти мѣстахъ; скучно въ одномъ— переходишь въ другое и т. д. Здѣсь, я вамъ говорю, денегъ только нѣтъ, а мѣстъ сколько угодно. Итакъ, пріѣзжайте же скорѣе; полно вамъ прозябать въ вашей уѣздной плѣсени. Напишите мнѣ скорѣе о днѣ вашего выѣзда; я занялъ бы вамъ номеръ въ гостинницѣ; пріѣхали бы прямо съ желѣзной дороги какъ къ себѣ домой.

«Цѣлую ручки тётушкѣ Софьѣ Петровнѣ, съ которой нетерпѣливо хочу познакомиться,—а васъ обнимаю.

Преданный вамъ племянникъ

Коко̀ Свищовъ».

Отъ Петра Петровича Мирзоева Николаю Степановичу Фуфлыгину.

Любезнѣйшій Николай Степановичъ!

«Считаю излишнимъ распространяться о чувствахъ, которыя овладѣли мною при полученіи письма вашего. Жена

моя—двоюродная сестра вашей; родственная эта связь должна говорить вамъ, что я не могъ оставаться равнодушнымъ къ вашему горю. Позвольте поблагодарить васъ, Николай Степанычъ, за то, что вы не пренебрегли этими родственными отношеніями и, не зная меня лично, обратились ко мнѣ, какъ къ близкому человѣку. Вы правы: въ нашъ эгоистическій вѣкъ, когда каждый думаетъ только о себѣ самомъ и личныхъ своихъ выгодахъ, трудно найти безкорыстное расположеніе. Обвиняя въ эгоизмѣ особенно Петербургъ, вы опять, можетъ быть, правы... Тѣмъ не менѣе, прошу васъ пріѣхать какъ можно скорѣе въ нашу сѣверную красавицу. Основываясь на обстоятельствахъ, изложенныхъ въ письмѣ вашемъ, я приступилъ уже къ первымъ дѣйствіямъ; спѣшу извѣстить васъ, что все идетъ какъ нельзя успѣшнѣе: почти навѣрное имѣется въ виду отличное мѣсто; для полнаго успѣха надо только ѣхать сюда какъ можно скорѣе. Нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ города, гдѣ бы такъ трудно было найти мѣсто, какъ въ Петербургѣ; разсудите сами: это центръ, такъ сказать, куда стекаются со всѣхъ концовъ Россіи люди, для пріисканія себѣ мѣстъ на служебномъ поприщѣ. Мѣшкать слѣдовательно нельзя; повторяю: чѣмъ скорѣе пріѣдете, тѣмъ дѣло ваше вѣрнѣе. Что-жъ касается до трехъ тысячъ, о которыхъ вы пишете, это, конечно, немного; но, дѣйствуя со знаніемъ и осторожностью, я полагаю, денегъ этихъ будетъ достаточно для достиженія цѣли, которую вы предположили. Главное, надобно поймать мѣсто и утвердиться на немъ,—а для этого, повторяю еще разъ, необходимо ѣхать сюда какъ можно скорѣе, ибо мѣсто имѣется въ виду, а на него (я знаю) есть много охотниковъ.

«Принося вамъ вторично сердечную благодарность за откровенное обращеніе ко мнѣ, прошу передать мой усердный поклонъ вашей супругѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и т. д.

Петръ Мирзоевъ».

С.-Петербургъ, 4-го апрѣля.

Chère cousine!

«Избави тебя Богъ сдѣлаться управительшей, да еще винокуреннаго завода! Fi, quelle horreur! Cela ne c'est jamais vu!.. Я, къ сожалѣнію, не знакома еще съ твоимъ мужемъ, но все равно, пожури его хорошенько отъ моего имени за то, что подобная мысль могла ему придти въ голову. Суди, Sophie: каждая уѣздная дрянь, которая прежде дѣлала передъ тобою книксены, стала бы подымать носъ и важничать! Уже одно то, что вы лишились состоянія, ставитъ васъ передъ всею этою мелюзгою въ какое-то невыносимо-фальшивое положеніе. Но, къ счастію, все кончено, и вы ѣдете въ Петербургъ. Давно бы пора! Съ того времени, какъ мы разстались (вспоминаешь ли ты иногда Москву и пансіонъ Levenard?..), я два раза тебѣ писала и всякій разъ приглашала въ нашу очаровательную столицу. Je cherchais à vous émanciper! Неужели ваша vie de province такъ привлекательна? — Не вѣрю! Съ нетерпѣніемъ жду, что скажешь ты о Петербургѣ. Одно, ma chère: нужно много денегъ. Tachez de faire des économies, чтобы привести сюда какъ можно больше. Подумай: il faut vous équiper! Прошу тебя, Sophie, не покупай ничего проѣздомъ въ Москвѣ; tout y est d'un goût horrible. Положись вполнѣ на меня, мнѣ знакомы всѣ модистки, мы всюду будемъ вмѣстѣ ѣздить, и ручаюсь тебѣ, что никто не купитъ такъ хорошо и дешево. Надѣюсь, слово «дешево» (которое такъ любятъ мужья, когда дѣло касается нашего туалета) расположитъ ко мнѣ твоего Nicolas; его, вѣроятно, заранѣе пугаютъ наши затѣи... Que veux tu, chère, tou les maris sont на одинъ покрой, то есть страшнѣйшіе эгоисты. Не хочу, впрочемъ, заранѣе ссориться съ твоимъ мужемъ; что-то говоритъ мнѣ, что мы будемъ друзьями. Пріѣзжайте только скорѣе. Le printemps est superbe! Прощай (sans adieu),—жму руку твоему Nicolas (котораго ты, какъ я вижу, обожаешь), — а тебя цѣлую.

«Твоя Alexandrine de Mirzoeff».

II.

НА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ.

Дней десять спустя послѣ полученія этихъ писемъ (получены они были въ гостинницѣ уѣзднаго города, куда Фуфлыгины вынуждены были перебраться вскорѣ послѣ продажи съ молотка ихъ имѣнія), — въ Москвѣ, утромъ, на станціи желѣзной дороги, явились Николай Степанычъ и его семейство. Семейство, впрочемъ, не велико: оно состояло изъ жены (хорошенькой, довольно щегольски, слишкомъ даже щегольски одѣтой дамы) и двухъ дѣтей—мальчика и дѣвочки, которыхъ, по обычаю всѣхъ нѣжныхъ родителей, звали уменьшительными именами, именно: Леша и Поша.

Не было еще десяти часовъ, когда Фуфлыгины показались въ дверяхъ большой залы, гдѣ отправляютъ багажъ, осматриваютъ виды и выдаютъ билеты. Пассажировъ было пока мало; тутъ находились большею частію лакеи, пріѣхавшіе съ господскими вещами, и нѣсколько пожилыхъ, плотно закутанныхъ дамъ, которыя ѣхали въ первый разъ, трое сутокъ волновались при мысли объ отъѣздѣ и забрались сюда съ восьми часовъ, изъ опасенія, чтобы безъ нихъ не ушла какъ-нибудь машина. Но и этихъ лицъ было достаточно для приведенія Николая Степаныча въ смущеніе; онъ рѣшительно подламывался подъ тяжестью мѣшковъ, узловъ и свертковъ; тяжесть, въ настоящемъ случаѣ, играла разумѣется послѣднюю роль; вопросъ былъ чисто моральный: для человѣка, который жилъ въ собственномъ домѣ, котораго окружали собственные люди, которому трудно было поднять платокъ или взять сигару безъ помощи слуги,—такому человѣку, согласитесь сами, крайне было неловко показаться въ публичномъ мѣстѣ съ узлами въ обѣихъ рукахъ; если вы прибавите къ этому, что такой человѣкъ долженъ былъ немилосердно пыхтѣть и сильно откидываться назадъ, чтобы не разронять свертковъ, которые поддерживалъ онъ

локтями на груди своей, вы поймете, что положеніе было дѣйствительно затруднительное.

Справедливость требуетъ замѣтить, что самъ Николай Степанычъ далеко не такъ смущался, какъ жена его; у нея не было узловъ,—это правда; она даже совершенно свободно выступала между дѣтьми въ своей бархатной мантильѣ и розовой шляпкѣ; но смущеніе ея весьма основательно проистекало отъ сосѣдства съ мужемъ, который пыхтѣлъ и едва передвигалъ ноги подъ бременемъ тяжелой ноши. Поэтому самому, первымъ движеніемъ ея, какъ только она вошла въ залу, было подать скорѣе руку дѣтямъ и поспѣшно отойдти въ сторону. Софью Петровну дѣйствительно можно было бы принять тогда за свѣтскую даму, явившуюся сюда съ дѣтьми, такъ, просто, для прогулки или для проводовъ какой-нибудь свѣтской пріятельницы, если-бъ не произошло слѣдующаго: Николай Степанычъ, не видя вдругъ жены и дѣтей, пугливо оглянулся и зацѣпилъ подбородкомъ одинъ изъ свертковъ, лежавшихъ на груди его; свертокъ распахнулся—и изъ него посыпались пирожки и бутерброты.

— Папа, папа, пирожки падаютъ! крикнулъ Леша.

— Tais toi! шепнула Софья Петровна, дергая Лешу за руку и отводя поспѣшно глаза въ другую сторону.

— Ай, ай, и бутерброты посыпались! мама, бутерброты! закричала еще громче Поша.

— Tais toi!..

— Душенька... душенька! простоналъ въ то же время Николай Степанычъ, придерживая правымъ плечомъ падавшую провизію.

Софья Петровна принуждена была подойдти къ мужу.

— Ты, душенька, всегда напичкаешь мнѣ всякой дряни, досадливо проговорилъ Николай Степанычъ, между тѣмъ какъ жена торопливо закрывала свертокъ и прятала его подъ мантилью:—куда намъ дѣваться со всѣми этими узлами... я рѣшительно не знаю!.. Хоть бы ты взяла, право, эту картонку.. фу!.. Сюда, любезные, сюда! съ оживленіемъ подхватилъ онъ, увидя двухъ солдатъ, вносившихъ его чемоданы:—сюда, ступайте за мною...

Ты, душенька, сядь поди съ дѣтьми вонъ на ту лавку... я сейчасъ приду, только вещи отправлю...

Николай Степанычъ подхватилъ мѣшки свои и повлекъ ихъ за солдатами, которые направились къ среднему окну залы; передъ этимъ окномъ толкалось, какъ всегда водится, много народу и громоздились въ безпорядкѣ тюки, чемоданы и ящики.

— Позвольте... пропустите, пропустите... суетливо проговорилъ Николай Степанычъ, протискиваясь впередъ.

— Здѣсь, батюшка, прежде васъ стоятъ... не сейчасъ ѣдемъ, подождать можно, хладнокровно возразилъ бородатый купецъ, не трогаясь съ мѣста.

— Но у меня жена и дѣти дожидаются; мнѣ нужно!.. настойчиво произнесъ Фуфлыгинъ, порываясь впередъ.

— И всякому такъ-то нужно!.. перебилъ купецъ, безцеремонно заграждая дорогу.

— Любезнѣйшій, крикнулъ тогда Николай Степанычъ, ласково мигая солдату, который принималъ въ окнѣ вещи:—нельзя ли поскорѣе?

— Извольте обождать, нельзя! Здѣсь кто раньше пріѣхалъ, тотъ и правъ! отозвался солдатъ.

Лицо Николая Степаныча отличалось добродушіемъ,— это несомнѣнно; но никакъ нельзя сказать, чтобы въ эту минуту на немъ изобразилось желаніе добра своимъ ближнимъ. Онъ опустилъ мѣшки и оглянулся на стороны. Но никто его не замѣтилъ. Кто возился со своими вещами; кто болталъ съ родственниками, пріѣхавшими провожать; кто цѣловался и плакалъ; кто смѣялся; въ одномъ углу щелкала печать, выбивавшая штемпель; въ другомъ звякали деньги, отдаваемыя за билеты; вездѣ ходили, говорили и двигались, и каждый думалъ о себѣ только.

Наконецъ, настала очередь чемоданамъ Николая Степаныча. Когда они исчезли въ окнѣ, владѣтель ихъ перешелъ налѣво, къ желтой рѣшеткѣ, за которой возсѣдалъ чиновникъ.

Лицо Николая Степаныча приняло уже, на этотъ разъ, самое нѣжное, пріятное выраженіе.

— Это мои вещи, сказалъ онъ, привѣтливо наклоняясь къ чиновнику и ласково прищуриваясь: — вещи

помѣщика Фуфлыгина, добавилъ онъ, любезно приподымая брови.

— Это все равно-съ, сухо возразилъ чиновникъ.

— Но однакожъ...

— Одиннадцать рублей тридцать двѣ копейки! сухо перебилъ чиновникъ и, не подымая глазъ, подалъ три билетика.

Николай Степанычъ, котораго такое невниманіе невольно бросило въ краску, торопливо запустилъ руку въ карманъ и выложилъ требуемыя деньги.

— Нельзя, однакожъ, сказать, чтобъ здѣсь были внимательны къ лицамъ... замѣтилъ онъ, устремляя къ рѣшеткѣ взглядъ, полный достоинства, и покручивая головою.

— Два рубля восемьдесятъ копѣекъ, проговорилъ чиновникъ, не обративъ вниманія на замѣчаніе пассажира и поворачиваясь къ другому лицу, заступившему мѣсто Фуфлыгина.

Николай Степанычъ заблагоразсудилъ отойди прочь и принялся приводить въ порядокъ ассигнаціи, находившіяся въ бумажникѣ.

Фуфлыгинъ представлялъ изъ себя человѣка средняго роста, средняго возраста, съ бѣлокурыми завитками на вискахъ и глянцовой лысинкой между этими завитками,—лысинкой, которая образовалась у него почти съ дѣтства, — обстоятельство, заставлявшее всегда говорить его покойную матушку, что онъ непремѣнно будетъ дипломатомъ. Не знаю, на сколько вѣрны предположенія старушки и какъ далеко простирались дипломатическія способности ея сына; знаю только, что это было добродушнѣйшее и самое довѣрчивое созданіе, котораго всѣ водили за носъ, начиная съ жены и кончая камердинеромъ Харитономъ, потерю котораго онъ такъ часто оплакивалъ; круглое, гладко выбритое лицо Николая Степаныча было бы пріятно, еслибъ не портило его выраженіе какой-то безтолковой суетливости; онъ вѣчно казался сильно озабоченнымъ, хоть, надо правду сказать, заботы его начались только съ нынѣшняго утра, когда онъ самъ принужденъ былъ нести мѣшки свои. Даже самыя мысли

Николая Степаныча находились какъ словно въ суетѣ какой-то; онѣ путались, перегоняли другъ дружку, сбивались,—изъ чего многіе заключали, что у него въ головѣ катаются шарики и постоянно вертится проволочное колесо, въ которомъ прыгаетъ бѣлка. Не смотря на безвыѣздную сельскую жизнь, пріучающую, какъ извѣстно, къ распущенности, онъ былъ одѣтъ очень удовлетворительно; коричневое пальто, клѣтчатые панталоны, высокія калоши и черный галстукъ, пропускавшій бѣлые воротнички рубашки; самый картузъ Николая Степаныча показывалъ, что онъ предпочиталъ магазины гостиному двору и лавкамъ своего уѣзда.

— Ужасъ, какъ уже много истрачено денегъ! почти невѣроятно! думалъ Николай Степанычъ, перебирая въ ладони ассигнаціи; а тѣ еще пишутъ, нельзя ли привезти непочатыми всѣ три тысячи!.. да, чорта съ два, убережешь!.. Подумать страшно, сколько истрачено... Это невозможно однакожъ, надо будетъ какъ-нибудь ее урезонить; это выходитъ, съ насъ четверыхъ, если считать по тринадцати цѣлковыхъ за мѣсто, выходитъ пятьдесятъ два цѣлковыхъ... Это ужасъ! а тамъ еще дорога, обѣдъ, извощики... Нѣтъ, надо какъ-нибудь ей представить, надо урезонить ее...

Съ этими словами Николай Степанычъ свернулъ бумажникъ, поднялъ дорожный мѣшокъ (свертки запряталъ онъ въ другіе мѣшки и отправилъ съ чемоданами) и направился къ женѣ. Увидя мужа съ однимъ только сакъвояжемъ и притомъ довольно приличнымъ, Софья Петровна пріятно улыбнулась.

— Что, отправилъ? спросила она.

— Отправилъ, мой другъ, проговорилъ онъ, стараясь придать лицу своему разстроенное выраженіе: — только это ужасъ! представь; взяли почти сорокъ цѣлковыхъ...

— Неужто?

— Да... я совсѣмъ не ожидалъ этого... Знаешь, Сонечка, право, не послушаться ли совѣта брата Аркадія и твоей кузины, которые просятъ экономничать... присовокупилъ Фуфлыгинъ, садясь подлѣ жены:—мы невѣроятно

уже сколько истратили, а тутъ придется еще отдать пятьдесятъ два цѣлковыхъ... не лучше ли, право...

— Я впередъ знаю, что ты хочешь сказать...

— Ну, да, душенька, да! возьмемъ лучше билеты тамъ... это предубѣжденіе...

— Вы хотите, слѣдовательно, чтобы я ѣхала съ мужиками?.. перебила не совсѣмъ ласково супруга.

— Но, душенька, клянусь тебѣ, это чистое предубѣжденіе!.. тамъ ѣздитъ очень много порядочныхъ людей; мой знакомый, Шилихвостовъ, тамъ вѣчно садится... наконецъ дамы... Да вотъ, чего же лучше! ты сама знаешь: полковница Бабакина тамъ ѣхала!.. мѣста эти теперь отлично перестроены... вездѣ окна, лакъ, политура... и, право, отлично бы доѣхали...

— Повторяю вамъ, мнѣ ваши мужики и безъ того уже въ деревнѣ надоѣли...

— Но, душенька, почти отчаянно промолвилъ супругъ, имѣвшій слабость разгорячаться собственными словами:— повторяю тебѣ: тамъ нѣтъ никакихъ мужиковъ... и наконецъ, тебѣ какое дѣло, развѣ я не съ тобою?.. Подумай, никто насъ здѣсь не знаетъ, никто насъ, слѣдовательно, не увидитъ... А между тѣмъ экономія соблюдена; она намъ, такъ необходима! вникни: наши обстоятельства!.. Намъ предстоитъ еще столько издержекъ!.. побѣди себя!.. а твой туалетъ: вѣдь надо же будетъ денегъ!.. Что необходимо—то необходимо, ты это знаешь...

— Хорошо... но если только хоть одинъ мужикъ...

— Мы мгновенно пересядемъ тогда въ другое мѣсто! съ видомъ рѣшительнымъ и смѣлымъ подхватилъ Фуфлыгинъ и, приподнявъ дорожный мѣшокъ, торопливо вывелъ жену и дѣтей на подъѣздъ.

Во всю дорогу, отъ главнаго подъѣзда, мимо боковой арки вдоль тротуара, ведущаго къ подъѣзду третьяго разряда, Николай Степанычъ не переставалъ восторгаться благоразуміемъ жены и выхвалять удобство семи-рублевыхъ вагоновъ. Приближаясь однакожъ къ цѣли своего путешествія, онъ все пытливѣе и пытливѣе устремлялъ безпокойные взоры къ подъѣзду, на которомъ толпится обыкновенно отправляющійся народъ, но тамъ стояла одна

только баба; замѣтивъ съ увѣренностію, что это не пассажирка, а жена сторожа (изъ чего вывелъ онъ это заключеніе—неизвѣстно), Николай Степанычъ подалъ руку женѣ, пустилъ впередъ дѣтей и вошелъ съ ними въ залу.

— Ахъ, Боже мой, ни за что въ свѣтѣ!.. воскликнула Софья Петровна, при видѣ около полсотни мужиковъ и бабъ, толкавшихся у дверей и оконъ.

— Душенька, подхватилъ съ выраженіемъ страданія во всѣхъ чертахъ Николай Степанычъ:—душенька, клянусь тебѣ, они пришли по большей части провожать... они не поѣдутъ, успокойся... взгляни! подхватилъ онъ почти восторжено, указывая на красиваго молодого человѣка, съ густыми бакенами, отлично одѣтаго и небрежно игравшаго часовой цѣпочкой:—взгляни!.. подхватилъ онъ еще радостнѣе, повертывая жену къ офицеру, который стоялъ у окна:—я говорилъ! вотъ настоящіе пассажиры!.. Они съ нами поѣдутъ, а не эти...

Побѣжденная вторично доводами мужа (въ основаніи ангельской кротости Софьи Петровны лежали, быть можетъ, кой-какіе разсчеты касательно кой-какого петербургскаго платья или мантильи), она согласилась остаться въ залѣ и ждать, пока мужъ ея возьметъ билеты. Николай Степанычъ, конечно, не заставилъ себя повторить два раза; онъ стремительно пустился во вторую комнату и тотчасъ же смѣшался въ толпѣ, которая стояла передъ рѣшеткой, гдѣ раздавали билеты. Получивъ нѣсколько контузій въ бока и спину (Николай Степанычъ не обращалъ уже вниманія на толчки; не до того было, кругомъ говорили, что оставалось нѣсколько минутъ до звонка), онъ завладѣлъ билетами и поспѣшилъ къ женѣ.

— Nicolas! раздался за нимъ знакомый голосъ.

Онъ оглянулся и увидѣлъ Софью Петровну, которая торопливо шла къ нему навстрѣчу. Лицо ея показалось ему сильно встревоженнымъ.

— Что такое?... спросилъ онъ.

— Скорѣе уйдемъ отсюда... я ни за что не хочу здѣсь ѣхать... ни за что, ни за что!...

— Но я уже взялъ билеты...

— Мнѣ все равно...

— Но, ради, Бога, что же такое?... спросилъ онъ, оглядываясь во всѣ стороны.

— Не здѣсь, а тамъ! произнесла Софья Петровна, указывая на первую залу, гдѣ оставилъ ее мужъ.

— Но что же такое?

— Тамъ сестра жены нашего уѣзднаго аптекаря... она съ нами ѣдетъ; я ни за что не поѣду...

— Но какъ же быть?... билеты уже взяты... ихъ назадъ не возьмутъ...

— Какъ хочешь... но я здѣсь не поѣду! заключила Софья Петровна и, взявъ за руки Лёшу и Пошу, которые недоумѣвали, куда ихъ снова тащатъ, быстрыми шагами пошла изъ комнаты, прошла залу и вышла на подъѣздъ.

Николай Степанычъ догналъ уже ее, когда она спускалась на тротуаръ. Въ эту самую секунду залился звонокъ и послышался гамъ толпы, хлынувшей къ вагонамъ.

— Мы пропали!.. наши чемоданы... все уѣдетъ!.. могъ только проговорить помѣщикъ, выпуская изъ рукъ дорожный мѣшокъ и столбенѣя отъ ужаса.

Но это продолжалось секунду; онъ быстро подхватилъ одною рукою Лешу и Пошу, въ другую руку взялъ мѣшокъ и, проговоривъ раздирающимъ голосомъ:—Душенька, Бога ради!... побѣжалъ стремглавъ назадъ въ залу, сопровождаемый женою.

— Успѣете еще, сударь, не опоздали... проговорилъ сержантъ, стоявшій у двери, выходившей на платформу.

Но въ замѣшательствѣ своемъ Николай Степанычъ ничего не слушалъ; выбѣжавъ на платформу, онъ ринулся съ дѣтьми и женою въ самую середину толпы, осаждавшей вагоны. Свѣтскія наклонности Софьи Петровны на мгновеніе уступили мѣсто страху, когда почувствовала она себя сдавленною десятками мужицкихъ локтей; она очнулась тогда лишь, когда ее силою почти внесли въ вагонъ и приперли къ скамейкѣ, куда она поспѣшила сѣсть изъ опасенія, чтобы ее совсѣмъ не раздавили. Николай Степанычъ подоспѣлъ къ ней съ дѣтьми почти въ ту же секунду.

— Это вездѣ такъ... даже въ первомъ разрядѣ!... ты

не ушиблась, мой другъ?... проговорилъ Николай Степанычъ, руки и голосъ котораго дрожали.

Софья Петровна ничего не отвѣчала; она поправляла шляпку и въ то же время бросала безпокойные взгляды вокругъ.

— Нѣтъ, ее здѣсь нѣтъ... она должно быть въ другомъ вагонѣ... обязательно шепнулъ Николай Степанычъ, озиравшійся также во всѣ стороны. Успокоенная нѣсколько отсутствіемъ родственницы уѣзднаго аптекаря, которая могла написать въ уѣздъ, что ѣхала въ семи-рублевомъ вагонѣ съ Фуфлыгиной, Софья Петровна обратила вниманіе на сосѣдей; рядомъ съ нею помѣщался молодой человѣкъ съ бакенами и часовой цѣпочкой, котораго она видѣла въ залѣ; немного поодаль красовался офицеръ; это обстоятельство, повидимому, смягчило ея расположеніе духа; но она тотчасъ же заговорила по-французски съ дѣтьми и мужемъ, желая дать знать сосѣдямъ своимъ, что они ѣдутъ съ особами порядочнаго круга.

— Не странно ли это, промолвила, уже по-русски и притомъ очень явственно, Софья Петровна:—весною, въ то время, какъ всѣ оставляютъ городъ и ѣдутъ въ деревню, мы оставляемъ деревню и ѣдемъ въ городъ...

— Вы стало-быть изъ деревни,—это какъ я! неожиданно вмѣшался человѣкъ, сидѣвшій наискось отъ Николая Степаныча (по выговору въ немъ тотчасъ же можно было узнать хохла; онъ былъ не бритъ, въ загрязненной шинели и покрытомъ пухомъ картузѣ, изъ-подъ котораго выглядывала пара наглыхъ бойкихъ глазъ; отъ него, въ добавокъ, сильно несло водкой). Я изъ Пирятина, продолжалъ господинъ: — моя фамилія Карпенко... ѣду по тяжебному дѣлу... Скажите, заключилъ онъ, протягивая руку Николаю Степанычу:—я, кажется, имѣлъ уже удовольствіе съ вами встрѣчаться?...

— Очень можетъ быть... сухо проговорилъ Николай Степанычъ, котораго жена дергала украдкою за рукавъ.

Не получая руки, которую ждалъ, и замѣтивъ можетъ-быть движеніе дамы, Карпенко откинулся вдругъ назадъ и произнесъ съ явною раздражительностію:

— Что это вы такъ горды!.. такъ горды!..

По лицу Карпенки, начинавшему разгораться, и по глазамъ его легко было заключить, что онъ не остановится на такомъ объясненіи, — но въ эту минуту раздался свистокъ—и поѣздъ тронулся. Всѣ почти сняли картузы и стали креститься; въ то же время, въ разныхъ концахъ вагона, раздались восклицанія въ этомъ родѣ:—«ну, поѣхала лошадка... но! но!.. труу!.. Вишь, какъ визжитъ; стало-быть тяжко, сердечной!.. ай да чугунка! знатно!..»

— Il faut avouer que nous sommes dans une étrange compagnie! сказала Софья Петровна, поглядывая на мужа, который старался не попадаться на глаза Карпенкѣ.

Карпенко, съ своей стороны, отворачивался отъ Фуфлыгиныхъ, бросая на нихъ только время отъ времени раздраженные взгляды.

— Maman, maman, посмотри, какъ скоро бѣгутъ деревья! воскликнули Леша и Поша, которыхъ отецъ поставилъ къ окну.

— Я думала, однакожъ, мы поѣдемъ гораздо скорѣе... замѣтила Софья Петровна.

— Это только сначала такъ медленно; когда разойдется машина, мы поѣдемъ несравненно скорѣе... произнесъ молодой человѣкъ съ бакенами и цѣпочкой, сидѣвшій рядомъ съ Фуфлыгиной:—вы, вѣроятно, въ первый разъ изволите ѣхать?..

— Да, мы въ первый разъ, сказалъ Николай Степанычъ, которому очень пріятно было найти случай отвернуться отъ Карпенки, ибо взгляды этого господина начинали нешутя его безпокоить.

— Въ Петербургъ изволите ѣхать? освѣдомился молодой человѣкъ.

— Въ Петербургъ, отвѣчала Софья Петровна тономъ, который показывалъ, что она умѣла отличать людей и всегда рада была говорить съ порядочнымъ человѣкомъ.— Вы также въ Петербургъ?

— Да-съ, я постоянно тамъ нахожусь, скромно возразилъ молодой человѣкъ:—я ѣздилъ въ Москву потому

собственно, что тамъ умерла графиня Щурунова, такъ мы ѣздили хоронить ее...

— А я такъ больше жилъ въ деревнѣ, заговорилъ вдругъ съ развязностью Николай Степанычъ, котораго жена уже не дергала теперь за рукавъ и, напротивъ, взглядами поощряла къ разговору:—теперь мы ѣдемъ въ Петербургъ, чтобы повидаться съ родственниками; у меня тамъ есть даже родной братъ... можетъ даже быть, вы его знаете...

— Женатый на баронессѣ Ластъ, обязательно подсказала Софья Петровна.

— Потомъ есть еще племянникъ, сынъ покойной сестры моей, нѣкто Свищовъ; сынъ той самой Свищовой, которой принадлежалъ этотъ огромный домъ у Красныхъ Воротъ, мимо котораго вы ѣхали... Наконецъ, у жены есть родственники, добродушно продолжалъ Николай Степанычъ:—двоюродная сестра, нѣкто Мирзоева! мужъ ея служитъ, занимаетъ прекрасное мѣсто...

— Ахъ, какъ я рада буду увидать Sophie...

— Конечно, сударыня, послѣ долгой разлуки...

— Представьте, почти шесть лѣтъ не видались! съ того времени, какъ вышли изъ пансіона...

Разговоръ, начавшійся такъ пріятно, не могъ остановиться при своемъ зарожденіи; Фуфлыгины, поощряемые скромнымъ и совершенно порядочнымъ видомъ сосѣда, пустились въ разспросы касательно столичныхъ увеселеній, театровъ, гульбищъ; на все это молодой человѣкъ давалъ немногосложныя, но весьма удовлетворительныя объясненія; разговоръ его не отличался яркостью красокъ, но не былъ лишенъ занимательности; онъ много путешествовалъ; былъ нѣсколько разъ въ Италіи, въ Парижѣ, на Рейнѣ; въ рѣчахъ его часто попадались слова: графъ, князь; словомъ, онъ такъ былъ любезенъ, что Софья Петровна и ея мужъ выразили явное сожалѣніе, когда вагоны стали подъѣзжать къ первой станціи.

— Вотъ мы ужъ и пріѣхали—какъ скоро! произнесъ Фуфлыгинъ: — надѣюсь, мы снова будемъ имѣть удовольствіе видѣть васъ своимъ сосѣдомъ?..

— Не могу вамъ сказать-съ... это не отъ меня зависитъ...

— Намъ было бы очень пріятно... не безъ кокетства промолвила Софья Петровна, обращая глаза свои къ двери, гдѣ неожиданно показался кондукторъ.

— Человѣкъ графа Щурунова!.. крикнулъ кондукторъ.

— Здѣсь, сейчасъ! отозвался молодой человѣкъ, сосѣдъ Фуфлыгиныхъ, поспѣшно вставая и направляясь къ двери.

Еслибъ кондукторъ объявилъ, что лопнулъ котелъ машины, или треснули колеса вагона, Софья Петровна и ея мужъ не такъ бы, казалось, поражены были, какъ въ настоящую минуту.

— Ха, ха, ха! внезапно залился Карпенко, становясь прямо противъ Фуфлыгина:—ха, ха, ха!.. а вы думали, это графъ какой-нибудь?.. а? ха, ха!..

Нѣкоторые изъ сидѣвшихъ по близости послѣдовали примѣру Карпенки.

— Милостивый государь, я васъ прошу оставить меня въ покоѣ! воскликнулъ Николай Степанычъ, багровѣя и быстро подымаясь съ мѣста.

— Nicolas, de grace!.. произнесла Софья Петровна, схватывая мужа за рукавъ:—sortons, au nom du ciel!.. пожалуйста выйдемъ поскорѣе отсюда... мы ужъ пріѣхали,— всѣ выходятъ...

И дѣйствительно, всѣ ужъ валили изъ вагона. Николай Степанычъ, подхвативъ Лешу и Пошу, выбрался съ женой на платформу.

— Это ужасно, однакожъ... это чортъ знаетъ что такое! сказалъ онъ.

— Я тебѣ говорила!.. я не могу здѣсь больше оставаться... c'est une horreur!..

— Ты пересядешь сейчасъ же въ другой вагонъ; вѣроятно не всѣ мѣста заняты... мы сейчасъ это увидимъ...

И Николай Степанычъ направился вдоль платформы, останавливаясь у каждаго вагона и заглядывая въ окна.

— Вотъ какъ разъ цѣлый пустой вагонъ — и еще перваго разряда!.. садись поскорѣе съ дѣтьми... садись, душенька...

— А ты?

— Я сяду съ тобою на слѣдующей станціи; я забылъ нашъ дорожный мѣшокъ,—а теперь некогда; сейчасъ зазвонятъ... adieu... слышишь! ужъ звонятъ! adieu! adieu! заключилъ супругъ, пускаясь во весь духъ по платформѣ, гдѣ разомъ все засуетилось и забѣгало.

Вагонъ, въ которомъ помѣстилась Софья Петровна, оказался вовсе не пустымъ; едва расположилась она съ дѣтьми на мягкомъ диванѣ и раздался звонокъ,—въ вагонъ явились два молодые человѣка и дама, чрезвычайно щегольски одѣтая; она смѣялась во все горло и обращалась съ молодыми людьми совершенно безцеремонно. При видѣ посторонняго женскаго лица и двухъ дѣтей, молодые люди и ихъ спутница вопросительно переглянулись. Всѣ трое, казалось, не совсѣмъ пріятно были поражены прибытіемъ новыхъ пассажировъ.

Величавый и строгій видъ, который, неизвѣстно по какимъ причинамъ, приняла вдругъ Софья Петровна, какъ только очутилась въ вагонѣ перваго класса, очевидно, долженъ былъ стѣснить веселыхъ путешественниковъ. Впрочемъ, они не долго стѣснялись; какъ только поѣздъ тронулся, одинъ изъ молодыхъ людей растянулся на диванѣ; другой подсѣлъ къ дамѣ и, поправляя на ней мантилью, украдкой обхватилъ раза два ея талію. Послѣднее не ускользнуло отъ вниманія Софьи Петровны; она смекнула, въ чемъ дѣло, и, желая внушить молодому человѣку болѣе почтительное обращеніе, окинула его и его даму негодующимъ взглядомъ. Но это нисколько не подѣйствовало; молодые люди насмѣшливо переглянулись и всѣ трое захохотали. Софья Петровна сдѣлала нетерпѣливый жестъ и отвернулась къ окну.

— Катерина Михайловна, хотите папироску? спросилъ молодой человѣкъ, лежавшій на диванѣ.

Катерина Михайловна кивнула головой, молодой человѣкъ бросилъ ей папироску, которую она подхватила на лету и тотчасъ закурила.

— Поша, Поша, посмотри, какія славныя колечки изъ дыма они пускаютъ! воскликнулъ Леша.

— И папа умѣетъ такія пускать, простодушно замѣтила Поша.

— Taisez vous! строго перебила Софья Петровна, бросая раздраженный взглядъ.

Молодые люди снова переглянулись; Катерина Михайловна не могла удержаться и прыснула, какъ говорится. Фуфлыгина презрительно отвернулась къ окну.

Всѣ эти манеры подстрекали только, повидимому, къ шалостямъ трехъ путешественниковъ. Молодой человѣкъ, лежавшій на диванѣ, и Катерина Михайловна начали пускать другъ въ друга длинныя струи дыма.

— C'est insupportable... пробормотала наконецъ Софья Петровна и нетерпѣливо опустила окно.

Въ эту минуту вошелъ кондукторъ.

— А, любезнѣйшій, поди-ка сюда; тебя-то и надо было! воскликнулъ лежавшій на диванѣ, принимая вдругъ строгій видъ:—слушай: первымъ дѣломъ моимъ, какъ я пріѣду въ Петербургъ, будетъ пожаловаться на тебя...

— Это за что же-съ? спросилъ кондукторъ съ недоумѣвающей миной.

— А за то, что ты, я замѣтилъ, имѣешь обыкновеніе впускать чужихъ пассажировъ въ семейные вагоны... вотъ за что! я ужъ это не разъ замѣтилъ... прибавилъ онъ, украдкою косясь на Фуфлыгину, которая, очевидно, обмерла отъ страха, хотя продолжала глядѣть въ окно и дѣлала видъ, какъ-будто ничего не замѣчаетъ.

Кондукторъ подошелъ къ ней.

— Вашъ билетъ, сударыня!..

— Ахъ! произнесла Софья Петровна, у которой изъ гордаго лица сдѣлалось вдругъ плаксивое:—Ah, mon Dieu!..

— Билетъ вашъ, сударыня, билетъ пожалуйте... повторилъ кондукторъ.

— Ахъ... мой мужъ... у меня билетъ тамъ... Ah mon Dieu, qu'est ce qu'on veut faire avec moi?.. пробормотала окончательно уже растерявшаяся Софья Петровна.

— Вы изволили пересѣсть изъ третьяго класса въ семейный вагонъ, это у насъ строго воспрещается...

— Но я этого не знала... ахъ, Боже мой... ah, mon Dieu! что со мной хотятъ сдѣлать?..

Кондукторъ успокоилъ ее, сказавъ, что съ нею ничего не сдѣлаютъ, но попросилъ ее выйти, какъ только оста-

новится поѣздъ, что и исполнила она, какъ каждый себѣ представитъ, съ великою поспѣшностью.

Съ первымъ ударомъ звонка, Николай Степанычъ былъ уже на платформѣ со своимъ дорожнымъ мѣшкомъ, и торопился присоединиться къ женѣ; увидя ее еще издали и пораженный ея разстроеннымъ лицомъ, онъ побѣжалъ въ припрыжку.

— Ахъ, Nicolas! воскликнула Софья Петровна, чуть не падая на руки мужу:—я не могу этого вынести... меня оскорбили... тутъ была женщина... и молодые люди...

— Молодые люди! произнесъ Николай Степанычъ, суетливо обдергивая пальто и озираясь на стороны, какъ бы готовясь вызвать на бой всю толпу, ходившую на платформѣ.

— Nicolas, что ты хочешь дѣлать... de grâce, остановись... подумай...

— Но я хочу знать, что они сдѣлали?.. Какъ они тебя оскорбили?.. допрашивалъ онъ, заглядывая вправо и влѣво и какъ бы отыскивая кого-то.

Софья Петровна, въ бѣглыхъ словахъ, разсказала обо всемъ случившемся.

— Эхъ, душа моя, вотъ ты всегда такъ! досадливо сказалъ Николай Степанычъ:—ужъ сѣла—такъ и сиди... очень нужно было задирать...

— Ты же меня обвиняешь!..

— Да нельзя же, душа моя,—это не водится; сѣла—ну и сиди... Однакожъ пора, звонятъ... пойдемъ...

— Но тамъ этотъ лакей... Послѣ того, что случилось...

— Нѣтъ, онъ пересѣлъ въ другой вагонъ; мѣсто его пусто... сестра аптекаря также исчезла!..

— Ну, а тотъ, который все къ тебѣ привязывался... это ужасно!

— Тотъ, слава Богу, теперь заснулъ; на прошлой станціи я самъ видѣлъ, какъ онъ залпомъ выпилъ три рюмки и тотчасъ же заснулъ послѣ этого...

— Oh, quelle horreur!

— Оррёръ ли, нѣтъ ли, но входи — дѣлать нечего! добавилъ Николай Степанычъ, останавливаясь передъ своимъ вагономъ.

Вплоть до самой Твери ничего не случилось особеннаго съ нашими путешественниками. Они ни разу даже не выходили изъ вагона. Кромѣ жены аптекаря, Софья Петровна боялась теперь встрѣтиться съ молодыми пассажирами семейнаго класса и не выпускала Николая Степаныча, изъ опасенія, чтобы онъ не завелъ съ ними исторіи. Въ Твери, однакожъ, они вышли; но они не садились за общій столъ, а сѣвъ въ сторонѣ, скромно пообѣдали и, не теряя секунды, вернулись на платформу. Первое лицо, попавшееся имъ на глаза, былъ Карпенко; онъ стоялъ передъ лоткомъ торговца и пилъ водку.

— Онъ опять пьетъ! опять будетъ какая-нибудь исторія, сказала Софья Петровна.

— Это ужасъ, что за животное, въ самомъ дѣлѣ! я удивляюсь, какъ пускаютъ такихъ людей... надо бы предупредить кондуктора...

Но Николай Степанычъ и жена его ошиблись въ своихъ предположеніяхъ; вернувшись въ вагонъ вскорѣ послѣ Карпенки, они увидѣли его распростертаго на лавкѣ и спящаго крѣпкимъ сномъ.

— Кондукторъ, есть здѣсь свободное мѣсто? прозвучалъ рѣзкій голосъ, когда пассажиры стали входить въ вагонъ.

— Есть, пожалуйте... отозвался кондукторъ, указывая на мѣсто подлѣ Фуфлыгиной.

Софья Петровна съ испугомъ оглянула новое лицо; она была такъ уже напугана, что въ каждомъ пассажирѣ видѣла непремѣнно буяна или человѣка, способнаго кругомъ окомпрометировать. Новое лицо тотчасъ же успокоило и ее, и Николая Степаныча.

То была плотная дама, средняго возраста, съ круглою головкою, убранною мелкими косичками (она намѣревавалась вѣрно явиться завтра въ Петербургъ съ гофрированными волосами); косички эти, очень круто заплетенныя, выглядывали изъ-подъ голубой, небеснаго цвѣта шляпки, которую она поминутно поправляла безъ помощи рукъ, но задергивая голову къ спинѣ; вздернутый носъ этой дамы, нѣсколько раздутый и красный, показывалъ,

что она только-что плакала; глаза ея также носили слѣды недавнихъ слезъ.

— Извините, милостивая государыня, я можетъ-быть, васъ побезпокоила, меланхолически сказала дама, приложивъ руку къ груди своей (очень могучей груди) и подавляя тяжкій вздохъ.

— Нисколько; это мѣсто свободно... возразила Софья Петровна,

Дама подавила новый вздохъ, сѣла, медленно закрыла глаза и такъ печально свѣсила на бокъ голову, что Софья Петровна кивнула мужу, какъ бы желая возбудить въ немъ состраданіе къ несчастной. Толчокъ вагона заставилъ ее приподнять глаза; но каково было удивленіе Софьи Петровны, когда она увидѣла, что на лицѣ сосѣдки на оставалось уже тѣни печали, носъ ея весело вздергивался, ротъ улыбался, и глаза пріятно заигрывали.

— Вы въ Петербургъ? спросила она съ обворожительною любезностью.

— Да...

— Я также... Это вашъ мужъ?

— Да...

— Очень пріятно познакомиться... Вы меня извините: но у васъ такое доброе, прекрасное лицо, сказала дама, расплываясь отъ восхищенья.

Николай Степанычъ немного покраснѣлъ, приподнялъ картузъ и поклонился.

— А это ваши дѣти? продолжала разспрашивать дама.

— Да-съ...

— Очаровательныя малютки!.. я имѣю страсть къ дѣтямъ... Это можетъ-быть потому, что я сама мать... (Тутъ лицо ея потеряло вдругъ свою игривость и она подняла глаза къ небу).—Но я несчастная мать! да, я несчастная! меня разлучили съ моими крошками (дама запустила торопливо руку въ карманъ своего платья и вынула не совсѣмъ чистый носовой платокъ), — да, меня разлучили съ моими дѣтьми! Для васъ это кажется, можетъ-быть, невѣроятнымъ, не правда ли?.. Но это такъ!.. Да, вы видите передъ собою очень несчастную женщину!.. И, приложивъ платокъ къ лицу, она залилась вдругъ слезами.

Николай Степанычъ и жена его переглянулись; последняя сказала нѣсколько словъ утѣшенія своей сосѣдкѣ. При этомъ дама опустила платокъ на колѣни, вперила полный страстнаго томленія взглядъ на Фуфлыгиныхъ, долго, долго смотрѣла на нихъ и вдругъ судорожно схватила ихъ обоихъ за руки.

— О, благодарю васъ, благодарю!.. воскликнула она:—я вижу, вы благородныя, возвышенныя созданія!..

Она спрятала платокъ въ карманъ и нѣсколько минутъ сидѣла, скрестивъ на груди руки и опустивъ голову.

— Ахъ! ахъ!.. вздохнула она неожиданно:—вы удивляетссь, вѣроятно, почему я вздыхаю? присовокупила она, обращаясь къ Фуфлыгинымъ.

— Нѣтъ... ничего... пробормоталъ Николай Степанычъ.

— Да, я вздыхаю! я вздыхаю, это правда, и глубоко вздыхаю! я должна вздыхать! заговорила дама:— и могу ли я не вздыхать? Нѣтъ, я не могу этого! Эта дорога, этотъ вагонъ напоминаютъ мнѣ... Но я все разскажу вамъ! къ чему скрывать?—кто не увлекался въ своей жизни?.. Вы меня поймете! сердце мое такъ полно! оно говоритъ мнѣ, что у васъ возвышенныя души... не правда ли, я не ошиблась?.. прибавила дама, снова схватывая руки Фуфлыгиныхъ.

Фуфлыгины пробормотали что-то.

— Ну, да, да! я это знаю... съ чувствомъ продолжала дама, языкъ которой развязывался по мѣрѣ того, какъ ускорялся ходъ машины:—прошлаго года, именно въ эту пору, въ этихъ самыхъ вагонахъ, ѣхала я съ однимъ молодымъ человѣкомъ... (Тутъ она опустила глаза и какъ бы застыдилась; но внезапно ободрившись, продолжала.)—Вы представить себѣ не можете, что это было за существо!.. Это самая деликатная, возвышенная натура!.. Онъ очень хорошей фамиліи, но родные его... Ахъ, его родные!.. Словомъ сказать, чувства его такъ возвышенны, такъ возвышенны, что еслибъ, напримѣръ, вы (она прикоснулась рукою къ рукѣ Фуфлыгина), еслибъ вы сдѣлали ему честь и пригласили къ себѣ на вечеръ, и еслибъ

ему страстно хотѣлось быть у васъ... но будь у него пятно на панталонахъ,—онъ не поѣхалъ бы! нѣтъ, ни за что бы не поѣхалъ!.. Да вотъ, чего же лучше?.. мы ѣхали съ нимъ въ этихъ самыхъ вагонахъ, наши обстоятельства намъ не позволяли... (дама снова опустила глаза и застыдилась)—да, наши обстоятельства заставили насъ ѣхать съ народомъ... Я не спускала съ него глазъ во всю дорогу,—и что же? повѣрите ли: онъ страдалъ,—онъ глубоко страдалъ,—я это видѣла! и наконецъ, сердце мое говорило мнѣ, что онъ страдалъ,—потому что, вы представить себѣ не можете, что это за высокая аристократическая натура!.. Да, я страдала, я много страдала и перенесла въ жизни! Но кто же не увлекался? кто не давалъ свободы своему сердцу?.. Но этотъ извергъ, это чудовище!.. о, это ужасно... вы видите передъ собою истинно несчастную жертву! заключила она, быстро овладѣвая платкомъ и закрывая лицо, которое оросилось новыми потоками слезъ.

— Какъ, этотъ молодой человѣкъ?.. рѣшился спросить Николай Степанычъ.

— О, нѣтъ! нѣтъ, это не онъ! съ горячностью возразила сосѣдка:—о! это возвышенное, благородное созданіе!—я говорю о другомъ... объ извергѣ... о низкомъ старикѣ, который, можно сказать, довелъ меня до отчаянія! Согласитесь сами, такой человѣкъ могъ ли понять меня? Я—женщина, я—возвышенное, благородное созданіе,—могъ ли онъ понять меня? Нѣтъ, онъ не могъ этого!..

Софья Петровна съ безпокойствомъ оглянулась вокругъ; разсказъ дамы начиналъ уже возбуждать любопытство пассажировъ; нѣкоторые подсаживались даже ближе.

— Вы, Бога ради, однакожъ, тише... со всевозможною деликатностью замѣтилъ Николай Степанычъ, обратясь къ своей сосѣдкѣ.

— Ахъ, извините меня, милостивый государь! сказала она, схвативъ его руку и пожавъ потомъ руку женѣ:—извините меня,—я увлекаюсь! но судите сами, могу ли я говорить обо всемъ этомъ безъ увлеченія? Я была

бы тогда какимъ-то бездушнымъ, деревяннымъ созданіемъ!.. Представьте себѣ, продолжала она, понижая голосъ и наклоняясь къ собесѣдникамъ:—представьте, въ то время, какъ я ѣхала съ этимъ молодымъ человѣкомъ (глаза ея при этомъ снова опустились), этотъ извергъ, этотъ презрѣнный старикъ, о которомъ я вамъ говорила,—имѣлъ низость раскрыть мою шкатулку... Тамъ были письма... это ужасно, не правда ли? да, это ужасно!.. Я пріѣзжаю домой... это было передъ обѣдомъ; хочу обнять моихъ дѣтей,—онъ меня отталкиваетъ... Да, онъ оттолкнулъ меня и не далъ обнять этихъ невинныхъ ангеловъ!.. произнесла дама, снова прибѣгая къ платку и начиная охать, кряхтѣть и пыжиться, чтобы не разразиться воплемъ.

Но она вскорѣ перемогла себя и подхватила съ сильной энергіей:

— Мы садимся обѣдать... До сихъ поръ я все переносила; я слова не сказала... За обѣдомъ кто-то случайно произнесъ имя этого молодого человѣка... Вдругъ я вижу—извергъ хватаетъ графинъ и пускаетъ мнѣ въ голову! Судите о моемъ положеніи! воскликнула дама, не обращая уже теперь вниманія на предостереженія сосѣдей и взгляды пассажировъ.—Да, судите о моемъ положеніи: я, женщина,—я, возвышенное, благородное существо, должна была перенести это; но я бы перенесла,—я бы все перенесла... Онъ, можетъ быть, былъ въ своемъ правѣ,—да!... но поймите, тутъ была затронута не только жена, нѣтъ, тутъ мать была затронута, и я этого не выдержала, не могла этого выдержать!... Я забылась, схватила стаканъ и пустила въ него... взглянула, опомнилась,—о, ужасъ: вижу кровь! кровь!... (дама откинулась назадъ и замахала неистово руками) кровь!... Тутъ ужъ я все забыла! Кидаюсь къ нему, нащупываю въ карманѣ пятакъ и прикладываю его къ ранѣ... Онъ меня отталкиваетъ, онъ меня рветъ и терзаетъ,—но я уже ничего не чувствую и продолжаю держать пятакъ... Наконецъ... но, кажется, мы пріѣхали на станцію? я очень этому рада... я должна выйти... мнѣ нуженъ воздухъ! воздухъ!... заключила она, размахивая во всѣ стороны салопъ и стремительно выбѣгая на платформу.

— А вѣдь жаль! ей-Богу. жаль! сказалъ какой-то купецъ, подымаясь съ мѣста: — онъ бы ее поколотилъ лучше, право... а графиномъ не слѣдъ бы пущать... это не годится.

Софья Петровна вспыхнула, надвинула шляпку на глаза и повернулась къ мужу.

— Ah, mon Dieu, сказала она, нагибая голову: — ils ont tout entendu...

Фуфлыгины рѣшились не выходить, чтобы дама эта, чего добраго, не сообщила имъ дальнѣйшей своей исторіи на платформѣ при публикѣ. Оба принялись, однакожъ, слѣдить за нею изъ окна. Они видѣли, какъ дама приняла сначала меланхолическую, страдальческую позу и попросила позволенія у проходившаго какого-то господина закурить папироску; послѣ этого она неожиданно оживилась и принялась размахивать передъ нимъ руками; мало-по-малу ее заслонила толпа, и она исчезла изъ глазъ Фуфлыгиныхъ.

Прозвенѣлъ звонокъ, и вагонъ снова наполнился; но дама не являлась; кондукторъ захлопнулъ дверь и машина свистнула.

— Ахъ, Боже мой, гдѣ же эта дама?... она опоздаетъ... невольно сорвалось съ языка Софьи Петровны, хотя она нимало не была опечалена ея отсутствіемъ.

— Она пересѣла, вѣроятно, въ другой вагонъ...

— Но, нѣтъ... вотъ она!... Ахъ, Боже мой!... произнесла Софья Петровна, указывая на даму, которая бѣжала по платформѣ, простирала отчаянно руки и кричала пронзительно: — «Остановитесь... остановитесь!...»

Но вагоны сильнѣе только разбѣгались; вотъ мелькнуло зданіе, гдѣ запасаются водою, мелькнули дровяные сараи, и дама снова скрылась изъ виду.

Часовъ въ девять вечера, Фуфлыгины накушались чаю (они снова заняли скромное мѣсто въ уголкѣ) — и, возвратясь въ вагонъ, начали приготовляться къ отдыху. Оба страхъ устали; къ тому же въ вагонѣ воцарилась темнота, располагавшая ко сну, а Леша и Поша давно дремали. Уложивъ дѣтей на полъ, Николай Степанычъ прижался къ стѣнкѣ и сказалъ женѣ, чтобы она подо-

гнула подъ себя ноги и положила голову на его плечо. Положеніе было крайне неудобное для обоихъ; но тѣмъ не менѣе, они закрыли глаза и старались заснуть по примѣру остальныхъ пассажировъ, большая часть которыхъ давно уже храпѣла.

Внезано, на другомъ концѣ вагона, раздаются крики, сопровождаемые неистовою бранью. Софья Петровна и ея мужъ подымаютъ голову; но темнота слишкомъ густа и не даетъ разсмотрѣть, что происходитъ.

— Господа! кричитъ голосъ, по которому они тотчасъ же узнаютъ несноснаго Карпенко: — я призываю всѣхъ въ свидѣтели, что я его не трогалъ!... Я здѣсь лежу смирно, какъ благородный человѣкъ,—и вдругъ онъ меня осмѣлился тащить за носъ... Какъ! чтобъ я позволилъ нѣмцу брать себя за носъ,—никогда! Я всѣхъ призываю въ свидѣтели!... Жена моя можетъ меня брать за носъ, но чтобы нѣмецъ—никогда! я не спущу этого... я его разобью въ дребезги...

— Кондукторъ! кондукторъ! закричало нѣсколько голосовъ.

Софья Петровна и ея мужъ зажмурили глаза, припали другъ къ другу головами и прикинулись спящими; минуту спустя, до слуха ихъ дошелъ шумъ свалки, послышался голосъ кондуктора, крики,—и наконецъ жалобныя мольбы Карпенки, котораго выводили изъ вагона. Послѣ этого раздался пронзительный свистъ выпущеннаго пара, прозвенѣлъ колокольчикъ, — и все смолкло, кромѣ храпѣнья пассажировъ и глухого рокотанья колесъ, увлекаемыхъ машиной, которая быстро неслась посреди ночи, разсыпая направо и налѣво миріады огненныхъ искръ...

III.

ПРІѢЗДЪ И ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Девять часовъ утра. Въ знакомомъ намъ вагонѣ третьяго класса происходитъ замѣтное движеніе; большая часть пассажировъ поднялась со своихъ мѣстъ; иные обдерги-

ваютъ полушубки, другія перевязываютъ головные платки,—всѣ почти охорашиваются; жирный, толстый купецъ, похожій на тюкъ сала, закинулъ назадъ голову, зажмурилъ глаза и расчесываетъ бороду гребнемъ, который, за минуту передъ тѣмъ, скрывался въ лѣвомъ сапогѣ его; офицеръ хлопочетъ надъ своимъ головнымъ проборомъ и смотрится въ зеркальце, которое, по своему объему, можетъ только показывать одинъ глазъ, носъ или ухо, что заставляетъ голову офицера выдѣлывать неимовѣрные повороты. Многіе уже пригладились, подтянулись и жмутся къ окнамъ, стараясь уловить минуту, когда покажется Петербургъ.

Къ числу послѣднихъ принадлежали Фуфлыгины. Оба казались нѣсколько смущенными; но въ смущеніи этомъ не было ни малѣйшаго безпокойства; они находились подъ вліяніемъ чувства, которое знакомо каждому, кто только въ первый разъ въ жизни подъѣзжалъ къ огромной столицѣ.

— Меня тревожитъ одно только, сказала Софья Петровна:—получилъ ли письмо твой племянникъ?..

— Коко? О, разумѣется, получилъ! возразилъ супругъ: — помнишь, я писалъ ему на другой день, какъ отъ него получилъ; онъ, безъ сомнѣнія, дожидается насъ теперь на дебаркадерѣ... Я очень радъ, что предупредилъ его не извѣщать о нашемъ пріѣздѣ ни брата Аркадія, ни твоей кузины, ни ея мужа...

— Да, мы очень хорошо сдѣлали... потому что...

— Я понимаю, что ты хочешь сказать... съ живостью подхватилъ Николай Степанычъ;—но я уже все это обдумалъ: мы, какъ пріѣдемъ, дадимъ выйдти всѣмъ пассажирамъ, потомъ перейдемъ въ другой вагонъ, тамъ въ третій, въ четвертый и такъ далѣе... а тамъ и выйдемъ на платформу... Никому въ голову не придетъ, что мы пріѣхали въ этомъ проклятомъ третьемъ классѣ... ты поняла меня?..

— Поняла; merci... проговорила жена, сопровождая слова свои веселымъ взглядомъ:—однакожъ я не скрою отъ тебя, Nicolas, прибавила она:—что я чувствую какое-то волненіе.

— То есть нѣтъ, не волненіе; волненія я не чувствую, а такъ что-то такое... произнесъ Николай Степанычъ, прислушиваясь къ свисту машины:—это Петербургъ! заключилъ онъ и вдругъ безо всякой видимой причины страшно засуетился.

Минутъ черезъ семь вагоны въѣхали подъ темную арку дебаркадера—и поѣздъ остановился.

Николай Степанычъ поступилъ согласно обдуманному прежде плану: онъ далъ выйти всѣмъ пассажирамъ и сталъ переходить изъ вагона въ вагонъ со своимъ семействомъ, пока наконецъ не достигнулъ перваго разряда, гдѣ благополучно спустился на платформу. Но Софья Петровна оставалась еще нѣсколько секундъ, опершись рукою на рѣшетку вагона; каждый проходившій имѣлъ слѣдовательно случай полюбоваться хорошенькой дамой въ черной бархатной мантильѣ и розовой шляпкѣ, которая довольно гордо поглядывала на толпу и какъ бы боялась смѣшаться съ нею.

— Вотъ онъ! воскликнулъ неожиданно Николай Степанычъ.

— Дядюшка! отозвался чей-то голосъ изъ толпы.

— Коко! крикнулъ Николай Степанычъ и бросился на шею племянника:—но гдѣ же жена? подхватилъ онъ послѣ долгихъ лобызаній: — а! вотъ она! Sophie, Sophie, позволь, мой другъ, представить тебѣ моего племянника... А вотъ это, братецъ, мои ребятишки. Полина и Левушка, но мы зовемъ ихъ преимущественно Леша и Поша... Боже, какъ онъ выросъ! Боже, какъ выросъ! заключилъ Николай Степанычъ, радостно осматривая племянника.

«Если онъ выросъ, то я ужъ, право, не знаю, какимъ онъ былъ прежде...» невольно подумала Софья Петровна.

Передъ ней стоитъ миніатюрный юноша лѣтъ девятнадцати, котораго легко было бы принять за ребенка, еслибъ на красивомъ лицѣ его, усыпанномъ веснушками, слишкомъ уже явно не обозначались слѣды утомленія и преждевременной возмужалости. Онъ весь, казалось, созданъ, былъ изъ одной быстроты и юркости; въ своей франтовской одеждѣ, на своихъ высокихъ каблукахъ, въ шляпѣ, надѣтой какъ-то лихо на бокъ—и при неимо-

вѣрной быстротѣ движеній—онъ походилъ на цыцарскаго пѣтушка, который неистово порывается къ бою.

Пожавъ руку теткѣ, Коко̀ Свищовъ поднялъ поочередно Лешу и Пошу и запечатлѣлъ на щекѣ каждаго по горячему поцѣлую; этотъ послѣдній поступокъ проистекалъ, конечно, не столько изъ внутренней родственной потребности, сколько изъ желанія доказать присутствующимъ, что, при его ростѣ, ему ничего не значило поднять два пуда.

— Ну, наконецъ-то, тетушка, вы пріѣхали, наконецъ-то! заговорилъ Свищовъ (голосъ его былъ сильно надорванъ; онъ то переходилъ въ фистулу, то хрипѣлъ, какъ у людей, кутившихъ нѣсколько сутокъ сряду):— очень радъ съ вами познакомиться... Осторожнѣе! оселъ! скотина! крикнулъ вдругъ Коко какому-то человѣку, который чуть не зацѣпилъ чемоданомъ тетку: — оселъ! скотъ!..

— Чего?.. грозно произнесъ человѣкъ съ чемоданомъ.

— А вотъ я сейчасъ тебѣ покажу!.. вскричалъ Коко, багровѣя отъ ярости и подпрыгивая на каблукахъ.

— Господи, ахъ, Боже мой... Извините пожалуйста!.. Коко, перестань... извините, милостивый государь...

— То-то, извините... сказалъ человѣкъ съ чемоданомъ, удаляясь.

— Простите, тетушка... заговорилъ юный Свищовъ, обращаясь къ испуганной Софьѣ Петровнѣ:—но согласитесь сами, нельзя же не замѣтить этому невѣжѣ; онъ чуть-было не задѣлъ васъ... я бы еще не такъ проучилъ его! Этакая скотина!.. ха, ха, ха!.. вы ужъ, кажется, испугались, дядя?.. ха, ха!.. Ну, давайте поскорѣе ваши билеты для полученія чемодановъ! Намъ нечего здѣсь терять времени... я очень радъ, что вы меня послушали и бросили этого стараго хрыча Изосима... какъ бишь?.. къ чорту его!.. Какъ! только три билета?.. Ну, пойдемте же скорѣе получать чемоданы... Тетушка, вы сядьте здѣсь, съ дѣтьми... мы сейчасъ явимся! заключилъ Свищовъ, поглядывая на окружающихъ съ такимъ видомъ, какъ-будто желалъ дать знать, что взялъ эту даму подъ

свое покровительство и что горе тому, кто не приметъ этого въ уваженіе.

— Тише, тише, Коко... этакая горячка... тише! повторилъ Николай Степанычъ, удерживая племянника, который безцеремонно толкалъ всѣхъ попадавшихся на пути.

Но Коко работалъ локтями и стремительно порывался впередъ.

— Гдѣ ваши чемоданы?.. я ихъ не знаю... гдѣ они?.. эти мерзавцы заслоняютъ всю поклажу... Отойди прочь!.. прочь!.. Который вашъ чемоданъ?.. Тотъ, желтый, перевязанный веревкой?.. Эй, солдатъ!—давай вонъ тотъ чемоданъ... Что-жъ ты?.. ахъ, ты! давай сейчасъ!..

— Успѣете еще...

— Какъ!.. какъ!.. ахъ ты...

— Коко! Коко! ради Бога, что ты дѣлаешь?.. воскликнулъ дядя, удерживая племянника, который подпрыгивалъ, съ цѣлью перескочить за рѣшетку, и грозилъ наказать грубіяна: —намъ не къ спѣху... остановись... этакая горячка!.. помилуй, изъ чего ты горячишься?

Но убѣжденія дяди ни къ чему бы, вѣроятно, не послужили, еслибъ его мѣшки и чемоданы не явились тотчасъ же на платформѣ и, вслѣдъ затѣмъ, не были бы подняты на плечи солдатъ.

— Сюда, клади сюда! крикнулъ Коко, повелительно указывая солдатамъ на мѣсто подлѣ Софьи Петровны:— надѣюсь, тетушка, васъ здѣсь никто не безпокоитъ?. А, здравствуй, Лупандинъ! воскликнулъ онъ неожиданно, подавая руку господину лѣтъ сорока, обросшему чудовищными бакенами:—ты зачѣмъ сюда?.. Ужъ не встрѣчать ли Катерину Михайловну?.. кланяйся ей... слышишь?—Это одна изъ самыхъ хорошенькихъ нашихъ лоретокъ! завершилъ Коко, обращаясь къ дядѣ и теткѣ.

— Ахъ ты повѣса! повѣса! шутливо замѣтилъ Николай Степанычъ.

— Ха, ха, ха! залился Коко̀, которому, очевидно, польстило такое замѣчаніе: — но ѣдемте же, тетушка, ѣдемъ; я взялъ вамъ отличнѣйшій номеръ въ одномъ изъ самыхъ лучшихъ нашихъ отелей и далъ уже задатокъ...

ѣдемте; но куда же вы, дядя? за извощиками... Ахъ, чортъ возьми! я не подумалъ объ этомъ. Я такъ обрадовался вашему пріѣзду, тетушка, что совсѣмъ забылъ захватить экипажи... Сію минуту все будетъ сдѣлано; вы, пожалуйста, не трогайтесь только съ мѣста... Здравствуй, Бубновъ, подхватилъ онъ, хлопнувъ по плечу мимо шедшаго толстаго сѣдовласаго господина: — что тебя такъ давно не видать, а?.. пріѣзжай сегодня вечеромъ играть въ карты къ Букмейеру... Сейчасъ, тетушка: — сейчасъ явлюсь!..

Коко надвинулъ шляпу на глаза, принялъ молодецкую, рѣшительную осанку и, смѣло постукивая каблуками, скрылся въ дверяхъ выхода.

— Это ужасъ, однакожъ, что за горячка! сказалъ Николай Степанычъ, провожая его глазами: — весь въ мать! Но молодецъ, однакожъ, и славный мальчикъ!

— Да, возразила жена: — странно только, какіе у него все старые знакомые; а онъ съ ними даже на ты; это удивительно!.. А эта женщина, — каково? въ восемнадцать-то лѣтъ! Онъ, должно быть, однакожъ, большой повѣса!..

— Вѣроятно... Они, говорятъ, начинаютъ здѣсь жить очень рано...

— Впрочемъ, онъ достаточно joli garçon, чтобы дѣлать конкеты...

— А ты ужъ замѣтила это? О, Софья Петровна! Софья Петровна! перебилъ шутливо мужъ, котораго прибытіе въ столицу приводило въ веселое настроеніе духа.

— Конечно, замѣтила!.. Но это удивительно, какой онъ маленькій... совершенный ребенокъ!

— Какъ же ты хочешь, мой другъ! какой же можетъ быть ростъ, когда человѣкъ начинаетъ жить такъ рано? Сестра умерла; онъ остался одинъ, какъ перстъ, пятнадцати лѣтъ; состояніе было хорошее, онъ дѣлалъ, что хотѣлъ... опекуны давали ему полную свободу; они находили, вѣроятно, свой разсчетъ въ этомъ... ну, разумѣется! А жаль, тѣмъ болѣе, что славный мальчикъ; немножко горячъ и вѣтренъ, но это пройдетъ съ лѣтами, добродушно промолвилъ дядя.

Не успѣли они перекинуться такими замѣчаніями, какъ уже загремѣли экипажи и почти въ ту же секунду застучали каблуки маленькаго Свищова.

— Вотъ и я! сказалъ онъ, являясь передъ дядей и теткой:—простите, однакожъ, что такъ долго... Не могъ не сказать двухъ словъ Катеринѣ Михайловнѣ,—она мнѣ попалась въ воротахъ. Это, какъ я вамъ сказывалъ, одна изъ милѣйшихъ нашихъ женщинъ!.. какіе глаза, замѣтили вы, дядя?.. а? чудо!.. Но ѣдемте, однакожъ; вы устали и вамъ нужно отдохнуть... Я слишкомъ хорошо знаю, что значитъ не спать ночь... Эй, солдаты, взять эти чемоданы и отнести въ экипажи! крикнулъ Коко и, щелкнувъ каблуками, ловко выгнулъ правую руку и подалъ ее теткѣ.

Чемоданы, благодаря распорядительности племянника, положены были въ одно мгновеніе въ коляску; дѣти. Фуфлыгины и самъ Коко сѣли въ карету.

— Пошелъ въ Большую Морскую! крикнулъ Коко: — да смотри, живо у меня, и не отставать отъ коляски!..

— Ну, спасибо, Коко, спасибо, что ты исполнилъ мою просьбу, сказалъ Николай Степанычъ, когда тронулись экипажи:— мнѣ хотѣлось сдѣлать сюрпризъ брату Аркадію и не хотѣлось безпокоить кузена Мирзоева, понимаешь? потому я и просилъ тебя не возвѣщать имъ о днѣ нашего пріѣзда.

— Ха, ха, ха! это мнѣ нравится! да какъ же я могъ сказать имъ объ этомъ? скоро годъ, какъ я не бываю ни у того, ни у другого...

— Какъ такъ?

— Да такъ, очень просто; дядя Аркадій еще ничего, такъ себѣ... какъ говорится... но его жена:—это просто какая-то нюня... я даже иначе и не зову ее, какъ Нюнія Васильевна... право!.. впрочемъ, они оба мнѣ надоѣли... скука адская!..

— Помилуй, какъ же это ты говоришь?...

— А что-жъ такое? Что онъ дядя, а она тетка: — это для меня рѣшительно все равно! Вотъ вы—это другое! я васъ люблю... А они!—да чортъ ли мнѣ въ нихъ, когда съ ними скука!... Что-жъ касается до Мирзоевыхъ: она,

то есть Александра Семеновна, премилая и даже прехорошенькая женщина; какіе волосы, тетушка:—это, просто, объяденье! и ножка также очень хороша... это, вѣдь знаете, главное въ женщинѣ!... тамъ какъ ни толкуй себѣ: «душа! сердце!» Вѣдь души и сердца не видать, а ножку видно... Вотъ у васъ, тетушка, прехорошенькая ножка, я ужъ это замѣтилъ, когда мы спускались съ лѣстницы дебаркадера... продолжалъ Коко, нимало не обращая вниманія на смущеніе Софьи Петровны и на изумленіе дяди, который слушалъ его, таращa глаза;—ну, а ужъ насчетъ самого Мирзоева, я вамъ скажу, это такая ско...! такая крыса, просто, плюнуть не хочется; право!... Я ему это прямо разъ въ глаза сказалъ; представьте, это животное...

— Коко! Коко! съ упрекомъ и ужасомъ прервалъ Николай Степанычъ.

— Да чему-жъ вы удивляетесь? Ей-Богу въ глаза сказалъ; онъ началъ вдругъ дѣлать мнѣ нравоученія, а? каково вамъ это нравится? А я ему и хватилъ: — «Ахъ, говорю, вы этакая крыса!» право!... Съ тѣхъ поръ онъ видѣть меня не можетъ... Очень мнѣ нужно! жаль только, что съ нею больше не вижусь, и то потому, вы понимаете, что она хорошенькая... потому только... А, впрочемъ, Богъ съ ними! Стоитъ ли говорить обо всемъ этомъ, когда мы ѣдемъ по Невскому проспекту!... Посмотрите-ка, какова улица, а?... Вотъ это Владимірская... видите ли вы этотъ домъ? Это такъ называемые московскіе номера; обѣдъ сквернѣйшій, вино также, но номера удивительные. А вотъ этотъ домъ направо, тетушка, видите?... Онъ напоминаетъ мнѣ исторію моей юности... «О, моя юность! о, моя свѣжесть!» какъ сказалъ какой-то поэтъ; это было въ ту пору, когда я еще влюблялся... Видите ли этотъ подъѣздъ? я, бывало, простаивалъ тутъ цѣлыя ночи... просто смѣшно, какъ подумаешь; не правда ли?... А вотъ и Александринскій театръ, а тамъ улица любви... но я давно отсталъ отъ театральства и по ней ѣзжу безъ всякаго интереса... Гостиный дворъ также не интересенъ; но за то вотъ этотъ перчаточный магазинъ,—это дѣло другое! Тутъ, надо вамъ сказать, обитаетъ одна mademoisele Clara—просто конфетка, сахаръ, бланманже, а не жен-

щина!... Вотъ это Пассажъ, или «пріютъ», какъ мы его называемъ... А вотъ вамъ, дядюшка, какъ провинціалу и слѣдовательно гастроному (я замѣтилъ, всѣ провинціалы ужасные ѣдоки), вамъ совѣтую обратить особенное вниманіе на это почтенное заведеніе: это такъ называемыя Милютинскія лавки! Мы непремѣнно пойдемъ съ вами ѣсть сюда устрицы и пить шамбертень... Тетушка, вы кушаете устрицы? спросилъ неожиданно Коко, обращаясь къ теткѣ и поглаживая на верхней губѣ воображаемые усики.

Софья Петровна покраснѣла и взглянула на мужа.

— Да... почему же... отчего же... гм! гм! отозвался Николай Степанычъ, который все болѣе и болѣе таращилъ глаза и сталъ даже разводить руками.

— Слѣдовательно я васъ, тетушка, заранѣе приглашаю! любезно подхватилъ Коко.—А вотъ этотъ домъ налѣво съ балкономъ... я глядѣть на него не могу безъ вздоха; тутъ, комически торжественнымъ тономъ продекламировалъ Коко:—тутъ обитаетъ la reine de mon coeur, то есть такъ говорится, а въ сущности живетъ тутъ одна француженка... впрочемъ, мы поѣдемъ на минеральныя воды, и я вамъ покажу ее, мнѣ хочется знать, какое заключеніе вы сдѣлаете о моемъ вкусѣ... Bonjour, Fiflon! крикнулъ онъ, высовываясь изъ окна кареты и посылая воздушный поцѣлуй какому-то толстяку:—это, надо вамъ сказать, Fiflon, погребщикъ, куда мы собираемся иногда по утрамъ завтракать... онъ знаменитъ тѣмъ, что ни у кого во всемъ Петербургѣ нѣтъ такой удивительной мадеры и такого коньяку! Это чудо, что такое!...

— Боже мой, онъ всѣхъ и все знаетъ!.. но когда же ты успѣлъ?...

— Это удивительно!...

— Ха, ха, ха! залился Коко, которому снова польстило такое замѣчаніе:—какъ же мнѣ не знать: я вѣдь живу, а не прозябаю!—живу, дядюшка, понимаете?... А! вотъ и Морская!.. Налѣво, это Rocher de Cancale! Хорошо, но только en partie fine, а иначе скука! А вотъ за то нашъ милый Дюссо! Мы тамъ, какъ въ семействѣ: это сокровище, а не человѣкъ! Онъ вѣритъ въ долгъ, какъ

никто въ свѣтѣ! Мы ему всѣ должны... но въ нашъ вѣкъ кто же не долженъ?.. Мы непремѣнно, дядюшка, и вы, тетушка, поѣдемъ къ нему обѣдать, en partie carrée, это непремѣнно! это даже такъ слѣдуетъ!.. Я самъ составлю карту и потомъ самъ сварю вамъ жженку... никто лучше меня это не дѣлаетъ; вы увидите!.. Но вотъ мы и пріѣхали... Эй! крикнулъ Кокò, высовываясь изъ кареты:—направо ко второму подъѣзду, гдѣ фонарь... Стой!.. стой же, каналья, когда говорятъ тебѣ! заключилъ онъ, распахивая дверцы и выскакивая на тротуаръ.

Онъ подалъ руку теткѣ и приказалъ извощикамъ слѣзть съ козелъ и вносить чемоданы. Когда приказаніе было исполнено, Кокò отворилъ дверь отеля и ввелъ родственниковъ въ богатую прихожую, украшенную великолѣпной лѣстницей, устланной ковромъ и обставленной цвѣточными горшками. Въ ту самую минуту на лѣстницѣ показался лакей въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ.

— Номера всѣ заняты-съ... сказалъ лакей.

Кокò далъ ему сойти внизъ, поглядѣлъ ему въ глаза и сказалъ: «дуракъ!»

— Какъ вамъ будетъ угодно-съ, только номеровъ нѣтъ...

— Пошелъ вонъ! крикнулъ Кокò, стуча каблуками:— этакая вѣдь скотина! подхватилъ онъ, обратившись къ дядѣ и теткѣ, которые съ недоумѣніемъ поглядывали другъ на друга.

За первымъ лакеемъ явились два другихъ.

— Вы изволите спрашивать номеръ? сказали они въ одинъ голосъ:—номеровъ нѣтъ-съ...

— Да что вы взбѣсились, скоты, что ли? воскликнулъ Кокò, мгновенно вспыхивая, какъ селитра, къ которой приложили уголь:—эй, вы! повелительно обратился онъ къ извощикамъ:—берите вещи и несите на верхъ...

— Помилуйте, сударь, мы бы очень рады, заговорили лакеи:—но, право, всѣ номера заняты...

— Что-жъ вы, а? крикнулъ Кокò извощикамъ.

Извощики подняли чемоданы и сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ; лакеи загородили имъ дорогу.

— Что-о-о! яростно подхватилъ Коко, дѣлая движеніе, чтобы броситься впередъ; но Николай Степанычъ удержалъ его.

— Полно, братецъ, сказалъ онъ:—это, право, очень непріятно! Можетъ быть, у нихъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ номеровъ... изъ чего ты горячишься?..

— Laissez-cela... проговорила Софья Петровна.

— Позвать сюда прикащика! произнесъ Кокò подавляя въ себѣ ярость, но тѣмъ не менѣе подпрыгивая на каблукахъ.

Не успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ явился прикащикъ, толстый, громадный человѣкъ, также во фракѣ, бѣломъ жилетѣ и галстухѣ. Но появленіе его, вмѣсто того, чтобы успокоить юнаго Свищова, казалось, еще больше раздражило послѣдняго.

— Ты меня знаешь? спросилъ онъ, закидывая руки назадъ и тщетно стараясь взглянуть въ глаза прикащику, потому что сколько Кокò ни подымался на носки, лицо его никакъ не могло достигнуть выше живота прикащика:—я тебя спрашиваю: знаешь ли ты меня?..

— Знаю... густымъ басомъ проговорилъ прикащикъ:— вы на прошлой недѣлѣ брали номеръ... но онъ теперь занятъ...

— Какъ же ты осмѣлился, когда я далъ задатокъ? спросилъ Кокò, изгибаясь передъ прикащикомъ, какъ маленькая змѣя у подножія дуба.

— Вчера кончился срокъ, и номеръ отдали, коротко и сухо проговорилъ прикащикъ.

— Ахъ вы, мерзавцы!...

— Вы, сударь, здѣсь кричать не извольте...

— Кокò, ради Бога! воскликнулъ Николай Степанычъ, котораго жена упрашивала оставить гостинницу:— мы сейчасъ уѣзжаемъ... оставь это... фу, какъ это непріятно... пожалуйста, оставь!..

На лѣстницѣ поднялся страшный гвалтъ; Кокò покрывалъ весь этотъ шумъ своею фистулою, которая отъ натуги превращалась уже въ хрипоту.

— Qu'est-ce qu'il y a? произнесъ, вбѣгая, хозяинъ, сѣденькій, очень щепетильнаго вида французъ.

— Il y a que vous êtes une canaille et que je vais vous rosser tous!.. взвизгнулъ Коко съ пѣною у рта.

Смущеніе Николая Степаныча и жены его дошло до крайняго предѣла; Николай Степанычъ то подымался на лѣстницу, то спускался внизъ къ своимъ чемоданамъ; Софья Петровна уговаривала дѣтей, которые, напуганные всею этою сценой, рыдали неутѣшно. Шумъ на лѣстницѣ подымался все сильнѣе и сильнѣе; поминутно слышались слова «полиція».

— Я самъ требую полиціи! я самъ пойду въ полицію! хрипѣлъ юный Свищовъ, окончательно уже потерявшій голосъ.

Между тѣмъ Николай Степанычъ схватилъ въ охапку мѣшки свои, извощики подняли чемоданы и поспѣшно направились къ двери.

— Пойдемъ въ полицію, дядюшка, говорилъ Коко, сбѣгая внизъ: — такъ нельзя имъ спускать... Это вѣдь разбойники!.. Вы, тетушка, не безпокойтесь; изъ этого только то выйдетъ, что они будутъ наказаны, какъ и слѣдуетъ... Дайте мнѣ вашу руку... Эй, вы, взять чемоданы! обратился онъ къ извощикамъ: — вы отвезете барыню въ гостинницу «Парижъ»; это тутъ за угломъ... Мы сейчасъ же вернемся... это близехонько.

И юный Свищовъ вышелъ на тротуаръ, слѣдуя за своими родственниками.

Усадивъ жену въ карету, Николай Степанычъ бросилъ на нее взглядъ, какъ бы прощался съ нею навѣки. Коко взялъ дядю подъ руку и повелъ его по тротуару.

— Ты не повѣришь, братецъ, какъ мнѣ все это непріятно... взволнованнымъ голосомъ проговорилъ дядя.

— Э, помилуйте, дядюшка, что-жъ такое! это на каждомъ шагу случается... Нельзя же! согласитесь сами: надо проучить этихъ негодяевъ!.. Вы, пожалуйста, успокойтесь. Но дядюшка не успокоивался и умолялъ Коко бросить это дѣло.

— Эхъ, дядюшка, какой вы, право! съ досадою говорилъ Коко:—вы только все дѣло портите... право! Поѣхали бы къ полицеймейстеру,—и вы увидѣли бы, какъ бы онъ ихъ отдѣлалъ!.. Нельзя такъ! надо учить этихъ

негодяевъ!.. Впрочемъ, это имъ такъ не пройдетъ; я еще выведу на свѣжую воду эту исторію.

— Нѣтъ, ужъ пожалуйста... прошу тебя... робко перебилъ дядя: — оставимъ это. — Гдѣ же эта гостинница «Парижъ»?.. Куда мнѣ идти?.. Ты со мною пойдешь?.. нерѣшительно спросилъ онъ.

— Нѣтъ, дядюшка, вы ужъ меня извините, и передъ тетушкой также извинитесь... но я не могу теперь... Впрочемъ, позвольте, надо узнать, который часъ, сказалъ Коко, хлопотливо вынимая часы.

Сердце Николая Степаныча снова стѣснилось.

— Какъ, ужъ четверть двѣнадцатаго!.. нѣтъ, не могу, дядюшка! Мнѣ надо непремѣнно ѣхать въ Царское; машина отходитъ ровно въ двѣнадцать; тамъ нынче пробуютъ троечную ѣзду, и я далъ слово Кокуеву непремѣнно присутствовать; его тройка! не забудьте же извиниться передъ тетушкой... Сегодня вечеромъ, часу въ десятомъ, я къ вамъ заѣду непремѣнно... Ступайте все прямо, потомъ направо, въ Малую Морскую и третій подъѣздъ отъ угла... Итакъ, до вечера, да?

— Д...д...да, тягостно проговорилъ дядя, протягивая руку племяннику.

— Adieu! сказалъ Коко.

Онъ бросился въ первую пролетку, крикнулъ: пошелъ! мгновенно исчезъ изъ виду.

— Э, нѣтъ, это ужасно! Это просто ужасъ, что такое! бормоталъ Николай Степанычъ, слѣдуя по указанному пути и не взглядывая даже на зданіе Исакіевскаго собора,—такъ сильно былъ онъ пораженъ:—нѣтъ, я буду бѣгать отъ этого молодца... рѣшительно буду бѣгать!.. Кто бы могъ это подумать, а? Коко! скажи намилость... ай, ай, ай!.. Богъ съ нимъ совсѣмъ! Хоть онъ сынъ сестры моей, но своя рубашка ближе къ тѣлу; съ нимъ пропадешь совсѣмъ... Нѣтъ, я буду отъ него бѣгать...

Размышляя такимъ образомъ, Николай Степанычъ подошелъ къ третьему подъѣзду на Малой Морской; встрѣтивъ лакея въ дверяхъ, онъ освѣдомился, здѣсь ли остановилась госпожа Фуфлыгина.

— Третій номеръ! сказалъ лакей: — пожалуйте сюда-съ...

— Слава Богу... Уфъ! произнесъ Николай Степанычъ и торопливо зашагалъ по ступенькамъ лѣстницы.

IV.

ВЪ КОТОРОЙ ЯВЛЯЕТСЯ АРКАДІЙ ИВАНЫЧЪ ПИГУНОВЪ И ЕГО СЕМЕЙСТВО.

Софья Петровна заняла очень хорошій номеръ: онъ состоялъ изъ прихожей и трехъ комнатъ, расположенныхъ въ бель-этажѣ и выходившихъ окнами на Малую Морскую. Осмотрѣвъ новое свое жилище, Николай Степанычъ пришелъ въ восхищенье, но сильно однакожъ вооружился противъ цѣны, которая, по его мнѣнію, была чудовищна и ни въ какомъ случаѣ не согласовалась съ теперешнимъ его безденежьемъ.

— Но другого номера не было во всей гостинницѣ, что-жъ мнѣ было дѣлать! сказала Софья Петровна:—и наконецъ, я также приняла въ разсчетъ, что къ намъ станутъ ѣздить наши родственники... Надо же принять ихъ прилично. Вотъ какъ я распорядилась, смотри! подхватила она, увлекая мужа:—первая комната замѣнитъ намъ гостиную, столовую, пріемную, — словомъ, все, что хочешь... Это, мой другъ, совершенно отъ тебя зависитъ; во второй комнатѣ помѣстятся дѣти, а въ третьей будетъ наша спальня. Кажется, лучше нельзя придумать?.. Ахъ, Nicolas, какъ меня напугалъ твой племянникъ! я до сихъ поръ не могу придти въ себя... Гдѣ онъ? Чѣмъ все это кончилось? неожиданно проговорила Софья Петровна, спѣша окончательно замять рѣчь о номерѣ, который казался ей очень comme il faut, и стараясь обратить мысли мужа къ другому предмету.

Маневръ ея увѣнчался блистательнымъ успѣхомъ; Николай Степанычъ съ жаромъ заговорилъ о продѣлкахъ племянника и передалъ обо всемъ случившемся; онъ заключилъ, что всѣми силами будетъ стараться избѣгать

этого молодца (такъ называлъ онъ Коко) и, не говоря уже ни слова женѣ о ея распоряженіяхъ и чудовищной дороговизнѣ номера, приступилъ къ раскладкѣ мѣшковъ и чемодановъ.

Часамъ къ двумъ Фуфлыгины совсѣмъ устроились. Послѣ легкаго завтрака, Николай Степанычъ выразилъ желаніе отправиться тотчасъ же со всею семьею къ брату Аркадію, но Софья Петровна убѣдила его отложить все это до слѣдующаго утра. Она подъ собою ногъ не чувствовала отъ усталости! (Хорошенькіе глазки Софьи Петровны и лицо ея дѣйствительно носили слѣды утомленія, и весьма естественно, ей не хотѣлось предстать передъ родственниками съ измятымъ лицомъ — de l'autre monde! какъ она всегда выражалась въ такихъ случаяхъ). Надобно было подумать также о бѣдныхъ дѣтяхъ, которые такъ дурно спали! Надобно было также подумать о платьяхъ, которыя страхъ измялись въ чемоданахъ, ни на что рѣшительно не были похожи и требовали по крайней мѣрѣ дня времени, чтобы принять приличный видъ; послѣ того, Софья Петровна перешла къ мужу и, съ свойственнымъ ей убѣждающимъ краснорѣчіемъ, доказала ему, какъ дважды два — четыре, что во всемъ существѣ его вѣрно не находится теперь цѣлаго суставчика и цѣлой косточки; Николай Степанычъ объявилъ, что ничего не могло быть справедливѣе такого замѣчанія. Основываясь на этомъ—остатокъ дня посвященъ былъ отдыху. Вечеромъ, часовъ въ семь, семейство пробудилось и потребовало чаю; Николай Степанычъ написалъ записочку брату, извѣщая его о своемъ пріѣздѣ.

— Завтра, чѣмъ свѣтъ, ты снесешь это письмо по адресу, сказалъ онъ лакею, явившемуся, чтобы убрать чайный приборъ:—да вотъ еще что: ко мнѣ обѣщался пріѣхать сегодня вечеромъ одинъ господинъ; скажи ему что мы ухали... уѣхали къ Аркадію Иванычу Пигунову, или просто скажи: уѣхали къ брату и вернемся не ранѣе перваго, второго часа ночи... Попроси его не дожидаться и пріѣхать завтра утромъ...

— Только часовъ въ одиннадцать, не раньше! замѣтила Софья Петровна, разсчитывая не быть уже дома въ это время.

— Именно: въ одиннадцать! подтвердилъ Николай Степанычъ, движимый тою же мыслію.

Полчаса спустя послѣ ухода человѣка, Николай Степанычъ, его жена и дѣти снова спали, какъ убитые.

Долгій сонъ способствовалъ, впрочемъ, къ раннему ихъ пробужденію. Было еще восемь часовъ утра, когда глава семейства позвонилъ человѣка. Всѣ порученія, данныя имъ наканунѣ, оказались въ точности исполненными; молодой человѣкъ, о которомъ упоминалъ Николай Степанычъ, явился вчера въ самую полночь, но ему было отказано, съ просьбою явиться сегодня въ одиннадцать, письмо отнесено чѣмъ свѣтъ и доставлено по адресу. Довольный распорядительностью слуги, Николай Степанычъ вручилъ ему обѣщанную награду и приказалъ подать горячей воды. Получивъ требуемое, онъ торопливо отправился въ третью комнату и расположился бриться. Софья Петровна, между тѣмъ, занялась одѣваньемъ, обуваньемъ и умываньемъ Леши и Поши.

Николай Степанычъ выбрилъ уже лѣвую щеку и приступалъ къ правой, которая, вплоть до самаго глаза, исчезала подъ слоемъ густо намыленной пѣны, когда въ сосѣдней комнатѣ раздался вдругъ крикъ жены, сопровождавшійся топаньемъ цѣлой дюжины ногъ, шумными возгласами, дѣтскимъ пискомъ и звонкимъ чмоканьемъ. Догадавшись въ чемъ дѣло, Николай Степанычъ поспѣшно всталъ и положилъ бритву на столъ; но не успѣлъ онъ схватить полотенце и обтереть правую щеку, какъ дверь растворилась, и онъ очутился въ объятіяхъ брата.

— Аркадій!.. Аркадій!.. воскликнулъ Николай Степанычъ, усиливаясь держать голову въ одномъ направленіи и подставляя брату выбритую щеку.

— Николай... братъ... ты ли это?.. тебя ли я обнимаю?.. о Боже!.. повторялъ прерывающимся голосомъ братъ.

Въ увлеченіи своемъ Аркадій Иванычъ не разбиралъ щекъ своего брата и съ одинаковою горячностью припадалъ какъ къ той, такъ и къ другой; въ одну секунду, одна изъ огромныхъ бакенбардъ Пигунова покрылась мыльною пѣной; но онъ ничего не видѣлъ, ничего не замѣ-

чалъ и, продолжая держать брата въ объятіяхъ, осыпалъ его страстными, нѣжными поцѣлуями.

Глядя на Аркадія Иваныча Пигунова, нельзя, однакожъ, никакъ было предполагать въ немъ способности къ сильнымъ сердечнымъ порывамъ, и еще менѣе можно было подозрѣвать о существованіи въ немъ тѣхъ богатыхъ запасовъ чувствительности и нѣжности, которые изливалъ онъ на брата. Не считая уже того, что ему было подъ сорокъ лѣтъ, ни какое энергическое лицо неаполитанскаго бандита—будь оно писано хоть самимъ Сальваторомъ-Розой—не передастъ вамъ портрета Пигунова; представьте себѣ лицо темно-коричневаго цвѣта, и притомъ самаго мрачнаго очертанія, почти заслоненное черными, какъ смоль курчавыми, взъерошенными волосами, огромными бакенами, расходившимися вѣеромъ, бородою и усами, имѣвшими видъ разъяреннаго каскада; изъ этой волосяной гущи подозрительно выглядывалъ загнутый клювомъ носъ и глаза, оттѣненные дугою густыхъ, сросшихся бровей; о выраженіи глазъ мы ничего не можемъ сказать опредѣлительнаго; въ настоящую минуту они потоплялись слезами, которыя обильно струились по щекамъ и ниспадали на бакены. Физіономія Пигунова находилась въ замѣчательной гармоніи съ его одеждой; она состояла изъ темно-бураго пальто, протертаго во многихъ мѣстахъ, темныхъ, широкихъ панталонъ, покрывавшихъ нечищенные сапоги, и чернаго глянцовитаго галстука, пропускавшаго кой-гдѣ бѣлье весьма сомнительной свѣжести; несмотря на весеннюю пору, въ рукахъ Пигунова находился тяжеловѣсный плисовый картузъ, который оставилъ слѣды пуха не только на головѣ своего владѣльца, но даже на всѣхъ предметахъ, къ которымъ прикасался. Слезы, струившіяся изъ глазъ Аркадія Иваныча, и выраженіе нѣжнаго, сердечнаго умиленія, отпечатаннаго въ чертахъ его, могли тѣмъ сильнѣе поражать, что Аркадій Иванычъ десять лѣтъ не видался съ Николаемъ Степанычемъ и въ продолженіи этого времени ни разу даже не писалъ ему, кромѣ письма, представленнаго въ первой главѣ. Но надо знать коротко Аркадія Иваныча, чтобы дѣлать о немъ какія бы то ни было заключенія; не находилось, быть

можетъ, во всей вселенной человѣка, у котораго наружность такъ сильно противорѣчила съ душевными свойствами; представьте себѣ изящный кафе-ресторанъ, въ которомъ потребляются только самыя нѣжныя, изысканныя блюда, и который вздумалъ бы повѣсить вывѣску грубой загородной харчевни или кабака! Не могу пріискать лучшаго сравненія: подъ мрачной, встрепанной наружностію Пигунова скрывалась душа малиновки и билось самое мягкое, впечатлительное и даже поэтическое сердце. Онъ не могъ рѣшительно говорить о хорошей картинѣ, статуѣ, романѣ или стихотвореніи безъ того, чтобы ноздри его не начали тотчасъ же раздуваться и на рѣсницахъ не засверкали слезы; надо было видѣть Аркадія Иваныча въ обществѣ людей, которые были ему по душѣ, которыхъ вкусы и мысли отвѣчали его природнымъ наклонностямъ; надо было видѣть его въ кругу артистовъ и художниковъ, сидящаго за столомъ хорошаго кафе-ресторана, смакующаго тонкое блюдо или держащаго въ правой рукѣ бокалъ шампанскаго! Надо было видѣть, какъ онъ тогда оживлялся, съ какимъ увлеченіемъ говорилъ о Римѣ, о колизеѣ, о Рафаэлѣ, о Ватиканѣ и куполѣ св. Петра! Въ эти минуты, никто сильнѣе его не чувствовалъ красоты римской Кампаньи съ высотъ monte Pincio; никто не умѣлъ съ такой поразительной силой красокъ передать о наслажденіи сидѣть въ трактирѣ Лепри и вкушать сочные брокколи, ѣсть макароны и запивать ихъ красненькимъ итальянскимъ винцомъ изъ плетеной фольетты; никто не повѣствовалъ съ такимъ умиленіемъ о прелести лежать навзничь подъ виноградным трельяжемъ насквозь пронизаннымъ лучами солнца, и въ то же время медленно протягивать руку къ янтарнымъ лозамъ, висящимъ надъ головою.

— Господа! восклицалъ тогда Аркадій Иванычъ, нѣжно прищуривая лѣвый глазъ по направленію къ бокалу и выпуская изъ праваго глаза потоки слезъ:—живемъ ли мы, или прозябаемъ?.. Да! мы прозябаемъ!.. Мы влачимъ жизнь въ постыдномъ одервенѣніи! Здѣсь мерзнетъ душа... мерзнетъ сердце; нѣтъ простора для чувствъ и возвышенныхъ стремленій!.. Туда! въ страну Рафаэля, оливъ и кипариса!

Достойно замѣчанія, что Пигуновъ никогда не былъ въ Италіи; онъ не имѣлъ даже малѣйшаго повода туда отправиться; свѣдѣнія свои объ этой странѣ почерпнулъ онъ отъ молодого живописца, который вернулся изъ путешествія и угощалъ Пигунова нѣсколько дней сряду въ одномъ изъ трактировъ Васильевскаго острова. Это произошло уже въ то время, когда Пигуновъ находился въ положеніи, описанномъ имъ въ письмѣ къ брату, т. е. когда имѣніе его продано было съ молотка и онъ сидѣлъ со своимъ семействомъ, какъ на мели, посреди Петербурга. Послѣ несчастія своего, Аркадій Иванычъ нѣсколько разъ опредѣлялся на службу; но ему рѣшительно не везло на служебномъ поприщѣ; въ послѣднія пять-шесть лѣтъ (ему было уже теперь, какъ я сказалъ, подъ сорокъ), несмотря на всѣ старанія свои, не могъ онъ пріискать мѣста; имъ овладѣла съ тѣхъ поръ страшная меланхолія, и нервы его такъ разстроились, что слезы начинали дрожать на рѣсницахъ почти безъ всякой причины; дѣти и жена (убѣждавшая его заняться какимъ-нибудь дѣломъ) тщетно старались его разсѣять; дни свои проводилъ онъ въ горькихъ сѣтованіяхъ противъ судьбы, которая жестоко обманула его надежды (въ чемъ состояли эти надежды— неизвѣстно); или (когда случалось ему сидѣть съ художниками въ кафе-ресторанѣ, — а такіе случаи не были рѣдки)—въ возгласахъ негодованія противъ сѣверной природы, прозаической, прозябательной жизни и горячихъ, неукротимыхъ порываніяхъ къ поэтической странѣ, родинѣ Рафаэля и Микель-Анджело. Аркадій Иванычъ Пигуновъ сильно порывался иногда къ поэтической жизни, такъ сильно чувствовалъ потребность обновиться и побывать въ этомъ Римѣ, гдѣ рядомъ съ Ватиканомъ возникаетъ трактиръ Лепри, а рядомъ съ monte Pincio находится такое изобиліе плетеныхъ фольеттъ съ добренькимъ красненькимъ мѣстнымъ винцомъ (его собственное, любимое выраженіе), что неоднократно бросалъ нѣжно обожаемыхъ дѣтей, жену, и таинственно пускался въ дальнее странствованіе. Но страстная, легко увлекающаяся природа Аркадія Иваныча постоянно мѣшала ему достигнуть желаемой цѣли: недѣлю или двѣ спустя послѣ таинствен-

наго исчезновенія, онъ отыскивался всегда въ какомъ-нибудь трактирѣ (дальше Петергофа онъ никогда не забирался), но уже лишенный всякихъ средствъ не только продолжать путешествіе, но даже расплатиться съ трактирщикомъ и вернуться въ Петербургъ. Но провидѣніе всегда какъ-то выручало Пигунова; онъ летѣлъ тогда стремглавъ домой, падалъ къ ногамъ жены и исчислялъ всѣ ея добродѣтели и всѣ свои пороки, просилъ прощенія у всѣхъ дѣтей вмѣстѣ и становился на колѣна передъ каждымъ порознь, называлъ себя извергомъ рода человѣческаго, чудовищемъ, рвалъ на себѣ волосы, страшно билъ себя кулакомъ въ грудь, потомъ успокоивался, проводилъ нѣсколько дней сряду, качая на одномъ колѣнѣ жену, на другомъ дѣтей своихъ, и въ то же время страстно прижимая ихъ къ сердцу, говорилъ, что онъ въ раю, что вкушаетъ неземное блаженство, исполняя высшее назначеніе человѣка,—и вдругъ, безъ всякой видимой причины, снова впадалъ въ безотрадную меланхолію; тогда, при первыхъ двадцати цѣлковыхъ, случайно попадавшихъ ему въ карманъ, даже при десяти цѣлковыхъ и менѣе,—снова покидалъ онъ таинственно семью и снова, спустя день или два, отыскивался въ какомъ-нибудь заведеніи, совершенно лишенный способа продолжать путешествіе по дорогѣ къ Риму...

Но мы забѣгаемъ, однакожъ, впередъ; просимъ читателя возвратиться въ третій номеръ гостинницы «Парижъ». Аркадій Иванычъ до-сихъ-поръ еще не успѣлъ достаточно нацѣловаться съ братомъ, котораго не видалъ такъ долго. Онъ все еще держалъ Николая Степаныча въ объятіяхъ, крѣпко прижималъ его къ сердцу—и продолжалъ обливаться слезами.

— Прости меня, братъ, я, кажется, всего тебя вымочилъ, сказалъ наконецъ Пигуновъ, выпуская Николая Степаныча и отирая глаза:—но я не могъ овладѣть собою! все это случилось такъ неожиданно... это потрясло меня!.. Я зналъ, что ты долженъ пріѣхать... ждалъ тебя каждую секунду, но все-таки... представь: я лежалъ еще въ постели, вдругъ приносятъ записку; развертываю... ты пріѣхалъ!.. Это меня потрясло до такой степени, что

моя Нидочка... Ахъ, Боже мой, о чемъ же я думаю?.. моя жена и дѣти всѣ здѣсь; они стремглавъ кинулись за мною, когда узнали о твоемъ пріѣздѣ, и страстно желаютъ съ тобою познакомиться... Пойдемъ скорѣе... заключилъ Пигуновъ, увлекая брата къ двери.

— Послушай, я, однакожъ, не бритъ... одна только щека выбрита... Я въ халатѣ... проговорилъ Николай Степанычъ, упираясь ногами.

— Какъ!.. Послушай, братъ, что-жъ, ты хочешь меня обидѣть? ее хочешь обидѣть наконецъ? подхватилъ Пигуновъ растроганнымъ голосомъ:—не достаетъ того только, чтобы мы стали церемониться между собою...

— Помилуй, вовсе нѣтъ!.. Но все же!.. дай мнѣ хоть пальто надѣть...

— Ни за что въ свѣтѣ!.. Разъ навсегда, прошу тебя, выбрось изъ головы всѣ эти церемоніи; Нидочка моя совсѣмъ не такая... Прошу тебя, не только здѣсь, но даже къ намъ являться не иначе, какъ въ халатѣ...

— Позволь мнѣ хоть запахнуться...

— Вздоръ! прервалъ Пигуновъ и, приподнявъ почти брата на рукахъ, повлекъ его въ первую комнату, служившую гостиной, гдѣ Софья Петровна расположилась со своею belle soeur и гдѣ находились всѣ дѣти.

Николай Степанычъ увидалъ на диванѣ бѣлокурую, неимовѣрно тощую, тщедушную женщину съ костливымъ лицомъ и тусклыми, потухшими глазами, изъ которыхъ одинъ былъ на половину закрытъ назрѣвшимъ ячменемъ; жиденькій бурнусъ, когда-то зеленый, но уже теперь порыжѣвшій, драпировался на ней, какъ на палкѣ; несмотря на широкія складки бурнуса, который поминутно запахивала Пигунова, желая вѣроятно скрыть свое ветхое платье, легко было замѣтить ея интересное положеніе (она постоянно, со дня своего замужества, пребывала въ такомъ положеніи); она была такъ слаба, что едва могла приподняться при появленіи Николая Степаныча. Но Пигуновъ поспѣшилъ поставить ее на ноги и, выразивъ опасеніе, чтобы съ нею не сдѣлалось дурно отъ чрезмѣрнаго потрясенія,—бережно положилъ ее на грудь брата и крѣпко обвилъ ея руками его шею. Послѣ

этого онъ поднялъ Васю, Полиника и Соню (трехмѣсячнаго Аполлона онъ оставилъ дома, за неимѣніемъ няньки и кормилицы, которыя не хотѣли служить безъ жалованья), и облѣпилъ дѣтьми своими Фуфлыгина. Аркадій Иванычъ не могъ вынести такой сцены.

— Братъ! братъ! закричалъ онъ, зарыдалъ, раскрылъ объятія и прижалъ къ груди своей всю группу, жену, дѣтей и брата.

Софья Петровна глядѣла на все это удивленными глазами; на губахъ ея бродила какая-то странная улыбка; физіономія ея belle soeur, но болѣе порыжѣвшій бурнусъ Пигуновой (урожденной баронессы Ластъ), ветхое пальто и панталоны Аркадія Иваныча, жалкій видъ и одежда дѣтей его, поразили Софью Петровну до такой степени, что она едва могла опомниться. Аркадій Иванычъ не далъ ей, впрочемъ, долго углубляться въ самое себя; онъ сидѣлъ уже подлѣ нея, цѣловалъ ей руки, называлъ милою сестрою и просилъ любить его, какъ родного брата; послѣ этого, онъ обратился къ племянникамъ и посадилъ Лешу и Пошу къ себѣ на колѣни.

Пользуясь временемъ, когда одинъ братъ осыпалъ поцѣлуями Лешу и Пошу, а другой братъ разсыпался въ любезности передъ belle soeur, стараясь въ то же время запахнуть халатъ, который поминутно раскрывали Вася, Полиникъ и Соня, — Софья Петровна распорядилась, чтобы подали чай.

— Вотъ минута, о которой я мечталъ столько времени; о, драгоцѣнная, благословенная минута! воскликнулъ растроганнымъ голосомъ Пигуновъ, когда лакей поставилъ на столъ чайный приборъ:—я желаю, я молю Бога, чтобы связь, которая существуетъ между нами, Николай, существовала точно такъ же между нашими дѣтьми и женами!.. Изъ письма твоего... и вообще я вижу,—оба вы непоняты; васъ не оцѣнили!.. будемъ же жить ладно, согласно, какъ подобаетъ братьямъ и сестрамъ... Да, поживемъ вмѣстѣ!.. Я надѣюсь, я увѣренъ, что между нами вы найдете то спокойствіе, которое такъ напрасно... которое...

— Чего вы, братецъ? перебила Софья Петровна, видя, что Пигуновъ искалъ чего-то на подносѣ.

— Я ищу рому, сестрица... я привыкъ, знаете... утромъ...

Софья Петровна приказала принести рому.

— Нѣтъ, спасибо, братъ, я пью всегда со сливками, сказалъ Николай Степанычъ, останавливая брата, который прикладывалъ графинчикъ къ его стакану:—вообще я ничего не пью, никакихъ крѣпкихъ напитковъ... мнѣ это очень вредно.

— Слышишь, Аркадій, это вредно, уныло проговорила жена Пигунова:—вотъ и я всегда тебѣ говорю, что это вредно...

— Душечка, ангелъ мой, позволь!.. я вѣдь такъ только, для вкуса... для запаха... нѣжно возразилъ Пигуновъ, подливая въ стаканъ дѣйствительно одну только каплю.

Онъ сильно хлебнулъ чаю и снова подлилъ изъ графинчика.

— А знаете ли, друзья мои, заговорилъ Пигуновъ, радостно воодушевляясь:—знаете ли, это дѣйствительно одинъ изъ самыхъ радостныхъ дней въ моей жизни!.. Все какъ нарочно мнѣ сегодня улыбается!.. Во-первыхъ—вы пріѣхали. Потомъ у Нидочки страшно болѣли зубы и вдругъ перестали; у Полиника начинался коклюшъ, и вотъ уже два дня, какъ онъ не кашлялъ, словомъ все... даже самыя мелкія обстоятельства, — и тѣ даже какъ словно улучшаются... Представь, одинъ господинъ долженъ мнѣ былъ, вотъ уже скоро два года, тысячу цѣлковыхъ—и что же? сегодня утромъ получаю я отъ него записку, въ которой сказано, что черезъ недѣлю, въ субботу, я могу получить эти деньги!.. Словомъ — все одно къ одному; есть такіе дни, когда въ душу, утомленную долгими страданіями, вдругъ какъ-будто проникаютъ благотворные, живительные лучи солнца.

— Васъ, сударь, спрашиваютъ... неожиданно перебилъ лакей, появляясь въ дверяхъ.

— Кого?... спросилъ Николай Степанычъ, торопливо

запахивая халатъ и машинально проводя ладонью по небритой щекѣ.

— Нѣтъ, сударь, не васъ, а ихъ спрашиваютъ, пояснилъ лакей, указывая на Пигунова.

Аркадій Иванычъ быстро поднялся на ноги, тревожнымъ взглядомъ окинулъ присутствующихъ и, сказавъ человѣку: «Хорошо, братецъ, ступай!», вышелъ за нимъ изъ номера.

Николай Степанычъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сказать belle soeur нѣсколько словъ извиненія на счетъ своего костюма; онъ пояснилъ, что Аркадій не далъ даже ему выбриться и, допивъ на скорую руку стаканъ, торопливо скрылся въ третью комнату. Но едва только намылилъ онъ свою правую щеку, дверь снова отворилась и появился Пигуновъ.

Волосы Аркадія Иваныча были страшно взъерошены, глаза его выскакивали изъ головы, каждая черта лица находилась въ сильномъ движеніи и выражала отчаяніе, дошедшее до крайнихъ предѣловъ. Войдя въ комнату, онъ судорожно заперъ дверь и повернулъ ключъ въ замкѣ. Это обстоятельство еще сильнѣе напугало миролюбиваго Фуфлыгина.

— Что такое? спросилъ онъ.

Вмѣсто отвѣта, Пигуновъ схватилъ себя за волосы.

— Ахъ, Боже мой... что случилось? повторилъ Николай Степанычъ, роняя бритву.

— Я пропалъ! воскликнулъ Пигуновъ, ломая руки:— я несчастнѣйшій изъ людей!.. О, Боже! могъ ли я это ожидать?.. подхватилъ онъ, опускаясь въ кресло и снова схватывая себя за волосы: — въ ту минуту, когда я благодарилъ судьбу, когда я радовался, какъ ребенокъ, когда все такъ привѣтливо улыбалось... нѣтъ, это жестоко!.. я не вынесу этого удара...

— Но что же такое?..

— Взгляни! энергически подхватилъ Пигуновъ: — взгляни!.. заключилъ онъ и, взявъ за плечи брата, подвелъ его къ окну и заставилъ взглянуть на подъѣздъ гостиницы.

Николай Степанычъ увидѣлъ на подъѣздѣ двухъ че-

ловѣкъ, которые дѣлали другъ другу знаки и перешептывались.

— Я не понимаю... проговорилъ Фуфлыгинъ, у котораго въ головѣ начали вертѣться шарики: — эти два человѣка...

— Эти два человѣка... яростно перебилъ Пигуновъ, но вдругъ остановился, сдѣлалъ отчаянный жестъ, залился слезами и упалъ передъ братомъ на колѣни.

— Братъ! заговорилъ онъ, стукая себя кулакомъ подъ сердце, между тѣмъ какъ тотъ старался, но тщетно, поднять его:—братъ, спаси меня!.. Не для себя прошу,— нѣтъ!.. ты видишь передъ собою несчастнѣйшаго изъ людей!.. прошу тебя сдѣлать это для жены, для этой бѣдной женщины, которая и безъ того уже перенесла столько горя.

— Помилуй... Христосъ съ тобою!.. ради Бога! повторилъ Николай Степанычъ, дѣлая неимовѣрныя усилія, чтобы поставить его на ноги.

— Вникни въ ея положеніе, продолжалъ умолять Пигуновъ надорваннымъ голосомъ:—это ее убьетъ... она въ такомъ положеніи... и притомъ такъ страшно нервозна... При первомъ намекѣ, съ ней сдѣлается истерическій припадокъ... подумай: здѣсь, въ гостинницѣ!.. Эти два негодяя ни на что не обратятъ вниманія... они ворвутся въ гостинницу... произведутъ скандалъ... Вникни въ мое положеніе... я не вынесу этого!.. Могъ ли я этого ожидать? въ ту минуту, когда я радовался, какъ невинный ребенокъ... о! это ужасно!..

— Но, ради самого Создателя!.. произнесъ окончательно уже растерявшійся Николай Степанычъ.

— Успокойся! успокойся... прости меня, я тебя напугалъ... нѣжно заговорилъ Пигуновъ, бросаясь въ свою очередь успокоивать брата:—но я потерялся... я былъ въ отчаяніи... Посуди: эти два человѣка... я имъ долженъ... Они не хотятъ ждать до субботы, когда я получу деньги... Я всячески убѣждалъ ихъ,—все напрасно... Передъ тѣмъ, какъ идти къ тебѣ, они оба явились ко мнѣ; жена проболталась; она такъ была обрадована вашимъ пріѣздомъ! Она имѣла неосторожность сказать при

нихъ дѣтямъ, что пріѣхалъ къ нимъ ихъ богатый дядя... Мы бросились сюда... Они, вѣроятно, за нами слѣдовали и теперь... теперь, подхватилъ Пигуновъ (голосъ его снова оборвался и черты выразили отчаяніе):—теперь они хотятъ воспользоваться случаемъ, хотятъ произвести скандалъ... въ гостинницѣ... въ твоемъ номерѣ и этимъ способомъ заставить меня заплатить... У меня гроша нѣтъ до слѣдующей субботы, когда я долженъ получить тысячу цѣлковыхъ... Это ужасно!..

— Помилуй, Аркадій... ты бы давно сказалъ мнѣ...

— Николай! вскричалъ Пигуновъ.

Онъ громко зарыдалъ, упалъ на грудь брата и снова унесъ на правой бакенбардѣ все мыло, находившееся на щекѣ Николая Степаныча.

— Сколько же имъ надо? спросилъ Николай Степанычъ.

— Одному я долженъ сто, другому... два... тридцать... пять цѣлковыхъ... проговорилъ Пигуновъ, глаза котораго засверкали вдругъ такимъ огнемъ, что мигомъ высушили слезы.

Николай Степанычъ, въ которомъ боролись всѣ чувства—и радость выручить брата изъ критическаго положенія, и страхъ скандала въ гостинницѣ,—проворно отсчиталъ требуемыя деньги и подалъ ихъ Пигунову.

— Николай!.. снова воскликнулъ Пигуновъ, падая въ его объятія:—ты спасъ мнѣ жизнь,—болѣе того: ты спасъ, можетъ быть, жизнь моей Нидочкѣ!.. Твоя услуга... нѣтъ, никогда!.. она вотъ здѣсь, здѣсь!.. заключилъ онъ, сильно ударивъ себя кулакомъ подъ сердце, и, щелкнувъ замкомъ, быстро исчезъ въ дверяхъ.

Неожиданность всего случившагося такъ взволновала Николая Степаныча, что онъ нѣсколько минутъ не могъ владѣть бритвой. Онъ въ третій разъ намылилъ свою правую щеку и на этотъ разъ благополучно привелъ къ окончанію операцію; подумавъ, что не худо воспользоваться случаемъ, онъ ужъ заодно умылся и одѣлся. Все это заняло по крайней мѣрѣ минутъ десять времени, послѣ которыхъ Фуфлыгинъ снова вернулся къ дамамъ.

Онъ нашелъ уже Пигунова сидящаго за чайнымъ

столомъ передъ стаканомъ, изъ котораго винтомъ валилъ паръ, сильно пропитанный запахомъ рома; волосы его были приглажены и вообще во всей физіономіи (на столько, на сколько позволяли рѣзкія черты Пигунова), проглядывало выраженіе чего-то мирнаго, какой-то кроткой радости и покоя; въ голосѣ его не было замѣтно малѣйшаго колебанія; Пигуновъ говорилъ мягкимъ, сладкимъ теноромъ и весело разговаривалъ съ Софьей Петровной; онъ мало, повидимому, обращалъ вниманія на жену свою; онъ даже сидѣлъ къ ней спиною. Увидя Николая Степаныча, онъ протянулъ ему руку и пожалъ ее съ чувствомъ. Софья Петровна извинилась передъ belle soeur, сказала, что ей необходимо одѣться, что она явится сію минуту и, позвавъ Лешу и Пошу, вышла во вторую комнату, заперевъ за собою дверь.

— А я вотъ сейчасъ, душенька, сказалъ Пигуновъ, нѣжно обратившись къ брату: — я сейчасъ звалъ жену твою въ театръ, то есть не сегодня, а въ субботу... Даютъ «Гамлета»! слышишь: «Гамлета»!.. Нельзя не воспользоваться такимъ случаемъ. Хотя «Гамлета» играютъ часто, но вѣдь не наслушаешься, братецъ! Это такая глубина, такая безконечная поэзія... Я тебѣ скажу одно только: когда даютъ Шекспира, — я всегда выхожу изъ театра во сто разъ лучше, чище сердцемъ и душою! (Пигуновъ сильно хлебнулъ изъ стакана и долилъ ромомъ.)— Шекспиръ — это геній, далеко выскочившій изъ общаго человѣческаго уровня; это колоссъ, который теряется въ вышинѣ необъятной... Я вообще не большой охотникъ до театра; но когда играютъ моего Вилльяма Шекспира, ты можешь биться объ закладъ, что найдешь меня въ креслахъ... Да, Вилльямъ,—это геній, геній необъятный! Онъ не только дѣйствуетъ на умъ; нѣтъ, этого мало! — онъ проникаетъ въ сердце, затрогиваетъ совѣсть, потрясаетъ душу... словомъ, всего тебя, такъ сказать, перевернетъ...

— Да, это должно быть очень пріятно, простодушно замѣтилъ Николай Степанычъ.—Вы, сестрица, часто бываете въ театрѣ?..

— Нѣтъ, она никогда не бываетъ! да и когда ей?— она постоянно въ интересномъ положеніи, нѣжно пере-

билъ Пигуновъ, прихлебывая изъ стакана и подливая рому.

— Аркадій!.. съ упрекомъ произнесла его супруга, мигая на стаканъ лѣвымъ глазомъ, тогда какъ правый совсѣмъ почти закрывался отъ опухоли.

— Мы также, братъ, то есть я, ты и жена твоя, продолжалъ Пигуновъ, не удостоивъ даже жену взглядомъ:—мы непремѣнно должны сходить на-дняхъ въ академію художествъ! Я уже говорилъ объ этомъ сестрѣ; представь, братъ: Михайловъ привезъ изъ Италіи три копіи съ Рафаэля! Чудо что такое!.. Можешь себѣ представить, три копіи!.. Мы вѣдь здѣсь прозябаемъ; развѣ это жизнь? Я по крайней мѣрѣ существовать не могу безъ художества; мы непремѣнно пойдемъ; я хочу, чтобы ты испыталъ то же, что я испытываю, когда я гляжу на произведенія Санціо, — этого дивнаго, безсмертнаго юноши! (Да, онъ умеръ, почти юношей!) Лучшія минуты моей жизни прошли, можно сказать, передъ его произведеніями!.. Они всегда дѣйствуютъ на мою душу какъ-то непостижимо-освѣжительно!..

— Пойдемъ, пойдемъ, очень охотно, сказалъ Николай Степанычъ, между тѣмъ какъ Пигуновъ хлебнулъ чаю и снова подлилъ изъ графинчика:—это будетъ очень весело: возьмемъ съ собою дѣтей, всѣхъ дѣтей, и твоихъ и моихъ: вы съ нами, конечно, пойдете, сестрица?..

— Нѣтъ, гдѣ-жъ ей! возразилъ Пигуновъ: видишь, она въ какомъ положеніи... къ тому же картины утомляютъ нервы, я это знаю изъ опыта. Послушай, однакожъ, братъ, подхватилъ онъ:—вы, кажется, куда-то собираетесь?... Я слышу въ той комнатѣ шелестъ платья... наконецъ ты самъ разодѣтъ... куда вы?..

— Къ Мирзоевымъ... сказалъ Николай Степанычъ.

— Знаешь, братъ, произнесъ Пигуновъ такимъ тономъ, какъ-будто заранѣе сожалѣлъ о томъ, что придется сказать ему:—знаешь. не люблю я этого человѣка! Не по душѣ онъ мнѣ какъ-то!.. Жена его очень любезная женщина,—но большой свѣтъ, братецъ, большой свѣтъ! вотъ что! тщеславіе! вотъ что!.. А онъ, это такая сушь, такая сушь, словомъ, такой человѣкъ, съ которымъ невоз-

можно отвести душу. Впрочемъ, ты самъ увидишь! отъ него вѣетъ тѣмъ холодомъ, который... короче сказать, не могу тебѣ объяснить,—но не симпатиченъ мнѣ этотъ человѣкъ!.. нѣтъ, не симпатиченъ!

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ Софьи Петровны, которая надѣла лучшее платье, лучшіе воротнички и манжеты, самыя свѣжія перчатки и новую шляпку (она привезла съ собою двѣ шляпки: розовую и лиловую; на ней была лиловая); дѣти ея также очень были мило одѣты. Пигунова взглянула на Лешу и Пошу и машинально повернула голову къ собственнымъ дѣтямъ; при видѣ оборванныхъ рубашенокъ и стоптанныхъ башмаковъ Васи, Полиника и Сони, здоровый глазъ Пигуновой сдѣлался какъ-то еще тусклѣе; она перевела его отъ дѣтей къ belle soeur и стыдливо запахнула свой порыжѣвшій бурнусъ.

— Милая сестрица, объявляю вамъ впередъ, что мы вамъ нисколько не мѣшаемъ, любезно заговорилъ Аркадій Иванычъ, расшаркиваясь передъ Софьей Петровной: — прошу васъ, разъ навсегда, оставить съ нами церемоніи; вы хотите ѣхать къ Мирзоевымъ, и поѣзжайте съ Богомъ!.. Но вотъ вопросъ: когда же мы увидимся? Мы, разумѣется, должны видѣться каждый день!.. Начать съ того, что я обѣщалъ везти васъ въ академію смотрѣть копіи съ Рафаэля... но это послѣ; прежде всего вы должны пріѣхать ко мнѣ обѣдать; это ужъ какъ водится; не ждите ничего особеннаго, а такъ—une table bourgeoise, какъ говорится: добрый кусокъ ростбифа, честная бутылка вина и тонкая сигара!..

Всякій, знавшій обстоятельства Пигунова и его домашнее хозяйство, пришелъ бы въ справедливое изумленіе, услышавъ такое приглашеніе; жена его, безъ сомнѣнія, знала лучше, чѣмъ кто-нибудь, обстоятельства мужа; но ее нимало не удивилъ однакожъ, его поступокъ; вообще говоря, она давно уже ничему не удивлялась; разъ Мирзоева (когда еще Мирзоевы не были въ ссорѣ съ Пигуновыми) пригласила Аменаиду Васильевну смотрѣть знаменитаго Боско; Боско поразилъ удивленіемъ весь театръ; фокусы его нашли въ одной только Пигуновой равнодушную зрительницу; въ простотѣ души, она сказала Мир-

зоевой, что уже видѣла все это... Съ тѣмъ же невозмутимымъ равнодушіемъ смотрѣла она на игру Каратыгина въ «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», въ «Разбойникахъ» Шиллера и въ пьесѣ: «Кинъ или геній и безпутство»; глядя на нее въ эти минуты, казалось, какъ-будто она все это гдѣ-то ужъ видѣла, какъ-будто все ей давно приглядѣлось.

— Ну, такъ когда же ко мнѣ обѣдать, а? продолжалъ убѣждать Аркадій Иванычъ:—вы пожалуйста не стѣсняйтесь; разъ навсегда повторяю: между нами не должны существовать церемоніи... Впрочемъ, я васъ еще предупрежу... это будетъ лучше... завтра, послѣзавтра, — словомъ, мы условимся въ днѣ... это вѣрнѣе...

Николай Степанычъ и Софья Петровна сказали, что они всегда рады къ нему пріѣхать.

— Ну и прекрасно! воскликнулъ Пигуновъ: — но мы васъ не задерживаемъ, мы вмѣстѣ выйдемъ отсюда; поѣзжайте съ Богомъ... Сію минуту, допью только свой чай... заключилъ онъ, суетливо подходя къ стакану, который, благодаря, вѣроятно, сосѣдству съ графинчикомъ, былъ все еще полонъ, не смотря на безпревные глотки.

На этотъ разъ Аркадій Иванычъ осушилъ его до дна.

— Ну, мой ангелъ, прощай! сказалъ онъ, неожиданно обратившись къ женѣ.

— Куда же ты?

— У меня есть одно очень важное дѣло... заботливо произнесъ Пигуновъ: — сдѣлай ужъ такую милость, проведи дѣтей домой... это послужитъ вамъ кстати вмѣсто прогулки; утро, какъ нарочно, такое прекрасное! солнце блистаетъ такъ радостно, деревья распускаются, воздухъ пахнетъ почками... все дышетъ весною... въ Петербургѣ такіе дни—находка, и я увѣренъ, эта прогулка подкрѣпитъ твои нервы (Пигуновы жили въ Измайловскомъ полку, верстъ пять отъ гостинницы «Парижъ»); я скоро, впрочемъ, приду домой... черезъ часъ какой-нибудь, можетъ и того меньше...

Изнеможенное лицо Пигуновой выразило такое же точно недовѣріе, какъ еслибъ сказали, что она самая счастливая женщина въ мірѣ.

— Нѣтъ... ты не придешь... сказала она робко.

— Вотъ, братъ Николай! всѣ наши жены таковы! весело воскликнулъ Аркадій Иванычъ: — онѣ никогда намъ не вѣрятъ!.. никогда!..

Николай Степанычъ и Софья Петровна засмѣялись. Одна Пигунова стояла съ опущенною головою и мутнымъ правымъ глазомъ, безнадежно устремленнымъ къ полу.

— Вотъ еще что, моя голубушка, вымолвилъ Аркадій Иванычъ, нѣжно взявъ брата за руку: — скажи человѣку, чтобы онъ всегда впускалъ меня къ вамъ, даже если васъ нѣтъ дома... Такъ какъ я часто буду заглядывать, мнѣ хотѣлось бы имѣть возможность посидѣть и отдохнуть въ тѣхъ случаяхъ, когда не застану васъ у себя... распорядись, дружокъ, пожалуйста... крайне обяжешь.

Минуты черезъ двѣ, плисовый пуховый картузъ уже красовался на головѣ Пигунова, и оба семейства спускались по лѣстницѣ гостинницы. Они выходили на тротуаръ, когда къ подъѣзду лихо подкатила извощичья коляска, запряженная четвернею.

— Стой! стой, когда тебѣ говорятъ! стой! нетерпѣливо крикнулъ Коко́, выпрыгивая на мостовую.

Николай Степанычъ и жена его были очевидно смущены появленіемъ племянника; но смущеніе ихъ ровно ничего не значило передъ смущеніемъ Аркадія Иваныча Пигунова; увидя Коко̀, онъ нахлобучилъ картузъ почти до усовъ и торопливо спрятался за женою.

— А я у васъ вчера былъ! сказалъ Коко̀, пожавъ руку теткѣ и дядѣ и потрепавъ съ видомъ покровительства щеку Леши и Поши: — впрочемъ, я очень радъ, что вы уже одѣты; я нарочно пріѣхалъ за вами, чтобы везти васъ на острова... А, здравствуй, Пигуновъ!.. подхватилъ онъ, шлепая по плечу Аркадія Иваныча и посылая сухой поклонъ его женѣ.

— Здравствуй, братецъ... пробормоталъ Пигуновъ, сопровождая слова свои робкимъ, безпокойнымъ взглядомъ, какой встрѣчается у людей, неожиданно застигнутыхъ кредиторами.

Но Кокò не удостоилъ Пигунова большимъ вниманіемъ; онъ тотчасъ же обратился къ Фуфлыгинымъ.

— Ну, такъ ѣдемте же, дядя; садитесь, тетушка... я васъ лихо прокачу... какова четверка, а?..

— Но намъ, братецъ, нельзя... мы собрались... проговорилъ Николай Степанычъ.

— Куда?

— Къ Мирзоевымъ...

— Вотъ! очень нужно!.. Полноте, дядя, плюньте на все это... Ну, къ чорту Мирзоевыхъ! Садись—и ѣдемъ...

— Но, право, Кокò, у меня есть дѣло... очень даже важное дѣло...

— Какія дѣла, чортъ возьми!.. нетерпѣливо вымолвилъ Кокò: — вчера только пріѣхали, а ужъ сегодня дѣлà!

— И, наконецъ, Sophie хочетъ видѣть свою кузину.

— Да, я такъ давно ее не видала... сказала Софья Петровна.

— Ну, это другое дѣло! давно бы такъ сказали, ma tante; а то: дѣлà! Какія, къ чорту, дѣлà!.. Позвольте вамъ сказать, тетушка, у васъ очень милое платье, ей-Богу; оно отлично обхватываетъ вашу талію... Vous avez une taille charmante! шепнулъ онъ, наклоняясь къ Софьѣ Петровнѣ.—Ну, такъ когда же мы поѣдемъ на острова?.. Досадно, что не сегодня! Впрочемъ, я къ вамъ еще заѣду, и мы отправимся не сегодня, такъ завтра... Вотъ еще, тетушка: пожалуйста поклонитесь отъ меня вашей кузинѣ Alexandrine... скажите ей: еслибъ не мужъ, я бы часто къ ней заглядывалъ, ей-Богу!.. Elle est charmante! вы увидите!.. Ну, такъ прощайте!.. Прощай, Пигуновъ!.. но гдѣ же онъ? онъ ужъ скрылся (Пигунова дѣйствительно уже не было); итакъ, sans adieu! до свиданія! Прощайте, Аменаида Васильевна... Пошелъ! заключилъ Кокò, бросаясь въ коляску, которая его тотчасъ умчала.

Какъ только исчезъ Кокò, Николай Степанычъ и Софья Петровна обратились къ Пигуновой; оба крайне удивлены были быстрымъ, неожиданнымъ исчезновеніемъ Аркадія Иваныча. Но Пигунова ничего не отвѣчала;

тощее, болѣзненное лицо ея было насквозь, однакожъ, проникнуто выраженіемъ тоски, унынія и какого-то страшнаго утомленія. Она взяла дѣтей за руку, сказала Фуфлыгинымъ, что очень рада была съ ними познакомиться, и удалилась.

На губахъ Софьи Петровны бродила улыбка и на языкѣ ея висѣли замѣчанія, относившіяся къ Пигуновой, урожденной баронессѣ Ластъ; но, зная привязанность и пристрастіе мужа къ роднѣ своей, она скрыла свою улыбку и промолчала. Николай Степанычъ, лицо котораго казалось задумчивымъ, подалъ ей руку, велѣлъ Лешѣ и Пошѣ идти впередъ, и они отправились къ Мирзоевымъ.

V.

КУЗЕНЪ И КУЗИНА МИРЗОЕВЫ.

Мирзоевы нанимали квартиру въ Большой Подъяческой. По справкамъ, наведеннымъ Николаемъ Степанычемъ на углу Морской, Большая Подъяческая находилась не въ далекомъ разстояніи; но Софья Петровна, съ свойственнымъ ей убѣждающимъ краснорѣчіемъ, представила мужу всю неловкость явиться пѣшкомъ къ родственникамъ, которые, по всей вѣроятности... словомъ, которые занимали въ обществѣ, гм... гм... нѣкоторое положеніе... Николай Степанычъ началъ-было противорѣчить, но, сдѣлавъ десять шаговъ, совершенно раздѣлилъ мнѣніе жены; они наняли коляску и весело покатили въ Подъяческую.

Уже одинъ наружный видъ дома, гдѣ помѣщались кузина и кузенъ Софьи Петровны, произвелъ на послѣднюю самое пріятное впечатлѣніе; она улыбнулась колоннамъ и подъѣзду этого дома, какъ будто сама участвовала въ постройкѣ зданія и гордилась имъ. Сердце Софьи Петровны сладостно забилось и въ душѣ ея возникло даже что-то похожее на чувство сильной признательности къ кузинѣ и кузену, когда Николай Степанычъ выразилъ удивленіе при видѣ прекрасной, свѣтлой лѣстницы

съ чугунными перилами. Пришлось подыматься однакожъ очень высоко, въ пятый этажъ; но Софью Петровну примирила съ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ дверь, обитая зеленымъ сукномъ и усыпанная мѣдными гвоздиками. На правой половинкѣ двери красовалась дощечка съ надписью: «Петръ Петровичъ Мирзоевъ».

«Сейчасъ видно, что порядочные люди!» подумала Фуфлыгина въ то время, какъ мужъ ея дергалъ за звонокъ.

Очень опрятно одѣтый лакей отворилъ дверь.

— Петръ Петровичъ у себя?..

— Алесандра Семеновна дома?..

— Дома, пожалуйте... сказалъ лакей, вводя гостей въ очень миленькую прихожую, которую Софья Петровна окинула торжествующимъ взглядомъ.

— Какъ прикажете доложить?..

— Фуф-лы-ги-ны! явственно, съ чувствомъ достоинства, проговорилъ Николай Степанычъ.

Едва замолкъ его голосъ, въ прихожей явилась Мирзоева.

Описывая эту даму, Кокò Свищовъ нимало не преувеличивалъ. Александра Семеновна дѣйствительно была очень мила, хотя, надо сказать, въ лицѣ ея и даже во всей наружности ничего не находилось особенно примѣчательнаго; у нея была одна изъ тѣхъ физіономій, которыя или остаются совершенно незамѣченными, или наоборотъ—производятъ сильный эффектъ, если дама-обладательница такого лица посвящаетъ ему много труда и времени, въ совершенствѣ изучаетъ его недостатки и достоинства и владѣетъ искусствомъ скрывать первые и выставлять послѣднія во всемъ ихъ рельефѣ; въ этомъ отношеніи Александра Семеновна могла даже назваться художникомъ; она, какъ говорили ея пріятельницы, — дѣлала даже чудеса, — именно: копѣйку умѣла превращать въ цѣлковый. Николай Степанычъ былъ по крайней мѣрѣ очарованъ румянцемъ своей кузины, бѣлизною ея шейки, казавшейся бѣлѣе кружевного воротничка, миніатюрностью ножки, обутой въ черную туфлю съ огромнымъ краснымъ шу, нежданно мелькнувшимъ изъ-подъ

утренняго капота, въ которомъ талія кузины, ея бюстъ и плечи закруглялись самымъ привлекательнымъ образомъ.

Войдя въ переднюю, Мирзоева испустила крикъ и бросилась обнимать кузину; она взяла потомъ руки Николая Степаныча, сказала, что въ восторгѣ отъ его пріѣзда, рада до смерти съ нимъ познакомиться—и быстро послѣ того принялась цѣловать Лешу и Пошу.

— Наконецъ-то вы пріѣхали! Наконецъ-то! Dieu merci! заговорила Александра Семеновна, снова пожимая руки супругамъ:—но какъ же вамъ, однакожъ, не стыдно: пріѣхали третьяго дня, и только сегодня у насъ?.. Но все равно: я въ восторгѣ! Chère Sophie!.. Пойдемте же скорѣе; я горю отъ нетерпѣнія познакомить васъ съ моимъ Пьеромъ... Пойдемте!..

Пройдя за кузиной столовую, Фуфлыгины очутились въ небольшой малиновой гостиной, съ картинами и зеркаломъ въ позолоченныхъ рамкахъ, съ щегольскою мебелью и кисейными узорчатыми занавѣсками.

Опустившись на эластическій шелковый диванъ, Софья Петровна почувствовала вдругъ слезы на глазахъ и снова бросилась обнимать кузину.

— Cette chère Sophie! вотъ ужъ можно сказать: сюрпризъ!.. Pièrre! Pièrre!.. воскликнула Мирзоева, отвѣчая на ласки своей родственницы и въ то же время стуча пальцемъ въ дверь сосѣдней комнаты.

Черезъ минуту Pièrre явился въ гостиной...

Петръ Петровичъ Мирзоевъ, человѣкъ около сорока лѣтъ, съ угловатымъ, какъ-бы выщипаннымъ лицомъ, украшеннымъ золотыми очками; голова его покрыта бѣлокурымъ, прилизаннымъ паричкомъ съ крутыми завиточками на вискахъ; онъ нимало не похожъ на крысу, но за то сильно напоминаетъ хорька; отъ него немножко даже пахнетъ хорькомъ, несмотря на то, что парикъ его ежедневно спрыскивается о-де-колономъ; голова Петра Петровича, значительно сплюснутая на затылкѣ, кажется плотно привинченною и на глухо припаянною къ воротничкамъ рубашки и галстуку, который повязанъ такъ акуратно, что не найдется ни одной кривой складки; та же акуратность и прилизанность замѣтна въ его го-

роховомъ пальто и остальной одеждѣ; сухопарая фигура его торчитъ въ ней такъ же неподвижно, какъ шестъ, воткнутый въ воду, охваченную льдомъ. Несмотря на сорокалѣтній возрастъ, Мирзоевъ потерялъ почти всѣ свои зубы; ротъ его постоянно окруженъ какими-то красными пятнами, какъ у дѣтей, которые только-что кушали варенье.

Софья Петровна и Николай Степанычъ нашли въ немъ съ перваго взгляда много достоинства и внутренняго спокойствія.

Узнавъ, кто такіе были гости, Петръ Петровичъ обратилъ прежде всего свои сѣрые глазки на кузину, простеръ руки, воскликнулъ: «Боже мой!» и, не разгибая спины, обнялъ Софью Петровну; потомъ отнеся онъ къ кузену, простеръ руки, воскликнулъ: «Боже мой!» и, не разгибая спины, трижды облобызалъ Николая Степаныча.

— А это ваши малютки?.. Боже мой! повторилъ Петръ Петровичъ и, не разгибая спины и опускаясь какъ тѣни въ театрѣ, чмокнулъ въ лобъ Лёшу и Пошу.

— Насилу-то вы пріѣхали, Николай Степанычъ и Софья Петровна!.. А мы васъ ждали, ждали, и жданки потеряли, какъ говорится... ха, ха, ха!.. произнесъ Мирзоевъ, смѣясь тѣмъ деревяннымъ смѣхомъ, который въ общемъ употребленіи у актеровъ, разыгрывающихъ веселенькія роли на домашнихъ театрахъ:—жена мнѣ каждый день говоритъ: «Что же это они не ѣдутъ?» Я повторяю ей то же самое... Признаться, я даже безпокоился, думалъ, не задержало ли васъ что-нибудь?.. Потому что дѣло, о которомъ я писалъ вамъ, не требуетъ отлагательства... Но вы здѣсь, — и я очень радъ; надѣюсь, дѣло наше пойдетъ теперь какъ по маслу; надо вамъ сказать, Николай Степанычъ, я наводилъ уже справки, навѣдывался, справлялся, хлопоталъ... все, кажется, хорошо; вы почти можете быть покойны... подхватилъ онъ, пытливо наводя сѣрые глазки на Софью Петровну.

— Душевно вамъ благодаренъ... бормоталъ Николай Степанычъ:—я съ своей стороны... все, что отъ меня... Я совершенно, почтеннѣйшій Петръ Петровичъ...

Софья Петровна и ея двоюродная сестра сидѣли между тѣмъ на другомъ концѣ гостиной и, держа другъ друга за руки, обмѣнивались тѣми милыми, граціозными фразами, которыми такъ искусно владѣютъ дамы. Но разговоръ двухъ кузинъ вскорѣ прерванъ былъ появленіемъ горничной.

— Что тебѣ? спросила Александра Семеновна.

— Пожалуйте сюда...

— Чтó тамъ?

— Пожалуйте, гм... гм!.. повторила горничная, таинственно кивая головою изъ-за косяка двери.

— Ахъ! Боже мой, какъ это досадно! сказала Мирзоева, подымаясь съ дивана: — извини, chère Sophie, я сію минуту... сейчасъ! Чтò тамъ еще? спросила она, входя въ столовую, причемъ ея лицо и голосъ потеряли вдругъ всю пріятность.

— Мадамъ изъ магазина пришла... шепнула горничная.

Александра Семеновна вдругъ покраснѣла.

— Я развѣ не говорила тебѣ, чтобы всегда ей отказывать, никогда не впускать ее, когда баринъ дома?... прошептала Мирзоева съ досадою во всѣхъ чертахъ.

— Я и то не пускала, сударыня, — говорю: дома нѣтъ, уѣхамши, а она все свое...

Александра Семеновна быстро оглянулась назадъ и такъ же быстро прошла въ прихожую.

— А, chère madame Poupon! проговорила она привѣтливымъ голосомъ и скрѣпляя каждое слово очаровательной улыбкой.

Но такое привѣтствіе произвело, повидимому, слабое дѣйствіе на госпожу Пупонъ; она объявила наотрѣзъ, что ей надоѣло уже ходить, что ей нужны деньги. Александра Семеновна притворила дверь въ столовую.

— Войдите сюда... сказала она по-французски, приглашая въ комнату направо отъ столовой.

— De l'argent, madame, de l'argent, настоятельно повторила модистка—старая, сморщенная француженка, съ огромными черными глазами на-выкатѣ, какъ у лягушки.

— Но, chère madame Poupon, что-жъ мнѣ дѣлать?.. я вамъ повторяю: у меня въ настоящую минуту нѣтъ копѣйки... je suis à sec... Je n'ai pas le sou, chère madame Poupon!..

— Вы это повторяете мнѣ вотъ уже три мѣсяца, сказала модистка съ оживленіемъ, которое не покидаетъ женщинъ ея націи даже въ преклонные годы:—я не могу больше терпѣть; ma patience est à bout;—я вынуждена буду подать наши счеты вашему мужу... c'est bien votre mari, parbleu!..

— Вы хотите, слѣдовательно, потерять мою практику, chère madame Poupon?..

— Что̀ мнѣ ваша практика! вы не платите по цѣлымъ мѣсяцамъ... je suis à bout! Что мнѣ ваша практика!..

— Прекрасно; только въ настоящую минуту я вамъ скажу—вамъ очень не выгодно со мною поссориться.

— Ah, bah!..

— Да, очень невыгодно, вы сами не знаете, что̀ говорите; я только-что о васъ думала; ко мнѣ пріѣхала сегодня изъ провинціи одна очень богатая кузина... elle veut s'équipper de la tête aux pieds... вы меня поняли?..

Лягушечьи глаза старухи перестали прыгать и сдѣлались внимательнѣе.

— Я именно хотѣла послать за вами... J'ai très bonne mémoire... я помню, что вы ждете три мѣсяца, и хотѣла рекомендовать васъ этой кузинѣ; она накупитъ у васъ цѣлое приданое, за это я вамъ ручаюсь... Что-жъ, хотите, или нѣтъ?

— Certe! mais est-ce bien sur?

— Это такъ вѣрно, что если сегодня или завтра мы къ вамъ не явимся и она не купитъ у васъ по крайней мѣрѣ на триста цѣлковыхъ... для перваго раза... она богата и вы можете съ нею не церемониться,—тогда вы можете подать завтра же вечеромъ мои счеты мужу...

— Cela me va! сказала француженка миролюбивымъ тономъ.

— Только одно условіе...

— Eh bien?

— Согласитесь ли вы ждать мой долгъ до перваго іюня и не говорить о немъ мужу?..

Мадамъ Poupon лукаво объявила, что это будетъ зависѣть отъ того, на какую сумму закупитъ у нея кузина m-me Mirzoeff.

M-me Mirzoeff, для которой, въ ея критическомъ положеніи, ровно ничего не значило прибавлять нули,— объявила въ свою очередь, что расходы кузины находятся въ ея полной зависимости, и что чѣмъ долѣе обязуется молчать госпожа Пупонъ, тѣмъ расходы кузины будутъ значительнѣе.

— Bon! à demain! сказала старуха.

— A demain!

Александра Семеновна велѣла проводить модистку и поспѣшила возвратиться въ гостиную. Проходя, однакожъ, черезъ столовую, она остановилась на секунду, приблизилась къ окну и взглянула на улицу. Тамъ не было ничего интереснаго; улица была пуста и только на тротуарѣ, противъ дома Мирзоевыхъ, прогуливался какой-то молодой человѣкъ съ тросточкой и въ голубомъ галстукѣ. Александра Семеновна освободила изъ мѣдной скобки правый пологъ оконной занавѣски и заслонила имъ окно, не обративъ даже вниманія на голубой галстукъ и тросточку. Тѣмъ не менѣе, молодой человѣкъ восторженно потрясъ вдругъ головою, приложилъ правую руку къ сердцу и радостно, въ припрыжку побѣжалъ по тротуару.

Мирзоева застала своихъ гостей и мужа весело разговаривающихъ въ гостиной.

— Знаете ли, почтеннѣйшій Николай Степанычъ, не отправиться ли намъ лучше ко мнѣ въ кабинетъ, а? вымолвилъ Петръ Петровичъ, когда дамы снова усѣлись на особый диванъ и между ними завязалась оживленная бесѣда о воротничкахъ, шляпкахъ, фасонахъ и выкройкахъ:—тамъ, знаете ли, примолвилъ онъ, мигая сѣренькими глазками по направленію къ дивану:—тамъ ужъ пошли теперь эти рюши да трюши... Мы имъ мѣшаемъ; въ свою очередь и онѣ намъ мѣшаютъ... Пойдемте-ка, право; тѣмъ болѣе, что намъ слѣдуетъ еще серьезно поговорить о нашемъ дѣлѣ... Прошу покорно! заключилъ

Мирзоевъ, вводя гостя въ столовую, а оттуда въ тѣсную, но очень уютную комнату, съ большимъ столомъ по серединѣ, покрытымъ бумагами, исписанными удивительнымъ почеркомъ; изъ книгъ здѣсь находился впрочемъ одинъ только календарь.

Мирзоевъ усадилъ Николая Степаныча въ покойное кресло окна и самъ сѣлъ насупротивъ.

— Ну-съ... проговорилъ онъ, прикасаясь своими сухими, какъ птичья лапа, пальцами къ колѣнямъ Николая Степаныча, который тотчасъ же принялъ внимательный видъ и глубокомысленно началъ моргать глазами.— Ну-съ... Итакъ, прежде всего, надо будетъ выставить вамъ, ввести васъ, такъ сказать, въ сущность дѣла... Извольте видѣть, какое обстоятельство: я оставилъ уже, какъ вамъ извѣстно, министерство и принялъ теперь частное мѣсто... Вы, безъ сомнѣнія, уже слышали, что здѣсь составилось огромное Общество... Общество «Распространенія и улучшенія рогатаго скота»; предпріятіе огромное, колоссальное, и, надо вамъ сказать, чрезвычайно выгодное; я сдѣланъ кассиромъ Общества; когда я получилъ ваше письмо, мнѣ тотчасъ же пришла мысль... Ваши обстоятельства и притомъ наша родственная связь... вы меня понимаете, Николай Степанычъ? Словомъ, я желалъ бы примкнуть васъ къ нашему Обществу и доставить вамъ мѣсто.

— Помилуйте... очень радъ... проговорилъ Фуфлыгинъ, наклонясь, съ зажмуренными глазами.

— Ну, и прекрасно; потому, я надѣюсь, въ васъ нѣтъ этого пустого честолюбія, которое такъ часто теперь встрѣчается!.. Что такое честолюбіе?.. пустая одурь, опьяненіе, такъ сказать,—и больше ничего! Мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ людей, зараженныхъ честолюбіемъ, которые гонятся за славой, почестями, да при нихъ и остаются! Это хорошо было, можетъ быть, въ другія времена; но въ нашъ положительный вѣкъ нужно искать чего нибудь болѣе существеннаго... согласны ли вы со мною?

Николай Степанычъ скрестилъ руки на груди, закрылъ глаза и утвердительно кивнулъ собесѣднику своей дипломатической лысиной.

— Возьмите хоть ваши собственныя обстоятельства продолжалъ Мирзоевъ, стараясь пояснить свою мысль:— предположимъ, что вы достигли бы славы и почестей; спрашивается: что стали бы вы съ ними дѣлать безъ положительнаго, прочнаго... словомъ сказать: безъ денегъ? Ровно бы ничего не сдѣлали! Основываясь на этомъ, я именно желалъ бы примкнуть васъ къ нашему Обществу... Начать съ того, что вы сразу получите здѣсь средства, которыя совершенно обезпечатъ васъ и все ваше семейство... Со временемъ, вы можете даже сдѣлаться акціонеромъ Общества и получать значительные проценты... Общество «Распространенія и улучшенія рогатаго скота»— день ото дня расширяетъ свой кругъ дѣйствія; передъ нимъ открывается, такъ сказать, широкій горизонтъ... вы все это должны принять къ свѣдѣнію...

Николай Степанычъ принималъ все это къ свѣдѣнію и заранѣе благодарилъ кузена Мирзоева.

— Позвольте, Николай Степанычъ, позвольте... Теперь собственно пойдетъ главное... Прошу васъ быть какъ можно внимательнѣе, вы понимаете, въ настоящемъ моемъ положеніи, какъ человѣкъ, который только-что получилъ мѣсто въ Обществѣ... И Богъ знаетъ, сколько мнѣ это трудовъ стоило, сколько хлопотъ и пожертвованій!— ибо, какъ я уже писалъ вамъ, нѣтъ города въ мірѣ, гдѣбы такъ трудны были мѣста, какъ въ Петербургѣ; вы понимаете, слѣдовательно, что мнѣ неловко, скажу болѣе: даже невозможно просить въ настоящую минуту о вашемъ опредѣленіи...

Дипломатическая лысинка Николая Степаныча быстро закинулась назадъ и глаза его расширились.

— Я вижу, вы меня поняли, Николай Степанычъ, да. Но позвольте, однакожъ, не безпокойтесь; въ нашихъ рукахъ находится вѣрное средство уладить дѣло... Иначе, прямо бы сказалъ вамъ: это невозможно!.. Изволите видѣть, какое обстоятельство; наше общество, т. е. Общество, въ которомъ, замѣтьте, я занимаю только мѣсто кассира,—помѣщается въ одномъ изъ самыхъ огромныхъ домовъ столицы; мѣсто смотрителя дома теперь вакантно; получивъ уже въ Обществѣ мѣсто кассира, вы

понимаете, мнѣ невозможно просить, чтобы сдѣлали меня еще и смотрителемъ этого дома... это невозможно! А между тѣмъ мнѣ необходимо получить, сверхъ должности кассира, должность смотрителя дома... и, какъ увидите, необходимо для вашей же собственной пользы... Васъ это удивляетъ? а я вамъ скажу; да,—именно такъ! подхватилъ Петръ Петровичъ, пытливо устремляя сѣренькіе глазки на собесѣдника:—получивъ эти два мѣста, я сталъ-бы, такъ сказать, крѣпкою, твердою ногою въ Обществѣ; и тогда съ моимъ кредитомъ и силою, — могъ-бы смѣло дѣйствовать касательно уже вашего опредѣленія въ Общество... Поняли ли вы меня, Николай Степанычъ?

Николай Степанычъ чувствовалъ, что въ головѣ его вертѣлись шарики, но сказалъ, однакожь, что понялъ.

— Еслибъ вы могли довольствоваться какимъ-нибудь ничтожнымъ мѣстомъ, обязательно продолжалъ Мирзоевъ:— мнѣ, конечно, ничего бы не значило опредѣлить васъ хоть сію же минуту: на это у меня достало бы кредита; но ваши обстоятельства требуютъ солиднаго, такъ сказать, прочнаго положенія... Мнѣ, слѣдовательно необходимо для этого имѣть больше кредита, чѣмъ я теперь имѣю; необходимо стоять твердою ногою, чтобы имѣть возможность опредѣлить васъ какъ слѣдуетъ и какъ требуютъ, наконецъ, самыя ваши обстоятельства. Итакъ вы видите, что ваше опредѣленіе находится въ вашихъ же собственныхъ рукахъ, въ вашей полной зависимости... Да, мой почтеннѣйшій, все отъ васъ зависитъ, потому-то собственно я и писалъ вамъ, чтобы вы скорѣе ѣхали... повторяю вамъ: все въ рукахъ вашихъ...

— Но какимъ образомъ?.. я, признаюсь...

— Очень просто: вамъ предстоитъ устроить такимъ образомъ, чтобы я получилъ еще мѣсто смотрителя дома... и тогда...

— Но какъ же это сдѣлать?.. я, признаюсь...

— Это можетъ сдѣлаться не иначе, разумѣется, какъ черезъ посредство нашего директора,—учредителя и предсѣдателя Общества... Это нѣкто Медіоланскій, Андрей Андреичъ, прекраснѣйшій человѣкъ, человѣкъ огромнаго вѣса, человѣкъ, ворочающій милліонами... словомъ настоя-

щій директоръ и учредитель огромнаго предпріятія... Онъ меня опредѣлилъ и, слѣдовательно, вы понимаете, я не могу просить его; но вамъ это возможно... Онъ, я увѣренъ, для васъ все сдѣлаетъ; но только предупреждаю: надо дѣйствовать какъ можно скорѣе; я уже писалъ вамъ, что на мѣсто, о которомъ говорю, множество охотниковъ...

Николай Степанычъ, воодушевленный словами: «онъ для васъ все сдѣлаетъ!», высказалъ намѣреніе отправиться къ учредителю Общества завтра же утромъ. Петръ Петровичъ выслушалъ его съ тѣмъ видомъ, какъ слушаютъ мечтанія пятнадцатилѣтняго юноши; — онъ покачалъ наконецъ головою.

— Это ни къ чему не поведетъ, сказалъ онъ.

— Какъ же такъ?..

— Учредитель Общества васъ даже не приметъ...

— Но почему же... я все-таки не какой нибудь...

— Это ровно здѣсь ничего не значитъ, мой почтеннѣйшій,—какъ я уже говорилъ вамъ, на это мѣсто множество охотниковъ; Медіоланскій съ утра до вечера осажденъ просителями... Онъ напрямикъ вамъ откажетъ:—это несомнѣнно; надо дѣйствовать совсѣмъ другимъ образомъ.

— Но какъ же такъ?.. произнесъ Николай Степанычъ, у котораго снова запрыгали въ головѣ шарики.

— Вотъ какъ, возразилъ Петръ Петровичъ: — вамъ надо будетъ попросить съѣздить къ нему... Софью Петровну...

— Жену?

— Именно, возразилъ Мирзоевъ: — я очень хорошо знаю Медіоланскаго; то, въ чемъ откажетъ онъ мужчинѣ, т. е. нашему брату, непремѣнно исполнится, коль скоро начнетъ просить объ этомъ дама... Дамѣ онъ никогда не откажетъ! сказалъ Мирзоевъ, закрывая въ свою очередь глаза и стараясь припомнить черты своей кузины: — я даже ручаюсь вамъ, подхватилъ онъ:—ручаюсь вамъ, что дѣло ваше увѣнчается тогда несомнѣннымъ успѣхомъ! Да, это иначе и быть не можетъ: положитесь на меня, говорю вамъ: надо вамъ сказать, большая часть дѣлъ устраивается дамами; спросите у кого хотите, это вамъ всякій скажетъ... Повторяю: пусть проситъ Софья Петровна,—

и наше дѣло въ шляпѣ; я получаю мѣсто смотрителя дома, укрѣпляюсь, получаю кредитъ, становлюсь, такъ сказать, твердою ногою въ Обществѣ,—и тогда начинаю дѣйствовать,—и васъ опредѣляю! Все это можетъ сдѣлаться очень даже скоро... Надо только просить Софью Петровну... Такъ вотъ какъ - съ, мой почтеннѣйшій! заключилъ Петръ Петровичъ, шутливо трепля ошалѣвшаго своего собесѣдника по плечу: — вотъ какъ-съ дѣла-то дѣлаются!..

Николай Степанычъ никогда не могъ думать, чтобы такъ дѣла дѣлались; но Петръ Петровичъ подтвердилъ это множествомъ фактовъ; послѣ этого онъ быстро перешелъ къ объясненію цѣли и круга дѣйствій Общества, въ которомъ былъ казначеемъ, надѣялся быть смотрителемъ дома и куда желалъ опредѣлить своего родственника. Во время этихъ объясненій, у Николая Степаныча часто вертѣлись въ головѣ шарики; тѣмъ не менѣе онъ во всемъ соглашался; онъ ясно видѣлъ свою неопытность, свое ничтожество передъ этимъ, истинно великимъ, практическимъ человѣкомъ,—и слѣпо отдавалъ судьбу свою въ руки Петру Петровичу, который съ перваго взгляда внушалъ ему довѣріе.

Такъ какъ Фуфлыгины должны были непремѣнно остаться обѣдать у Мирзоевыхъ, разговоръ между кузенами, конечно, не могъ ограничиться до четырехъ часовъ одною и тою же темой; бесѣда коснулась другихъ предметовъ, въ числѣ которыхъ были упомянуты и родственники. При имени Аркадія Иваныча Пигунова, Мирзоевъ поправилъ очки и на губахъ его появилась грустная улыбка; онъ пожалъ плечами и сказалъ, что хотя Пигуновъ и приходится родной братъ Николаю Степанычу, но онъ долженъ однакожъ сознаться, что глубоко, истинно сожалѣетъ объ этомъ человѣкѣ... Говоря о Коко Свищовѣ, Петръ Петровичъ выразился съ большею рѣзкостью; онъ сказалъ, что это жалкій, несчастный мальчикъ, изъ котораго никогда ничего не выйдетъ. Николай Степанычъ вздыхалъ, молчалъ и снова во всемъ внутренно соглашался.

Въ такихъ бесѣдахъ провели они время вплоть до той минуты, пока ихъ не позвали обѣдать.

За обѣдомъ, Петръ Петровичъ первый подалъ голосъ и въ короткихъ, но весьма краснорѣчивыхъ словахъ, передалъ Софьѣ Петровнѣ дѣло, о которомъ говорилъ ея мужу. Съ окончаніемъ этой рѣчи, Александра Семеновна радостно забила въ ладоши и трижды поцѣловала кузину. Она ни на секунду не сомнѣвалась въ успѣхѣ дѣла; такіе хорошенькіе глазки, какъ у Sophie, должны побѣждать все и всѣхъ! Мирзоева напрямикъ объявила, что будь она на мѣстѣ Медіоланскаго, — она не только отдала бы въ угожденье Sophie мѣсто смотрителя дома, но сдѣлала бы ее вице-учредителемъ Общества и даже уступила бы ей свое собственное предсѣдательское мѣсто.

— Помилуй, chère amie,—я рѣшительно не постигаю, что тебя смущаетъ... сказала она, когда обѣ дамы удалились послѣ обѣда, въ особую комнату, чтобы переговорить о туалетѣ (рѣшено было завтра же утромъ ѣхать къ Медіоланскому, и вопросъ состоялъ теперь въ томъ, чтобы успѣть къ этому сроку приготовить новое платье):— твой туалетъ не можетъ тебя смущать,—за это я берусь. Tu seras à croquer! положись только на меня... Но это послѣднее дѣло; подумай, что мы, женщины, должны искать такихъ случаевъ; я очень знаю, что ты любишь, обожаешь своего Nicolas... но твоему самолюбію все-таки будетъ пріятно, когда онъ будетъ тебѣ обязанъ нѣкоторымъ образомъ... Это ставитъ всегда мужей въ отношеніи къ намъ въ почтительное положеніе... Cela nous donne de l'aplomb! Да вотъ, чего же лучше, смотри на меня: ты должна знать, что я все сдѣлала... Безъ меня Пьеръ сидѣлъ бы въ какомъ-нибудь земскомъ судѣ... Я, разумѣется, никогда этимъ не пользуюсь, но при случаѣ (кто знаетъ, что можетъ быть въ жизни?) — при случаѣ у меня въ рукахъ есть по крайней мѣрѣ оборонительное оружіе... Nous sommes ésclaves, chère! on a beau dire, mais nous le sommes!.. Но ѣдемъ, однакожъ; надо торопиться, потому что времени, какъ ты знаешь, остается очень мало. Но вотъ вопросъ: въ чемъ же мы поѣдемъ?..

— У меня коляска! проговорила Софья Петровна, краснѣя отъ удовольствія.

Кузины обнялись, одѣлись и вышли въ гостиную, чтобы проститься съ дѣтьми.

— Ну, смотрите же, дѣти, будьте умны, сказала Софья Петровна, цѣлуя Лёшу и Пошу: — я уѣзжаю; не шалите, не капризничайте...

— Мнѣ скучно, мама, слезливо проговорилъ Лёша.

— Мнѣ, мама, спать хочется... пропищала Поша, зѣвая и потягиваясь на диванѣ.

— Съ вами папа остается; я ему сейчасъ скажу, онъ васъ домой проводитъ... проговорила Фуфлыгина.

— Ils sont délicieux! воскликнула Мирзоева, — и обѣ вошли въ кабинетъ.

Бесѣда такого умнаго, дѣлового и практическаго человѣка, какъ кузенъ Мирзоевъ, была, конечно, столько же пріятна сколько и поучительна такому добродушному и неопытному провинціалу, какъ Николай Степанычъ; онъ слова, однакожъ, не возразилъ женѣ и охотно согласился исполнить родительскую обязанность, въ отношеніи къ скучавшему Лёшѣ и засыпавшей Пошѣ.

Полчаса спустя послѣ отъѣзда кузинъ, можно уже было видѣть Николая Степаныча, идущаго съ двумя дѣтьми по Подъяческой. Но Лёша и Поша воскресли, какъ только очутились на улицѣ; они наотрѣзъ объявили, что не хотятъ идти въ гостинницу.

Николай Степанычъ былъ отчасти радъ случаю прогуляться; вотъ уже третій день, какъ онъ въ городѣ, которому всѣ удивляются, и между тѣмъ ровно еще ничего не видѣлъ. Разспросивъ, какъ пройдти къ Невѣ, онъ направился по Вознесенской. Но чѣмъ далѣе подвигался онъ, тѣмъ положеніе его становилось затруднительнѣе.

— Папа, что это? спрашивали поминутно дѣти.

— Это... это... это... А вотъ, сейчасъ; эй, любезный! что это такое?

— Адмиралтейство...

— Это адмиралтейство...

— Папа, папа, а это что?

— Это... это... Послушай, любезный, что это такое?

— Сенатъ.

— Это, дѣти, сенатъ...

И такъ далѣе; словомъ, Леша и Поша не давали отцу покоя.

«Нѣтъ, съ этими дѣтьми рѣшительно невозможно, подумалъ Николай Степанычъ:—они не даютъ сосредоточиться, не даютъ ничего обдумать... А между тѣмъ, каждый предметъ вызываетъ здѣсь на размышленіе... Нѣтъ, дѣти только мѣшаютъ...»

При всемъ томъ, онъ вернулся въ гостинницу не ранѣе восьмого часа.

Первый предметъ, остановившій вниманіе Николая Степаныча при входѣ въ номеръ, былъ листъ бумаги на столѣ въ первой комнатѣ.

Николай Степанычъ прочелъ слѣдующее:

«Я снова заѣзжалъ къ вамъ, дядюшка... Куда же вы дѣлись?.. Когда же мы ѣдемъ на острова?.. Я завтра опять заѣду; будьте дома... смотрите же!..

Коко̀».

«P. S. Цѣлую ручки тетушкѣ».

«Я думалъ, что ты будешь обѣдать дома и потому пріѣхалъ посидѣть съ тобою, мой дорогой Николай; я просидѣлъ у тебя до семи часовъ въ нетерпѣливомъ (одинъ только Богъ видитъ, какъ я ждалъ тебя!), но тщетномъ ожиданіи; я, безъ сомнѣнія, просидѣлъ бы у тебя еще болѣе; но ты знаешь, моя Нидочка одна-одинешенька, и я поспѣшилъ къ ней возвратиться, ибо нервы ея сегодня особенно какъ-то разстроены. Не забудь же, что ты и милая твоя жена дали слово пріѣхать къ намъ обѣдать; ждемъ васъ завтра, а въ ожиданіи обнимаю тебя,

твой братъ по душѣ и чувствамъ
Аркадій Пигуновъ».

Уложивъ дѣтей, Николай Степанычъ надѣлъ халатъ, взялъ карандашъ и, перевернувъ листъ на другую сторону, углубился въ счеты.

Почесывая карандашомъ лобъ и дипломатическую свою лысину, и время отъ времени выставляя цифры, онъ

свелъ полную смѣту своихъ расходовъ со дня выѣзда изъ уѣзднаго города до дня пріѣзда въ Петербургъ; но тутъ онъ сталъ въ тупикъ, позвонилъ человѣка и велѣлъ подать счетъ,—что было тотчасъ же исполнено.

«Ну, это еще не такъ много... Я ожидалъ гораздо больше...» подумалъ Николай Степанычъ.

— Но что это?.. воскликнулъ онъ почти въ то же мгновеніе и страшно расширилъ глаза:—это что такое?..

— Обѣдъ нынѣшняго дня-съ... возразилъ лакей.

— Но, помилуй, мой милый; это ошибка... какой обѣдъ?.. я сегодня даже дома не обѣдалъ...

— Я знаю-съ... возразилъ слуга: — но вашъ братецъ здѣсь кушать изволили...Вы приказали всегда принимать ихъ..

Николай Степанычъ опустилъ глаза и прочелъ слѣдующеее:

ОБѢДЪ 3-ГО МАЯ.

Водка . . . . . .
Водка . . . . . .
Водка . . . . . .
Закуска . . . . . .
Супъ bisque d'ecrevisses. . . . . .
Beuf sauté aux truffes . . . . . .
Бутылка хересу. . . . . .
Anchois. . . . . .
Спаржа . . . . . .
Бутылка лафиту № 1 . . . . . .
Soudak à la provençale . . . . . .
Cailles aux truffes . . . . . .
Бутылка портера № 1 . . . . . .
Кофе и коньякъ . . . . . .
Сигара . . . . . .
Ликеръ . . . . . .
Idem. . . . . .
Idem. . . . . .

Total . . . . . 14 roub. 40 cop.

— Четырнадцать рублей серебромъ на обѣдъ! за одинъ обѣдъ! воскликнулъ Николай Степанычъ: — это ужасно, однакожь, какъ дорого...

— Они изволили брать по порціямъ; по порціямъ гораздо дороже... сказалъ лакей.

— Хорошо, братецъ,—ступай... Нѣтъ, чортъ возьми, такъ нельзя, промолвилъ онъ почти громко, когда человѣкъ вышелъ:—это ужасно! надо непремѣнно приняться за экономію... Съ тѣмъ, что взялъ у меня братъ Аркадій, у меня остается теперь почти двѣ тысячи... Положимъ, Мирзоевъ получитъ мѣсто черезъ недѣлю; тамъ пройдетъ еще недѣля въ разныхъ проволочкахъ... Можетъ быть еще недѣля пройдетъ, всего не предусмотришь... Словомъ, раньше мѣсяца я никакъ не опредѣлюсь, — это почти вѣрно... Необходимо, слѣдовательно, такъ вести дѣла, чтобы осталась, по крайней мѣрѣ, хоть одна тысяча на первое обзаведеніе... Ужасъ какъ, однакожъ, все здѣсь дорого... просто съ ума сойдти надо... А, мой другъ!.. что это ты такъ поздно? воскликнулъ онъ, обращаясь къ женѣ, которая въ эту минуту входила:—что это у тебя такое?.. присовокупилъ онъ, тыкая пальцемъ въ довольно полновѣсный узелокъ, который находился въ рукахъ Софьи Петровны.

Въ узлѣ все были, конечно, самыя необходимыя вещи.

— Гм! необходимыя.. пробормоталъ Николай Степанычъ.

Впрочемъ, этимъ и ограничилось его замѣчаніе. Онъ вообще рѣдко противорѣчилъ женѣ; но теперь, когда будущая судьба его находилась вся въ рукахъ Софьи Петровны,—теперь противорѣчіе было бы крайне неблагоразумно и даже опасно.

— Я въ совершенномъ восторгѣ! говорила она въ то время, какъ подобныя соображенія бродили въ головѣ мужа: — я въ восхищеніи отъ Петербурга!.. И какой вздоръ, будто здѣсь все дорого! Такъ думаютъ только въ провинціи... На самомъ же дѣлѣ, здѣсь все дешевле даже, чѣмъ въ губернскихъ городахъ; а ужъ что все лучше,— въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Мы проѣхали съ Alexandrine по всему Невскому проспекту. Что это за великолѣпіе!.. Ахъ, знаешь: она познакомила меня съ однимъ очень милымъ молодымъ человѣкомъ; нѣкто: Сюсюковъ; un jeune homme charmant; удивительно какой любезный.

— Я что-то не слыхалъ о немъ... Петръ Петровичъ ничего мнѣ не говорилъ...

— Да, кстати, Nicolas, пожалуйста, ни слова ему о нашей встрѣчѣ съ Сюсюковымъ; Петръ Петровичъ съ нимъ въ ссорѣ... Alexandrine сказывала мнѣ, что ея мужъ страшно даже преслѣдуетъ Сюсюкова... Мы встрѣтились случайно; кузина хотѣла показать мнѣ Пассажъ, — это, просто, скажу тебѣ, чудо!—входимъ—и первое лицо, которое тамъ встрѣчаемъ, былъ Сюсюковъ!.. однимъ словомъ, ты меня видишь въ совершенномъ восторгѣ!..

Николай Степанычъ отправился вскорѣ послѣ этого спать и Софья Петровна не замедлила послѣдовать его примѣру.

Но сонъ обоихъ супруговъ былъ очень тревоженъ. Николай Степанычъ пробуждался поминутно. То чудилось ему, что онъ на какой-то площади и его окружаютъ конные солдаты... Всѣ они держатъ пики наперевѣсъ и устремляютъ на него пристальные, грозные взгляды... Сердце замираетъ въ груди Николая Степаныча; предчувствіе неминуемой опасности наполняетъ его душу... Изъ рядовъ нежданно показывается всадникъ... и кровь леденѣетъ въ жилахъ Николая Степаныча, когда онъ узнаетъ въ немъ Карпенку, — того самаго, съ кѣмъ онъ ѣхалъ по желѣзной дорогѣ... Николай Степанычъ, объятый ужасомъ, хочетъ крикнуть — и не можетъ... «Читай!» грозно говоритъ Карпенко, развертывая длинный-длинный списокъ, въ которомъ ясно значится, что Николай Степанычъ обязался выплатить всѣ расходы брата своего Аркадія Пигунова со дня его рожденія.. «Но я не въ состояніи!..» отчаянно восклицаетъ Николай Степанычъ. «Руби его, когда такъ! Руби, если такъ!..» яростно командуетъ Карпенко... Раздается страшное бряцаніе оружія — и Николай Степанычъ пробуждается... То ясно, какъ наяву, видитъ онъ себя въ своей деревнѣ гуляющимъ въ рощѣ... Милліоны птицъ поютъ и заливаются на каждой вѣткѣ... слезы умиленія текутъ по щекамъ Николая Степаныча... Но птичьи голоса мало-по-малу превращаются какъ-будто въ звуки бубенчиковъ и звонъ колоколовъ... Лѣсъ наполняется грохотомъ быстро скачущихъ экипажей... Николай Степанычъ узнаетъ судью своего уѣзднаго города, узнаетъ стряпчаго, исправника и

засѣдателя... «Господа, говоритъ онъ привѣтливо, — что доставляетъ мнѣ удовольствіе?.. надѣюсь, вы у меня обѣдаете?..» — «Не въ томъ дѣло, грубо прерываетъ стряпчій—вы не имѣете права гулять въ этой рощѣ... Развѣ вы не знаете, что она уже десять лѣтъ назадъ продана господину Медіоланскому?..» — «Вонъ! вонъ!» кричатъ сотни голосовъ... Между стволами деревъ смутно мелькаетъ фигура дядюшки Изосима Петровича—и все пропадаетъ... «Странно, думаетъ Николай Степанычъ, какъ же это можетъ быть, что я нахожусь въ одно и то же время и Москвѣ, и въ Петербургѣ... Этого, кажется... А впрочемъ, что-жъ мудренаго? вѣдь проволоки тянутъ же изъ желѣза и тянетъ ихъ Мирзоевъ на своемъ кожевенномъ заводѣ...» То чудится ему, что онъ пробирается въ отдаленной части Петербурга по какому-то темному, узкому переулку; съ каждымъ шагомъ впередъ, переулокъ дѣлается уже и уже, темнѣй и темнѣй... Николай Степанычъ отчасти даже радъ этому; никто не увидитъ прорванныхъ сапогъ... Да, именно, онъ идетъ покупать сапоги... Но переулокъ такъ уже тѣсенъ и теменъ, что шагу ступить невозможно... Дыханіе спирается въ груди Николая Степаныча. «Что же это такое?» спрашиваетъ онъ. — «Это Нева!» мрачнымъ громовымъ голосомъ говоритъ Харитонъ, бывшій камердинеръ Николая Степаныча. — «Мы спускаемся на дно Невы!» взвизгиваетъ Настасья, бывшая горничная Софьи Петровны». — «Но отчего-жъ мы на Невскомъ? вѣдь это Невскій проспектъ?..» спрашиваетъ Николай Степанычъ. — «Да, это Невскій проспектъ!» кричитъ Коко, прыгая на каблукахъ; Николай Степанычъ пугливо оглядываетъ свои сапоги и сломя голову бросается къ сапожнику; но дверь плотно заперта и всѣ смѣются... — «Скорѣе, скорѣе сапоги!.. Что стоитъ эта пара?» кричитъ Николай Степанычъ, простирая руки къ золотымъ сапогамъ, нарисованнымъ на вывѣскѣ: — «Что же стоятъ?» — «Сто тысячъ!..» — «Какъ?..» — Да, въ Петербургѣ все ужасно дорого...» — «Фетюкъ! Фетюкъ!» раздается по близости изъ-за угла голосъ дядюшки Изосима Петровича, — «у тебя подъ ногами кулекъ съ золотомъ и ты этого не видишь!..» — Николай Степанычъ съ

жадностію хватаетъ кулекъ, тащитъ, кряхтитъ, обливается потомъ отъ натуги,—и просыпается...

Софья Петровна не видала никакихъ ужасовъ; но ей не спалось отъ волненія и волненіе ея проистекало именно отъ того, что она не могла заснуть—обстоятельство весьма важное, если принять въ соображеніе, — что Софья Петровна намѣревалась поразить завтра господина Медіоланскаго и желала явиться передъ нимъ свѣженькой, какъ весенняя роза.

VI.

ТОРЖЕСТВО СОФЬИ ПЕТРОВНЫ. — МИРЗОЕВЪ ПОСТАВЛЕНЪ ВЪ НЕОБХОДИМОСТЬ ДАТЬ НѢСКОЛЬКО СОВѢТОВЪ.

На слѣдующее утро, часу въ десятомъ, модистка madame Poupon стучала костлявымъ своимъ пальцемъ въ дверь третьяго номера гостинницы «Парижъ».

— Peut-on entrer? произнесла она кисло-сладенькимъ голоскомъ, которому, безъ сомнѣнія, старалась придать наивозможно-большую пріятность.

Софья Петровна уже болѣе часу сидѣла между тѣмъ въ первой комнатѣ, замѣнявшей гостиную. Сердце ея наполнялось тоскливымъ безпокойствомъ при одной мысли, что madame Poupon запоздаетъ, чего добраго, даже не явится, или, что обѣщанное платье не поспѣетъ къ назначенному сроку; можете судить, какъ радостно откликнулась она на голосъ француженки. При видѣ объемистой картонки въ рукахъ модистки, Фуфлыгина готова была броситься ей на шею и расцѣловать ее: она удержалась, однакожъ, отъ такого порыва, но все-таки горячо пожала ей руку и сказала:

— J'admire votre éxactitude, chère madame Poupon! Vous êtes une femme charmante!..

Почти вслѣдъ за madame Poupon, пріѣхала Александра Семеновна; она наканунѣ дала слово кузинѣ Sophie присутствовать при ея туалетѣ и помочь ей одѣться; Мир-

зоеву сопровождалъ мужъ, который спѣшилъ отдать визитъ Николаю Степанычу.

Не теряя секунды, кузины и модистка исчезли въ третьей комнатѣ и заперлись на ключъ. Минутъ черезъ пять, Николай Степанычъ и Петръ Петровичъ услышали за дверью восторженныя восклицанія трехъ дамъ.

Было, впрочемъ, отчего придти въ восторгъ. Наканунѣ madame Poupon объявила съ свойственной ей прямотою, что къ такому короткому сроку новое платье никакъ не можетъ быть сдѣлано; но бѣда была не велика: у madame Poupon, представьте, какъ нарочно, находилось превосходнѣйшее платье, только-что купленное у одной графини; ростъ и талія графини совершенно почти одинаковы были съ ростомъ и таліею madame Foufliguine. Несмотря на то, что платье было дѣйствительно очаровательно и совсѣмъ почти новое, не смотря даже, что оно принадлежало графинѣ, Софья Петровна нисколько ему не обрадовалась; мало того, она замѣтила съ чувствомъ достоинства, что не находится въ томъ положеніи, чтобы носить надѣванное. Но Александра Семеновна поспѣшила успокоить провинціальную кузину; она сказала, что въ Петербургѣ новыхъ платьевъ въ сущности шьется очень мало, что ношенныя въ большомъ ходу, что сплошь и рядомъ одно и то же платье перешивается пять, шесть разъ и переходитъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, что на это не смотрятъ даже очень богатыя дамы, дающія у себя вечера и балы. Модистка подтвердила все это, приводя въ примѣръ графиню, которая, получая сто тысячъ дохода, не только продавала старыя юбки, но даже продавала старые башмаки и перчатки. Софья Петровна рѣшилась, наконецъ, примѣрить платье; оно пришлось какъ разъ, кромѣ, впрочемъ, лѣваго бока (графиня была нѣсколько кривобока и потому на одной сторонѣ лифа оказалось фунта два ваты); но модистка объявила, что это сущій вздоръ, что, принимая въ соображеніе дивное сложеніе madame Foufliguine, qui est faite comme au tour, недостатокъ этотъ мгновенно исчезнетъ и платье будетъ сидѣть превосходно, comme un ange!.. И дѣйствительно, оно сидѣло теперь изумительно,—какъ на картинкѣ!

— Il vous va comme un gant! произнесла француженка, потрясая головою и отступая три шага назадъ.

— Il te va à ravir! воскликнула въ свою очередь Александра Семеновна.

Николай Степанычъ и Петръ Петровичъ бесѣдовали между тѣмъ во второй комнатѣ; бесѣда начинала уже принимать оживленный характеръ, когда вошелъ человѣкъ.

— Васъ, сударь, спрашиваютъ, произнесъ онъ, обратившись къ Фуфлыгину.

— Кто такой?

— Спрашиваютъ, сударь... повторилъ лакей, откидываясь назадъ съ такою поспѣшностью, что, казалось, его сильно кто-то дернулъ за фалды фрака.

— Извините меня, Петръ Петровичъ, я сію минуту... сказалъ Николай Степанычъ голосомъ, какъ-будто желалъ дать почувствовать гостю, чтобы онъ за нимъ не слѣдовалъ. Онъ не сомнѣвался, что его спрашиваютъ или братъ, или Кокò. Зная, какія непріязненныя отношенія существовали между его родственниками и Петромъ Петровичемъ, онъ имѣлъ основательныя причины опасаться ихъ столкновенія, особенно у себя въ номерѣ. Мирзоевъ, повидимому, отлично понялъ Фуфлыгина; онъ кивнулъ головою, опустился на стулъ и выразилъ намѣреніе не тронуться съ мѣста.

Николай Степанычъ угадалъ вѣрно; войдя въ первую комнату, онъ увидѣлъ Аркадія Иваныча. Пигуновъ далъ брату подойдти какъ можно ближе, взялъ его за руку и поцѣловалъ нѣсколько разъ сряду въ каждую щеку.

— Я знаю изъ описанія лакея, кто у тебя... Я лучше не войду туда... произнесъ Пигуновъ, кидая безпокойный взглядъ на дверь и понижая голосъ: — я ужъ говорилъ тебѣ, кажется: не сочувствую, братецъ, я этому человѣку, не по душѣ онъ мнѣ какъ-то... Ты имѣешь съ нимъ дѣла, онъ тебѣ нуженъ, это понятно... Впрочемъ, я на одну секунду; и пріѣхалъ сказать тебѣ и Софьѣ Петровнѣ, что жду васъ сегодня обѣдать; помнишь, вы оба дали мнѣ слово...

— Видишь ли, въ чемъ дѣло, Аркадій...

— Не говори такъ громко, перебилъ Пигуновъ, бросая косвенный взглядъ на дверь:—онъ можетъ услышать, можетъ войти... а я не желаю имѣть съ нимъ столкновенія... Ну, что ты хотѣлъ сказать?

— Дѣло въ томъ, что жена должна ѣхать сейчасъ по одному важному дѣлу; не знаю, вернется ли она такъ скоро...

— Я ча́са не назначаю: четыре,—пять, шесть,—это все равно... разумѣется, лучше, если вы пріѣдете раньше; но вы должны пріѣхать... Въ противномъ случаѣ, вы меня истинно огорчите... Я сегодня и безъ того особенно какъ-то грустно настроенъ! подхватилъ Пигуновъ, мрачно запрятывая руки въ карманы, которые не издали при этомъ ни малѣйшаго звука: — ужасно какъ грустно настроенъ!—повторяю: вы меня глубоко огорчите отказомъ; я уже сдѣлалъ даже кой-какія распоряженія... Итакъ, вы пріѣдете?..

— Хорошо...

— Во всякомъ случаѣ?

— Во всякомъ случаѣ.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Ты этимъ меня воскресаешь! вымолвилъ Аркадій Иванычъ, схватывая руку брата и пожимая ее съ большимъ чувствомъ, причемъ двѣ крупныя слезы задрожали на его рѣсницахъ.

— Но я тебя не задерживаю, заговорилъ онъ торопливо: — я вѣдь всего только на секунду; мнѣ нельзя больше: Нидочка одна и вѣрно безпокоится... Итакъ, до свиданія! Смотри же, я жду... Позволь, однакожъ, обнять тебя еще разъ, мой добрый, мой дорогой Николаша...

Удовлетворивъ этой потребности своего нѣжнаго сердца, Аркадій Иванычъ нахлобучилъ плисовый картузъ и быстро скрылся въ двери. Николай Степанычъ возвратился къ гостю, который взиралъ съ кроткою улыбкой на игравшихъ Лешу и Пошу. Фуфлыгинъ пригласилъ Мирзоева перейдти въ гостиную.

— Это вѣрно былъ вашъ братецъ? я узналъ его по голосу, произнесъ Мирзоевъ, опускаясь на диванъ въ пер-

вой комнатѣ:—истинно, душевно сожалѣю объ этомъ человѣкѣ!.. Я, кажется, уже передавалъ вамъ мою мысль... Какъ, помилуйте, дожить до такихъ лѣтъ и не имѣть, такъ сказать, опредѣлительной, вѣрной опоры въ жизни?.. Я также вотъ чего не понимаю: какая причина можетъ заставлять его избѣгать меня?.. Были у насъ, правда, въ прежнее время, кой-какіе счетцы, но я никогда ему объ этомъ не напоминаю, никогда!.. Я вижу, однакожъ, Николай Степанычъ, вы меня не слушаете... по глазамъ вашимъ вижу это!.. Скажите, о чемъ вы думаете?

— Признаюсь вамъ, Петръ Петровичъ, я не то, чтобы... но знаете, невольно какъ-то смущаетъ меня этотъ визитъ жены къ Медіоланскому...

— Въ какомъ смыслѣ? спросилъ Петръ Петровичъ, устремляя на собесѣдника пытливый взглядъ.

— Я все думаю, изъ этого ничего не выйдетъ... право!.. сами посудите: ну, гдѣ же женщинѣ...

Петръ Петровичъ тихо засмѣялся своимъ деревяннымъ смѣхомъ.

— Эхъ, жизни не знаете вы, мой почтеннѣйшій, вотъ что! промолвилъ кузенъ Мирзоевъ, шутливо трепля колѣни собесѣдника:—именно, жизни не знаете!.. Повторяю вамъ: побробуй-ка я или вы поѣхать теперь за тѣмъ, за чѣмъ ѣдетъ жена ваша, что̀ мы получимъ? — шишъ! да, шишъ, и больше ничего! именно, ничего больше не получимъ! Но поѣдетъ женщина, особенно такая молоденькая... вы меня извините, Николай Степанычъ, да и такая хорошенькая, какъ Софья Петровна — и повѣрьте, все какъ рукой возьметъ!.. Говорю вамъ: положитесь на меня; я знаю жизнь, знаю людей... не скажу, чтобы не зналъ я также Медіоланскаго... Нашъ старикашка, надо вамъ сказать, немножко того... влюбчивъ... вы понимаете?.. сейчасъ, знаете, растаетъ... Оно и прекрасно; пускай его таетъ, а мы себѣ на усъ, да на усъ... Увидите, что я правъ! Въ этомъ дѣлѣ я столько же заинтересованъ, сколько и вы... а между тѣмъ видите: я спокоенъ! совершенно спокоенъ! Я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ... Да и можно ли сомнѣваться? — взгляните! взгляните!.. воскликнулъ Мирзоевъ, приподымаясь и выходя на встрѣчу

Софьѣ Петровнѣ, которая неожиданно появилась въ дверяхъ въ сопровожденіи кузины, madame Poupon и дѣтей.

Она въ самомъ дѣлѣ была очень авантажна въ новомъ своемъ нарядѣ, и никто, повидимому, лучше ея не былъ въ этомъ увѣренъ; глаза ея радостно блистали, на щекахъ горѣлъ румянецъ самодовольствія, губы ласково, привѣтливо улыбались присутствующимъ, которые обступили ее и хоромъ выражали свой восторгъ и удивленіе.

— Софья Петровна... я молчу... я молчу... повторилъ Петръ Петровичъ, окончательно убѣждаясь, повидимому, что мѣсто смотрителя дома выиграно:—я молчу... Мнѣ остается молчать и преклонить колѣни... да, больше ничего!..

— Посмотрите, какъ она мила! Ну, не мила ли она? провозглашала Мирзоева по-русски и по-французски.

— Madame est á croquer, поддакивала госпожа Пупонъ.

Дѣти выражали свою радость, прыгая вокругъ матери и хлопая въ ладоши. Одинъ Николай Степанычъ молчалъ; онъ, казалось, былъ сконфуженъ и тронутъ: восторженныя похвалы, обращавшіяся къ женѣ, пробуждали въ сердцѣ его неописанную сладость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какое-то тоскливое чувство; онъ какъ-будто внутренно сознавался, что до сихъ-поръ мало цѣнилъ свою Сонечку. Мирзоевъ отвелъ Софью Петровну къ окну: онъ чувствовалъ необходимость повторить ей свои наставленія касательно того, какъ объясниться съ Медіоланскимъ, какъ просить, и о чемъ именно, и вообще, какъ вести себя съ учредителемъ Общества «Распространенія и улучшенія рогатаго скота». Въ это время Николай Степанычъ распорядился, чтобы наняли карету.

— Ну, дорогая сестрица, теперь поѣзжайте... куйте желѣзо, пока горячо... ха, ха!.. именно такъ; мѣшкать нечего!.. сказалъ кузенъ, покидая окно.

— Карета, мой другъ, готова... произнесъ нѣжно, хотя робко, Николай Степанычъ.

— Мы поѣдемъ вмѣстѣ... вымолвила Александра Семеновна, шептавшаяся о чемъ-то съ модисткой: — Sophie довезетъ меня до Невскаго; я тамъ пробуду всего нѣ-

сколько секундъ, послѣ чего тотчасъ же вернусь сюда... Ѣдемъ, chère amie, ѣдемъ... Adieu, madame Poupon!

— Bien du plaisir à ces dames... Messieurs, j'ai bien l'honneur... любезно проговорила француженка и, подхвативъ свою картонку, вышла изъ номера.

Съ той минуты, какъ карета увлекла Софью Петровну, Николай Степанычъ впалъ въ раздумье, которое, очевидно, служило прикрытіемъ внутренней тревоги. Онъ самъ, впрочемъ, не могъ объяснить себѣ, что̀ именно его тревожило; онъ вполнѣ довѣрялъ опытности кузена Мирзоева; не сомнѣвался даже въ успѣхѣ дѣла; но при всемъ томъ поминутно обливался по̀томъ и выказывалъ страшную суетливость каждый разъ, когда на улицѣ раздавался стукъ экипажа. Петръ Петровичъ и его жена (она дѣйствительно не замедлила вскорѣ явиться) старались развлечь кузена: одна говорила о петербургскихъ увеселеніяхъ, которыхъ не зналъ еще Николай Степанычъ и которыя предстояли ему; другой краснорѣчиво повѣтствовалъ о цѣляхъ, назначеніи и выгодахъ Общества, къ которому надѣялся скоро примкнуть дорогого своего родственника. Николай Степанычъ слушалъ все это очень разсѣянно; онъ продолжалъ обливаться по̀томъ и бросалъ нетерпѣливые взгляды къ окну. Такъ провели они по крайней мѣрѣ два часа, въ продолженіе которыхъ тревога Николая Степаныча все сильнѣе и сильнѣе возрастала. Онъ уже не довольствовался теперь взглядами, но при малѣйшемъ звукѣ извнѣ вскакивалъ съ мѣста и подбѣгалъ къ окну.

— Вотъ она!.. Она! — она! неожиданно прокричалъ Фуфлыгинъ, оживляясь до послѣдняго суставчика и, прежде чѣмъ успѣли опомниться супруги Мирзоевы, онъ выбѣжалъ изъ номера.

Минуты двѣ спустя, онъ снова явился, но ужъ въ сопровожденіи Софьи Петровны.

— Ну, что? какъ?.. счастливо ли? спросили въ одинъ голосъ Мирзоевы, нетерпѣливо приближаясь къ кузинѣ.

— Принялъ ее превосходно!.. всѣмъ отказалъ, а ее принялъ!.. могъ только проговорить Николай Степанычъ, обуреваемый радостнымъ волненіемъ и не переставая впи-

ваться въ лицо жены восторженными, восхищенными глазами.

Черты Софьи Петровны, проникнутыя какою-то торжественною самоувѣренностію, отличались, напротивъ того, удивительнымъ спокойствіемъ. Прежде чѣмъ отвѣтить кузинѣ и кузину, она взглянула на мужа.

— Я не понимаю, Nicolas, что происходитъ съ тобою!.. c'est vraiment ridicule... вымолвила она, слегка краснѣя:— что-жъ тутъ удивительнаго, что Медіоланскій меня принялъ?.. подхватила она, обращаясь къ Мирзоевымъ:— странно было бы, еслибъ онъ иначе сдѣлалъ... Я вообще нашла въ немъ очень милаго, очень порядочнаго человѣка... Кстати, прибавила она, какъ бы мимоходомъ:— онъ завтра здѣсь будетъ... Онъ просилъ позволенія отдать мнѣ визитъ...

— Bravo, Sophie! mais tu as fait sa conquête! воскликнула Александра Семеновна.

— Софья Петровна, мнѣ остается молчать!.. снова сказалъ кузенъ Мирзоевъ, признательно припадая къ рукѣ кузины: — именно: остается молчать, и больше ничего...

— Я вамъ говорю, Петръ Петровичъ, это удивительная женщина... она дѣлаетъ все, что хочетъ, — рѣшительно все... началъ-было Николай Степанычъ, котораго продолжали обуревать восторженныя чувства,— но онъ остановился, встрѣтивъ строгій взглядъ жены, которая покачала головою и снова покраснѣла.

— Ну, Николай Степанычъ, чего-жъ вы такъ безпокоились, а? сказалъ Мирзоевъ:—не говорилъ ли я вамъ, а? въ извѣстныхъ случаяхъ, почтеннѣйшій, женщины всемогущи!.. да, онѣ всемогущи!.. Ну, Софья Петровна, что же онъ сказалъ, однакожъ, касательно мѣста смотрителя дома?

— Онъ очень мило улыбнулся и сказалъ, что завтра привезетъ мнѣ отвѣтъ, возразила Фуфлыгина: — изъ выраженія лица его я ясно могла понять, что отвѣтъ будетъ удовлетворительный...

— О, эти женщины! не говорилъ ли я вамъ?—это удивительно! воскликнулъ кузенъ Мирзоевъ, благородное

сердце котораго забилось:—итакъ, почтеннѣйшій Николай Степанычъ, итакъ, благодаря милой женѣ вашей, дѣло выиграно! Черезъ недѣлю... быть можетъ даже менѣе, я получаю мѣсто... а тамъ... тамъ начинаю хлопотать и васъ опредѣляю. Вотъ еще что, Софья Петровна, примолвилъ онъ, поворачиваясь вдругъ къ Фуфлыгиной, которая готовилась уже выйдти съ кузиной, чтобы снять шляпку и мантилью: — Медіоланскій не говорилъ вамъ, въ которомъ часу именно онъ завтра у васъ будетъ?..

— Ровно въ часъ! самоувѣренно возразила Софья Петровна, удаляясь и запирая дверь.

— Ну, и прекрасно!.. Послушайте, Николай Степанычъ, торопливо заговорилъ Мирзоевъ, увлекая кузена въ амбразуру окна:—вы бы хорошо сдѣлали, еслибъ около этого часа... да, часовъ этакъ въ двѣнадцать, ко мнѣ завтра пожаловали... или нѣтъ, позвольте... Завтра меня въ это время не будетъ дома... у меня завтра счетный день... такая досада! Но все равно, вы, кажется, говорили, что Аркадій Иванычъ предлагалъ вамъ идти въ академію... вы же у него обѣдаете сегодня; скажите ему, что завтра въ двѣнадцать часовъ вы къ нему заѣдете.

— Но, какъ же, Петръ Петровичъ?.. вѣдь это невозможно... развѣ вы забыли?

— А что?

— А Медіоланскій?.. Онъ въ это самое время здѣсь будетъ... вы слышали, онъ сказалъ: ровно въ часъ...

Благородная наружность кузена Мирзоева приняла озабоченное выраженіе.

— Николай Степанычъ, позвольте вамъ сказать нѣсколько словъ... произнесъ онъ вкрадчивымъ, умягченнымъ голосомъ, и взялъ кузена за пуговицу, но подумавъ вѣроятно, что этого мало при настоящемъ объясненіи, взялъ его за руку:—позвольте только быть съ вами откровеннымъ... наши родственныя отношенія... вы меня понимаете... и притомъ, я человѣкъ, который отъ всего сердца, отъ всей души, желаетъ вамъ добра и вамъ сочувствуетъ... именно: сочувствуетъ вамъ!.. (тутъ Мирзоевъ крѣпко пожалъ руку собесѣдника, который отвѣтилъ ему

тѣмъ же),—наконецъ, опытъ въ жизни, продолжалъ Мирзоевъ, знаніе свѣта, этого свѣта, отъ котораго вы — житель тихой деревни, мирныхъ полей и рощъ—были постоянно удалены... о, сколько разъ я вамъ завидовалъ, Николай Степанычъ, сколько разъ!.. все это даетъ мнѣ даже нѣкоторое право говорить вамъ прямо въ настоящемъ случаѣ... Не такъ ли!..

— Помилуйте, Петръ Петровичъ!.. сдѣлайте одолженіе, я даже прошу васъ объ этомъ...

— Благодарю васъ, благодарю... перебилъ кузенъ Мирзоевъ, взявъ собесѣдника сначала опять за пуговицу и потомъ снова за руку:—въ первую минуту, какъ мы заговорили о визитѣ Медіоланскаго, мнѣ было, знаете... неловко какъ-то высказать вамъ мою мысль; но теперь, ободренный вашими словами, я ее выскажу, да, выскажу... Послушайте, Николай Степанычъ, подхватилъ онъ, бросая изъ-подъ очковъ нѣжный взглядъ:—вамъ было бы неловко... скажу болѣе: вамъ никакъ не слѣдуетъ быть дома во время этого визита... Какъ хотите, но этого требуютъ условія свѣта... и это понятно: послушайте, супруга ваша ѣздила къ Медіоланскому, онъ отдаетъ ей визитъ... замѣтьте: «ей, но не вамъ!..» Вы меня извините, Николай Степанычъ, но я человѣкъ откровенный и говорю, что на душѣ; присутствіе ваше было бы нѣкоторымъ образомъ... даже не деликатно... Здѣсь, въ этой квартирѣ, вы представляете главное лицо, не такъ ли?.. Медіоланскій дѣлаетъ визитъ женѣ вашей,— замѣтьте: «ей одной», и вдругъ сталкивается съ вами, котораго,— вы меня извините,—онъ знать вовсе даже не обязанъ; воля ваша, это крайне неловко... Я даже посовѣтовалъ бы вамъ увести дѣтей... Дѣти шумятъ, безпокоятъ... Къ тому же, Медіоланскій не женатъ и терпѣть, кажется, дѣтей не можетъ... все это очень натурально... Поняли ли вы меня, Николай Степанычъ? умиленно заключилъ Мирзоевъ.

— Безъ сомнѣнія, Петръ Петровичъ... я, разумѣется, понялъ... все это... проговорилъ Фуфлыгинъ, закрывая глаза и стараясь привести въ порядокъ свои разбѣгающіяся мысли:—я чрезвычайно вамъ благодаренъ... но все-таки мнѣ... какъ-то странно все это...

— Кому вы это говорите! Еще бы не странно! Но, что-жъ дѣлать? что-жъ дѣлать? таковы, Николай Степанычъ, условія свѣта и надо имъ покоряться, это неизбѣжно...

Но въ эту минуту показались обѣ дамы, и Петръ Петровичъ замолчалъ.

— Вотъ что, Nicolas, сказала Софья Петровна: — первый номеръ въ этой гостинницѣ вчера освободился... мнѣ хочется воспользоваться этимъ случаемъ и туда переѣхать... здѣсь всего три комнаты, и это ужасно неудобно...

— Но, почему же, другъ мой? я этого не вижу... комната эта очень мила; въ ней можно принять кого угодно...

— Я, признаюсь, Софья Петровна, также не понимаю, почему вамъ здѣсь не нравится?.. А впрочемъ, дѣйствительно, дѣйствительно лучше переѣхать въ первый номеръ, торопливо проговорилъ Мирзоевъ, замѣтивъ неудовольствіе на лицѣ кузины:—дѣйствительно, это бы лучше было... Еслибъ Софья Петровна просила Медіоланскаго о вашемъ опредѣленіи, Николай Степанычъ, ничего не значило бы тогда принять его даже въ худшемъ номерѣ; напротивъ, оно бы даже шло какъ-то... Но Софья Петровна является въ настоящемъ случаѣ уже не какъ просительница, нѣтъ: она проситъ за другого... Немножко больше... удобства въ этомъ случаѣ не помѣшаетъ... вы меня сами поймете, Николай Степанычъ... Переѣзжайте-ка въ самомъ дѣлѣ! Вѣдь это всего на какихъ-нибудь два, три дня, не больше!..

Съ первыми словами жены о переселеніи изъ дешеваго номера въ дорогой, Николай Степанычъ твердо рѣшился возстать противъ такого намѣренія; онъ внутренно сохранялъ убѣжденіе, что деньги сыпались изъ кармана его такъ же быстро, какъ еслибъ сумма исключительно состояла изъ мелкой монеты, а карманъ находился весь въ дырьяхъ; владѣя такимъ аргументомъ, ему стоило только, разумѣется, открыть ротъ, чтобы одержать побѣду; но ротъ его не раскрылся. Переспектива успѣха, въ которомъ смѣшно было теперь сомнѣ-

ваться, завтрашній визитъ Медіоланскаго, и главное, послѣдніе доводы опытнаго, знающаго свѣтъ Петра Петровича,—все это поколебало рѣшимость Николая Степаныча такъ же быстро, какъ еслибъ ея вовсе не существовало. По прошествіи трехъ минутъ, онъ объявлялъ уже лакею, что перебирается въ первый номеръ. Переѣздъ совершался тотчасъ же послѣ отъѣзда Мирзоевыхъ. Часамъ къ тремъ все было готово. Фуфлыгины сѣли въ карету съ дѣтьми и поѣхали къ Пигуновымъ.

Нельзя не замѣтить, что Софья Петровна сильно не сочувствовала этому обѣду, точно такъ же, какъ не сочувствовала она лицамъ, дававшимъ обѣдъ. Но была ли возможность отказаться отъ такой поѣздки? Была ли возможность огорчать мужа, который такъ охотно исполнялъ волю жены и, кромѣ того, питалъ такую нѣжную, сердечную прявязанность къ брату и его семейству? Могли быть также и другія причины, склонившія Софью Петровну не выказывать мужу своего неудовольствія; на совѣсти ея лежали два шелковыхъ платья, двѣ шитыя юбки, одинъ воротничекъ и шляпка, которые заказаны были (честь выбора, сдѣланнаго съ необычайнымъ вкусомъ, принадлежала кузинѣ Мирзоевой), которые заказаны были madame Poupon тайно отъ Николая Степаныча. При первомъ намекѣ его объ обѣдѣ Пигуновыхъ, Софья Петровна торопливо одѣлась и вообще поспѣшила доказать своему Nicolas, что всегда рада исполнять его желанія.

VII.

МЫ ОБѢДАЕМЪ У ПИГУНОВЫХЪ.

Карманные часы Николая Степаныча показывали безъ четверти четыре, когда карета остановилась въ Измайловскомъ полку передъ огромнымъ пяти-этажнымъ домомъ. Въ зданіи этомъ, несмотря на его колоссальные размѣры, бросалась въ глаза одна только ошибка, и то, впрочемъ, не относившаяся къ архитектурѣ; желтый ярлыкъ надъ воротами дома возвѣщалъ, что домъ принад-

лежитъ коллежской секретаршѣ Загребаевой; всѣмъ, между тѣмъ, извѣстно было, что домъ составлялъ неотъемлемую собственность самого коллежскаго секретаря и купленъ былъ на его собственныя, кровныя деньги. Но такого рода ошибки слишкомъ часты въ отдаленныхъ кварталахъ Петербурга, чтобы стоило упоминать о нихъ.

Фуфлыгины прошли черезъ подъѣздъ на просторную, хотя темную и довольно запущенную лѣстницу, Аркадій Иванычъ нанималъ квартиру въ верхнемъ этажѣ. Остановившись передъ его дверью, Николай Степанычъ взялся за ручку звонка и смѣло дернулъ нѣсколько разъ сряду. Изнутри не послѣдовало отвѣта. Подождавъ минуту, Николай Степанычъ снова дернулъ. За дверью, по-прежнему, царствовало ненарушимое молчаніе.

— Странно... ужъ не ошибся ли я дверью?.. проговорилъ Николай Степанычъ, между тѣмъ какъ Софья Петровна кусала губки и удерживалась отъ смѣха: — нѣтъ, однакожъ, быть не можетъ; Аркадій именно объяснилъ, что здѣсь... Не лучше ли спросить, однакожъ, у vis-à-vis... заключилъ онъ, направляясь къ двери съ надписью: «Повивальная бабка».

— Какъ удобно такое сосѣдство... это очень кстати, сказала Софья Петровна: — Аменаида Васильевна всегда въ интересномъ положеніи... и...

— Какъ тебѣ не стыдно, Sophie! эхъ! произнесъ огорченнымъ тономъ Николай Степанычъ и позвонилъ.

Изъ двери повивальной бабки тотчасъ же выглянула женщина; она нетерпѣливо отвѣтила, что Пигуновы жили насупротивъ, и быстро скрылась. Николай Степанычъ возвратился къ звонку брата.

— Мнѣ кажется, колокольчикъ Аркадія Иваныча испорченъ... онъ не издаетъ звука... Нѣтъ ничего мудренаго, что насъ не слышатъ... замѣтила Софья Петровна, видя безполезныя усилія мужа, дергавшаго изо всей мочи.

Выведенный изъ терпѣнія, Николай Степанычъ пустилъ въ ходъ кулаки.

— Дѣйствительно, колокольчикъ испорченъ... идутъ! я слышу... проговорилъ онъ уже веселымъ тономъ.

Замокъ щелкнулъ — и на порогѣ показалась черноволосая, встрепанная баба, очень похожая на колдунью.

— Кого вамъ? прохрипѣла она, кидая подозрительно-раздраженные взгляды.

Николай Степанычъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, взялъ за руку Лешу и Пошу и тронулся впередъ. Колдунья загородила дорогу.

— Кого вамъ? повторила она суровѣе прежняго.

— Аркадія Иваныча...

— Дома нѣтъ...

— Какъ?.. Но все равно, жена его дома и...

— И ея дома нѣтъ!.. Никого нѣтъ дома!..

— Такъ они стало-быть сейчасъ придутъ... Мы здѣсь сегодня обѣдаемъ... Мы въ такомъ случаѣ подождемъ... миролюбиво проговорилъ Николай Степанычъ, порываясь впередъ.

Но колдунья снова загородила дорогу.

— Безъ господъ не пущу... не велѣно...

— Какъ не велѣно?.. вскричалъ Николай Степанычъ, мгновенно раздражаясь: — но я братъ Аркадія Иваныча... я его братъ... слышишь ли?..

При этомъ извѣстіи, лицо мегеры смягчилось; тѣмъ не менѣе, противъ всякаго ожиданія, она захлопнула дверь и повернула ключъ. Краска негодованія заиграла на ланитахъ Николая Степаныча и потъ выступилъ на лицѣ его. Софья Петровна не могла уже удержаться и засмѣялась.

— Чего ты смѣешься?.. Ничего тутъ нѣтъ смѣшного... Смѣшного рѣшительно нѣтъ ничего!.. вымолвилъ Николай Степанычъ голосомъ досады и вмѣстѣ съ тѣмъ искренняго огорченія. Онъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ, пробормотавъ: «Это, однакожь, чортъ знаетъ что такое!..» и, взявъ за руку Лёшу и Пошу, торопливо, съ видомъ въ высшей степени раздраженнымъ и рѣшительнымъ, началъ спускаться съ лѣстницы. Семейству оставалось уже пройти нѣсколько ступенекъ, чтобы очутиться на подъѣздѣ, когда нежданно прозвучалъ сверху голосъ мегеры: «Пожалуйте-съ... пожалуйте!... барыня дома!..»

Но не одинъ голосъ бабы привлекъ вниманіе Фуфлы-

гиныхъ; по лѣстницѣ стремительно спускался молодой человѣкъ въ голубомъ галстухѣ и пестромъ жилетѣ; такъ быстро, сверху внизъ, могъ летѣть одинъ Меркурій, бросающійся съ облаковъ; секунды черезъ три, молодой человѣкъ остановился передъ изумленнымъ Николаемъ Степанычемъ.

— Ахъ, мосье Сюсюковъ, это вы?.. сказала Софья Петровна, пріятно улыбаясь:—позвольте представить вамъ моего мужа.—Nicolas—мосье Сюсюковъ...

Мужчины поклонились, пробормотали сквозь зубы «м... м... м...» и пожали другъ другу руки.

— Васъ, конечно, удивило, что васъ не впустили? любезно заговорилъ Сюсюковъ, вертляво изгибаясь передъ Николаемъ Степанычемъ, тогда какъ масляные, радостно свѣтящіеся глазки его исключительно смотрѣли на Софью Петровну:—со мной случилось то же самое... вышло недоразумѣніе... кухарка глупа какъ пробка!.. Вы, вѣроятно, долго звонили? я также; колокольчикъ обвязанъ тряпкой... Аркадій Иванычъ распорядился...

— Ужъ не больна ли Аменаида Васильевна?..

— Нѣтъ, не замѣтилъ; кажется ничего... Но вчера произошла здѣсь непріятность; потому и колокольчикъ завязанъ...

— Ахъ, Боже мой, что же такое? спросилъ съ участіемъ Николай Степанычъ.

— Представьте; какіе-то негодяи, — не знаю ихъ цѣли, но они объявили вчера въ газетахъ, будто Аркадій Ивановичъ уѣзжаетъ за границу... весь день вчера только и дѣлами, что звонили; вся лѣстница была запружена народомъ... ужасно непріятно! Аркадій Иванычъ былъ въ отчаяніи!.. потому собственно и колокольчикъ завязанъ... Но что же мы стоимъ, однакожъ?.. Аменаида Васильевна, узнавъ, что вы на лѣстницѣ, ужасно встревожилась, я сейчасъ же бросился за вами... Я вѣдь здѣсь въ первый разъ и также обѣдаю... Я зналъ, что вы будете и поспѣшилъ воспользоваться случаемъ... (Сюсюковъ пожалъ руку Николаю Степанычу и бросилъ выразительный взглядъ Софьѣ Петровнѣ, которая покраснѣла и отвернула голову). Странно, однакожъ, что нѣтъ до сихъ

поръ Аркадія Иваныча!.. тамъ уже ждутъ два гостя: художникъ Корочкинъ... кажется, страшно глупъ! и какой-то еще господинъ Фукъ... должно быть изъ нѣмцевъ... страшно свирѣпаго вида... но я его совсѣмъ не знаю...

Сюсюковъ говорилъ безъ умолку до тѣхъ поръ, пока не достигнулъ середины лѣстницы; тутъ семейство Фуфлыгиныхъ остановилось, чтобы перевести духъ; остановился и Сюсюковъ.

— Мнѣ пришла вдругъ одна мысль... ха, ха, ха... снова заговорилъ Сюсюковъ, игриво потряхивая головою съ бѣлокурыми, напомаженными завитками: — я и самъ не знаю, отчего пришла мнѣ эта мысль... ха, ха... совершенно неожиданно... даже странно какъ-то...

— Что̀ же такое? спросила Софья Петровна кокетливо прищуривая глазки.

— Рѣшительно не понимаю, отчего мнѣ пришло это въ голову... Одинъ поэтъ сказалъ: «Что легче свинца?— перо! Что легче пера?—вата! — Что легче ваты? — пухъ! Что легче пуха? — воздухъ! Что легче воздуха? — женщина»... Ха, ха, ха!.. Это пришло мнѣ вдругъ, совершенно неожиданно...

Николай Степанычъ, при всемъ напряженіи своемъ, не могъ поймать настоящей мысли молодого человѣка, и по тому самому поспѣшилъ пріятно улыбнуться.

— Насъ ждутъ однакожь; пойдемте... сказалъ онъ, принимаясь шагать по лѣстницѣ.

Сюсюковъ воспользовался удобной минутой, быстро пригнулся къ Софьѣ Петровнѣ и шепнулъ ей:

— Я это сказалъ для васъ... для васъ...

На слѣдующей площадкѣ, онъ снова воспользовался случаемъ, и когда мужъ обернулся къ нимъ спиною, онъ шепнулъ: «Глядя. какъ вы поднимались по лѣстницѣ, я подумалъ: легче самаго воздуха, легче всякой женщины»...

Софья Петровна сдѣлала видъ, какъ-будто ничего не слышитъ и побѣжала вверхъ по ступенькамъ. Масляные глазки Сюсюкова пожирали ножки Софьи Петровны, обутыя въ новыя ботинки. Софья Петровна, казалось, чувствовала эти взгляды и, по ступенькамъ, усильно вы-

гибала носки ботинокъ, чтобы ножка ея казалось еще граціознѣе.

Пигунова дожидалась родственниковъ въ прихожей; она была повидимому сильно взволнована ихъ прибытіемъ. Мы никогда не видали Пигунову въ радостныя минуты, и потому не знаемъ, какими наружными знаками выражается у ней это чувство; знаемъ только, что, когда здоровалась она съ родственниками, блѣдное лицо ея страшно вытянулось, голова тряслась, а руки и ноги испытывали сильнѣйшій пароксизмъ лихорадки. Но все это ничего не значило передъ тѣмъ, когда Николай Степанычъ объявилъ, что пріѣхалъ обѣдать. Извѣстіе это подѣйствовало на нее такъ же сильно, какъ еслибъ beau frère всадилъ ей пулю въ самую середину сердца; она покачнулась и даже здоровый глазъ ея на секунду закрылся. Она устояла однакожъ на ногахъ и пригласила родственниковъ войдти.

Въ первой комнатѣ ихъ встрѣтили Вася, Полиникъ и Соня, которые испустили радостный крикъ при видѣ Лёши и Поши; оставивъ дѣтей вмѣстѣ, Пигунова провела родственниковъ во вторую комнату, — жалкую, пустынную комнату съ двумя ободранныии ситцевыми диванами, рабочимъ столикомъ и нѣсколькими стульями, расположенными полукругомъ передъ однимъ изъ дивановъ. Тутъ присутствовали два гостя, о которыхъ говорилъ Сюсюковъ.

Одинъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока, рослый, тучный, съ отекшимъ лицомъ желтоватаго свойства, толстыми губами, крупнымъ носомъ, нахмуренными бровями и шарообразною головою, обстриженнною плотно подъ гребенку. Другой представлялъ изъ себя тощаго, чахоточнаго молодого человѣка, съ какою-то разварною, вялою и лоснящеюся физіономіей; длинные бѣлокурые волосы его, заложенные за уши, выдавали впередъ его носъ, и безъ того уже торчавшій клиномъ; костюмъ его состоялъ изъ синяго фрака съ свѣтлыми пуговицами, застегнутыми до верху, и черныхъ, весьма узкихъ панталонъ, которые очевидно стѣсняли всѣ его движенія.

— Господа,—братъ моего мужа... произнесла слабымъ голосомъ Пигунова, представляя beau frère:—Николай Сте-

панычъ, — пріятели Аркадія Иваныча: господинъ Фукъ (она указала дрожащею рукою на пожилого гостя) и господинъ Корочкинъ... заключила она, обращая тусклый глазъ къ синему фраку.

Господинъ Фукъ медленно, даже неохотно, какъ-то привсталъ и протянулъ руку Николаю Степанычу, при чемъ желтое лицо его сдѣлалось, казалось, еще болѣе нахмуреннымъ. Художникъ Корочкинъ, напротивъ, съ живостью схватилъ протянутую руку; онъ пріятно даже улыбнулся и готовился сказать что-то, но замялся, покраснѣлъ и, чтобы поправиться, началъ поспѣшно и очень громко сморкаться.

Николай Степанычъ сѣлъ между Фукомъ и Корочкинымъ; Софья Петровна заняла мѣсто между художникомъ и Сюсюковымъ, который страшно сѣменилъ передъ сосѣдкою и безпрестанно шептался съ нею.

Пигунова распоряжалась подлѣ рабочаго стола; она хотѣла привести въ порядокъ ножницы, иголки, нитки и начатый воротничекъ, лежавшіе на столѣ (нянька, служившая у Пигуновыхъ, увѣряла меня, будто вышиванье этихъ воротничковъ, за которыми просиживала ночи Пигунова, спасало и ее, и дѣтей отъ вѣрной голодной смерти; но не знаю, вѣрить ли этой нянькѣ, отличавшейся болтливостью и сильной неумѣренностью въ употребленіи коньяка, котораго не могъ отъ нея никуда упрятать Аркадій Иванычъ); Аменаида Васильевна оставила однакожъ столъ въ прежнемъ безпорядкѣ; руки измѣнили ей; онѣ такъ дрожали, что она поспѣшила спрятать ихъ подъ свой порыжѣвшій бурнусъ.

— Какъ сегодня ваше здоровье, сестрица?.. спросилъ Николай Степанычъ, съ цѣлью оживить бесѣду...

— Очень хорошо... благодарю васъ, братецъ!.. возразила Пигунова, съ неописанною тоскою во всѣхъ чертахъ.

Неисправность Аркадія Иваныча, который назвалъ гостей и не являлся, тогда какъ давно бы слѣдовало сидѣть за столомъ, начинала также безпокоить Николая Степаныча. Онъ подумалъ однакожъ, что, въ качествѣ брата хозяина дома, ему необходимо занять гостей и стараться загладить нѣкоторымъ образомъ непріятное впеча-

тлѣніе, производимое отсутствующимъ; онъ вдругъ принялъ развязный видъ, повеселѣлъ и приступилъ къ описанію первыхъ своихъ впечатлѣній въ Петербургѣ. Но потому ли, что эти впечатлѣнія были знакомы присутствующимъ, или вообще мысли ихъ устремлялись къ другимъ предметамъ,—усилія добродушнаго Николая Степаныча не имѣли успѣха; разговоръ не клеился, не принималъ характера общей оживленной бесѣды. Безпокойство хозяйки дома, очевидно, только усиливалось съ каждой секундой. Софья Петровна держала себя въ сторонѣ и только болтала съ Сюсюковымъ. Господинъ Фукъ рѣдко поддакивалъ, мрачно кивалъ головою и безпрерывно поглядывалъ на свои толстые серебряные часы. Художникъ Корочкинъ часто покушался вставить свое замѣчаніе; но покушенія его ограничивались улыбками, послѣ чего онъ начиналъ громко сморкаться; онъ нѣсколько разъ приступалъ также къ Софьѣ Петровнѣ. Видя, что Корочкинъ придвигалъ стулъ и открывалъ ротъ, Софья Петровна любезно къ нему оборачивалась, въ надеждѣ услышать какое-нибудь слово; но ротъ Корочкина мгновенно распространялся въ улыбку: онъ краснѣлъ, поджималъ ноги, и вдругъ начиналъ кашлять или сморкаться, что всякій разъ доставляло новую пищу сатирическому Сюсюкову.

— Скажите, мосье Фукъ, который у васъ часъ? спросилъ Николай Степанычъ, когда сосѣдъ снова потянулъ изъ жилетнаго кармана свою луковицу.

— Чего, ужъ скоро пять! возразилъ Фукъ, мрачно насупливая брови.

— У меня тоже пять... сказалъ Николай Степанычъ, подавляя вздохъ:— я, право, не понимаю, что́ сдѣлалось съ Аркадіемъ?.. это странно...

— Я... я, право, не знаю, что такое... промолвила бѣдная хозяйка дома, сидѣвшая на своемъ диванѣ, какъ приговоренная къ смерти преступница.

— Онъ вѣдь всегда такъ... всегда!.. замѣтилъ Фукъ, выказывая сильное неудовольствіе.

Прошло еще десять минутъ, а Пигуновъ не являлся: многіе изъ присутствующихъ начали уже чувствовать голодъ; между тѣмъ не было даже замѣтно приготовленій

къ обѣду; до слуха не долетали шумъ раскрываемаго стола, шелестъ салфетки, звяканье посуды,—словомъ, не слышно было тѣхъ звуковъ, которые повергаютъ въ сладкій трепетъ голодныхъ людей, являющихся на званый обѣдъ. Изъ сосѣдней комнаты раздавались только шумные крики игравшихъ дѣтей.

— Вы не повѣрите, Софья Петровна, какъ я люблю дѣтей, заговорилъ вдругъ Сюсюковъ, подымаясь съ мѣста и поворачиваясь къ двери сосѣдней комнаты:—они такъ милы, когда играютъ!.. посмотрите... взгляните... пойдемте къ нимъ на минуту... прибавилъ онъ убѣдительнымъ тономъ.

Софья Петровна встала и обратилась къ художнику Корочкину, который въ эту минуту остановился передъ нею, вытянувъ шею и раскрывъ ротъ.

— Вы хотите мнѣ сказать что-нибудь? спросила она.

Корочкинъ безъ всякаго сомнѣнія не замедлилъ бы произнести что-нибудь весьма интересное, но, какъ назло, имъ овладѣлъ вдругъ жестокій кашель, который заставилъ его поспѣшно прибѣгнуть къ платку. Фуфлыгина насмѣшливо закусила губки и пошла взглянуть на дѣтей.

— Софья Петровна, произнесъ Сюсюковъ, какъ только явилась она во второй комнатѣ:—пожалуйста, подойдите къ окну; взгляните, какой великолѣпный видъ отсюда.. весь Петербургъ какъ на ладони... это чудо что такое!..

Онъ простеръ руку впередъ и началъ дѣлать граціозные пояснительные жесты; указательный палецъ его случайно прикоснулся къ стеклу и какъ-бы нечаянно вывелъ вензель. Софья Петровна увидѣла на стеклѣ букву S и, чтобы скрыть впечатлѣніе, произведенное такимъ открытіемъ, поспѣшила обернуться къ дѣтямъ.

— Ахъ! ахъ! вздохнулъ Сюсюковъ, неожиданно принимая меланхолическую позу.

— Что́ съ вами? о чемъ вы вздыхаете? спросила непринужденнымъ тономъ Фуфлыгина.

— Кому же вздыхать, какъ не мнѣ... ахъ-а-ахъ!..

— Но почему же?

— Влюбленъ, Софья Петровна! Страстно, безумно

влюбленъ!.. заговорилъ Сюсюковъ, прикладывая руку къ сердцу и подкатывая къ потолку свои масляные глазки.

— Знаю, знаю... Я давно это замѣтила... вымолвила Софья Петровна, лукаво прищуриваясь.

— Вы знаете?.. вы?.. не можетъ быть!..

— Да; знаю даже, въ кого вы влюблены... подтвердила Софья Петровна.

— Не можетъ быть!..

— Нѣтъ, знаю...

— Нѣтъ, не знаете! клянусь честью, не знаете... О, еслибъ вы знали!.. Но нѣтъ, вы не знаете!.. Ахъ, Софья Петровна, у васъ сейчасъ разстроилась вотъ тутъ прическа... взгляните... вотъ здѣсь... торопливо подхватилъ Сюсюковъ, притрогиваясь къ собственному затылку.

Софья Петровна подошла къ старому тусклому зеркалу, висѣвшему между окнами.

— Вы думаете, что ужъ я провинціалка и слѣдовательно ничего не вижу, ничего не замѣчаю.., вымолвила она, поправляя гребенку: — все вижу, повѣрьте!.. я съ перваго взгляда замѣтила, что вы влюблены, и знаю въ кого.

— А вотъ же не знаете... клянусь честью, не знаете!.. страстно прошепталъ Сюсюковъ.

— Ну, такъ въ кого же? съ дѣтскою наивностью спросила Софья Петровна, обращаясь къ собесѣднику, который впивался въ нее своими масляными глазками.

— Въ кого?.. Хотите, я вамъ скажу?.. Только для этого, Бога ради, не смотрите на меня такъ пристально.

Софья Петровна повернулась къ нему спиною.

— Нѣтъ, не туда, это ужъ слишкомъ! проговорилъ Сюсюковъ.

Софья Петровна стала спиною къ зеркалу.

— Нѣтъ, опять не туда... не туда... та, въ которую я безумно влюбленъ, стоитъ за вами... за вами!..

— Но гдѣ же... она?.. съ любопытствомъ вымолвила Софья Петровна, оборачиваясь къ зеркалу...

Увидя въ зеркалѣ свое собственное изображеніе, она съ испуганнымъ видомъ отступила въ сторону, покрас-

нѣла и погрозила пальчикомъ Сюсюкову, который весь, съ головы до пятокъ, трепеталъ отъ сладостнаго томленія.

— Смотрите, мосье Сюсюковъ, я скажу!.. я скажу!.. я вѣдь ужасно болтлива...

И она снова погрозила пальцемъ.

— Кому вы скажете?..

— А хоть бы кузинѣ Александринѣ... да!..

— Скажите, Бога ради, скажите... я буду очень радъ... Я никого не боюсь!.. въ настоящую минуту, я готовъ въ огонь и воду... я готовъ на все... Послушайте... Софья Петровна...

— Пожалуйста, оставьте... я не хочу васъ слушать... слышите ли: не хочу! и запрещаю вамъ говорить пустяки... потому что все это пустяки! сказала Софья Петровна, нахмуривая свои брови, но такъ, однакожъ, чтобы это не портило милаго, дѣтски-простодушнаго выраженія ея лица:—скажите лучше; не странно ли, что мы до сихъ поръ не обѣдаемъ?.. Какъ вамъ нравится художникъ Корочкинъ?.. а этотъ господинъ Фукъ?

— Но, Софья Петровна...

— Пожалуйста перестаньте; я вамъ сказала, что не хочу васъ слушать, когда вы говорите пустяки...

— Но, Софья Петровна...

— Я нахожу, что хозяинъ и хозяйка дома гораздо бы лучше сдѣлали, еслибъ предупредили насъ... Это даже немножко...

— Но, Софья Петровна...

— Впрочемъ, Аркадій Иванычъ, надо вамъ сказать, совсѣмъ не родной братъ моему мужу; они не видались съ самаго дѣтства... Что до меня касается, я совсѣмъ почти съ нимъ незнакома... я здѣсь даже въ первый разъ...

— И я въ первый разъ! подхватилъ Сюсюковъ:—но могъ ли я не воспользоваться случаемъ, когда зналъ, что вы здѣсь.

— Опять! опять! перебила Софья Петровна, снова грозя пальчикомъ: — смотрите, мосье Сюсюковъ, мы не шутя поссоримся...

И, кокетливо прищуривъ глазки, она вернулась въ гостиную.

Тамъ бесѣда окончательно расклеилась. Отсутствіе брата начинало не шутя тревожить и бѣсить Николая Степаныча; кромѣ того, что Аркадій Иванычъ ставилъ въ критическое, можно даже сказать, отчаянное положеніе жену свою (стоило взглянуть на Пигунову, чтобы удостовѣриться въ этомъ), онъ заставлялъ самого Николая Степаныча играть глупѣйшую роль передъ гостями. Соображая обо всемъ этомъ, Николай Степанычъ не находилъ словъ для разговора; ему совѣстно даже было смотрѣть и на сосѣда Фука, который явно уже выказывалъ знаки неудовольствія, и на художника Корочкина, лицо котораго вытягивалось отъ голода, хотя время отъ времени продолжало улыбаться. Къ довершенію критическаго положенія, почти вслѣдъ за Софьей Петровной въ гостиную вбѣжала Поша.

— Папа, сказала она: — когда же мы будемъ обѣдать?.. мнѣ очень кушать хочется... Вася, Соня и Полиникъ уже обѣдали...

— Сейчасъ, мой другъ... Сію минуту пріѣдетъ дядя Аркадій... Поди, поиграй пока.. Онъ сейчасъ пріѣдетъ... смущеннымъ голосомъ промолвилъ отецъ, украдкою взглянувъ на хозяйку дома, которая сидѣла какъ убитая.

Добродушный Николай Степанычъ много бы далъ, чтобы въ эту минуту, въ сосѣдней комнатѣ, раздалось звяканье стакановъ и стукъ посуды; но даже признака не было какихъ-нибудь приготовленій,—и господинъ Фукъ снова вытащилъ свою серебряную луковицу.

— Помилуйте, скоро ужъ шесть часовъ!.. сказалъ Фукъ грубымъ тономъ, который, съ одной стороны, усилилъ и безъ того уже невыносимую пытку бѣдной Пигуновой, съ другой—увеличилъ смущеніе Николая Степаныча.

Фукъ нетерпѣливо запряталъ въ жилетный карманъ свою луковицу и поднялся съ мѣста. Николай Степанычъ быстро взглянулъ на Пигунову, взялъ Фука подъ руку и вывелъ его въ комнату, гдѣ играли дѣти.

— Бога ради, извините, мосье Фукъ, — я самъ не постигаю, что все это значитъ... заговорилъ Николай Степанычъ: — ужъ не случилось ли съ нимъ какого-нибудь несчастія?..

— Онъ могъ бы прислать сказать...

— Но, можетъ-быть, не кого прислать... Бога ради, подождемте еще... Еслибъ не случилось чего-нибудь, онъ вѣрно не сталъ бы подвергать жену свою такому положенію...

— Да, какъ же! много онъ о ней думаетъ!..

— Но, однакоже...

— Онъ думаетъ о ней, я вамъ скажу, грубо возразилъ Фукъ:—какъ какой-нибудь слонъ думаетъ о лайковыхъ перчаткахъ...

— Nicolas! промолвила Софья Петровна, выглядывая изъ двери.

Николай Степанычъ, предчувствуя, что что-нибудь случилось, поспѣшно побѣжалъ въ гостиную. Софья Петровна молча обвела глазами гостиную, въ которой не находилось уже Пигуновой, и устремила ихъ на дверь сосѣдней комнаты.

— Я останусь съ гостями, сказала она.

Но Николай Степанычъ не дослушалъ и бросился къ указанной ему двери. Онъ очутился въ бѣдной спальнѣ съ голыми стѣнами, съ окнами безъ занавѣсокъ и большою двухъ-спальною постелью, подлѣ которой находилась качка, вмѣщавшая трехъ-мѣсячнаго Аполлона. На постели лежала Пигунова; она плакала навзрыдъ, вздрагивала всѣмъ тѣломъ и была весьма близка къ истерическому припадку.

— Бога ради, сестрица, успокойтесь... Онъ сейчасъ придетъ! зто ничего... Гости охотно ждутъ... произнесъ Фуфлыгинъ, стараясь предупредить истерику.

— Это не въ первый разъ... говорила, горько всхлипывая, Пигунова, между-тѣмъ какъ Николай Степанычъ схватывалъ ее то за одну руку, то за другую, и всячески старался привести въ чувство: — не въ первый разъ... онъ всегда такъ... ха, ха, ха!.. всегда!.. Его съ утра нѣтъ... онъ ни слова не сказалъ... ха, ха, ха!.. не предупредилъ даже... ха, ха, ха!..

Въ спальнѣ находилась еще одна маленькая дверь; за этой дверью внезапно раздался ужаснѣйшій шумъ и.

прежде чѣмъ Николай Степанычъ успѣлъ оглянуться, въ спальнѣ показался Аркадій Иванычъ.

— Что, гости здѣсь?.. Собрались... Всѣ собрались?.. спросилъ онъ, какъ бы выстрѣливая изъ ружья три залпа сряду. Онъ кидалъ растерянные взгляды и не обращалъ вниманія на жену, которая упала на подушки и зарыдала громче прежняго.

Услышавъ голоса въ гостиной, Пигуновъ схватилъ обѣими руками испуганнаго брата и почти внесъ его въ сосѣднюю комнатку, гдѣ не было даже признака какой-нибудь мебели: были только полъ, потолокъ и голыя стѣны.

— Братъ!.. ужасное несчастіе!.. страшный случай!.. задыхаясь, сказалъ Пигуновъ, отчаянно трепля себя за волосы, между тѣмъ какъ Николай Степанычъ отступалъ къ стѣнкѣ и жался въ уголъ:—все тебѣ разскажу... все!.. Но только выручи въ настоящую минуту!.. подхватилъ онъ голосомъ, отъ котораго у Николая Степаныча похолодѣло въ спинѣ:—гости собраны... обѣда нѣтъ... Не могъ предупредить!.. я опозоренъ... осрамленъ... Этотъ Фукъ... онъ играетъ на трубѣ въ театрѣ... первая труба!.. ужасный человѣкъ!.. Корочкинъ также... Ради самого Создателя, выручи! копѣйки нѣтъ въ домѣ... Братъ! Николай, спаси меня!..

Аркадій Иванычъ отчаянно ударилъ себя кулакомъ подъ сердце, упалъ на колѣни, простеръ руки, стукнулъ себя кулакомъ въ голову и заплакалъ, какъ фонтанъ, въ которомъ внезапно открыли кранъ.

— Я вижу, ты сердишься! началъ онъ, стараясь обвить руками ноги брата:—ты вооруженъ противъ меня!.. Да, я этого заслуживаю! Сердись, презирай меня; топчи ногами, но спаси, ради жены!.. вникни въ ея положеніе... Ты ее видѣлъ,—ты слышишь!... слышишь, какъ она рыдаетъ!.. довершилъ онъ, трагически указывая на дверь спальни.

Отчаянный видъ Пигунова, его блѣдное, взбудараженное лицо, блестящіе глаза, слезы, судорожно сжатые кулаки, прерывающееся дыханіе и слова въ состояніи были напугать и не такого миролюбиваго гражданина,

какъ Николай Степанычъ. Онъ торопливо вынулъ бумажникъ.

— Братъ! Николай!.. воскликнулъ Пигуновъ, задыхаясь отъ прилива взволнованныхъ чувствъ.

Онъ быстро вскочилъ на ноги, съ размаху кинулся на шею Николая Степаныча, прижалъ его нѣсколько разъ къ своему сердцу, проворно отеръ слезы и сказалъ скороговоркою:

— Пятеро дѣтей, ты, жена, я, Нидочка, Фукъ, Сюсюковъ и Корочкинъ,—всего двѣнадцать человѣкъ!.. дай пятнадцать цѣлковыхъ—и мы спасены!.. О! какъ мнѣ благодарить тебя?.. какъ благодарить?.. подхватилъ онъ въ то время, какъ Николай Степанычъ отсчитывалъ требуемыя деньги.—Сегодня середа,—въ субботу я получу тѣ деньги, о которыхъ говорилъ тебѣ, можетъ даже быть, получу сегодня... это даже вѣрнѣе... я все, все возвращу,—все до полушки!..

— Но какъ же ты сдѣлаешь?.. вѣдь обѣда не готовили...

— О, успокойся, умоляю тебя, успокойся! подхватилъ Пигуновъ, къ которому возвратилось спокойствіе, даже веселость, какъ только деньги захрустѣли между его пальцами:—я сію же минуту пошлю въ трактиръ,—это черезъ улицу,—и все будетъ отлично!..

Сказавъ послѣднее это слово, онъ быстро исчезъ изъ комнаты... Николай Степанычъ забѣжалъ на минуту въ спальню Пигуновой: она все еще плакала, запрятавъ голову въ подушки; подумавъ, что утѣшенія теперь напрасны и притомъ заняли бы много времени, онъ поспѣшилъ къ гостямъ.

— Господа, сказалъ Николай Степанычъ еще на порогѣ гостиной:—Бога ради, извините... Аркадій сію минуту возвратился... я угадалъ вѣрно: его задержалъ непредвидѣнный случай... надѣюсь, вы простите его...

Не успѣлъ онъ докончить этой послѣдней фразы, какъ уже Пигуновъ, простирая руки и восхищенно осматривая собраніе, влетѣлъ въ гостиную.

— Господа! вы, конечно, на меня сердитесь, но я не виноватъ, клянусь, не виноватъ!.. Вамъ братъ вѣрно уже

передалъ обо всемъ... Но теперь не время объ этомъ распространяться... Сію секунду будемъ обѣдать!.. Я въ восхищеньи, что васъ вижу, дорогіе друзья!.. Карлъ Иванычъ! (и Пигуновъ обнялъ Фука) Корочкинъ! (онъ упалъ на шею художнику) Сестра! (онъ поцѣловалъ въ обѣ щеки Фуфлыгину) Сюсюковъ! (онъ съ чувствомъ пожалъ руку молодому влюбленному) дѣти!.. но васъ обниму послѣ: теперь надо распорядиться обѣдомъ!..

И Пигуновъ стрѣлою пустился изъ гостиной. Онъ дѣйствительно распорядился съ неимовѣрною быстротою и ловкостью. Минутъ черезъ пять, изъ сосѣдней квартиры явился лакей, которому Пигуновъ обѣщалъ цѣлковый и который, на томъ основаніи, принесъ даже салфетки и скатерть своего господина. Съ помощью этого лакея, столъ былъ тотчасъ же накрытъ, тарелки разставлены и стулья поставлены. Аркадій Иванычъ усердно подсоблялъ ему и въ то же время бесѣдовалъ съ гостями, подбѣгалъ то къ одному, то къ другому, радушно пожималъ имъ руки, извинялся; вообще велъ себя съ такою очаровательною любезностью, что художникъ Корочкинъ, несмотря на свой голодъ, охотно готовъ былъ прождать еще полчаса.

Немного погодя, лакей вошелъ съ огромной миской; кухарка слѣдовала за нимъ съ пирожками.

— Господа, супъ на столѣ! торжественно провозгласилъ хозяинъ дома, похлопывая въ ладоши:—только предупреждаю, и заранѣе прошу извиненія: я самъ лично не могъ наблюдать за обѣдомъ... не знаю, каковъ-то онъ будетъ!.. Но, господа, чѣмъ Богъ послалъ, какъ говорится... Какъ добрые друзья и товарищи, вы, надѣюсь, не взыщете... Простите также, что хозяйка дома не можетъ присутствовать. Она чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо... это понятно въ ея положеніи... Она, я увѣренъ, въ отчаяніи... Но вотъ моя милая сестрица вѣрно не откажется заступить ея мѣсто... Садитесь, друзья мои, садитесь!

Гости съ жадностью припали къ супу, который, надо сказать, издавалъ не слишкомъ аппетитный запахъ; но гости были страхъ голодны и имъ было не до разбира-

тельствъ; къ тому же Пигуновъ не давалъ имъ очнуться и говорилъ безъ умолку. Рѣчь его, то веселая, когда онъ смѣялся надъ условіями и стѣснительными церемоніями свѣта, то трогательная и даже прикрашенная слезою, дрожавшею на рѣсницѣ, когда благодарилъ онъ присутствующихъ за честь, которую они ему сдѣлали, раздѣляя съ нимъ хлѣбъ-соль подъ скромною его кровлею,—все это располагало гостей къ снисхожденію. Николай Степанычъ, въ качествѣ брата, счелъ своею обязанностью поддержать оживленіе; но, не обладая краснорѣчіемъ Аркадія Иваныча, онъ ограничился тѣмъ только, что посмѣивался, дѣлалъ увеселительные жесты, иногда даже вдругъ, совершенно неожиданно, разражался хохотомъ. Карлъ Иванычъ Фукъ и художникъ Корочкинъ больше ѣли, чѣмъ говорили; но за то, со стороны гостей, достойнымъ представителемъ по разговорной части явился Сюсюковъ, занявшій мѣсто подлѣ Софьи Петровны. Онъ разсказалъ очень мило, какъ нравилась ему когда-то одна особа, но какъ потомъ встрѣтилъ онъ другую... (при этомъ чья-то нога прильнула къ ботинкѣ Софьи Петровны) и какъ при этой встрѣчѣ онъ все забылъ... забылъ міръ, забылъ общество, забылъ опасность, которой подвергался... потому что идеальная женщина, случайно встрѣтившаяся на пути ему, была замужемъ... Легко могло статься, онъ даже былъ увѣренъ въ этомъ, — она любитъ своего мужа... и, слѣдовательно, что-жъ остается ему дѣлать? Остается влачить жизнь съ полнымъ сознаніемъ своего несчастія или, можетъ-быть,—да, это будетъ лучше,—можетъ быть, разомъ все покончить... (Тутъ Сюсюковъ приложилъ кулакъ къ губамъ и выразительно щелкнулъ языкомъ, а Софья Петровна почувствовала на своей ботинкѣ опять чью-то ногу...)

Къ несчастію, разсказъ Сюсюкова прерванъ былъ появленіемъ лакея, который поставилъ на столъ блюдо съ котлетами. Ихъ всего было двѣнадцать,—по котлетѣ на брата. Каждый взялъ предназначенную себѣ порцію (кромѣ Пигунова, великодушно отказавшагося въ пользу Фука, который принялъ жертву не церемонясь); на минуту бесѣда замолкла.

Николай Степанычъ любилъ покушать, и хотя, судя по началу, обѣдъ не обѣщалъ отличаться гастрономическою тонкостью, онъ началъ уже думать о томъ, что послѣдуетъ за котлетами, когда чей-то носокъ толкнулъ его въ лѣвое колѣно. Николай Степанычъ поднялъ голову: глаза его встрѣтились съ глазами Аркадія Иваныча, который подымалъ брови и моргалъ ему съ видомъ взаимнаго сочувствія.

— Вы меня извините, господа, сказалъ Пигуновъ, обращаясь къ обществу: — я на секунду исчезну, чтобы распорядиться...

Онъ любезно улыбнулся и побѣжалъ въ гостиную.

— Братъ! крикнулъ Пигуновъ, выглядывая изъ двери:—тебя на секунду спрашиваетъ жена... извините, господа!... заключилъ онъ, снова исчезая.

— Я угадываю, о чемъ ты думалъ, когда взглянулъ на меня за столомъ... сказалъ Аркадій Иванычъ, когда братъ явился въ гостиную:—ты вѣрно думалъ, что одного супа и котлетъ мало.

— Какъ, развѣ больше ничего не будетъ? спросилъ удивленный Николай Степанычъ.

— Невозможно! энергически подхватилъ Пигуновъ, придавая лицу своему озабоченное выраженіе:—въ этомъ трактирѣ я былъ нѣсколько долженъ, т. е. не я собственно, но жена... Она всегда тамъ беретъ, когда дома не готовятъ... трактирщикъ... (это такой мерзавецъ! представь, я переплатилъ ему по крайней мѣрѣ пятьсотъ рублей!..) Онъ вычелъ долгъ... Къ счастью еще, достало на супъ и котлеты... въ противномъ случаѣ, ты понимаешь, это бы ее убило! сказалъ онъ, таинственно указавъ на дверь спальни: — но все это можно поправить, подхватилъ онъ скороговоркой:—надо бы купить двѣ бутылки портвейна, не дорогого... цѣлковыхъ въ два; да еще, какъ ты посовѣтуешь, не взять ли кондитерскихъ пирожковъ? они по пяти копѣекъ... Этого будетъ совершенно достаточно... Что жъ касается до денегъ, повторяю, въ субботу расплачусь до полушки! Я на этотъ счетъ... да вотъ взгляни, чего же лучше!..

Пигуновъ торопливо полѣзъ въ карманъ и вытащилъ

истертый бумажникъ; изъ бумажника вытащилъ онъ списокъ.

— У меня никогда нѣтъ этой небрежности въ счетахъ... фи!.. Видишь, все записано: «7-го мая дано братомъ 100 руб. сер. Еще 35 руб. сер.»—Я точно также запишу и то, что сегодня дано... Въ субботу... даже можетъ-быть нынче... даже вѣрнѣе, что нынче... я получу, и мы расквитаемся по-братски... Но, Бога ради, скорѣе... они ждутъ!

Николай Степанычъ, не ожидавшій такой акуратности, далъ денегъ и возвратился въ столовую.

Котлеты давно уже были съѣдены. Гости начинали уже вопросительно поглядывать другъ на друга, когда показался Пигуновъ; онъ несъ двѣ бутылки портвейна; за нимъ выступалъ лакей съ пирожнымъ.

— Ну, друзья мои! весело провозгласилъ Аркадій Иванычъ:—я васъ предупреждалъ... Не взыщите! Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады... Какъ добрые друзья и товарищи, вы, надѣюсь, на это не смотрите... Впрочемъ, рекомендую: славный портвейнъ! добрый портвейнъ!.. Пирожное также очень свѣжо... Сдѣлайте милость, безъ церемоній.

Наполнивъ стаканы, Пигуновъ снова повеселѣлъ, и рѣчь его забушевала краснорѣчивымъ потокомъ, который покатилъ свои волны къ любимому предмету, именно — Италіи и искусству...

— Еще стаканчикъ, другой, другъ Фукъ, говорилъ онъ, подливая толстяку, который охотно подставилъ стаканъ:—такъ! вы не должны бояться крѣпкаго вина, вы не пѣвецъ, не Рубини, не Маріо, которые должны беречь свое драгоцѣнное горло. О! сколько высокихъ минутъ доставили мнѣ эти истинно великіе артисты! Вы, Фукъ, играете на трубѣ и, слѣдовательно, добрый, честный стаканъ вина вамъ не вредитъ... Нисколько!.. Корочкинъ (тутъ Пигуновъ обратился къ художнику, на лицѣ котораго продолжали играть улыбки, не направлявшіяся ни къ кому особенно и не вызываемыя, повидимому, никакой опредѣленной причиной),—другъ Корочкинъ, вы утѣшили меня вашимъ послѣднимъ портретомъ... истинно утѣшили... Я глазъ не могъ оторвать отъ него... Благо-

словляйте судьбу, которая снабдила васъ такою кистью!.. Ну-ка, не церемоньтесь, еще рюмку... Это, конечно, не то винцо, которое вы будете пить въ Римѣ у Лэпри и которое подается въ плетеныхъ фольетто,—но все-таки и это не худо, доброе, честное винцо и это!.. Сюсюковъ, видѣли-ли вы копіи съ Рафаеля, которыя привезъ Михайловъ? Нѣтъ! Истинно сожалѣю... портвейну! Сестрица, когда-жъ мы въ академію?.. Возьмите еще бисквитъ, вотъ этотъ, онъ съ вареньемъ. Николай, помнишь ли ты, что въ субботу мы идемъ смотрѣть «Гамлета?» Я завидую тебѣ, душа моя! — именно, завидую! Ты никогда еще не видалъ Шекспира, и потому тебѣ предстоитъ, слѣдовательно, новое, незнакомое наслажденіе!.. Возьми еще миндальный кренделекъ... или хочешь портвейна?..

Когда послѣдніе кондитерскіе пирожки съѣдены были дѣтьми, а портвейна не осталось капельки, Фукъ вынулъ свою серебрянную луковицу, взглянулъ на нее и торопливо всталъ съ мѣста. Онъ объявилъ, что уже восьмой часъ и ему давно бы слѣдовало быть въ театрѣ. Художникъ Корочкинъ также взялъ шляпу; онъ, очевидно, терзался своимъ молчаніемъ; къ быстрому удаленію его могли также способствовать физическія терзанія, доставленныя ему непомѣрно узкими панталонами, которыя стѣсняли его движенія. Николай Степанычъ тоже сказалъ, что время ѣхать; онъ охотно бы остался, но жена чувствовала сильную изжогу подъ ложечкой; отпустить ее одну съ дѣтьми въ наемной каретѣ онъ никакъ не рѣшался.

— Николай Степанычъ, сказалъ Сюсюковъ, горячо пожимая ему руку и въ то же время заигрывая глазомъ по направленію къ Софьѣ Петровнѣ: — надѣюсь, вы мнѣ позволите явиться къ вамъ...

— Ахъ, сдѣлайте милость, я даже хотѣлъ просить васъ объ этомъ... Но только, Бога ради, не завтра! спохватился Николай Степанычъ, припоминая совѣтъ кузена Мирзоева: — завтра насъ цѣлый день дома не будетъ... Но во всякое другое время, я буду совершенно счастливъ.

Заключивъ такимъ образомъ, добродушный Фуфлыгинъ выразилъ желаніе проститься съ хозяйкою дома и тѣмъ самымъ вызвалъ слезу на рѣсницы Пигунова. Аме-

наида Васильевна все еще лежала на постели; она теперь не плакала, но врядъ ли было ей лучше; лицо ея, покрытое смертельною блѣдностью, судорожно передергивалось; она была такъ слаба, что едва могла пожать руку Николаю Степанычу и женѣ его, которые старались успокоить ее, говорили, что все прошло благополучно, что гости остались очень довольны, и что, съ своей стороны, они вскорѣ навѣстятъ ее. Во время этихъ объясненій, Аркадій Иванычъ стоялъ у изголовья съ сложенными на груди руками, взбудораженнымъ грустью лицомъ и опущенными глазами, изъ которыхъ обильными ручьями текли слезы, ниспадавшія даже на его вѣерообразные бакены.

Выйдя въ залу и увидавъ въ рукахъ Аркадія Иваныча извѣстный уже пуховый картузъ, Фуфлыгины, весьма естественно, начали убѣждать его остаться и не провожать ихъ до кареты.

— Нѣтъ, я не провожать, возразилъ Пигуновъ растроганнымъ голосомъ; — у меня, къ сожалѣнію, бездна дѣлъ сегодня, и я долженъ идти... долженъ! Ты понимаешь, братъ Николай, что значитъ это слово...

— Но нельзя ли отложить до завтра... Твоя жена въ такомъ теперь положеніи... тебѣ бы лучше съ ней остаться...

— Невозможно! перебилъ Пигуновъ, и въ доказательство сказаннаго притворилъ дверь гостиной: — эта невозможность собственно меня и убиваетъ!.. Да, вы видите передъ собою человѣка... который... словомъ... но что объ этомъ! пойдемте! заключилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, и, нѣжно обнявъ Васю, Полиника и Соню, послѣдовалъ за родственниками.

Не могу вамъ сказать, о чемъ говорили Фуфлыгины, возвращаясь домой въ каретѣ; одно только, что на половинѣ дороги Софьѣ Петровнѣ пришла мысль отправиться въ Лѣтній садъ. Былъ всего девятый часъ въ началѣ, вечеръ былъ чудный; солнце только-что сѣло. Но все это слабо бы подѣйствовало на Николая Степаныча, еслибъ не боязнь раздражить жену наканунѣ того дня, когда черезъ нее должна была рѣшиться общая ихъ

участь. Основываясь на этомъ, онъ изъявилъ величайшую готовность исполнять ея желанія, и приказалъ ѣхать къ назначенному мѣсту. Дѣти не переставали цѣловать родителей и во всю дорогу восторженно прыгали и били въ ладоши.

Восторгъ ихъ, конечно, могъ только усилиться, когда очутились они подъ великолѣпными сводами столѣтнихъ липъ и когда запрыгали на песчаныхъ дорожкахъ безконечныхъ аллей, наполненныхъ дѣтьми и гуляющими. Удовольствіе замѣтно даже проникало въ мягкую душу Николая Степаныча: сдѣлавъ шаговъ сто, онъ не могъ уже утерпѣть, чтобы не высказать женѣ настоящихъ своихъ чувствованій; Софья Петровна сказала, что она заранѣе все это предугадывала; что она собственно съ этою цѣлью повезла его въ Лѣтній садъ; что мысли ея всегда хороши; Николай Степанычъ постоянно испытывалъ бы одни наслажденія, еслибъ рѣшился, разъ навсегда, никогда ей не противорѣчить и всегда соглашался съ ея мыслями.

Въ интимныхъ, сердечныхъ разговорахъ такого рода, супруги не замѣтили, какъ протекало время. Они гуляли въ саду до тѣхъ поръ, пока не начали запирать ворота. Находясь въ той половинѣ аллеи, которая смотритъ на Неву, они, весьма естественно, вышли на набережную. Свѣтлая майская ночь окутывала небо. Петропавловскій шпицъ, биржа, мосты, зданія и корабли, окутанные сквозною фіолетовою тѣнью, цѣликомъ отражались въ Невѣ, которая, казалось, остановилась въ своемъ величавомъ теченіи и сверкала, какъ гладко полированное зеркало. Справа, сквозь дымчатый паръ, выплывалъ полный мѣсяцъ; вся та часть рѣки и береговъ затоплялась лучезарнымъ волшебнымъ сіяніемъ, въ которомъ мелькали фантастическія тѣни яликовъ и легкихъ пароходовъ. Надо всѣмъ этимъ носился гулъ экипажей, говоръ и крики которыхъ смягчалъ огромный просторъ воды и воздуха.

— Чудная картина!.. Величественное, торжественное зрѣлище! умиленно воскликнулъ Николай Степанычъ, откидывая назадъ голову и прищуривая глаза.

— Знаешь ли, другъ мой, нѣжно проговорила Софья

Петровна, на которую въ этотъ вечеръ особенно какъ-то сильно дѣйствовала поэтическая прелесть природы:—ночь такъ хороша, луна такъ ярко свѣтитъ, что жаль даже домой возвращаться... къ тому же рано еще... Пройдемся по всей набережной... Морская въ той сторонѣ, и мы будемъ, слѣдовательно, недалеко отъ дому...

Даже безъ намековъ жены, касательно безпрекословнаго повиновенія ея волѣ, даже безъ завтрашняго визита Медіоланскаго, Николай Степанычъ охотно бы принялъ такое предложеніе. Они шли, и каждый шагъ ихъ вознаграждалъ дальность прогулки. Они восхищались берегами и любовались зданіями, которыя, какъ извѣстно, представляютъ съ этой стороны Невы непрерывный рядъ великолѣпныхъ дворцовъ. Фуфлыгины рѣшили, что не было города граціознѣе и поэтичнѣе Петербурга; Софья Петровна въ ужасъ приходила при одномъ воспоминаніи о провинціальной жизни; Николай Степанычъ соглашался и приходилъ въ восхищеніе при мысли, что теперь они никогда уже не разлучатся съ Петербургомъ. Чѣмъ дальше подвигались они, тѣмъ городъ казался увлекательнѣе; на Адмиралтейскомъ бульварѣ оказалось, что Леша и Поша не чувствовали малѣйшей усталости; основываясь на этомъ, рѣшено было полюбоваться полной панорамой Невы съ высоты Николаевскаго моста, о которомъ еще въ провинціи такъ много слышали Фуфлыгины.

Черезъ полчаса, они достигли цѣли своей прогулки. Панорама Невы превзошла ихъ ожиданія; чарующая картина не произвела только, повидимому, ни малѣйшаго впечатлѣнія на Лешу и Пошу; это (какъ тотчасъ же убѣдились родители) происходило единственно потому, впрочемъ, что глаза Леши и Поши закрылись, какъ только родители вступили на мостъ.

— Дѣти, дѣти, взгляните, какой домъ... и какъ тамъ свѣтло!.. торопливо заговорилъ Николай Степанычъ, стараясь развлечь дѣтей и указывая съ этою цѣлью на огромный угольный домъ, въ которомъ нижнія окна блистали десятками газовыхъ рожковъ.

Дѣти на минуту воскресли, и Николай Степанычъ воспользовался случаемъ, чтобы перевести ихъ черезъ

улицу на тротуаръ огромнаго дома. Надо было проходить мимо, во всякомъ случаѣ, чтобы попасть въ Морскую.

— Это вѣрно какой-нибудь кафе-ресторанъ, сказала Софья Петровна, мимоходомъ заглядывая въ окно:—какое здѣсь великолѣпіе... Ахъ, Боже мой! подхватила она неожиданно:—Nicolas, взгляни, тамъ сидитъ Аркадій Иванычъ!..

Супруги прильнули къ окну.

Въ малиновой комнатѣ, ярко освѣщенной газомъ, на мягкомъ триповомъ диванѣ, за маленькимъ, роскошно убраннымъ столомъ, точно сидѣлъ Пигуновъ. Вниманіе Николая Степаныча привлечено было прежде всего лицомъ брата, которое обрамлялось салфеткой, заложенной за галстукъ, и казалось вдвое шире обыкновеннаго; за каждой щекой его, очевидно, находилось что-то круглое, что нимало, однакожъ, не стѣсняло Пигунова, лицо котораго переполнялось сладкимъ, лучезарнымъ и въ высшей степени пріятнымъ выраженіемъ. Переведя машинально глаза на столъ, Николай Степанычъ тотчасъ смекнулъ дѣло; онъ увидѣлъ тарелку съ огромными цѣльными трюфелями, облитыми сокомъ; тутъ, съ одной стороны, помѣщался поставецъ съ соями, привлекательно сквозившими въ граненыхъ хрустальныхъ флаконахъ, съ другой стороны возвышалась бутылка съ золотистою печатью, на половину уже перелитая въ стаканъ, который, время отъ времени, Аркадій Иванычъ подносилъ къ губамъ,—причемъ глаза его сладко щурились и съ неописаннымъ умиленіемъ закатывались къ потолку.

— Онъ вѣрно получилъ деньги... промолвилъ Николай Степанычъ: онъ говорилъ, что надѣется получить ихъ сегодня...

— Въ такомъ случаѣ, онъ лучше бы сдѣлалъ, еслибъ отвезъ ихъ домой, возразила Софья Петровна, отходя отъ окна:—ты вѣрно самъ замѣтилъ, въ какой они нуждѣ... Хорошъ мужъ, нечего сказать!—жена больна,—дѣти голодны, а онъ сидитъ за трюфелями.

— Но, другъ мой, онъ, вѣрно, зашелъ по дорогѣ.. Онъ весь вечеръ, быть-можетъ, бѣгалъ по дѣламъ, усталъ и, понятно, зашелъ, чтобы съѣсть кусокъ...

— А трюфели и золотая печать на пробкѣ?..

— Это, можетъ-быть, потому, что все это находилось уже подъ рукою; онъ, весьма вѣроятно, торопится домой и взялъ, что попало подъ руку... снисходительно промолвилъ Николай Степанычъ, находившійся подъ умягчительнымъ вліяніемъ поэтической ночи и пріятныхъ мыслей, которыми ласкалъ собственное воображеніе.

Николай Степанычъ взялъ за руку Лешу, у котораго подкашивались ноги; Софья Петровна подала руку Пошѣ, у которой голова скатывалась на плечи, — и оба поспѣшили въ Морскую.

Давно бы, по настоящему, слѣдовало это сдѣлать!

VIII.

НА ГОРИЗОНТѢ ЯВЛЯЕТСЯ ТУЧКА, НО ЕЕ СДУВАЕТЪ ЗЕФИРЪ ВЪ ОБРАЗѢ КУЗЕНА МИРЗОЕВА.

Всѣмъ, я полагаю, извѣстно, что въ наше время, когда общества на акціяхъ превратили почти каждаго смертнаго въ акціонера, а сами общества, нимало отъ этого не страдая, продолжаютъ умножаться и созрѣваютъ съ быстротою дождевика, — «Общество улучшенія и размноженія рогатаго скота», какъ одно изъ самыхъ практическихъ въ своемъ родѣ, значительно распространяетъ кругъ своихъ дѣйствій и день ото дня получаетъ могучее подкрѣпленіе со стороны своихъ горячихъ приверженцевъ. Это фактъ неоспоримый! Но, еслибъ изъ числа нашихъ читателей нашелся одинъ человѣкъ (болѣе одного не найдется), который выразилъ бы хоть на мигъ сомнѣніе, мы готовы, отъ всей души, подтвердить слова наши самыми яркими, выпуклыми доказательствами; за ними идти не далеко. Стоитъ привести только, что въ этотъ самый день, какъ почтенный членъ и учредитель Общества, Андрей Андреевичъ Медіоланскій, дѣлалъ визитъ Софьѣ Петровнѣ, — въ тотъ самый день, кассиръ Общества, Петръ Петровичъ Мирзоевъ, выдалъ по крайней мѣрѣ тысячъ пятокъ въ видѣ дивиденда акціонерамъ и въ видѣ жало-

ванья лицамъ, состоящимъ на службѣ Общества. Выдача такой суммы, конечно, приносила величайшую честь Обществу, но все-таки деньги не принадлежали Петру Петровичу, и потому выдача ихъ, весьма натурально, не доставила ему особеннаго удовольствія. Мало того, мы не ошибемся, если скажемъ, что въ это утро пребываніе въ Обществѣ сильно даже тяготило почтеннаго Петра Петровича. Иначе быть не могло. Въ часъ пополудни Медіоланскій былъ у Фуфлыгиной; быть-можетъ, даже теперь у ней находится; чѣмъ кончилось это совѣщаніе? успѣшно ли повела дѣло Софья Петровна? обѣщано ли ей навѣрно мѣсто смотрителя дома?.. вотъ вопросы, которые неотступно занимали систематическій, холодно-разсудительный мозгъ кузена Мирзоева. Но выдача кончилась, и можете представить себѣ, какъ торопливо заперъ онъ желѣзный сундукъ, хранившій деньги Общества, и какъ поспѣшно вышелъ на улицу.

Взглянувъ на него, однакожъ, вы никакъ бы не подумали, что онъ торопится; онъ выступалъ, правда, дробнымъ, мелкимъ и частымъ шажкомъ, но черезъ это фигура его нимало не утрачивала своего достоинства; самое лицо его казалось спокойнымъ, и на немъ единственнымъ крикливымъ предметомъ были золотыя очки, сверкавшія на солнцѣ. Отойдите немножко въ сторону и взгляните: кто не умилится, кто, спрашиваю я, не проникнется глубочайшимъ уваженіемъ при видѣ этой прямой, вытянутой, какъ канцелярская линейка, фигуры, съ руками, симетрически засунутыми въ карманы свѣтло-гороховаго пальто, на которомъ нѣтъ пятнышка, складочки и пылинки? Начинайте съ кончиковъ тщательно вычищенныхъ сапогъ, продолжайте черными, туго натянутыми панталонами, и кончайте гладенькимъ паричкомъ, спрыснутымъ о-де-колономъ; можете даже, если хотите, кончить шляпой, которая не сдвинута на бокъ, какъ у буяновъ, не свѣшивается назадъ, какъ у немощныхъ стариковъ, не напираетъ на брови, какъ у отчаянныхъ французовъ,— но высится перпендикулярнымъ, величественнымъ цилиндромъ. Сколько во всемъ этомъ проглядываетъ внутренняго достоинства! какая солидность, какая здравая поло-

жительность и сосредоточенность мыслей!—сколько благородства,—о! сколько благородства!.. Вы, безъ сомнѣнія, не можете утерпѣть и заодно со всѣми встрѣчающими на улицѣ Мирзоева невольно восклицаете: «что это за объяденье!..»

Но Петръ Петровичъ былъ слишкомъ скроменъ, чтобы замѣчать всеобщее восхищеніе, возбуждаемое его особой; онъ продолжалъ подвигаться дробнымъ, акуратно размѣреннымъ шажкомъ, и черезъ полчаса достигъ гостинницы «Парижъ».

Осторожный и осмотрительный во всѣхъ случаяхъ жизни, онъ не вломился прямо въ номеръ, какъ сдѣлалъ бы всякій другой, находившійся подъ вліяніемъ нетерпѣливаго ожиданія,—но разспросилъ прежде человѣка касательно того, были ли гости у Николая Степаныча. Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ вошелъ въ номеръ.

Вотъ что прежде всего поразило Петра Петровича: всѣ двери номера были настежъ отворены; комнаты, слѣдуя одна за другою, представляли длинную амфиладу, по которой быстрыми шагами расхаживалъ взадъ и впередъ Николай Степанычъ съ заложенными за спину руками. Щеки его, глаза, носъ и даже лысинка, придававшая столько добродушія его круглой физіономіи, пожираемы были пламенемъ, которое, очевидно, било изъ самой середины души его и раздувалось сильнѣйшимъ негодованіемъ.

— Петръ Петровичъ! воскликнулъ онъ, при видѣ кузена:—Петръ Петровичъ, все пропало!..

— Ахъ, Боже мой!.. Что-жъ такое?.. вымолвилъ Мирзоевъ, сохраняя, даже въ эту минуту, все свое достоинство, заключавшееся, какъ извѣстно, въ перпендикулярномъ положеніи спины.

Онъ владѣлъ собою съ такою непостижимою силой, что могъ даже поправить очки и поставить на столъ шляпу.

— Да, все пропало! подхватилъ Николай Степанычъ съ возрастающимъ жаромъ; — я поступилъ точь-въ-точь, какъ вы мнѣ говорили: я ушелъ изъ дому въ десять часовъ; взялъ даже дѣтей съ собою... Медіоланскій пріѣз-

жаетъ въ часъ... Но этотъ мальчишка, съ яростью подхватилъ добродушный Николай Степанычъ: — этотъ несчастный мальчишка все испортилъ!..

— Какой мальчишка?

— Мой племянникъ!

— Свищовъ?

— Да... Можете представить себѣ, едва Медіоланскій усѣлся съ женою на диванѣ, — вдругъ вбѣгаетъ Кокò...

— Ахъ, мой почтеннѣйшій, досадливо перебилъ кузенъ Мирзоевъ:—какъ же вы не предупредили лакеевъ?.. какъ же не велѣли отказывать... вѣдь я говорилъ вамъ...

— Все это было сдѣлано! все рѣшительно! съ живостью возразилъ Николай Степанычъ:—все было сдѣлано,— но этотъ мальчишка силой ворвался!.. чортъ его знаетъ! онъ вѣрно явился сюда послѣ завтрака... силой вломился, говорю вамъ,—и произвелъ ужасный скандалъ... Медіоланскій сдѣлалъ ему, — и это весьма натурально, — сдѣлалъ какое-то замѣчаніе... сказалъ, что онъ ведетъ себя неприлично... Можете себѣ представить, — я дрожу при одной мысли, — можете представить... Ну, какъ вы думаете, что сдѣлалъ этотъ мальчишка?..

— Ахъ, Боже мой!...

— Да, вы видите меня въ отчаяніи! онъ сказалъ Медіоланскому, что выброситъ его за окно!—да, онъ сказалъ это!..

При этомъ извѣстіи Петръ Петровичъ быть можетъ первый разъ въ жизни потерялъ свое перпендикулярное положеніе; онъ отступилъ съ такою силой, что очки его покривились.

— О! это ужасно! не правда ли? крикнулъ Николай Степанычъ:—Медіоланскій вскочилъ тотчасъ же на ноги и бросился къ двери... но далъ однакожъ почувствовать женѣ свое негодованіе... Онъ даже не поклонился!..

— Гдѣ же ваша жена? нетерпѣливо спросилъ Петръ Петровичъ.

— Она уѣхала съ Александрой Семеновной... она сама очень разстроена.

Петръ Петровичъ закинулъ руки на спину и началъ

расхаживать взадъ и впередъ по всей амфиладѣ комнатъ. Николай Степанычъ сдѣлалъ съ своей стороны то же самое. Въ средней комнатѣ они встрѣчались и давали другъ другу дорогу.

— Этакой мальчишка, а? кричалъ Николай Степанычъ.

— Негодяй! подхватывалъ Мирзоевъ.

— Высѣчь его!

— Ободрать ему уши!

— Надавать пощечинъ!

— Натрепать волосы!

— Бить до изнеможенія!

— Засѣчь до смерти!..

Напрасное негодованіе, заставлявшее Николая Степаныча быстро ходить взадъ и впередъ и вырвавшее изъ груди его вышеприведенныя восклицанія, не было продолжительно; какъ только весь запасъ негодованія (а такового было немного въ мягкой и кроткой душѣ его) истощился, онъ мгновенно ослабъ духомъ; онъ тяжело опустился на диванъ и схватилъ себя за голову обѣими руками. Петръ Петровичъ съ своей стороны, какъ человѣкъ глубокоразсудительный и притомъ въ совершенствѣ владѣвшій собою, давно уже привелъ въ нормальное состояніе свои встревоженныя чувства; руки его все еще заложены были за спину; но уже медленно, шагъ за шагомъ, ходилъ онъ по комнатамъ; время отъ времени онъ позволялъ только себѣ потирать лобъ, на которомъ самый наблюдательный человѣкъ могъ бы прочесть теперь присутствіе спокойныхъ, здравыхъ мыслей.

— Петръ Петровичъ, вы видите меня въ отчаяніи! повторилъ растроганнымъ голосомъ Николай Степанычъ: — все пропало!.. Что намъ дѣлать?.. Боже мой, что дѣлать?..

— Все это слова, мой почтеннѣйшій! спокойно возразилъ Мирзоевъ, приближаясь къ дивану: — а слова и сѣтованія, въ настоящемъ случаѣ, безполезны...

— Но что же мнѣ дѣлать, Петръ Петровичъ?.. Ясно, Медіоланскій не дастъ теперь мѣста... это ясно!

— Да, это ясно!.. холодно-разсудительнымъ тономъ сказалъ Мирзоевъ: — повторяю вамъ: съ своей стороны, безъ этого мѣста, я не могу ничего для васъ сдѣлать...

(Вся кровь бросилась въ голову Фуфлыгину и онъ снова обхватилъ ее руками). Повторяю, еслибъ вы могли довольствоваться какими-нибудь двумя стами жалованья, я нашелъ бы еще возможность опредѣлить васъ въ Обществѣ, хотя, признаться, что это стоило бы большого труда, ибо самъ я недавно тамъ опредѣлился,—но при вашемъ положеніи нужно мѣсто солидное; для этого мнѣ необходимо стоять плотною, такъ сказать, твердою ногою въ обществѣ...

— Петръ Петровичъ! заговорилъ вдругъ Николай Степанычъ въ порывѣ самаго сильнаго душевнаго волненія:—на васъ вся моя надежда!.. Безъ мѣста я пропалъ... о, Боже мой!.. Не скрою отъ васъ моихъ обстоятельствъ... денегъ у меня очень мало...

— Сколько, однакожъ?.. съ оживленіемъ спросилъ Мирзоевъ.

— Почти... почти двѣ тысячи серебромъ.

Лицо Мирзоева снова изобразило спокойствіе и ясность мыслей.

— Но это все мое достояніе! подхватилъ Николай Степанычъ:—безъ мѣста я пропалъ!.. я не могу безъ мѣста. Петръ Петровичъ! сами посудите: семейство, дѣти... я пропалъ!.. пропалъ, Петръ Петровичъ!..

— Все это я очень хорошо понимаю, почтеннѣйшій, потому-то собственно такъ сильно и хлопочу достать себѣ это второе мѣсто, чтобы, понимаете, въ свой чередъ, имѣть возможность помѣстить васъ, согласно тому, какъ требуютъ ваши обстоятельства.

— О, Петръ Петровичъ!..

— Успокойтесь, прошу васъ... Вамъ нечего еще отчаяваться... дѣло можетъ поправиться; да, можетъ, и вы,—именно вы,—можете его поправить...

— Вы меня воскрешаете!.. Но какъ? Что нужно для этого сдѣлать?

— Дѣйствовать нужно, почтенный, дѣйствовать!... энергически произнесъ кузенъ.

— Но какъ? говорите, я готовъ на все... Какъ?

— Разумѣется, не иначе, какъ снова надо обратиться къ Медіоланскому...

— Боже мой!.. Но жена ни за что теперь не согласится къ нему ѣхать! Ни за что! промолвилъ Фуфлыгинъ, которымъ снова овладѣло отчаяніе.

— Дѣло вовсе теперь не въ женѣ...

— Какъ! мнѣ самому?

— Нѣтъ, это будетъ еще безполезнѣе...

— Александра Семеновна?

Петръ Петровичъ отрицательно покачалъ головою, при чемъ разнесся запахъ о-де-колона.

— Тутъ есть другая женщина, которая можетъ подать вамъ руку помощи... произнесъ онъ наводя пытливый глазъ на собесѣдника:—въ этомъ дѣлѣ племянникъ вашъ нѣкоторымъ образомъ будетъ даже намъ полезенъ... Онъ испортилъ дѣло въ самомъ началѣ, онъ долженъ его поправить!..

— О, разумѣется!.. Если только это, — я настою, я прикажу ему... заговорилъ Николай Степанычъ, сильно размахивая руками и какъ-бы силясь разогнать туманъ, наполнявшій его голову:—но кто же она?.. кто эта женщина?

— Намъ нѣтъ надобности входить въ ея общественное положеніе... скромно отвѣчалъ кузенъ Мирзоевъ:—достаточно будетъ, если я вамъ скажу, что зовутъ ее Катериной Михайловной... Я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что она имѣетъ огромное вліяніе на Медіоланскаго:—старикашка, какъ я вамъ уже объяснялъ, охотно поддается вліянію женщины; онъ влюбленъ въ нее болѣе года и исполняетъ малѣйшіе ея капризы... Когда она ѣздила въ Москву, чтобы повидаться съ родными (она на-дняхъ только возвратилась), онъ находился въ страшномъ безпокойствѣ; писалъ ей два раза въ день... словомъ, вы меня понимаете... Она, говорятъ, страшно вѣтрена... но намъ опять-таки нѣтъ до этого дѣла; вамъ необходимо будетъ съ нею познакомиться; это весьма легко: Свищовъ знакомъ съ нею,—этотъ мальчишка знакомъ со всѣми,— и слѣдовательно дѣло легко устроится. Черезъ нее, я знаю, многіе уже получили мѣста въ нашемъ Обществѣ; она, я увѣренъ, для васъ все сдѣлаетъ... Конечно, вы, съ вашей стороны, сдѣлаете ей маленькія угожденія...

какъ это водится... Безъ жертвъ нельзя же, вы это знаете... поняли ли вы меня, Николай Степанычъ?

— Понялъ... Но...

— Я вижу, что̀ вы хотите сказать! Вы думаете, что Софья Петровна...

— Да; не скрою отъ васъ, эта мысль меня тревожитъ... вы знаете, эти женщины...

— Совершенно справедливо; но къ чему же дана намъ осторожность, почтеннѣйшій? къ чему данъ разсудокъ и обдуманность? Вы, конечно, должны дѣйствовать въ этомъ случаѣ со всею осмотрительностью. Софья Петровна ничего не должна даже подозрѣвать... Что-жъ дѣлать, почтенный Николай Степанычъ? обстоятельства принуждаютъ насъ иногда дѣйствовать такимъ образомъ!.. Лишнимъ также считаю предупреждать васъ, что Коко ни подъ какимъ видомъ не долженъ знать настоящей цѣли вашего знакомства съ Катериной Михайловной; онъ тотчасъ все разболтаетъ; скажите ему просто, что вы ее видѣли и желаете съ нею познакомиться... больше ничего! прикиньтесь волокитой, весельчакомъ, и тогда, я убѣжденъ, онъ будетъ очень радъ,—словомъ, не проврется передъ Софьей Петровной... Что-жъ касается до Катерины Михайловны. переговорите съ нею съ глазу на глазъ, и прямо, безъ обиняковъ, скажите ей, чего вамъ хочется... Ей не впервые устраивать дѣла такого рода; я увѣренъ, убѣжденъ, она все сдѣлаетъ, если только вы ловко будете дѣйствовать,—я разумѣю угожденія... Словомъ, вы меня понимаете... Только вотъ еще что, мой почтеннѣйшій, не слѣдуетъ откладывать все это въ долгіе ящики; надо дѣйствовать скорѣе... Повторяю: чѣмъ скорѣе получу я это мѣсто, тѣмъ скорѣе и вы можете разсчитывать... И такъ, вы видите, что отчаяваться еще не къ чему...

— Вы меня воскресили, Петръ Петровичъ! я совсѣмъ было упалъ духомъ... проговорилъ Николай Степанычъ, признательно пожимая руки кузена:—дѣйствительно, откладывать незачѣмъ... подхватилъ онъ, суетливо подымаясь съ дивана:—я сію же минуту отправлюсь отыскивать этого негодяя Коко́.

— Ну и прекрасно; а я между тѣмъ пойду въ клубъ

Соединеннаго общества. Я членъ съ самаго основанія, и мы сегодня собираемся. Смотрите же, при первомъ результатѣ вашего совѣщанія съ этой дамой, тотчасъ же извѣстите меня... Мой совѣтъ въ этомъ случаѣ не помѣшаетъ...

— О, стократъ благодарю васъ! стократъ благодарю!.. воскликнулъ съ глубокимъ чувствомъ Николай Степанычъ.

Минутъ черезъ десять, онъ уже сидѣлъ на дрожкахъ и летѣлъ въ Большую Конюшенную, гдѣ жилъ племянникъ. Но Коко̀ не было дома. Николая Степаныча встрѣтилъ старый камердинеръ, который носилъ барина своего на рукахъ, когда послѣднему было года четыре. Старикъ этотъ служилъ когда-то лучшимъ украшеніемъ многочисленной дворни отца Николая Степаныча. Включенный потомъ въ роспись приданаго, которымъ щедрый отецъ наградилъ дочь, старый камердинеръ перешелъ къ матери Коко̀, покойной сестрѣ Николая Степаныча. Старикъ присутствовалъ, можно сказать, при рожденіи нашего героя, и несказанно ему обрадовался.

Въ другое время, Николай Степанычъ, всегда дорожившій воспоминаніями дѣтства и юности, не преминулъ бы раздѣлить восторгъ старика и, безъ сомнѣнія, пустился бы въ длинныя розсказни; но не до того теперь было; настоящій ходъ обстоятельствъ поглощалъ съ такою сокрушающей силой чувства и мысли Николая Степаныча, что не было возможности удѣлить изъ нихъ что-нибудь для прошедшаго. Онъ сказалъ, что явится въ десять часовъ вечера, проситъ племянника, убѣдительно проситъ его подождать, и если ужъ невозможно этого сдѣлать, проситъ оставить, по-крайней-мѣрѣ, адресъ, по которому можно отыскать его.

Отсутствіе племянника, неизвѣстность касательно настоящаго его пребыванія, неувѣренность въ томъ даже, явится ли Коко́ домой сегодня, — все это, очень натурально, могло только усилить безпокойство Николая Степаныча... Кузенъ Мирзоевъ убѣждалъ между тѣмъ дѣйствовать какъ можно поспѣшнѣе; Николай Степанычъ самъ чувствовалъ необходимость этой поспѣшности, деньги исчезали съ неимовѣрною быстротою; цѣль, для которой

пріѣхалъ онъ въ Петербургъ и которая, благодаря мудрымъ совѣтамъ Петра Петровича, начинала почти осуществляться, теперь вдругъ лопнула, разрушилась до основанія; приходилось снова начинать дѣло; и съ какими опасностями сопряжены были эти начинанія! Сколько осторожности, ловкости, осмотрительности, умѣнья и даже любезности потребно въ отношеніяхъ съ этой Катериной Михайловной!..

Но мы не станемъ продолжать длинную вереницу размышленій, осаждавшихъ голову Николая Степаныча. Достаточно сказать, что круглое лицо его насквозь проникнуто было озабоченностью, сквозь которую явно проглядывало выраженіе грусти и безпокойства; даже Невскій проспектъ, куда направилъ онъ шаги свои, — даже Невскій проспектъ, со всѣмъ своимъ гамомъ, трескотнею и толпами гуляющихъ, не произвелъ своего увеселяющаго, благотворнаго дѣйствія на взволнованную душу Фуфлыгина.

— Николай! братъ! душа моя!..

Эти восклицанія, слѣдовавшія одно за другимъ съ возраставшею силой, неожиданно прервали нить размышленій, громоздившихся подъ дипломатической лысинкой Николая Степаныча. Не успѣлъ онъ обернуться, какъ уже рука Пигунова прошла подъ его руку.

— Я и жена видѣли вчера вечеромъ, какъ ты ужиналъ въ этомъ кафе... подлѣ Николаевскаго моста... сказалъ Фуфлыгинъ, когда Пигуновъ восторженно излилъ передъ нимъ радость, возбужденную въ немъ такой встрѣчей.

Восторгъ Аркадія Иваныча, въ настоящемъ случаѣ, свидѣтельствовалъ о неизмѣримой любви его къ брату. Именно: встрѣча эта,—одна эта встрѣча,—способна только была вызвать Пигунова изъ той глубокой грусти и меланхоліи, которой предавался онъ до того времени и которая мгновенно возвратилась къ нему, какъ только заговорилъ возлюбленный братъ и какъ только прошелъ первый невольный порывъ радости.

— Да, я зашелъ въ этотъ кафе... Я изнемогалъ отъ усталости... голодъ томилъ меня... подтвердилъ Аркадій

Иванычъ, уныло вращая глазами и опускаясь на руку брата съ такою силой, что можно было думать, онъ все еще находится подъ вліяніемъ изнеможенія и голода.

— А я ужъ за тебя порадовался... сказалъ Николай Степанычъ:—я думалъ, ты получилъ тѣ деньги, о которыхъ упоминалъ вчера.

При этомъ Пигуновъ испустилъ такой вздохъ, что два, три человѣка, шедшіе впереди, обернулись.

— Я былъ жестоко обманутъ!.. то есть получилъ кое-что, но самую бездѣлицу... въ субботу только получу сполна всю сумму... торопливо прибавилъ онъ, замѣтивъ безпокойство на лицѣ брата: — я спѣшилъ домой... Помнишь, въ какомъ положеніи оставилъ я вчера Нидочку?.. я къ ней спѣшилъ... Но голодъ томилъ меня, я изнемогалъ отъ усталости, зашелъ въ кафе и спросилъ, что было подъ рукою...

— Вотъ вѣдь ты какой, Аркадій!.. жалуешься на безденежье; получилъ деньги, и между тѣмъ тратишь ихъ безъ выбора... Ну, что̀ бы подождать минутъ пять и спросить себѣ кусокъ говядины или тамъ другое что нибудь... Ты ждать не хотѣлъ, тебѣ подали трюфли, которые, вѣрно, дорого стоили...

— До того ли мнѣ было, душа моя? до того ли!.. вспомни только, въ какомъ положеніи я ее оставилъ?.. я спѣшилъ къ Нидочкѣ, спѣшилъ ее успокоить.

— Полно, Аркадій!.. полно!.. послѣ того, что я видѣлъ... ты меня извини, душа моя, подхватилъ Николай Степанычъ, не чувствуя уже того снисхожденія, которое наканунѣ пробуждали въ душѣ его спокойное состояніе мыслей и поэтическая прелесть петербургской ночи: — извини меня, но я даже хотѣлъ откровенно сказать тебѣ... ты не выказываешь женѣ твоей тѣхъ чувствъ, того уваженія, которыя она заслуживаетъ... вспомни хоть вчерашній день; ты совсѣмъ не бережешь ее... совсѣмъ не жалѣешь...

— Справедливо... совершенно справедливо!.. проговорилъ Пигуновъ съ чувствомъ сильнѣйшаго раскаянія и крѣпко пожалъ руку брата:—ты правъ, сто разъ правъ, я точно не берегу ее... я ее огорчаю, убиваю даже...

Да, я заслуживаю... я заслуживаю твое негодованіе... Когда я припоминаю всѣ огорченія, всѣ оскорбленія, которыя перенесла черезъ меня эта женщина, эта ангельская женщина... я начинаю презирать себя; да, я глубоко себя презираю... Но, послушай, Николай, братъ, я обращаюсь къ твоему сердцу; вникни также и въ мое положеніе... я не оправдываюсь, нѣтъ! Я не могу оправдаться: знаю, что я поступилъ какъ извергъ... Но, послушай, всего бы этого не было; клянусь Всевышнимъ, этого бы не было... Послушай (Пигуновъ взглянулъ мокрыми глазами на брата и нѣжно пожалъ ему руку), послушай: эта женщина—ангелъ, но она меня не понимаетъ; я ею не понятъ!.. Прихожу иногда домой; душа такъ чисто, такъ свѣтло настроена; сердце хочетъ излиться; мысли наполняютъ голову, и что же? встрѣчаю ли я дома сочувствіе? Нѣтъ, не встрѣчаю его!... а встрѣчаю однѣ только жалобы, всрѣчаю плачъ дѣтей, встрѣчаю нужду... и это меня сокрушаетъ! Я или бѣгу изъ дому, или... или впадаю въ глубокое отчаяніе... О! Николай, ты никогда не зналъ, что такое быть непонятымъ! что такое крикъ голодныхъ дѣтей... и... и... жалобы больной, разслабленной жены, которую обожаешь... для которой готовъ принести въ жертву сто жизней... нѣтъ, ты не знаешь этого!.. И сохрани, сохрани и спаси тебя Богъ отъ такого положенія!..

Счастливый Николай Степанычъ дѣйствительно не зналъ, что такое быть непонятымъ женою, и потому рѣшительно не нашелся, что отвѣчать. Пигуновъ также не могъ говорить; онъ былъ слушкомъ растроганъ; онъ боялся открыть ротъ, чтобы не разразиться воплемъ.

— Послушай, братъ, промолвилъ послѣ нѣкотораго молчанія Николай Степанычъ:—почему бы, напримѣръ, не постараться тебѣ сыскать какое-нибудь мѣсто? Право! Вѣдь вотъ я пріѣхалъ же сюда. чтобы опредѣлиться! за тысячу верстъ пріѣхалъ... Почему не сдѣлать бы тебѣ того же самаго?.. Вотъ и Мирзоевъ говоритъ...

— Душа моя, перебилъ Пигуновъ съ явнымъ нетерпѣніемъ:—Мирзоевъ человѣкъ безъ души и сердца! Это ледяное, холодное существо, полное самаго страшнаго

эгоизма... Доступны ли такому человѣку высокіе порывы души, изъязвленной страданіями?.. Ему доступны одни расчеты, сухіе, холодные расчеты, и больше ничего!..

Заключивъ свой приговоръ глубокимъ вздохомъ, Пигуновъ замолкъ. Замолкъ также и Николай Степанычъ.

— Ты обѣдалъ? неожиданно спросилъ Аркадій Иванычъ.

— Нѣтъ...

— Я также не обѣдалъ...

Они молча прошли нѣсколько шаговъ.

— Я начинаю даже чувствовать нѣкоторый голодъ... сказалъ Фуфлыгинъ.

— И я также!.. подхватилъ Пигуновъ.

— Жена уѣхала сегодня съ дѣтьми обѣдать къ своей кузинѣ... одному какъ-то скучно обѣдать у себя въ номерѣ.

— О, это невозможно! по-моему, просто невозможно; когда я одинъ, я не могу проглотить ложки супа... промолвилъ Пигуновъ, хлопая глазами, которые начали просыхать.

— Мнѣ бы вѣдь только какой-нибудь кусокъ говядины.

— Мнѣ также... я въ этомъ отношеніи ужасно скроменъ, что попадаетъ подъ руку, то и ѣмъ...

— Да вотъ какой-то трактиръ, произнесъ Николай Степанычъ, останавливаясь передъ Дюссо:—чего лучше...

— Сохрани тебя Богъ! оживленно перебилъ Пигуновъ:—мы встрѣтимъ здѣсь милліонъ народу... и притомъ, я тебѣ скажу, адская, чудовищная дорговизна!.. Вотъ другое заведеніе, прибавилъ онъ, указывая на домъ насупротивъ Дюссо:—здѣсь и дешевле, и скромнѣе какъ-то...

— Борель *)... произнесъ Николай Степанычъ, читая вывѣску.

— Да, Борель, Борель! пробормоталъ Пигуновъ, подхватывая брата подъ руку и съ трогательною нѣжностью переводя его черезъ улицу.

---

*) Самый дорогой, но вмѣстѣ съ тѣмъ саый гастрономическій кафе-ресторанъ Петербурга.

Минуту спустя, гостепріимная дверь кафе-ресторана открылась передъ двумя посѣтителями. Они прошли первую комнату, перегороженную конторкой, и вступили во вторую. Первый предметъ, на которомъ сосредоточилось вниманіе братьевъ, былъ Коко́ Свищовъ, сидѣвшій на диванѣ рядомъ съ какимъ-то пожилымъ толстякомъ, въ которомъ Николай Степанычъ узналъ Лупандина, того самаго, что былъ на желѣзной дорогѣ. Трое другихъ посѣтителей, одинаковыхъ лѣтъ съ Лупандинымъ и вдвое старѣе Коко́, окружали послѣдняго.

— А! дядюшка! браво! браависсимо! закричалъ Коко́, вскакивая съ мѣста и принимаясь неистово хлопать въ ладоши:—Господа, рекомендую вамъ, дядя, но только не изъ Америки, а изъ провинціи... Но, съ вами вошелъ, кажется, Пигуновъ... гдѣ онъ?

Николай Степанычъ оглянулся; но Пигунова уже не было; его не оказалось даже во второй комнатѣ, куда заглянули Коко́ и Николай Степанычъ.

— Онъ уже скрылся... Ну, да чортъ съ нимъ! подхватилъ Коко́: — мы безъ него обойдемся... Позвольте, однакожъ, дядя, расцѣловать васъ въ обѣ ваши славныя щеки за такой сюрпризъ!.. Вы знаете, я нарочно заѣзжалъ за вами, чтобъ звать васъ на этотъ обѣдъ... Но, вмѣсто васъ, я встрѣтилъ тамъ этого чучелу Медіоланскаго, который, какъ вы думаете, а? ухаживалъ за тётушкой, да, ухаживалъ, ей-Богу!.. Я же ему задалъ! Во-первыхъ, я это сдѣлалъ изъ чувства состраданія къ тётушкѣ Sophie, которой, я видѣлъ, сильно претилъ этотъ tête-à-tête; во-вторыхъ, по личной моей непріязни къ этому старому хрычу, а въ третьихъ, изъ чувства дружбы къ Катеринѣ Михайловнѣ, которая имѣетъ полное право бояться невѣрностей Медіоланскаго... Ну, да къ чорту все это!.. Надѣюсь, вы еще не обѣдали?

— Нѣтъ, обѣдалъ... рѣшительно произнесъ дядя, инстинктивно боявшійся всей этой компаніи, и больше того боявшійся втянуться въ огромные расходы, непремѣнное слѣдствіе холостыхъ пирушекъ: — право, обѣдалъ, повторилъ онъ.

— Фу, чортъ возьми, какая досада!.. Ну, а развѣ нельзя повторить?..

— Нѣтъ, сытъ по горло...

— Ну, такъ посидите съ нами, выпьемъ шампанскаго...

— Право, не могу, я бы очень радъ, но рѣшительно не могу! убѣдительно возразилъ дядя: — я зашелъ сюда совершенно случайно...

— Полноте разсказывать! Держу пари, что затащилъ васъ сюда Пигуновъ... Ужъ я знаю всѣ эти продѣлки... Прежде, когда я былъ еще юноша, онъ таскалъ меня точно также по всѣмъ трактирамъ подъ разными предлогами... Онъ со всѣми это дѣлаетъ... Да вотъ, спросите... Лупандинъ, правду ли я говорю? Берендѣевъ, такъ ли, а?..

Лупандинъ и Берендѣевъ подтвердили слова Свищова; даже другіе два господина кивнули головою.

— Видите, я вамъ говорилъ! смѣясь, воскликнулъ Коко́: — этотъ Пигуновъ — это такая бестія, такая ракалья...

Николай Степанычъ торопливо схватилъ Коко́ за руку.

— Войдемъ сюда на минуту, сказалъ онъ, понижая голосъ оо шопота: — мнѣ нужно тебѣ сказать два слова. Послушай, Коко́, подхватилъ онъ, когда оба очутились въ сосѣдней комнатѣ:- ну, какъ тебѣ не стыдно? право!.. вѣдь Пигуновъ мнѣ братъ и слѣдовательно тебѣ дядя...

— Да помилуйте, дядюшка, я вамъ повторяю: — это такая ракалья, что ужасъ!.. Спросите у всѣхъ этихъ господъ, которые со мной будутъ обѣдать; онъ всѣмъ имъ адски долженъ и бѣгаетъ отъ нихъ... Кто же не долженъ? всѣ мы должны; но есть на все своя манера... онъ просто срамитъ и васъ, и меня, и...

— Но все же, братецъ... гм! гм!.. все же не слѣдуетъ тебѣ, какъ родственнику... Ей-Богу!.. Ахъ, кстати, подхватилъ Николай Степанычъ, подавляя настоящія свои чувства и стараясь примирительно улыбнуться:—ты упомянулъ о Катеринѣ Михайловнѣ... ты ее въ самомъ дѣлѣ хорошо знаешь?

— Друзья закадычные, а что? Развѣ вы ее встрѣтили?

— Да... встрѣтилъ... она прехорошенькая...

— А! каковъ дядюшка!.. Браво!.. воскликнулъ Коко̀,

хлопая въ ладоши, между тѣмъ какъ дядя краснѣлъ и пугливо озирался во всѣ стороны: — хотите, я васъ съ ней познакомлю?.. а? право, хотите познакомлю?..

— Отчего же, очень радъ, сказалъ Николай Степанычъ.

Ему незачѣмъ уже было теперь прибѣгать къ насильственнымъ, принужденнымъ улыбкамъ; лицо его оживилось и засіяло при одной мысли, что знакомство съ Катериной Михайловной устроивалось такъ быстро и почти само собою...

— Превосходно! воскликнулъ Кокò.

— Только послушай, другъ мой, нѣжно подхватилъ Николай Степанычъ, спѣша придать своей физіономіи солидное выраженіе:—я, конечно, очень радъ съ нею познакомиться... и даже прошу тебя объ этомъ... Но пойми; въ моемъ положеніи, надо быть очень осторожнымъ... Бога ради, чтобъ это было тайной, оставалось между нами, слышишь: только между нами, Кокò.

— Буду нѣмъ, какъ рыба, — клянусь честью... Ну, такъ когда же это устроить?.. Постойте; хотите завтра...

— Охотно...

— Завтра будемъ здѣсь обѣдать... или нѣтъ, здѣсь слишкомъ видное мѣсто... Мы отправимся лучше къ Донону; тамъ возьмемъ отдѣльную комнату, и чудесно!.. Я сейчасъ же, какъ отобѣдаю, пойду къ ней и скажу ей объ этомъ... Нынче же вечеромъ, или завтра утромъ, заѣду къ вамъ и извѣщу васъ о часѣ и мѣстѣ свиданія... Вы увидите, чтò это за славная барыня! Это одна изъ самыхъ нашихъ милѣйшихъ!.. Но, однакожъ, я съ вами болтаю, а тамъ ждутъ пріятели...

— Ступай, ступай... перебилъ лукаво и весело подмигивая, Николай Степанычъ.

Дядя и племянникъ пожали другъ другу руки и разстались. Николай Степанычъ рѣшился тотчасъ же возвратиться домой, ужъ заодно пообѣдать тамъ и предаться легкому отдохновенію. Сказано—сдѣлано. Онъ проснулся, когда уже совсѣмъ смерклось, то-есть часу уже въ десятомъ. Сонъ значительно подкрѣпилъ его духъ, ослабнувшій подъ вліяніемъ разнообразныхъ ударовъ, треволненій и переходовъ, которые испыталъ въ этотъ день. Пріятное

расположеніе, безъ всякаго сомнѣнія, не оставило бы его, еслибъ не пришла ему несчастная мысль воспользоваться отсутствіемъ жены и дѣтей, чтобы заняться счетами. Оказалось, что у него, съ тѣми деньгами, которыя даны были взаймы Пигунову, оставалось всего-на-всего тысяча-семьсотъ рублей сорокъ-три копѣйки серебромъ. Открытіе это мигомъ наполнило его душу тревогой. «Того и смотри, думалъ онъ между прочимъ, того и смотри, Коко̀ нахвастаетъ еще этой Катеринѣ Михайловнѣ! скажетъ ей, что я богачъ... Какъ это я не предупредилъ его?.. Она не должна думать, что я бѣденъ; это безъ сомнѣнія, охладитъ тотчасъ же ея рвеніе... такъ и кузенъ Мирзоевъ замѣтилъ... Но, съ другой стороны, думая, что я богатъ, она, пожалуй, потребуетъ чортъ знаетъ какихъ угожденій... какъ называетъ ихъ Петръ Петровичъ... Ужъ такъ и быть, деньги, которыя далъ Аркадію, пойдутъ на угожденія,—такъ и быть!—Но больше не могу; рѣшительно не могу... Фу, какъ скоро, однакожъ, идутъ деньги въ этомъ Петербургѣ,—просто ужасъ!..»

Часовъ въ десять пріѣхала Софья Петровна и дѣти. Но появленіе жены, вмѣсто того, чтобы прервать теченіе печальныхъ мыслей въ головѣ мужа и возвратить ему спокойствіе, произвело совершенно противное дѣйствіе. Вотъ что случилось:

Въ первую минуту, Николай Степанычъ, обрадованный пріѣздомъ жены и дѣтей, не обратилъ вниманія на узелъ въ рукахъ Софьи Петровны. Но когда она уложила дѣтей и развязала узелъ, въ которомъ находились два платья, двѣ шитыя юбки и нѣсколько другихъ туалетныхъ принадлежностей, только-что взятыхъ у madame Poupon,—Николай Степанычъ отступилъ три шага, отчаянно всплеснулъ руками, послѣ чего упалъ на диванъ и обхватилъ голову ладонями.

— Это что такое?.. что̀ это значитъ? спросила Софья Петровна.

Николай Степанычъ не могъ болѣе владѣть собою. Расходы и безъ того уже сидѣли гвоздемъ въ его сердцѣ. Онъ напрямикъ объявилъ женѣ, что она ведетъ себя совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ благоразумной женщинѣ;

что теперь совсѣмъ не то время и не тѣ обстоятельства, чтобы покупать тряпки, — эти тряпки хороши, когда ведутъ къ какой-нибудь цѣли; что теперь онѣ уже совершенно безполезны, ибо, принимая въ соображеніе исторію съ Медіоланскимъ...

До сихъ поръ надо было удивляться той кротости, тому ангельскому смиренію, съ какимъ выслушивала все это Софья Петровна, но послѣдній намекъ былъ уже черезчуръ оскорбительнымъ: она вдругъ выступила впередъ и гордо подняла голову.

— Прекрасно! превосходно, Николай Степанычъ! (При словѣ Николай Степанычъ, супругомъ овладѣла явная неловкость; онъ почувствовалъ, что разгорячился не въ мѣру и зашелъ уже слишкомъ далеко; словомъ, онъ спохватился, но было уже поздно). Превосходно, подхватила Софья Петровна, достоинство которой и голосъ постепенно возвышались: — ваша жена ничего больше, слѣдовательно, какъ средство, какъ орудіе для достиженія цѣли!.. Вы позволяете ей наряжаться и даже поощряете ее покупать платья, когда это нужно для вашихъ расчетовъ... для вашихъ цѣлей... Очень благородно, Николай Степанычъ, чрезвычайно благородно!..

— Вотъ ты всегда такъ; не выслушаешь и разгорячишься!.. Я совсѣмъ не хотѣлъ сказать этого; не думалъ даже... проговорилъ супругъ пристыженнымъ тономъ: — и наконецъ, еслибъ это было даже такъ, какъ ты говоришь: развѣ я для себя дѣйствую? развѣ ты не должна раздѣлять моихъ цѣлей?

— О, я всё знаю, все, все! пожалуйста не отговаривайтесь, это будетъ совершенно напрасно! Превосходно, нечего сказать! Вы, я вижу, съ большимъ успѣхомъ подражаете вашему милому братцу Пигунову...

— Я даже не думаю.

— И онъ также не думаетъ, когда оскорбляетъ жену свою.

— Но выслушай...

— Ничего не хочу слушать! — съ меня и этого довольно!.. довольно!..

— Я также могъ бы сказать въ свою очередь, под-

хватилъ обиженнымъ тономъ мужъ:—что ты съ успѣхомъ подражаешь своей кузинѣ Александринѣ...

— Да, я подражаю ей... подражаю въ томъ, что она не позволяетъ себя оскорблять мужу... Ее не посмѣютъ упрекнуть какимъ-нибудь платьемъ...

— Это потому, можетъ-быть, что Петръ Петровичъ всѣмъ ей обязанъ... даже своимъ мѣстомъ...

— Прекрасно! Пре-вос-ходно! Новый намекъ, что я вамъ безполезна... О, теперь я васъ понимаю, теперь для меня все открылось...

Сцена эта происходила въ третьей комнатѣ номера. Съ произнесеніемъ послѣднихъ словъ, вошелъ лакей и подалъ Николаю Степанычу записку. Узнавъ тотчасъ же почеркъ Коко̀ и справедливо опасаясь за содержаніе письма, Николай Степанычъ принялъ озабоченный видъ и торопливо вышелъ въ первую комнату. Вотъ что значилось въ запискѣ:

«Радуйтесь, дядюшка; я передалъ Катеринѣ Михайловнѣ ваше желаніе, и она очень рада съ вами познакомиться. Завтра мы обѣдаемъ втроемъ у Донона; покутимъ отлично; вы увидите, что̀ это за прелесть...»

Въ ту минуту, какъ Николай Степанычъ, безпрестанно бросавшій взгляды на сосѣднюю дверь, наводилъ въ десятый разъ глаза на записку, въ комнату вошла Софья Петровна; появленіе ея было такъ неожиданно, что Николай Степанычъ успѣлъ только опустить письмо въ карманъ.

— Лучше и лучше, произнесла Софья Петровна, останавливаясь передъ мужемъ и скрещивая на груди руки:— этого только не доставало!.. Вы, кажется, начали даже имѣть секреты...

— Какой вздоръ!.. Это... это... дѣловое письмо... это кузенъ Мирзоевъ... переминаясь и краснѣя, проговорилъ мужъ.

— Что же онъ пишетъ? развѣ это секретъ?

— Нѣтъ... но...

— Зачѣмъ же вы его спрятали?.. Покажите это письмо... настоятельно подхватила Софья Петровна.

— Но, мой другъ, это совсѣмъ до тебя не касается...

— Вы сейчасъ еще говорили, что все, что до васъ касается, касается точно также и меня... Я хочу видѣть это письмо...

Голосъ Софьи Петровны колебался и краска играла на щекахъ ея.

— Но, другъ мой... клянусь тебѣ... пробормоталъ Николай Степанычъ, судорожно комкая письмо въ карманѣ.

Внезапно Софья Петровна вздрогнула, закрыла лицо руками, залилась слезами и упала на диванъ.

— Перестань, ради Бога; что это такое въ самомъ дѣлѣ?.. промолвилъ примирительнымъ, даже нѣжнымъ тономъ Николай Степанычъ.

— Ха, ха, ха!.. залилась истерически Софья Петровна.

— Умоляю тебя... Сонечка!.. здѣсь, въ номерѣ...

— Ха, ха, ха!..

— Ахъ, Боже мой, съ ней дурно!..

— Ха, ха, ха!..

Николай Степанычъ, какъ потерянный, обѣжалъ раза два вокругъ комнаты и бросился въ коридоръ.

— Человѣкъ! воды!.. закричалъ онъ, дергая за сонетку.

Крикъ этотъ какъ словно облегчилъ его; онъ провелъ руками по лицу, быстро вытащилъ письмо, разорвалъ его на мелкіе клочки, сунулъ ихъ въ карманъ, потомъ пересунулъ въ другой карманъ; но найдя это, вѣроятно, неудобнымъ, бросилъ въ уголъ коридора, и стремительно возвратился къ женѣ, которая продолжала заливаться истерическимъ смѣхомъ.

IX.

ОЩИПАННАЯ КУРИЦА.

Семь часовъ вечера. Къ этому времени одна общая мысль овладѣла, можно сказать, большею частію петербургскихъ жителей; мысль эту можно перевести слѣдующими словами:

«Нѣтъ, намъ невозможно разсчитывать на погоду! Это фактъ, который подтверждается ежедневно, и сверхъ

того такъ часто, такъ краснорѣчиво доказывается газетными нашими фельетонами...»

И дѣйствительно, погода, такая удивительная въ продолженіи всего дня, замѣтно начинала портиться; лучи солнца все рѣже и рѣже показывались между облаками, застилавшими лазурь неба; вѣтеръ тоже не обѣщалъ ничего хорошаго: онъ дулъ съ моря. Завываніе его, безъ всякаго сомнѣнія, наполняло прежде всего особенною грустью и тоскливо, болѣзненно сжимало сердце чародѣя Излера, содержателя Минеральныхъ водъ; афишка этого заведенія, какъ на зло, возвѣщала сегодня поэтическую сирійскую ночь, съ акомпаниментомъ чудесъ трехъ странъ свѣта, колоссальнымъ кактусомъ, бриллiантовой иллюминаціей и невиданнымъ еще доселѣ восхожденіемъ на воздушномъ шарѣ. Чародѣй стоялъ на террасѣ своего сада, безпокойнымъ ухомъ прислушивался къ завыванію вѣтра, посматривалъ на небо и вперилъ унылый взоръ на кактусъ, который былъ изъ картона и слѣдственно, при первыхъ капляхъ дождя, долженъ былъ распасться.

Но хотя рѣже и рѣже, лучи солнца все-таки время отъ времени проглядывали; лицо чародѣя значительно тогда оживлялось; оживлялись также нѣкоторые дома и улицы Петербурга, которые вдругъ выступали изъ мрака и огненными, блестящими полосами перекидывались въ широкихъ каналахъ. Позлащая такимъ образомъ дома и улицы, солнечные лучи проникали, разумѣется, во внутренность домовъ и дворовъ, и при такомъ маневрѣ, весьма естественно, необходимо должны были насквозь пронизывать чахлыя деревья, украшавшія маленькій садъ трактирщика Донона. Въ задней части этого сада находился досчатый, выкрашенный полосами, павильонъ съ большими стеклянными окнами. Каждый разъ, какъ лучи солнца пронизывали деревья садика, павильонъ наполнялся радостнымъ сіяніемъ, и каждый разъ ярко освѣщались лица Коко̀, Свищова, Катерины Михайловны и Николая Степаныча. Они окружали столъ, покрытый тарелками, бутылками, стаканами, чашками и скомканными салфетками. Обѣдъ кончился. Мы заключаемъ это столько же по скомканнымъ салфеткамъ и безпорядку стола, сколько

изъ положенія присутствующихъ. Катерина Михайловна лежала въ мягкомъ креслѣ и ножки ея, удивительно обутыя, покоились на подушкѣ дивана; подушка эта служила также подпоркою правому локтю Кокò, каблуки котораго стучали по спинкѣ сосѣдняго кресла. Кокò неистово курилъ сигару; Катерина Михайловна перемѣняла одну папироску за другою. Одинъ Николай Степанычъ ничего не дѣлалъ и сохранялъ перпендикулярное положеніе на своемъ стулѣ.

Вопросъ состоялъ теперь въ томъ, чтобы кончить послѣднюю бутылку шампанскаго, которую, по словамъ Кокò, слѣдовало допить во что бы то ни стало.

— Дядя, я, ей-Богу, разсержусь наконецъ! крикнулъ Кокò, махая сигарой, дымъ которой былъ такъ ядовитъ и крѣпокъ, что всякій разъ исторгалъ слезы изъ глазъ Николая Степаныча,—обстоятельство, заставлявшее громко хохотать Катерину Михайловну: — ей-Богу, разсержусь! Во все продолженіе обѣда вы не выпили цѣлаго стакана! Это страсть! право, страсть!.. Я, между тѣмъ, выпилъ двѣ бутылки!.. Катерина Михайловна дама, и она даже выпила бутылку...

— Что ты лжешь, мальчуганъ! перебила Катерина Михайловна, шутливо толкая ножкой Кокò, который быстро завладѣлъ ея носкомъ и выразительно приложилъ его къ своему сердцу: — что ты лжешь, я всего выпила три бокала...

— Все равно, вы за то женщина! съ васъ не взыскивается, хотя и это по настоящему не совсѣмъ справедливо... Но дядя мужчина, по крайней мѣрѣ столько, сколько извѣстно, онъ долженъ пить!.. да долженъ!.. Дядя, ей-Богу, разсержусь, пейте!..

— Но, Кокò...

— Пейте, говорю вамъ! перебилъ Кокò, нетерпѣливо потрясая сигарой...

— Но, Кокò, мнѣ, право, вредно... право, не могу! сказалъ Николай Степанычъ, стараясь пріятно улыбнуться, но на самомъ дѣлѣ начиная чувствовать внутреннее безпокойство.—мнѣ строжайшимъ образомъ запрещены крѣпкіе напитки, и особенно шампанское...

— Вотъ вздоръ какой! всѣмъ извѣстно, даже дѣтямъ, я думаю, что шампанское, напротивъ, исправляетъ желудокъ! Все это пустыя отговорки... Пейте, говорю вамъ... Ей-Богу, это срамъ... ей-Богу же, разсержусь наконецъ!..

— Что это, Коко̀, какая у васъ глупѣйшая манера вѣчно ко всѣмъ привязываться! перебила Катерина Михайловна, снова толкая его пяткой, что, повидимому, доставило Коко̀ большое удовольствіе и мигомъ расположило его къ шумной, хотя безвредной веселости:—вы видите, что мосье... мосье... виновата, я все забываю вашу фамилію...

— Фуфлыгинъ! подсказалъ Николай Степанычъ, любезно наклоняя голову.

— Мосье Фуфлыгинъ не хочетъ шампанскаго; онъ говоритъ, ему это вредно... значитъ, и приставать нечего!.. продолжала Катерина Михайловна, которая, въ началѣ обѣда, старалась, между тѣмъ, подливать Николаю Степанычу ничуть не менѣе Коко̀:—я даже очень рада, что мосье... мосье... ахъ, виновата... опять забыла...

— Фуфлыгинъ! внятно и съ новымъ поклономъ подсказалъ Николай Степанычъ.

— Да, мосье Фуфлыгинъ ничего почти не пилъ; онъ, можетъ-быть, не такъ крѣпокъ, какъ вы, Коко̀, и это помѣшало бы ему исполнить одну мою просьбу...

— Какую же? какую, Катерина Михайловна? торопливо заговорилъ Николай Степанычъ, которому, можно сказать, пришлось въ первый разъ произнести длинную фразу; Коко̀ болталъ безъ умолку во весь обѣдъ и не давалъ ему почти рта открыть, кромѣ развѣ для ѣды и питья:—я буду въ восхищеніи исполнить вашу просьбу... Приказывайте, повелѣвайте,—я весь къ вашимъ услугамъ.

— Каковъ дядюшка-то, а? каковъ! каковы фразы ввертываетъ? ха, ха!.. залился Коко̀, плутовски подмигивая лѣвымъ глазомъ.

Катерина Михайловна толкнула его опять ножкой; онъ схватилъ ножку, прижалъ ее къ груди своей, сладко прищурился и замолкъ.

— Просьба моя вотъ въ чемъ... мосье... да, мосье Фуфлыгинъ, сказала Катерина Михайловна, любезно по-

глядывая на Николая Степаныча:—съѣздимте пожалуйста на Черную рѣчку; я хочу нанять дачу... Вы понимаете, я никакого толку не знаю въ домахъ... Вы будете такъ милы и добры, что скажете мнѣ, который именно домъ будетъ удобнѣе... понимаете, чтобы тамъ не протекало... чтобы... потолки были крѣпкіе... рамы...

— Понимаю, понимаю... и съ величайшимъ наслажденіемъ....

— Вы помѣщикъ, вы должны все это знать...

— И удивительный хозяинъ! удивительный! крикнулъ Кокò, исчезая въ облакѣ ядовитаго дыма.

— Такъ вы не откажетесь, мосье Фуфлыгинъ?

— О, съ величайшимъ наслажденіемъ, повторяю вамъ!.. Когда вамъ будетъ угодно...

— Да вотъ, чего же лучше, поѣдемте сейчасъ! Мы уже отобѣдали и времени у насъ много...

Николай Степанычъ позвалъ человѣка и приказалъ ему тотчасъ же нанять карету.

Просьба Катерины Михайловны приводила Николая Степаныча въ истинное восхищеніе; одно то, что она доставляла ему возможность угодить ей, — и угодить безъ ущерба карману, —это было очень важно, если принять въ соображеніе расходъ кареты и обѣда; во-вторыхъ, она открыла ему случай ѣхать съ нею вдвоемъ и объяснить ей или хоть вскользъ намекнуть на цѣль, для которой собственно познакомился съ нею. — «Одно немножко опасно, — жена уѣхала также за городъ съ кузиной... Не знаю, въ какой части окрестностей онѣ находятся... Чтобы еще не столкнуться какъ-нибудь!» Но такое соображеніе остановило его только на минуту; безпокойная мысль была тотчасъ же подавлена радостнымъ чувствомъ; улыбка скользила по добродушному лицу Николая Степаныча даже въ ту минуту, когда онъ платилъ счетъ, который оказался огроменъ.

— Все это прекрасно! воскликнулъ Кокò, когда лакей возвѣстилъ, что готова карета, и Катерина Михайловна взялась за шляпку: — все это прекрасно, — а все-таки надо допить эту бутылку; ужъ это какъ себѣ хотите!..

— Но, Кокò...

— Нечего разговаривать!—за здоровье Катерины Михайловны! вы не смѣете отказаться!.. заключилъ Кокò, наливая стаканъ дяди вровень съ краями.

Катерина Михайловна чокнулась съ Кокò и протянула бокалъ Николаю Степанычу.

«Э! была не была!» подумалъ Николай Степанычъ, схватилъ стаканъ, усердно чокнулся и осушилъ его до дна.

— Браво! браво! крикнулъ Кокò, выпуская изъ рукъ окурокъ сигары и пуская его носкомъ сапога въ потолокъ.

Компанія, смѣясь, вышла изъ сада и черезъ минуту очутилась на маленькомъ дворикѣ Донона.

— Скажите, пожалуйста, каковъ дядя, а? Нарочно велѣлъ привезти такую карету, чтобы можно было только вдвоемъ ѣхать!.. Вы. смотрите, не вѣрьте ему, промолвилъ онъ, обращаясь къ Катеринѣ Михайловнѣ, которая усаживалась въ экипажъ:—не смотрите, что онъ такой... онъ ужасенъ! именно, ужасенъ! довершилъ Кокò, страшно выкатывая глаза.

Катерина Михайловна залилась громкимъ смѣхомъ; но неизвѣстно, возбужденъ ли былъ этотъ порывъ неожиданной веселости словами племянника или сконфуженнымъ лицомъ дяди.

— Итакъ, вы на Черную рѣчку?.. продолжалъ Кокò, ни на что не обращая вниманія:—но куда же я дѣнусь?.. Ба! — поѣду къ Излеру! Тамъ, вѣрно, сегодня весело... Однакожъ, тучка, господа!.. впрочемъ, лучше, что пойдетъ дождь, — это будетъ вашимъ спасеніемъ, Катерина Михайловна!— дождь зальетъ хоть сколько-нибудъ этотъ волканъ, который подлѣ васъ усѣлся... Смотрите, заключилъ онъ, понижая голосъ и просовывая голову въ окно кареты: — смотрите, право, скажу Медіоланскому... вы знаете, какъ я люблю его... друзья,—друзья закадычные!..

— Пошелъ! пискнула кучеру Катерина Михайловна.

— Bon voyage! выразительно крикнулъ Кокò, и карета выѣхала на улицу.

— Вы давно въ Петербургѣ... мосье... мосье Фуфлы-

гинъ? спросила Катерина Михайловна мягкимъ голосомъ, котораго у нея прежде не было.

Она вытянула свои хорошенькія ножки и устремила на сосѣда милый, ласковый взглядъ.

— Нѣтъ-съ... я всего пятый или шестой день, Катерина Михайловна...

— Какъ? такъ мало?

Восклицаніе это и очаровательная улыбка, его сопровождавшая, могли свести съ ума кого угодно.

— Да, всего пять дней, проговорилъ Николай Степанычъ, покрываясь внезапно яркимъ румянцемъ:—я собственно пріѣхалъ сюда по очень важному дѣлу... гм... гм...

— По какому же дѣлу?

— Очень важное дѣло, Катерина Михайловна... произнесъ Николай Степанычъ, захлебываясь отъ волненія («теперь, въ эту минуту, подумалъ онъ, рѣшается моя участь!»):—очень важное... оно все, можно сказать, гм.. находится въ рукахъ... гм... гм! въ рукахъ Медіоланскаго, о которомъ говорилъ Коко̀...

— Медіоланскаго? воскликнула Катерина Михайловна такъ радостно, что можно было думать, дѣло находится въ рукахъ ея больше даже, чѣмъ въ рукахъ Медіоланскаго и она радуется случаю помочь своему собесѣднику.

Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснилъ себѣ Нилолай Степанычъ; сердце его забилось вдругъ съ необычайной силой; онъ готовился уже выразить свои чувства обязательной сосѣдкѣ, — какъ вдругъ она неожиданно выглянула изъ окна кареты и приказала повернуть въ Малую Милліонную.

— Извините, мосье Фуфлыгинъ, сказала она: — мнѣ необходимо заглянуть на минуту въ англійскій магазинъ,— теперь еще не заперто... будьте такъ добры, прикажите остановиться у того подъѣзда.

— Стой! заревѣлъ Николай Степанычъ, готовый въ эту минуту самъ запрячься въ карету и везти Катерину Михайловну. Онъ ловко выпрыгнулъ на тротуаръ и высадилъ свою даму. Войдя въ магазинъ, Катерина Михайловна потребовала, чтобъ показали ей самыя новыя

матеріи. Черезъ минуту, длинная конторка покрылась роскошными тканями.

— Ахъ, какая прелесть!.. это чудо, что такое! Особенно это... Не правда ли, мосье Фуфлыгинъ? Это шитье приводитъ меня въ восторгъ.

«А, чортъ возьми, подумалъ Николай Степанычъ,— подарю ей платье! Дѣло пошло отлично... авось это окончательно расположитъ ее въ мою пользу...» Онъ отозвалъ въ сторону даму и робко, замирая сердцемъ и душою, попросилъ позволенія купить платье, которое ей такъ нравилось; онъ убѣдительно просилъ не давать этому цѣны подарка; нимало! онъ умолялъ принять платье на память, — въ ознаменованіе того, стократъ счастливаго дня, когда онъ съ нею обѣдалъ. Къ великой радости Николая Степаныча дама не разсердилась, не выразила даже малѣйшаго сопротивленія. Подъ вліяніемъ радостныхъ мыслей, толпившихся въ головѣ Николая Степаныча, онъ отдалъ безъ сожалѣнія восемьдесятъ цѣлковыхъ за платье, которое было тотчасъ же свернуто и отнесено въ карету.

Минуту спустя, онъ и его милая спутница катили на Черную рѣчку.

— Гм! Гм! Да,—эти дѣла... это ужасно, что такое! Катерина Михайловна!.. заговорилъ Николай Степанычъ, когда карета въѣхала на Троицкій мостъ: — вы представить себѣ не можете, сколько хлопотъ... сколько трудностей... особенно когда предстоитъ имѣть дѣло съ Медіоланскимъ... онъ, говорятъ, очень труденъ...

— Знаете ли, о чемъ я теперь думаю? перебила Катерина Михайловна, и вдругъ засмѣялась:—вы все говорите объ Медіоланскомъ: — ну, что, еслибъ увидѣлъ онъ насъ въ каретѣ?.. ха, ха, ха!

— Что-жъ?.. помилуйте... развѣ тутъ что нибудь преступное?.. пробормоталъ нѣсколько оторопѣвшій Фуфлыгинъ.

— Да, говорите!.. Увѣрьте его!.. вы еще совсѣмъ не стары... Медіоланскому шестьдесятъ лѣтъ!.. онъ страшно ревнивъ; ревнивъ до безумія!..

— Впрочемъ, я это понимаю... возразилъ Николай Степанычъ, лукаво улыбаясь:—это совершенно въ порядкѣ

вещей... и я... я былъ-бы точно такъ же ревнивъ, еслибъ... еслибъ...

— Еслибъ что?

— Еслибъ... еслибъ... былъ любимъ вами...

— Но вы любить меня не можете...

— Но почему же? промолвилъ, глупо улыбаясь, Николай Степанычъ, начинавшій уже думать, что совсѣмъ не онъ волканъ, а скорѣе Катерина Михайловна,—и что дѣлать ему, какъ поступить, если, чего добраго, она потребуетъ отъ него любви въ благодарность за устройство дѣла.

— Почему же вы такъ думаете, Катерина Михайловна? продолжалъ онъ:—это, напротивъ, совершенно натурально... Ваше доброе сердце... ваша наружность, все это невольно внушаетъ... Но я человѣкъ откровенный и скажу вамъ, что для этого, то есть для того, чтобы любить женщину истинно, пламенно,—нужно быть самому счастливымъ... да, это необходимо! Надо, чтобы ничто не мѣшало страсти, вы понимаете?.. чтобы человѣкъ былъ совершенно освобожденъ отъ обстоятельствъ... которыя часто... вотъ, напримѣръ, какъ у меня теперь... гм... я долженъ прибѣгнуть къ Медіоланскому!.. гм! гм!..

— Ахъ, Боже мой!.. посмотрите, какія ужасныя тучи!.. Того и смотри, сейчасъ будетъ дождикъ... Кучеръ, поѣзжай скорѣе! Скорѣе!.. добавила она, неожиданно высовываясь изъ окна кареты.

Кучеръ былъ малый опытный; онъ зналъ, что когда молодой баринъ и молодая барыня ѣдутъ вдвоемъ въ каретѣ,—молодой баринъ всегда по большей части бываетъ веселъ и никогда не скупится на водку. Карета помчалась вихремъ, и прежде чѣмъ Николай Степанычъ привелъ въ порядокъ свои мысли, колеса загремѣли на Строгоновскомъ мосту. Къ тому же, надо было на минуту оставить дальнѣйшія объясненія; вниманіе Катерины Михайловны исключительно принадлежало теперь берегамъ Черной рѣчки, и она не отрывала лица отъ окна экипажа. По приказанію ея, кучеръ остановился у перекрестка подлѣ сада Минеральныхъ водъ.

— Ну, слава Богу, кажется, дождя нѣтъ, сказала

она, выпрыгивая на деревянный тротуаръ, окаймляющій лѣвый берегъ Черной рѣчки.

— Нѣтъ, но, кажется, скоро будетъ, промолвилъ ея спутникъ, начинавшій выказывать безпокойство съ той минуты, какъ вышелъ изъ экипажа и очутился на открытомъ мѣстѣ, гдѣ, легко могъ столкнуться съ женою и кузиной.

Но все прошло очень благополучно. Никто не встрѣтился, кромѣ лицъ совершенно незнакомыхъ. Осмотрѣно было нѣсколько дачъ; но всѣ онѣ найдены были совершенно неудобными, несмотря на то даже, что потолки, какъ увѣрялъ Николай Степанычъ, могли выдержать самое страшное давленіе. Одна дача привела, однакожъ, въ восторгъ Катерину Михайловну. Напрасно на этотъ разъ доказывалъ Николай Степанычъ негодность потолковъ, напрасно протыкалъ пальцемъ стѣны,—Катерина Михайловна ничего не хотѣла видѣть и потребовала дворника. Дача ходила за триста цѣлковыхъ, меньше нельзя было ни копѣйки!

— Хорошо, я ее беру, сказала Катерина Михайловна съ видомъ рѣшимости.

— Пожалуйте задатокъ?..

— Какъ задатокъ?..

— У насъ, сударыня, такое ужъ положеніе, пробасилъ дворникъ, отставной сѣдовласый воинъ:—половину денегъ впередъ пожалуйте... Мы вамъ выдадимъ росписку—и дача ваша... Безъ этого нельзя;—время такое, всякій теперь нанимаетъ; праздная не простоитъ...

— Ахъ, Боже мой, но какъ же это... съ видомъ крайняго смущенія произнесла Катерина Михайловна: — monsieur Фуфлыгинъ, нѣтъ ли у васъ съ собою полутораста цѣлковыхъ?.. Вы меня этимъ очень обяжете... Завтра утромъ я возвращу вамъ, или нѣтъ, зачѣмъ промолвила она, бросивъ обворожительный взглядъ:—пріѣзжайте лучше завтра сами за ними...

Въ первую минуту, Николая Степаныча насквозь проняло холоднымъ пòтомъ: онъ радъ былъ дѣлать угожденія и приносить жертвы, но все не такія же; послѣднія слова собесѣдницы значительно его ободрили. Онъ понялъ,

что если ужъ зоветъ къ себѣ за деньгами, стало быть бояться нечего. Основываясь на этомъ, онъ любезно вытащилъ полтораста цѣлковыхъ. Было уже такъ темно, что оба принуждены были войдти въ домъ и получить росписку при свѣчкѣ. Едва вернулись они на тротуаръ, дождь зашумѣлъ въ деревьяхъ. Но Катерина Михайловна и ея спутникъ во́-время успѣли сѣсть въ карету.

— Куда намъ дѣться? сказала она:—ахъ, какая скука!.. Знаете ли что? поѣдемте къ Излеру; праздникъ конечно, отложенъ, но мы найдемъ тамъ убѣжище и переждемъ этотъ несносный дождь.,. Это въ двухъ шагахъ!

Николай Степанычъ дѣлалъ все, что угодно было его милой спутницѣ. Не прошло трехъ минутъ, какъ уже они останавливались передъ подъѣздомъ Минеральныхъ водъ.

— У меня еще къ вамъ просьба, мосье Фуфлыгинъ:— вы, можетъ быть, долѣе моего здѣсь останетесь... или вамъ некогда будетъ довезти меня до дома... во всякомъ случаѣ, оставьте мнѣ, пожалуйста, вашу карету... Спросите имя кучера... и скажите мнѣ. Ему уже заплачено?

— Нѣтъ, но это сію минуту... проговорилъ на все готовый Фуфлыгинъ, приводя въ дѣйствіе желаніе своей спутницы.

Бормоча хорошенькими своими губками имя Ивана (такъ звали кучера), Катерина Михайловна просунула свою ручку подъ руку кавалера, и они вошли въ большую залу. Народу толпилось множество; все жалось, тискалось и тѣснилось вокругъ скамей и на самыхъ скамьяхъ; сквозь гулъ и говоръ долетали трынканье гитары и дикій гикъ цыганскаго пѣнія.

— Мы, все равно, ничего здѣсь не увидимъ, пойдемте лучше дальше, сказала Катерина Михайловна.

Николай Степанычъ пропустилъ большой палецъ правой руки въ петлю пальто, чтобы крѣпче поддержать руку дамы, которую оттирали въ толпѣ, и поспѣшилъ провести ее во вторую залу, гдѣ публики было не много, но за то она была отборнѣе. Внезапно Катерина Михайловна быстро отдернула свою руку. Николай Степанычъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ.

— Бога ради, уйдите поскорѣе!.. отойдите поскорѣе

отъ меня... уходите даже совсѣмъ отсюда... я пропала... здѣсь Медіоланскій... вотъ онъ... уходите скорѣе!..

Катерина Михайловна проговорила все это съ быстротою невѣроятной; тѣмъ не менѣе, при послѣднемъ словѣ, Николай Степанычъ стоялъ уже въ шести шагахъ. Сначала онъ медленно, какъ-бы прогуливаясь, добрелъ до дверей первой залы, вошелъ въ самую залу, — и вдругъ пустился безъ оглядки къ подъѣзду. Дождь лилъ теперь ливмя. Такая страшная тьма окутывала дворъ, что не было возможности различать каретъ.

«Вотъ, однакожъ, какъ легко можно попасться, сказалъ самъ себѣ Николай Степанычъ, слегка даже посмѣиваясь надъ своею трусостью:—да, такого рода отношенія всегда сопряжены съ нѣкоторой опасностью. Но дѣло идетъ, кажется, на ладъ,—сильно идетъ на ладъ!.. Могу сказать, день этотъ не пропалъ даромъ; денегъ много истрачено, страшно много, но дѣло шибко за то двинуто впередъ...

— Извощикъ! крикнулъ онъ звучнымъ голосомъ, какимъ кричатъ счастливые, довольные люди.

Не послѣдовало никакого отвѣта. Слышался только шумъ дождя, барабанившаго по кровлямъ сосѣднихъ дачъ и падавшаго на дворъ Минеральныхъ водъ.

— Извощикъ! повторилъ еще громче, еще звучнѣе Николай Степанычъ.

— Здѣсь нѣтъ извощиковъ, отозвался изъ мрака чей-то голосъ: — извощики стоятъ подлѣ Новой деревни...

— Но какъ же идти въ такую грязь?..

— Вамъ только площадь перейдти... продолжалъ голосъ:—Новая деревня сейчасъ за площадью начинается...

— Это, однакожъ, ужасно непріятно... во всякомъ случаѣ, благодарю васъ... дѣлать нечего, придется шлепать по грязи.

Проговоривъ все это голосомъ весельчака, который самъ посмѣивается надъ своими обстоятельствами, Николай Степанычъ крѣпко надвинулъ шляпу и спустился съ подъѣзда. Съ первымъ шагомъ впередъ, онъ захлестнулся въ грязи по щиколотку, и веселость его пропала; но ее

тотчасъ же замѣнила рѣшимость и отвага; придерживая панталоны, онъ ринулся впередъ и побѣжалъ по площади, направляясь къ огонькамъ, мелькавшимъ неподалеку. Немного погодя, онъ очутился подлѣ дачъ, которыя смутно рисовались въ темнотѣ.

— Скажите, пожалуйста, это Новая деревня? спросилъ онъ у мимо проходившей женщины.

— Новая деревня...

— Гдѣ здѣсь извощики?

— Вотъ тамъ, за угломъ, у трактира...

Ободренный такими словами и чувствуя подъ ногами твердо убитую землю дорожки, Николай Степанычъ ускорилъ шагъ; къ этому отчасти способствовали даже дождь, яростно колотившій его спину, и вѣтеръ, который толкалъ его впередъ съ непостижимою силой.

— Ah, mon Dieu! раздался вдругъ въ десяти шагахъ женскій отчаянный голосъ: — ah mon Dieu!..

Николай Степанычъ воспрянулъ, какъ олень, заслышавшій звукъ роговъ...

— Ah, mon Dieu! повторилъ еще отчаяннѣе тотъ же голосъ.

— Ай! крикнулъ какой-то ребенокъ...

— Мамаша, у меня нога увязла! послышался другой дѣтскій крикъ.

Темнота не давала возможности различить лица Николая Степаныча; но, принимая въ соображеніе быстроту, съ какою бросился онъ къ дамѣ и дѣтямъ, не подлежало сомнѣнію, что душа его и слѣдовательно лицо—это зеркало души—странно были взволнованы.

— Сонечка... это ты... ты?.. воскликнулъ онъ, подбѣгая къ дѣтямъ и дамѣ.

— Ахъ, Nicolas... ахъ!.. ахъ!..

И Софья Петровна обхватила его руками и прилипла къ нему мокрымъ своимъ платьемъ.

— Но какимъ образомъ ты здѣсь?.. что это значитъ!.. Ахъ, Боже мой!..

— Папаша, я весь промокъ!.. закричалъ Леша.

— Мамаша, у меня опять завязла нога... хи... хи... заплакала Поша.

— Какъ ты здѣсь? повторилъ Николай Степанычъ, ощупывая головы дѣтей, ибо, въ замѣшательствѣ своемъ, рѣшительно не понималъ, что дѣлать.

— Все это твой братъ... всему онъ виною... это ужасно!..

— Аркадій? содрогаясь, произнесъ Николай Степанычъ.

— Да... онъ встрѣтился еще мнѣ до дождя: я просила его нанять карету... дала ему денегъ... онъ побѣжалъ—и вотъ... вотъ!..

— Онъ сейчасъ, можетъ быть, явится... проговорилъ супругъ, дико озираясь во всѣ стороны.

— Но мы ждемъ уже болѣе часа... это ужасно... я вся промокла... и дѣти также...

— Но какъ же это случилось?.. вѣдь ты была съ кузиной?..

— О, это ужасная женщина!.. я не хочу съ нею больше быть знакома!.. съ горячностью проговорила Софья Петровна:—она сдѣлала мнѣ ужасную сцену... Съ нами былъ Сюсюковъ... она вздумала ревновать меня... онъ также виноватъ... онъ два раза пожалъ мнѣ ногу... она это замѣтила...

— Онъ осмѣлился это сдѣлать?.. ахъ, онъ негодяй!.. началъ-было Николай Степанычъ, но мысль ссоры жены съ кузиной и послѣдствія этой ссоры, которая легко могла разорвать отношенія съ Мирзоевыми, мигомъ овладѣла разсудкомъ бѣднаго мужа и вытѣснила тотчасъ же всѣ остальныя мысли и чувства.

— Несчастная, что̀ ты сдѣлала! заговорилъ онъ трепещущимъ голосомъ:—ты поссорила меня съ Петромъ Петровичемъ.. О, Боже!..

Онъ не могъ продолжать дальше: вѣтеръ и дождикъ забушевали съ удвоенной силой, Лёша и Поша пискнули; Софья Петровна испустила крикъ, повернулась спиною и припала къ дѣтямъ.

— Намъ нельзя, однакожъ, стоять здѣсь на дождѣ... Тутъ за трактиромъ извощики... проговорилъ Николай Степанычъ, у котораго перевернулось сердце.

Они сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ. Неподалеку и, казалось, даже за сосѣдней дачей, раздался долгій,

пронзительный свистъ. При этомъ Лёша и Поша испустили отчаянный крикъ и бросились къ отцу.

— Разбойники!.. хи, хи, хи... разбойники!.. кричали, топая ногами и упрятывая головы, Лёша и Поша, воображеніе которыхъ сильно было напугано разсказами о разбойникахъ; самъ Николай Степанычъ былъ сильно въ этомъ виновенъ; по вечерамъ, въ деревнѣ, онъ часто повѣствовалъ имъ о Стенькѣ Разинѣ, и такъ натурально и страшно подражалъ свисту разбойника, что даже сама Софья Петровна содрогалась. Онъ горячо принялся уговаривать дѣтей, но новый свистъ, еще пронзительнѣе и ближе перваго, испортилъ снова все дѣло. Ужасъ дѣтей былъ окончательно возбужденъ шагами и говоромъ нѣсколькихъ человѣкъ, которые быстро приближались въ ихъ сторону.

— Скорѣе, скорѣе, господа! сейчасъ пароходъ пришелъ... сказалъ голосъ.

— Да, второй свистокъ... не опоздать бы намъ... скорѣе, господа!..

— Господа, извините, съ живостью воскликнулъ Николай Степанычъ, схватывая дѣтей и инстинктивно слѣдуя за незнакомцами:—какіе это пароходы?.. Гдѣ они?.. Куда они ходятъ?..

— А вотъ тутъ, противъ Минеральныхъ водъ... сейчасъ за угломъ... Они останавливаются противъ Лѣтняго сада... торопливо проговорилъ голосъ.

Раздался третій свистъ; незнакомцы пустились бѣжать; Николай Степанычъ послѣдовалъ-было за ними, но Лёша и Поша не могли бѣжать такъ скоро, и онъ, поневолѣ, долженъ былъ замедлить шагъ. Они вскорѣ однакожъ достигли зданія Минеральныхъ водъ и очутились на деревянномъ помостѣ, который велъ къ Невѣ. Впереди, шагахъ во ста, ярко блисталъ фонарь; свистъ парохода и звонъ колокола, раздававшіеся съ той стороны, окончательно убѣдили Николая Степаныча, что онъ держался должнаго направленія; тѣмъ не менѣе онъ такъ тяжело вздыхалъ, что Софья Петровна, несмотря на то, что сама была страшно раздражена, нѣсколько разъ принималась его успокоивать. Но Николай Степанычъ отво-

рачивалъ только голову и повторялъ скороговоркою: «Я разстроенъ, я ужасно разстроенъ... Оставьте меня, Бога ради, я жестоко разстроенъ!..»

Едва перешли они шоссе и вступили подъ навѣсъ пароходной пристани, пароходъ свистнулъ еще разъ и тронулся съ мѣста.

— Извольте обождать, сударь, сказалъ солдатъ, отъ котораго не ускользнуло, вѣрно, выраженіе отчаянія, изобразившееся на лицѣ барина:— черезъ четверть часа будетъ другой пароходъ...

Жена, дѣти и самъ Николай Степанычъ находились теперь подъ защитой отъ дождя и вѣтра; но все равно, этотъ новый ударъ сразилъ его, повидимому, окончательно; онъ тяжело опустился на скамейку и погрузился мысленно въ пучину самыхъ безотрадныхъ предположеній. Жена нѣсколько разъ приступала къ нему, стараясь его утѣшить, успокоить; Николай Степанычъ повторялъ только: «Я разстроенъ, оставьте меня, пожалуйста, — я жестоко разстроенъ!» и снова погружался въ свою тягостную задумчивость. Такъ провелъ онъ минутъ десять и провелъ бы безъ сомнѣнія еще больше, еслибъ голосъ жены не вызвалъ его неожиданно изъ мучительнаго состоянія.

— Ахъ, Петръ Петровичъ! воскликнула она.

Николай Степанычъ поднялъ голову. Передъ нимъ стоялъ кузенъ Мирзоевъ, который раскланивался съ Софьей Петровной.

— Ахъ, Петръ Петровичъ!.. Какими судьбами?.. Вы видите меня... я... я ужасно разстроенъ! проговорилъ Фуфлыгинъ, стремительно подымаясь съ мѣста.

Въ отвѣтъ на это, Петръ Петровичъ быстро взялъ его за руку и торопливо отвелъ въ дальній уголъ навѣса. Фонарь позволялъ ясно различать черты кузена Мирзоева; онѣ дышали все тѣмъ же достоинствомъ и благородствомъ, но, очевидно, не были спокойны. Предчувствіе чего-то недобраго вторгнулось въ душу Николая Степаныча.

— Что такое?.. что? спросилъ онъ тревожно.

— Я сейчасъ съ Минеральныхъ водъ, возразилъ Мирзоевъ также не совсѣмъ спокойнымъ тономъ:—тамъ про-

изошла ужаснѣйшая исторія... вашъ племянникъ столкнулся съ Медіоланскимъ... Тутъ была также Катерина Михайловна... Племянникъ вашъ присталъ къ ней при Медіоланскомъ... тотъ вступился... Страшная исторія!.. Медіоланскій, очевидно, знать теперь не хочетъ этой вертушки... вамъ, слѣдовательно, незачѣмъ уже съ нею знакомиться...

Въ головѣ Николая Степаныча запрыгали при этомъ не только шарики, но весь мозгъ его превратился, казалось, въ одинъ общій шаръ, который завертѣлся съ непостижимою быстротою. Онъ стоялъ у стѣнки, страшно выкатывая глаза и водя ими неопредѣленно во всѣ стороны.

— Полтораста цѣлковыхъ!.. еще восемьдесятъ цѣлковыхъ!.. карета!.. обѣдъ!.. все пропало!..

Вотъ все, что могъ онъ проговорить, и такъ слабо, что кузенъ Мирзоевъ не разслышалъ половины. Положеніе Николая Степаныча дѣйствительно возбуждало состраданіе. Мирзоевъ поправилъ очки и взялъ его за пуговицу.

— Успокойтесь, почтеннѣйшій, успокойтесь, прошу васъ, сказалъ онъ; — никакъ не слѣдуетъ приходить въ такое отчаяніе... Къ томуже не отчего! Послушайте: случай открылъ мнѣ вѣрное, несомнѣнное средство поправить бѣду... Теперь мы поведемъ дѣло иначе и, увѣряю васъ честью, достигнемъ цѣли. Прошу васъ только, успокойтесь и слушайте... Но вотъ пароходъ, теперь не время... я вамъ сообщу обо всемъ, когда мы сядемъ...

Кузенъ Мирзоевъ возвратился къ Софьѣ Петровнѣ и подалъ ей руку; Николай Степанычъ, въ замѣшательствѣ своемъ, чуть-было не забылъ Лёшу и Пошу; онъ вернулся и внесъ дѣтей на пароходъ.

Средство, предложенное Петромъ Петровичемъ, безъ всякаго сомнѣнія, проникнуто было насквозь умомъ и практичностью, вотъ въ чемъ оно заключалось: у Медіоланскаго была на Петербургской сторонѣ дача, — старое, почти полуобвалившееся зданіе; десять лѣтъ Медіоланскій публиковалъ о продажѣ и до сихъ поръ не могъ найдти покупщика; а между тѣмъ, продажа этой дачи составляла (Мирзоевъ зналъ это изъ самыхъ вѣрныхъ источ-

никовъ), — составляла капризъ, — конекъ старика. Человѣкъ, купившій дачу, весьма натурально, особенно, если такой человѣкъ нуждался въ Медіоланскомъ, весьма натурально, могъ вѣрно разсчитывать на расположеніе учредителя «Общества распространенія и улучшенія рогатаго скота»;—одинъ глупецъ могъ сомнѣваться въ этомъ! Дачу эту необходимо, слѣдовательно, купить. Дѣло Мирзоева будетъ состоять въ томъ, чтобы довести до свѣдѣнія Медіоланскаго имя покупщика; онъ назоветъ кузена или даже, пожалуй, себя назоветъ: послѣднее даже лучше будетъ, ибо, кромѣ того, что мѣсто смотрителя дома пріобрѣтется навѣрно,—кузенъ Мирзоевъ получитъ черезъ эту покупку значительный кредитъ въ образѣ мыслей учредителя, и слѣдовательно, — это уже ясно, какъ день,— употребитъ всю силу этого кредита на опредѣленіе своего дорогого родственника. Что-жъ касается до денегъ, необходимыхъ на покупку дачи, объ этомъ говорить не стоитъ; сумма весьма незначительна: всего тысяча шестьсотъ цѣлковыхъ; покупка этой дачи отстраняетъ всѣ препятствія, прочищаетъ дорогу къ мѣсту смотрителя и, слѣдовательно, купить ее было бы необходимо:—тѣмъ болѣе необходимо, что у Николая Степаныча, къ счастію, находилась въ рукахъ та именно сумма, которая требовалась на покупку.

— Я пропалъ! пропалъ! Петръ Петровичъ, у меня уже нѣтъ такой суммы!.. проговорилъ Николай Степанычъ голосомъ, въ которомъ отражались вопль и стенанія разбитаго сердца.

Бесѣда шла у самаго котла парохода; Софья Петровна и дѣти сидѣли подъ крышкой и, слѣдовательно, ничего не могли слышать.

— Неужели вы думали, я заставлю заплатить васъ всю сумму? подхватилъ Петръ Петровичъ, взявъ кузена за руку и потряхивая неодобрительно шляпой: — нѣтъ, это было бы несправедливо! въ этомъ дѣлѣ, вы понимаете, почтеннѣйшій Николай Степанычъ, въ этомъ дѣлѣ я имѣю такіе же интересы, какъ и вы, все равно; и потому я долженъ, я считаю своею обязанностью заплатить половину; вы дадите восемьсотъ цѣлковыхъ, и я

восемьсотъ... Подумайте только: за такую сумму мы пріобрѣтаемъ мѣста, которыя... словомъ, которыя могутъ насъ совершенно обезпечить... Это не дорого, почтеннѣйшій... повѣрьте, почтеннѣйшій, моей опытности и знанію дѣла... Повѣрьте: въ жизни ничего не дѣлается безъ жертвъ, это невозможно!.. Даромъ, здорово живешь, — никто никому ничего не дѣлаетъ; скажу болѣе: что значатъ наши пожертвованія, сравнительно съ тѣмъ, что они намъ принесутъ?—ровно ничего!.. Успокойтесь, прошу васъ, успокойтесь и будьте бодрѣе!..

Николай Степанычъ дышалъ уже ровнѣе; мысли его замѣтно приходили въ порядокъ; шаръ, катавшійся въ головѣ его, улегся и принялъ обыкновенную форму шара. Послѣднія слова Петра Петровича возвратили даже бодрость ослабнувшей душѣ его; онъ энергически пожалъ руку собесѣднику, который отвѣтилъ ему тѣмъ же. Въ эту минуту, кочегаръ отворилъ заслонку пароходной печи; фигуры двоюродныхъ братьевъ, пожимающихъ другъ-другу руки, озарились яркимъ блескомъ; но кочегаръ захлопнулъ заслонку; все, рѣшительно все, даже самый пароходъ, погрузилось въ глубокій мракъ бурной, ненастной ночи.

X,

НАПОЛНЕННАЯ ЭПИЗОДАМИ САМАГО ДРАМАТИЧЕСКАГО СВОЙСТВА.

— Сестрица! клянусь вамъ!.. Вы несправедливо меня обвиняете!.. Николай, ты также несправедливъ ко мнѣ!.. Бога ради, выслушайте!.. Повторяю, сестрица, я ясно сказалъ вамъ, чтобы вы не трогались съ мѣста... Каретъ нигдѣ не было; дождь всѣхъ разогналъ; я принужденъ былъ бѣжать за экипажемъ на Каменный островъ... это двѣ версты... я вязнулъ въ грязи по колѣни... падалъ безпрестанно; но я все бѣжалъ, все бѣжалъ... Отыскиваю наконецъ карету, пріѣзжаю за вами, — васъ уже нѣтъ! Виноватъ ли я?.. Войдите также въ мое положеніе... вы видите меня въ совершенномъ отчаяніи!..

Повѣствуя такимъ образомъ, Аркадій Иванычъ Пигуновъ представлялъ образецъ искренности; черты его въ самомъ дѣлѣ изображали сильнѣйшее отчаяніе; можно было думать, онъ явился къ брату, питая въ душѣ самыя положительныя, самыя свѣтлыя надежды, и вдругъ все это разомъ разрушилось и исчезло.

— Во всякомъ случаѣ, Аркадій Иванычъ, вы должны были предупредить меня; вы знали, что я осталась на дождѣ, одна, съ дѣтьми... сказала Софья Петровна съ замѣтною раздражительностью.

Пигуновъ замоталъ головою и безсильно свѣсилъ ее на грудь.

— Нѣтъ, воля твоя, Аркадій, ты поступилъ не хорошо... я не ожидалъ отъ тебя этого! произнесъ въ свою очередь Николай Степанычъ.

Но прежде чѣмъ продолжать это объясненіе, необходимо сказать, гдѣ именно оно происходило. О первомъ номерѣ гостинницы «Парижъ» нѣтъ теперь и помину. Вотъ уже недѣля, какъ Николай Степанычъ переселился на Петербургскую сторону и живетъ на дачѣ, купленной имъ, пополамъ съ Петромъ Петровичемъ, у Медіоланскаго. Принимая въ соображеніе скорость, съ какою все это сдѣлалось, надо думать, Медіоланскому сильно хотѣлось продать дачу, а покупщикамъ, въ свою очередь, сильно хотѣлось пріобрѣсти ее. Въ меблировкѣ дачи не встрѣтилось большихъ затрудненій; Николай Степанычъ въ самомъ непродолжительномъ времени долженъ былъ получить очень выгодное мѣсто; Петръ Петровичъ ручался за это; побѣжденный съ другой стороны доводами Кокò Свищова, который также ручался за дядю, одинъ изъ гостинодворскихъ мебельщиковъ охотно взялся снабдить будущаго кандидата «на выгодное мѣсто» достаточнымъ количествомъ дивановъ, столовъ и стульевъ. Словомъ, Фуфлыгины устроились очень хорошо: живутъ на собственной дачѣ и ни въ чемъ не нуждаются. Они нанимаютъ шведку, которая, за шесть цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, стряпаетъ кушанье, шнуруетъ барыню, ходитъ за дѣтьми и чиститъ сапоги Николая Степаныча.

Въ продолженіе этой недѣли, Николай Степанычъ три

раза былъ у кузена Мирзоева съ цѣлью разузнать, какъ подвигается дѣло; онъ ни разу не засталъ кузена: но это ничего не значило; Николай Степанычъ былъ спокоенъ и даже веселъ. Онъ зналъ, что дѣло идетъ хорошо: въ противномъ случаѣ, кузенъ Мирзоевъ тотчасъ же бы къ нему явился, или извѣстилъ его письмомъ. Къ хорошему расположенію духа Николая Степаныча сильно также способствовала Софья Петровна. Она почти не отходила теперь отъ мужа, не противорѣчила ни одному его слову, смотрѣла ему въ глаза, называла его милыми именами и, вообще, выказывала кротость и нѣжность, какъ въ первый мѣсяцъ супружества. Умъ рѣшительно терялся въ догадкахъ касательно такого внезапнаго переворота; самъ Николай Степанычъ ничего не понималъ. Не желая, вѣроятно, нарушать счастія, которымъ такъ сюрпризно дарила его супруга, онъ пересталъ даже настаивать, чтобы она помирилась съ кузиной; онъ, впрочемъ, мало объ этомъ заботился. Петръ Петровичъ, движимый въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, впрочемъ, чувствомъ героическаго благородства и справедливости, ясно высказалъ, что жены сами по себѣ, а мужья сами по себѣ; что ссора первыхъ никакимъ образомъ не можетъ имѣть дѣйствія на отношенія послѣднихъ. Ссора кузинъ имѣла для Николая Степаныча одинъ только результатъ, и то весьма забавный: онъ узналъ отъ жены, что кузина Александрина носила фальшивую косу, на ночь натиралась какимъ-то спермацетомъ и страшно румянилась свеклой. Николай Степанычъ очень много смѣялся.

Вообще говоря, онъ былъ веселъ; добродушное лицо его выражало задумчивость въ тѣхъ только случаяхъ, когда мысли его устремлялись къ брату. Съ той минуты, какъ Аркадій Иванычъ оставилъ на дождѣ свою belle sœur, —Фуфлыгины въ глаза не видали Пигунова. Поведеніе Аркадія Иваныча, весьма натурально, должно было огорчать и вмѣстѣ съ тѣмъ раздражать Николая Степаныча. Кромѣ того, давно уже прошла та суббота, въ которую Пигунову слѣдовало получить деньги. Николай Степанычъ думалъ уже подавить въ себѣ мелкое чувство раздраженнаго самолюбія, мѣшавшее ему ѣхать къ брату,

прежде чѣмъ тотъ не явится съ раскаяніемъ и оправданіемъ; онъ собирался уже ѣхать въ Измайловскій полкъ, когда, совершенно неожиданно, часовъ въ десять утра, явился Аркадій Иванычъ.

Мы видѣли, съ какою горячностью и очевидностью Пигуновъ оправдывался передъ Софьей Петровной; но мы ничего еще не сказали о скорбномъ извѣстіи, которое тутъ же сообщилъ Аркадій Иванычъ; онъ былъ жестоко обманутъ должникомъ своимъ; Пигуновъ изумлялся, мало того, ужасался при мысли, какъ, несмотря на частые уроки, онъ до сихъ поръ еще такъ легко ввѣрялся людямъ! Эта довѣрчивость была, можно сказать, главною причиной всѣхъ его бѣдствій. Онъ зналъ, онъ готовъ былъ принять присягу, что деньги возвращены будутъ черезъ двѣ недѣли; но каково было ему прожить эти двѣ недѣли!.. Онъ рѣшительно терялъ голову: жена больна, дѣти голодны, кухарка требуетъ жалованье, аптекарь не вѣритъ въ долгъ ни на полушку, мясникъ также... Аркадій Иванычъ умолялъ брата и сестру вникнуть въ его положеніе; онъ ничего не просилъ у нихъ, нѣтъ — онъ просилъ только вникнуть...

— Это ужасно!.. я все это понимаю... Это дѣйствительно ужасно! возразилъ Николай Степанычъ, сильно потирая ладонью лысину, тогда какъ Софья Петровна, задумчиво и съ видимою неловкостью, смотрѣла въ землю: — я вникаю въ твое положеніе, Аркадій... Но... но при всемъ желаніи... рѣшительно... рѣшительно ничего не могу сдѣлать... Покупка этой дачи лишила меня всѣхъ средствъ... я самъ безъ гроша... Я, признаться, разсчитывалъ, даже сильно разсчитывалъ на тѣ деньги, которыя тебѣ далъ... Это меня самого сильно разстроиваетъ...

Пигуновъ тревожно прислушивался къ каждому слову брата, и лицо его постепенно вытягивалось; черты его изобразили подъ конецъ столько отчаянія, что даже Софья Петровна, не питавшая, какъ извѣстно, большого расположенія къ beau frére, почувствовала состраданіе. Равнодушіе Николая Степаныча, который отказывалъ брату подъ предлогомъ, будто не было денегъ, столько же удивляло, сколько и не нравилось Софьѣ Петровнѣ; взглядъ,

брошенный ею на мужа, поощрялъ его сказать правду, не скрывать своихъ средствъ и поспѣшить на выручку Пигунова. Но взглядъ этотъ не произвелъ ни малѣйшаго дѣйствія на Николая Степаныча: онъ какъ-будто не понялъ его; онъ развелъ руками и повторилъ твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ:

— У меня копѣйки не осталось, Аркадій... не могу ничего для тебя сдѣлать... рѣшительно не могу!..

— Я ничего не прошу у тебя... Братъ, ты не такъ меня понялъ!.. перебилъ Пигуновъ разбитымъ, гробовымъ голосомъ, представлявшимъ сильный контрастъ съ его физіономіей, обильно увлаженной слезами: — я ничего не прошу... я не смѣю даже просить!.. Человѣкъ, который столько разъ обманывалъ довѣріе... Нѣтъ, я не заслуживаю довѣрія ни одного честнаго человѣка, я это знаю! все кончено... я знаю!.. Я вовсе даже не за тѣмъ къ вамъ пріѣхалъ... Братъ, Николай!.. умоляю тебя... и васъ также, сестрица! подхватилъ Пигуновъ, дико воодушевляясь: — умоляю васъ именемъ всего святого, — умоляю объ одномъ только: поѣзжайте ко мнѣ на минуту! Мое дѣло кончено; не сегодня — завтра меня посадятъ въ тюрьму!.. Но умоляю васъ, заклинаю,—взглянуть на эту бѣдную женщину, которая умираетъ отъ недостатка лекарства... взгляните на трехъ дѣтей, которые не ѣли трое сутокъ... Друзья мои, вы оба молоды, у васъ есть дѣти... такая картина будетъ вамъ полезна... вы увидите примѣръ... страшный примѣръ! Обо мнѣ не заботьтесь, бросьте меня съ презрѣніемъ!—но пожалѣйте невинныхъ дѣтей... пожалѣйте жену!.. Пожалѣйте и помогите имъ!..

— Это ужасно! ужасно! ужасно!.. повторилъ нѣсколько разъ сряду Николай Степанычъ, корчась на стулѣ, между тѣмъ какъ Софья Петровна не отрывала глазъ отъ мужа и выказывала все сильнѣе и сильнѣе волненіе, которое рѣшительно было необъяснимо.—Ужасно! подхватилъ Николай Степанычъ:—ужаснѣе всего, что я не могу помочь тебѣ, Аркадій!.. Я самъ нахожусь въ крайности! У меня почти ничего не осталось, — клянусь честью! (Пигуновъ схватилъ себя за волосы; Софья Петровна судорожно поднялась съ мѣста). Если сосчитать мои деньги,—врядъ ли

найдется цѣлковыхъ семьдесятъ... Но самъ посуди: у меня жена, дѣти... ежедневные расходы. Я долженъ прожить съ этими деньгами недѣли двѣ... быть можетъ, даже три... клянусь тебѣ—я самъ нахожусь въ крайности!..

Съ послѣдними словами, произнесенными тономъ, насквозь проникнутымъ искренностью, лицо Софьи Петровны замѣтно поблѣднѣло; желая, вѣроятно, скрыть состояніе чувствъ своихъ, она поспѣшно вышла изъ комнаты. Но Николая Степаныча такъ сильно увлекало несчастное положеніе брата, что онъ ничего не замѣтилъ; онъ не обратилъ даже вниманія на исчезновеніе жены; онъ придвинулся къ Пигунову и взялъ его за руку.

— Послушай, Аркадій, сказалъ онъ голосомъ сердечнаго участія:—ты самъ отчасти виноватъ во всемъ этомъ...

— Всѣ меня обвиняютъ! Все, все противъ меня!.. перебилъ Пигуновъ, обнаруживая отчаяніе, дошедшее до крайнихъ предѣловъ.

— Я тебя вовсе не обвиняю, другъ мой, нѣжно подхватилъ Николай Степанычъ, пожимая ему руку:—я говорю только: ты поступалъ опрометчиво... Согласись самъ: ну какъ, зная свои обстоятельства, какъ не подумалъ ты занять какое-нибудь мѣсто?.. не говорю — важное мѣсто, нѣтъ, но такое, которое хоть сколько-нибудь тебя бы обезпечивало?.. Ты именно живешь въ городѣ, гдѣ это такъ легко сдѣлать!.. Помнишь, я даже говорилъ тебѣ объ этомъ... Послушай, другъ мой: надняхъ я получаю мѣсто, очень хорошее и выгодное мѣсто... ты знаешь, я нарочно за этимъ собственно пріѣхалъ въ Петербургъ... я тебя тотчасъ же опредѣлю въ наше Общество...

— Нѣтъ, что ужъ тутъ! мрачно воскликнулъ Пигуновъ, принимаясь расхаживать по комнатѣ: — какое мѣсто!.. Мнѣ ничего не надо!.. Если ты не можешь спасти меня въ настоящую минуту, — мое дѣло кончено!.. Я знаю, что мнѣ дѣлать!.. Не думаешь ли ты, что я не искалъ мѣста, не хлопоталъ объ этомъ? энергически подхватилъ Пигуновъ, скрещивая на груди руки:—но судьба и люди—все противъ меня возстало!.. Человѣку съ возвышенною душою и благородными чувствами... но что говорить объ этомъ!.. Однимъ словомъ—я не Мирзоевъ!..

Только такимъ людямъ улыбается коварная фортуна!.. только такіе люди умѣютъ обдѣлывать дѣла свои... Этотъ негодяй Мирзоевъ, мало того, что пользовался отличнымъ мѣстомъ, недавно, я знаю это навѣрное, — недавно получилъ еще второе мѣсто...

При этомъ извѣстіи, Николай Степанычъ пошатнулся, и вся кровь бросилась ему въ голову.

— Какъ?.. Когда?.. Ахъ, Боже мой!.. Не можетъ быть!.. Кто сказалъ тебѣ?.. проговорилъ онъ, таращa глаза, махая руками и какъ-бы силясь вынырнуть изъ необъятной глубины счастія, куда повергли его слова брата: — кто сказалъ тебѣ?..

— Мнѣ сказалъ объ этомъ Сюсюковъ; я встрѣтилъ его вчера вечеромъ.

Въ отвѣтъ на это, Николай Степанычъ раскинулъ руки, ринулся со всѣхъ ногъ на брата и осыпалъ его щеки и бакены дюжиною самыхъ пламенныхъ поцѣлуевъ.

— Братъ, мы спасены! всѣ спасены!.. воскликнулъ онъ, задыхаясь отъ радостнаго волненія:—всѣ спасены... я... ты... твоя жена... моя... ахъ, Боже мой... Сонечка! Sophie! заголосилъ онъ, выпуская изъ объятій удивленнаго Пигунова и устремляясь въ дальнія комнаты: — Sophie... другъ мой... гдѣ ты?.. Радость! радость!..

Николай Степанычъ влетѣлъ какъ бомба въ спальню; но тутъ онъ остановился, озадаченный неожиданнымъ зрѣлищемъ: на постели лежала Софья Петровна; закрывъ лицо руками, она плакала.

— Сонечка, что съ тобою?.. Что это значитъ... слышишь: Мирзоевъ получилъ мѣсто!.. Мы спасены... о чемъ ты плачешь?..

Софья Петровна зарыдала еще громче.

— Сонечка, развѣ ты не слышишь? Петръ Петровичъ получилъ свое мѣсто! Мы пристроены!.. Я сейчасъ къ нему ѣду!.. но что съ тобою?.. ради Бога... Я ничего не понимаю... довершилъ супругъ, въ которомъ радость и чувство недоумѣнія вступили въ борьбу. Не получая отвѣта, онъ нѣжно нагнулся къ женѣ; Софья Петровна, казалось, только этого и ожидала; она быстро обвила руками шею мужа и залилась пуще прежняго.

— Nicolas... проговорила она, рыдая; — Nicolas, я ужасно передъ тобою виновата!..

— Виновата?.. Какъ? въ чемъ?.. Полно, мой другъ; это ничего, ничего... произнесъ Николай Степанычъ, отвѣчая поцѣлуями на ласки жены.

— Но, другъ мой... я... я скрывала отъ тебя... сказала Софья Петровна, ободренная ласками мужа, веселымъ выраженіемъ его лица и частію также извѣстіемъ о полученіи мѣста: — я нѣсколько разъ собиралась сказать тебѣ и не рѣшалась...

— Но что же такое? что?.. улыбаясь, спросилъ супругъ.

— Другъ мой, я должна триста цѣлковыхъ, сегодня срокъ... madame Poupon обѣщала непремѣнно пріѣхать...

Тутъ Софья Петровна остановилась; нетерпѣливое движеніе мужа, который отскочилъ два шага назадъ, его взгляды, — все это отняло у ней силы; голова ея опрокинулась назадъ, станъ судорожно изогнулся, изъ груди вырвался болѣзненный, замирающій стонъ.

Ударъ, полученный Николаемъ Степанычемъ, былъ столько же силенъ, сколько и неожиданъ; при всемъ томъ, онъ все-таки не могъ окончательно истребить радость, наполнявшую за минуту передъ тѣмъ грудь супруга; остатка этой радости было достаточно, чтобы умягчить и даже подавить негодованіе Николая Степаныча; къ этому отчасти способствовало желаніе предупредить истерику, которая могла продлиться очень долго и слѣдовательно могла задержать супруга, мысленно стремившагося къ Петру Петровичу.

— Что сдѣлано, того не воротишь... Слезами и вздохами мы, другъ мой, ничему не поможемъ! сказалъ онъ, снова приближаясь къ женѣ:—черезъ недѣлю, много черезъ двѣ, я получаю мѣсто... Мы представимъ это мадамъ Пупонъ... надѣюсь, она подождетъ... Въ противномъ случаѣ, мы назначимъ ей проценты... Повторяю тебѣ, Сонечка, слезами мы ничего не сдѣлаемъ, успокойся, прошу тебя, успокойся!..

Прекративъ такими рѣчами истерику при самомъ ея зародышѣ, Николай Степанычъ торопливо одѣлся; тутъ

только вспомнилъ онъ о Пигуновѣ. Онъ нашелъ брата все въ той же комнатѣ; но Аркадій Иванычъ уже не расхаживалъ взадъ и впередъ; казалось, даже самое волненіе его какъ будто угомонилось; онъ стоялъ передъ зеркаломъ и мрачно вперилъ взоръ на маленькій столикъ, придвинутый къ зеркалу; предметомъ его вниманія былъ, повидимому, не столько столикъ, сколько находившіеся на немъ бронзовые подсвѣчники и столовые часы, украшенные бронзовымъ козломъ, — предметы, которые поднесъ Коко Свищовъ дядѣ и теткѣ въ день новоселья. При видѣ вошедшаго Николая Степаныча, Пигуновъ обратилъ къ нему взглядъ полный грусти и укоризны, и снова перенесъ глаза къ часамъ и подсвѣчникамъ. Николай Степанычъ объяснилъ себѣ по-своему взглядъ брата и поспѣшилъ его обнадежить: въ короткихъ словахъ онъ разсказалъ ему причину своей радости и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость поспѣшнаго отъѣзда.

— Черезъ двѣ недѣли я получаю мѣсто! слышишь ли, Аркадій?—получаю мѣсто! и первымъ моимъ дѣломъ, — клянусь тебѣ,—будетъ опредѣлить тебя!.. заключилъ Николай Степанычъ.

Но извѣстіе это встрѣтило невозмутимое равнодушіе со стороны Пигунова; вниманіе его принадлежало, казалось, больше, чѣмъ когда-нибудь, часамъ и двумъ подсвѣчникамъ. Николай Степанычъ снова ничего не понялъ. Онъ торопливо пожалъ руку брату и выбѣжалъ на крыльцо. Подозвавъ извощика, онъ сѣлъ, не торгуясь, и полетѣлъ въ Большую Подъяческую. Черезъ полчаса, дверь, обитая зеленымъ сукномъ, украшенная блестящими гвоздями и дощечкою съ надписью: «П. П. Мирзоевъ», отворилась передъ Николаемъ Степанычемъ.

— Баринъ дома?

— Дома, пожалуйте... сказалъ лакей.

Радость, наводнявшая душу помѣщика, приняла характеръ самаго необузданнаго восторга; не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, онъ высыпалъ въ руку лакея сдачу, полученную отъ извощика и, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ опомниться, устремился въ залу.

— Петръ Петровичъ, поздравляю! поздравляю! воскликнулъ онъ, едва увидѣлъ кузена: — я въ такомъ восторгѣ!.. Дорогой другъ, позвольте обнять и расцѣловать!.. заключилъ онъ, приводя въ дѣйствіе слова свои, на что потребовался съ его стороны довольно сильный прыжокъ, ибо, во-первыхъ, Мирзоевъ не былъ малъ ростомъ, во-вторыхъ спина его на волосъ не погнулась.

— Благодарю... очень вамъ благодаренъ!.. произнесъ Мирзоевъ, выказывая спокойствіе, свойственное сильнымъ характерамъ и высокимъ душамъ; спокойствіе его было бы еще невозмутимѣе, еслибъ не примѣшивалось къ нему чувство неудовольствія, очевидно, возбуждаемое глупымъ восторгомъ провинціальнаго кузена. Но добродушный Фуфлыгинъ, по обыкновенію своему, ничего не замѣтилъ; онъ продолжалъ обнимать, цѣловать и жать руки Петру Петровичу; онъ остановился тогда только, когда Мирзоевъ схватился за парикъ, чуть-было не съѣхавшій на затылокъ.

— Виноватъ, дорогой Петръ Петровичъ... виноватъ... Но я въ такомъ восхищеніи... вы, конечно, поймете... Сердце мое переполнено радостью... все это случилось такъ неожиданно... простите меня!..

Петръ Петровичъ молча поправилъ парикъ и очки одной этой секунды было довольно ему, чтобы снова, представить образецъ монументальнаго величія и достоинства.

— Кто же сообщилъ вамъ обо всемъ этомъ?.. спросилъ онъ.

— Кто сообщилъ? братъ Аркадій!.. Представьте, приходитъ сегодня утромъ и разсказываетъ!.. Я былъ пораженъ неожиданно; можете судить о моей радости!.. Кстати, Петръ Петровичъ, надо намъ непремѣнно что-нибудь сдѣлать для брата. Онъ, право, очень добрый; притомъ его обстоятельства ужасны; онъ меня тронулъ сегодня до глубины души! необходимо помочь ему; мы опредѣлимъ его въ наше Общество.

Холодная улыбка промелькнула на губахъ Мирзоева.

— Надо подумать прежде о вашемъ опредѣленіи, мой почтеннѣйшій... сказалъ онъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія, съ живостью возразилъ Николай Степанычъ:—но я говорю о братѣ потому, что самъ я, Петръ Петровичъ, уже опредѣленъ нѣкоторымъ образомъ.

— Ну... ну, Богъ знаетъ!.. произнесъ кузенъ Мирзоевъ.

Хотя въ этихъ словахъ и даже въ интонаціи, съ какою были они произнесены, не заключалось ничего особеннаго, они произвели на Николая Степаныча дѣйствіе ушата холодной воды, нежданно вылитаго на голову.

— Какъ?.. Что вы хотите этимъ сказать?.. спросилъ онъ, выкатывая удивленные глаза.

— Я хочу сказать, дѣла такого рода не дѣлаются такъ скоро...

— Но однакожъ... я думаю... недѣли черезъ двѣ или три... проговорилъ, ободрясь, Фуфлыгинъ.

— Что вы, помилуйте! это невозможно! возразилъ Мирзоевъ.

Переходъ отъ радости къ тому, что испытывалъ въ настоящую секунду Николай Степанычъ, былъ похожъ на то, еслибъ онъ вынырнулъ изъ кипятка и непосредственно нырнулъ въ студеную воду. Отрезвившись, можно сказать, окончательно отъ бѣшенаго восторга, онъ въ первый разъ замѣтилъ, что въ тонѣ и манерѣ Петра Петровича было что-то особенное; открытіе это мигомъ наполнило смущеніемъ его душу; Петръ Петровичъ попросилъ его сѣсть.

— Вотъ въ чемъ дѣло, мой почтеннѣйшій: я наводилъ уже справки въ нашемъ Обществѣ, касательно имѣющихся въ немъ вакантныхъ мѣстъ... началъ Мирзоевъ, въ голосѣ котораго и даже способѣ выражаться проглядывала какая-то офиціальность:—такихъ мѣстъ, въ настоящую минуту, къ сожалѣнію у насъ не имѣется...

— Но, Боже той, какъ же это!.. вѣдь вы писали мнѣ, что мѣсто имѣется уже въ виду!.. произнесъ Николай Степанычъ, откидываясь назадъ.

— Ну, да, имѣлось въ виду мѣсто... мѣсто смотрителя дома... Какъ вамъ извѣстно, я поспѣшилъ занять его, чтобы въ свою очередь быть вамъ полезнымъ... По-

вѣрьте, почтеннѣйшій, я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ... Но только вы понимаете, это не можетъ исполниться такъ скоро, какъ вы думаете...

— Но вы говорили—черезъ двѣ недѣли.

— Я самъ такъ думалъ... Но, наведя справки, оказалось, что это невозможно... Я былъ бы очень радъ, но посудите сами: что жъ мнѣ дѣлать, когда нѣтъ вакантныхъ мѣстъ?.. Я, право не виноватъ; и наконецъ, еслибъ даже не встрѣтилось этого обстоятельства, скажу вамъ откровенно, опредѣлить васъ было бы все-таки трудно...

— Трудно?.. машинально повторилъ Николай Степанычъ, облитый съ головы до ногъ холоднымъ пòтомъ.

— Да, трудно... трудно по многимъ причинамъ, спокойно-разсудительнымъ тономъ продолжалъ кузенъ Мирзоевъ: — вамъ извѣстно, я самъ недавно поступилъ на службу въ Общество; въ короткій промежутокъ времени получилъ два мѣста... мнѣ, слѣдовательно, было бы невозможно, такъ сказать... но это послѣдняя причина... подхватилъ онъ, видя, что щеки собесѣдника побагровѣли и глаза заморгали:—это послѣднее дѣло... повторяю: я радъ душою... Главное затрудненіе вотъ въ чемъ, мой почтеннѣйшій: Медіоланскій узналъ какъ-то, что Кокò Свищовъ, надѣлавшій ему столько непріятностей, доводится вамъ роднымъ племянникомъ,—вотъ главная причина... послѣ этого, вы понимаете, Медіоланскій даже слушать не захочетъ; я истинно объ этомъ сожалѣю... истинно...

— Пропалъ! пропалъ! пропалъ! воскликнулъ Николай Степанычъ, постепенно возвышая голосъ и схватывая себя за голову.

— Э, полноте! сказалъ Мирзоевъ, поправляя завитки на вискахъ парика:—не слѣдуетъ такъ падать духомъ... все это можетъ еще поправиться... со временемъ.

— Со временемъ! закричалъ Николай Степанычъ, вскакивая съ дивана:—со временемъ!.. Но развѣ вы не знаете моихъ обстоятельствъ? Развѣ вамъ неизвѣстно, что у меня ничего почти не осталось?.. Нѣтъ, Петръ Петровичъ, это невозможно! Какъ хотите, но вы должны опредѣлить меня! Я истратилъ три тысячи для этого!.. купилъ дачу, дѣлалъ подарки...

— Помилуйте, почтеннѣйшій, кто же могъ все это предвидѣть...

— Ваше дѣло, сударь, было предупредить меня! запальчиво прервалъ Николай Степанычъ, но въ ту же секунду спохватился и продолжалъ, умягчая голосъ: — Петръ Петровичъ, войдите въ мое положеніе! Я человѣкъ семейный... что же мнѣ дѣлать? Безъ мѣста мнѣ невозможно!.. и наконецъ, вы меня обнадежили... Я совершенно вамъ ввѣрился! Истратился совершенно! У меня всего теперь семьдесятъ цѣлковыхъ...

— Послушайте, почтеннѣйшій, прервалъ въ свою очередь Мирзоевъ, сопровождая слова свои взглядомъ, отъ котораго могло скиснуться самое свѣжее молоко: — конечно, весьма сожалѣю... Но, понимаете, съ другой стороны не могу же я входить въ ваши дѣла... Вы должны были жить, соображаясь съ вашими средствами... Это ужъ ваше дѣло... впрочемъ, я не понимаю вашихъ жалобъ касательно недостатка средствъ... У васъ есть еще дача... Принимая въ соображеніе обстоятельства ваши, я вамъ охотно ее уступаю...

— Это очень великодушно съ вашей стороны... очень великодушно! произнесъ Фуфлыгинъ, передъ которымъ кузенъ предсталъ вдругъ въ настоящемъ свѣтѣ:—я долженъ вамъ сказать, я также наводилъ справки... Дача эта стоитъ не тысячу шестьсотъ цѣлковыхъ, а шестьсотъ ассигнаціями!.. Вашъ Медіоланскій надулъ меня и больше ничего!..

— Милостивый государь! сказалъ, выпрямляясь кузенъ.

— Да, милостивый государь, онъ надулъ меня... Вашъ Медіоланскій плутъ и больше ничего.

— Милостивый государь, онъ мой начальникъ... и я не позволю...

— Плевать я хочу на все это! онъ мошенникъ! да, мошенникъ!.. вскричалъ Николай Степанычъ, у котораго бѣшенство отуманило вдругъ разсудокъ: — я теперь ясно вижу; вы все это знали... да, знали!..

— Какъ? вы осмѣливаетесь? проговорилъ Петръ Петровичъ, теряя сановитость и отступая къ двери кабинета.

— Да, я осмѣливаюсь! осмѣливаюсь сказать, что вы все знали!.. мало того: вы дѣйствовали заодно... это ясно... вы также меня надули!.. заголосилъ окончательно потерявшій голову Николай Степанычъ:—вамъ хотѣлось только получить мѣсто! вы только этого добивались... вы точно такъ же меня надули... вы всѣ мошенники!..

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось это объясненіе; но въ ту минуту, какъ Николай Степанычъ, начинавшій уже сильно размахивать руками, сдѣлалъ шагъ къ кузену, Петръ Петровичъ скрылся въ дверяхъ кабинета и заперъ ихъ за собою. Николай Степанычъ ринулся за нимъ съ поднятыми кулаками, но замокъ щелкнулъ два раза.

— Мошенникъ! мошенникъ!.. крикнулъ Николай Степанычъ, пославъ два яростныхъ удара кулакомъ, сначала въ дверь, потомъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, въ свою собственную голову.

Освѣживъ себя такимъ образомъ, онъ пришелъ въ сознаніе ровно на столько, чтобы схватить шляпу и выбѣжать изъ квартиры. Но рѣшительно не помнилъ онъ, какъ спустился съ лѣстницы, какъ выбрался на подъѣздъ и какъ вышелъ на Екатерининскій каналъ. Онъ очнулся на Вознесенскомъ мосту и пошелъ прямо по Вознесенскому проспекту, не отдавая себѣ, впрочемъ, отчета, почему именно принялъ такое направленіе. Многіе изъ шедшихъ ему на встрѣчу останавливались и раскрывали удивленные глаза; но Николай Степанычъ ничего не замѣчалъ, ни на кого не обращалъ вниманія; самый Петербургъ потерялъ для него, казалось, свою чарующую прелесть; улицы, зданія и самое небо, — принимали въ глазахъ его тотъ тусклый, гемороидальный цвѣтъ, который, вмѣстѣ съ достоинствомъ, составлялъ отличіе ненавистной физіономіи кузена Мирзоева. Въ головѣ его происходила такая сумятица, а въ вискахъ такъ страшно шумѣло, что онъ не замѣтилъ даже, какъ передъ самымъ почти носомъ его остановилась коляска и изъ нея выпрыгнулъ Кокò...

— Дядюшка!.. Но что съ вами?.. Ахъ, Боже мой, у васъ шляпа надѣта задомъ напередъ...

— Прочь! прочь! произнесъ Николай Степанычъ, отталкивая племянника.

— Что это значитъ? спросилъ озадаченный Кокò.

— Я знать васъ всѣхъ не хочу!.. прочь! вы не родные,—злодѣи!..

— Я васъ не понимаю, дядюшка!.. Что случилось?— вѣрно какое-нибудь несчастіе?.. проговорилъ Кокò, торопливо перенося хлыстикъ въ лѣвую руку и пропуская правую подъ локоть дяди, который, въ эту минуту, дѣйствительно нуждался въ поддержкѣ.

— Кокò, я пропалъ! воскликнулъ Николай Степанычъ, въ которомъ негодованіе неожиданно смѣнилось страшнымъ отчаяніемъ; сердце его, переполненное горемъ, разрывалось на части; мудрено ли, что онъ почувствовалъ потребность облегчить его? Онъ высказалъ въ короткихъ словахъ всѣ продѣлки Мирзоева.

— Превосходно! радостно воскликнулъ Кокò, щелкая хлыстомъ по панталонамъ.

— Какъ?..

— Я въ восхищеніи!.. подхватилъ племянникъ: — я давно добираюсь до этого негодяя!.. Погодите, дядюшка; о, вы увидите! ахъ, онъ мерзавецъ! заключилъ Коко, яростно размахивая хлыстомъ; и прежде чѣмъ Николай Степанычъ успѣлъ опомниться, онъ бросился въ коляску, закричалъ: «пошелъ!» и скрылся изъ виду.

Предчувствіе новыхъ несчастій смутно промелькнуло въ разстроенной душѣ Николая Степаныча; мысли его окончательно спутались; чѣмъ больше силился онъ прояснить ихъ, тѣмъ дальше убѣгали онѣ въ какой-то лабиринтъ, потопленный непроницаемымъ мракомъ. Душевныя силы его, неподдержанныя разсудкомъ, ослабли: вмѣстѣ съ ними, казалось, ослабло и самое тѣло; мы заключаемъ это потому, что онъ неожиданно потребовалъ извощика и велѣлъ везти себя какъ можно скорѣе на Петербургскую сторону.

Путешествіе произвело, какъ и всегда впрочемъ, свое благодѣтельное дѣйствіе. Тряскія дрожки и скверная мостовая сдѣлали то, чего при всемъ стараніи не могъ достигнуть Николай Степанычъ: мозгъ его, потрясенный до

основанія. улегся самъ собою и въ мысляхъ стало яснѣе. Но возвратившееся сознаніе усилило только душевную пытку; онъ обсуждалъ теперь все свое несчастіе, и съ каждымъ поворотомъ колеса болѣе и болѣе падалъ духомъ. Нравственное разстройство его дошло уже до послѣдняго градуса, когда дрожки остановились передъ рѣшоткой крошечнаго садика, украшавшаго ненавистную дачу.

Первый предметъ, поразившій Николая Степаныча, были Леша и Поша, игравшіе на пескѣ дорожки. Видъ невинныхъ малютокъ, которые дѣлали песочные пирожки и не подозрѣвали бури, ревѣвшей въ душѣ родителя и грозившей всѣхъ ихъ уничтожить, — надрѣзалъ, какъ ножомъ, сердце Николая Степаныча. Слезы хлынули изъ глазъ его, и онъ поспѣшилъ войдти въ домъ. Софья Петровна, съ платкомъ въ рукѣ, сидѣла печально у окна.

— Сонечка, мы пропали!.. пропали!..

Вотъ все, что могъ произнести Фуфлыгинъ; послѣ того онъ зашатался и покатился на диванъ. Рыданія жены привели его въ память; онъ взялъ ее за руку и разсказалъ, какъ могъ, обо всемъ случившемся.

— Я, право, мѣшаюсь... съ ума схожу... сказалъ онъ, принимаясь расхаживать по комнатѣ:—что намъ дѣлать? Ахъ, Боже мой, а эта модистка!..

— Она только-что здѣсь была... возразила, горько вскликнывая, Софья Петровна: — она ждать не хочетъ... Она объявила... да, она сказала это, что завтра же подастъ въ полицію... Nicolas, другъ мой, я во всемъ виновата! подхватила она, опускаясь на руки мужу: — но ничего бы этого не случилось, еслибъ не Мирзоева... m-me Poupon мнѣ все передала... Мирзоева сказала ей, что я богата, и нарочно заставляла меня покупать, чтобы смягчить модистку, которой она должна... О, эта ужасная женщина!.. я ее ненавижу!.. ненавижу!.. заключила она, выказывая энергію, которой вовсе нельзя было ожидать отъ женщины, убитой горемъ.

Увидя, что жена можетъ держаться на ногахъ безъ его помощи, Николай Степанычъ медленно опустился на диванъ и тоскливо подперъ голову ладонью.

— Гдѣ братъ?.. спросилъ онъ слабымъ голосомъ.

— Онъ давно уѣхалъ... Послѣ твоего отъѣзда, онъ разсказалъ мнѣ о своемъ положеніи... О, это ужасно!.. онъ такъ глубоко тронулъ меня; не зная, какъ помочь, я отдала ему два подсвѣчника и часы, которые намъ подарилъ Коко... Онъ сказалъ, что это можетъ спасти его...

Николай Степанычъ слушалъ молча и притупленно смотрѣлъ въ полъ; съ послѣдними словами жены, онъ поднялъ голову и возвелъ глаза къ потолку.

— О, зачѣмъ, зачѣмъ мы сюда пріѣхали! воскликнулъ онъ, всплеснувъ руками, опустилъ голову и вдругъ залился слезами.

XI.

САМАЯ ЛУЧШАЯ, ПОТОМУ ЧТО—САМАЯ КОРОТКАЯ.

Остатокъ дня и послѣдовавшая затѣмъ ночь не принесли ни малѣйшей пользы разстроенной душѣ и сокрушеннымъ чувствамъ Николая Степаныча. Какъ путникъ, заблудившійся въ мрачномъ, глухомъ лѣсу, онъ тщетно старался привести въ порядокъ мысли, разбѣгавшіяся отъ ужаса воображенія, тщетно силился отыскать дорогу; въ какую бы сторону ни устремлялись мысли, онѣ приводили его къ тому только заключенію, что ему предстояло погибнуть въ ту самую минуту, какъ исчезнетъ послѣдній цѣлковый. Оставалось одно средство: написать дядюшкѣ Изосиму Петровичу, принести ему во всемъ полное раскаяніе и принять его предложеніе управлять винокуреннымъ заводомъ. Но Софья Петровна слышать не хотѣла объ этомъ; всякій разъ, какъ заходила рѣчь о такомъ предметѣ, истерическій хохотъ потрясалъ слухъ Николая Степаныча. Доводы, приводимые Софьей Петровной, не были, впрочемъ, лишены основанія: она охотно соглашалась даже мести сараи винокуреннаго завода, но для этого винокуренный заводъ долженствовалъ находиться гдѣ-нибудь въ глухой, необитаемой степи: но возвратиться въ свой уѣздъ, принять названіе управительницы въ томъ кругу, гдѣ прежде играла она не послѣднюю

роль, подвергнуться насмѣшкамъ, которыми осыплетъ ее каждый, передъ кѣмъ такъ неумѣренно хвастала она своею петербургскою роднею, связями, и съ такою увѣренностію говорила о мѣстѣ, ожидавшемъ мужа въ столицѣ,—ни за что въ свѣтѣ!.. Лучше смерть, чѣмъ позоръ! Неизвѣстно, на сколько соглашался съ такими доводами Николай Степанычъ; знаемъ только, что онъ молчалъ, дико блуждалъ глазами, часто схватывалъ себя за виски, страшно напрягалъ свои мыслительныя способности,—и все-таки ничего не придумывалъ къ улучшенію отчаяннаго своего положенія. Голова его горѣла, какъ въ огнѣ, и онъ поминутно прикладывалъ ладонь къ лысинѣ.

Замѣтивъ, что движеніе это стало повторяться чаще и чаще, Софья Петровна посовѣтовала мужу выйдти на воздухъ и освѣжиться. Николай Степанычъ надѣлъ пальто, галстухъ, взялъ шляпу и вошелъ въ садикъ.

Каждый пойметъ, я думаю, какъ непріятно должна была поразить его вертлявая фигурка Сюсюкова, торчавшая подъ самыми окнами; дерзость человѣка, осмѣлившагося два раза пожать руку женѣ, въ чемъ откровенно созналась Софья Петровна, описывая ссору свою съ кузиной, — мигомъ предстала разгоряченному воображенію Николая Степаныча.

— Милостивый государь... произнесъ онъ, принимая гордую осанку и отступая шагъ назадъ; онъ еще значительнѣе выпрямился и еще отступилъ шагъ.

— Ахъ, мосье Фуфлыгинъ, вы меня извините, я такъ рано!.. заговорилъ вертлявый юноша, поспѣшно идя къ нему на встрѣчу,—дерзость, возмутившая до такой степени Николая Степаныча, что онъ отступилъ еще шагъ:—но случилось ужасное несчастіе... я хотѣлъ предупредить васъ... вы ничего не знаете?

— Нѣтъ... но повторяю вамъ, милостивый государь, я удивляюсь...

— Я самъ былъ ужасно пораженъ, подхватилъ скороговоркою Сюсюковъ:—вчера утромъ произошла страшная исторія у Мирзоевыхъ: Коко̀ Свищовъ сдѣлалъ ужасный скандалъ... Не знаю, что было, — но я зашелъ сегодня

утромъ къ Свищову,—представьте: онъ схваченъ нынѣшнею ночью и сидитъ теперь на гауптвахтѣ...

— Чортъ съ нимъ!.. я очень радъ!.. чортъ съ нимъ! энергически произнесъ Николай Степанычъ.

— Да-съ, онъ ужаснѣйшій повѣса; но это еще не все... не все, мосье Фуфлыгинъ, продолжалъ скороговоркою юноша:—я пріѣхалъ собственно предупредить васъ... Вы должны, какъ можно скорѣе, видѣться съ племянникомъ; въ бѣшествѣ своемъ противъ Петра Петровича, онъ ѣздилъ вчера, послѣ скандала, по всему городу и разсказывалъ вашу исторію... это можетъ повредить вамъ.. Онъ всѣмъ разсказываетъ, что вы не получили мѣста: всѣмъ рѣшительно и даже... Вчера вечеромъ, я знаю, приходилъ къ Петру Петровичу мебельщикъ, у котораго вы брали мебель... Свищовъ даже ему разсказалъ...

— Какъ? мебельщику?.. Ахъ, Боже мой!.. ахъ! вскричалъ Николай Степанычъ, схватывая себя за голову и какъ бы опасаясь, чтобы, при этомъ извѣстіи, она не скатилась съ плечъ: — сейчасъ! сію минуту ѣду... ѣду... Какая гауптвахта?.. гдѣ она... гдѣ?..

— У Соляного городка, что противъ Лѣтняго сада, торопливо возвѣстилъ юноша.

— Сейчасъ... Ахъ, Боже мой... Вы меня извините, жена больна... принять никакъ не можетъ... Извините... подхватилъ Николай Степанычъ, схватывая за руку Сюсюкова и увлекая его изъ палисадника:—извините меня... очень вамъ благодаренъ... я самъ ужасно разстроенъ... Извощикъ! извощикъ!.. Ахъ, Боже мой... Не угодно ли я подвезу васъ?..

И, не дождавшись отвѣта, Николай Степанычъ вскочилъ на дрожки и поскакалъ къ Лѣтнему саду.

Сильное сотрясеніе, доставленное мостовою и дрожками, снова произвело благодѣтельное дѣйствіе на Николая Степаныча.

Въ началѣ своей поѣздки онъ бѣшено замышлялъ бросить племянника на полъ, надавать ему пощечинъ и даже раздавить его, какъ вредную, ядовитую гадину; къ концу поѣздки, онъ чувствовалъ только невыносимую тоску подъ ложечкой и вмѣстѣ съ тѣмъ какую-то неловкость и смуще-

ніе, которое окончательно овладѣло имъ, когда остановился онъ передъ гауптвахтой. Титулъ дяди открылъ ему тотчасъ же доступъ къ арестованному племяннику; его ввели въ огромныя сѣни, наполненныя солдатами, и указали на дверь; дверь выкрашена была темною масляною краской, и ясно, слѣдовательно, обозначалась на ней мѣдная, сверкающая ручка; но потому ли, что переходъ изъ солнечнаго свѣта въ темныя сѣни былъ слишкомъ рѣзокъ и отуманивалъ глаза Николаю Степанычу, или волненіе его слишкомъ было сильно, онъ протянулъ нѣсколько разъ руку прежде, чѣмъ попалъ на мѣдную рукоятку двери. Онъ очутился въ маленькой комнатѣ съ окномъ, заслоненнымъ рѣшеткой; сосновый столъ, стулъ и старый кожаный диванъ составляли всю мебель этой кельи. На диванѣ, высоко поднявъ ноги, лежалъ Коко; онъ весело насвистывалъ польку и выбивалъ хлыстикомъ ускоренный тактъ по своимъ панталонамъ.

Шумъ, произведенный вошедшимъ Николаемъ Степанычемъ, заставилъ его обернуться. Увидѣвъ дядю, Кокò испустилъ восторженное ура, вскочилъ и повисъ на его шеѣ.

— Дядюшка, вы просто молодецъ и добрый, славный товарищъ! Спасибо вамъ! Вы первый меня навѣстили... Я всегда зналъ, что вы меня любите! Ну, ужъ за то и задалъ же я вчера этой канальѣ Мирзоеву!.. кричалъ Кокò, подпрыгивая на каблучкахъ и въ сотый разъ усиливаясь напечатлѣть поцѣлуй въ полныя щеки дяди, который такъ ошалѣлъ, что слова не могъ вымолвить: — да, задалъ я ему! отмстилъ за васъ!.. Вы не печальтесь, что я здѣсь сижу, это ничего!.. вздоръ!.. Но скажите, каковъ негодяй?.. а?.. Не нашелъ ничего лучшаго, какъ кинуться въ полицію и жаловаться!.. Впрочемъ, и то сказать надо: я отдѣлалъ его порядочно: но главное, онъ испугался... Я сказалъ ему, что это такъ только, интродукція; что гдѣ бы то ни было, на улицѣ, въ театрѣ, въ клубѣ,—словомъ при первой встрѣчѣ,—я переломаю ему ребра!.. Вотъ главное, отчего онъ испугался и бросился жаловаться!.. Вы видите, дядя, что вы во мнѣ не ошиблись,—да! вы меня любите, — и я васъ люблю! — да

вы всегда найдете во мнѣ, — я говорю вамъ это отъ искренняго сердца, и докажу при случаѣ,—да! вы найдете всегда во мнѣ истиннаго друга, — всегда!.. заключилъ Кокò, разбѣгаясь, чтобы прыгнуть и снова обнять дядю.

Но Николай Степанычъ отступилъ два шага, скрестилъ на груди руки и мрачно насупилъ брови.

— Не обнимай меня, я не хочу этого! произнесъ онъ, стараясь принять грустный, но не сердитый голосъ, съ цѣлью вѣрнѣе подѣйствовать на племянника: — поведеніе твое не доказываетъ дружбы; ты дѣлаешь мнѣ однѣ только непріятности...

— Непріятности!.. я... Что вы, дядя! Если вамъ непріятно, что я отдѣлалъ Мирзоева, — послѣ этого вы просто...

— Зачѣмъ разсказываешь ты всѣмъ, что я не получилъ мѣста?.. возвысилъ голосъ Николай Степанычъ: — зачѣмъ ты это дѣлаешь?.. Я запрещаю тебѣ говорить объ этомъ...

— Ну, нѣтъ, дядюшка, молода еще, въ Саксоніи не была! какъ говорится. Мнѣ никто еще не запрещалъ! насмѣшливо прервалъ Кокò:—а въ этомъ случаѣ, позвольте вамъ сказать, я по-пусту васъ слушать не буду, да! Какъ вы себѣ не хмурьте бровей, я все-таки всѣмъ буду кричать, что Мирзоевъ надулъ васъ! что онъ провелъ васъ за носъ и передернулъ у васъ мѣсто! всѣмъ рѣшительно буду разсказывать!..

— Но развѣ ты не знаешь, что этимъ ты меня губишь? произнесъ дядя, понижавшій голосъ по мѣрѣ того, какъ голосъ племянника возвышался:—зачѣмъ разсказалъ ты все мебельщику!.. Ты знаешь, при тебѣ это было, онъ далъ мнѣ мебель потому только, что я въ скоромъ времени долженъ былъ получить мѣсто! Онъ непремѣнно ее назадъ потребуетъ!..

— А пускай его требуетъ! возразилъ Кокò, котораго ничего не затрудняло.

— Какъ?..

— А такъ, очень просто; надавайте ему тузовъ, и пускай беретъ свою мебель!.. Это даже будетъ очень хорошо; мебель, надо вамъ сказать, у васъ очень скверная.

— Какая бы она ни была, я не могу безъ нея обойдтись...

— Вздоръ!

— Какъ вздоръ?

— А также: вздоръ! со мною, по крайней мѣрѣ, двадцать разъ бывали подобныя исторіи; видите, не пропалъ я отъ этого!.. И наконецъ, если уже на то пошло, неужели вы думаете, я допущу васъ и тетушку сидѣть на полу?.. подхватилъ Кокò, въ которомъ такая мысль возбудила припадокъ смѣха.—Плюньте, говорю вамъ, на все это! У меня тутъ есть въ карманѣ одна штука, которая не дастъ вамъ сѣсть на полъ, вотъ она! взгляните: вексель въ три тысячи цѣлковыхъ, послѣзавтра срокъ, и я получаю деньги!..

— Послѣзавтра?.. пробормоталъ Николай Степанычъ, сердце котораго сильно дрогнуло.

— Да, послѣзавтра; и если я сказалъ, что люблю васъ, такъ докажу на дѣлѣ; да! я надѣюсь, послѣзавтра меня выпустятъ отсюда; явитесь ко мнѣ пораньше утромъ, я дамъ вамъ взаймы тысячу цѣлковыхъ; сочтемся когда-нибудь...

Мысли, душа и сердце Николая Степаныча перевернулись вверхъ дномъ; не давъ докончить племяннику, онъ раскрылъ объятія и бросился къ нему на шею; минутъ пять, по крайней мѣрѣ, онъ слова не могъ выговорить и только рыдалъ, къ великому изумленію Кокò, который надрывался со смѣху и рѣшительно не постигалъ того, что происходило съ чудакомъ-дядей.

Движимый безпредѣльною признательностью, Николай Степанычъ поспѣшилъ объяснить племяннику всю огромность его услуги; дѣйствіемъ такого объясненія было то, что Кокò поклялся выручить дядю и, ужъ коли на то пошло, дать ему не тысячу, а двѣ,—всю сумму, если потребуется. Онъ просилъ только посидѣть еще часокъ, подождать завтрака и выпить бокалъ шампанскаго за здоровье всѣхъ добрыхъ ребятъ и за истребленіе негодяя Мирзоева.

— Душа моя... милый мой... умиленно проговорилъ Николай Степанычъ, стараясь разсмотрѣть племянника

сквозь слезы, наполнявшія глаза.—Сонечка безпокоится... ты самъ можешь понять, какъ я спѣшу ее обрадовать... ты все теперь знаешь!.. пойми, что должна она испытывать въ настоящую минуту!.. Нѣтъ, ужъ отпусти меня, мой добрый, дорогой мой Коко̀...

— Ну, Богъ съ вами, сказалъ Коко̀, весело хлопая въ ладонь дяди:—итакъ, послѣзавтра!..

Они обнялись еще разъ и расталась. Первою мыслью Николая Степаныча, при выходѣ на улицу, было купить огромнѣйшій сладкій пирогъ и торжественно поднести его женѣ и дѣтямъ; но нетерпѣніе сообщить семейству радостную вѣсть побѣдило такое желаніе, и онъ понесся на Петербургскую сторону.

Предоставляю вамъ судить о томъ, что сдѣлалось съ Софьей Петровной послѣ разсказа мужа. Не говоря уже о Лёшѣ и Пошѣ, но даже самыя стѣны полуобвалившейся дачи, казалось, повеселѣли. Радость, сіявшая въ глазахъ семейства, окрашивала радужными цвѣтами всѣ предметы. Рѣшено было съ этой минуты не покупать ничего лишняго, соблюдать страшную экономію и пустить въ ходъ всѣ средства, чтобы найдти мѣсто, которое дало бы возможность Николаю Степанычу жестоко посмѣяться надъ Мирзоевымъ и даже наказать его, въ случаѣ если это вздумается.

На другой день Николай Степанычъ, не перестававшій возносить племянника и даже ставившій его въ примѣръ дѣтямъ, выразилъ желаніе съѣздить на гауптвахту и навѣстить арестанта; но у Софьи Петровны болѣла голова, и онъ остался. Головная боль была однакожъ не такъ сильна, чтобы могла омрачить веселость, бившую фонтаномъ въ груди Николая Степаныча; послѣ обѣда онъ предложилъ всему семейству прогулку въ лодкѣ. Вообще весь этотъ день проведенъ былъ также пріятно, какъ первые дни пребыванія въ Петербургѣ. Не знаю, какъ Софья Петровна, но что касается до Николая Степаныча, то въ эту ночь онъ спалъ крѣпчайшимъ сномъ вплоть до восьми часовъ. Сонъ его продлился бы вѣроятно еще долѣе, еслибъ около этого времени не разбудила его кухарка.

— Чего тебѣ, вымолвилъ онъ, сладко потягиваясь.

— Васъ спрашиваютъ...

— Кто такой?

— Мебельщикъ.

— Тсс... тс... прошепталъ Николай Степанычъ, подымая палецъ и указывая на спавшую Софью Петровну:—сейчасъ; скажи, чтобъ подождалъ.

Онъ бережно выползъ изъ-подъ одѣяла, прошелъ въ сосѣднюю комнату и одѣлся, не выказывая ни малѣйшей торопливости.

— Гдѣ-жъ мебельщикъ? спросилъ онъ, появляясь на кухнѣ:—въ прихожей его нѣтъ. Куда же онъ дѣлся?..

— Онъ дожидаетъ на улицѣ, подлѣ рѣшетки палисадника, сказала кухарка.

Николай Степанычъ надѣлъ шляпу, прошелъ на балконъ и спустился въ садикъ. За рѣшеткой расхаживала взадъ и впередъ толстая, нахмуренная фигура въ синемъ длиннополомъ кафтанѣ; въ десяти шагахъ отъ нея находились два ломовые извощика, сидѣвшіе на своихъ длинныхъ дрогахъ. Николай Степанычъ не обратилъ на послѣднихъ вниманія.

— Здорово, любезный! Что такъ рано? спросилъ Николай Степанычъ тономъ человѣка, который держитъ за пазухой оружіе, способное приплюснуть и сокрушить врага.

— Мебель, сударь, пожалуйте... грубо и безъ обиняковъ возразила нахмуренная фигура.

— Что-жъ такъ?..

— А больше ничего, сударь, что мебель пожалуйте, которую взяли...

— Прекрасно, перебилъ Николай Степанычъ, выказывая хладнокровіе, которое сдѣлало бы честь самому Мирзоеву:—прекрасно: тебѣ сказали, братецъ, что я лишился мѣста, котораго ждалъ, не правда-ли? и сказали тебѣ объ этомъ Петръ Петровичъ и мой племянникъ... Но не думаешь ли ты, что въ Петербургѣ одно только мѣсто?..

— Какъ не быть мѣстовъ; только, доложу вамъ, это не наше дѣло... Мы потому только отпустили мебель, что

Петръ Петровичъ за васъ ручались... Какъ вамъ будетъ угодно, назадъ пожалуйте.

— Изволь, любезнѣйшій... съ великимъ удовольствіемъ; только вотъ что, промолвилъ Николай Степанычъ, перемѣняя насмѣшливо-саркастическій тонъ на ласковый:—если ты человѣкъ разсудительный, ты примешь въ соображеніе слѣдующее: я взялъ у тебя въ долгъ мебель, потому что у меня не случилось тогда денегъ... мнѣ изъ деревни не прислали... Но обстоятельства перемѣнились; я могу у тебя купить ее; мнѣ она не очень нравится,—но все равно, я куплю ее, чтобы не возиться лишній разъ... Говори: хочешь или нѣтъ?

Мебельщикъ раскрылъ удивленные глаза, и брови его расправились.

— Повторяю тебѣ: произнесъ Николай Степанычъ:— бери хоть сейчасъ свою мебель, или, если хочешь, продай мнѣ ее; сегодня часа въ два, три, около обѣда, можешь получить сполна всѣ деньги... Ну, что, согласенъ-ли?..

— Извольте, сударь; когда такъ, мы подождемъ съ нашимъ великимъ удовольствіемъ...

— Ну и прекрасно! сказалъ Николай Степанычъ:— тебѣ незачѣмъ даже, братецъ, возвращаться въ Петербургъ... Ты можешь подождать здѣсь въ трактирѣ... тутъ за угломъ... Слышишь же, въ два часа, или около того времени!..

Заключивъ такими словами, Николай Степанычъ повернулся спиной къ мебельщику и съ видомъ веселымъ и беззаботнымъ возвратился въ комнаты. Онъ слова не сказалъ женѣ о посѣщеніи гостинодворца. Онъ говорилъ только о предстоящемъ полученіи денегъ, о томъ, какъ ошибался, когда бранилъ милаго и добраго Коко̀, и дѣлалъ планы касательно скорѣйшаго опредѣленія своей особы на выгодное какое-нибудь мѣсто. Послѣ того онъ тотчасъ же отправился къ племяннику.

Извощикъ, взятый Фуфлыгинымъ, никогда еще, во всю свою жизнь, не возилъ такого веселаго сѣдока; во всю дорогу Николай Степанычъ распрашивалъ его о житьѣ-бытьѣ, о женѣ и дѣтяхъ; въ промежутки такихъ вопросовъ, Николай Степанычъ насвистывалъ разныя пѣ-

сенки и даже раза два разразился смѣхомъ, безъ всякой видимой причины. Достигнувъ города, онъ прежде всего велѣлъ ѣхать на гауптвахту. Но тамъ Кокò уже не было.

— Когда его выпустили? спросилъ обрадованный дядя.

— Не могу вамъ сказать, отвѣчалъ унтеръ-офицеръ:— мы только-что смѣнились съ вчерашнимъ карауломъ.

Николай Степанычъ стремглавъ поскакалъ въ Конюшенную.

«Я, однакожъ, очень радъ, что этотъ негодяй мебельщикъ разбудилъ меня, думалъ онъ, подымаясь по лѣстницѣ въ квартиру племянника:—милый мой повѣса Кокò, обрадовавшись свободѣ, того и смотри, упорхнетъ ни свѣтъ, ни заря... впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ... онъ меня любитъ, я знаю; мои обстоятельства ему извѣстны; онъ, безъ сомнѣнія, меня дожидается».

Николай Степановичъ позвонилъ.

Въ дверяхъ показалась совершенно незнакомая лакейская фигура.

— Что вамъ угодно? спросилъ лакей.

Николай Степанычъ хотѣлъ-было отвѣтить, но, услышавъ шаги въ квартирѣ племянника, ринулся въ прихожую, пробѣжалъ въ сосѣднюю комнату и чуть-было не сшибъ съ ногъ тучнаго господина съ крутыми сѣдыми завитками на вискахъ.

— Извините меня, милостивый государь, проговорилъ Фуфлыгинъ:—я спѣшилъ къ Кокò... мнѣ весьма нужно его видѣть.

— Ничего-съ... позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь?.. пробормоталъ незнакомецъ.

— Фуфлыгинъ... торопливо отвѣчалъ Николай Степанычъ, нимало не сомнѣваясь, что это былъ одинъ изъ пожилыхъ друзей Кокò, такъ безстыдно и нагло обкрадывавшихъ молодого человѣка:—позвольте же мнѣ въ свою очередь узнать?.. добавилъ онъ, снова обращаясь къ незнакомцу.

— Вакушинъ... возразилъ тотъ: — и, къ сожалѣнію, опекунъ этого мерзавца, этого негодяя Свищова...

— Милостивый государь, я его дядя! съ горячностью воскликнулъ Фуфлыгинъ.

— Весьма сожалѣю объ этомъ, сказалъ опекунъ.

— У всякаго свой вкусъ, милостивый государь, рѣзко возразилъ Николай Степанычъ:—я нимало объ этомъ не сожалѣю, и чтобы доказать вамъ... Кокò! Кокò.. заголосилъ онъ, съ живостью обращаясь къ сосѣдней двери.

— Какъ, развѣ вы не знаете? спросилъ опекунъ, выражая крайнее изумленіе.

— Что такое?

— Его ужъ нѣтъ...

— Какъ?

— Вы, стало-быть, ничего не знаете?

— Нѣтъ... пробормоталъ Николай Степанычъ, насквозь пронятый ознобомъ.

— Его нынѣшнюю ночь отправили въ Вятку съ жандармомъ.

— Не можетъ быть!.. раздирающимъ голосомъ прокричалъ Николай Степанычъ, потрясая головою, въ которой все вдругъ закружилось и завертѣлось.

— Очень сожалѣю, милостивый государь, проговорилъ опекунъ:—но это вѣрно; впрочемъ, если вы знаете вашего племянника и любите его,—вы поймете: такая поѣздка принесетъ ему пользу... большую пользу...

— Но деньги?.. Гдѣ же деньги?.. Я пріѣхалъ за деньгами!.. Онъ долженъ мнѣ денегъ!.. вскричалъ, какъ помѣшанный, Николай Степанычъ.

Опекунъ, въ свою очередь, бросилъ подозрительный взглядъ на дядю.

— Я этого ничего не знаю, милостивый государь... проговорилъ онъ холодно, отворачиваясь.

Но въ ту же секунду онъ долженъ былъ однакожъ обернуться назадъ, чтобы оказать помощь Николаю Степанычу, который грохнулся со всѣхъ ногъ на полъ. Не стану описывать вамъ, какъ опекунъ и лакей его приводили въ чувство бѣднаго дядю и сколько употребили на это времени. Достаточно сказать, они дѣлали все, что могли, и вели себя въ этомъ случаѣ очень добросовѣстно. Приведя его въ чувство, они свели его подъ руки съ лѣстницы и даже посадили на извощика.

Читатель! Когда встрѣтится тебѣ сидящій на ванькѣ

господинъ, болтающій въ разныя стороны ногами и съ лицомъ страшно багровымъ, которое склоняется на одно плечо, тогда какъ шляпа его сползаетъ на другое, — не спѣши бросать на него презрительный взглядъ,—не спѣши клеймить его позорнымъ именемъ негоднаго пьяницы!.. О, стократъ былъ бы счастливѣе теперь Николай Степанычъ, еслибъ хмѣль шумѣлъ въ головѣ его! Онъ чувствовалъ только, на сколько доставало сознанія, что въ головѣ его плескалась какая-то вода, и больше ничего! Съ полнѣйшимъ отсутствіемъ ясной, опредѣленной мысли, проѣхалъ онъ по Воскресенскому мосту и миновалъ грустную перспективу заборовъ Петербургской стороны.

Первые признаки сознанія пробудились въ немъ уже тогда, когда онъ подъѣзжалъ къ своей дачѣ, и то, впрочемъ, обязанъ онъ былъ этимъ мебельщику, тучная фигура котораго рисовалась уже передъ рѣшеткою палисадника.

Николай Степанычъ приказалъ извощику скорѣе повернуть за уголъ; онъ сунулъ ему первую попавшуюся монету и прошелъ задними дворами на свою кухню.

— Вотъ письмо, сударь, солдатъ принесъ... сказала кухарка, выходя къ нему на встрѣчу.

Письмо было отъ племянника; онъ извѣщалъ о деньгахъ; передъ отправленіемъ своимъ онъ думалъ о дядѣ и, не имѣя вѣрно другого способа, посылалъ солдата; — о добрый, о, безцѣнный Коко̀». Такая мысль стрѣлою пролетѣла сквозь мозгъ Николая Степаныча; съ дикою радостью схватилъ онъ письмо и бѣшено сорвалъ печать.

Вотъ что прочелъ онъ:

«Милостивый Государь.

«Васъ просятъ пожаловать завтра утромъ въ канцелярію квартала, для объясненія по дѣлу иностранки Амаліи-Розы-Цециліи Пупонъ...»

За симъ слѣдовала подпись частнаго пристава. Но Николай Степанычъ не прочелъ ее; письмо и руки, его державшія, страшно вытянулись, ноги Николая Степаныча

подкосились,—и онъ, безъ сомнѣнія, разбилъ бы голову о косякъ двери, еслибъ не подоспѣла кухарка.

Но поспѣшимъ отойти прочь, чтобы не слышать отчаянныхъ криковъ, истерическаго хохота, и не обонять запаха гофманскихъ капель, который быстро распространился по всей дачѣ.

Въ два часа, ровно въ два часа, — минута въ минуту,—явился мебельщикъ...

Въ пять часовъ комнаты Фуфлыгиныхъ представляли печальную картину обнаженной пустыни. Изъ мебели остался только ветхій прорванный диванъ, взятый у кухарки. На этомъ диванѣ лежалъ въ растяжку Николай Степанычъ; голова его, обвязанная полотенцемъ, уныло свѣшивалась набокъ; глаза были закрыты. Въ ногахъ его сидѣла Софья Петровна; грудь ея высоко воздымалась и глаза пропускали потоки слезъ, ниспадавшіе на голову Леши и Поши, которые сидѣли на ея колѣняхъ и также плакали.

Равнодушной зрительницей всей этой сцены являлась кухарка, стоявшая позади Николая Степаныча съ уксусной бутылкой въ одной рукѣ и тарелкою въ другой; ее, повидимому, несравненно больше занимала собственная участь, чѣмъ видъ сраженныхъ бѣдствіемъ Фуфлыгиныхъ и страшная картина, рисовавшаяся передъ нею, нимало не трогала ее и не умиляла.

XII.

ПИСЬМО ВМѢСТО ЭПИЛОГА.

Въ числѣ пятидесяти трехъ тысячъ писемъ, прибывшихъ въ Петербургъ, 3 іюля 185* года, въ почтовомъ вагонѣ желѣзной дороги, находилось одно съ слѣдующимъ адресомъ:

«Николаю Степанычу

Фуфлыгину.

На Пески, въ Глухой переулокъ, домъ солдатки Софроновой. Со вложеніемъ пятисотъ рублей серебромъ».

Глухой переулокъ сыскать весьма не легко; тѣмъ не менѣе, повѣстка, возвѣщавшая о письмѣ и деньгахъ, не замедлила достигнуть своего назначенія. Въ тотъ же день и деньги, и письмо находились въ рукахъ Николая Степаныча. Письмо было отъ дяди Изосима Петровича. Выписываемъ здѣсь только нѣкоторые отрывки.

«...Письмо принесъ мнѣ мой конторщикъ Ермилъ; по почерку я узналъ, что оно отъ тебя, и тотчасъ же сказалъ Ермилу: «по всему видно: взяло нашего кота поперекъ живота!» Иначе ты, конечно, не сталъ бы писать дядѣ,—этому «выжившему изъ вѣка старому хрѣну»... Пожалуйста, не отпирайся; я самъ, своими ушами, слышалъ, какъ ты назвалъ меня этимъ именемъ, когда я въ послѣдній разъ уходилъ отъ тебя. Впрочемъ, жена твоя еще лучше меня отдѣлала, когда я посовѣтовалъ ей не слишкомъ полагаться на обѣщанія столичныхъ родственниковъ и предлагалъ переѣхать на винокуренный заводъ. Не зная обращенія съ модными и благовоспитанными дамами, я, можетъ-быть, нечаянно какъ-нибудь оскорбилъ ее, и она была въ правѣ разбранить меня, и даже дать мнѣ почувствовать, что я совершенно лишній человѣкъ въ вашемъ домѣ (домъ, впрочемъ, былъ уже тогда проданъ съ молотка). Оба вы пишете теперь, что съ благодарностью принимаете мое предложеніе и глубоко раскаеваетесь, что прежде этого не сдѣлали...»

«Вотъ то-то же и есть, дражайшіе племянникъ и племянница! вы думали, достаточно показаться въ Петербургъ съ дворянскимъ титломъ и фамиліею Фуфлыгиныхъ, чтобы обратить на себя вниманіе и получить мѣсто... Да, какже, держи карманъ! Хорошо было бы, нечего сказать, еслибъ всякому безпутно прожившемуся дворянчику давали бы мѣсто потому только, что онъ дворянчикъ; нѣтъ, любезнѣйшій, не такія ужъ времена

теперь, —и слава Богу! Требуется теперь отъ человѣка основательное какое-нибудь знаніе, трудъ требуется, истинныя заслуги! Принимая въ соображеніе личныя твои заслуги, познанія, способности и расположеніе къ труду,— меня даже беретъ сомнѣніе: принять ли тебя на винокуренный заводъ? Будетъ ли даже здѣсь какая-нибудь отъ тебя польза?.. Изъ письма вашего вижу, впрочемъ, въ обоихъ васъ значительно поубавилось спѣси; поѣздка въ Петербургъ и три тысячи цѣлковыхъ, тамъ истраченныя, принесли видно свою пользу; это меня нѣсколько обнадежило и заставило выслать деньги на уплату долговъ и на дорогу...»

«Что жъ касается до того, чтобы выручить изъ тюрьмы брата твоего Аркадія, нѣтъ, ужъ извини, дражайшій племянникъ, этого я ни за что не сдѣлаю! Дѣти его, пишешь ты, опредѣлены какимъ-то дальнимъ родственникомъ его жены; сама она живетъ у этого родственника; чего жъ еще больше Пигунову? онъ долженъ еще вѣкъ Бога благодарить за такія милости; нѣтъ, пускай сидитъ себѣ въ тюрьмѣ; хорошо было бы даже, еслибъ его никогда оттуда не выпустили. То же самое скажу и о племянникѣ твоемъ Свищовѣ; шагу не сдѣлаю для возвращенія его изъ Вятки; ты говоришь, что его отправили на годъ; жаль, что не на три... Напрасно пишете вы, что жена Мирзоева безпрестанно видится съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, что Мирзоеву все это извѣстно, и онъ не разстается съ женою, опасаясь скандала, который можетъ повредить ему на служебномъ поприщѣ... Какое мнѣ дѣло до всего этого, скажите на милость?..»

«... И такъ, платите долги ваши и отправляйтесь въ путь. Довольно надѣлали глупостей; пора образумиться, пора бросить шляпки и подумать о дѣтяхъ, дражайшая Софья Петровна!.. Пора и тебѣ, дорогой племянникъ, пора оставить постыдное тунеядство и приняться за работу, которая, повѣрь, одна только можетъ дать какое-нибудь значеніе Фуфлыгину, равно какъ всякому другому нашему брату... Истинно такъ!..»

ПАХАРЬ.

(ПОВѢСТЬ).

ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

I.

... Звонили къ вечернѣ. Торжественный гулъ нѣсколькихъ сотенъ колоколовъ усиливался постепенно и разливался мягкими волнами надъ Москвою. При яркомъ блескѣ весенняго солнца, начинавшаго клониться къ западу, Москва казалась волшебнымъ, золотымъ городомъ, въ которомъ тѣни принимали видъ синей, сквозной эмали. Въ эти часы весеннихъ, ясныхъ вечеровъ Москва ни съ чѣмъ сравниться не можетъ! Но все-таки не нахожу словъ, чтобы передать радостное чувство, которое овладѣло мною при разставаніи съ городомъ. Я какъ-будто воскресъ душою, когда миновалъ Замоскворѣчье, проѣхалъ послѣднюю улицу, обставленную трактирами, запруженную народомъ, подводами, сайками, калачами, баранками, и очутился наконецъ за заставой.

Шумъ и возня, превращающіе близость заставъ въ многолюдный базаръ, дѣлаютъ еще замѣтнѣе рѣзкій переходъ изъ города на поле. Съ какимъ наслажденіемъ откидываешь верхъ тарантаса! А между тѣмъ, впечатлѣ-

ніе еще неполно; долго попадаются возы съ телятами, овощами и припасами всякаго рода, встрѣчаются толпы каменьщиковъ, плотниковъ и другихъ рабочихъ. Все это невольно приводитъ на память городскую возню и суматоху, которую только-что покинулъ и которая такъ давно наскучила. Время отъ времени приходится проѣзжать длинныя сёла съ каменнымъ барскимъ домомъ, какъ-бы перенесеннымъ сюда прямо съ Тверского бульвара. На улицѣ народъ въ картузахъ и синихъ мѣщанскихъ кафтанахъ; бабы въ штофныхъ коротайкахъ; парни похожи на фабричныхъ щеголей; дѣвки съ бойкими глазами и пухлыми бѣлыми руками, никогда не бравшими серпа. Всѣ почти подворотни превращены въ лавочки: вездѣ вѣсы, баранки, деготь и ободья; въ окнахъ неуклюжіе самовары. Верстъ за десять и даже болѣе отъ заставы встрѣчаются щегольскія, расписанныя цвѣтами телѣжки, въ которыхъ величественно возсѣдаетъ толстая мѣщанка съ золотисто-фіолетовымъ платкомъ на головѣ; рядомъ помѣщается такой же толстый сожитель, мѣщанинъ,— купецъ, поставляющій крупу или муку въ одинъ изъ столичныхъ лабазовъ... И долго, еще долго будутъ попадаться давно наскучившія и какъ-бы скроенныя на одинъ ладъ физіономіи; долго станетъ преслѣдовать звяканье мѣдныхъ пятаковъ, смѣшанное съ тѣмъ несноснымъ, одуряющимъ голову дребезжаньемъ, которое преслѣдуетъ васъ въ городѣ и днемъ, и ночью. Приморскіе жители увѣряютъ, что звукъ, который слышится въ большихъ раковинахъ, происходитъ отъ того будто бы, что въ ихъ пустотѣ навсегда остается шумъ моря: «море нашумѣло», говорятъ они. Надо полагать, человѣческое ухо, какъ эти раковины, если не всегда, то надолго способно сохранять шумъ города. Городъ давно уже успѣлъ исчезнуть; исчезли постепенно и самые призраки городской суетливости; даже колокольный звонъ, долго покрывавшій всѣ остальные звуки, тонулъ и терялся въ пространствѣ. Но все еще въ ушахъ раздавались шумъ и трескотня улицъ, грохотъ экипажей, хлопотливый говоръ, знакомые голоса и восклицанія... Я страшно тяготился городомъ!..

Разлука съ нимъ чувствительна для тѣхъ, кто остав-

ляетъ за собою особенно близкихъ людей или особенно дорогія воспоминанія; но когда нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ, когда покидаешь одну суетную, мелкую жизнь, оставляющую послѣ себя чувство умственной и душевной усталости и, непремѣнно, чувство какого-то неудовольствія и даже раскаянія,—разлука съ городомъ дѣлается сладостною выше всякаго описанія. Понятно тогда, почему такъ заботливо стараешься забыть все прошлое; понятно, почему сердце только такъ вотъ и рвется впередъ и впередъ къ этому безкрайному горизонту, полному такой невозмутимой такой торжественной тишины...

Съ каждымъ шагомъ впередъ, кругомъ дѣлалось тише и тише, воздухъ свѣжѣе и свѣжѣе. Я нетерпѣливо ждалъ минуты, когда прощусь съ большой дорогой. Къ счастью, недолго было дожидаться: на пятнадцатой верстѣ я повернулъ на проселокъ.

II.

И вотъ я снова въ поляхъ, снова на просторѣ, снова дышу воздухомъ, пахнущимъ землею и зеленью!

Чудный былъ вечеръ! Солнце было еще высоко надъ горизонтомъ: оставалось часъ или полтора до заката. Прозрачное, безоблачное небо дышало свѣжестью; оно сообщало, казалось, свѣжесть самой землѣ, гдѣ на всемъ виднѣлись признаки юности. Апрѣль приближался къ концу. Весна была ранняя, дружная; снѣгъ давно сбѣжалъ съ полей. Повсюду, направо и налѣво отъ дороги, вдали и вблизи, по всѣмъ буграмъ и скатамъ, зеленѣли озими, освѣщенныя косвенными золотыми лучами: тонкія полоски межей были еще темны; надъ ними, вмѣсто тучныхъ кустовъ кашки, донника, ежевики, лоснились покуда пунцовые прутья и подымались наздреватые, пересохнувшіе стебли прошлаго года; гдѣ-гдѣ развѣ развертывался и сквозилъ мягкій, какъ бархатъ, листъ земляники. Но какъ уже хорошо было въ полѣ! Тишина необыкновенная. Такъ тихо, что ни одна былинка не покачнетъ головкой; а чувствуешь, между тѣмъ,—слышишь даже, что весь этотъ неоглядный просторъ земли и воздуха напол-

ненъ жизнью и движеніемъ. Напрягаешь слухъ, жадно прислушиваешься... И—странно!—звуки эти радостно даже какъ-то отдаются въ душѣ и тѣшатъ ее... совсѣмъ не то, что въ городѣ... Въ блестящей глубинѣ небеснаго свода не видать жаворонка, но воздухъ наполненъ его переливами. Въ каждой бороздѣ, въ чащѣ мелкой травы, въ озимяхъ слышатся пискъ, шорохъ. Далеко въ рощахъ воркуетъ горленка и перелетаютъ съ мѣста на мѣсто дикіе голуби. Все оживаетъ: въ самой тонкой вѣткѣ, въ самыхъ нѣжныхъ стебелькахъ движется свѣжій сокъ, хлынувшій изъ корня, которому такъ тепло теперь подъ землею, нагрѣтою солнцемъ. Миріады насѣкомыхъ роями жужжатъ въ воздухѣ, снуютъ и качаются на гибкихъ травкахъ молодой зелени. Солнце вездѣ и всюду: солнце насквозь пронизываетъ густыя чащи, не успѣвшія еще заслониться листомъ; солнце донимаетъ въ глубинѣ лѣсовъ и овраговъ остатки рыхлаго, почернѣвшаго снѣга; солнце жаркими лучами обливаетъ поля, гдѣ сквозь рѣдкую еще зелень блистаютъ новые отпрыски озимаго хлѣба и желтѣетъ прошлогоднее, дотлѣвающее жнивье. Съ какимъ наслажденіемъ выставляешь на вешнее солнце спину и обнаженную руку! Въ воздухѣ уже не чувствуешь той проникающей сырости, которая замѣтна въ первую весеннюю пору, когда рѣки въ разливѣ: рѣки вступили въ берега свои. Вода сквозила и отражала чистую синеву неба: лѣса—особенно, если смотрѣть на нихъ съ боку — видимо почти опушались. Еще два-три такіе дня, и птицы, которыя поминутно встрѣчаются съ соломенкой или перышкомъ въ носу, начнутъ вить свои гнѣзда въ защитѣ подъ куполами и сводами молодыхъ листьевъ.

Мѣстами проселокъ былъ влаженъ; ни нигдѣ не было слѣда грязи: колеса катились какъ по бархату, оставляя по чернозему слѣды, какъ-бы покрытые лакомъ. Славное было время для путешествія!

III.

Мнѣ слѣдовало проѣхать около двухъ-сотъ верстъ по этому проселку. Не далеко, кажется; но, въ сущности,

это цѣлое странствованіе: предстояло переѣхать Оку, на которой, судя по времени, не успѣли навести моста; было на пути еще нѣсколько маленькихъ рѣчекъ, которыя переѣзжаются обыкновенно въ бродъ, потому что мосты на нихъ обманчивѣе всякаго брода. Но я не скучалъ этимъ.

Надо вамъ сказать, я съ дѣтства чувствую особенное влеченіе къ нашимъ русскимъ проселкамъ. Если судьба приведетъ вамъ когда-нибудь случай ѣхать по Россіи, если при этомъ вамъ спѣшить некуда, вы не слишкомъ взыскательны въ отношеніи къ матеріальнымъ условіямъ жизни, а главное, если вамъ страшно наскучилъ городъ, совѣтую чаще сворачивать съ большихъ дорогъ: большія дороги вѣдь почти тѣ же города! Это безконечно длинныя, пыльныя и пустынныя улицы, которыми города соединяются между собою; мѣстами та же суета, но уже всегда и вездѣ убійственная скука и однообразіе. Отъ Петербурга до Харькова, отъ Москвы до Перми—тѣ же станціонные дома, тѣ же вытянутыя въ рядъ села и деревни, предлагающія овесъ, деготь, кузнеца и самоваръ; вамъ мечутся въ глаза тѣ же полосатыя версты, тѣ же чахлыя, покрытыя ѣдкой пылью ветелки, тѣ же ямщики. Вся разница въ томъ, что одинъ ямщикъ говоритъ на «о» и носитъ шапку на манеръ гречишника, а сто верстъ далѣе дѣлаетъ удареніе на «щ», и шапка его нѣсколько приплюснута. «Отъ Мурома до Нижняго столько-то, и столько-то отъ Орла до Тамбова!»—вотъ все, что узнаете вы на большихъ дорогахъ.

То ли дѣло проселки! Вы скажете: поэзія! Что-жъ такое, если и такъ? И наконецъ, если хотите знать, поэзія цѣлой страны на этихъ проселкахъ! Поэзія, въ этомъ случаѣ, получаетъ высокое значеніе. Правда, вамъ не предложатъ здѣсь баранковъ, вы часто исходите цѣлую деревню и не найдете самовара; не увидите вы здѣсь ни пестрыхъ столбовъ, ни ветелъ, ни станцій; не вытягиваются проселки по шнуру; не трудился надъ ними инженеръ, — все это совершенная правда: ихъ попросту протопталъ мужичокъ своими лаптишками; но что-жъ до этого! Посмотрите-ка, посмотрите, какою частою, мелкою

сѣтью обхватили они изъ конца въ конецъ всю русскую землю: гдѣ конецъ имъ и гдѣ начало?.. Они врѣзались въ самое сердце русской земли, и станьте только на нихъ, станьте—они приведутъ васъ въ самые затаенные, самые сокровенные закоулки этого далеко еще неизвѣданнаго сердца.

На этихъ проселкахъ и жизнь проще, и душа спокойнѣе въ своемъ задумчивомъ усыпленьи. Тутъ узнаете вы жизнь народа; тутъ только увидите настоящее русское поле, съ тѣмъ необъятно-манящимъ просторомъ, о которомъ такъ много уже слышали и такъ много, быть-можетъ, мечтали. Тутъ услышите вы впервые народную рѣчь и настоящую русскую пѣсню, и, головой вамъ ручаюсь, сладко забьется ваше сердце, если только вы любите эту пѣсню, этотъ народъ и эту землю!..

IV.

Посмотрите теперь, какое здѣсь разнообразіе. Проселокъ, цѣпляясь съ другими, бѣжитъ впередъ и впередъ, открывая поминутно новые виды: гдѣ деревушку, которая боязливо лѣпится по косогору, гдѣ прудъ съ головастыми ветлами, осокой и досчатымъ плотомъ — на немъ толпа бабъ съ вальками и коромыслами — прудъ, отражающій клочокъ неба и кровлю перекосившейся избушки; гдѣ группу кудрявыхъ дубковъ съ вьющимися надъ ними галками и отдыхающимъ въ сторонѣ стадомъ; гдѣ гладь, безкрайную, необозримую гладь полей, и посреди ея, на какомъ-нибудь перекресткѣ, одинокій крестъ или часовню; гдѣ лощину, покрытую частымъ орѣшникомъ и перерѣзанную ручьемъ, который пересохъ въ песчаномъ днѣ, усѣянномъ угловатыми камнями. Вы спускаетесь на мостъ, который, едва прикоснулись къ нему копыта лошади, весь какъ-будто переполнился страхомъ; дрожитъ онъ всѣми своими суставчиками; дрожитъ, опасаясь, вѣроятно, за свое собственное существованіе столько же, сколько за жизнь смѣльчаковъ, которые такъ беззаботно ввѣряютъ ему свои кости. Съ дикимъ крикомъ и верезгомъ

поднялась стая чибезовъ, испуганныхъ шумомъ... И вотъ снова поднялись вы по косогору, снова на проселкѣ, и снова пошли направо и налѣво новые виды: гдѣ клинъ сосноваго бора, который глянулъ для того, кажется, чтобы тотчасъ же скрыться; гдѣ снова зеленѣющія пажити, съ движущимися тѣнями тучъ и косыми полосами ливня на горизонтѣ; а вотъ и большое село, съ бѣлою церковью на бугрѣ, рѣчкой, отражающей старинный липовый садъ, лугами, избами, скворечницами и колодезнымъ журавлемъ, высоко чернѣющимъ въ небѣ... И какъ, право, хороши эти виды!

V.

А между тѣмъ, чѣмъ далѣе подвигался я въ глубину полей, тѣмъ тишина, меня окружавшая, дѣлалась все торжественнѣе. Солнце сѣло: вмѣстѣ съ нимъ угасла, казалось, и самая жизнь: смолкли хоры, смолкла гармоническая музыка, наполнявшая весь день и воздухъ, и землю. Темно-синій горизонтъ разлился по небу, и загорѣлись звѣзды...

На другой день, вечеромъ, я приближался къ цѣли моей поѣздки. Беззаботное, счастливое настроеніе духа, которое не оставляло меня во всю дорогу, стало измѣнять мнѣ; самъ не знаю, отчего, но кровь волновалась сильнѣе; я начиналъ чувствовать то внутреннее безпокойство, которое предшествуетъ всякому ожиданію, какъ радостному, такъ и печальному. Когда я поднялся на холмъ, откуда видны были сначала деревня, потомъ роща, а за нею кровля дома, сердце мое забилось вдругъ необыкновенно сильно.

Не вѣрьте, пожалуйста, нашимъ столичнымъ умникамъ, которыхъ мы же сами, не находя имъ другого названія, а можетъ-быть, просто, изъ снисхожденія, прозвали людьми съ строгимъ, философскимъ складомъ ума. Посмѣиваясь надъ самыми простыми, естественными и ужъ конечно, лучшими нашими чувствами, называя ихъ дѣйствіемъ воображенія или слезливо-сентиментальными вы-

ходками, они, я увѣренъ, слову не вѣрятъ изъ того, что проповѣдуютъ: они только рисуются передъ нами. Вѣдь только глупцы могутъ потѣшаться надъ тѣмъ, чего не знаютъ или чего они сами сознательно не переживали. Философія нашихъ знакомыхъ—больше ничего, какъ фразы, сухое и очень дешево доставшееся резонерство. Истинная философія состоитъ въ убѣжденіи, что лишнее умничанье ни къ чему не ведетъ. Счастіе заключается въ простой жизни; просто живутъ тѣ только, которые слѣдуютъ своимъ побужденіямъ и довѣрчиво, откровенно отдаются движеніямъ своего сердца. Дайте любому философу живописный участокъ земли, домъ — какой-нибудь уютный, теплый уголокъ, скрытый, какъ гнѣздо, въ зеленой чащѣ сада; пускай вмѣстѣ съ этимъ домомъ соединятся воспоминанія счастливо проведеннаго дѣтства,—и тогда, повѣрьте, подъѣзжая къ нему послѣ долгой разлуки, онъ искренно сознается, что вся философія его—вздоръ и гроша не стоитъ!

VI.

Съ каждымъ поворотомъ колеса, я приподымался и нетерпѣливо вытягивалъ шею. Глаза съ жадностью перебѣгали отъ ряда знакомыхъ ветелъ къ крышкѣ дома, которая начинала выглядывать изъ-за угла стараго сада. Я уже мысленно ступалъ по тропинкѣ, протоптанной черезъ дворъ; она вела къ липовой аллеѣ — свидѣтельницѣ моихъ дѣтскихъ игръ, первыхъ моихъ слезъ и первыхъ радостей. Существуютъ ли еще качели, привѣшенныя къ шесту между двумя старыми деревьями?.. Что сталось съ моимъ садикомъ, который занималъ всего аршинъ, но казался мнѣ тогда великолѣпнымъ паркомъ?.. Все ли еще существуетъ и бѣлѣетъ на своемъ мѣстѣ, за ветхою стѣною амбара, каменная плитка, подъ которой, обливаясь когда-то слезами, хоронилъ я умершаго воробья!.. Я превращался въ ребенка; я волновался и радовался, какъ-будто меня ждала тамъ и простирала ко мнѣ руки вся минувшая моя юность, какъ-будто ждало меня тамъ Богъ вѣсть какое счастіе!..

VII.

А счастья, право, никакого не было! Домъ мой опустѣлъ давнымъ-давно, никто не махалъ мнѣ издали платкомъ; никто не бѣжалъ къ околицѣ; никто меня не встрѣтилъ. Самый домъ глядѣлъ угрюмо, непривѣтливо своими сѣрыми бревенчатыми стѣнами, наглухо заколоченными ставнями, заброшеннымъ палисадникомъ и полуобвалившимся плетнемъ, изъ котораго половина кольевъ была вынута.

И все-таки—не странно ли это?—въ душѣ моей ни тѣни тоскливаго чувства! Кромѣ сладкихъ воспоминаній дѣтства, въ сердцѣ постепенно рождалось еще другое ощущеніе... сказать ли вамъ? я радовался тому именно, тому радовался, что никто не встрѣтилъ меня, никто, въ эту минуту, обо мнѣ не думалъ и не заботился!.. Я вошелъ въ этотъ опустѣлый домъ съ тѣмъ же радостнымъ біеніемъ сердца, съ какимъ подъѣзжалъ къ нему. Не вините меня въ мизантропіи или, вообще, въ расположеніи къ мрачному одиночеству. Не нужно быть вовсе мизантропомъ, чтобъ чувствовать иногда сильнѣйшую потребность умственнаго спокойствія. Я просто утомился городомъ и искалъ тишины.

VIII.

Мнѣ случалось встрѣчать людей, горячо привязанныхъ къ семейству. Вдругъ, посреди самой счастливой обстановки, сами сначала не сознавая этого, начинали они предаваться неслыханной тоскѣ. И въ мысляхъ, и на языкѣ была одна только мысль: уѣхать, исчезнуть куда-нибудь, гдѣ бы ничто не напоминало прерванныхъ на время связей; и все это безъ малѣйшаго повода со стороны семейства или внѣшнихъ какихъ-нибудь обстоятельствъ.

Въ числѣ убѣжденій, вынесенныхъ мною изъ жизни и внушенныхъ мнѣ опытомъ, находится, между прочимъ, слѣдующее: очень часто свѣтъ удивляется продолжитель-

ности нѣкоторыхъ сердечныхъ связей. Вся тайна заключается въ препятствіяхъ, которыя ставитъ этотъ же самый свѣтъ между связанными людьми, и мѣшаетъ имъ не только неразрывно дѣлить жизнь, но даже мѣшаетъ безпрестанно видѣться. Уничтожьте препятствія — и тогда, на оборотъ, всѣ станутъ удивляться непрочности сердечныхъ привязанностей. Счастіе многихъ и многихъ семействъ поддерживается только временными разлуками. Иное сердце пресыщается скоро, другое медленнѣе; но всѣ равно испытываютъ пресыщеніе. И наконецъ, даже и безъ этого чувства, такъ ужъ душа бываетъ иногда настроена, что полное, глубокое одиночество кажется единственнымъ блаженствомъ существованія. Въ такія минуты самыя ласковыя рѣчи, самая искренняя, задушевная нѣжность способны только раздражать нервы.

IX.

Домъ мой расположенъ какъ нельзя удобнѣе; онъ отдаленъ оть деревни; между ними холмъ и роща; изъ деревни не доходитъ ни одного звука, кромѣ лая собакъ и пѣтушинаго крика на зарѣ. Самая деревня находится въ исключительно-благословенномъ положеніи: она какъ-бы затеряна въ глубинѣ уѣзда между нескончаемыми полями и рощами.

Первымъ движеніемъ моимъ, какъ только я вошелъ въ комнату, было отворить окно въ садъ. Ночь смѣнила сумерки. Высокія липы обступали садъ; кусты, разбросанные въ безпорядкѣ и успѣвшіе уже въ эти два дня опушиться зеленью, сливались мѣстами въ одну совершенно темную массу и неопредѣленно круглились между дорожками, которыя слегка серебрила роса. Слѣва только, между черными какъ уголь стволами, свѣтлѣла часть пруда; въ ней, какъ въ чистомъ зеркалѣ, незыблемо отражались синее небо и робко мерцающія звѣзды. Струи воздуха, пробѣгавшія передъ закатомъ, не трогали теперь ни одной вѣткой. Запахъ вечерней росистой мглы, смѣшанный съ запахомъ почекъ, молодыхъ отпрысковъ, и

запахомъ прошлогодняго листа, проникалъ, казалось, каждый атомъ воздуха и медленно курился надъ садомъ. Самое полное, самое невозмутимое безмолвіе распространялось не только вокругъ, но даже далеко по всей окрестности.

Я опустился на окно, отдаваясь весь новому сладчайшему впечатлѣнію. Слухъ мой, освобожденный отъ трескотни города, получилъ страшную чуткость; но тишина окрестности ничѣмъ не нарушалась. Изрѣдка чиликнетъ внезапно пробудившаяся птичка, прожужжитъ запоздавшій жукъ, стукаясь рогатой головкой о сучья, или послышится трескъ молодой вѣтки, которая распахнулась отъ избытка свѣжаго сока — и снова воцаряется молчаніе...

Вліяніе тишины, царствующей надъ полями, вполнѣ можетъ быть доступно тѣмъ только, кто долго тяготился треволненіями житейскаго моря, чей слухъ и чьи нервы многіе годы постепенно тяготились и раздражались безумною суматохою города. Я чувствовалъ, какъ тишина вливалась въ душу и какъ дѣлалось въ ней и покойнѣе, и свѣтлѣе.

X.

Каждый день, прожитой здѣсь, приводитъ меня къ убѣжденію, что сельская жизнь улучшаетъ человѣческую природу. Не считая того, что она ставитъ въ необходимость жить больше съ самимъ собою, представляетъ мало развлеченій и тѣмъ самымъ сосредоточиваетъ мысли и дѣлаетъ ихъ яснѣе, одно изъ главныхъ преимуществъ ея заключается въ томъ, что она значительно усмиряетъ нашу гордость.

Вліяніе ея, въ этомъ случаѣ, совершенно противоположно вліянію города.

Тамъ все заставляетъ насъ много о себѣ думать: стѣсненные въ домахъ и улицахъ, которые кажутся широкими только сравнительно, встрѣчая на каждомъ шагу тысячи предметовъ, изобрѣтенныхъ человѣкомъ, мы невольно начинаемъ считать себя чѣмъ-то особенно важнымъ. Все подтверждаетъ увѣренность въ наше могущество, си-

лу и способности. Здѣсь — впечатлѣніе совсѣмъ другого рода: здѣсь уже давитъ насъ одинъ этотъ просторъ, которымъ окружены мы съ утра и до вечера. На улицахъ, между домами, точно дѣлаешься замѣтнымъ; здѣсь — превращаешься почти въ ничто, въ едва видную точку. Ваша власть уничтожается какъ ваши размѣры: здѣсь все растетъ, созидается, разрушается и движется, не обращая на васъ ни малѣйшаго вниманія, не спрашивая ни вашего совѣта, ни вашего разрѣшенія.

Въ городѣ отдаешь себѣ ясный отчетъ въ своемъ гордомъ удивленіи и, надо сказать, тотчасъ же переносишь частицу этого удивленія къ себѣ самому; здѣсь — удивляешься молча. Умъ, пораженный безконечнымъ совершенствомъ природы надъ совершеннѣйшими дѣлами рукъ человѣческихъ, пораженный всегдашнимъ ея величіемъ, смиренно сознаетъ свое дѣтское безсиліе.

XI.

Здѣсь встрѣчаются, такъ же, какъ и вездѣ, неудачи, препятствія, непріятности; но если не выходишь изъ мирной сферы сельской жизни, самыя эти неудовольствія нераздражаютъ духа: въ нихъ всегда есть что-то примирительное. И, въ самомъ дѣлѣ, на кого здѣсь пенять? На дождикъ ли, который не во-время упалъ на вашу ниву? на запоздалую ли весну и холодные утренники, которые задерживаютъ ростъ травы и озимей? на червь ли, подточившій корень вашего хлѣба, или на градъ, скомкавшій широкое поле ржи, такъ привѣтливо золотившееся на іюньскомъ солнцѣ и обѣщавшее такую богатую жатву?.. Никто въ этомъ не виновенъ. «Горе не отъ человѣка». «Такъ, знать, Богу угодно!» «Его на то святая воля!..» скажетъ вамъ здѣсь простолюдинъ. Вмѣстѣ съ этой нивой онъ и семья его теряютъ, однакожъ, спокойствіе цѣлаго года. Мысль эта является здѣсь безпрерывно. Горе, поразившее васъ, велико; но оно не оставляетъ раздраженія въ сердцѣ, не возбуждаетъ безполезнаго, грѣшнаго ропота. Свыкаясь съ жизнью полей, привыкаешь ма-

ло-по-малу отдавать всѣ помыслы свои на волю провидѣнія. Существованіе, порученное, такимъ образомъ, въ исключительное распоряженіе промысла, привычка покоряться постоянно его волѣ, даютъ здѣсь, мнѣ кажется, то душевное спокойствіе, которое такъ напрасно ищешь въ общественной жизни и городѣ, гдѣ все, болѣе или менѣе, зависитъ отъ насъ же самихъ или такихъ же, какъ мы, смертныхъ. Жизнь течетъ здѣсь ровно, покойно. Когда живешь сознательно и честно, не знаешь, что значитъ «убивать время». День проходитъ не замѣтно.

Глазамъ не вѣришь, когда, поднявъ голову, видишь, что солнце давно обогнуло половину неба.

XII.

Сильно также дѣйствуетъ на душу ближайшее знакомство съ бытомъ простого народа.

До сихъ поръ, сколько я ни замѣчалъ, мнѣ казалось всегда, что образованный классъ общества всегда сочувствовалъ этому быту. Жизнь народа, была ли она изображена въ книгѣ, или на полотнѣ, всегда трогала и привлекала человѣка. Популярность такихъ художниковъ, какъ напримѣръ, Леопольдъ Робертъ, успѣхъ многихъ сочиненій, какъ древнихъ, такъ и современныхъ, только и объясняются этимъ тайнымъ сочувствіемъ къ народу, къ сельской жизни и всей наивной ея обстановкѣ. Какъ, однакожъ, послѣ этого растолковать себѣ испугъ, который всѣ рѣшительно обнаруживаютъ при столкновеніи съ самой дѣйствительностью?.. Виновата ли эта дѣйствительность, если праздность, городская скука и невѣдѣніе сельскаго быта внушаютъ намъ мечтанія о какомъ-то небываломъ, часто совершенно идиллическомъ мірѣ?.. Настроенные такимъ образомъ, мы, конечно, не находимъ въ деревнѣ того, чего искали. Разочарованіе ждетъ насъ уже у самой околицы...

Сельская жизнь пріучаетъ смотрѣть на тотъ же предметъ здраво, безъ преувеличенія. Взглядъ этотъ скоро примиряетъ съ народомъ. Грубая его сторона находитъ

свое оправданіе въ непросвѣщеніи и общихъ свойствахъ человѣческой природы; она за нимъ и останется. Но за то, какія сокровища добра и поэзіи открываетъ другая сторона того же народа! Кого не удивитъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не тронетъ слѣпая вѣра въ провидѣніе,—этотъ конечный смыслъ всѣхъ философій, этотъ послѣдній результатъ мудрствованій и напряженій человѣческаго разума? Кого не тронутъ эти простодушно дѣтскія мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ простой, здравый смыслъ, не стремящійся напрасно разгадывать тайны природы... нѣтъ! но принимающій дары ея съ чувствомъ робкимъ, но радостнымъ и исполненнымъ величайшей благодарности? Кто не умилится душою при видѣ этого всегдашняго, ежедневнаго труда, начатаго крестнымъ знаменіемъ и совершаемаго терпѣливо, безропотно?

Когда откроется передъ вами картина широкаго простора и на ней живой примѣръ тяжкаго труда и простой, первобытной жизни, всѣ ваши идилліи, плодъ праздной фантазіи, покажутся вамъ мелкими до ничтожества! Присмотритесь, и вы увидите, что поэзія дѣйствительности несравненно выше той, которую можетъ создать самое пылкое воображеніе!..

ПРОГУЛКА.

XIII.

Наступало время, когда, послѣ долгой зимы, поселянинъ снова выѣзжаетъ въ поле; когда, приладивъ соху въ сошникъ, праздно лежавшій столько времени и успѣвшій покрыться ржавчиной, пахарь дѣлаетъ его чище серебра, взрывая согрѣтую солнцемъ землю. Наступало время первой пахоты и перваго посѣва. Я отправился въ поле.

Вечеръ былъ чудесный,—такой же почти, какъ когда я, нѣсколько дней тому назадъ, подъѣзжалъ къ дому. Круглыя облака опаловаго цвѣта, съ бѣлыми сверкаю-

щими краями, какъ-бы выкованными изъ свѣтлой жести, почти недвижно стояли въ небѣ, открывая глубокіе, темно-голубые просвѣты. Окрестность наполнялась радоснымъ сіяніемъ. Листья окончательно распустились, и зелень блистала повсюду; у опушекъ рощъ часто попадались фіалки и ландыши; блѣдно-розовые и бѣлые колокольчики повилики, которая, съ первымъ дуновеніемъ весенняго вѣтра, быстро переплетаетъ старое жнивье, начинали пестрить поля и разливали въ недвижномъ воздухѣ тонкій миндальный запахъ. Солнце, несмотря на первые дни мая и пятый часъ вечера, пекло, какъ въ іюлѣ. Но меня не пугали ни жаръ, ни дальность разстоянія (поля, куда я направлялся, считаются у насъ самыми отдаленными отъ жилья). Слѣдовало пройдти холмъ и рощу, которые отдѣляютъ меня отъ деревни, миновать самую деревню и перейти рѣчку. Послѣ моста дорога пошла тотчасъ же въ гору. Волнистые скаты горы, то крутые и поросшіе кустарникомъ, то спускающіеся мягкими склонами и покрытые, мѣстами, березовыми и сосновыми лѣсочками, составляютъ правый бокъ зеленѣющей, живописной долины: на днѣ ея, полукруглыми извилинами, блеститъ рѣчка. Вершины этихъ скатовъ позволяютъ обозрѣвать всю окрестность; но прежде, чѣмъ достигнешь такой высоты, приходится очень долго подыматься.

Я почувствовалъ, наконецъ, что дорога стала какъ-бы опускаться; вмѣстѣ съ этимъ воздухъ сдѣлался подвижнѣе. Окрестность открылась какъ на ладони; деревня казалась подлѣ самаго моста; домъ, холмъ и березовая рощица казались примыкавшими теперь къ деревнѣ. Все это—и домъ, и садъ, и деревня, принимали теперь видъ тѣхъ игрушекъ, гдѣ стебли мху изображаютъ деревья, кусочки зеркала—рѣчку. Овцы, разсыпанныя по лугу, на днѣ долины, мелькали, какъ бѣлыя крапины, которыя то сверкали на солнцѣ, то исчезали посреди длинныхъ голубыхъ тѣней, бросаемыхъ облаками. Поля занимали всю вершину горы; она была срѣзана какъ ножомъ и представляла версты на двѣ гладкую, какъ столъ, поверхность. Горизонтъ замыкался только небомъ

и, слѣва, опушками рощъ, которыя спускались въ долину; облака на дальнемъ горизонтѣ выходили какъ-будто изъ земли.

По мѣрѣ того, какъ я подвигался впередъ, вѣтеръ дѣлался замѣтнѣе. Иногда меня обдавало тепломъ, какъ изъ жерла раскаленной печки, и вмѣстѣ съ этимъ сильнѣе приносился тучный запахъ земли, которымъ такъ легко, однакожъ, дышется. Крики: «возлѣ, возлѣ!» которыми пахари понукаютъ лошадь, заставляя ее въ то же время идти подлѣ сосѣдней борозды, доходили явственнѣе. Вскорѣ передо мной совсѣмъ открылось поле, облитое солнцемъ и оживленное пахарями, лошадьми, подводами, глухимъ жужжаньемъ насѣкомыхъ и жаворонками, которые неумолкаемо заливались въ небѣ.

XIV.

Дорога вела въ самую середину полей; на всемъ протяженіи они перерѣзывались ровными десятинами. Пересохшія растенія и корни, выхваченные зубьями сохи, мѣстами, покрывали межи; мѣстами, межи рѣзко отдѣлялись зеленью молоденькой травки отъ коричневой, только-что вспаханной почвы, исполосованной свѣжими бороздами. Земляныя испаренія струились и переливались въ воздухѣ, сообщая особенную какую-то золотистую мягкость всѣмъ предметамъ, жарко облитымъ солнцемъ.

На углу почти каждой нивы стояла распряженная телѣга съ овсомъ. Въ сторонѣ, немного поодаль, виднѣлись пахари. Впереди всѣхъ шелъ всегда сѣятель. То былъ большею частью человѣкъ преклонный, отецъ или дѣдъ. Къ концамъ веревки, перекинутой черезъ плечо сѣятеля, прикрѣплялось рѣшето или кузовъ, наполненный зерномъ: выступая покойнымъ, сдержаннымъ шагомъ впередъ, старикъ то-и-дѣло опускалъ руку въ кузовъ, простиралъ ее потомъ по воздуху и разомъ выпускалъ зерна, которыя разсыпались всегда ровнымъ полукругомъ. Постепенно удаляясь и исчезая въ солнечномъ сіяніи, сѣятель уступалъ дорогу сыну или внуку, который управ-

лялъ сохою и закрывалъ разбросанныя зерна. За нимъ, звеня и подпрыгивая, тащилась борона съ прицѣпившимися къ ея зубьямъ комками косматыхъ травъ и корней. Лошадью правилъ обыкновенно мальчикъ. Иногда лошадь, если только она была старая, привычная къ работѣ кобылка, шла сама собою: покорно слѣдуя за хозяиномъ, она изрѣдка позволяла себѣ замедлять шагъ, чтобъ не смять жеребенка, который, въ нетерпѣніи своемъ, вытягивалъ шею подъ оглоблю и принимался сосать ее изъ всей мочи.

Но этимъ еще не оканчивалось шествіе: за каждой бороной летѣла въ безпорядкѣ стая галокъ, грачей, сизыхъ и бѣлыхъ голубей. Они, казалось, совсѣмъ свыклись съ людьми и лошадьми: то жадно припадая къ землѣ, то взлетая на воздухъ, чтобы подраться за червячка, птицы слѣдовали все время за бороною, нимало не пугаясь крика и свиста пахарей. Все поле усѣяно было птицами...

XV.

Несмотря, однакожъ, на крикъ и свистъ пахарей, несмотря на звонкіе голоса птицъ и шумныя ихъ драки, несмотря на движеніе людей и лошадей, которые сновали взадъ и впередъ по десятинамъ, несмотря на щебетанье мелкихъ птичекъ, жужжаніе насѣкомыхъ, фырканье лошадей, ржаніе жеребенка и пѣніе жаворонка, этого дарового музыканта пахаря,—несмотря на все это оживленіе и странное разнообразіе голосовъ и звуковъ, все представлялось однимъ гармоническимъ цѣлымъ. Широкій просторъ полей смягчалъ и сглаживалъ всѣ звуки. Вся эта дѣятельная картина посѣва принимала видъ чего-то мирнаго, какой-то кроткой радости и покоя!

Переходя отъ одной нивы къ другой, я незамѣтно приблизился къ опушкѣ послѣдней рощи. Тутъ оканчивалось поле. Послѣдняя десятина склонилась даже нѣсколько по скату, смотрѣвшему на западъ и на долину; защищенная отъ солнца рощею, которая обступала ее полукругомъ, она на половину уже покрылась зубчатою

тѣнью. Издали я увидѣлъ на ней одинокаго пахаря; онъ работалъ совершенно одинъ: самъ сѣялъ, самъ боронилъ, самъ управлялся съ сохою. Я удивился еще больше, когда подошелъ ближе. Пахарь принадлежалъ къ довольно многочисленному семейству. Особенно страннымъ казалось мнѣ, что съ нимъ не было его отца. Первый весенній сѣвъ пользуется въ простонародьи особымъ почетомъ: имъ преимущественно управляютъ старики. Прошлый еще годъ я видѣлъ старика на этой самой нивѣ и въ это самое время. Одиночество молодого парня было для меня необъяснимо: вся семья его слыла въ околоткѣ одною изъ самыхъ заботливыхъ, дѣятельныхъ въ полевыхъ работахъ. Я оставилъ межу, пошелъ полемъ и черезъ нѣсколько минутъ былъ подлѣ пахаря.

XVI.

Его звали Савельемъ. Это былъ парень еще молодой, лѣтъ тридцати, высокій, смуглый, съ правильнымъ, продолговатымъ лицомъ и кудрявыми, русыми волосами. На видъ онъ не казался очень плотнымъ; но растегнутый воротъ его бѣлой рубахи выказывалъ широкую, крѣпкую грудь, уже тронутую загаромъ на томъ мѣстѣ, гдѣ застегивался воротъ; плечи его и мускулы рукъ богатырски круглились, выпучивая складки рубашки; черезъ плечо его висѣлъ на веревкѣ большой кузовъ, полный зерна, но онъ держалъ его съ такимъ видомъ, какъ-будто не зналъ, что такое тяжесть. Коричневые глаза его глядѣли спокойно, но прямо, откровенно. Солнце садилось за спиною пахаря, и вся фигура его, окаймленная золотыми очертаніями, красиво рисовалась передъ рощей, потопленной голубоватой тѣнью. Я подошелъ къ нему въ ту минуту, какъ онъ забросилъ возжи на спину лошади и готовился сѣять.

— Что-жъ это старика-то не видно? гдѣ онъ? спросилъ я.

— Старикъ дома, лежитъ, возразилъ пахарь, дѣлая шагъ впередъ.

— Что-жъ такъ?

— Все хвораетъ, сказалъ онъ.

Я освѣдомился, почему наконецъ братъ не выѣхалъ въ поле, но получилъ въ отвѣтъ, что братъ остался съ больнымъ отцомъ.

— Ему съ самой весны все что-то нездоровится, подхватилъ Савелій:—а въ эти три дня нашъ старикъ совсѣмъ слегъ... Очень опасаемся: все думается, не встать ему; человѣкъ древній... долго ли? Вотъ ужъ третій день не ѣстъ, не пьетъ, слова не выговоритъ, все лежитъ, только что вотъ вздохнетъ иной разъ. Господь знаетъ, что такое! заключилъ онъ, отводя рукою кузовъ съ зерномъ и потупляя голову.

Мнѣ тотчасъ же представилось, что старика ударилъ параличъ: старикъ былъ дѣятеленъ не по лѣтамъ; съ приходомъ весны, дѣятельная природа его должна была, разумѣется, воскреснуть. Вѣроятно, по обыкновенію своему, онъ слишкомъ горячо припалъ къ работѣ: спѣша уладить разомъ многочисленные дѣла, которыя падаютъ весною на простолюдина, онъ надорвалъ стариковскія свои силы; къ этому, вѣроятно, примѣшалась также и кровь: разогрѣтая усиленнымъ трудомъ, а также весеннимъ временемъ, она вдругъ расходилась и сковала параличомъ его ослабѣвшіе члены. Я началъ подробно разспрашивать сына обо всемъ случившемся.

XVII.

— Недѣли двѣ назадъ, началъ-было Савелій, не остановился, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и принялся хлопать въ ладоши, чтобы отогнать стаю птицъ, которая расположилась въ телѣгѣ и взапуски клевала зерно:— недѣли двѣ будетъ, подхватилъ онъ, возвращаясь назадъ:— мы ничего такого не чаяли, какъ словно даже лучше стало, отлегло, сталъ поправляться... веснѣ, что-ли, очень ужъ обрадовался, Господь знаетъ!.. Первый-то день, какъ всталъ, до самаго до обѣда ходилъ все по полю, смотрѣлъ озими; только на поясницу очень жаловался: «Пояс-

ница, говоритъ, добре оченно одолѣла». Вечеромъ прихожу я къ нему на гумно, онъ и говоритъ мнѣ: «Вотъ, говоритъ, Савелій, весна на дворѣ...» говоритъ такъ-то, а самъ все кругомъ осматривается. «Весна, говоритъ, на дворѣ, наши пахать ѣдутъ». Сталъ онъ тутъ на силу на свою жаловаться: «Сила, говоритъ, обманула меня... Знать ужъ, говоритъ, не придется мнѣ ноньче и попахать съ вами...» — «Полно, говорю, батюшка! что напредки загадывать, Богъ милостивъ!» — «Нѣтъ, говоритъ, не пахать мнѣ ноньче съ вами... сердце мое чуетъ!» подошелъ послѣ того къ соломѣ, маленечко постоялъ, легъ не нее, да вдругъ какъ заплачетъ! индо жаль стало!.. Никогда съ нимъ этого не было. Такъ почитай пролежалъ до самаго до вечера; насилу уговорили въ избу пойдти. На другой день опять какъ-будто стало легче, опять въ поле ушелъ...

— Какже вы его не удержали? перебилъ я.

— Кто его удержитъ! хлопотливъ очень, заботливъ! такой-то завистливый въ работѣ, другого такого не найдешь! Мы и то говорили ему, и матушка говорила — ничего не слушаетъ. Пришелъ это онъ домой, суетится, хлопочетъ, самъ до всего доходитъ, борону чинить зачалъ; а ужъ куды: у самого руки-то такъ и дрожатъ; ходитъ по всему двору, по всѣмъ угламъ... точно, взаправду, чуяло его сердце, словно со всѣмъ домомъ ходитъ прощается... даже мы съ братомъ подивились... Нѣтъ, видно, ужъ не встать ему!.. добавилъ Савелій послѣ минутнаго молчанія.

Я спросилъ о томъ, что произошло три дня тому назадъ.

— И Богъ знаетъ, какъ сказать, что такое! произнесъ Савелій, заботливо тряхнувъ головою: — пошелъ онъ къ лошадямъ корму засыпать. Онъ вѣдь у насъ до лошадей-то охотникъ: никто и не подходи окромя его! Стали это я да братъ его уговаривать; видимъ, чуть на ногахъ держится, и матушка къ намъ пристала. Опять не послушалъ: «Ничего, говоритъ, авось, какъ промнусь, легче будетъ!..» Ничего вѣдь съ нимъ не сдѣлаешь!.. Вотъ матушка и говоритъ намъ, мнѣ да брату: «Что-то, говоритъ, долго старикъ нейдетъ; поглядите-ка, сходите, гдѣ

онъ...» Пошли мы съ братомъ; глянули подъ навѣсъ, а онъ тамъ и лежитъ. Стали спрашивать: слова не добьешься, лежитъ словно мертвый; такъ безъ языка домой и принесли. Съ тѣхъ самыхъ поръ не вставалъ, трое сутокъ безъ языка лежитъ!..

— Надо было тотчасъ же кровь пустить, какже вы не подумали объ этомъ? воскликнулъ я, нимало не сомнѣваясь, что старикъ остался бы живъ, еслибъ приняты были своевременно мѣры.

— Братъ и то два раза ѣздилъ, сказалъ Савелій:— два раза кровь отворяли—не пошла только! должно-быть, сильно ужъ она въ немъ запечаталась. Такъ ужъ, знать, Господь уставилъ, что помереть ему надо! ужъ видно, не топтать ему травы! заключилъ онъ спокойнымъ, но такимъ грустнымъ голосомъ, что у меня ёкнуло на сердцѣ.

Съ послѣдними словами Савелій приложилъ ладонь къ глазамъ, въ видѣ зонтика, и пристально посмотрѣлъ въ поле. Такъ какъ въ послѣднее время слова его часто сопровождались этимъ движеніемъ, я невольно взглянулъ въ ту сторону. На дорогѣ, которая вилась по полю, я увидѣлъ бабу. Она быстро подвигалась впередъ, иногда даже принималась бѣжать; она махала руками и направлялась прямо къ опушкѣ рощи.

Савелій, между тѣмъ, поставилъ на-земь коробъ съ зерномъ. Онъ не отымалъ ладони отъ глазъ. По мѣрѣ того, какъ баба приближалась, я замѣтилъ, что въ чертахъ пахаря проступало безпокойство, брови его судорожно изгибались, ноздри вздрагивали; весь онъ превращался, казалось, въ зрѣніе. Немного погодя, я могъ различить черты приближавшейся женщины: это была жена Савелья.

XVIII.

Она остановилась еще разъ, чтобы перевести духъ, и пустилась бѣжать быстрѣе прежняго.

— Савелій! Савелій! домой ступай! скорѣе ступай домой! крикнула она, когда была еще на дорогѣ.

Лицо ея было красно и выражало всѣ признаки сильнѣйшаго замѣшательства; крупныя капли пота текли по разгорѣвшимся щекамъ вмѣстѣ со слезами, которыми вымочены были ея глаза и рѣсницы; безпорядокъ въ ея чертахъ и одеждѣ показывалъ безпорядокъ и смущеніе чувствъ.

— Что случилось? спросили мы.

— Батюшка отходитъ!.. ступай прощаться!.. проговорила она, прижимая руки къ груди и едва переводя одышку.

Я взглянулъ на Савелья. Онъ стоялъ съ понурою головою и тяжело опущенными руками; съ минуту стоялъ онъ какъ громомъ пораженный. Можно было думать, что, говоря со мною за нѣсколько минутъ о смерти родителя, онъ не вѣрилъ въ душѣ, чтобы она пришла такъ скоро... Нѣтъ такого очевиднаго горя, въ которомъ человѣкъ не старался бы обмануть себя и не подкрѣплялъ бы себя надеждой. Въ простонародьи существуетъ даже повѣрье, что лучшее средство избавиться отъ несчастья заключается въ томъ, что надо говорить о немъ, какъ о предметѣ вѣрномъ, несомнѣнномъ. Меня поражало, однакожъ, въ пахарѣ его внѣшнее спокойствіе: лицо его было скорѣе грустно-задумчиво, чѣмъ взволновано; только вздрагивающія вѣки и ноздри измѣняли ему. Жена его, между тѣмъ, заламывала руки, била себя кулакомъ въ грудь и разливалась-плакала.

— Ступай же скорѣй... совсѣмъ ужь отходитъ... простись поди... чего ты стоишь! говорила она, дергая его за рукавъ:—всѣ наши въ избѣ давно... за дядей Карпомъ поѣхали... пойдемъ скорѣй... я подсоблю съ лошадьми управиться! заключила она, поспѣшно, направляясь къ лошадямъ, щипавшимъ траву на межѣ.

Савелій нѣсколько секундъ оставался недвиженъ; наконецъ онъ медленно, какъ-бы стараясь привести себя въ память, провелъ ладонью по волосамъ, тяжко вздохнулъ, перекрестился и пошелъ за женою.

Въ движеніяхъ его, когда онъ припрягалъ лошадь въ подводу, не было замѣтно ни малѣйшей суетливости: онъ не забылъ ни одного ремешка, ни одной мелочи, хотя мысли

его, очевидно, были далеки отъ дѣла. Онъ точно не видѣлъ и не слышалъ жены: во все время онъ слова ей не сказалъ, даромъ что она не переставала тормошить его, суетилась безъ толку, плакала и говорила безъ умолку, вычисляя, въ скорбныхъ выраженіяхъ, добродѣтели умирающаго. Наконецъ возъ былъ увязанъ, лошади взнузданы, соха перекинута сошникомъ кверху, и они оставили ниву. Я пошелъ за ними.

Поля начинали покрываться красноватымъ блескомъ; однѣ межи ярко освѣщались солнцемъ, глядѣвшимъ между рощами, и тѣни отъ рощъ захватывали иногда цѣлые участки. Поля пустѣли. Кой-гдѣ, на отдаленной пашнѣ, золотилось облако пыли, и изъ него выглядывала лошадь, съ сидѣвшимъ на ней пахаремъ, который возвращался съ работы. Птицы несмѣтными стаями кружились высоко въ небѣ; но, отставая постепенно другъ отъ дружки, онѣ опускались въ рощи. Тѣни, между тѣмъ, быстрѣе бѣжали впередъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ каждою минутой, умолкала шумная дѣятельность поля.

ПАХАРЬ.

XIX.

Я зналъ отца Савелія еще въ дѣтствѣ. Но не одни воспоминанія прошлаго привязывали меня къ нему и заставляли сожалѣть о немъ: можно сказать безъ преувеличенія, что вмѣстѣ съ нимъ весь околотокъ лишался одного изъ самыхъ почтенныхъ, самыхъ достойныхъ стариковъ своихъ.

Иванъ Анисимычъ, или, просто, Анисимычъ (какъ звали старика), принадлежалъ къ числу тѣхъ трудолюбивыхъ, дѣловыхъ пахарей стараго вѣка, которые, къ величайшему сожалѣнію, переводятся годъ отъ году. Особенно рѣдко теперь встрѣчаются они въ нашихъ мѣстахъ Но мѣрѣ того, какъ развивался у насъ фабричный промыселъ, воздѣлываніе полей приходило въ упадокъ; челнокъ, красная рубаха и гармонія замѣтно смѣняли соху, балалайку и лапти; вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно также исче-

залъ типъ настоящаго, кореннаго, первобытнаго пахаря. Въ послѣдніе годы одинъ Анисимычъ исключительно, можно сказать, жилъ своимъ полемъ. Его не сокрушали даже неурожайные годы. Онъ продолжалъ пахать, боронить и сѣять даже въ то время, когда фабрики стали приносить очевидныя выгоды противъ пашни. Но не упрямство управляло имъ, не закоснѣлая привычка къ старому прадѣдовскому ремеслу; не управляли имъ также разсчетъ и тонкая сметливость: старикъ нимало не соображалъ о томъ, что не вѣкъ же продлятся неурожайные годы, не вѣкъ же миткалю будетъ цѣна высокая! Въ умѣ его было меньше, можетъ быть, хитрости и пронырства, чѣмъ у любого тридцатилѣтняго фабричнаго щеголя. Наконецъ, мнѣ сказывали, онъ считалъ даже грѣшнымъ дѣломъ впередъ загадывать: «что будетъ, то все въ рукѣ Господа; словесами либо думой тутъ не поможешь», говорилъ онъ. Старикъ не разставался съ полями потому только, кажется, что свыкся съ ними и шибко къ нимъ привязался. Мудренаго нѣтъ: онъ началъ привыкать къ нимъ еще въ то время, когда покойная его мать, отправляясь на жнитво, носила его туда въ люлькѣ. А это было очень давно: Анисимычъ доживалъ уже теперь восьмой десятокъ.

XX.

Съ мыслью о смерти стараго пахаря, вся простая жизнь его, исполненная безропотнаго, неусыпнаго труда и дѣтскаго простодушія, ясно представилась моему воображенію; даже мелкія черты характера и ничтожные эпизоды его скромнаго существованія, которые давнымъ-давно были мною забыты, стали выясняться, какъ-бы для того, чтобы въ минуту смерти оставить о немъ еще больше сожалѣнія.

Меня особенно поражали въ немъ всегда необычайная кротость нрава, чистота помысловъ и благочестіе. Единственная вещь, можетъ-быть, которой не любилъ онъ, было миткалевое производство; но никогда, одна-

кожъ, не относился онъ съ насмѣшкой, злобой или пренебреженіемъ, когда рѣчь заходила объ этомъ предметѣ. Онъ, помнится, покручивалъ только сѣдою головою и говорилъ: «Худое ремесло то, когда ничего не дѣлаешь! Коли человѣкъ кормится фабриками, стало, и въ нихъ прокъ есть. Нехороша только жизнь фабричная — вотъ что похвалить нельзя; нехороши эти гулянки, да кабаки, да пищалки эти (такъ называлъ онъ гармоніи). Что денегъ-то даютъ хозяева, присовокуплялъ онъ обыкновенно,—за этимъ гнаться нечего; деньги только въ соблазнъ вводятъ. Нашему брату денегъ не надобно: былъ бы хлѣбъ святой. Есть хлѣбъ, ни въ чемъ, значитъ, недостатка не будетъ, потому хлѣбъ всѣмъ надобенъ, всякому то есть человѣку; на что хочешь, можно промѣнять его!.. По-моему, пахота самое, выходитъ, первое дѣло! заключалъ всегда старикъ, рѣдко пропускавшій случай поговорить о ремеслѣ своемъ, когда былъ въ духѣ, и стараясь при этомъ выставлять всѣ его выгоды. — Да! пахота всякому ремеслу голова! Какое ни есть рукомесло, ужъ это все, значитъ, живешь при немъ какъ словно не въ удовольствіи: фабриканту ли какому, или хозяину работаешь, имъ, примѣрно, и отвѣчать должонъ. Люди-то неравны—вотъ что! И хорошо сдѣлаешь, всѣми силами стараешься, да не угодишь; ну, сердце-то и кипитъ въ тебѣ, все не въ удовольствіи... Ну, а съ пахотой этого не бываетъ: самъ себѣ работаешь, самъ себѣ и отвѣчаешь: старался—значитъ, тебѣ же хорошо; полѣнился, не родилось ничего—самъ, выходитъ, на себя и пеняй!.. И живешь покойнѣе, потому, выходитъ, серчать не на кого: весь ты, какъ есть, во власти Господней!»

Анисимычъ доказывалъ на дѣлѣ, какъ мало имѣлъ пристрастія къ денежному барышу. Когда заводился лишній грошъ, онъ спѣшилъ принанять лишней земли, употреблялъ его на покупку какой-нибудь снасти или на поправку домашней, хозяйственной принадлежности. Во всемъ околоткѣ дѣти, моложе даже восьми лѣтъ, занимались размоткою бумаги и доставали этой работой «на соль», какъ выражались отцы ихъ. Анисимычъ слышать не хотѣлъ объ этомъ. Ребятишки его пользовались пол-

ной свободой бѣгать по полямъ и рощамъ. На четырнадцатомъ году, однакожъ, старшій братъ Савелья ловко уже управлялъ сохою и никогда не портилъ борозды.

XXI.

И не разстраивался какъ-то Анисимычъ, несмотря на неурожайные годы, несмотря на добровольное лишеніе выгодъ, которыя могли доставить ему фабрики. Соблюдая строгій хозяйственный порядокъ, живя просто, неприхотливо, онъ ни въ чемъ никогда не нуждался; онъ находилъ даже способъ быть запасливымъ. Часто даже доводилось зажиточнымъ крестьянамъ занимать у него муку и зерна на посѣвъ. Въ этихъ случаяхъ, надо замѣтить, старикъ оказывался всегда очень «крѣпкимъ». Человѣкъ безпутный, нетрезвый не выманилъ бы у него куска льду зимою. Онъ не давалъ въ займы безъ разбора; но когда случалось ссужать сосѣда, то дѣлалъ это, никогда не требуя вознагражденія. Благодаря промышленному состоянію края, въ рѣдкой деревнѣ не сыщешь своего рода ростовщика. Мужикъ, застигнутый врасплохъ нуждою, беретъ у него овесъ, соль и деньги, съ тѣмъ, чтобы, по истеченіи условнаго срока, отдать въ полтора раза больше. У насъ, слѣдовательно, простолюдинъ знакомъ очень хорошо съ процентами. Старому пахарю часто предлагали отдать долгъ съ залишкомъ, лишь бы только смягчить его: онъ всегда отказывался. Ему выставляли на видъ, что еслибъ онъ бралъ лишки съ должниковъ, то въ скоромъ времени обогатился бы; но такія рѣчи встрѣчали всякій разъ въ пахарѣ самое полное равнодушіе: онъ слушалъ ихъ, какъ-будто онѣ вовсе не къ нему относились. Отвѣтъ его былъ постоянно одинъ и тотъ же:

«— Я денегъ не даю, говорилъ онъ:—денегъ у меня нѣтъ; я хлѣбъ даю... коли есть; хлѣбъ — даръ Божій!.. Господь съ насъ процентовъ не беретъ, стало и намъ грѣхъ, не приходится... Хлѣбъ—дѣло святое,—не то, что деньги; деньги отъ человѣка! онъ ихъ выдумалъ, онъ ихъ и дѣлаетъ...»

Анисимычъ слылъ мастакомъ во всякомъ хозяйственномъ дѣлѣ. Знаніе его, соединенное съ услужливостью и необыкновенною терпимостью нрава, было причиной, что часто также прибѣгали къ нему съ просьбами другого рода. Къ нему ходили за совѣтомъ. Анисимычъ долженъ былъ прежде осмотрѣть животное: приговоръ старика рѣшалъ тотчасъ же дѣло. Требовалось ли соорудить новую снасть, купить топливо на зиму или лѣсу на избу—опять обращались къ его опытности. Во всемъ, что касалось полевыхъ работъ, Анисимыча слушали, какъ оракула. Глядя на то, что онъ дѣлалъ, дѣлали и другіе: онъ выѣзжалъ сѣять—вся вотчина сѣяла, онъ не косилъ — никто не бралъ косы, хотя бы даже минули Петровки.

— Анисимычъ разсаду сажать выѣхалъ: стало, время! говорили бабы.

XXII.

И точно: лучше старика никто не могъ знать о времени жнитва и посѣва, о свойствахъ земли и зеренъ. Болѣе шестидесяти лѣтъ прожилъ онъ въ поляхъ; постепенно, годъ за годъ, сроднялся онъ тѣснѣе съ почвой. Въ этомъ сродствѣ его съ полями было что-то трогательное. Эти три-четыре нивы, которыя пахали его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ, обусловливали всю его жизнь: отъ нихъ зависѣло благосостояніе дѣтей его и цѣлаго семейства; онъ возлагалъ на нихъ всѣ свои надежды и всегда съ жаркою молитвой поручалъ ихъ Богу. Сколько заботъ и попеченій онѣ ему стоили, сколько тревогъ и радостей принесли онѣ ему, сколько пота пролилъ онъ на нихъ въ эти шестьдесятъ лѣтъ своей трудовой жизни!

Но и онѣ какъ-будто понимали его; между ними установилось какъ словно тайное сочувствіе.—«Эхъ! скажетъ бывало старикъ, оглядывая лѣтомъ свое поле:—вотъ этотъ осминничекъ какъ славно обманулъ меня! Мало ли я положилъ въ тебя зеренъ, — не жалѣлъ, кажется! и вспахалъ лучше быть нельзя! А колосъ-то жиденькій, соломка тощая!... Обманулъ ты меня!...» Проходитъ лѣто, жатва скошена, ужъ журавли летятъ въ теплыя стороны. Ани-

симычъ снова въ полѣ, снова идетъ къ осминнику, который не оправдалъ его надежды. Старикъ крестится, съ удвоеннымъ стараніемъ бороздитъ его вдоль и поперекъ, раза два лишнихъ боронитъ и вспахиваетъ, прилаживаетъ лишній камень на борону. — «Ну, теперь, ладно, надо быть; не надо бы, кажется, теперь обманывать! скажетъ онъ, обтирая рукавомъ крупныя капли пота: — такъ запахано, комушка нѣтъ! какъ пухъ землица! Славная будетъ постелька для зернышка!...» И, въ самомъ дѣлѣ, на другое лѣто, старикъ не натѣшится, глядя на свой осминникъ, покрытый изъ края въ край частымъ, высокимъ стеблемъ, который плавно колышется на вѣтрѣ, шумя тяжелыми гроздьями золотого овса. Эти три-четыре нивы были для него цѣлымъ міромъ, въ которомъ жилъ онъ всѣми своими помыслами, всею душою. Мысли его рѣдко переносились за предѣлъ зеленѣющихъ межей, окружавшихъ его поле.

XXIII.

Но и въ этомъ тѣсномъ горизонтѣ научился онъ многому. Премудрость Божія не такъ же ли безконечно поразительна въ стеблѣ травы, какъ и въ громадныхъ явленіяхъ природы! Довольно было старому пахарю прожить свой вѣкъ подъ этимъ узенькимъ клочкомъ неба, между этими бѣдными холмами и рощами, чтобы пріобрѣсти опытъ и знаніе, которые составляютъ мудрость сельскаго жителя. Не этотъ ли опытъ и знаніе помогали старику поддерживать благосостояніе семьи и тѣхъ окружающихъ, которые хотѣли слушать его совѣтовъ?

— А что, Анисимычъ, не пора ли овесъ сѣять? вымолвитъ сосѣдъ, выходя, весною, за ворота, чтобы погрѣться на солнцѣ:—вишь, теплынь какая стала, даже паръ отъ земли пошелъ.

— Нѣтъ, погоди, скажетъ старый пахарь:—ходилъ я ноньче въ поле, глядѣлъ: листъ что-то малъ на дубкахъ, не совсѣмъ еще развернулся,—ждать надо холоду, стало быть; можетъ статься, еще будетъ и сиверка: овесъ этого не любитъ! Сѣй его, какъ листъ дубовый развернется

въ заячье ухо: тогда и сѣй, потому, значитъ, земля тогда готова,—за свой родъ принялась.

У него на все были свои примѣты. Онѣ, надо полагать, постоянно оправдывались въ продолженіе цѣлыхъ шестидесяти лѣтъ: онъ слѣпо имъ вѣрилъ. Разъ, помнится мнѣ, всю весну лили безпрерывные дожди; земля въ поляхъ размокла, какъ кисель; кругомъ стали опасаться за корень ярового хлѣба. Нн унывалъ одинъ Анисимычъ. А, между тѣмъ, ему болѣе, чѣмъ всякому слѣдовало бы тревожиться; поле составляло все его богатство; но онъ оставался покойнымъ: онъ утвердительно говорилъ, что лѣто будетъ ведреное и все высушитъ, все поправитъ. Другого объясненія не было, какъ-то, что въ день апостола Якова (30-го апрѣля) солнце взошло въ ясномъ, безоблачномъ небѣ, и весь день не видно было ни одной тучки. Старикъ присоединялъ къ этому еще другую примѣту: онъ наблюдалъ вскрытіе рѣки; рѣка вскрылась рано и дружно и, по словамъ его, это служило несомнѣннымъ знакомъ благополучнаго лѣта. Предсказаніе его оправдалось какъ нельзя лучше. Основываясь на примѣтахъ, онъ почти всегда вѣрно угадывалъ о злой и счастливой судьбѣ, которая ожидала поселянина въ полѣ. Помня день, когда началъ завязываться первый колосъ, онъ безошибочно высчитывалъ, день въ день, всѣ періоды произрастанія хлѣба и всегда вѣрно опредѣлялъ срокъ жатвы.

— Что ты, Анисимычъ, на лугъ-то уставился? шутливо говорилъ сосѣдъ:—лошадей что ли высматриваешь?

— Нѣтъ, на гусей гляжу.

— А что?

— Да все что-то на одну ногу становятся: надо быть, скоро снѣжокъ выпадетъ!... Вотъ также и журавли: вишь, какъ низко летятъ. По всему сдается, рано ноньче зима станетъ.

Иной разъ радостно ожидалъ онъ дружную, теплую весну. «Былъ я ноньче въ полѣ, говорилъ онъ:—ни одного грача не видно; а ужъ давно прилетѣли! прямо, значитъ, на гнѣзда на свои сѣли: тепло, значитъ, чуютъ, торопятся дѣтей выводить». Стоитъ иной разъ засуха, вся деревня носъ повѣсила; Анисимычъ ходитъ, бывало,

всѣхъ ободряетъ. Полагаясь на какую-нибудь примѣту, онъ весело поглядываетъ на нивы, палимыя солнцемъ. «О чемъ вы? скажетъ, бывало:—и дождикъ, и вѣтры, и солнце,—все это въ рукѣ Божіей. Онъ знаетъ, что дѣлаетъ, у него все сосчитано, всѣ дни и весь годъ уравненъ: не пропадетъ зря ни единой капельки во весь годъ, не колыхнетъ вѣтеръ стебля, коли не ко времени. Онъ знаетъ лучше, что надобно...» Въ истинно скорбное время, когда солнце спалило хлѣбъ, или градъ скосилъ до тла дозрѣвающую рожь, онъ никогда не отчаявался, никогда не падалъ духомъ: имъ овладѣвало тогда какое-то сосредоточенное, задумчивое спокойствіе. «Тутъ ничѣмъ не поможешь, были всегдашніе слова его:—надо Бога просить, чтобъ на будущее время помиловалъ...» И снова принимался онъ съ прежней довѣренностью дѣлать свои наблюденія.

Однимъ словомъ, примѣты эти наполняли жизнь его, онѣ управляли каждымъ его дѣйствіемъ: не брался онъ ни за какое дѣло, не посовѣтовавшись сначала съ знаменіями, которыя природа, какъ нѣжная мать, заботливо разсыпаетъ по лицу своему въ назиданіе человѣку, отдавшему ей свое существованіе. Не голосъ ли это Божій слышится намъ въ этихъ знаменіяхъ? Не потому ли и жизнь стараго пахаря протекла такъ беззаботно и мирно, что такъ покорно слушался онъ этого таинственнаго голоса?..

XXIV.

Нѣтъ, какъ бы сильно ни чувствовали мы природу, она никогда не можетъ говорить намъ столько, сколько скажетъ пахарю. Такъ уже судьба поставила насъ, что между природою и нами нѣтъ и быть не можетъ близкой, родственной связи. Мы только мимоходомъ восхищаемся ея красотами или вдаемся, по поводу ея явленій, въ сухія теоріи и сухія изслѣдованія: въ обоихъ случаяхъ, не является ли она передъ нами книгой, въ которой мы любуемся картинками, но не разбираемъ текста?

Простолюдина мало трогаютъ красоты природы: онъ не размышляетъ, какъ мы, о ея таинствахъ (размышлять, судить о чемъ-нибудь, не значитъ ли отрѣшать уже себя, нѣкоторымъ образомъ, отъ обсуждаемаго предмета, считать себя если не выше его, то хотя исключеніемъ?). Пахарь сродняется съ природой отъ колыбели; онъ покоряется безъ размышленія ея законамъ, онъ живетъ ея жизнью; его судьба, радости и горести,—все въ рукахъ ея. И природа, какъ-будто сознавая дѣтское безсиліе пахаря и тронутая его зависимостью, постепенно бросаетъ къ ногамъ своимъ таинственные свои покровы; она открываетъ ему грудь свою и знакомитъ его съ собою. Величаво молчаливая съ нами, гордыми міра сего, она говоритъ пахарю и распускающимся листомъ и восходомъ солнца, говоритъ ему мерцаніемъ звѣздъ, теченіемъ вѣтра, полетомъ птицъ и тысячью, тысячью другихъ голосовъ, которые для насъ, гордыхъ міра сего, останутся навсегда языкомъ непонятнымъ.

Тому, кого занимали только разсчеты по поводу сельскаго хозяйства и сельской жизни, тому никогда не понять поэзіи, которая заключена въ этомъ родствѣ пахаря съ землей и природой. Есть вещи, свѣтлая сторона которыхъ открывается только сердцу. Если находятся люди, которые чувствуютъ эту поэзію, стало-быть, она существуетъ; но почему не предположить, что душѣ пахаря сознательно доступна хоть одна сторона ея? Человѣкъ, который не можетъ ни дать отчета въ своихъ впечатлѣніяхъ, ни выразить ихъ словами, конечно, кажется бѣднѣе одареннымъ того, кто обладаетъ такими способностями; но слѣдуетъ ли заключать, что онъ ничего не чувствуетъ? Почему знать, о чемъ думаетъ пахарь, когда, выйдя въ поле на зарѣ яснаго весенняго утра, оглядываетъ онъ свои нивы? Неужели улыбка на лицѣ его и радость на сердцѣ служатъ только выраженіемъ грубаго чувства и увѣренности въ будущемъ барышѣ и выгодахъ? Отчего же, глядя на нивы свои, не можетъ онъ припоминать и осенній вечеръ, въ который засѣвалъ ихъ, и теплую молитву, съ которой поручалъ ихъ тогда Богу, и семейную радость, когда омыло ихъ первымъ дождикомъ, и тѣ стократъ

счастливые дни, когда увидѣлъ онъ, что эти голыя поля, поднятыя его рукою, начинали покрываться частою, сочною зеленью?.. Что же такое поэзія, если не живое представленіе мирныхъ минувшихъ радостей?..

XXV.

Анисимычъ никогда не былъ ни старостой, ни даже сотскимъ; онъ, какъ особенной милости, просилъ всегда, чтобъ избавили его отъ всякой почетной должности. При всемъ томъ, его почитали и слушали больше даже, чѣмъ начальниковъ, которые избирались міромъ.

Въ деревенскомъ быту, несмотря на внѣшнія грубыя формы, нравственныя качества такъ же хорошо взвѣшиваются, какъ и въ образованномъ сословіи; вліяніе нравственной личности такъ же здѣсь замѣтно и сильно, какъ и тамъ. Здѣсь точно такъ же взвѣшены права на уваженіе каждаго лица и семейства. Въ каждомъ углу разсчитываютъ поступки каждаго, разбираютъ, кто съ кѣмъ въ родствѣ, почему лучше отдать дочь замужъ въ такой-то домъ или взять такую-то для сына, и все это не въ одномъ денежномъ смыслѣ. Общественное мнѣніе господствуетъ надъ всѣми и управляетъ поступками каждаго болѣе, чѣмъ думаютъ.

Не было примѣра, чтобы мірская сходка обходилась безъ Анисимыча. А между тѣмъ онъ стоялъ въ какомъ-то исключительномъ положеніи, какъ пахарь въ фабричной деревнѣ, не былъ ни особенно богатъ, ни силенъ, ни крикливъ; но его слушали, и совѣтъ его служилъ всегда послѣднимъ, рѣшительнымъ приговоромъ. То же самое было во всѣхъ крайнихъ, запутанныхъ дѣлахъ и даже въ семейныхъ распряхъ: что скажетъ, бывало, старикъ, то и свято. Мнѣ ясно представляется теперь одинъ случай.

Дѣлились два брата. Всякій, кто жилъ въ деревнѣ, знаетъ, съ какими трудностями сопряжены дѣлежи такого рода. Какъ раздѣлить, напримѣръ, одну избу между двумя человѣками? Не разрубить же ее пополамъ, въ самомъ дѣлѣ! Какъ уравнять цѣнность лошади съ нѣсколькими

овцами или цѣнность хозяйственныхъ орудій съ домашнею утварью? Дѣлежъ между двумя братьями не подвигался къ концу, несмотря на дѣятельное участіе міра и конторы.—«Позвать развѣ Анисимыча: что онъ скажетъ!» замѣтилъ кто-то. Братья и всѣ присутствующіе выразили согласіе. Послали за старикомъ, и, немного погодя, онъ явился. Сначала онъ долго отговаривался, говорилъ, что что бы ни сказалъ онъ, одинъ изъ братьевъ все-таки останется не въ удовольствіи, и прочее; но къ нему приступали рѣшительнѣе и потребовали отвѣта.— «Ну, во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» сказалъ онъ тогда, набожно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. (Онъ объяснилъ потомъ движеніе это тѣмъ, что «просилъ Господа помочь ему судить побожески, по справедливому, а не по человѣческому».) Затѣмъ, онъ рѣшилъ споръ такимъ образомъ: все хозяйство и весь скотъ слѣдовало раздѣлить пополамъ, какъ «пріобрѣтенное»; но хлѣбъ—даръ Божій! Богъ печется о каждомъ человѣкѣ и посылаетъ хлѣба каждому сколько нужно: хлѣбъ надо дѣлить, слѣдовательно, по душамъ; у одного брата три души, у другого восемь: такъ послѣднему больше надо.

Такъ и сдѣлали.

XXVI.

Въ жизни пахаря, которая протекала такъ же покойно и тихо, какъ песокъ стеклянныхъ часовъ, было, однакожъ, одно сильное потрясеніе. На семью его пала рекрутская очередь. Его не предупредили въ этомъ, слова не сказали: думали сдѣлать лучше. Но разъ ночью пришли къ нему въ избу и захватили одного изъ сыновей его, перваго, который попался. (Говоря потомъ объ этомъ, онъ сказывалъ, что сердце его въ эту минуту сдѣлалось вдругъ тяжелымъ, какъ пудъ, и словно окаменѣло). Но случай этотъ его поразилъ такъ сильно только по своей неожиданности. Прійдя въ себя, старикъ побѣжалъ въ контору и просилъ, чтобы ему самому предоставили выборъ дѣтей. На другой день онъ отвезъ всѣхъ трехъ сыновей въ городъ.

До сихъ поръ еще, многимъ лицамъ, присутствовавшимъ на ставкѣ, памятна сцена, когда, послѣ произнесенія очередного имени, въ дверяхъ присутствія явился вдругъ сѣдой, шестидесятилѣтній старикъ.—«Ваше благородіе! сказалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ членамъ присутствія:—очередь за моею семьею. У меня три сына... пытался — не могу выбрать: всѣ равно дороги!.. Соблаговолите позвать всѣхъ трехъ... выбирайте ужъ лучше сами!..» — Въ комнату вошли три парня, одинъ краше другого. Двое стали по правую руку отца, одинъ по лѣвую. Старикъ обнялъ поочередно всѣхъ трехъ и произнесъ, положивъ имъ сперва руку на голову: «Всѣ милы!.. всѣ дороги!.. всѣ хороши!..» Тутъ дыханіе какъ бы стѣснилось въ груди его; онъ остановился, покачалъ головою, тяжко вздохнулъ и вдругъ залился слезами. Присутствующіе, тронутые его положеніемъ, стали его успокоивать. Онъ попросилъ позволенія кинуть жребій. Вынувъ изъ кошелька три мѣдные гроша, онъ подалъ ихъ дѣтямъ, внимательно потомъ осмотрѣлъ каждый грошъ, положилъ на каждомъ знакъ зубами и велѣлъ бросить ихъ въ шапку.

— Вамъ, ваше благородіе, сказалъ онъ, обратясь опять ко всѣмъ:—вамъ, я вижу... вы о нихъ также жалѣете... прикажите ужъ лучше позвать какого-ни-на есть человѣка... который не видалъ меня съ ними... Пускай ужъ лучше онъ жребій вынетъ...» Позвали солдата. Старикъ сказалъ ему: «Какъ вынешь жребій, никому не показывай... мнѣ отдай...» — Жребій вынутъ. Старикъ взялъ грошъ у солдата, отошелъ къ окну, взглянулъ на него, дрогнулъ, но тотчасъ же оправился, перекрестился и возвратился къ дѣтямъ. «Вася, вымолвилъ онъ, обратясь къ младшему:—Вася... голубчикъ мой! подойди ко мнѣ...»—Онъ снова положилъ ему руку на голову, съ минуту глядѣлъ на него молча и наконецъ произнесъ: «Ты былъ... да, былъ ты мнѣ хорошимъ сыномъ... завсегда хорошъ былъ... будь же хорошимъ солдатомъ царю нашему...» — Онъ обнялъ его, благословилъ и, закрывъ ладонью лицо, пошелъ къ двери, плача какимъ-то дѣтскимъ плачемъ.

КОНЧИНА.

XXVII.

Припоминая прошлое и стараясь представить себѣ какъ можно яснѣе почтенную личность стараго пахаря, я незамѣтно миновалъ поле. Я даже удивился, когда увидѣлъ себя вмѣстѣ съ Савельемъ и его женою на скатѣ горы, откуда открывались деревни и окрестность.

Солнце приближалось уже къ горизонту. Долина наполнялась тѣнью; тамъ только, гдѣ мѣстность въ долинѣ нѣсколько подымалась или гдѣ возвышалась роща, выступали яркія пятна свѣта, которыя казались тѣмъ ослѣпительнѣе, что ихъ окружалъ голубоватый сумракъ. Верхушки одинокихъ деревъ, разбросанныхъ кое-гдѣ по долинѣ, принимали издали видъ золотыхъ островковъ, плавающихъ въ синемъ морѣ. Посреди пестрой смѣси свѣта и тѣни, особенно сильно освѣщалась улица; лучи солнца прямо били на одинъ бокъ ея, превращая въ огонь окна избушекъ: въ каждой избѣ топилась какъ-будто печь или пылалъ костеръ. Я уже сказалъ, что съ этого ската деревня виднѣлась какъ на ладони. Я замѣтилъ съ перваго взгляда, что тамъ происходило необыкновенное оживленіе: черныя точки поминутно перебѣгали улицу; длинныя тѣни, бѣгавшія заодно съ людьми, обманчиво усиливали движеніе.

— Скорѣй... скорѣй!.. вымолвила жена Савелья, не отрывая глазъ отъ деревни.

Она хотѣла еще что-то прибавить, но выразительно указала впередъ рукою и побѣжала къ мосту. Савелій, не замѣчалъ ни движенія жены, ни ея голоса, ни того даже, кажется, что она насъ оставила. Голова его была по-прежнему опущена на грудь; глаза, съ дрожащими надъ ними бровями, притупленно смотрѣли въ землю. Въ задумчивой фигурѣ его, какъ словно машинально идущей по дорогѣ, замѣтно было присутствіе одной только мысли, которая отталкивала все, что до нея ни касалось. Онъ ускорялъ, однакожъ, шагъ по мѣрѣ приближенія къ цѣли.

Мы вошли въ деревню въ ту самую минуту, какъ въ околицу вгоняли стадо. Оно бѣжало къ намъ прямо на встрѣчу и еще больше усиливало движеніе, которое я замѣтилъ издали. Бабы, ребята и дѣвчонки поминутно перебѣгали намъ дорогу: ихъ точно держали до сихъ поръ взаперти и вдругъ разомъ всѣхъ выпустили. Всѣ стремились къ освѣщенной половинѣ деревни и направлялись къ одной избѣ, у воротъ которой стояла уже порядочная толпа. Ревъ, блеянье, топотъ, крики старухъ, которыя загоняля коровъ и овецъ, не позволяли мнѣ разслышать говоръ народа, толпившагося у двери избы; разъ только съ той стороны послышался мнѣ какъ-будто глухой, сдавленный вопль нѣсколькихъ голосовъ.

— Савелій, брось лошадей-то! старикъ умираетъ! быстро проговорила какая-то баба и еще быстрѣе пронеслась мимо.

Савелій постепенно ускорялъ шагъ. Изъ избы явственно уже теперь приносились вопль, крики и голошенье; когда отворяли дверь, можно даже было разбирать слова и узнавать голоса. Въ толпѣ, тѣснившейся у избы, всѣ горячо и торопливо говорили. Когда мы приблизились къ воротамъ, всѣ смолкли и обратили любопытные глаза на Савелья.

Подъ навѣсомъ воротъ жались полдюжины овецъ и двѣ коровы; въ общей суматохѣ, онѣ были забыты хозяевами. Савелій остановилъ лошадей, сдѣлалъ шагъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ отворить ворота, снова вернулся къ лошадямъ, началъ-было ихъ разнуздывать, но отчаянный вопль, вырывавшійся изъ избы, отнялъ видно у него послѣднюю твердость: руки его опустились, онъ тоскливо замоталъ головою и пошелъ къ низенькой боковой двери, которая вела въ сѣни. Въ толпѣ съ особенною какою-то торопливостью дали ему дорогу.

XXVIII.

Мнѣ никогда не случалось присутствовать при послѣднихъ минутахъ умирающаго. Смерть дѣйствуетъ особеннымъ страхомъ, когда дѣло идетъ о знакомомъ чело-

вѣкѣ. Помимо чувства сожалѣнія, возбуждаемаго сознаніемъ вѣчной разлуки, душа въ этихъ случаяхъ невольно содрогается при мысли, что существо, лежащее теперь бездыханнымъ трупомъ, вчера еще говорило съ вами; я слышалъ звукъ его голоса, онъ и теперь еще явственно какъ-будто раздается въ ушахъ моихъ; я дѣлилъ съ нимъ мысли и чувства, видѣлъ, что жизнь наполняла его до тончайшей фибры,—и вдругъ все это смолкло, остановилось, кончилось навсегда, и никогда, никогда больше не возобновится! Жутко...

Я окончательно смутился, войдя въ сѣни, биткомъ-набитыя плачущимъ народомъ. Посреди протяжныхъ причитаній, выходилъ иногда вопль, который, какъ ножомъ, надрѣзывалъ сердце. Въ избѣ было еще тѣснѣе: не было рѣшительно возможности подвигаться впередъ. Бабы, съ грудными младенцами на рукахъ, стояли даже на лавкахъ; печь и палати усѣяны были головами: всѣ жались и тискались. Вопль былъ такъ силенъ, что съ трудомъ можно было заставить понять себя, говоря громко на-ухо. Въ толпѣ то-и-дѣло попадались распухнувшія, красныя лица, съ зажмуренными глазами и раскрытыми ртами, изъ которыхъ вырывались пронзительные крики. Большая часть бабъ стояла крѣпко обнявшись: положивъ голову на плечо другъ дружкѣ, онѣ мѣрно раскачивались подъ тактъ унылаго, размѣреннаго голошенья.

Мнѣ тогда не былъ еще знакомъ обычай нашего народа спѣшить наполнить избу умирающаго и выразить скорбными возгласами то уваженіе, которое имѣли къ нему при жизни. Въ первую минуту, признаюсь, мною овладѣла даже досада. «Чего имъ здѣсь надо, подумалъ я, чего они не видали? Человѣкъ не успѣлъ умереть, и вотъ всѣ набились въ избу и кричатъ во всѣ голоса, что онъ умеръ! Ему и безъ того, быть-можетъ, тяжко разстаться съ жизнью, а они не перестаютъ напоминать ему о прожитомъ счастіи, объ осиротѣломъ семействѣ!» Но почти въ ту же секунду мнѣ пришла слѣдующая мысль: поспѣшность эта выразить свое отчаяніе, — поспѣшность, часто преждевременная и съ перваго взгляда возмутительная, не показываетъ ли, какъ мало вообще народъ

избалованъ надеждой? Онъ не привыкъ обманывать себя успокоительными мечтаніями: онъ отдается своему горю безъ размышленія, и не потому ли кажется оно ему неизбѣжнымъ? Я окончательно примирился съ воплемъ, раздавшимся подлѣ умирающаго, когда вспомнилъ, сколько было у него близкихъ и родственниковъ: они, конечно, не могли достаточно оплакать его кончину.

До-сихъ-поръ, сколько я ни старался пробраться впередъ, передо мной мелькали только головы, и впереди виднѣлся темный уголъ избы, въ которомъ тускло мерцало пламя желтой восковой свѣчи, прилѣпленной къ образу. Прежде всего я различилъ колѣни умирающаго. Меня съ ногъ до головы обдало холодомъ: самъ не знаю отчего, но мнѣ не такъ тягостно было увидѣть его самого, какъ увидѣть эти недвижимыя, выступающія острымъ угломъ колѣни. Въ ногахъ пахаря сидѣла жена его, древняя старуха, какъ и самъ онъ. Обнявъ руками шеи двухъ замужнихъ дочерей, которыя рыдали, какъ безумныя, она безсильно свѣшивала голову то къ одной на плечо, то къ другой. Платокъ, покрывавшій ей голову, бросалъ густую тѣнь на лицо ея; изрѣдка слабый стонъ вырывался изъ впалой груди старушки. Она сама какъ-будто умирала. Подлѣ стоялъ старшій сынъ, такой же видный мужчина, какъ Савелій, но только смуглѣе его. Прислонясь правымъ локтемъ въ стѣну, закрывъ правою ладонью лицо, онъ былъ недвиженъ, и только тяжкіе вздохи приподымали могучую грудь его. По другую сторону находился Савелій. Онъ стоялъ на колѣняхъ; кудрявая голова его лежала на обнаженной рукѣ, вытянутой вдоль сосѣдней лавки. Всѣ убивались надъ старикомъ, какъ надъ безчувственнымъ трупомъ покойника; а, между тѣмъ, предметъ ихъ скорби боролся еще съ жизнью; глаза его были закрыты, но грудь, время отъ времени, высоко еще подымалась.

XXIX.

Онъ лежалъ подъ образами, на лавкѣ, устланной соломой. Голова его покоилась на снопѣ овса. Длинные, серебристые волосы старика не раскидывались въ безпо-

рядкѣ, какъ у человѣка, который судорожно, отчаянно борется со смертью: они спускались мягкими, волнистыми прядями вдоль худощавыхъ щекъ, покрытыхъ мелкими складками и тѣмъ смуглымъ, черствымъ отливомъ, который накладываетъ жизнь, проведенная на воздухѣ, во всякое время года: въ холодъ, зной, дождь и вѣтеръ.

Я стоялъ въ двухъ шагахъ и могъ различать мельчайшія черты почтеннаго лица его. Оно поражало своимъ контрастомъ съ лицами, меня окружавшими: сколько истинной, неподдѣльной скорби и безотраднаго отчаянія виднѣлось на послѣднихъ, столько же спокойствія написано было въ чертахъ умирающаго старца; нѣтъ, никогда, потомъ, нигдѣ и никогда, не встрѣчалъ я такого тихаго, такого кроткаго выраженія! Ясно, между тѣмъ, видно было, что смерть не отняла еще у него полнаго сознанія; мысль какъ-бы просвѣчивала сквозь закрытыя вѣки его и озаряла черты его; онъ долженъ былъ слышать все, что вокругъ происходило: слышалъ вопли родныхъ, слышалъ страшныя слова прощанья, слышалъ раздиравшіе сердце возгласы двухъ дочерей, умолявшихъ его не покидать ихъ, пожить еще съ ними; слышалъ глухой плачъ Савелья и горькія всхлипыванья старшаго сына; но мысль, оживлявшая черты его, не принадлежала уже, видно, окружавшему его міру. Ни одна морщинка не показывала душевной, внутренней тоски. Онъ какъ-будто засыпалъ въ полѣ послѣ трудового утра и, отходя постепенно ко сну, сладко прислушивался къ пѣнью жаворонковъ, которые заливались въ вышинѣ небесной...

«Такъ вотъ смерть!» думалъ я, пристально всматриваясь въ лицо его. Я видѣлъ смерть въ первый разъ; но мнѣ страшнѣе было слушать вопли, страшнѣе былъ видъ живыхъ лицъ, обезображенныхъ отчаяніемъ, чѣмъ видъ самой смерти. Страшный, ужасающій образъ, который представлялся моему воображенію всякій разъ, когда я думалъ прежде о смерти, исчезалъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ я всматривался въ кроткое, покойное лицо пахаря. Мнѣ стало казаться, что въ томъ трепетномъ мерцаніи, которое разливала свѣчка надъ изголовьемъ умирающаго, стоитъ не страшный, ужасающій образъ,—нѣтъ!

но ясно улыбающійся ангелъ, который ласково простиралъ впередъ руки и тихо двигалъ бѣлыми, лучезарными крылами...

XXX.

Въ одну изъ тѣхъ минутъ, какъ я напрягалъ зрѣніе, чтобы уловить на лицѣ пахаря отраженіе окружающей его скорби, въ дальней части избы нежданно стихли вопли. Послышалась давка, и нѣсколько женскихъ голосовъ прокричало: «Пропустите, касатики! пропустите дѣдушку Карпа... дайте пройдти! проститься хочетъ!..» Я посторонился вмѣстѣ съ другими и далъ мѣсто сѣдому, низенькому старичку.

Это былъ родной братъ пахаря. Хотя между лѣтами того и другого считался только годъ разницы, но Карпъ смотрѣлъ уже совершенной развалиной. Онъ давно оставилъ полевую работу, перемогался со дня на день и въ послѣднее время проводилъ жизнь на печкѣ, изрѣдка выходя на заваленку, чтобы погрѣться на солнцѣ. Крошечное лицо его изрыто было морщинами: каждый трудовой день словно провелъ на немъ черту свою. Ноги его дрожали, руки тряслись; голова, на которой оставались по бокамъ рѣдкіе клочки волосъ, ходила изъ стороны въ сторону. Онъ, очевидно, дрожалъ не отъ волненія, но отъ дряхлости. Въ тусклыхъ глазахъ, устремленныхъ на брата, не было пока замѣтно замѣшательства. Онъ подошелъ ближе, медленно перекрестился и сказалъ:

— Эхъ, Иванъ, Иванъ! чаялъ я, поживешь еще съ нами... Рано, Иванъ, ты насъ покидаешь!

Страшный вопль двухъ дочерей умирающаго перебилъ старика. Онѣ нежданно оторвались отъ матери, которая безсильно опустилась мужу на ноги, и бросились обнимать отца. Савелій и старшій братъ его громко зарыдали. Тихая мысль, освѣщавшая лицо умирающаго, стала какъ-бы потухать. Въ чертахъ его, дышавшихъ спокойствіемъ, изобразилось вдругъ тяжкое томленіе. Голоса родныхъ точно въ первый разъ нашли дорогу въ его сердце и возвратили его на минуту къ дѣйствительному міру.

Глаза его остались, однакожъ, закрытыми и грудь, попрежнему, подымалась ровно и медленно.

— Бабы... полно вамъ!.. проговорилъ Карпъ, притрогиваясь къ племянницамъ: —Савелій, Петръ, вы бы ихъ удержали!.. ему и безъ того жаль съ вами разставаться... пуще воемъ-то душу мутятъ... оставили бы... будетъ еще время убиваться-то!..

Петръ и Савелій подняли сестеръ и отошли къ ногамъ отца. Лицо умирающаго постепенно вытягивалось и принимало грустное выраженіе. Грудь его приподымалась теперь едва замѣтно.

— Эхъ, братъ Иванъ, произнесъ неожиданно Карпъ и, я замѣтилъ, голосъ старика задрожалъ сильнѣе: — въ какое время ты насъ покидаешь!.. Встань, Иванъ!.. Погляди-ка поди, весна на дворѣ; наши вѣдь всѣ пахать поѣхали...

При этомъ каждая черта умирающаго наполнилась вдругъ выраженіемъ страшной тоски. Вѣки его, начинавшія уже углубляться, дрогнули, слегка раскрылись въ углахъ и пропустили двѣ крупныя слезы. Онѣ медленно потекли по морщинамъ и видимо, казалось, застывали на холодѣвшихъ щекахъ его... Свѣтлыя струи ручья многіе годы оживляли долину. Тихо журчали онѣ, отражая и небо, и зелень, и мирные окрестные виды; но время открыло скважину въ руслѣ: ручей замѣтно мельчаетъ; тускнѣй и тускнѣй дѣлается его поверхность, и наконецъ онъ вовсе пропадаетъ, оставивъ темное, земляное дно, въ которомъ не блеснетъ уже никогда лучъ солнца! Такъ и жизнь, невидимымъ путемъ своимъ, покидала стараго пахаря. Грудь его подымалась все рѣже и рѣже; мертвенная блѣдность покрывала черты его. До-сихъ-поръ душа все еще какъ-бы носилась надъ чертою, раздѣляющею земную жизнь отъ загробной. Она тревожно, хотя постепенно слабѣе и слабѣе, прислушивалась къ воплямъ и крикамъ; но вотъ стала она переходить роковую черту...

Лицо старца снова стало пріобрѣтать спокойствіе и ясность и, казалось мнѣ, въ трепетномъ мерцаніи, разливавшемся надъ изголовьемъ пахаря, снова являлся улы-

бающійся ангелъ, который ласково простиралъ къ нему руки и тихо двигалъ бѣлыми лучезарными крылами...

. . . . . .

XXXI.

Прошло два дня. Я шелъ уже отдать послѣдній долгъ пахарю.

Не помню, чтобы было когда-нибудь такое тихое, такое ясное утро. Ни одна тучка не омрачала неба. Какой-то мягкій янтарный блескъ разливался по всей окрестности, и не было, казалось, такого затаеннаго уголка, куда бы не проникалъ лучъ солнца; а, между тѣмъ, ранній часъ утра поддерживалъ прохладу въ воздухѣ и сообщалъ свѣжесть полямъ, холмамъ и рощамъ. Роса сверкала повсюду. Листья были недвижны. Изрѣдка подъ тѣмъ или другимъ деревомъ раздавался шорохъ и слышалось, какъ била по листьямъ катившаяся капля росы. Но какъ звонко за-то распѣвали птицы, какимъ жужжаньемъ, пискомъ и чиликаньемъ наполнялся недвижный воздухъ! Все, что имѣло только крылья, собралось какъ словно праздновать въ это утро. Кузнечики, какъ искры, сыпались подъ ногами, и жаворонки неумолкаемо заливались по обѣимъ сторонамъ дороги, которая вела изъ дома въ деревню.

Но зрѣлище, ожидавшее меня тамъ, сильно противорѣчило веселой, улыбающейся картинѣ утра. Я вошелъ въ деревню, когда совершался выносъ. Я увидѣлъ густую толпу народа и надъ нею, нѣсколько дальше, бѣлую верхушку гроба, которая сіяла на солнцѣ и медленно раскачивалась изъ стороны въ сторону, какъ-бы посылая прощальные поклоны избамъ и зеленѣющимъ нивамъ. Погребальное шествіе, сопровождаемое толпою и подводами, скрипъ которыхъ заглушался рыданіями сидѣвшихъ въ нихъ бабъ, стало опускаться къ лугу. На немъ изгибалась дорога, которая вела къ приходу.

Достигнувъ точки, гдѣ начинался скатъ къ лугу, я встрѣтился съ однимъ изъ самыхъ древнихъ стариковъ

деревни: У него, какъ видно, не достало силъ идти дальше за гробомъ; онъ провожалъ его глазами и крестился.

— Прощай, Анисимычъ! Прощай... Скоро всѣ тамъ будемъ! сказалъ онъ, махнулъ рукою и медленно побрелъ къ избамъ.

Прежде чѣмъ подняться въ гору, скрывавшую приходское село, погребальное шествіе остановилось. На этомъ мѣстѣ, по обѣимъ сторонамъ дороги, кругомъ покрытой мелкимъ кустарникомъ, возвышаются два столѣтніе тополя: они обозначаютъ наши границы съ сосѣдскими землями. Здѣсь обыкновенно въ послѣдній разъ прощаются съ покойниками. Вопль и голошенье, заглушаемые говоромъ, раздались сильнѣе. Народъ тѣсно жался вокругъ гроба, опущеннаго на землю. Каждый хотѣлъ проститься съ пахаремъ.

Я подошелъ ближе. Но мнѣ не удалось уже видѣть почтенное лицо старца: оно было закрыто: наружу выставлялись однѣ смуглыя, загорѣвшія руки его. Каждый изъ присутствовавшихъ подходилъ ко гробу, кланялся въ землю и цѣловалъ эти смуглые честные пальцы, которые, въ продолженіе семидесяти лѣтъ, складывались только для труда и для крестнаго знаменія. Наконецъ обрядъ прощанья кончился. Гробъ, приподнятый на плечи носильщиковъ, снова озарился солнцемъ. Родственники, истомленные продолжительными слезами и скорбію, усажены были на подводы.

Мы стали подыматься въ гору, постепенно удаляясь отъ толпы, которая стояла у тополей и провожала насъ глазами до тѣхъ поръ, пока гробъ совершенно скрылся изъ виду.

XXXII.

Къ полудню я возвращался одинъ по той же дорогѣ. Окрестность также радостно сіяла; птицы также весело пѣли. Но веселость, царствующая иногда въ природѣ, тѣмъ именно и разнится отъ веселости города, что она не отуманиваетъ головы, не развлекаетъ мыслей. Напротивъ, ясность, васъ окружающая, какъ-бы передается вашей душѣ и вашимъ мыслямъ.

Когда я подошелъ къ двумъ тополямъ, свидѣтелямъ прощальнаго обряда, тамъ давно уже никого не было. Подъ листьями, палимыми солнцемъ, жужжали только насѣкомыя; луга, холмы и рощи погружены были въ сонливое молчаніе жаркаго майскаго полудня. Пройдя еще нѣсколько шаговъ, я увидѣлъ въ кустахъ, растущихъ вправо отъ дороги, пукъ соломы и на немъ черепки глиняной кубышки. То были послѣдніе вещественные предметы, которые напоминали усопшаго. Клокъ соломы служилъ ему послѣднимъ ложемъ; изъ кубышки черпали воду, которою обмыли его похолодѣвшее тѣло.

Я не знаю, что лежитъ въ основаніи обычая оставлять эти предметы на дорогѣ, по которой въ послѣдній разъ проносили покойника: въ обычаѣ этомъ есть, однакожъ, что-то трогательное... Грустно настроенный посреди сіяющей природы, я долго стоялъ подъ тополями.

«Вотъ, думалъ, я, глядя на черепки и солому (эти послѣдніе и ужъ точно ничтожные, бренные памятники столь долгой жизни):—вотъ и мѣсяца даже не переживутъ они: вѣтеръ разнесетъ солому, прохожій растопчетъ черепки, и никакого даже видимаго слѣда не останется отъ стараго пахаря!..»

Но что до этого! Стоитъ ли думать объ этихъ бренныхъ, вещественныхъ, грубыхъ напоминаніяхъ! Не оставилъ ли пахарь другого, болѣе прочнаго воспоминанія?.. Существуетъ еще что-то лучше памяти, основанной только на вещественныхъ знакахъ. Есть память другого рода: она основана на душевныхъ свойствахъ, на нравственныхъ заслугахъ оплакиваемаго человѣка. Такая память—высшая поэзія нашего нравственнаго міра,—и старый пахарь вполнѣ ее заслужилъ. Кроткій, смиренный образъ его—оболочка души прекрасной и чистой—останется, навсегда останется окруженный любовью и уваженіемъ тѣхъ, кто зналъ его, жилъ съ нимъ и умѣлъ понимать его. Теперешнія дѣти, сдѣлавшись стариками, будутъ говорить о немъ своимъ дѣтямъ, какъ о добромъ, почтенномъ, честномъ человѣкѣ! Не лучшая ли это награда, и не самый ли это яркій, прочный слѣдъ, который можно послѣ себя оставить?..

Да, старый пахарь, не смотря на то, что жизнь его казалась намъ, гордымъ міра сего, такою ничтожной и мелкой, старый пахарь заслуживалъ такую память! Благочестивая жизнь его прошла въ трудѣ, безпрерывномъ, неусыпномъ. Онъ, пока жилъ, сдѣлалъ все, что могъ, и сдѣлалъ все, что долженъ былъ сдѣлать! Нѣтъ нужды и не мѣсто разбирать здѣсь его общественное положеніе, смиренную сферу его дѣятельности и скромные результаты этой дѣятельности. Нравственный смыслъ нашего разсказа исключаетъ понятіе о личности: здѣсь дѣло идетъ собственно «о человѣкѣ». Цѣлью нашей было сказать, что, съ точки зрѣнія высоко-нравственнаго смысла, тотъ только «человѣкъ», кто въ сферѣ, предназначенной ему судьбою, не даромъ жилъ на свѣтѣ, кто честно и свято исполнялъ свои обязанности, кто сохранилъ чистоту души, про котораго можно сказать безъ лести и пристрастія, что онъ сдѣлалъ все, что могъ и что долженъ былъ сдѣлать!

Пускай же истлѣваетъ солома, служившая старцу послѣднимъ ложемъ, пускай глиняные эти черепки превращаются въ прахъ, какъ и кости его; изъ памяти моей, какъ изъ памяти всѣхъ смиренныхъ людей, которымъ онъ самъ, не подозрѣвая того, служилъ совѣтомъ, образцомъ и примѣромъ,—долго не изгладится честная личность стараго пахаря.

ШКОЛА ГОСТЕПРІИМСТВА.

(ПОВѢСТЬ).

I.

АВЕНИРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Вотъ уже третій день, какъ Авениръ Васильевичъ Лутовицынъ, помѣщикъ еще молодой, но уже давно женатый, имѣющій даже четверыхъ здоровыхъ и свѣжихъ дѣтей, живетъ въ родной деревнѣ своей Рожновкѣ. Авениръ Васильевичъ съ самаго юнаго дѣтства не бывалъ въ деревнѣ. Онъ прожилъ до-сихъ-поръ почти безвыѣздно въ Петербургѣ.

Зиму проводилъ онъ въ третьемъ этажѣ каменнаго дома, взятаго за женою и находившагося на Выборгской сторонѣ (незавидное приданое, скажемъ мимоходомъ: дня за два до свадьбы, домъ оказался страшно запущеннымъ, и сверхъ того еще заложеннымъ... Но Авениръ Васильевичъ былъ влюбленъ въ свою невѣсту; и наконецъ, будущій тесть наводилъ на него какой-то страхъ, мѣшавшій ему показывать недовольный видъ): на лѣто Лутовицыны переселялись обыкновенно или на Карповку, или на Черную рѣчку. Пристрастіе къ Черной рѣчкѣ и Карповкѣ нимало меня не удивляетъ; я даже горячо сочув-

ствую смертнымъ, которые строятъ изъ барочныхъ досокъ маленькіе готическіе зàмки и швейцарскіе домики на зыбкихъ берегахъ Крестовскаго острова; но, признаюсь, меня всегда удивляли люди, которые, имѣя отличныя заложенныя имѣнія внутри Россіи, проводятъ лѣто въ окрестностяхъ Петербурга. Все это нимало не относится однакожъ къ Лутовицынымъ. Авениръ Васильевичъ говорилъ всегда — и я привыкъ ему вѣрить, — что питаетъ нерасположеніе къ Крестовскому; упоминая о Карповкѣ и Черной рѣчкѣ, онъ даже сморщивался, какъ-будто вокругъ него мгновенно распространялся влажный воздухъ.

— Я не постигаю, рѣшительно не постигаю! восклицалъ онъ всегда съ ожесточеніемъ, котораго вовсе нельзя было ожидать отъ такого добраго и мягкаго человѣка:— не постигаю я, какъ всѣ мы, съ нашими женами, дѣтьми, привыкаемъ къ нѣкоторымъ мѣстамъ.

— О, я съ тобой совершенно согласенъ! часто говаривалъ ему одинъ пріятель, жившій постоянно съ семействомъ своимъ въ полуверстѣ отъ Черной рѣчки, тамъ, гдѣ начинается Лѣсной институтъ: — но кто же виноватъ, братецъ? Самъ виноватъ! Сколько разъ уговаривалъ я тебя жить въ Лѣсномъ...

— Да вѣдь это почти одно и тоже!..

— Какъ одно и тоже?.. (При этомъ пріятель даже вспыхивалъ).—Какъ! ваше смрадное болото, ваша Черная рѣчка все одно, что Лѣсной институтъ! Ха, ха, ха... Это... это, признаюсь, для меня новость... новость, которую я отъ перваго тебя слышу... Впрочемъ, ужъ это извѣстно: у тебя вскипитъ вдругъ воображеніе, и ты начнешь тогда увлекаться собственными словами, самъ часто не замѣчая, что̀ говоришь... ужъ это вѣдь всѣ знаютъ! Такъ и теперь: сравнилъ Черную рѣчку съ Лѣснымъ! вотъ ляпнулъ, такъ ужъ ляпнулъ! Здѣсь, въ Лѣсномъ, подхватывалъ разгорячившійся пріятель: — здѣсь сухо... здѣсь смолистый запахъ елей... все это...

— Ели есть и у насъ, на Крестовскомъ... перебивалъ Авениръ Васильевичъ.

— Да... пожалуй... эка штука, — только вотъ что: скажи намилость, язвительно подхватывалъ пріятель, и всякій разъ съ такимъ оживленіемъ, какъ-будто защищалъ Сицилію противъ Гренландіи: — ну, да что и говорить!.. Дѣло очень просто: возьми на себя трудъ, ну, хоть изъ одного любопытства, возьми, сравни нашу братью, живущихъ въ Лѣсномъ, и васъ... И наконецъ, позволь сказать, если ужъ тебѣ такъ противны ближайшія окрестности, почему ты не живешь лѣтомъ въ Петергофѣ или Царскомъ?..

— Ахъ, братецъ, какой ты, право, чудакъ!.. Развѣ ты не знаешь... развѣ это отъ меня зависитъ?.. со вздохомъ перебивалъ Авениръ Васильевичъ.

— Нѣтъ, не знаю?.. что-жъ такое?

При такомъ вопросѣ, Авениръ Васильевичъ пожималъ губами, оглядывался назадъ, соблюдая при этомъ, чтобы пріятель не могъ замѣтить его безпокойныхъ взглядовъ, принималъ видъ жертвы и говорилъ голосомъ, способнымъ возбудить состраданіе въ самомъ черствомъ сердцѣ:

— Что-жъ мнѣ дѣлать... я бы душевно радъ, жена не хочетъ!.. любитъ Черную рѣчку, любитъ до помѣшательства!..

— Ты бы уговорилъ ее, урезонилъ... представь ей наконецъ...

— Что тутъ представлять!.. досадливо восклицалъ Лутовицынъ:—и еслибъ дѣло наконецъ пошло на резоны, я представилъ бы ей совсѣмъ другое... Я представилъ бы ей не окрестности Петербурга, а деревню;—да, собственную, родовую свою деревню! продолжалъ онъ съ одушевленіемъ:—скажи, бывалъ ли ты когда-нибудь въ деревнѣ, то-есть, не въ «Новой деревнѣ» какой-нибудь или не въ «Чухонской«—нѣтъ!—но въ настоящей?

— Нѣтъ, не случалось!..

— Нѣтъ? о! я считаю тебя въ такомъ случаѣ истинно несчастнымъ человѣкомъ! восклицалъ съ самою задушевною искренностью Авениръ Васильевичъ и, ободренный отвѣтомъ пріятеля, который давалъ ему полную волю распространяться широко и свободно о любимомъ предметѣ, продолжалъ:—деревня, настоящая русская деревня,

окруженная полями и рощами,—это рай, сущій рай, какого не въ состояніи представить себѣ никакое воображеніе... одинъ этотъ просторъ, эта тишина... вотъ тамъ могъ бы ты сказать: «Воздухъ!»—да, воздухъ! самъ посуди: въ поляхъ—цвѣты, въ лугахъ—цвѣты, въ рощахъ—цвѣты, вездѣ цвѣты... каждый цвѣтокъ издаетъ свой особый запахъ! къ вечеру все это разомъ запахнетъ... чувствуешь даже какое-то опьянѣніе... такъ тебя и качаетъ... Сидишь на балконѣ, солнце клонится; величественно восходитъ мѣсяцъ... соловьи... Подъ каждымъ листомъ заливается соловей!.. весь лѣсъ напичканъ соловьями!.. Молоко, сметана, сливки... такія сливки, что воткнешь чайную ложечку—стоитъ плотно, какъ въ тѣстѣ... За холмомъ возвращаются косари и поютъ пѣсни... а тамъ вдругъ свирѣль какая-нибудь... потомъ все вдругъ смолкнетъ... все тихо (тутъ Авениръ Васильевичъ распростиралъ руки, какъ-будто собирался летѣть, и закрывалъ глаза),—тише... тише... (Авениръ Васильевичъ начиналъ опускаться къ землѣ) и вдругъ... (онъ внезапно выпрямлялся) вдругъ пронесется съ полей ржаніе жеребенка, или все равно другой какой-нибудь звукъ... А ты между-тѣмъ любуешься небомъ, звѣздами, слушаешь коростелей. Подлѣ сидитъ добрый пріятель, пьемъ чай, бесѣдуемъ... Поэзія, братъ, поэзія! вотъ она гдѣ настоящая-то поэзія!..

Попавъ разъ на эту тему, Авениръ Васильевичъ съ особенною любовью распространялся о собственной деревнѣ, и тутъ уже часто доходилъ до степени воодушевленія и вдохновенія, свойственной развѣ однимъ неаполитанскимъ импровизаторамъ. Въ Рожновкѣ каждый кустъ представлялъ особенную какую-нибудь прелесть, каждое дерево рисовалось картинно, каждый бугорокъ являлся живописнымъ холмомъ, съ котораго открывались сладчайшіе пейзажи; воображеніе Авенира Васильевича, оживленное часто обманчивыми воспоминаніями дѣтства, возбуждаемое также знакомымъ всѣмъ чувствомъ пристрастія къ собственности, рисовало передъ нимъ липовыя аллеи, которымъ конца не было и въ которыхъ, по словамъ его, такъ было темно, что даже становилось страшно; сквозь туманъ давно пролетѣвшихъ лѣтъ юности, ему

мерещился исполинскій паркъ и рѣка, которую не былъ въ состояніи переплыть ни одинъ еще человѣкъ; мерещился ему огромный домъ, съ безчисленнымъ множествомъ комнатъ, гдѣ свободно могли помѣщаться безчисленные его пріятели, съ которыхъ, всякій разъ, при заключеніи яркаго описанія, бралъ онъ поочередно клятвенное обѣщаніе пріѣхать въ Рожновку, какъ только онъ самъ туда явится.

— Все это прекрасно, отлично, возражали ему пріятели:—мы, признаться, одного только не понимаемъ: зачѣмъ же не ѣздишь ты послѣ этого каждое лѣто въ этотъ рай... отчего же это?..

Авениръ Васильевичъ снова оглядывался назадъ, снова принималъ видъ жертвы и жалобно отвѣчалъ, пожавъ напередъ плечами:

— Жена ненавидитъ деревню... она всему причиной... Неужто сталъ бы я прозябать здѣсь... э!.. да что ужъ тутъ!.. Пойдемте-ка лучше, господа, ко мнѣ обѣдать!

Этимъ приглашеніемъ Авениръ Васильевичъ заканчивалъ обыкновенно каждый разговоръ, если только разговоръ происходилъ отъ двухъ до четырехъ часовъ пополудни; въ другіе часы онъ звалъ на чай, на завтракъ и на ужинъ, или наконецъ такъ просто посидѣть, поболтать и покурить сигару. Страсть зазывать къ себѣ гостей, превратившая въ скоромъ времени домъ Авенира Васильевича въ гостинницу, гдѣ съ утра до вечера пили, ѣли, стучали вилками, курили, кричали и втихомолку нещадно смѣялись надъ хозяиномъ, была главною его слабостью.

Мы не ошибемся, кажется, если скажемъ, что страсть къ гостямъ, проистекавшая столько же изъ врожденнаго чувства гостепріимства и добродушія, сколько изъ чванливости и праздности, была также главною причиною, мѣшавшею ему ѣздить каждую весну въ Рожновку. Авениръ Васильевичъ сидѣлъ въ долгахъ какъ птица въ клѣткѣ. Всякому человѣку, знакомому съ столичной жизнью, очень хорошо извѣстно, что кредитъ начинается тогда только, когда начинаются долги, что кредитъ увеличивается по мѣрѣ увеличенія долговъ, и что, слѣдовательно,

чѣмъ больше долговъ, тѣмъ жизнь дѣлается блестящѣе... на видъ, разумѣется. Все это совершенно въ порядкѣ вещей; но справедливо также и то, что кредитъ этотъ совершенно особаго рода. Вамъ дадутъ въ долгъ экипажъ, платье, вина, дачу, провизію,—словомъ, все, что угодно—кромѣ только наличныхъ денегъ. Авениръ Васильевичъ всякую весну находилъ дачу съ башнею вышиною въ сажень, бассейномъ шириною съ соусникъ и фонтаномъ величиною въ вершокъ; но при всемъ стараніи своемъ никакъ не могъ найти пятисотъ рублей, чтобы отправиться съ семействомъ въ Рожновку. На доходы имѣнья онъ не могъ разсчитывать: къ доходамъ Рожновки приходилось ежегодно приплачивать нѣсколько сотъ рублей, чтобы спасти ее отъ вѣрнаго публичнаго торга.

— У меня имѣнье не столько для доходовъ, сколько для жизни... это собственно не помѣстье, но «château de plaisance»... справедливо замѣчалъ всегда Авениръ Васильевичъ, говоря съ пріятелями. — «La vie de château!» Что можетъ быть великолѣпнѣе такой жизни!.. И еслибъ не жена, которая по какому-то странному, болѣзненному капризу привязана къ Черной рѣчкѣ,—я бы, кажется, цѣлые годы не выѣзжалъ изъ деревни!..

Жена между-тѣмъ каждый день почти говорила Авениру Васильевичу:

— Слышите ли, Авениръ Васильевичъ, я ни за что въ свѣтѣ, ни за какіе милліоны не хочу жить нынѣшнимъ лѣтомъ на Черной рѣчкѣ!.. Дѣлайте какъ знаете, но я рѣшительно не могу слышать о вашей Черной рѣчкѣ... мои нервы не выносятъ ни вашихъ дачъ, ни вашихъ знакомыхъ... я устала и хочу отдохнуть! Можете нанимать дачу, если хотите, для вашихъ пріятелей, а я... я ѣду въ деревню!

— Помилуй, мой ангелъ... можешь ли ты предполагать?.. О чемъ ты говоришь наконецъ? Любимѣйшею моею мечтою было всегда ѣхать въ Рожновку; я, признаюсь, также, усталъ... пріятели... и все это... я также радъ отдохнуть... я совершенно во всемъ съ тобою согласенъ...

Выведенная наконецъ изъ терпѣнія безтолковою суе-

тою мужа, Зинаида Львовна (такъ звали Лутовицыну) заложила втихомолку отъ мужа послѣдніе бриллiанты и, не отдавая ему отчета въ добытыхъ деньгахъ, объявила, чтобъ онъ готовился въ дорогу, если точно хочетъ ѣхать въ деревню. Дѣйствіемъ этого извѣстія было то, что Авениръ Васильевичъ бросился какъ сумашедшій цѣловать женины руки. Восторгъ его былъ такъ великъ и продолжителенъ, что, очутившись на улицѣ, онъ цѣловалъ и заключалъ въ объятія каждаго попадавшагося знакомаго.

— Прощайте, господа, говорилъ онъ, крѣпко пожимая руки: — прощайте; нынѣшнее лѣто ужъ вы не увидите меня въ вашемъ кругу... но, на оборотъ, я надѣюсь увидѣть васъ у себя... На васъ, впрочемъ, петербургскихъ жителей, нельзя полагаться, — дайте слово, — слово дайте, что пріѣдете! — всего вѣдь триста верстъ, и по шоссе, замѣтьте: по шоссе! — отличная дорога! А ужъ за то весело проведете время, за это я вамъ ручаюсь!..

Въ первые два-три часа Авениръ Васильевичъ помнилъ еще слова жены, которая жаловалась на гостей; на этомъ основаніи онъ рѣшился удерживаться, сколько могъ, и пригласить тѣхъ только, которые, по соображеніямъ его, могли быть пріятны Зинаидѣ Львовнѣ. Случилось, однакожъ, что, войдя въ Пассажъ, чтобы съѣсть пирожокъ, онъ совершенно нечаянно какъ-то проговорился о своемъ отъѣздѣ нѣсколькимъ лицамъ, весьма мало ему знакомымъ.

— Что, у васъ хорошо въ деревнѣ? спросилъ одинъ изъ нихъ, нѣкто Здобновъ, извѣстный своею беззастѣнчивостью.

— О! это—рай... Это мѣсто очаровательное!... Это не скучная деревня какая-нибудь, но «château de plaisanse»... воздухъ, вода, цвѣты...

— Сколько верстъ?

— Триста верстъ... замѣтьте только: по шоссе!— сущій вздоръ!..

— Я къ вамъ пріѣду, сказалъ Здобновъ.

— Ахъ, сдѣлайте милость, я буду совершенно счастливъ... надѣюсь и вы, господа, не откажете!.. Это такъ близко... притомъ же лѣтомъ и дѣлать нечего... пріѣзжайте!..

Многіе тутъ же дали слово, и Авениръ Весильевичъ снабдилъ ихъ подробными маршрутами.

«Что же скажутъ, однакожъ, истинные мои пріятели, когда узнаютъ, что я звалъ Богъ знаетъ кого, а имъ хоть бы слово сказалъ?» подумалъ Авениръ Васильевичъ, выходя на Невскій. При этомъ онъ даже покраснѣлъ. Онъ сѣлъ на извощика и поскакалъ отыскивать истинныхъ пріятелей. Тѣмъ, кого не заставалъ дома, оставлялъ записки.

Онъ возвратился домой уже поздно вечеромъ. Сказавъ женѣ, что кончилъ всѣ дѣла свои и сдѣлалъ необходимыя распоряженія, онъ легъ въ постель и тотчасъ же заснулъ крѣпкимъ сномъ. На другой день, рано утромъ, два тарантаса, нагруженные дѣтьми и чемоданами, посреди которыхъ не совсѣмъ удобно было сидѣть Авениру Васильевичу и Зинаидѣ Львовнѣ, благополучно выѣхали изъ Петербурга. Мая... не помню котораго числа, тарантасы показались передъ Рожновкой.

Никакое перо не передастъ восторга Авенира Васильевича, когда увидѣлъ онъ вдалекѣ кровлю родного дома, родныя поля, рощу и рѣчку, черезъ которую нельзя было переплыть, но которая, вѣроятно по дальности разстоянія, представлялась, однакожъ, довольно жалкимъ ручьемъ. Въ нетерпѣніи своемъ, Авениръ Васильевичъ принялся даже раскачиваться впередъ, думая этимъ хоть сколько-нибудь ускорить ходъ тарантаса.

— Дѣти, Саша, Поля, Петя—смотрите—вонъ домъ—вонъ онъ!—видите? а? восклицалъ онъ поминутно, подымая на воздухъ то одного изъ дѣтей своихъ, то другого:—это одна изъ лучшихъ минутъ моей жизни! Ахъ, что ни говори, Зинаида Львовна, что ни говори, другъ мой,—ничто не сравнится съ мѣстами, гдѣ родился и провелъ дѣтство!.. Дѣти, все это будетъ ваше, — и поля, и луга, и дома—все, все—будетъ ваше!.. Зинаида, чувствуешь ли ты, какой воздухъ—а-а-хъ,—просто ложками надо хлѣбать... такъ и чувствуешь, какъ вливается въ тебя здоровье!.. Какой ароматъ,—а-а-хъ! подхватывалъ онъ, жадно вдыхая въ себя воздухъ и страшно раскрывая ротъ, какъ-будто хотѣлъ проглотить всю окрестность.

Надо было особенно любоваться Авениромъ Васильевичемъ, когда тарантасъ въѣхалъ въ околицу, и онъ началъ раскланиваться съ мужиками. Его нѣсколько удивили малые размѣры деревни (было всего-на-все десятокъ плохо покрытыхъ избъ, но тарантасъ въѣхалъ на дворъ) и мысли его мгновенно обратились къ дому.

— Странно, проговорилъ онъ, послѣ того, какъ перецѣловался со всѣми дворовыми (ихъ было также очень мало):—чрезвычайно странно!.. Я почти, не узнаю родного дома; онъ кажется мнѣ вдвое, втрое меньше того, какимъ былъ прежде...

— Это потому, вѣроятно, что ты не былъ въ немъ съ дѣтства... впечатлѣнія дѣтства чрезвычайно обманчивы... насмѣшливо возразила Зинаида Львовна, которая въ первый разъ явилась въ деревню мужа и, повидимому, не совсѣмъ довольна была первымъ впечатлѣніемъ.

— Зинаида, дай мнѣ свою руку, приложи ее къ этому боку: чувствуешь, какъ сильно бьется у меня сердце? нѣжно произнесъ Авениръ Васильевичъ, оглядывая мокрыми глазами дворъ, по которому скакалъ онъ когда-то на палочкѣ.

Вмѣсто отвѣта, жена приказала нянькѣ вносить скорѣе дѣтей. Авениръ Васильевичъ бросился въ садъ. Въ саду нашелъ онъ также большія перемѣны: липовая аллея оказалась не длиннѣе пяти саженъ; въ ней было точно страшно, но только страшно жарко, потому что липы давно уже высохли. Авениръ Васильевичъ кинулся къ двумъ бесѣдкамъ — китайской и готической, но вмѣсто нихъ нашелъ гнилыя доски, на-половину заросшія крапивой. Онъ пошелъ къ рѣкѣ, и кто изобразитъ его удивленіе, когда увидѣлъ онъ, что рѣка была ничуть не шире Черной рѣчки и Карповки, даже немножко уже, если присмотрѣться... Короче сказать, куда ни бросался онъ, куда ни обращалъ взоръ—все представлялось ему въ самомъ уменьшенномъ и, что хуже всего—въ самомъ жалкомъ видѣ.

«Впечатлѣнія дѣтства въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно обманчивы; жена совершенно справедливо замѣтила... Дѣти сами маленькія, такъ имъ и кажется все большимъ...

А вотъ какъ этакъ пріѣдешь, да посмотришь—такъ и не то какъ-будто... А все-таки, какъ бы тамъ ни было, сладко вернуться на родину!» умиленно заключилъ Авениръ Васильевичъ, возвращаясь домой, гдѣ его ожидали къ чаю.

II.

МЕЧЪ ДАМОКЛА.

Мы застаемъ Авенира Васильевича на третій день послѣ пріѣзда его въ Рожновку. Часъ двѣнадцатый утра. Авениръ Васильевичъ, закинувъ руки за спину, расхаживаетъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Комната эта, лѣтъ двадцать-пять назадъ, служила гостиной, но теперь, надо правду сказать, представляетъ самый жалкій видъ: бумажки на стѣнахъ съ узорами, выведенными золотымъ пескомъ, висятъ лохмотьями и выказываютъ мѣстами бревна; на дверяхъ, вмѣсто ручки, торчитъ гвоздь; мебели почти нѣтъ; единственными ея представителями служатъ три разрозненные стула и маленькій неуклюжій диванъ, изъѣденный мышами и молью. Лучшимъ украшеніемъ комнаты является картинка двѣнадцатыхъ годовъ, изображающая тощаго господина съ хохломъ и вывороченными ногами, который подаетъ бумажникъ какой-то дамѣ съ цвѣткомъ въ рукѣ, въ букляхъ и голубыхъ башмакахъ; внизу, сквозь пыль и слѣды, оставленные мухами, можно еще прочесть слѣдующую надпись:

ФРАНЦУЗЪ:

Я мамзель люблю,
Я мамзель дарю:
Серебро и злато,
Чтобъ мамзель была богата...

ДАМА:

Я богатствомъ не прельщаюсь,
А я розами занимаюсь.
Серебра и злата не желаю,
А тебя, мусью, презираю!

Больше ничего нѣтъ въ комнатѣ, кромѣ потолка паутинъ въ углахъ пола и окна, въ которомъ не существуетъ цѣлаго стекла.

Надо полагать, въ эти два дня случилось что-нибудь особенное съ Авениромъ Васильевичемъ; не оставалось уже слѣда восторженнаго выраженія, такъ недавно еще оживлявшаго черты его; мало этого, оно смѣнилось выраженіемъ смущенія, озабоченности и внутренней тревоги. Голова его опущена на грудь, руки закинуты за спину, глаза смотрятъ въ землю. Я по крайней мѣрѣ, въ двадцать лѣтъ моего знакомства съ Авениромъ Васильевичемъ, никогда не видалъ его такимъ задумчивымъ, такимъ озабоченнымъ. Сдѣлавъ два или три конца по комнатѣ, онъ каждый разъ подходилъ къ окну, которое обливалось дождевыми каплями, и каждый разъ, съ очевиднымъ безпокойствомъ, устремлялъ глаза въ даль, заслоненную дождемъ и туманомъ. Въ одну изъ такихъ минутъ, онъ неожиданно поднялъ руки къ верху, приложилъ стиснутые кулаки къ вискамъ и испустилъ восклицаніе, которое вполнѣ высказало самое мрачное, самое недовольное расположеніе духа.

«Да, я опрометчиво поступилъ, ужасно опрометчиво!.. всегда такъ!.. произнесъ онъ, закидывая руки за спину и продолжая еще скорѣе ходить по комнатѣ:—очень нужно было говорить... Уѣхалъ бы себѣ спокойно и жилъ бы здѣсь припѣмаючи... Вотъ теперь и жди, тревожься. Этакой характеръ! Вотъ двѣ ночи сряду не могу заснуть: какъ вспомню только... такъ даже чувствую.... все во мнѣ разомъ заходитъ... Малѣйшій шумъ, малѣйшая трескотня бросаютъ въ жаръ... Ахъ, Боже мой, Боже мой!..»—Степанъ! неожиданно заключилъ Авениръ Васильевичъ, поворачиваясь къ двери.

Въ комнату вошелъ человѣкъ въ нанковомъ мокромъ сюртукѣ и сильно загрязненныхъ сапогахъ.

— Степанъ, сказмлъ Авениръ Васильевичъ:—сбѣгайка пожалуйста опять къ мосту,—оттуда видно версты за три,—посмотри-ка, не ѣдетъ ли кто-нибудь... Мнѣ все сдается, какъ-будто кто-то ѣдетъ... сходи пожалуйста..

Степанъ медленно повернулся.

— Постой, постой! закричалъ Авениръ Васильевичъ:— какъ только пройдетъ дождикъ, вели деревенскимъ мальчишкамъ лазить поочередно на деревья и смотрѣть въ ту сторону на дорогу; скажи только, чтобы выбирали самыя высокія деревья, слышишь?.. Скажи, что я дамъ имъ на пряники... Ступай!

Степанъ вышелъ.

«Я и самъ не знаю почему, но все говоритъ мнѣ, что сегодня какъ-будто кто-то пріѣдетъ! продолжалъ Авениръ Васильевичъ, снова закидывая руки за спину и снова начиная расхаживать быстрыми шагами: — вчера весь вечеръ нянькина кошка умывалась, сегодня—цѣлое утро на заборѣ сорока стрекотала... а это, говорятъ, примѣты вѣрныя. Я не суевѣренъ, но все-таки когда умъ ужъ настроенъ, все это невольно усиливаетъ безпокойство... Хорошо еще, если одинъ кто-нибудь пріѣдетъ, а ну, какъ ихъ нѣсколько, или всѣ — да еще разомъ... Боже мой! чувствую, у меня вся кровь кидается въ голову... у меня шея короткая... уфъ, уфъ!.. Куда я ихъ дѣну? всего вотъ одна эта комната... Я никакъ не могъ предполагать, чтобы впечатлѣнія дѣтства были въ самомъ дѣлѣ такъ обманчивы... Мнѣ казалось, было, по крайней мѣрѣ десять комнатъ... Вотъ оно что значитъ жить въ Петербургѣ, имѣя по близости деревню, и никогда въ нее не заглядывать! подхватилъ онъ наставительнымъ тономъ. Ужъ если судьба надѣлила тебя деревней, такъ и живи въ ней; по крайней мѣрѣ хоть въ два года разъ да заѣзжай, непремѣнно заѣзжай... Самое хозяйство даже отъ этого выигрываетъ!.. А то что̀: самъ не знаешь, что есть у тебя, чего нѣтъ въ хозяйствѣ; все распущено; развалено... на скотномъ дворѣ ни одной курицы, ни одной индѣйки... я рѣшительно теряюсь... Городъ въ сорока верстахъ... Ахъ, Боже мой, Боже мой! чувствую, что съ ума сойду... — Степанъ!»

Явился Степанъ.

— Ну что?

— Да ничего...

— Никого не видно?

— Никого-съ.

— Точно ли?.. Хорошо ли ты смотрѣлъ?

— Смотрѣлъ — никого нѣтъ.

— Мальчишкамъ сказывалъ?

— Сказывалъ.

— Хорошо, постой, скажи нянькѣ, чтобы она пришла... сію же минуту, слышишь!.. «Ужасно какъ голова разболѣлась, подхватилъ Авениръ Васильевичъ, оставшись одинъ. Такъ въ виски и колетъ... Что-жъ мудренаго, при такомъ безпокойствѣ!.. Чего бы я только не далъ, милліонъ бы далъ, отдалъ бы охотно годъ жизни, чтобы только они не пріѣзжали... И вѣдь дергала же нелегкая такъ упрашивать! и кого еще? кого? Добробы пригласить однихъ короткихъ, а то звалъ просто всякаго встрѣчнаго-поперечнаго... самъ теперь удивляюсь себѣ... этакой, право, мерзѣйшій характеръ!.. Изъ всего этого выйдетъ только то, что я буду осрамленъ, опозоренъ на весь Петербургъ... самая будущность моя пострадать можетъ, вся жизнь скомпрометирована... О, Боже мой, Боже мой!..»

На этомъ мѣстѣ Авениръ Васильевичъ былъ прерванъ появленіемъ няньки, исправлявшей также въ домѣ должность экономки и представлявшей изъ себя совершеннѣйшее подобіе перины, перетянутой поясомъ.

— Надежда Никитишна, матушка, произнесъ Авениръ Васильевичъ жалобнымъ голосомъ, который шелъ какъ нельзя болѣе къ его разстроенному лицу: — сдѣлай милость, намочи уксусомъ полотенце, — у меня страшно что-то голова разболѣлась...

Интонація, съ какою сказана была послѣдняя фраза, ясно показывала желаніе вызвать няньку на бесѣду и услышать нѣсколько успокоительныхъ словъ. Я зналъ одного господина, у котораго мгновенно проходило всякое горе, какъ только начинали его жалѣть, принимали въ немъ участіе или осыпали бранью человѣка, причинившаго ему неудовольствіе.

— Помилуйте, батюшка, какъ не болѣть головѣ? Шутка ли, триста слишкомъ верстъ проѣхали! Сейчасъ, батюшка, принесу полотенце... Да вотъ что, Авениръ Васильевичъ: позовите, батюшка, вашего старосту; онъ

безъ васъ, мошеникъ, ни за чѣмъ не глядѣлъ; велите ему лѣстницу починить... ходить страхъ беретъ, такъ вся и качается... дѣло совсѣмъ гнилое... и то кругомъ обходишь каждый разъ... Да и не хорошо для барскаго дому, неравно кто пріѣдетъ...

— Знаю, Надежда Никитишна... знаю... охъ! охъ!.. подхватилъ Авениръ Васильевичъ, схватывая себя за голову.

— Что съ вами, родной?

— Такъ что-то въ виски вдругъ ужасно стукнуло...

Нянька пошла за полотенцемъ и уксусомъ, а Авениръ Васильевичъ опустился на стулъ и нѣсколько минутъ сидѣлъ, склонивъ голову и опустивъ руки, почти безъ движенія.

— Вотъ вамъ и полотенце, сказала, входя, Надежда Никитишна: — авось теперь пройдетъ, Богъ милостивъ!..

— Нѣтъ, гдѣ ужъ тутъ!.. простоналъ Авениръ Васильевичъ: — гдѣ! такъ ужъ видно будетъ она болѣть, пока не положатъ меня въ гробъ...

— Что это съ вами, съ нами крестная сила!.. А вѣдь чѣмъ этакое-то говорить, вы бы, батюшка, лучше хозяйствомъ позанялись... Вѣдь вотъ, хошь бы теперича, въ домѣ одинъ матрацъ всего и есть... въ кухнѣ плита лопнувши... вчера и то бились, бились... ничего изготовить нельзя, дѣтская каша этакъ дымомъ пахла, въ ротъ не взяли...

— Не говори мнѣ пожалуйста ничего... я сегодня ужасно разстроенъ... Что это? никакъ колокольчикъ? воскликнулъ Авениръ Васильевичъ, вскакивая съ такою силой, что повязка на головѣ его сорвалась и шлепнулась какъ блинъ на полъ.

— Ничего, батюшка, никакихъ нѣтъ колокольчиковъ... что вы!..

— Ну, такъ вѣрно у меня въ ушахъ...

— И то можетъ статься, батюшка, вы ихъ, когда такъ, ваткой бы заткнули... сказала съ участіемъ нянька: — вотъ теперь также, батюшка, насчетъ припасовъ, подхватила она: — припасовъ также у насъ нѣтъ никакихъ... жди еще, пока привезутъ изъ города; шутка, 40 верстъ!..

— Ахъ, замолчи, пожалуйста, Надежда, ты мнѣ всѣ уши прожужжала...

— Да что молчать-то, сударь! вѣдь на мнѣ же потомъ спросится... Ну, вдругъ пріѣдетъ кто-нибудь, а у насъ ничего нѣтъ; вѣдь объ васъ же скажутъ... вѣдь не хорошо...

— Оставь меня, ступай, я ничего не хочу слушать! воскликнулъ Авениръ Васильевичъ, для котораго каждое слово няньки падало какъ молотъ на голову.

«Съ каждой минутой новый сюрпризъ! Кто бы могъ этого ожидать? подхватилъ онъ, когда дверь за нянькой затворилась: — о! съ какимъ наслажденіемъ я самъ бы себя высѣкъ, еслибъ это только возможно! сказалъ онъ, дѣлая страшно гнѣвное лицо и пуская носкомъ сапога мокрое полотенце въ дальній уголъ: — такъ бы высѣкъ себя, какъ никогда еще никто не сѣкалъ!.. Остается одно средство: написать всѣмъ письма, сказать, что я уѣхалъ по непредвидѣнному случаю... Но вѣдь этакъ придется писать нѣсколько сутокъ сряду, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца!.. Я умоляю объ одномъ только, заговорилъ онъ вдругъ торопливо и возвелъ умоляющіе глаза къ потолку: — объ одномъ умоляю: ужъ когда такъ суждено, пускай всѣ пріѣзжаютъ; пускай явится весь Петербургъ, только бы не пріѣзжалъ Александръ Иванычъ Щепетильниковъ!.. я тогда погибъ!.. онъ же такой взыскательный, обидчивый, любитъ, комфортъ, гастрономъ... впрочемъ, я думаю, онъ не будетъ, онъ сказалъ: «Не навѣрное!..» О! дай Богъ! дай-то Богъ, хоть бы эта туча пронеслась мимо... Хуже всего также, что жена ничего не подозрѣваетъ... какъ нарочно, она все это время страшно не въ духѣ...»

Говоря это, Авениръ Васильевичъ внимательно прислушивался къ каждому шуму извнѣ; заслышавъ шаги жены, онъ остановился и поспѣшилъ оправиться. На порогѣ показалась Зинаида Львовна. Она, точно, казалась сильно не въ духѣ. Это женщина страшно худощавая; блѣдное лицо ея могло бы еще быть пріятнымъ, еслибъ не портила его чрезвычайная желтизна кожи, происходившая, впрочемъ, отъ болѣзненной причины: Зинаида Львовна подвержена была сильнымъ припадкамъ желчи и, сверхъ того, страдала нервами, что дѣлало ее иногда весьма раздражительною; лучшимъ украшеніемъ ея лица были безспорно большіе черные глаза: когда она оживлялась, блескъ

ихъ дѣлался до того силенъ, что Авениръ Васильевичъ не всегда могъ выносить его. Войдя въ комнату, Зинаида Львовна сдѣлала видъ, какъ-будто не замѣчаетъ мужа. Она очевидно, на него «дулась». Авениръ Васильевичъ поспѣшилъ подать стулъ, осмотрѣвъ внимательно ножки.

— Ты здорова, мой другъ?.. нѣжно спросилъ онъ, наклоняясь, чтобы поцѣловать ея руку.

— Да... такъ... неохотно отвѣчала Зинаида Львовна, но не сдѣлала однакожъ никакихъ сопротивленій, когда мужъ поднесъ ея руку къ губамъ; казалось, она произвела даже легкое движеніе локтемъ и помогла ему въ этой операціи.

Лицо Авенира Васильевича сдѣлалось сладкимъ; сладкимъ... какъ ломоть бѣлаго хлѣба, намазанный медомъ.

— Ты какъ-будто сегодня разстроена?.. сказалъ онъ, скрѣпивъ эти слова новымъ поцѣлуемъ.

— Съ чего вы это взяли?

— А, ну, тѣмъ лучше, поспѣшилъ сказать супругъ и даже потеръ руками: — тѣмъ лучше... ты сегодня еще не гуляла?

— Какія глупости! развѣ вы не видите, что сегодня дождикъ идетъ? Вѣчно вздоръ какой-нибудь спроситъ!.. Хороша прогулка!

— Точно, я совсѣмъ забылъ... Я ужасно какъ сегодня разсѣянъ... Впрочемъ ты не отчаявайся, мой ангелъ, это ничего, что дождикъ; ты представить себѣ не можешь, какой у насъ въ Рожновкѣ грунтъ: чистый песокъ! одинъ часъ какой-нибудь—и снова все сухо... Здѣсь мѣста необыкновенныя!.. Эти мѣста славятся даже во всей Россіи своею живописностью.

— До-сихъ-поръ, по крайней мѣрѣ, я ничего еще не видала, кромѣ голыхъ полей, передала не совсѣмъ ласково Зинаида Львовна.

— О, да, да! но это только подлѣ дома... а тамъ... дальше... пойдутъ все горы, долины, холмы, совершенная маленькая Швейцарія, даже озера есть... ты все это увидишь... Жаль, что дождь идетъ, а то мы бы сейчасъ сдѣлали маленькую partie de plaisir; взяли бы съ собой самоваръ, молока, хлѣба, дѣтей бы взяли... и тамъ... оты-

скавъ хорошенькое мѣстечко... ихъ такъ много!.. расположились бы на травѣ, въ тѣни деревъ... Что ты на меня, мой другъ, такъ пристально смотришь?

— Знаете ли, Авениръ Васильевичъ, сказала жена, пожимая плечами и складывая накрестъ руки: — чѣмъ больше смотрю на васъ, тѣмъ больше вижу, какой вы пустой человѣкъ!

— Но почему-же, мой ангелъ? я не понимаю...

— Вѣчные пустяки въ головѣ, возразила Зинаида Львовна, досадливо отворачиваясь:—прежде чѣмъ думать о partie de plaisir, не мѣшало бы вамъ подумать о томъ, что надо починить лѣстницу; дѣти, того и смотри, ноги себѣ сломятъ... Мы поѣдемъ дѣлать partie de plaisir, а у насъ потолокъ едва держится, въ кухнѣ плиты нѣтъ; въ парадныхъ дверяхъ — если только можно дать имъ это названіе—вмѣсто двухъ половинокъ одна.

— Нельзя же вдругъ, мой ангелъ, я все это знаю, но вдругъ никакъ нельзя... И наконецъ, я не знаю, какъ ты такъ... я нахожу въ этомъ безпорядкѣ даже какую-то поэзію... какую-то простоту сельской жизни... все это...

Вошелъ Степанъ. Авениръ Васильевичъ нетерпѣливо махнулъ ему рукою и поспѣшилъ заслонитъ его спиною отъ взоровъ жены.

— Прикажете, сударь, опять идти на дорогу? уныло спросилъ Степанъ.

— Да... непремѣнно... ступай, ступай! подхватилъ Авениръ Васи льевичъ, дѣлая Степану выразительные жесты, чтобъ онъ удалился.

— Да вы напрасно, сударь, изволите себя безпокоить, вымолвилъ Степанъ:—въ такую распутицу никто не поѣдетъ... потому что...

— Ступай, когда я тебѣ говорю! крикнулъ Авениръ Васильевичъ, дѣлая повелительный жестъ.

— Куда это вы его посылаете? спросила жена.

— На дорогу, мой другъ, караулить старосту, который куда-то уѣхалъ.. мнѣ онъ очень нуженъ... вымолвилъ мужъ, принимая вдругъ озабоченный видъ дѣлового хозяина.

— А я ужъ думала, вы посылаете караулить ка-

кого-нибудь гостя... ужъ вы въ самомъ дѣлѣ не ждете ли кого-нибудь?.. этого бы только недоставало!..

Каждое изъ этихъ словъ вонзалось какъ пуля въ Авенира Васильевича.

— Помилуй, мой другъ, за кого же ты въ самомъ дѣлѣ меня принимаешь? спросилъ онъ тономъ человѣка, несправедливо обиженнаго:—ты въ самомъ дѣлѣ считаешь уже меня какимъ-то помѣшаннымъ... Зачѣмъ мнѣ гости?.. къ чему?.. неужели я не могу жить безъ нихъ?.. Я пріѣхалъ сюда совсѣмъ не затѣмъ... я усталъ... пріѣхалъ отдохнуть...

Зинаида Львовна подумала, что дала слишкомъ уже большую волю дурному своему расположенію и не шутя обидѣла мужа; она тотчасъ же смягчилась.

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ никого не звали? спросила она уже безъ всякаго сердца, но устремила однакожъ на мужа пристально-пытливый взглядъ.

Авениръ Васильевичъ окончательно растерялся.

— Помилуй... мнѣ даже это въ голову не приходило, мой другъ, сказалъ онъ, сдѣлавъ надъ собою сверхъестественное усиліе:—зачѣмъ я буду звать? къ чему?.. (Тутъ онъ даже пожалъ плечами). Но ты понимаешь, душа моя, я никакъ не могъ избѣгнуть, чтобы не сказать нѣсколько словъ передъ отъѣздомъ... этого требовала учтивость... я такъ только намекнулъ Александру Иванычу...

— Какому еще Александру Иванычу?

— Щепетильникову...

— Очень было нужно... проговорила жена съ явной досадой.

— Этого требовала учтивость...

— Я его терпѣть не могу!..

— Но ты, душа моя, никогда его не видала...

— Все равно, за то много слышала, подхватила Зинаида Львовна, постепенно раздражаясь.

— Но нельзя же, мой другъ, невозможно было иначе сдѣлать... сама посуди: вѣдь это человѣкъ, отъ котораго... со временемъ... онъ чрезвычайно обидчивъ... я собственно изъ учтивости.

— Я какъ-будто предчувствовала!.. перебила уже съ

сердцемъ супруга:—я знала, что у васъ безъ гостей никакъ не обойдется... я васъ, сударь, предупреждаю...

— Мой другъ, увѣряю тебя!.. Успокойся пожалуйста... ты знаешь, это тебѣ вредно... ты можешь быть увѣрена, что онъ не пріѣдетъ... ты выслушай прежде, вѣдь ты всегда такъ!.. Онъ явственно сказалъ мнѣ, что не будетъ... И зачѣмъ ему? къ чему? онъ поселился на Черной рѣчкѣ...

— Сударыня, сказала, входя вся впопыхахъ, Надежда Никитишна:—къ намъ кто-то пріѣхалъ.

— Боже мой! воскликнула Зинаида Львовна.

Авениръ Васильевичъ бросился къ окну. Въ эту самую минуту на лѣстницѣ раздался ужаснѣйшій трескъ; казалось даже, какъ-будто кто-то провалился...

— Сударыня, сказала Надежда Никитишна, снова вбѣгая:—сударыня, какой-то баринъ пріѣхалъ...

— Какой баринъ?

— Какой-то плѣшивенькій... Авенира Васильевича спрашиваютъ.

— Это что значитъ? вымолвила Зинаида Львовна, вставая со стула:—кто такой?..

— Я, право, не знаю, Зиночка... мой ангелъ... я... право... Ахъ!—Александръ Иванычъ! внезапно воскликнулъ онъ, кидаясь на встрѣчу входившему гостю.—Боже мой, какъ я радъ!.. Это, можно сказать, лучшій день въ моей жизни! восторженно довершилъ онъ, простирая впередъ руки.

III.

НЕСЧАСТЬЕ ЗА НЕСЧАСТЬЕМЪ.

— Вотъ сюрпризъ!—можно сказать неожиданный!.. я въ восторгѣ!.. Мы только-что о васъ говорили!.. подхватилъ Авениръ Васильевичъ, съ горячностью заключая гостя въ объятіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ же горячо посылая его къ нечистому.

Обманчивая и столь рѣзко противоположная игра чувствъ со стороны добраго Авенира Васильевича не

должна удивлять читателя. Каждому доброму читателю— всѣ читатели добры, я увѣренъ—неоднократно приходилось обнимать гостей и желать имъ въ то же время провалиться сквозь землю; это такъ вошло въ нравы, что сдѣлалось даже слишкомъ обыкновеннымъ. Авениръ Васильевичъ былъ виноватъ только въ томъ, что самъ звалъ гостя, убѣждалъ его всячески пріѣхать и даже, для вѣрнѣйшаго достиженія своей цѣли, соблазнилъ его роскошными картинами сельской жизни, описаніемъ удобствъ, павильонами, купаньемъ, свѣжею здоровою провизіею и проч. Тѣмъ менѣе слѣдовало ему прибѣгать къ соблазнамъ. что самъ гость былъ уже чрезвычайно падокъ къ соблазнамъ всякаго рода. Цѣль жизни гостя заключалась, можно сказать, въ томъ только, чтобы тонко поѣсть, мягко сѣсть, сладко поспать. Самое лицо Щепетильникова, украшенное глянцовитой лысиной, толстыми висящими губами, пурпуровымъ носомъ и густыми бровями, переставало казаться брюзгливымъ, какъ только говорилось о соусахъ, супахъ, сочномъ ростбифѣ и пряностяхъ; присутствіе женщины, даже бесѣда о женщинахъ, способны были придавать чертамъ его необычайную мягкость: онѣ таяли—таяли какъ медъ, опущенный въ теплую воду. Глядя на него въ эти минуты, никакъ нельзя было думать, чтобъ онъ пускалъ въ ростъ свои капиталы.

Единственною слабостью Александра Иваныча было черезъ-чуръ уже исключительное вниманіе ко всему, что касалось туалета. Въ настоящую минуту онъ былъ въ бѣломъ кисейномъ галстухѣ, усѣянномъ красными горошинами, бѣломъ жилетѣ, такихъ же панталонахъ и темной жакеткѣ съ карманами; сѣрая пастушеская шляпа изъ войлока, тальма и прюнелевыя ботинки довершали его одежду.

Очутившись въ объятіяхъ Авенира Васильевича, Щепетильниковъ долго держалъ бы его на груди, своей, еслибъ съ самаго начала не былъ непріятно пораженъ бѣдною наружностью деревни и вполнѣ жалкимъ видомъ дома. Онъ отвѣчалъ Лутовицыну довольно холодно и поспѣшилъ провести ладонью по ногѣ, получившей контузію на лѣстницѣ.

— Что съ вами? воскликнулъ вдругъ Авениръ Васильевичъ:—вы, кажется, хромаете, Александръ Иванычъ?.. не ушиблись ли вы?

— Да, немножко... вотъ тутъ на лѣстницѣ... произнесъ гость, дѣлая усилія, чтобы улыбнуться Зинаидѣ Львовнѣ.

— Ахъ, Боже мой!.. эта проклятая лѣстница!.. Позвольте, Александръ Иванычъ, представить васъ моей женѣ... Ее до-сихъ-поръ не починили... всему виноватъ этотъ проклятый староста... Зиночка: Щепетильниковъ, Александръ Иванычъ, о которомъ ты такъ много слышала... Я сейчасъ же распоряжусь... завтра все будетъ исправлено...

Щепетильниковъ между-тѣмъ раскланивался. Зинаида Львовна сказала, что ей очень пріятно, что она много очень слышала, и т. д., и приглашала его сѣсть. Авениръ Васильевичъ поспѣшилъ придвинуть стулья. Онъ, казалось, не оправился еще отъ удивленья и метался какъ растерянный: билъ въ ладоши, топалъ ногами, подбѣгалъ къ окну, обдергивалъ сюртукъ, возвращался къ гостю и вдругъ какъ-бы по вдохновенью спросилъ его:

— Какъ вы ѣхали, Александръ Иванычъ?

— Очень дурно, я вамъ скажу, промолвилъ гость, обращаясь не безъ пріятности къ Зинаидѣ Львовнѣ, которая ловила между-тѣмъ случай бросить грозный взглядъ на мужа:—дорога—я вамъ скажу... это ужасно! Три раза я былъ опрокинутъ; два раза ломалась ось (Авениръ Васильевичъ всплеснулъ руками), а ужъ какъ я ночевалъ,—и сказать невозможно... (Авениръ Васильевичъ снова всплеснулъ руками). Надо признаться—дорога скверная... совсѣмъ не то, что вы говорили...

— Это все отъ дождей... вы видите меня въ совершенномъ отчаяньи... Но тѣмъ болѣе мы должны вамъ быть благодарны, подхватилъ Лутовицынъ:—вы навѣрное, однакожъ, устали, проголодались... не завтракали,—я думаю?.. Зиночка, сдѣлай одолженіе, поди потрудись... для дорогого гостя...

— Помилуйте, сударыня, зачѣмъ же вамъ безпокоиться? сказалъ гость, приподымаясь.

— Нѣтъ ужъ, Александръ Иванычъ, позвольте, она хозяйка... это ея дѣло... шутливо замѣтилъ Авениръ Васильевичъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отвернулся изъ опасенія встрѣтить взглядъ жены.

— Впрочемъ, признаюсь, я не прочь отъ завтрака, вымолвилъ гость, очевидно уже сдѣлавшійся снисходительнѣе послѣ бесѣды съ молодой женщиной:—но знаете ли, о чемъ я особенно мечталъ, Авениръ Васильевичъ, во все время, какъ ѣхалъ съ послѣдней станціи?..

— О чемъ это?

Сердце Авенира Васильевича вздрогнуло отъ тяжкаго предчувствія.

— Я думалъ, продолжалъ гость, и на лицѣ его показалось сладкое выраженіе:—вотъ доберусь я до Авенира Васильевича, и гдѣ нибудь, тамъ... въ павильонѣ или бесѣдкѣ... возьму ванну.

— Да... да... ха, ха, ха!.. Э... перебилъ Авениръ Васильевичъ, смѣясь съ какимъ-то замѣшательствомъ...

— Да, подхватилъ гость, смягчаясь окончательно:— я вѣдь столичный житель, я въ деревнѣ никогда не живалъ, слѣдовательно меня все это, вы понимаете, особенно занимаетъ... Ужъ не сходить ли намъ теперь, до завтрака? Дождь теперь, кажется, пересталъ... у меня галоши... Вы мнѣ говорили, помнится, бесѣдка подлѣ самаго дома; тамъ, говорили вы, всегда у васъ и ванна стоитъ, пойдемте-ка, заключилъ гость, вставая.

— Послушайте, Александъ Иванычъ, сказалъ Авениръ Васильевичъ убѣдительнымъ голосомъ и нѣжно взялъ гостя за руку:—послушайте... пока... пока тамъ... (онъ указалъ неопредѣленно рукою) пока тамъ... а вы здѣсь... (Тутъ онъ очень опредѣлительно указалъ на комнату).

Предложеніе взять ванну въ гостиной сильно, казалось, изумило гостя.

— Какъ, здѣсь?.. спросилъ онъ.

— Да, вотъ извольте видѣть... началъ, ободряясь, хозяинъ:—тамъ все передѣлываютъ... такъ какъ я васъ ждалъ, то отдалъ кое-какія приказанія... не успѣли еще... Оно сейчасъ будетъ готово... Вѣдь какъ нарочно этакое

несчастье, представьте, староста у меня запилъ!... Кромѣ того, во всемъ домѣ идетъ суматоха: все перестанавливаютъ, чинятъ... жена больна... мы съ ней въ одной комнатѣ живемъ... у Сашеньки коклюшъ... Петя ушибся... она въ отчаяніи...

Гость, слушавшій все это съ опущенною головою, приподнялъ брови и пожалъ губами.

— Какъ же вы такъ?.. Вы бы меня предупредили въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ.

Степанъ, явившійся съ чемоданомъ на плечѣ и сакомъ въ рукѣ, вывелъ Авенира Васильевича изъ затруднительнаго положенія. Въ то же время почти явилась и Надежда Никитишна съ подносомъ, на которомъ былъ завтракъ.

— Сюда чемоданъ, сюда! почти радостно закричалъ Авениръ Васильевичъ, обращаясь къ Степану:—а вотъ и завтракъ, Александръ Иванычъ... не взыщите: яичница изъ свѣжихъ яицъ — по-деревенски — прошу покорнѣйше садиться...

Александръ Иванычъ, начинавшій быть очень недовольнымъ пріемомъ, при словѣ «яичница» поднялъ голову: такъ какъ Щепетильниковъ вообще любилъ завтракать и, сверхъ того, былъ голоденъ съ дороги, — видъ яичницы тотчасъ же смягчилъ его; онъ ласково даже сказалъ Лутовицыну:

— Помилуйте... да это отличное кушанье... это почти всегдашній мой завтракъ — свѣжія яйца и чашка кофе! на меня вѣдь только наговариваютъ, будто я такой ужъ сластунъ! На самомъ дѣлѣ я очень хорошо могу обходиться безъ тонкихъ блюдъ и выдумокъ: будь только свѣжіе припасы—и я совершенно доволенъ!.. Вы сами это увидите... Я, признаюсь, въ одномъ только избалованъ: люблю овощи, спаржу, цвѣтную капусту, артишоки, и вообще—тонкую зелень... Какъ видите, я могу даже быть деревенскимъ жителемъ... потому что вѣдь все это подъ рукой въ деревнѣ и ужъ, конечно, въ лучшемъ видѣ, чѣмъ въ городѣ... Въ мои года я...

— Чего вамъ угодно? дрожащимъ голосомъ спросилъ Авениръ Васильевичъ, видя, что гость чего-то искалъ на подносѣ.

— Да вотъ... я, признаюсь, передъ завтракомъ имѣю привычку водки рюмочку... нѣтъ ли—анизетъ?

— Водки! ахъ, помилуйте, сію секунду... Эй, Степанъ!... Степанъ!..

Въ дверяхъ выставилась фигура Степана.

— Подай водки,—что-жъ ты?

— Водки нѣтъ-съ.

— Какъ такъ? воскликнулъ Авениръ Васильевичъ, откидываясь назадъ.

— Вся вышла-съ...

— Ахъ Боже мой!.. ахъ, какъ же это... Извините, Бога ради, Александръ Иванычъ... я въ совершенномъ отчаяніи... такая, право, досада... самъ водки не пью... до города у насъ сорокъ верстъ... Но вотъ не угодно ли яичницы... ужъ за нее я вамъ поручусь...

Александръ Иванычъ не сказалъ ни слова и приступилъ къ яичницѣ. Но едва положилъ онъ первый желтокъ въ ротъ, какъ ротъ его страшно искривился, глаза открылись, лицо побагровѣло. Авенира Васильевича обдало съ головы до ногъ холоднымъ потомъ.

— Что это!.. вымолвилъ онъ, быстро нагибаясь къ тарелкѣ, между тѣмъ какъ гость отплевывался: — какъ! не свѣжіи яйца!.. это ужасно!.. это... это нестерпимо!.. повѣрите ли, это теперь все такъ, подхватилъ онъ, между тѣмъ какъ гость продолжалъ плевать и качалъ головою:— весна, что-ли... курицы ли такъ несутся... Знаете ли, мы здѣсь даже привыкли къ этому... бѣда совершенная!.. Но позвольте, я сейчасъ прикажу что-нибудь другое...

— Нѣтъ, ужъ покорно благодарю...

— Сію минуту будетъ готово, произнесъ Лутовицынъ, кидая растерянные взгляды направо и налѣво.

— Нѣтъ, ужъ покорно благодарю... благодарю васъ, Авениръ Васильевичъ! съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ произнесъ Щепетильниковъ...

— Но это сейчасъ... это несчастіе... сію секунду!..

И, не дожидаясь отвѣта, Авениръ Васильевичъ, который началъ уже теряться и заговариваться, выбѣжалъ изъ гостиной. Въ коридорѣ, тянувшемся непосредственно до гостиной, онъ чуть не съ сшибъ съ ногъ няньку,

державшую въ рукахъ корыто, въ которомъ должны были купаться дѣти, стукнулся головою о косякъ двери и бросился въ комнату жены.

Зинаида Львовна сидѣла на диванѣ, подперевъ рукою голову. Увидя мужа со встрепанными волосами и едва переводившаго духъ, она досадливо отвернулась. Такое привѣтствіе, и въ такую минуту, переполнило отчаянье Авенира Васильевича: какъ угорѣлый забѣгалъ онъ по комнатѣ, поднялъ безо всякой надобности съ полу какую-то бумажку, закупорилъ безо всякой видимой цѣли стоявшую на печкѣ бутылку, бросился потомъ на диванъ, всталъ, секунды двѣ стоялъ какъ баранъ, съ неподвижными, отупѣвшими глазами, снова бросился на диванъ и снова забѣгалъ по комнатѣ.

— Что съ вами?.. я васъ боюсь... проговорила жена, начинавшая думать, что мужъ въ самомъ дѣлѣ рехнулся.

Услыша голосъ сочувствія, Авениръ Васильевичъ очнулся.

— Зиночка... ангелъ мой! воскликнулъ онъ, размахивая руками и бросая растерянные взгляды:—несчастіе... яичница... онъ обидѣлся... Бога ради... тухлыя яйца!..

— Что такое... вы меня пугаете...

— Яйца были тухлыя, онъ обидѣлся... Бога ради!.. цвѣтная капуста... артишоки... поди туда, устрой какъ-нибудь... Клянусь тебѣ, это въ послѣдній разъ... онъ можетъ принять въ худую сторону и тогда... Бога ради! поди, поди поправь какъ-нибудь... устрой... уговори его... объясни ему...

Тутъ Авениръ Васильевичъ неожиданно упалъ на колѣни и въ короткихъ, но выразительныхъ словахъ признался женѣ, что онъ адски задолжалъ Щепетильникову, и что, слѣдовательно, легко можетъ статься, что Щепетильниковъ его погубитъ; онъ намекнулъ даже что-то о будущности дѣтей своихъ и назвалъ ихъ мимоходомъ невинными малютками.

Оправившись отъ испуга, въ который повергла ее эта новость, Зинаида Львовна поспѣшила пригладить волосы и надѣть чепчикъ; Авениру Васильевичу тотчасъ же ста-

ло легче. Сказавъ женѣ, что онъ задыхается и пройдется по двору, чтобы освѣжить голову, онъ торопливо побѣжалъ изъ комнаты. Пройдя бережно на цыпочкахъ мимо двери гостиной, онъ спустился съ лѣстницы и почти носъ къ носу столкнулся съ господиномъ, который вылѣзалъ изъ телѣжки, запряженной парою тощихъ клячъ.

— Бодасовъ! воскликнулъ Авениръ Васильевичъ, ошеломленный этимъ новымъ ударомъ.

— Я къ тебѣ! отвѣчалъ Бодасовъ, человѣкъ мрачнаго, подозрительнаго вида, съ огромными черными усами, такими же бакенбардами, эспаньолкой и глазами, глядѣвшими безпокойно изъ-подъ широкополой шляпы, какія носятъ художники; онъ былъ завернутъ въ шинель съ бобровымъ воротникомъ значительно изъѣденнымъ молью.

— Я къ тебѣ, повторилъ Бодасовъ, увлекая Лутовицына на лѣстницу и опуская на ступень дорожный мѣшокъ и галоши.

— Очень радъ...

— Ты одинъ? спросилъ Бодасовъ, понижая голосъ и таинственно обводя вокругъ глазами.

— Нѣтъ...

— Гости?.. проговорилъ Бодасовъ, обнаруживая очевидное безпокойство.

— Да, Щепетильниковъ..

— Александръ Иванычъ? съ ужасомъ произнесъ Бодасовъ.

— Онъ самый.

При этомъ извѣстіи, что-то необычайно странное произошло съ Бодасовымъ; въ одно мгновенье ока поднялъ онъ свои пожитки и растеряннымъ голосомъ сказалъ Лутовицыну:

— Веди меня куда-нибудь... веди скорѣе... я секунды не могу оставаться съ нимъ въ одномъ домѣ...

— Но почему же?

— Понимаешь ли ты, я нарочно... словомъ: я именно бѣжалъ отъ него изъ Петербурга...

— Отчего?

— Я ему долженъ, адски долженъ... онъ преслѣдуетъ!..

— Мало ли кто ему долженъ! со вздохомъ проговорилъ Авениръ Васильевичъ.

— Нѣтъ, все не такъ, онъ меня преслѣдуетъ, ожесточенъ! возразилъ Бодасовъ:—я погибъ, если съ нимъ встрѣчусь.

Авениръ Васильевичъ хотѣлъ ему предложить сѣсть снова въ телѣжку и ѣхать, но это оказалось невозможнымъ; Бодасовъ тутъ же объявилъ, что у него гроша нѣтъ, что даже ямщику не заплачено отъ самаго Петербурга.

— Я надѣюсь, ты выручишь, довершилъ Бодасовъ, увлекая самъ не зная куда своего друга, черезъ дворъ;— я собственно за тѣмъ къ тебѣ пріѣхалъ... адски проигрался... все лопнуло!..

— У меня, клянусь тебѣ, также гроша нѣтъ... сказалъ Авениръ Васильевичъ:—я ничего не могу... но куда жъ ты?

— Куда-нибудь, все равно, лишь бы не съ нимъ въ одномъ домѣ... я не взыскателенъ... У тебя есть сѣнникъ?

— Есть...

— Ну, такъ веди туда... веди скорѣе... лишь бы не съ нимъ; а ямщику отдай... гроша нѣтъ... все лопнуло!

Авениръ Васильевичъ скорѣе шелъ за гостемъ, чѣмъ велъ его. Такъ, почти случайно добрели они до сѣнника, гдѣ Авениръ Васильевичъ оставилъ Бодасова въ припадкѣ постепенно возраставшаго безпокойства.

Отдавъ приказаніе старостѣ, чтобы съ ямщикомъ разочлись овсомъ (частый способъ расплаты у сельскихъ жителей), Авениръ Васильевичъ поспѣшилъ возвратиться въ домъ. При мысли о Щепетильниковѣ и съѣденной имъ яичницѣ, онъ мгновенно забылъ Бодасова, и, полный смущенія и неловкости, бережно подобрался къ двери гостиной и сталъ прислушиваться. Александръ Иванычъ просто разсыпался съ Зинаидой Львовной; дѣло уже дошло до прелестей природы и благоуханія цвѣтовъ.

«Ну, слава Богу, все, кажется уладилось,—это, просто, какая-то геніальная женщина!» подумалъ Авениръ Васильевичъ.

Онъ отворилъ дверь и заботливо подошелъ къ сидѣвшимъ.

— А я сейчасъ вотъ благодарила Александра Иваныча за честь, которую онъ намъ сдѣлалъ, и извинялась передъ нимъ, сказала Зинаида Львовна, обращаясь къ мужу.

— Помилуйте, сударыня, какія извиненія; я чрезвычайно счастливъ, что къ вамъ пріѣхалъ, возразилъ гость, наклоняясь и улыбаясь.

— Повѣрьте, Александръ Иванычъ, я постараюсь вознаградить неудовольствіе нынѣшняго дня, заговорилъ торопливо Авениръ Васильевичъ:—все это вышло такъ неудачно... но завтра же все пойдетъ иначе... мы будемъ дѣлать прогулки... мѣста чрезвычайно живописныя, эти мѣста славятся по всей Россіи... это, просто, какая-то маленькая Швейцарія... даже озеро есть...

Но Щепетильниковъ не слушалъ Авенира Васильевича и только умильно поглядывалъ и улыбался Зинаидѣ Львовнѣ.

— Вы не курите, Александръ Иванычъ? внимательно освѣдомилась хозяйка.

— Ахъ, да, не курите ли вы? спохватился Авениръ Васильевичъ.

— Нѣтъ, нѣжно проговорилъ гость: — для меня, я вамъ скажу, табакъ сущая отрава... и наконецъ, въ присутствіи дамы... добавилъ онъ, прикладывая руку къ груди и наклоняясь передъ хозяйкой, какъ-бы желая убѣдить ее, что у него такъ же мало волосъ на темени, какъ и на вискахъ.

— О, это бы ничего, сказала хозяйка: — но я сама не выдерживаю табачнаго дыму...

— Я также вовсе не курю... это для меня... вмѣшался-было Лутовицынъ, но гость перебилъ его.

— Оно, сударыня, впрочемъ такъ и слѣдуетъ, сказалъ онъ, покручивая головой и самодовольно вправляя подбородокъ въ галстукъ:—на лонѣ природы, такъ сказать, среди благовонія цвѣтовъ, непонятно и даже неумѣстно табачное куреніе... Вы, сударыня, часто гуляете?..

— Всякій день, перебилъ Авениръ Васильевичъ: — у насъ вѣдь такія живописныя мѣста!..

Александръ Иванычъ почти строго взглянулъ на хозяина и продолжалъ, обратившись къ женѣ:

— Я самъ, сударыня, очень много гуляю... Вы мнѣ позволите надѣяться быть вашимъ кавалеромъ?..

— Очень охотно, Александръ Иванычъ.

— О, мы будемъ дѣлать восхитительныя partie de plaisir! сказалъ Авениръ Васильевичъ:—будемъ брать съ собою самоваръ, молоко, и въ тѣни, посреди тишины...

Недовольный взглядъ Щепетильникова снова остановилъ его.

— Я сама чрезвычайно люблю сельскую жизнь и тишину, сказала Зинаида Львовна:—особенно послѣ городского шума.

— Да, тишина... тишина! умильно проговорилъ Александръ Иванычъ.

— Я вѣдь также, подхватилъ Авениръ Васильевичъ, заходя къ гостю съ другого бока;—я также... для меня тишина, спокойствіе... это первое наслажденіе въ жизни, Александръ Иванычъ... я ничего не люблю лучше тишины и, можно сказать, мы здѣсь вполнѣ этимъ наслаждаемся... Повѣрите ли, Александръ Иванычъ, здѣсь по цѣлымъ днямъ звука не услышишь, не только звука, но даже самаго легкаго шороха какого-нибудь...

Но какъ-бы совершенно на зло и въ опроверженіе словамъ добродушнаго хозяина, въ эту самую минуту уши присутствующихъ были потрясены звономъ колокольчика, къ которому тотчасъ же присоединилось звяканье бубенчиковъ, топотъ лошадиныхъ копытъ и лай собакъ. Авениръ Васильевичъ вздрогнулъ.

— Что̀ это? спросила Зинаида Львовна, поспѣшно вскакивая со стула.

— Я ничего не знаю... ужъ не становой ли! проговорилъ Авениръ Васильевичъ, кидаясь какъ потерянный къ окну. — Нѣтъ, это не становой! промолвилъ онъ съ отчаяньемъ, — и почти въ ту же секунду сломя голову побѣжалъ вонъ изъ комнаты.

IV.

ЛИЧНЫЕ ВРАГИ.

Бодасовъ лежалъ между-тѣмъ на сѣнникѣ, и безпокойство его, возбуждаемое близостью Щепетильникова, принимало самый отчаянный характеръ. Ему точно было чего бояться и о чемъ думать. Вся жизнь его, особенно въ послѣднее время, представляла непрерывное сцѣпленіе горькихъ, безотрадныхъ событій. Перебирая въ памяти своей длинный свитокъ воспоминаній, какъ прошлыхъ, такъ и настоящихъ, онъ дошелъ наконецъ до безотраднаго заключенія, что ему не предстояло уже теперь никакой возможности возвратиться въ обѣ столицы: ѣхать въ Петербургъ, значило бы тотчасъ же попасть въ долговую тюрьму; направить путь къ Москвѣ — значило бы навѣрное очутиться въ ямѣ и просидѣть тамъ до окончанія вѣка. Даже главные губернскіе города были для него не безъ опасности.

Размышленія его были прерваны сначала звукомъ колокольчика, потомъ бубенчиками и наконецъ грохотомъ тарантаса, въѣхавшаго на дворъ Лутовицына. Умъ Бодасова былъ такъ уже настроенъ, что онъ всего боялся. Обстоятельства, сокрушившія его, научили его быть осмотрительнымъ и осторожнымъ. Онъ торопливо приподнялся и взглянулъ изъ слухового окна, продѣланнаго въ кровлѣ сѣнника. При видѣ новоприбывшаго гостя, лицо Бодасова, и безъ того уже далеко не миловидное, мгновенно приняло выраженіе самой звѣрской злобы и ненависти.

«Чернушкинъ! прошепталъ онъ, стискивая зубы и сжимая кулаки:—Чернушкинъ! подхватилъ онъ, принимаясь дѣлать угрожающіе жесты:—наконецъ-то столкнула судьба! Два мѣсяца напрасныхъ поисковъ! Но теперь—теперь ты въ моихъ рукахъ и не уйдешь, разбойникъ! Два раза предавалъ ты меня, какъ гнусный измѣнникъ, въ своей собственной квартирѣ; два раза, какъ лютыхъ псовъ, наводилъ ты кредиторовъ на скромный пріютъ мой на Пескахъ и въ Галерной гавани, и тебѣ это не пройдетъ даромъ! нѣтъ,

не пройдетъ! Напрасно бѣгалъ ты отъ меня два мѣсяца, я поклялся истребить тебя, и—истреблю».

Бодасовъ кипѣлъ и пѣнился отъ негодованія. Дождь, принявшійся снова лить, давно уже колотилъ по кузову распряженнаго тарантаса, въ которомъ пріѣхалъ Чернушкинъ, но Бодасовъ все еще не успокоивался. Даже часа два спустя послѣ того, еслибъ кому-нибудь случайно привелось попасть на сѣнникъ Лутовицына, онъ увидѣлъ бы Бодасова, сидящаго въ темномъ углу съ грозно-нухмуреннымъ челомъ, стиснутыми кулаками и мрачнымъ взоромъ, въ которомъ горѣлъ огонь мести, дикой ненависти и твердой рѣшимости.

А между-тѣмъ, новоприбывшій гость, представленный Зинаидѣ Львовнѣ и Щепетильникову, занималъ общество разсказами о Петербургѣ. Нимало не раздѣляя къ нему ненависти Бодасова, я долженъ однакожъ сказать, что наружность его была не совсѣмъ пріятная. Одѣтъ онъ былъ довольно хорошо, слишкомъ даже хорошо для дороги; но что такое одежда, когда главное дѣло—въ человѣкѣ, въ его нравственныхъ качествахъ! Нравственныя качества Чернушкина отпечатывались на лицѣ его: ясно, что эти узенькія блѣдныя губы, приплюснутое и какъ-бы скомканное лицо, покрытое веснушками, рыжіе, жосткіе волосы, взбитые на лѣвомъ вискѣ,—ясно, что это все не могло принадлежать доброму человѣку; но во всемъ этомъ проглядывала еще какая-то наглая самоувѣренность, которая не столько свѣтилась въ его кротовыхъ глазахъ, смотрѣвшихъ какъ-то въ бокъ, сколько обозначалась въ общемъ выраженіи его физіономіи. Наружность его такъ поражала своею ядовитостью, что, основываясь на ней только, одинъ редакторъ пригласилъ его писать критику въ своемъ журналѣ; редакторъ особенно также разсчитывалъ на то, что Чернушкинъ страдалъ болью въ печени и подверженъ былъ желчнымъ припадкамъ; но разсчеты редактора оказались неосновательными; послѣ перваго же опыта, Чернушкинъ обнаружился совершенно бездарнымъ, и ему отказали наотрѣзъ; этимъ и кончилось его поприще; изъ журнальнаго міра онъ вынесъ только названіе «господина, пахнущаго пережженымъ ромомъ»—и это совер-

шенно несправедливо, потому что, по бѣдности своей Чернушкинъ ничего не пилъ, кромѣ воды.

Не могу вамъ сказать навѣрное, когда, зачѣмъ и по какому случаю Авениръ Васильевичъ съ нимъ познакомился; но ничего нѣтъ легче открыть причину посѣщенія Чернушкина: цѣль его, въ этомъ случаѣ, заключалась единственно въ томъ, чтобы дышать свѣжимъ воздухомъ, не платя за дачу, даромъ спать и, особенно, даромъ ѣсть; ибо, Чернушкинъ былъ именно изъ тѣхъ людей, падкихъ на даровые обѣды, которые готовы завтракать съ тѣнью отца Гамлета, обѣдать съ привидѣніемъ Банко и ужинать со статуею Командора, еслибъ только эти почтенные мужи сдѣлали имъ честь приглашать ихъ. Вотъ и все. Теперь перенесемся въ гостиную добродушнаго Лутовицына.

Авениръ Васильевичъ и жена его только-что вышли. Оба отправились хлопотать объ обѣдѣ.

— Скажите пожалуйста, который часъ однакожъ? спросилъ пискливо-шипящимъ голосомъ Чернушкинъ, обращаясь къ Александу Иванычу.

— Скоро пять... со вздохомъ проговорилъ Щепетильниковъ, который, какъ только вышла Зинаида Львовна, снова выказалъ всѣ признаки неудовольствія на лицѣ своемъ; это могло также происходить и потому, что избалованный желудокъ его начиналъ терзаться отъ голоду.

— Да-съ, можно сказать, что время приближается къ обѣду, хотя никакъ нельзя сказать, повидимому, чтобы обѣдъ приближался ко времени, произнесъ Чернушкинъ. — Скажите, мнѣ кажется, я имѣлъ уже удовольствіе встрѣчать васъ у Шилохвостовыхъ?

— Быть-можетъ... я туда рѣдко ѣзжу, возразилъ неохотно Александръ Иванычъ.

— И я не часто. Тамъ вѣдь скука. Хозяинъ глупъ, у хозяйки болятъ зубы... впрочемъ тамъ иногда бываютъ недурныя женщины... А, вотъ, кажется, и обѣдъ, или что-то похожее на это... запищалъ Чернушкинъ, давая дорогу Степану, который вносилъ столъ.

При видѣ стола и скатерти, которую накрылъ Степанъ, Александръ Иванычъ нѣсколько оживился.

— У Шилохвостовыхъ точно скучно, за то ужъ подобныхъ фигуръ тамъ не попадется, сказалъ Чернушкинъ, кивая на Степана, входившаго съ тарелками: — впрочемъ, что-жъ вы хотите: между нами сказать, и самъ-то хозяинъ порядочная... Вы давно съ нимъ знакомы... и хорошо?

— Да... такъ... и признаюсь вамъ, судя по началу самъ ужъ не радъ, что пріѣхалъ.. проговорилъ Александръ Иванычъ, передъ которымъ разрушались одна за другою всѣ мечты о свѣжихъ припасахъ, спаржѣ, артишокахъ, цвѣтной капустѣ и проч.

— А что, развѣ дурно кормятъ? съ оживленіемъ спросилъ Чернушкинъ.

— Какое кормятъ!.. Я вамъ скажу — вовсе не кормятъ! Вотъ скоро восемнадцать часовъ, какъ я ничего не ѣлъ! проговорилъ Александръ Иванычъ.

Чернушкинъ пробуждалъ въ Александрѣ Иванычѣ, какъ и во всѣхъ, впрочемъ, какое-то антипатичное чувство; но съ другой стороны, Александръ Иванычъ начиналъ уже питать слишкомъ сильную досаду противъ Авенира Васильевича, чтобы не найдти удовольствія выбранить его хорошенько передъ кѣмъ бы то ни было. Основываясь на этомъ, онъ передалъ Чернушкину исторію яичницы.

— Это неслыхано! восклицалъ Чернушкинъ: — это возмутительно!.. знаете ли что! это даже какая-то дерзость... я какъ будто предчувствовалъ... Этакой хамъ!..

Послѣднее выраженіе показалось Щепетильникову слишкомъ уже рѣзкимъ, и онъ отвернулся, но продолжалъ однакожъ какъ-бы разговаривать самъ съ собою:

— Зачѣмъ же звать въ такомъ случаѣ?.. Ну нѣтъ ничего—такъ не зови по крайней мѣрѣ... а то наговорилъ съ три короба, разсказалъ о какомъ-то очарованномъ замкѣ, а на повѣрку моритъ съ голоду, не имѣетъ даже приличной комнаты, куда принять, не имѣетъ даже порядочнаго стула... Теперь уже все очевидно... я рѣшительно кляну себя за то, что пріѣхалъ!..

— Я, признаться, и самъ удивляюсь, видя васъ здѣсь... Развѣ вы его не знаете?.. Я завернулъ сюда потому, что было мнѣ по дорогѣ... я ѣду къ теткѣ въ деревню... Развѣ вы не знаете, что этотъ Лутовицынъ— безстыднѣйшій лжецъ, лжецъ безъ застѣнчивости! повѣствовалъ Чернушкинъ, все болѣе и болѣе озлобляясь.

Господинъ съ рыженькими волосами ожесточался противъ Лутовицына собственно по двумъ причинамъ: изъ словъ Щепетильникова онъ увидѣлъ, что Лутовицынъ убѣдительно упрашивалъ Александра Иваныча пріѣхать въ Рожновку, тогда какъ его собственно пригласилъ только мимоходомъ,—это разъ; тѣ же слова Щепетильникова убѣдили его, какъ ошибся онъ, разсчитывая сладко ѣсть у Лутовицына, сладко спать, и вообще пользоваться всѣми удобствами хорошо устроенной сельской жизни,—это была вторая и главная причина озлобленія Чернушкина. Настроившись такимъ образомъ (что ему было легко по причинѣ его больной печени и сквернаго нрава), онъ постарался припомнить все, что зналъ, и даже все, что слышалъ непохвальнаго въ жизни Лутовицына, и съ явнымъ наслажденіемъ передалъ это Александру Иванычу. Злоба его, какъ паръ машины, повлекла еще далѣе; онъ тутъ же придумалъ много такого, чего вовсе никогда не бывало. Ни на чемъ не основанные анекдоты о Лутовицынѣ посыпались одинъ за другимъ. Онъ совѣтовалъ Александру Иванычу быть какъ можно осторожнѣе и запирать какъ можно крѣпче чемоданъ, несессеръ и дорожный мѣшокъ; Чернушкинъ объявилъ, что слуги Авенира Васильевича, включая даже няньку, считались первѣйшими мошенниками и постоянно даже носили въ карманѣ ключи, подходящіе ко всѣмъ замкамъ. Рѣчь его уснащалась въ то же время насмѣшливыми замѣчаніями, обращавшимися къ предметамъ, которые Степанъ раскладывалъ на столѣ; онъ поминутно обращалъ вниманіе Щепетильникова на ломти чернаго хлѣба, на вилки съ искалѣченными зубцами, на трещины тарелокъ, которыя должны были непремѣнно лопнуть отъ перваго прикосновенія и оставить супъ или соусъ на колѣняхъ гостей; онъ указывалъ ему на пятна и прорѣхи

салфетки, на воду—словомъ сказать, ничего не оставилъ въ покоѣ. Слушая его, вамъ показалось бы, что вы ѣдете по убійственнымъ Понтійскимъ болотамъ, въ душной каретѣ, обмазанной внутри ассафетидой. Онъ остановился тогда только, какъ въ гостиную явились хозяева.

— Господа, сказалъ Авениръ Васильевичъ, старавшійся принять радушно-веселую физіономію (голосъ его дрожалъ однакожъ и глаза безпокойно блуждали):—Александръ Иванычъ... (голосъ Авенира Васильевича окончательно уже началъ захлебываться) супъ на столѣ... не угодно ли вамъ, господа... чѣмъ Богъ послалъ!.. Завтра пріѣдутъ изъ города и привезутъ провизію... завтра все будетъ...

Авениръ Васильевичъ не отрывалъ глазъ отъ Александра Иваныча, который во все время обѣда сидѣлъ насупясь и хранилъ мрачное молчаніе, хотя и находился подлѣ Зинаиды Львовны. Каждый кусокъ, направлявшійся въ ротъ Щепетильникова, повергалъ Авенира Васильевича въ трепетное ожиданіе. Онъ уже теперь ничего не хвалилъ, ни за что не ручался: напротивъ, сомнѣвался въ каждомъ кушаньѣ и безпощадно бранилъ каждое блюдо; онъ думалъ этимъ способомъ вызвать Александра Иваныча на одобрительное замѣчаніе,—но Александръ Иванычъ упорно молчалъ и только время отъ времени морщился: обстоятельство, приводившее всякій разъ хозяина въ состояніе, близкое къ помѣшательству. Авениръ Васильевичъ утѣшался тѣмъ только (и это утѣшеніе служило спасительнымъ отводомъ его волненію), утѣшался тѣмъ, что по крайней мѣрѣ хоть другой его гость ѣлъ за четверыхъ; Чернушкинъ такъ ѣлъ въ самомъ дѣлѣ, что даже Авениръ Васильевичъ, вообще не взыскательный къ кушанью, изумился его неразборчивости. Это обстоятельство придало духу хозяину и возбудило даже его веселость. Но рыженькому господину стоило только замѣтить это оживленье: онъ тотчасъ же переставалъ ѣсть (надо полагать, онъ былъ тогда сытъ) и тотчасъ же разсказывалъ анекдотъ о господинѣ, который разъ (этому было два года) пригласилъ къ себѣ на завтракъ и накормилъ гостей яичницей съ тухлыми яйцами!.. Предо-

ставляю вамъ самимъ судить о томъ, что должны были чувствовать въ это время Зинаида Львовна и Авениръ Васильевичъ! Самъ Александръ Иванычъ былъ очевидно поставленъ въ затруднительное положеніе. Но Чернушкинъ сдѣлалъ видъ, какъ-будто ничего не замѣчаетъ и перешелъ къ повѣствованіямъ другого рода: онъ разсказалъ нѣсколько анекдотовъ о женщинахъ, поставленныхъ въ затруднительное положеніе глупыми мужьями, и еще два-три анекдотца изъ журнальнаго міра; въ этихъ анекдотахъ Чернушкинъ ясно высказалъ свое презрѣніе къ литературѣ вообще и литераторамъ въ особенности, припомнивъ тутъ же (мысленно, разумѣется) кой-какіе щелчки, полученные имъ въ свое время отъ разныхъ литераторовъ; онъ объявилъ наотрѣзъ, что не признаетъ ни одного изъ нихъ, потому-что ни въ одномъ не нашелъ серьезныхъ, дѣльныхъ заложеній; пораженный отсутствіемъ этихъ заложеній въ литераторахъ, онъ написалъ статью о необходимости серьезныхъ заложеній въ беллетристическихъ писателяхъ; но литераторы, по легкости ума своего, ничего не поняли и, вмѣсто пользы, статья принесла тотъ результатъ, что литераторы стали его бояться и даже блѣднѣть въ его присутствіи; стоило только показаться ему куда-нибудь, гдѣ находились литераторы, они мгновенно отъ него убѣгали. Онъ въ самомъ дѣлѣ казался такимъ храбрымъ въ эту минуту, что присутствующіе легко могли ему повѣрить. О литературѣ собственно выразился онъ еще презрительнѣе. Чернушкинъ, которому слѣдовала бы лучше называться Рыжуткинымъ,—началъ, сказавъ: «врядъ ли даже стоитъ говорить о ней!» (никто между-тѣмъ не просилъ его начинать) и кончилъ, сравнивъ очень остроумно литературу съ чашкою кофе послѣ обѣда.

Сравненіе это, сдѣланное безо всякаго намѣренія, повергло въ крайнее смущеніе Авенира Васильевича и Зинаиду Львовну; имъ представилось вдругъ, будто Чернушкинъ косвеннымъ образомъ далъ имъ почувствовать желаніе выпить кофе, котораго между-тѣмъ не было ни пол-ложечки.

— Господа, суетливо заговорилъ Авениръ Василь-

евичъ:—я бы теперь посовѣтовалъ вамъ выпить по доброму стакану чая... ничто въ мірѣ не способствуетъ такъ хорошо пищеваренію... мнѣ сказалъ это одинъ изъ лучшихъ нашихъ докторовъ... Зиночка, подхватилъ онъ, обращаясь къ женѣ:—сдѣлай милость, другъ мой, распорядись поскорѣе...

Зинаида Львовна, не дожидаясь повторенія, поспѣшила выйдти.

— Знаете ли что, Авениръ Васильевичъ, произнесъ Александръ Иванычъ, морщась и оглядываясь назадъ:—вмѣсто чаю, я попросилъ бы лучше... мяты...

— Что такое?.. развѣ вы чувствуете себя не совсѣмъ хорошо?.. съ испугомъ спросилъ хозяинъ.

— Да... я былъ очень голоденъ... и съѣлъ черезчуръ много каши... я не привыкъ къ этому кушанью...

— Ахъ, Боже мой! (Авениръ Васильевичъ опять всплеснулъ руками.)

— У меня ужасно колетъ подъ ложечкой... Нельзя ли пожалуйста мяты? нетерпѣливо сказалъ Александръ Иванычъ.

— Ахъ Боже мой! сію секунду...

Авениръ Васильевичъ стремглавъ побѣжалъ изъ гостиной.

— Зиночка, воскликнулъ онъ, влетая въ комнату жены:—мяты! Бога ради мяты!.. они разстроили желудокъ и просятъ мяты!..

— Мяты нѣтъ! сухо возразила Зинаида Львовна.

— Какъ же такъ?..

Авениръ Васильевичъ снова остолбенѣлъ какъ баранъ и минуты двѣ водилъ шальными глазами по комнатѣ.

— А такъ же—нѣтъ, да и все тутъ, подхватила жена:—дѣлайте какъ знаете, я ни во что не хочу мѣшаться; оставьте меня пожалуйста въ покоѣ!..

Авениръ Васильевичъ исчезъ, но спустя три минуты снова явился.

— Зиночка, ангелъ мой! воскликнулъ Авениръ Васильевичъ, и на этотъ разъ уже со слезами на глазахъ:—Зиночка, ты видишь, я въ отчаяньи... Они требуютъ... хоть ромашки... неужто у насъ нѣтъ даже ромашки?..

— Нѣтъ, сухо сказала жена.

— Боже мой!.. что-жъ мнѣ дѣлать?..

— Я уже вамъ сказала, что ни во что не хочу мѣшаться... дѣлайте какъ знаете... вы назвали гостей— вы съ ними и возитесь... что до меня касается, я не выйду изъ комнаты, пока они не уѣдутъ... оставьте меня, прошу васъ; оставьте, если вы только дорожите моимъ здоровьемъ!..

Авениръ Васильевичъ отчаянно взъерошилъ себѣ волосы и побѣжалъ вонъ. Онъ не рѣшился однакожъ возвратиться къ гостямъ и принялся ждать въ коридорѣ, пока нянька не появится съ чаемъ. Осмотрѣвъ суетливо, все ли исправно на подносѣ, Авениръ Васильевичъ отворилъ дверь гостиной.

— Господа, вотъ чай, скорѣе стаканъ горячаго чаю, Александръ Иванычъ, заговорилъ онъ съ необычайною торопливостью: —это чрезвычайно какъ хорошо согрѣваетъ желудокъ... Мосье Чернушкинъ: стаканъ горячаго чаю!..

— Я бы лучше совѣтовалъ Александру Иванычу выпить ромашки, замѣтилъ Чернушкинъ.

— Я точно охотнѣе бы выпилъ ромашки: ужаснѣйшія колики! проговорилъ Щепетильниковъ, явно уже обнаруживая свою досаду.

— Но я увѣряю васъ, господа, чай несравненно скорѣе согрѣваетъ желудокъ... мнѣ говорилъ это одинъ медикъ...

— У васъ, вѣроятно, попросту нѣтъ ромашки въ домѣ, насмѣшливо перебилъ Чернушкинъ.

— Какъ! ромашки! ха, ха... помилуйте!.. что вы!.. ха, ха... сколько угодно, подхватилъ Авениръ Васильевичъ, скрѣпляя каждое слово нервическимъ смѣхомъ:— только, признаюсь вамъ, господа, примолвилъ онъ, придавая красному, запыхавшемуся лицу своему выраженіе смиренія:—у меня ромашка... прошлогодняя... она не будетъ имѣть той силы... и потому я... предпочелъ... Александръ Иванычъ... вы бы немножко прилегли; вы всегда, кажется, спите часочекъ послѣ обѣда... къ тому же вы вѣдь съ дороги...

— Да... я прилягу, перебилъ Щепетильниковъ, сурово какъ-то оглядываясь на всѣ стороны.

— Вотъ на этомъ диванчикѣ, поспѣшилъ сказать хозяинъ:—онъ маленькій, но за то очень мягенькій и удобненькій... А вы, мосье Чернушкинъ, не угодно ли вамъ также прилечь?..

— Очень охотно... тѣмъ болѣе, что, кажется, больше дѣлать нечего...

— Да, точно... подхватилъ Авениръ Васильевичъ,— сегодня какъ нарочно такой день... Не будь дождя, мы устроили бы маленькую partie de plaisir... здѣсь виды необычайные... славятся даже во всей Россіи... и мы очень весело провели бы время, но вы видите...

Тутъ онъ съ какимъ-то сокрушеннымъ видомъ указалъ въ окно и побѣжалъ хлопотать объ устройствѣ постелей...

Немного погодя, Александръ Иванычъ, въ которомъ всѣ сластолюбивыя чувства жестоко были оскорблены, укладывался, крехтя и охая, на диванъ, приготовленный руками самого хозяина. Чернушкинъ расположился подъ окномъ на стульяхъ, умягченныхъ шубенкой старой няньки, салопами дѣтей, юбками Зинаиды Львовны и шинелью Степана. Чернушкинъ не заслуживалъ такого мѣста, но Авениръ Васильевичъ былъ радъ, что хоть по крайней мѣрѣ отдѣлался отъ него на одинъ часъ.

Замѣтивъ, что гости начинаютъ моргать глазами, Авениръ Васильевичъ возвелъ глаза къ небесамъ и, нѣсколько успокоенный, вышелъ на цыпочкахъ. Дверь къ Зинаидѣ Львовнѣ была заперта. Постоявъ передъ нею минуты двѣ (Авениръ Васильевичъ совѣстился и даже боялся показаться женѣ на глаза), онъ бережно отошелъ прочь и принялъ намѣреніе пройдтись по дождю съ тѣмъ, чтобы освѣжить себѣ голову, какъ вдругъ вспомнилъ о сидѣвшемъ на сѣнникѣ Бодасовѣ. Онъ рѣшился тотчасъ же его провѣдать. Цѣль его при этомъ заключалась въ томъ, чтобы напугать Бодасава и заставить его во что бы то ни стало уѣхать; онъ готовъ былъ снарядить ему телѣгу и дать собственныхъ лошадей.

Но предоставляю вамъ самимъ судить объ изумленіи

Авенира Васильевича, когда, поднявшись на сѣнникъ, не нашелъ онъ тамъ своего гостя. Не довѣряя глазамъ, онъ принялся топтать ногами сѣно, и наконецъ, снявъ шестъ, началъ тыкать имъ во всѣ углы, ожидая каждую секунду, что вотъ-вотъ послышится откуда-нибудь голосъ Бодасова; все было напрасно—Бодасовъ не откликнулся. Подумавъ очень основательно, что Бодасовъ предпочелъ бѣгство близкому сосѣдству съ Щепетильниковымъ, Авениръ Васильевичъ, нимало не заботясь о средствахъ побѣга Бодасова (несчастіе дѣлаетъ эгоистомъ), — Авениръ Васильевичъ поспѣшилъ возблагодарить судьбу и тотчасъ же почувствовалъ возвращеніе бодрости и спокойствія. Онъ растянулся на сѣнѣ, подперъ рукою голову и сталъ перебирать въ памяти происшествія нынѣшняго дня. Усталость взяла однакожъ верхъ надъ мыслями, и вскорѣ онъ заснулъ, убаюканный тишиною, которая господствовала вокругъ.

Въ самомъ дѣлѣ, домъ Авенира Васильевича, какъ море послѣ бури, наслаждался теперь спокойствіемъ невозмутимымъ. Все спало, или казалось спящимъ. Въ гостиной по крайней мѣрѣ спали навѣрное; несомнѣнными доказательствами этого были: сладкое, густое храпѣнье Александра Иваныча и шипящій носовой свистъ Чернушкина, которые оба лежали навзничъ, одинъ — на своемъ диванчикѣ, другой—на своихъ стульяхъ. Къ этимъ звукамъ примѣшивалась иногда трескотня дождя, барабанившаго въ окно; но вѣтеръ поворачивалъ въ другую сторону, и снова все шло по прежнему.

Внезапно, за окномъ, подъ которымъ лежалъ Чернушкинъ, промелькнулъ какъ-будто чей-то образъ... Секунду спустя, на стеклѣ, сквозь частую сѣтку дождя, смутно обозначились широкополая шляпа, огромные черные усы и пара дико блуждающихъ глазъ. Немного погодя, рама скрипнула, отворилась, и въ окнѣ цѣликомъ выставились вдругъ голова и плечи Бодасова. Дождь потоками лилъ по лицу его и силился, казалось, потушить пламень негодованія и мести, пылавшій во всѣхъ чертахъ его; но это, повидимому, больше только раздражало Бодасова. Оторвавъ наконецъ безпокойно блуждающіе зрачки отъ

дивана, на которомъ мирно отдыхалъ Александръ Иванычъ, Бодасовъ направилъ ихъ на врага своего; видъ этотъ мгновенно возвратилъ ему всю смѣлость и дикую отвагу.

— Ага! прошепталъ онъ, впиваясь въ него страшно засверкавшими глазами:—подвернулся, наконецъ... теперь не уйдешь! нѣтъ, не уйдешь, разбойникъ!..

Произнеся эти грозныя слова, Бодасовъ перевѣсился черезъ подоконникъ такъ, что голова его и часть туловища пришлись надъ головою и туловищемъ Чернушкина, и яростно поднялъ узловатые, стиснутые кулаки свои. Еще секунда—и обѣщаніе истребить Чернушкина было бы исполнено, но въ эту самую секунду Чернушкинъ дрогнулъ и раскрылъ глаза. Увидѣвъ надъ собою два кулака и лицо Бодасова, онъ вынырнулъ такъ ловко, что кулаки Бодасова, упавшіе почти въ то же мгновеніе ока, встрѣтили одни только стулья, которые рухнули на полъ вмѣстѣ съ дѣтскими капотами и остальной одеждой.

— Спасите, спасите! изступленно кричалъ междутѣмъ Чернушкинъ, метаясь по комнатѣ и въ страхѣ не находя дверей:—спасите! спасите! подхватилъ онъ еще громче, услышавъ шаги и голоса въ коридорѣ:—спасите!..

Тутъ уже Чернушкинъ, потерявшійся окончательно, ринулся со всѣхъ ногъ къ диванчику, обхватилъ обѣими руками Александра Иваныча и, прячась за него, закричалъ еще неистовѣе:

—Спасите меня, спасите! я единственный сынъ у матери!

Шальные глаза внезапно пробужденнаго Александра Иваныча устремились прежде всего къ окну, на которое дрожащею рукою указывалъ ему Чернушкинъ. Но въ окнѣ никого уже не было.

— Что̀ съ вами? вы, кажется, съ ума сошли... оставьте меня! воскликнулъ Александръ Иванычъ, стараясь, но тщетно, освободиться отъ Чернушкина.—Боже мой, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ!.. Вы съ ума сошли!.. Я рѣшительно не постигаю, что̀ происходитъ въ этомъ домѣ!.. подхватилъ онъ, вслушиваясь въ бѣготню и крики: «спасите, спасите», раздававшіеся по коридору, и отбиваясь

всѣми силами отъ Чернушкина, который началъ какъ-будто приходить въ себя.

Онъ успокоился однакожъ не прежде, какъ когда въ дверяхъ показались Зинаида Львовна, нянька, Степанъ и еще нѣсколько людей изъ дворни.

— Сударыня, заговорилъ Александръ Иванычъ: — освободите меня, Бога ради, отъ этого господина... онъ, кажется, съ ума сошелъ... я, признаюсь, не понимаю, что́ здѣсь дѣлается...

Зинаида Львовна и за нею толпа тронулись впередъ, но въ эту минуту, изъ среды толпы, пыхтя и отдуваясь вылетѣлъ Авениръ Васильевичъ.

— Что̀ такое?.. что́ случилось?.. спросилъ онъ, бросая растерянные взгляды.

— Случилось, что этотъ господинъ съ ума сошелъ! проговорилъ съ явнымъ негодованіемъ Александръ Иванычъ:—я рѣшительно не понимаю, что̀ у васъ тутъ дѣлается!..

— Александръ Иванычъ!.. Ахъ, Боже мой!.. но я не виноватъ... клянусь вамъ, я въ отчаяньи... вы сами видите...

— И я не виноватъ, господа, вмѣшался вдругъ Чернушкинъ:—вы меня пожалуйста извините, господа, и вы также, сударыня... Это былъ испугъ... я по-просту испугался, я этому подверженъ... надо полагать, всему виною вѣтеръ... видите, даже окно открыто... это ничего, заключилъ онъ, окончательно ободряясь.

Зинаида Львовна сдѣлала нетерпѣливый жестъ и, сказавъ людямъ, чтобъ они шли по мѣстамъ, тотчасъ же удалилась. Авениръ Васильевичъ разсыпался между-тѣмъ въ извиненіяхъ передъ Александромъ Иванычемъ. Онъ говорилъ ему, что сегодня ужъ, видно, день такой; что онъ видитъ его въ совершеннѣйшемъ отчаяньи: что завтра же помѣститъ его въ особый флигель; что завтра же утромъ привезутъ изъ города отличную провизію, и столъ будетъ ничуть не хуже петербургскаго, умолялъ его не сердиться и приводилъ въ оправданіе всѣмъ несчастіямъ ранній, вовсе неожиданный пріѣздъ его; обѣщалъ, какъ только пройдетъ дождь, устроить ему ванну

и показать виды, которые славятся даже по всей Россіи; убѣдительно совѣтовалъ снова прилечь на диванчикъ и клялся, что самъ лично будетъ наблюдать за его спокойствіемъ.

Александръ Иванычъ, разсудивъ вѣрно, что прошлаго уже не поправишь и поздно наконецъ думать отправиться вонъ изъ Рожновки, началъ мало-по-малу смягчаться. Онъ присѣлъ на диванъ и рѣшился даже послѣдовать совѣту Авенира Васильевича, который заботливо покладывалъ подушки, какъ вдругъ совершенно неожиданно раздался грохотъ тяжелаго экипажа, въѣхавшаго на дворъ. Александръ Иванычъ привсталъ тотчасъ же на ноги. Авениръ Васильевичъ выронилъ подушку и остолбенѣлъ какъ истуканъ. Чернушкинъ, къ которому успѣла возвратиться бодрость, разразился ядовитымъ смѣхомъ.

— Баринъ дома? послышался голосъ въ прихожей.

При этомъ Авенира Васильевича точно стукнуло булавою въ голову. Не теряя секунды, онъ стремительно, какъ бомба, вылетѣвшая изъ мортиры, бросился въ коридоръ, а оттуда къ дверямъ жениной комнаты, которая оказалась на этотъ разъ не затворенною. Авениръ Васильевичъ торопливо заперъ ее на два запора.

V.

ТАРАТАЕВЪ.

— Эй, люди! кричалъ между тѣмъ голосъ въ прихожей:—что же это? заснули?.. постойте-ка, вотъ я васъ разбужу!.. тащите чемоданы... живо!.. да чтобъ лошадямъ дали тотчасъ овса, а ямщику стаканъ вина,—славно везъ!.. Это что такое?.. что это за лѣстница? тутъ ногу сломишь!.. Сейчасъ же положить сюда доску... да гдѣ же баринъ?.. гдѣ онъ?..

— Это Таратаевъ! сказалъ Чернушкинъ: — вотъ будетъ потѣха!..

— Этого только не доставало! почти съ отчаяньемъ вскричалъ Александръ Иванычъ.—Боже мой, зачѣмъ я

сюда пріѣхалъ! прошепталъ онъ, опускаясь на диванъ и подпирая голову руками.

Онъ долженъ былъ почти въ ту же секунду поднять голову: обѣ половинки двери съ трескомъ отворились, и въ гостиную вошелъ, страшно стукая ногами, плотный, коротенькій господинъ, бурливаго, рѣшительнаго и самаго безпокойнаго вида—одна изъ тѣхъ личностей, которыхъ называютъ лихими малыми, но отъ которыхъ тѣмъ не менѣе однакожъ всѣ бѣгаютъ, какъ отъ чумы.

— А!.. и вы здѣсь? Чернушкинъ! Щепетильниковъ! браво! брависимо! закричалъ онъ, хлопая въ ладоши и разражаясь безо всякой видимой причины неистовымъ хохотомъ.—Чернушкинъ... или нѣтъ, постой... какъ бишь я тебя прозвалъ?.. не помню;—ну, все равно, разсказывай, какимъ образомъ... А ты, старый хрѣнъ, какъ сюда притащился?.. а?.. Ну, разсказывайте, разсказывайте... Стой, однакожъ: вы обѣдали?.. Да? ну, а я еще не обѣдалъ и дьявольски ѣсть хочу! подхватилъ онъ неожиданно.—Но гдѣ же хозяинъ? гдѣ онъ?.. Эй, люди! эй!!.. ну, впрочемъ успѣю... разсказывайте, разсказывайте! заключилъ онъ, бросаясь на стулъ, который треснулъ.

— Фу, гниль какая! сказалъ Таратаевъ и, безъ дальнѣйшей церемоніи, бросилъ стулъ въ уголъ и сѣлъ на другой подлѣ Щепетильникова. — Ну, Щепетильниковъ, разсказывай, проговорилъ онъ, хлопнувъ его по плечу.

— Оставь меня, братецъ, съ сердцемъ сказалъ Александръ Иванычъ:—я сегодня не въ духѣ...

— Развѣ что-нибудь здѣсь случилось?

— Нѣтъ... такъ... вотъ они тебѣ все разскажутъ, если хочешь... пробормоталъ Александръ Иванычъ, проклиная въ душѣ тотъ часъ, въ который поѣхалъ въ Рожновку.

Чернушкинъ, боявшійся Таратаева пуще огня и радуясь случаю его задобрить, тотчасъ же приступилъ къ плачевному и, конечно, преувеличенному повѣствованію о неудачномъ обѣдѣ, и вообще объ обманутыхъ ожиданіяхъ, встрѣченныхъ у Лутовицына. Услышавъ исторію о яичницѣ, Таратаевъ залился дребезжащимъ смѣхомъ, вскочилъ со стула, хлопнулъ Александра Иваныча по животу и снова повалился на стулъ, держась за бока.

— Оба вы послѣ этого — тюфяки, мямли,—и больше ничего! воскликнулъ онъ, вставая и размахивая руками:— да, мямля! Вотъ посмотримъ, какъ онъ попробуетъ со мною сдѣлать что-нибудь въ этомъ родѣ... Ахъ онъ!.. Эй, люди, эй! подхватилъ онъ, какъ-бы мгновенно раздражаясь, и принялся страшно стучать стуломъ объ полъ.

— Полно, братецъ, перестань, досадливо сказалъ Александръ Иванычъ.

— Какъ? чего?.. А вотъ постой, я еще ему не то покажу... Эй, люди, эй! присовокупилъ Таратаевъ, запальчиво направляясь къ двери.

— Ничего, оставьте его, Александръ Иванычъ, произнесъ Чернушкинъ: – пускай себѣ... вѣдь это въ самомъ дѣлѣ досадно, надо же наконецъ положить этому предѣлъ; вѣдь этотъ Лутовицынъ насъ не шутя морочитъ... Посмотрите, посмотрите, этотъ сумасшедшій, кажется, дверь ломаетъ...

Таратаевъ дѣйствительно колотилъ, что было силы, въ обѣ половинки двери, приговаривая:

— Я добьюсь наконецъ толку, добьюсь же я наконецъ толку!.. А, голубчики, васъ-то мнѣ и надо было! милости просимъ! воскликнулъ онъ, увидавъ няньку и Степана, которые, толкая другъ друга впередъ, появились въ коридорѣ: — всѣ сюда! — всѣ до единаго! Что же вы это въ самомъ дѣлѣ шутить что ли вздумали? а? заговорилъ онъ, увлекая въ гостиную сначала няньку, потомъ Степана: — заснули, голубчики? постойте, я васъ разбужу!.. Ты что такое? ну, да впрочемъ все равно, кто бы ты ни былъ, — ступай сейчасъ разогрѣть плиту... скажи повару, чтобъ сію же минуту — слышишь, сію минуту — былъ обѣдъ; скажи, что я самъ приду наблюдать за нимъ; а самъ тотчасъ накрывай на столъ и принеси водки!..

— Водки нѣтъ-съ! промямлилъ Степанъ.

— А вотъ попробуй-ка мнѣ еще сказать, что водки нѣтъ!.. закричалъ Таратаевъ, грозно потрясая головою: — водки нѣтъ!.. скажите пожалуйста, хорошъ порядокъ! а? самъ, должно быть всю выпилъ! барина только своего обкрадываете! — Чтобъ сейчасъ же была водка!.. пошелъ!..

постой: скажи повару, чтобъ приготовилъ битковъ — я ихъ очень люблю — да котлетъ и два растегая... да тамъ еще сыру, икры — что у васъ есть для закуски, — пошелъ!.. Я васъ растормошу, любезные; ишь какъ васъ въ самомъ дѣлѣ распустилъ баринъ!.. А ты, голубушка, здѣсь что? ключница, что ли? (Тутъ обратился онъ къ Надеждѣ Никитишнѣ, пугливо смотрѣшей во всѣ глаза.) — Ну, да все равно, кто бы ты ни была, мнѣ нѣтъ дѣла до этого... У васъ здѣсь наливокъ гибель, мнѣ самъ баринъ сказывалъ: такъ принеси вишневки, я до нея давно добираюсь... Да вотъ еще что: простыни чтобъ были чистыя, веѣмъ чистыя: и мнѣ, и вотъ этому господину, и этому... всѣ мы здѣсь ночуемъ..

— Вотъ какъ надо поступать съ ними! продолжалъ Таратаевъ, обращаясь къ двумъ пріятелямъ: — да это ничего, не то еще будетъ, попробуй они только замямлить... Вы просто тюфяки какіе-то... Ахъ, да, кстати: что онъ здѣсь, одинъ или съ женою?

— Съ женою и даже, кажется, съ дѣтьми, сказалъ Чернушкинъ.

— А, ну и прекрасно! Я не понимаю только, какъ Зинаида Львовна могла допустить до такихъ безпорядковъ!.. Она держитъ его въ ежевыхъ... Ха, ха, ха!.. Ну что: бурчитъ? бурчитъ? заключилъ онъ, снова ударивъ Александра Иваныча по животу.

— Боже, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ! отчаянно произнесъ Щепетильниковъ. Онъ, повидимому, готовъ былъ еще что-то прибавить, но остановился, увидѣвъ входящаго Авенира Васильевича.

— А! а! дружище! пожалуй-ка сюда! тебя-то намъ и надо было! закричалъ Таратаевъ, кидаясь къ нему на встрѣчу: — постой, дай прежде всего, какъ водится, обнять тебя, подхватилъ онъ, тиская Лутовицына и осыпая поцѣлуями его щеки: — а потомъ, заключилъ Таратаевъ, выпуская его неожиданно: — потомъ, позволь сказать тебѣ, что ты порядочный гусь!..

— Полно, братецъ, что за шутки, проговорилъ Авениръ Васильевичъ, безпокойно глядя на Александра Иваныча и стараясь показать ему свое отчаянье.

— Нѣтъ, тутъ не шутки! кричалъ между тѣмъ Таратаевъ: — хороши шутки: назвать къ себѣ гостей, да морить съ голоду! Нѣтъ, отъ меня ты не отдѣлаешься какой-нибудь яичницей!.. нѣтъ, дудки!.. Ты насъ звалъ — корми насъ, а то худо будетъ, да! — ха, ха, ха! — Я ужъ безъ тебя тутъ распорядился, душа моя!..

— Я... я очень радъ... душевно... заикаясь, пробормоталъ Авениръ Васильевичъ.

— Ну, а если радъ, такъ и прекрасно! Да что съ вами? сказалъ Таратаевъ, становясь между Щепетильниковымъ и Лутовицынымъ и осматривая ихъ удивленными глазами:—вы совсѣмъ какъ-будто раскисли нынче? Да оживитесь! оживитесь же! (При этомъ онъ застучалъ имъ обоимъ по спинѣ.) Это удивительно, сидятъ какъ мокрыя курицы какія-нибудь... А, да, кстати, Веня, что жена, дѣти, здоровы? здѣсь?.. всѣ пріѣхали благополучно?

— Всѣ, слава Богу... убитымъ голосомъ произнесъ Авениръ Васильевичъ.

— Я ихъ всѣхъ хочу видѣть... веди меня къ нимъ.

— Нѣтъ, жена не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ... дѣти также...

— Тѣмъ болѣе я хочу ихъ всѣхъ видѣть... заботливо подхватилъ Таратаевъ:—что же ты мнѣ этого прежде не сказалъ, колпакъ ты эдакой... Гдѣ они?.. я сейчасъ пойду... а ты пока распорядись, чтобъ обѣдъ давали скорѣе...

Таратаевъ обдернулъ сюртукъ, пригладилъ волосы и, страшно стуча каблуками, направился въ коридоръ. Авениръ Васильевичъ побѣжалъ-было за нимъ, но, вспомнивъ о непріятностяхъ, которыя могъ надѣлать Таратаевъ Александру Иванычу, поспѣшилъ возвратиться къ гостю.

— Александръ Иванычъ, вы видите меня въ отчаяньи...

— Да, Авениръ Васильевичъ... признаюсь... я самъ... мнѣ остается только поблагодарить васъ...

— Что же мнѣ дѣлать... Боже мой!..

— Я, признаюсь, тоже... этотъ Таратаевъ... это ужасно!.. сказалъ въ свою очередь Чернушкинъ, заходя съ другого бока.

— Что жъ мнѣ дѣлать, господа?.. Я теряюсь... я... я убитъ, я совсѣмъ потерялся...

— Вамъ лучше знать, вы его звали... почти въ одинъ голосъ сказали гости.

— Все будетъ... я все устрою... завтра привезутъ отличную провизію... завтра все будетъ, увѣряю васъ! проговорилъ Авениръ Васильевичъ, не помня уже, что говоритъ.

А между-тѣмъ голосъ Таратаева, призывавшій Зинаиду Львовну и дѣтей, громко раздавался по всему дому.

— Зинаида Львовна, гдѣ вы, голубушка?.. я никакъ не могу отыскать васъ, кричалъ онъ, расхаживая по коридору.

— Я здѣсь, что вамъ угодно? не совсѣмъ ласково отозвалась наконецъ Зинаида Львовна.

— Здравствуйте, Зинаида Львовна! а что, скажите, можно войдти къ вамъ? спросилъ Таратаевъ, постукивая пальцемъ въ дверь.

— Нѣтъ, ко мнѣ нельзя.

— Я непремѣнно хочу васъ видѣть, и дѣтокъ также; я слышалъ—вы больны...

— Нельзя теперь никакъ... досадливо сказала Лутовицына.

— Вы вѣрно переодѣваетесь?

— Да...

— Ну, такъ я послѣ... или приходите-ка лучше къ намъ, поболтаемъ, побесѣдуемъ—я давно вѣдь не видалъ васъ... Этотъ колпакъ Веня какъ-то раскисъ совсѣмъ... я не узнаю его... приходите же къ намъ!..

Проговоривъ все это безъ отдыха и, по обычаю своему во все горло, Таратаевъ быстрыми шагами возвратился въ гостиную и спросилъ:

— А обѣдать еще не подавали?..

Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ вдругъ вспылилъ и стремительно пустился на кухню, давъ замѣтить Авениру Васильевичу. чтобъ онъ не безпокоился, что онъ самъ распорядится съ лѣнтяями. И точно, онъ, надо полагать, распоряжался отлично: не прошло трехъ ми-

нутъ послѣ его ухода, какъ въ гостиную вбѣжалъ Степанъ съ салфеткой и началъ накрывать на столъ.

— Что онъ тамъ дѣлаетъ? спросилъ Авениръ Васильевичъ.

— Бѣда, сударь, такъ всѣхъ насъ съ ногъ и ломитъ! могъ только выговорить запыхавшійся Степанъ.

— Боже мой, что мнѣ съ нимъ дѣлать? заламывая руки, воскликнулъ Авениръ Васильевичъ.

— А ужъ это ваше дѣло, вы его звали, сами должны были предвидѣть, возразили Чернушкинъ и Щепетильниковъ.—одинъ съ ядовитой усмѣшкой, другой тономъ полнаго негодованія.

Распорядившись на кухнѣ, Таратаевъ зашелъ въ конюшню и разбудилъ своего ямщика; узнавъ, что лошади не получали еще овса, онъ вылетѣлъ какъ бомба на дворъ, поднялъ ужасную суматоху и объявилъ вбѣжавшему старостѣ, чтобъ сію секунду былъ овесъ; подойдя къ дому, онъ снова крикнулъ старосту и, пригибая его неоднократно къ лѣстницѣ, проговорилъ съ разстановкою:

— Я говорилъ уже тебѣ постлать сюда доску, я говорилъ тебѣ объ этомъ! Будете ли вы наконецъ слушаться?..

Послѣ этого онъ остановилъ также двухъ, шедшихъ мимо, дворовыхъ дѣвокъ и скотницу, и освѣдомившись о томъ, куда онѣ и зачѣмъ, возвратился въ гостиную, повидимому, въ несравненно лучшемъ расположеніи духа, чѣмъ вышелъ оттуда.

— Ну, братъ, Веня, я тамъ у тебя, душенька, немножко покричалъ; нельзя никакъ безъ этого съ этимъ народомъ! Ты ихъ всѣхъ ужасно какъ распустилъ, и выходишь въ этомъ случаѣ настоящій мямля, тюфякъ,—да!.. А, вотъ и обѣдъ! заключилъ онъ, направляясь къ столу, на который Степанъ ставилъ суповую миску: — ну, а что жъ чай? Я распорядился, чтобы Щепетильникову и Чернушкину подали чаю; они голодны, подхватилъ Таратаевъ:—тебя оставь одного, ты ни о чемъ не позаботишься... Хорошъ хозяинъ! И наконецъ всѣмъ пора чай пить, скоро девять часовъ!.. Уфъ, усталъ... усталъ и проголо-

дался таки, нечего сказать! довершилъ онъ, усаживаясь за столъ и обвертывая себя салфеткой.

Нѣтъ никакой возможности передать все, что выстрадалъ Авениръ Васильевичъ во время этого обѣда, и выстрадалъ не столько за себя, сколько за Надежду Никитишну и Степана, которыхъ Таратаевъ тормошилъ безъ всякаго милосердія. Выведенный изъ терпѣнія, Авениръ Васильевичъ нѣсколько разъ останавливалъ его и не шутя начиналъ сердиться; но всякій разъ Таратаевъ обращалъ это или въ шутку, или самъ начиналъ бурлить и подымалъ при этомъ такой гамъ, что Авениръ Васильевичъ поневолѣ уступалъ, опасаясь испугать жену.

— Ну, изъ чего ты сердишься, скажи намилость? я вѣдь все это для твоей же пользы говорю! Ну... ну самъ посуди: ну, виданъ ли былъ въ порядочномъ домѣ такой безпорядокъ? а? виданъ ли былъ? я тебя спрашиваю,— вѣдь это стыдъ и срамъ, и наконецъ, позволь тебѣ сказать откровенно, прямо: это даже не деликатно, да: назвалъ къ себѣ гостей, наговорилъ имъ Богъ знаетъ чего и... и павильоны, и комфорты, и удобства всякія... а вмѣсто того: ни рюмки водки, ни лечь, ни сѣсть,—даже лѣстница сломанная и хлѣбъ черствый!.. Вѣдь это, братъ такъ не дѣлается!.. Я тебѣ это говорю искренно, по дружбѣ... ты пожалуйста не сердись на меня!.. Эй, человѣкъ, подай трубку!.. Видишь, братецъ, даже трубки дать не кому... ну, хорошо ли это, Щепетильниковъ, а?

— Я, право... не знаю, проворчалъ Александръ Иванычъ, покрякивая на своемъ диванѣ.

— Ну, хорошо ли это, Чернушкинъ, а?..

— Я... я право не знаю... проговорилъ рыженькій господинъ съ усмѣшкой.

— Да чѣмъ же я виноватъ!.. Ахъ, Боже мой! повторилъ Авениръ Васильевичъ, улыбаясь, краснѣя, но въ сущности перенося адскія мученія.

— Тебя никто же и не обвиняетъ, душа моя, говорится только: не хорошо все это, не порядокъ, вотъ что!.. все это такъ, къ слову пришлось... Но что жъ нейдетъ однакожъ Зинаида Львовна!.. подхватилъ вдругъ Таратаевъ:—я, право, начинаю безпокоиться... ужъ не больна

ли она въ самомъ дѣлѣ?.. надо было провѣдать... досказалъ онъ, дѣлая шагъ къ двери.

— Нѣтъ... оставь ее... она уже легла... кажется... сказалъ Авениръ Васильевичъ, удерживая его.

Узнавъ о болѣзни и страхѣ Зинаиды Львовны, Таратаевъ мгновенно остановился, приложилъ палецъ къ губамъ и поднялся на цыпочки.

— А, легла, ну и прекрасно! громко подхватилъ онъ почти въ ту же минуту:—Богъ съ ней! Сонъ лучше всего, это подкрѣпитъ ее... Кстати, такъ какъ нѣтъ ея, присовокупилъ онъ таинственно, но такъ однакожъ, что слышно было въ передней: — тебѣ, братъ, велѣли кланяться... та, помнишь!..

— Шт.!. шт! что ты! я ничего не помню! съ испугомъ проговорилъ Авениръ Васильевичъ, дѣлая движеніе, чтобы зажать ему ротъ.

— Э, врешь, братъ, врешь! Щепетильниковъ, ты ему не вѣрь! онъ это, господа, при васъ только смирячкомъ прикидывается! почти крикнулъ Таратаевъ, отслоняя руку Лутовицына:—полно, братъ Веня, вѣдь здѣсь жены нѣтъ... Неужто ты въ самомъ дѣлѣ ее забылъ?.. а былъ еще влюбленъ!..

— Полно, братецъ, что ты... ты съ ума сошелъ!..

— Ну, пошелъ, пошелъ!.. воскликнулъ Таратаевъ:— эхъ, то ли дѣло! Помнишь, Веня, какъ мы бывало!.. то-то жизнь-то была!..

Авениръ Васильевичъ, не дослушавъ, побѣжалъ къ двери, заглянулъ въ коридоръ и обмеръ отъ ужаса, столкнувшись лицомъ къ лицу съ женою.

— Зиночка... это ложь... прошепталъ онъ:—клянусь тебѣ, это ложь! онъ все это выдумалъ!.. Воды! воды! закричалъ вдругъ Авениръ Васильевичъ, подхватывая жену:—воды! спасите! ей сдѣлалось дурно...

— Гдѣ? что такое?.. Зинаида Львовна, успокойтесь... заговорилъ Таратаевъ, неожиданно появлясь въ коридорѣ.—Эй, воды! закричалъ онъ въ свою очередь, но такимъ голосомъ, что дрогнули стекла, и, страшно застучавъ ногами, побѣжалъ въ прихожую, оттуда на дворъ,

а оттуда въ кухню, опрокидывая на пути все, что ни попадалось.

— Она вѣрно все слышала, сказалъ Чернушкинъ Александру Иванычу, послѣ того, какъ шумъ немножко умолкъ:—не говорилъ ли я вамъ, что будетъ непремѣнно потѣха?.. Вотъ денекъ, а?..

— Да, признаюсь... этотъ день будетъ мнѣ памятенъ... вымолвилъ Александръ Иванычъ, значительно пожавъ губами.

— Впрочемъ, что-жъ вы хотите! началъ снова Чернушкинъ:—достаточно вспомнить о томъ, что говорилось здѣсь пять минутъ назадъ, чтобы увидѣть, что за человѣкъ этотъ Лутовицынъ... Ухаживать, влюбляться... и въ кого? Я не говорю, чтобы на свѣтѣ существовали однѣ только свѣтскія женщины—нисколько; но есть наконецъ женщины средняго круга... я даже, скажу вамъ, отдаю послѣднимъ преимущество; у меня есть на это основательныя причины... Въ послѣднихъ меньше блеска, правда, но за то больше преданности... Я все это говорю по опыту... и могъ бы даже назвать вамъ...

— Скажите, скажите, это очень интересно, произнесъ Александръ Иванычъ, оживлявшійся всегда, какъ только говорилось о женщинахъ.

— Впрочемъ .. что-жъ, пожалуй... сказалъ Чернушкинъ:—это дѣло уже прошлое... и наконецъ, въ настоящую минуту, можно сказать... вы даже, можетъ быть, ее знаете...

— Нѣтъ... скажите, скажите... говорилъ Александръ Иванычъ съ живостью.

— Это... это нѣкто... Тютюева...

При этомъ имени, Александръ Иванычъ подпрыгнулъ на стулѣ, какъ-бы въ карманѣ его нечаянно раскрылся перочинный ножикъ и вонзился до черенка въ его тѣло.

— Позвольте, милостивый государь, это клевета!.. это гнусная клевета... Кто вамъ далъ право? закричалъ онъ, наступая.

— Помилуйте, возразилъ Чернушкинъ, отступая.— Что вы!

— Это моя племянница, милостивый государь! слы-

шите ли: моя племянница! крикнулъ Александръ Иванычъ, подпрыгивая какъ боевой пѣтушокъ.

— Извините въ такомъ случаѣ... Я могу наконецъ ошибаться... возразилъ Чернушкинъ, отпрыгивая какъ резиновый мячикъ.

— Такъ ошибаются одни только клеветники, милостивый государь! заговорилъ, дрожа отъ гнѣва, Александръ Иванычъ.

— Что вы этимъ хотите сказать, милостивый государь? подхватилъ Чернушкинъ, вздрагивая отъ страха.

— Что такое?.. Что случилось?.. спросилъ Авениръ Васильевичъ, неожиданно вбѣгая.

— Случилось, что вотъ этотъ господинъ оклеветалъ мою племянницу! сказалъ Александръ Иванычъ голосомъ, задыхающимся отъ волненія и бѣшенства.

Авениръ Васильевичъ чуть не опрокинулся навзничь отъ такого извѣстія.

— Но я вамъ говорю, что я могъ ошибаться, сказалъ, ободряясь, Чернушкинъ.

— Нѣтъ, милостивый государь, такъ не ошибаются! снова закричалъ Александръ Иванычъ.

— Господа... господа!.. Бога ради... Александръ Иванычъ!.. жена больна... мосье Чернушкинъ!.. господа... ее приводятъ въ чувство... бормоталъ Авениръ Васильевичъ, кидаясь отъ одного къ другому.

— Я буду просить васъ, сказалъ Александръ Ивановичъ, строго обратившись къ Лутовицыну, который слушалъ потупя голову и только время отъ времени схватывалъ себя за голову:—я буду просить васъ положить меня куда-нибудь въ другое мѣсто... вы понимаете, я не могу оставаться съ этимъ господиномъ въ одной комнатѣ... Завтра я буду имѣть честь отблагодарить васъ за вашъ пріемъ, и... и... при этомъ случаѣ напомню вамъ объ одномъ дѣлѣ...

Авенира Васильевича окатило съ ногъ до головы холоднымъ потомъ; увы! онъ очень хорошо понялъ, о какомъ дѣлѣ намекаетъ Александръ Иванычъ. Перспектива просроченныхъ векселей, находящихся въ рукахъ Александра Иваныча, привела его тотчасъ же въ память. Онъ

кинулся къ Чернушкину, который отошелъ въ дальній уголъ, и, крѣпко схвативъ его за руку, прошепталъ ему на̀-ухо:

— Спасите меня... уходите спать въ другое мѣсто!..

— Очень охотно, возразилъ Чернушкинъ: — я самъ только-что хотѣлъ просить васъ объ этомъ... Послѣ того, что̀ здѣсь произошло, мнѣ было бы пріятно... У васъ есть другая комната?..

— Всего три: одна, гдѣ жена, другая — дѣтская, третья — эта... остальныя всѣ развалились... но все равно, скороговоркою подхватилъ Авениръ Васильевичъ: — я васъ положу на сѣнникъ... вамъ это ничего?.. на сѣнѣ отлично...

— Куда хотите, лишь бы не съ нимъ!..

— Вамъ ничего будетъ встрѣтиться тамъ съ однимъ моимъ знакомымъ? онъ имѣетъ причины скрываться... можетъ даже быть, вы его знаете...

— Кто такой?

— Бодасовъ!

— Бодасовъ! такъ это былъ онъ! чуть не воскликнулъ Чернушкинъ, поблѣднѣвъ какъ полотно: — нѣтъ... ни за что въ свѣтѣ!..

Авениръ Васильевичъ, доведенный до крайней степени отчаянія, вѣроятно принесъ бы Чернушкина въ жертву Александру Иванычу и рѣшился бы на что-нибудь ужасное, еслибъ не подоспѣлъ во̀-время Таратаевъ.

— Все благополучно! сказалъ онъ: — Зинаидѣ Львовнѣ гораздо лучше!.. Но что̀ съ вами? Ты, Веня, опять какъ-будто осовѣлъ... О чемъ тутъ рѣчь?..

— Да вотъ... эти господа не хотятъ спать въ одной комнатѣ, плачевно началъ Лутовицынъ: — и... и я, право, не знаю, какъ быть...

— Вотъ вздоръ какой! есть о чемъ толковать! все это трынъ-трава, сущая дребедень, и больше ничего; я все это устрою, и ты отлично заснешь!.. Ты пожалуйста не безпокойся объ этомъ, душа моя, ты усталъ, тебѣ нуженъ отдыхъ... я всѣмъ распоряжусь!..

Авениръ Васильевичъ хотѣлъ-было обратиться съ извиненіями къ Александру Иванычу, но Таратаевъ не далъ ему открыть рта, вывелъ его силою изъ гостиной, вта-

щилъ въ коридоръ и заперъ за нимъ дверь комнаты, въ которой помѣщалась Зинаида Львовна, — побѣжалъ въ прихожую и принялся кричать, чтобы тотчасъ же несли сѣна!

Не знаю, потому ли, что люди были въ-самомъ-дѣлѣ напуганы Таратаевымъ, или въ домѣ Авенира Васильевича не оказалось недостатка въ сѣнѣ, — только сѣно не замедлило явиться. Не прошло четверти часа, какъ Александръ Иванычъ, силою почти уложенный Таратаевымъ, лежалъ на своемъ диванѣ; Чернушкинъ покоился на своихъ стульяхъ (только не у окна, а въ дальнемъ углу), а Таратаевъ потягивался между ними на сѣнѣ, увѣряя, что все чепуха, дребедень и не стоило выѣденнаго яйца!

VI.

ОТЧАЯННАЯ МѢРА.

Зинаида Львовна, совсѣмъ почти одѣтая, лежала, на постели спиной къ свѣчкѣ, стоявшей на кругломъ столикѣ. Лобъ ея повязанный платкомъ, намоченнымъ уксусомъ, бросалъ густую тѣнь на лицо ея. Авениръ Васильевичъ стоялъ на колѣняхъ передъ постелью: онъ то скрещивалъ на груди руки, то взводилъ умоляющіе глаза къ потолку, то силился схватить женину руку.

— Зиночка, это клевета! говорилъ онъ: — клянусь тебѣ, я никакой Полины не знаю!.. это гнусная клевета!.. онъ все смѣшалъ, перепуталъ!.. Зиночка, взгляни на меня, всмотрись въ черты мои — и ты увидишь, какъ я страдаю.

Зинаида Львовна не дѣлала ни малѣйшаго движенія.

— О, Боже мой! я несчастнѣйшій человѣкъ во всей вселенной! О, если это продлится... я... я... не знаю, что я съ собой сдѣлаю!.. восклицалъ Авениръ Васильевичъ, принимаясь бить себя кулакомъ въ грудь, но при всемъ томъ поглядывая украдкою на жену.

Зинаида Львовна, которая пользовалась тѣнью, покрывавшею ей лицо, и также поглядывала на мужа, осталась совершенно равнодушною.

— И еслибъ въ этомъ обвиненіи была хоть частичка правды... подхватилъ Авениръ Васильевичъ:—я не знаю, на что бы я рѣшился... Но нѣтъ... нѣтъ!.. я этому не вѣрю... твое сердце говоритъ тебѣ, что я не виновенъ!.. Зиночка, умоляю тебя!.. пожалѣй меня хоть... ну, хоть въ настоящую минуту!.. Щепетильниковъ ясно намекнулъ мнѣ о векселяхъ... я гибну... голова моя готова треснуть... Я ихъ не звалъ, они сами пріѣхали... Подумай наконецъ о завтрашнемъ днѣ... дай мнѣ совѣтъ какой-нибудь... Бога ради, ты видишь, какъ я несчастливъ... заключилъ Авениръ Васильевичъ, лицо котораго не оставляло на этотъ разъ сомнѣнія въ искренности того, что онъ говорилъ.

Зинаида Львовна повернулась на подушкахъ, причемъ рука ея выставилась впередъ. Авениръ Васильевичъ съ жадностью принялся цѣловать эту руку.

— Оставьте меня... слабо сказала Зинаида Львовна:— оставьте, если вамъ дорога моя жизнь... вы меня замучили...

— Душечка ты моя, ангелъ мой... божество ты мое!.. воскликнулъ Авениръ Васильевичъ, припадая еще сильнѣе къ рукѣ и всхлипывая:—не говори этого... ты разрываешь мое сердце!.. Прости меня, я на колѣняхъ умоляю!.. Клянусь тебѣ, въ нашемъ домѣ никогда больше не будетъ ни одного гостя... дѣтьми клянусь!.. я прекращу всѣ знакомства... всѣ до единаго! я, ты и дѣти—и больше никого... я самъ вижу, какъ поступалъ опрометчиво и самъ до смерти измучился... Клянусь тебѣ, что это не повторится болѣе, и кромѣ тѣхъ, которые пріѣхали, не явится болѣе ни одного человѣка... я приму мѣры, я уже принялъ...

Стукъ въ дверь прервалъ Авенира Васильевича. Зинаида Львовна подняла голову. Авениръ Васильевичъ въ ужасѣ присѣлъ на пятки.

— Кто тутъ? спросила она.

— Это я, сударыня, отозвался голосъ Степана.

— Что тебѣ? сказалъ ободрившійся Авениръ Васильевичъ.

— Письмо... прислали съ нарочнымъ изъ уѣзднаго города, сказалъ Степанъ, подавая письмо въ дверную щель.

— Это, вѣрно, отъ тётушки Анисьи Петровны, проговорилъ мужъ, взламывая печать.

Зинаида Львовна снова опустила голову на подушки. Авениръ Васильевичъ поднесъ письмо къ свѣчкѣ, но съ первыхъ же словъ дыханіе видимо сперлось въ груди его и руки задрожали, какъ въ самомъ сильномъ пароксизмѣ лихорадки.

— Это отъ тётушки? что̀ она пишетъ?.. спросила Зинаида Львовна.

— Я... буду... я... пролепеталъ безсвязно Авениръ Васильевичъ.

— Дайте мнѣ сюда письмо... произнесла Зинаида Львовна.

— Но, мой ангелъ... это до тебя не касается... это...

Зинаида Львовна мгновенно почувствовала дурноту, Авениръ Васильевичъ поспѣшилъ подать письмо. Вотъ что прочла Зинаида Львовна послѣ того, какъ оправилась, на что, скажемъ мимоходомъ, потребовалась одна только секунда:

«Ну, дружище, Авениръ, мы ѣдемъ,—всѣ ѣдемъ! Жди насъ сегодня въ ночь или завтра къ разсвѣту! Мы явились бы сегодня къ обѣду, но засѣли въ уѣздномъ городѣ, гдѣ жуируемъ, прощаясь съ городомъ и готовясь къ тишинѣ сельской жизни. Насъ здѣсь всего пятеро; но остальные, которыхъ ты звалъ, вѣроятно, не замѣшкаютъ. Готовь только постели, удочки, ружья, лодки, добраго вина да хорошихъ сигаръ! За нами дѣло не станетъ! Мы создали даже проектъ о домашнемъ спектаклѣ; кстати вели-ка по этому случаю очистить одну изъ своихъ комнатъ, да распорядись на счетъ маляра, красокъ, музыкантовъ и проч. Насъ нѣсколько смущаетъ жена твоя; ты говорилъ, она мрачнаго характера; жаль, даже досадно; но впрочемъ, авось какъ-нибудь поладимъ!.. Прощай, до свиданія!..

«Искренно преданные друзья твои:
Иванъ Здобновъ.
Петрушка Сапельниковъ.
Аполлинарій Хохловъ.

Вася Кокоевъ.
Діодоръ Мостовскій»

«P. S. Кстати: есть ли у тебя прудъ? мы веземъ съ собою фейерверкъ!»

Зинаида Львовна быстро встала съ постели.

— Я ѣду, прощайте! ѣду сію же минуту! сказала она съ рѣшительнымъ видомъ.

— Но, мой другъ... я также...

— Не подходите ко мнѣ! сказала она, бросивъ страшный взглядъ.

— Но они...

— Какъ хотите, такъ и дѣлайте! Я ѣду сію же минуту къ тётушкѣ Анисьѣ Петровнѣ; желаю вамъ веселиться съ вашими друзьями... но знайте, что уже съ этой минуты...

— Но, другъ мой... сама посуди, это можетъ насъ навѣки скомпроментировать... насъ осмѣютъ, и наконецъ, подумай о моемъ положеніи... я не переживу этого!..

— Мнѣ все равно... оставайтесь здѣсь, если хотите.

— Какъ! чтобъ я позволилъ тебѣ ѣхать одной въ такую погоду! ночью!—ни за что на свѣтѣ!.. воскликнулъ Авениръ Васильевичъ, у котораго лицо озарилось вдругъ какою-то мыслью: — одну, ночью, съ дѣтьми! это невозможно!.. Я напишу имъ письмо... для формы... и—и поѣду съ вами!—Да, я буду съ вами! заключилъ онъ почти восторженно.

— Дѣлайте какъ хотите, сказала жена, торопливо принимаясь рыться въ комодѣ.

— Мой... другъ, рискнулъ произнести Авениръ Васильевичъ.

Вмѣсто отвѣта, жена тряхнула въ воздухѣ дѣтскими шубками.

— Мой... другъ, такъ я велю закладывать тарантасъ...

— Я вамъ сказала, что ѣду; спрашивать, сталобыть, нечего! возразила Зинаида Львовна, оборачиваясь назадъ.

Но Авениръ Васильевичъ уже исчезъ. Пройдя торопп-

ливо, хотя на цыпочкахъ однакожъ, по коридору, онъ пустился со всѣхъ ногъ въ конюшню, разбудилъ кучера и велѣлъ тотчасъ же закладывать тарантасъ, не забывъ сказать ему при этомъ, чтобы приготовленія сопровождались съ наивозможно-большею тишиною — «чтобъ не было ни одного бубенчика!» добавилъ онъ. На обратномъ пути, онъ разбудилъ Степана и, передавъ ему замѣчаніе касательно тишины, приказалъ немедленно идти подсобить кучеру. Съ тою же поспѣшностью и также на цыпочкахъ прошелъ онъ по коридору. Шорохъ, услышанный имъ въ дѣтской, заставилъ его просунуть туда голову и сказать: — «Шт! вы этакъ всѣхъ разбудите!.. Зиночка, одѣвай ихъ теплѣе... дождикъ льетъ ливмя... сейчасъ все будетъ готово!»... Шорохъ утихъ и Авениръ Васильевичъ, значительно облегченный отъ волненія, вошелъ въ женину комнату. Не теряя секунды времени, онъ вооружился перомъ, взялъ бумагу и написалъ слѣдующее:

«Господа, простите меня Бога ради, если я не пишу каждому изъ васъ отдѣльно: я дорожу каждой секундой. Мы получили извѣстіе, что тётушка Анисья Петровна лежитъ при смерти; быть можетъ, мы уже не застанемъ ее въ живыхъ. Я пишу, и рука моя дрожитъ при этой мысли. Всѣ вы, господа, и особенно Александръ Иванычъ, поймете, какъ важно для меня присутствовать при ея послѣднихъ минутахъ... Не упоминая здѣсь о ея добродѣтеляхъ (замѣчательная была старушка!), скажу вамъ, что я... наслѣдникъ! Это объяснитъ вамъ мою поспѣшность!.. Нарочный, присланный съ извѣстіемъ, ждетъ въ прихожей... Прощайте!..

«Душевно преданный вамъ,
Авениръ Лутовицынъ».

«Рожновка, два часа ночи.
1855 года».

— Не сухо ли будетъ?.. подумалъ Авениръ Васильевичъ, останавливаясь въ нерѣшительности.

Онъ торопливо раскрылъ свернутое уже письмо и приписалъ на скорую руку:

«P. S. Полагаюсь на ваше дружеское расположеніе; Бога ради не стѣсняйтесь, распоряжайтесь какъ хотите; завтра привезутъ изъ города провизію; — будьте какъ дома! О пріѣздѣ своемъ ничего не могу сказать навѣрное: все зависитъ отъ положенія тётушки»...

Пять минутъ спустя, письмо вручено было Степану съ наставленіемъ отдать его не прежде, какъ проснутся гости; о нарочномъ, присланномъ изъ города, велѣно было сказать, что нарочный присланъ отъ тётушки Анисьи Петровны...

— Ну, а лошади готовы?.. заключилъ Авениръ Васильевичъ.

— Готовы, послѣднюю пристяжную взнуздываютъ...

Убѣдившись въ этомъ лично, Авениръ Васильевичъ приказалъ подать плащъ, галоши и шапку, одѣлся и направился въ дѣтскую. Тамъ все уже было готово.

— Тише! ради Бога, только тише... сказалъ онъ, пропуская жену, которая прошла, не удостоивъ его взглядомъ:— Надежда, я возьму Сашу и Полю, ты бери Петю и узлы...

— Дайте хоть капотъ-то надѣть... проворчала нянька.

— Шт!.. надѣнешь послѣ... въ тарантасѣ, прошипѣлъ Авениръ Васильевичъ, хватая въ охапку заспанныхъ Сашу и Полю. Въ коридорѣ, и даже подлѣ самыхъ дверей гостиной, чуть-было не произошло несчастіе: Поля, стиснутый слишкомъ крѣпко суетившимся отцомъ, жалобно пискнулъ: но Авениръ Васильевичъ успѣлъ заблаговременно зажать ему ротъ и шепнулъ на-ухо:—«Молчи, дамъ сахару... или розогъ»! Поля тотчасъ-же замолкъ и отецъ поощренный своимъ успѣхомъ, не переставалъ повторять: «сахару, розогъ, розогъ, сахару»,—до тѣхъ поръ, пока не вышелъ на дворъ.

Дождь, точно, лилъ какъ изъ ведра; ночь была черная; къ довершенію неудовольствій дулъ сильный вѣтеръ, уныло гудѣвшій въ поляхъ и еще унылѣе шумѣвшій деревьями. Авениръ Васильевичъ усадилъ жену, дѣтей и няньку.

— Бубенчики отвязаны? спросилъ онъ у кучера. — Хорошо; ступай въ Дудкино — къ Анисьѣ Петровнѣ!.. скорѣй!..

Онъ занесъ уже ногу въ тарантасъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то сильно ухватилъ его за шинель. Авениръ Васильевичъ обернулся—и нельзя сказать, чтобы обрадовался, увидѣвъ передъ собою Бодасова.

— Это я! сказалъ Бодасовъ:—ты куда?

— Я... я къ теткѣ... случилось несчастіе... она умираетъ... проговорилъ Лутовицынъ, отыскивая безпокойными глазами жену; но темнота непроницаемая окружала Зинаиду Львовну, и Авениръ Васильевичъ услышалъ только вздохъ, когда Бодасовъ произнесъ:

— И я съ тобою...

— Какъ!..

— Ты понимаешь, я не могу здѣсь остаться одинъ... возразилъ Бодасовъ мрачно, но сохраняя однакожъ какое-то величавое спокойствіе:—это невозможно! я ѣду съ тобою... я узналъ, что ты собираешься, все уложено... черезъ минуту я готовъ! довершилъ онъ, исчезая въ темнотѣ.

Прошла минута ожиданія, которая показалась получасомъ Авениру Васильевичу, сидѣвшему прямо противъ жены.

— Я на козлахъ не могу, пройметъ насквозь... я сяду съ тобою! сказалъ Бодасовъ, неожиданно появляясь.

Дѣлать было нечего; Авениръ Васильевичъ, боявшій-что-бы, въ случаѣ отказа, Бодасовъ не поднялъ шуму, приплюснулся къ боку кузова и далъ ему мѣсто.

— Душенька, позволь отрекомендовать тебѣ... это пріятель... Бодасовъ... Аркадій Ивановичъ... странная исторія...

Изъ глубины тарантаса послышался только слабый стонъ.

— Пошелъ! крикнулъ Авениръ Васильевичъ. Лошади фыркнули, замѣсили копытами, тарантасъ покатился.

VII.

СТРАНСТВОВАНІЕ, ИСПЫТАНІЕ, РАСКАЯНІЕ, ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Не могу вамъ сказать утвердительно, долго ли говорили, о чемъ говорили и въ какой именно степени прі-

ятна была бесѣда между сидѣвшими въ тарантасѣ,—знаю только, что часа полтора послѣ отъѣзда, всѣ спали, и особенно хорошо спалъ Бодасовъ, который видимо успокоивался по мѣрѣ отдаленія отъ Рожновки; онъ такъ напиралъ на Авенира Васильевича, что тотъ принужденъ былъ нѣсколько разъ брать его за плечи и приводить въ перпендикулярное положеніе.

Все впрочемъ способствовало ко сну; дорога была необычайно мягка по случаю грязи; лошади, по случаю той же грязи, везли шагомъ: поневолѣ спалось какъ-то!

Часамъ къ восьми утра, когда всѣ еще спали, тарантасъ подъѣхалъ къ берегу рѣчки. На противоположномъ берегу рѣки начиналось уже владѣніе Анисьи Петровны. У перевоза стояло нѣсколько подводъ и мужиковъ.

— Эво! паромъ! закричалъ кучеръ Лутовицыныхъ.

— Поди-ка, достань его! отозвался одинъ изъ стоявшихъ мужиковъ:—вишь вода какая, ночью снесло...

— Какъ же вы его опустили, разбойники!..

— Да, жаль, тебя не было... былъ бы цѣлъ парома-тъ замѣтилъ другой.

— Что такое? спросилъ Авениръ Васильевичъ, внезапно пробуждаясь...

За нимъ пробудились и всѣ остальные.

— Перевозу, сударь, нѣтъ, сказалъ кучеръ.

— Какъ такъ?

— Парòмъ унесло... больно отъ дождей рѣка взыгралась...

— Какъ же быть?

— Ужъ вамъ придется, наше благородіе, подождать... сказалъ мужичокъ.

— Когда же будетъ парòмъ?

— Надо полагать, къ вечеру будетъ... народъ побѣжалъ за нимъ; къ вечеру будетъ, коли словятъ.

— Что жъ мы будемъ дѣлать? сказалъ Лутовицынъ, поворачиваясь къ женѣ.

Зинаида Львовна кусала только губы. Бодасову, который, повидимому, окончательно успокоился, было совершенно все равно; онъ сказалъ даже что-то о пріятностяхъ

бродячей, кочевой жизни. На самомъ дѣлѣ нельзя же было оставаться здѣсь до вечера. Рѣшено было вернуться назадъ и на второй верстѣ отъ рѣки дождаться вечера въ деревнѣ Бубновкѣ.

— Кричите, дѣти: пошелъ! вымолвилъ повеселѣвшій Авениръ Васильевичъ.

— Пасіоль! закричали въ одинъ голосъ Саша, Поля и Петя,—и тарантасъ, повернувъ оглоблями, покатился назадъ.

Нельзя сказать, чтобы утро и полдень, проведенные въ Бубновкѣ, показались особенно короткими и пріятными. Начать съ того, что всѣ должны были сидѣть въ курной избѣ, — хотя дождь и пересталъ, но было такъ грязно, что не предстояло никакой возможности ступить на улицу. Къ зубной боли, на которую жаловалась Зинаида Львовна, присоединилась вскорѣ страшная мигрень; все это, конечно, способствовало только къ поддержанію ея дурного расположенія духа; Авениръ Васильевичъ долженъ былъ, слѣдовательно, хоть по неволѣ, да казаться огорченнымъ и встревоженнымъ. Бодасовъ молчалъ; дорога пробудила въ немъ мысли о прошломъ, а прошлое, какъ уже извѣстно, представляло Бодасову мало отраднаго. Одни только дѣтскіе крики оживляли общество; но оживленіе это, возбужденное безчисленными насѣкомыми, которыя безъ милосердія ѣли Сашу, Полю и Петю, не могло, какъ каждый легко себѣ представитъ, веселить сердца присутствовавшихъ. Словомъ, всѣ несказанно были обрадованы, когда, часамъ къ пяти, кучеръ объявилъ, что лошади готовы.

Первымъ дѣломъ Авенира Васильевича, когда пріѣхалъ онъ къ перевозу, было освѣдомиться о паромѣ.

— Парома, сударь, еще не приводили, сказалъ одинъ изъ близъ-стоявшихъ мужиковъ.

— Какъ?.. ахъ вы, разбойники!... вотъ я васъ!.. это что такое?.. вотъ я васъ всѣхъ къ исправнику! зашумѣлъ вдругъ Авениръ Васильевичъ.

— Воля милости вашей, спокойно отвѣчалъ мужикъ:— далеко очень унесло паромъ-атъ... мы этому не причиной...

— Неужто безъ парома нельзя переѣхать? спросилъ Лутовицынъ.

— Есть челночекъ... да только, ваше благородіе...

— Мы поѣдемъ на челнокѣ! перебилъ Авениръ Васильевичъ:—Зиночка, я самъ перевезу тебя...

— Ни за что въ свѣтѣ!.. Коли вы хотите топиться, поѣзжайте сами!..

— Ѣзда опасная, челнокъ кувыркается, замѣтилъ Бодасовъ.

— Точно, сударь, опасливо... въ другое время можно, а теперь опасливо, вона какъ разыгралась!.. сказалъ мужикъ, указывая на рѣку:—ужъ на что мы къ этому дѣлу привычны, и то въ челнокѣ не поѣдемъ...

— Ну, не досадно ли это? воскликнулъ Авениръ Васильевичъ:—вѣдь вотъ почти подъ носомъ Дудкино, вонъ даже избы видны, а между тѣмъ — сиди здѣсь да жди!

— Вы, сударь, въ Дудкино изволите ѣхать? спросилъ мужикъ.

— Да; а что, ты развѣ дудкинскій?

— Дудкинскій, сударь... я староста Анисьи Петровны... только вы, сударь, напрасно изволите себя безпокоить...

— А что?

— Да барыни нѣтъ дома...

— Какъ?

— Вечоръ еще изволили уѣхать... по тому случаю, сударь, и я здѣсь, поѣхалъ провожать ихнюю милость...

— Куда она уѣхала?

— Есть, сударь, у насъ деревня, Рожновка прозывается, ихнему-то племяннику принадлежащая... такъ, сказывали, туда и поѣхала...

При этомъ извѣстіи вся кровь бросилась Авениру Васильевичу въ голову: красные и зеленые кружки завертѣлись въ глазахъ его, голова закружилась.

— Они тамъ столкнутся!.. все объяснится!.. тетушка узнаетъ... мы погибли! скороговоркою прошепталъ онъ, быстро наклонясь къ женѣ.

Зинаида Львовна приложила руку къ больной щекѣ, закрыла глаза и опустила голову на подушку.

— Вотъ ужъ именно, если начнутся несчастія, такъ ужъ имъ и конца не видать! бѣшено крикнулъ Лутовицынъ.

— Да, скверно! замѣтилъ Бодасовъ, которому въ сущности было все равно, лишь бы находиться подальше отъ кредиторовъ.

— Но какъ же случилось, что я не встрѣтился съ тетушкой? сказалъ Авениръ Васильевичъ, быстро обращаясь къ дудкинскому старостѣ:—вѣдь дорога одна...

— Нѣтъ, двѣ, сударь: эта дорога городская, въ городъ ѣздятъ, когда понадобится; а тамъ есть проселокъ... Анисья Петровна изволили по той поѣхать...

— Боже мой, хоть бы паро̀мъ-то былъ!.. Что намъ дѣлать?.. неужто ѣхать опять въ Рожновку?.. разстроеннымъ голосомъ произнесъ Авениръ Васильевичъ. Зинаида Львовна объявила, что она готова ночевать лучше въ полѣ.

Авениръ Васильевичъ согласился во всемъ, какъ вдругъ мысль, что рожновскіе гости послѣ прочтенія письма могли тотчасъ же пуститься въ путь и, что всего хуже, могли застигнуть его съ минуты на минуту, или на перевозѣ, или на дорогѣ (другой дороги къ городу не было), заставила его тотчасъ же перемѣнить намѣреніе. .

— Пошелъ во весь духъ въ Бубновку... въ Бубновку... во весь духъ! въ Бубновку! закричалъ онъ внезапно такимъ голосомъ, что всѣ присутствующіе дрогнули.

— Куда торопиться, сударь? сказалъ кучеръ, одинъ только сохранявшій невозмутимое равнодушіе:—всего двѣ версты... успѣемъ!..

— Пошелъ! пошелъ! заревѣлъ Авениръ Васильевичъ, схватывая его за шиворотъ.—Душенька, примолвилъ онъ, мгновенно обратившись къ женѣ:—мы не войдемъ ни въ одну избу, будемъ ночевать въ полѣ... Бога ради только, Бога ради, не задерживай!..

Съ этой минуты Авениръ Васильевичъ не отрывалъ уже почти глазъ отъ дороги; волненіе его и безпокойство возрастали съ каждымъ поворотомъ колеса; онъ поминутно освѣдомлялся, не видать ли кого-нибудь впереди на дорогѣ, и не переставалъ погонять кучера. Бодасовъ ка-

зался, напротивъ, совершенно спокойнымъ; не подозрѣвая о непріятностяхъ, которыми осаждены были рожновскіе гости, онъ не предполагалъ даже возможности скораго ихъ возвращенія въ городъ. Сладкая беззаботливость сельской жизни представлялась ему пріятнѣйшимъ отдохновеніемъ послѣ жизни городской, исполненной всякихъ тревогъ и ежеминутныхъ опасеній. Усѣвшись какъ можно удобнѣе и просторнѣе подлѣ Авенира Васильевича, онъ, можно даже сказать, поглядывалъ съ умиленнымъ чувствомъ глубоко-поэтической души на болото, тянувшееся вправо отъ тарантаса, и на лѣсъ, величественно возносившійся слѣва. Отданный весь созерцательному чувству, онъ не пошевелилъ даже бровями, когда тарантасъ, отъѣхавшій уже съ версту отъ перевоза, засѣлъ въ грязной ямѣ чуть не по самую ступицу.

— Эхъ, какъ засѣли, инда крякнуло! сказалъ кучеръ.

— Пошелъ! пошелъ! закричалъ Авениръ Васильевичъ.

— Да куды идти-то, сударь? видите сами, засѣли!.. Вонъ никакъ тамъ обозъ показался... подождать надо...

— Какой обозъ?.. гдѣ?.. гдѣ обозъ?.. засуетился Авениръ Васильевичъ.

— Да вона! сказалъ кучеръ, указывая концомъ кнута.—Э, э! прибавилъ онъ почти въ ту же минуту:— да это не обозъ... никакъ тарантасы... три тарантаса!..

— Это они! закричалъ Авениръ Васильевичъ, метаясь въ экипажѣ, какъ мышь, попавшая въ банку.

— Кто они? спросилъ Бодасовъ.

— Они!.. наши гости!.. Таратаевъ... Боже! сейчасъ ясно мелькнула соломенная шляпа Щепетильникова!..

— Щепетильниковъ! заревѣлъ Бодасовъ, давя и опрокидывая все, чтобы достать свой дорожный мѣшокъ, и не обращая вниманія на крикъ Зинаиды Львовны, пискъ дѣтей и проклятія няньки, которой онъ отдавилъ мозоли.

— Пошелъ! стегай во весь духъ! держи въ лѣсъ, влѣво держи, въ лѣсъ, въ лѣсъ! закричалъ между тѣмъ Авениръ Васильевичъ, выпрыгивая изъ тарантаса:—скорѣе, я облегчилъ экипажъ!.. Бодасовъ, подсобляй, напирай сзади!..

Понуканье кучера, крикъ Лутовицына и Бодасова,

визгъ няньки, барыни, ревъ дѣтей и фырканье лошадей— все это слилось на минуту въ одну ноту. Испуганная тройка рванула во всю мочь и вывезла тарантасъ, оставивъ однакожъ за собою Бодасова и Лутовицына, упавшихъ другъ на друга въ лужу. Одна только секунда понадобилась имъ, чтобы встать и оправиться.

— Заворачивай круче!.. держи въ лѣсъ!.. скорѣе, скорѣе! закричали они въ одинъ голосъ, опережая тарантасъ и указывая на дорогу.

— Далеко, сударь, не уѣдешь, сказалъ кучеръ, постегивая кнутомъ и слѣдуя по стопамъ Авенира Васильевича:—всѣ ступицы поломаешь...

— Ломай все, все ломай! крикнулъ Авениръ Васильевичъ:—ломи, только забирайся глубже!

— Въ самую чащу, дальше въ чащу! подхватилъ также Бодасовъ, исчезая въ кустахъ.

Минуту спустя, тарантасъ въѣхалъ въ кусты. Ѣхать дальше, точно, не было возможности; но, впрочемъ, съ этого мѣста тарантасъ дѣлался незамѣтнымъ со стороны дороги, и Авениръ Васильевичъ перевелъ духъ.

— Тише... Бога ради, тише... я слышу, они подъѣзжаютъ! сказалъ онъ, влѣзая въ тарантасъ, между-тѣмъ какъ Бодасовъ, помѣстившійся тамъ прежде него, поспѣшилъ при этомъ свѣсить ноги и скорѣе ухватить свою дорожную сумку.

Неподалеку, точно послышался стукъ ѣхавшихъ экипажей.

— Тссъ! произнесъ Лутовицынъ:—мнѣ кажется даже, какъ-будто я услыхалъ свое имя...

При этомъ Зинаида Львовна толкнула ногой мужа и выразительно указала глазами на няньку и кучера.

— Кузьма... Надежда... прошепталъ торопливо Авениръ Васильевичъ:—вы пошли бы пока въ лѣсъ... ступайте-ка... тамъ, я чай, теперь грибовъ много...

— И я пойду съ ними... сказалъ Бодасовъ, дѣлавшійся все безпокойнѣе по мѣрѣ того, какъ стукъ экипажей приближался. Едва только кучеръ, нянька и Бодасовъ удалились, Авениръ Васильевичъ спрыгнулъ на земь,

пробрался къ ближайшему кусту и принялся глядѣть на дорогу.

Шумъ экипажей дѣлался слышнѣе и слышнѣе; явственно уже доходили теперь слова проѣзжавшихъ, наконецъ передовой экипажъ совсѣмъ почти поровнялси съ кустомъ, скрывшимъ Авенира Васильевича. Сердце его забилось необыкновенно сильно, когда онъ увидалъ Александра Иваныча; рядомъ съ нимъ помѣщался одинъ изъ пятерыхъ товарищей, приславшихъ письмо—Аполлинарій Хохловъ.

— Да, точно, говорилъ Хохловъ:—съ одной стороны это забавно, смѣшно; съ другой, признаться, ужасно досадно...

— Да, сударь мой, сказалъ Александръ Иванычъ, тономъ человѣка незлобнаго, но обиженнаго и раздраженнаго.

— Что-жъ вы намѣрены дѣлать? говорилъ Хохловъ.

— Такого рода шутки не прощаются... всему есть мѣры, да!.. Я принимаю его приглашеніе не иначе, какъ за насмѣшку... Охъ! добавилъ Александръ Иванычъ, скорчиваясь.

— Что, все еще не прошло? спросилъ Хохловъ.

— Какое прошло!.. такія колики, что ужасъ!..

— Ну, хорошо, вы говорили—векселя; но вѣдь тетка его явственно, кажется, сказала намъ, что лишаетъ его наслѣдства... приступилъ снова Хохловъ.

— Да, но у него остался еще домъ на Выборгской... Охъ!

— Что, опять? спросилъ Хохловъ.

— Опять!..

Тарантасъ такъ далеко отъѣхалъ, что голоса стали смѣшиваться со стукомъ копытъ.

— Слышали? прошептала Зинаида Львовна.

Авениръ Васильевичъ, по лицу котораго струились крупныя капли пота, опустилъ голову и развелъ руками. Но въ это время показался второй тарантасъ, и онъ снова превратился весь въ слухъ.

— Я больше ничего не скажу—онъ мямля и невѣжа! говорилъ Таратаевъ. — Откровенно признался бы намъ,

что вотъ такъ и такъ; словомъ—совралъ... а то наговорилъ съ три короба, созвалъ и — далъ тягу... Досадно только на Зинаиду Львовну! право, досадно... А впрочемъ при встрѣчѣ съ нимъ я еще намну ему шею... непремѣнно намну—не за васъ, нѣтъ... а за нее...

— И прекрасно сдѣлаешь, запищалъ сидѣвшій съ нимъ Чернушкинъ... Что до меня касается, непремѣнно опишу всю эту исторію... даже фамилію назову, непремѣнно назову...

— Ну, это мы еще увидимъ, сказалъ Таратаевъ.

«Слава Богу, хоть одинъ да заступился!..» подумалъ Авениръ Васильевичъ — и снова припалъ къ кусту, чтобы прислушиваться къ тому, что говорили въ третьемъ тарантасѣ. Тамъ сидѣли: Здобновъ, Петруша Сапельниковъ, Вася Кокуевъ и Діодоръ Мостовскій; но ничего не услыхалъ отъ нихъ Авениръ Васильевичъ. Всѣ четверо хохотали во все горло и курили. Разъ только, почти противъ самаго куста, Вася Кокуевъ упомянулъ посреди хохота его фамилію, но Петруша Сапельниковъ тотчасъ же остановилъ его, сказавъ: «полно братецъ, не стоитъ говорить о немъ!» — и только.

— Ну что, довольны ли вы? спросила Зинаида Львовна, глядя на мужа, который возвращался къ экипажу съ такимъ видомъ, какъ-будто его три часа парили въ банѣ.

— Другъ мой! воскликнулъ Авениръ Васильевичъ: — клянусь тебѣ, клянусь, что если проживу даже двѣсти лѣтъ, не позову ни одного гостя!..

— Ну нѣтъ, не утерпишь, возразила жена тономъ, который показывалъ, что она считала уже жестокимъ поражать его въ настоящую минуту: — опять будешь звать.

— Да... можетъ-быть... но уже тогда развѣ, какъ устрою дѣла и въ домѣ будетъ больше порядка; наконецъ, клянусь тебѣ, буду звать только самыхъ короткихъ друзей...

— Ну, это другое дѣло! перебила Зинаида Львовна. — Что-жъ мы здѣсь однакоже стоимъ? Пора ѣхать... примолвила она: — мы успѣемъ еще къ ночи домой пріѣхать...

Въ натурѣ Авенира Васильевича было то замѣчательно, что, не смотря на его тридцать лѣтъ, радость и горе

смѣнялись въ немъ съ необычайною быстротою. Минувшая опасность и ласковый голосъ жены ободрили его почти мгновенно. Онъ точно пробудился отъ тяжелаго сна. Съ лица его какъ-будто упала какая-то маска; оно вдругъ повеселѣло и даже сдѣлалось радостнымъ. Звучный, чистый голосъ, съ какимъ прокричалъ онъ: «Кузьма! — Надежда!» ясно уже показалъ, что въ груди его не оставалось и тѣни тяжкаго чувства и волненія. На зовъ его прежде всѣхъ явился Бодасовъ. Изъ ближайшаго куста выставилось сначала мрачное лицо его, до половины закрытое усами и бакенбардами.

— Ну что, гроза миновала? спросилъ онъ, подозрительно блуждая глазами.

— Нѣтъ еще... не совсѣмъ... возразила Зинаида Львовна, бросивъ выразительный взглядъ на мужа.

Но обстоятельства Бодасова были въ самомъ дѣлѣ слишкомъ затруднительны, чтобы позволить ему обращать вниманіе на взгляды и звуки голоса; онъ влѣзъ въ тарантасъ и поспѣшилъ занять мѣсто подлѣ Авенира Васильевича.

— Вы куда, домой? спросилъ онъ.

— Домой...

— И я съ вами... Извините, сударыня... тысячу непріятностей... мнѣ больше некуда.

Проговоривъ это, Бодасовъ быстро надвинулъ на глаза широкополую шляпу, ушелъ съ усами въ воротникъ, изъѣденный молью, и погрузился въ задумчивое молчаніе. Кузьма и Надежда Никитишна не замедлили явиться. Минутъ пять спустя, тарантасъ катился по направленію къ Рожновкѣ. Прошло еще десять минутъ, и съ того мѣста, гдѣ мы его оставили, онъ казался уже чѣмъ-то въ родѣ кочки надъ волнистою линіей необозримыхъ полей, стлавшихся во всѣ стороны. Съ каждой секундой тарантасъ уменьшался. Еще минута — и онъ явился уже какъ точка, и наконецъ мы его совершенно потеряли изъ виду, потеряли надолго... быть-можетъ, даже навсегда — вмѣстѣ съ лицами, въ немъ сидѣвшими.

И въ самомъ дѣлѣ, очень легко могло статься, что мы никогда бы даже не услыхали объ Авенирѣ Василье-

вичѣ, еслибъ, года два спустя послѣ всего случившагося, до насъ не дошли о немъ вѣсти. Такъ-какъ вѣсти эти благопріятны въ высшей степени — мы спѣшимъ подѣлиться ими съ читателями.

Тётушка Авенира Васильевича точно сильно сердилась и сказала даже, что лишаетъ его наслѣдства. Но гнѣвъ ея прошелъ, какъ только увидала она племянника, его жену и дѣтей, и услыхала отъ нихъ откровенное признаніе о причинѣ побѣга и о письмѣ, въ которомъ упоминалось о ея смертномъ одрѣ. Зинаида Львовна, никогда не сомнѣвавшаяся въ добротѣ Анисьи Петровны, окончательно убѣдилась въ этомъ, когда, годъ спустя, тётка умерла и оставила племяннику все свое имущество. Присоевиненіе деревни Дудкино къ родной Рожновкѣ сильно поправило обстоятельства Авенира Васильевича. Домъ на Выборгской, давно уже проданный съ публичнаго торга, пошелъ на уплату долговъ и, слѣдовательно, доходы съ Дудкина могли быть употреблены на устройство рожновскаго дома, который совершенно, говорятъ, преобразился. Не могу вамъ сказать навѣрное о томъ, возобновлены ли павильоны — китайскій и готическій, но знаю навѣрное, что парадная лѣстница сдѣлана совершенно за-ново; она выкрашена даже масляной краской, и на ней, когда смолкаетъ дневной шумъ, усаживался всегда Степанъ, чтобы слушать соловьевъ.

Авениръ Васильевичъ, по всему видно, день ото дня пристращается къ деревенской жизни; онъ не думаетъ даже ѣхать въ Петербургъ; цѣлые дни рыскаетъ по полямъ, вечеромъ, послѣ трудовъ, усаживается обыкновенно въ саду, съ женою и дѣтьми, и вдыхаетъ въ себя свѣжій воздухъ, съ бо̀льшимъ еще наслажденіемъ, чѣмъ прежде. Два лѣта въ деревнѣ, послѣ жизни на Карповкѣ и Черной рѣчкѣ, замѣтно поправили Зинаиду Львовну; она даже какъ-будто помолодѣла. Поля, Петя и Саша (къ нимъ присоединились еще двое), напротивъ, какъ-бы въ укоръ матери, мужаютъ съ каждымъ часомъ. Они говорятъ, очень веселились на свадьбѣ кучера Кузьмы, который женился на той самой скотницѣ, которую когда-то остановилъ на дворѣ Таратаевъ. Надежда Никитишна

такъ растолстѣла, что едва уже можетъ двигаться; но это ничего: носятся слухи, будто Степанъ начинаетъ съ нѣкоторыхъ поръ сильно на нее засматриваться. Я полагаю, не способствуетъ ли этому особенно мечтаніе на лѣстницѣ по вечерамъ и пѣніе соловьевъ?..

Что же касается до Бодасова, мы узнали о немъ очень немногое: одни говорятъ, будто ему до нестерпимости прискучило жить въ домѣ, гдѣ не было бильярда и не играли въ карты,—и онъ оставилъ Рожновку дружелюбно; другіе приписываютъ исчезновеніе Бодасова ссорѣ съ Авенировъ Васильевичемъ: Бодасовъ попросилъ у Авенира Васильевича триста цѣлковыхъ въ займы, получилъ отказъ, обидѣлся и—мгновенно оставилъ Рожновку. Послѣ этого, онъ сошелся съ помѣщикомъ Пигуновымъ и жилъ у него довольно долго; но попросилъ въ займы двѣсти цѣлковыхъ, получилъ отказъ, обидѣлся и — перешелъ къ помѣщику Пѣнкину; у Пѣнкина онъ жилъ не долго; попросилъ двадцать цѣлковыхъ въ займы, получилъ отказъ, обидѣлся и — оставилъ его домъ. Всѣ единодушно подтверждаютъ теперь мнѣніе, будто Бодасовъ продолжаетъ жить въ провинціи. Тщательно избѣгая большихъ губернскихъ городовъ, онъ скитается изъ уѣзда въ уѣздъ, переходитъ отъ одного помѣщика къ другому; здѣсь гоститъ день, тамъ—недѣлю, тутъ—три дня; наконецъ попроситъ взаймы цѣлковый или два, ему откажутъ, онъ обижается и—ѣдетъ далѣе... Ясно, что такая жизнь способна только увеличить до безконечности и безъ того уже длинный свитокъ горькихъ и безотрадныхъ воспоминаній въ памяти Аркадія Иваныча Бодасова!

Вотъ и все, кажется... Остальное—мнѣ совершенно неизвѣстно.

СКУЧНЫЕ ЛЮДИ.

(ФИЗІОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Что̀ такое скучный человѣкъ?.. Нѣтъ вопроса, повидимому, на который такъ легко было бы отвѣтить, не правда ли? Я самъ прежде такъ думалъ, теперь думаю иначе.

Вѣрное, точное опредѣленіе того, что̀ вообще называютъ «скучный человѣкъ», встрѣчаетъ безчисленное множество затрудненій; рѣшеніе такого вопроса считаю я трудностью невѣроятною! мало того: считаю почти невозможнымъ! Безъ всякаго сомнѣнія, многіе съ этимъ не согласятся. «Вотъ хорошо! воскликнутъ они (по бо̀льшей части, повѣрьте, и я докажу это въ послѣдствіи, это будутъ люди страшно легкомысленные): — вотъ хорошо! Помилуйте, мы тотчасъ же готовы насчитать вамъ, изъ числа нашихъ знакомыхъ, дюжину такихъ, которые представляютъ не только образчикъ, но идеалъ, типъ—совершеннѣйшій типъ скучныхъ людей!»... Превосходно. Не спорю. Съ своей стороны, я также готовъ выставить на ваше вниманіе дюжину, и даже болѣе, моихъ знакомыхъ,

которые, ручаюсь головою, ничѣмъ не уступятъ вашимъ. Но дѣйствуя такимъ образомъ, мы все-таки, смѣю сказать, ровно ничего не докажемъ. Именно такъ. Почемъ знать: люди, которыхъ называете вы «скучными», покажутся мнѣ, можетъ быть, вовсе не такими. И наоборотъ: мои знакомые займутъ въ вашемъ мнѣніи мѣсто самыхъ милыхъ, любезныхъ и занимательныхъ особъ...

То, что́ въ одномъ возбуждаетъ скуку, доходящую до нервнаго раздраженія, другому доставляетъ веселость, располагаетъ ко вниманію его нервы, служитъ источникомъ сладчайшихъ радостей и высочайшихъ наслажденій.

Положимъ, вы спеціалистъ по какой-нибудь части (я ничего не знаю, я только предполагаю); вы избрали предметомъ исторію давно перемѣшавшихся и исчезнувшихъ племенъ; вы занимаетесь агрономіею, астрономіею, пчеловодствомъ и проч., и проч. Положимъ, вашъ покорнѣйшій слуга ровнехонько ничего не смыслитъ въ этихъ предметахъ, онъ круглый невѣжда въ дѣлѣ исторіи, агрономіи, астрономіи и проч.; но любитъ онъ, напримѣръ, картины и посвящаетъ время свое на изученіе изящныхъ искусствъ. Что-жъ мудренаго, если оба мы не найдемъ большого наслажденія, бесѣдуя другъ съ другомъ? Я буду скучнѣйшимъ человѣкомъ въ глазахъ вашихъ; но, съ другой стороны, прошу и васъ также не брать за чистую монету моихъ улыбокъ и вниманія: то и другое можетъ служить прикрытіемъ жесточайшей скуки, которую испытываю я, выслушивая повѣствованія объ исчезнувшихъ племенахъ, небесныхъ свѣтилахъ и новѣйшихъ способахъ разведенія кормового гороха. Является между нами третье лицо; въ глазахъ его оба мы дѣлаемся людьми очень занимательными, каждый въ своемъ родѣ, разумѣется.

Теперь другое предположеніе: вы человѣкъ положительный, спокойный, установившійся. Внѣ тихаго семейнаго круга нигдѣ не находите вы удовольствій. Вы встрѣчаетесь съ человѣкомъ молодымъ, не успѣвшимъ еще остепениться, или такимъ, который уже по природѣ своей не слишкомъ расположенъ къ семейному очагу. Легко можетъ статься, что каждый изъ васъ, поговоривъ другъ

съ другомъ, обратится къ третьему лицу и, пожимая плечами, шепнетъ ему на-ухо: «Фу, Боже мой, что это за скучный человѣкъ!» А между-тѣмъ, оба вы, по приговору общаго мнѣнія, вовсе не заслуживаете такого названія.

Ясно слѣдуетъ изъ этого, какъ дважды два—четыре ясно, что въ вопросѣ о скучныхъ людяхъ необходимо принимать въ соображеніе не только способности, познанія и вообще бо́льшую или ме́ньшую степень умственной занимательности, но также характеръ, наклонности, стремленія, вкусы,—словомъ, нравственную природу человѣка.

Возьмемъ примѣръ. Г*** обогатилъ свой умъ драгоцѣнными познаніями; Г*** чудо, фениксъ учености. Но развѣ Г*** не можетъ быть въ то же время крайне раздражительнымъ, жолчнымъ, завистливымъ, обидчивымъ, самолюбивымъ? Вы не просидите съ нимъ десяти минутъ, не смотря на всю его ученость; онъ надоѣстъ вамъ хуже горькой рѣдьки, какъ говорится. И наоборотъ: не только не чувствуете вы скуки и тягости, но охотно даже предлагаете комнату въ вашей квартирѣ, или мѣсто въ вашемъ экипажѣ на поѣздку въ чужіе края, круглому невѣждѣ, но веселому, безъ претензій, уживчивому, исполненному скромности и терпимости.

Изъ всего сказаннаго нами истекаетъ сама собою слѣдующая аксіома:

Одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть весьма скучнымъ для одного и въ то же время очень занимательнымъ для другого. Примѣръ:

Я зналъ господина, одинъ видъ котораго производилъ на всѣхъ усыпляющее дѣйствіе. При появленіи его въ гостиную (такъ всѣ говорили, и я ручаюсь за достовѣрность факта), свѣчи и лампы начинали тухнуть; дѣти принимались тереть глаза и склоняли голову на плечи нянекъ и родителей; взрослые вытягивали ноги, скрещивали руки на груди, стараясь приладиться въ мягкіе углы дивановъ; уныніе, изображавшееся на лицахъ присутствующихъ, было по истинѣ комично; словомъ, все засыпало; засыпала, казалось, неугомонная левретка на колѣняхъ хозяйки дома. И что-жъ бы вы думали? Въ

другомъ домѣ, находившемся даже недалеко отъ перваго, этотъ опіумный господинъ (такъ звали его въ первой гостиной) производилъ совершенно противоположное дѣйствіе; лысина его имѣла свойство проливать самый яркій свѣтъ; при появленіи его, одинъ видъ лысины пробуждалъ уже въ сердцахъ присутствующихъ сладчайшее трепетаніе; самое молчаніе его находило восторженныхъ истолкователей. Какъ теперь помню, онъ является, садится въ кресло и, по обыкновенію своему, погружается въ молчаніе. Взоры присутствующихъ умиленно останавливаются на лысинѣ; лица выражаютъ благоговѣйное ожиданіе. Молчаніе продолжается довольно долго; никто не смѣетъ прервать его. Внезапно какой-то молодой человѣкъ вскакиваетъ съ мѣста, обращается къ присутствующимъ и, указывая на опіумнаго господина, восклицаетъ съ восторгомъ: «Взгляните! взгляните... или вы не замѣчаете?.. Взгляните, какое цицероновское молчаніе!..» И такъ, въ одномъ домѣ опіумный господинъ погружаетъ всѣхъ въ сонъ; въ другомъ — самое молчаніе его вызываетъ восторженныя рукоплесканія. Откроетъ ли онъ ротъ, хоть бы даже для того, чтобы чихнуть или кашлянуть, присутствующіе нетерпѣливо моргаютъ глазами, толкаютъ другъ друга локтемъ, и со всѣхъ сторонъ слышится уже шопотъ: «Сейчасъ заговоритъ!.. сейчасъ говорить будетъ!..» Когда заговоритъ онъ (и это совершенно все равно: скажетъ ли самую обыкновенную вещь, или даже по-просту ляпнетъ),—всѣ переполняются неподдѣльнымъ энтузіазмомъ, подымаются съ мѣстъ и со слезами на глазахъ кидаются жать ему руку.

Примѣръ этотъ приведенъ здѣсь отчасти въ доказательство, что на всемъ свѣтѣ не сыскать существа, которое было бы такъ »безусловно относительно», какъ скучный человѣкъ. Не угодно ли послѣ того дѣлать на его счетъ какіе бы то ни было выводы и опредѣленія; не угодно ли пріискать ему существенную, положительную форму? По моему мнѣнію Б*—орелъ; по вашему, тотъ же Б*—индюкъ; вы стоите за свои убѣжденія, я за свои; кто изъ насъ правъ, кто виноватъ? Намъ могутъ вѣрить и не вѣрить. Вопросъ остается нерѣшеннымъ.

Напрасно станете вы приводить въ подтвержденіе словъ вашихъ наружные признаки, отличающіе человѣка, которому дѣлаете репутацію скучнаго. Начать съ того, что скучные люди не отличаются никакими внѣшними знаками отъ другихъ людей; одно изъ главныхъ преимуществъ скучныхъ людей заключается въ томъ именно, что они такъ же разительно похожи другъ на друга, какъ и на остальныхъ смертныхъ. Наконецъ, вытянутая физіономія, унылый взглядъ, вялая, сонливая рѣчь, тоскливое выраженіе лица, опять-таки ровно ничего не доказываютъ: у самаго веселаго, милаго, занимательнаго человѣка встрѣчаются минуты тоски и грусти; онъ дѣлается тогда самъ на себя непохожимъ. Онъ, слѣдовательно, не скученъ, а только скучаетъ—это разница. Встрѣчаются люди характера до такой степени впечатлительнаго, подвижного, перемѣнчиваго, что сегодня, напримѣръ, они хорошо настроены; они веселы, любезны, занимательны, блестящи даже; завтра они, ни съ того, ни съ сего, хмурятъ лицо, смотрятъ на все и на всѣхъ потухшими глазами; слова отъ нихъ не добьешься! Несправедливо было бы дѣлать заключеніе о такомъ человѣкѣ, не зная его основательно. Вамъ посчастливилось встрѣтить его въ первый день, мнѣ во второй; каждый изъ насъ выводитъ о немъ свое мнѣніе, и каждый ошибается, по мнѣнію другъ друга.

Необходимо также взять въ соображеніе такіе оттѣнки:

Очень часто, не тотъ скученъ, кто кажется скучнымъ, но тотъ, кому такъ кажется. Называя человѣка скучнымъ, сами мы можемъ носить въ себѣ скуку, въ которой обвиняемъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, не часто ли также поступаемъ мы противъ собственныхъ убѣжденій и даже совѣсти? Вы сдѣлали дурной поступокъ (опять предположеніе, разумѣется); при этомъ былъ свидѣтель. Виноватъ ли онъ, скажите намилость, если въ его обществѣ будете вы чувствовать невыносимую скуку? Человѣкъ сдѣлалъ вамъ одолженіе: далъ вамъ въ займы денегъ, сшилъ вамъ въ долгъ пальто, панталоны и проч.; виноватъ ли онъ въ томъ, что наводитъ на васъ скуку не только во время бесѣды, но даже при встрѣ-

чахъ на улицѣ?—Ничуть не бывало! вы виноваты, вовсе не они.

Всѣ эти размышленія приводятъ насъ къ первымъ строкамъ, которыми начали мы наше изслѣдованіе. Легко, кажется, убѣдиться теперь, какъ трудно сдѣлать вѣрное, точное опредѣленіе скучному человѣку.

Существуютъ, конечно, счастливыя личности, которыя рельефно выдаются изъ общаго неопредѣленнаго тона, которыхъ всѣ, въ одинъ голосъ, цѣлымъ обществомъ, признаютъ за скучныхъ: «Фу! Боже мой, что это за скучный человѣкъ!»—«Боже мой, что это за скучная дама!» скажетъ кто-нибудь, и всѣ тотчасъ же единодушно соглашаются. Но опять-таки, даже и въ этомъ случаѣ, нѣтъ возможности уяснить типа! Господинъ, котораго всѣ называютъ скучнымъ, можетъ быть женатымъ; его жена и множество родственниковъ рѣшительно собьютъ васъ съ толку: въ глазахъ ихъ, онъ образецъ любезности и занимательности. Общее мнѣніе встрѣчаетъ сильное опроверженіе и слѣдовательно перестаетъ быть общимъ; скучный человѣкъ остается, по-прежнему, существомъ относительнымъ и дьявольски-неуловимымъ. Одинъ скученъ по прошествіи часа, третій—только на вторыя сутки и т. д. Тотъ скученъ отъ того, что много говоритъ и черезчуръ веселъ; другой — потому, что слова отъ него не добьешься, и проч. и проч.

Какъ видите, все дѣло здѣсь въ оттѣнкахъ, тонкихъ отношеніяхъ и почти неуловимыхъ подробностяхъ. Вообще говоря, скучныхъ людей (безъ различія половъ) можно раздѣлить на двѣ главныя категоріи: на веселыхъ и унылыхъ.

Начнемъ съ первыхъ.

II.

ВЕСЕЛЬЧАКИ.

Веселость, конечно, отличное свойство, никто въ этомъ не сомнѣвается. При всемъ томъ, можно ручаться чѣмъ угодно, что поговорка: «Хорошаго понемножку» вырва-

лась въ первый разъ (вырвалась даже съ сердцемъ, я увѣренъ) у человѣка, которому случилось провести цѣлый день съ весельчакомъ. Дѣло въ томъ, что весельчаки, съ которыми не скучно, почти такъ же рѣдки, какъ бѣлыя вороны, черные тюльпаны, настоящіе альбиносы и прочія исключительныя явленія природы.

Веселость, всегда готовая поддержать себя, постоянно забавная, разнообразная и занимательная, занимательная въ прямомъ, настоящемъ смыслѣ,—разумѣется, такая веселость заставляетъ предполагать въ человѣкѣ умъ, наблюдательность, изобрѣтательность; все это представляетъ уже нѣкоторымъ образомъ соединеніе природныхъ дарованій, и можетъ только принадлежать человѣку далеко не дюжинному; такіе люди не попадаются сплошь и рядомъ.

Но даже и при такихъ счастливыхъ условіяхъ, роль весельчака очень трудная роль. Что сказать, напримѣръ, о господинѣ, который постоянно смѣется и никогда не останавливается? Начать съ того, что такой господинъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть совершенно умнымъ; не можетъ онъ также имѣть тѣхъ добрыхъ качествъ, душевныхъ качествъ, которыя извинятъ недостатокъ умственныхъ способностей; это ясно: чтобы постоянно сохранять веселость, нужно, прежде всего, быть довольнымъ собою и своимъ положеніемъ (что показываетъ уже нѣкоторую ограниченность природы); но что всего важнѣе—необходимо чувствовать глубокое равнодушіе къ положенію ближнихъ: всѣ весельчаки страшные эгоисты, это фактъ. Иначе даже быть не можетъ. Эгоизмъ безъ приправы ума и тонкаго такта тотчасъ же бросается всѣмъ въ глаза и дѣйствуетъ на всѣхъ какъ-то оскорбительно; потому-то, вѣроятно, не было еще примѣра, чтобы весельчакъ пробуждалъ въ комъ-нибудь серьезное чувство, сердечное, теплое сочувствіе, и внушалъ къ себѣ уваженіе. Вообще говоря, роль весельчака незавидная роль.

Веселость принимаетъ самые разнообразные характеры и является въ безчисленномъ множествѣ видовъ; нѣтъ возможности указать прямой ея источникъ. Особенный складъ ума и самое отчаянное тупоуміе порождаютъ ее

въ равной степени; бываетъ она также врожденная и прививная, то есть естественная и натянутая, Послѣдній видъ веселости чуть ли не самый скучный.

Г* смутно сознаетъ свое ничтожество и жестоко имъ терзается: другой на его мѣстѣ, при той же ограниченности ума, постарался бы примириться съ своимъ положеніемъ; но Г* гложетъ червь самолюбія! онъ хочетъ блистать, хочетъ, во что бы ни стало, быть замѣтнымъ. Преслѣдуя свою мысль, Г* прикидывается весельчакомъ; онъ напрягаетъ послѣднія силы своихъ способностей, чтобы превращать все въ смѣхъ и смѣшное, разсказываетъ анекдоты, остритъ, каламбуритъ; все это, конечно, выходитъ изъ рукъ вонъ плохо, потому что хорошо только то, что натурально. Но Г* постепенно втягивается въ свою роль и дѣйствительно дѣлается замѣтнымъ: всѣ знаютъ его за скучнѣйшаго человѣка, который когда-либо-являлся на свѣтѣ.

Между весельчаками, самые лучшіе все-таки тѣ, которые естественны; мнѣніе это простирается даже на тѣхъ, у которыхъ веселость проистекаетъ чисто отъ глупости. Къ такому разряду принадлежатъ смертные, которые веселы безъ причины и смѣются безъ всякаго повода. Если хотите, это также веселость самодовольная, но за то преисполненная добродушія, вся сіяющая отъ головы до ногъ, и главное, тоже безвредная. Мичманъ Пѣтуховъ, о которомъ говоритъ лейтенантъ Жевакинъ въ «Женитьбѣ» Гоголя: «...былъ у насъ мичманъ Пѣтуховъ, Антонъ Иванычъ; тоже этакъ былъ веселаго нрава. Бывало, ему ничего больше, покажешь этакъ палецъ, вдругъ засмѣется, ей-Богу! и до самаго вечера все смѣется!..» — мичманъ Пѣтуховъ служитъ образцомъ въ этомъ случаѣ. Такихъ весельчаковъ принято называть блаженными.

Вы идете по улицѣ, внезапно слухъ вашъ поражается хохотомъ, и васъ называютъ по имени. Вы оборачиваетесь и видите въ отдаленьи радостно блистающую физіономію господина, который заливается во всю мочь, машетъ вамъ руками и прибавляетъ шагу. Вы останавливаетесь, думая, что онъ спѣшитъ сообщить интересную новость. Подбѣжавъ къ вамъ, сіяющій господинъ надрывается сильнѣе

прежняго; вы ждете, и наконецъ спрашиваете: «Что съ тобою?»—Ахъ, дайте духъ перевести! Ха, ха, ха!.. Ахъ, Боже мой! Ха, ха!.. — «Но что же случилось?» спрашиваете вы, теряя терпѣніе. — Ничего не случилось... Ха, ха, ха!.. уфъ! насилу догналъ тебя... Ха, ха!.. Летитъ-себѣ какъ птица. (Тутъ схватываетъ онъ себя за бока и прислоняется къ фонарю, чтобы не упасть на земь). Ты куда идешь? — заключаетъ онъ наконецъ, блуждая глазами, налившимися кровью отъ натуги.

Послѣдній вопросъ мгновенно объясняетъ дѣло: ни вы ему не нужны, ни онъ вамъ; вы просто встрѣтили блаженнаго. Чтобы избавиться такихъ встрѣчъ, не совѣтую бросаться въ магазинъ или въ ближайшій переулокъ; если весельчакъ изъ числа самолюбивыхъ, онъ никогда не проститъ вамъ такой продѣлки; вы нажили тогда врага, который постарается насолить вамъ. Что-жъ касается до блаженнаго, продѣлка ваша безполезна: онъ ворвется въ магазинъ и отыщетъ васъ въ переулкѣ.

Вы спокойно сидите дома, бесѣдуя съ пріятелями, или, просто, сидите потому, что гулять не хочется. Внезапно въ кабинетъ врывается N*: «Что ты здѣсь дѣлаешь»? кричитъ онъ, смѣясь въ то же время лошадинымъ какимъ-то смѣхомъ: — «ну не грѣшно ли сидѣть дома въ такую погоду, а? не грѣшно ли, спрашиваю я?.. Это выходитъ, просто, нелѣпость, именно нелѣпость! Ха! ха! ха! Я нарочно пришелъ за тобою; одѣвайся!»—Я не хочу!.. говорите вы. — «Какъ не хочешь? что за вздоръ! Ну, вотъ поди-жъ ты! толкуй съ нимъ послѣ этого! Все это одна лѣность; и наконецъ у тебя геморой, это всѣмъ извѣстно, тебѣ даже вредно сидѣть... Эй, Иванъ! Петръ! Сидоръ! давайте барину пальто, шляпу, перчатки!..» — Повторяю тебѣ, я не хочу гулять. — «Господа! восклицаетъ весельчакъ, обводя моргающими глазами присутствующихъ: — что его слушать! тащите его съ дивана! Хватайте его... вотъ такъ! за ноги, за руки... нахлобучивайте ему шляпу!..» Васъ начинаютъ мять, тормошить, тискать; вы отбиваетесь изо всѣхъ силъ, наконецъ сердитесь. Весельчакъ также горячится; онъ оретъ во все горло, стучитъ по столу, называетъ васъ рохлей, фетю-

комъ, лежебокомъ, устрицей, и тогда только успокоивается, когда видитъ, что дѣло не шутя можетъ принять серьёзный характеръ.

Впрочемъ, когда блаженный достигаетъ такой смѣлости, онъ переходитъ уже въ другой разрядъ; его называютъ тогда «веселымъ наглецомъ, малымъ съ надежной внутренней опорой или малымъ безъ застѣнчивости». Ноздревъ былъ именно такимъ малымъ; всякому извѣстно, что Ноздревъ былъ господинъ также веселаго нрава.

Узнавъ васъ на улицѣ, все равно, гдѣ бы то ни было, весельчакъ-наглецъ считаетъ самою обыкновенною вещью подобраться къ вамъ сзади, зажмурить вамъ глаза обѣими ладонями и потребовать, чтобы вы непремѣнно догадались, кто стоитъ за вашей спиною. Все ради той же шутки, онъ нахлобучиваетъ вамъ шляпу на глаза, ни съ того, ни съ сего хлопаетъ васъ по животу, ставитъ вамъ подножки, отдергиваетъ стулъ, на который вы готовитесь сѣсть, и т. д. Самые невинные изъ нихъ тѣ, которые говорятъ вамъ «ты» послѣ перваго знакомства и величаютъ васъ «генераломъ, полковникомъ и капитаномъ», когда вы не думали даже служить въ военной службѣ.

Вы воспитывались въ публичномъ заведеніи; у васъ было тогда множество товарищей; но этому прошло безъ малаго двадцать лѣтъ, и вы перезабыли большую часть изъ нихъ. Неожиданно, подъ самымъ вашимъ носомъ, раздается дребезжащій хохотъ, тяжелая ладонь шлепаетъ васъ по спинѣ, и совсѣмъ незнакомый человѣкъ вскрикиваетъ: «Ахъ ты, чортъ тебя возьми! совсѣмъ было не узналъ!.. Ха! ха! ха!.. Экъ какимъ чортомъ разнесло его!»—«Милостивый государь...» бормочете вы въ недоумѣніи.—«Какъ, развѣ ты не знаешь меня?.. Неужто? Врешь!.. Я Желваковъ-то! Желваковъ! Петя Желваковъ. Ха, ха, ха!.. Неужто не помнишь?..» Вы вспоминаете, что дѣйствительно былъ съ вами въ школѣ какой-то Желваковъ, но и тогда еще, помнится, не существовало между вами особенной дружбы. Вы тонко стараетесь внушить ему эту мысль; но Желваковъ ничего не слушаетъ; онъ бьетъ васъ по плечу, вертитъ во всѣ стороны, осыпаетъ

глупѣйшими вопросами, припоминаетъ учителей, сторожа, носъ начальника,—словомъ, такія вещи, которыя тогда еще наводили на васъ нестерпимую скуку.

Къ той же категоріи причисляются всѣ роды «фарсеровъ», людей, которые внезапно останавливаютъ васъ и говорятъ:

— Что съ тобою?

— Ничего...

— Быть не можетъ!..

— А что?..

— Помилуй, ты блѣденъ, какъ полотно!.. Ты самъ на себя не похожъ!

Вами овладѣваетъ безпокойство; но фарсеръ сохраняетъ всю свою серьезность и продолжаетъ увѣрять, что вы больны, что лицо ваше обращаетъ на себя всеобщее вниманіе... Онъ доволенъ тогда только, когда лицо ваше дѣйствительно блѣднѣетъ отъ смущенія и внутренней тревоги. Фарсеръ умышленно толкаетъ васъ на улицѣ, и говоритъ, прикидываясь раздраженнымъ:

— Милостивый государь, нельзя ли быть осторожнѣе! Что это какъ вы толкаетесь!..

Или подходитъ къ вамъ съ озабоченнымъ видомъ:— Вы не знаете новость?.. очень печальная новость...

— Что такое?

— Вы, кажется, хорошо знакомы съ Б***?

— Да... А что, развѣ что случилось?

— Да: жена умираетъ...

Вы бѣжите къ Б***, спрашиваете; на васъ смотрятъ, какъ на помѣшаннаго, и не понимаютъ, что вы хотите сказать. Жена Б*** не думаетъ даже быть больною. И т. д.

Къ разряду наглецовъ принадлежатъ также лица, которыя, не бывъ съ вами знакомы, стараются заговаривать на гуляньяхъ, въ театрѣ, въ публичной каретѣ. Типъ фразы, съ какой обыкновенно подступаютъ они, слѣдующій:

— Извините, милостивый государь, но, кажется, я уже имѣлъ удовольствіе гдѣ-то васъ видѣть?..

Затѣмъ, безостановочно слѣдуютъ самые безцеремон-

ные разспросы о вашей службѣ, лѣтахъ, состояніи и проч. Вы ѣдете въ вагонѣ желѣзной дороги; сосѣдъ спрашиваетъ у васъ огня; вы извиняетесь, говорите, что не взяли съ собою спичекъ. При этомъ, въ сторонѣ раздается хриплый смѣхъ, высовывается лицо съ нагло-мигающими глазами, и самодовольный голосъ произноситъ: «Какъ же вы такой молодой человѣкъ, и у васъ нѣтъ огня!..» Смѣло бейтесь объ закладъ, что это наглецъ перваго разбора!

Несправедливо было бы, однакожъ, называть такимъ именемъ всѣхъ незнакомыхъ лицъ, которыя пристаютъ и заговариваютъ. Возьмите въ соображеніе, что душа невольно иногда настроивается къ сообщительности; въ такомъ расположеніи самое робкое, скромное существо не утерпитъ, чтобы не взглянуть искоса на сосѣда и не сказать ему: «Ужасъ какъ холодно... какой рѣзкій вѣтеръ!..

Такой господинъ можетъ оказаться иногда очень пріятнымъ собесѣдникомъ.

Совсѣмъ иное дѣло лица, у которыхъ сообщительность является главною, постоянною потребностью, которыми, при видѣ незнакомаго человѣка, тотчасъ же овладѣваетъ безпокойство и мучительное, неодолимое желаніе вступить въ объясненіе, войдти въ дружбу и раскрыть свои мысли и чувства. Сообщительность, достигающая степени зуда и чесотки, принимаетъ обыкновенно самую мягкую, нѣжную, любезную форму; особы, одержимыя этимъ зудомъ, становятся тѣмъ скучнѣе и несноснѣе, чѣмъ больше высказываютъ любезности въ обращеніи съ вами. Въ семействѣ скучныхъ людей они извѣстны подъ именемъ «любезниковъ».

Хуже всего то въ любезникѣ, что вы рѣшительно противъ него обезоружены. Вы терпите въ его обществѣ невыносимую пытку, чувствуете, что ставитъ онъ васъ поминутно въ глупое, фальшивое положеніе и, при всемъ томъ, никакъ не можете отвязаться! Есть ли возможность грубо обойдтись съ человѣкомъ, который такъ привѣтливъ, внимателенъ, предупредителенъ и любезенъ?..

Начинается съ того обыкновенно, что куда бы вы ни обернулись, вы видите передъ собою пару глазъ, которые

всюду слѣдятъ за вами и мягко, нѣжно на васъ устремляются; потомъ, глаза на мгновеніе переходятъ къ вашему сосѣду, и господинъ (обладатель глазъ) проситъ съ утонченнѣйшею деликатностью вашего сосѣда уступить ему свое мѣсто. Вы хотите поправить подушку, поднять раму—незнакомецъ предупреждаетъ малѣйшее ваше желаніе; послѣ того, онъ начинаетъ ласково мигать, вертится на мѣстѣ, и вдругъ съ неописанною нѣжностью во взорѣ, къ вамъ обращается:

— Извините меня, милостивый государь, говоритъ онъ, тая отъ умиленія:—но вы, кажется, знакомы съ Л*?..

— Да, знакомъ...

— Какіе это милые люди... особенно она... не правда ли?.. впрочемъ, и онъ также!.. Очень, очень милые люди! (Незнакомецъ при этомъ весь какъ-то изгибается). И давно вы съ ними знакомы?

— Да...

— Я также... удивительно, какъ мы съ вами досихъ поръ тамъ не встрѣтились!.. Мы часто, очень, очень часто говоримъ объ васъ... мнѣ всегда хотѣлось съ вами встрѣтиться... я давно искалъ случая... давно! давно! (Тутъ голосъ незнакомца умягчается и услащается до степени меда). Я такъ много уже слышалъ о васъ... Позвольте мнѣ имѣть честь вамъ представиться...

Незнакомецъ окончательно расплывается отъ восхищенія; онъ жадно, хотя нѣжно, схватываетъ вашу руку и приступаетъ къ выгрузкѣ своихъ чувствъ и мыслей.

Другой варіантъ. Послѣ предварительнаго приступа, описаннаго выше, любезникъ начинаетъ такимъ образомъ:

— Превосходнѣйшее время!.. Очень, очень хорошее время!.. Какъ пріятно ѣхать въ такую погоду... Намъ, кажется, по дорогѣ?..

— Я на Крестовскій...

— А я въ Новую Деревню... Такъ, вѣрно, на дачу?

— Да.

— Я также... Нельзя, знаете: въ городѣ душно, пыльно... къ тому же, семейство!.. больше, знаете, для дѣтей... вы также, вѣрно, женаты?

— Нѣтъ.

— А я такъ вотъ скоро ужъ десять лѣтъ женатъ; имѣю даже трехъ малютокъ: сынъ и двѣ дочери... Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь?..

Вы называете фамилію, которая вовсе неизвѣстна; но любезнику она какъ будто знакома; онъ зналъ того-то, зналъ такую-то, носившихъ такое-то имя. Онъ выказываетъ душевное сожалѣніе, что судьба, такъ сказать, лишаетъ его счастія продолжать путь съ такимъ милымъ, любезнымъ, пріятнымъ сосѣдомъ; но онъ надѣется... надѣется, что гм! гм!.. и проситъ убѣдительно о продолженіи знакомства.

И точно: послѣ этой поѣздки, между нимъ и вами заключается какая-то неразрывная связь; гдѣ бы вы ни встрѣтились,—онъ посылаетъ вамъ привѣтливый поклонъ, освѣдомляется о вашемъ здоровьи; и это продолжается цѣлые годы, иногда всю вашу жизнь,—развѣ вы перестанете кланяться; но на это вы не рѣшитесь, потому что, за что же, наконецъ, отвѣчать грубостью на его учтивость и любезность?

Вотъ уже скоро десять лѣтъ, какъ одинъ изъ нашихъ литераторовъ раскланивается и жметъ руку господину, котораго не знаетъ фамиліи, не знаетъ даже, кто онъ и откуда. Ѣхалъ онъ разъ въ омнибусѣ на дачу; на колѣняхъ его лежалъ свертокъ бумагъ... Рядомъ съ нимъ помѣщается господинъ, который попадался ему раза два на улицѣ, но о которомъ не имѣлъ онъ ни малѣйшаго понятія. Едва тронулся омнибусъ, незнакомецъ умильно прищурилъ глаза, ласково провелъ ладонью по свертку, находившемуся на колѣняхъ литератора,—и произнесъ вопросительно-заискивающимъ голосомъ:—«литературное что-нибудь?..» Литераторъ сказалъ, что это чистая бумага,—думалъ отдѣлаться; но незнакомецъ этимъ не удовольствовался; онъ наговорилъ литератору тысячу самыхъ незаслуженныхъ комплиментовъ, распространился во всеуслышаніе о трудахъ его, и съ тѣхъ поръ всюду его преслѣдуетъ; освѣдомляется о томъ, что онъ пишетъ и скоро ли думаетъ «подарить» читателей (страстныхъ поклонниковъ его таланта!) новымъ произведеніемъ... Это собственныя слова незнакомца.

Скучные любезники особенно часто встрѣчаются между дилетантами и любителями художествъ. На сто изъ нихъ врядъ ли найдутся трое, которые въ самомъ дѣлѣ любятъ искусство безкорыстно; остальные любятъ только вертѣться въ тѣни, бросаемой жрецами искуства. Едва выступитъ какое-нибудь имя — они летятъ къ нему, какъ ночныя бабочки къ огню. Артисты, большею частью народъ капризный и взыскательный; чтобы держаться въ ихъ обществѣ, надо по крайней мѣрѣ быть любезнымъ; и вотъ, носясь за художникомъ, какъ мелкорыбица за акулой, дилетантъ вертитъ хвостикомъ во всѣ стороны, устилаетъ его путь блѣдными цвѣтами жиденькаго своего краснорѣчія, воскуриваетъ ѳиміамъ, расточаетъ похвалы, превозноситъ до небесъ каждое его слово, изумляется и приходитъ въ восхищеніе отъ каждой мысли.

Нѣкоторые артисты не находятъ такихъ людей скучными (я уже говорилъ вамъ, что скучный человѣкъ — существо относительное); другіе избѣгаютъ любезника, какъ заразу.

Коснувшись дилетантовъ-любезниковъ, несправедливо, даже неделикатно было бы оставить безъ вниманія особъ прекраснаго пола. Дамы такъ любезны! По желанію своему, дамы не могутъ преслѣдовать артистовъ съ тою настойчивостью, какъ мужчины (бываютъ случаи, но это исключеніе). Вообще говоря, дамскій полъ чувствуетъ сильное инстинктивное влеченіе къ художеству вообще и знаменитостямъ всякаго рода въ особенности. (Боже мой! одинъ Маріо сколько выслушалъ любезностей! до сихъ поръ, я думаю, онъ очнуться еще не можетъ). Но здѣсь собственно идетъ рѣчь о домахъ, которыхъ не столько увлекаетъ любовь къ художеству, не столько плѣняетъ личность самого артиста, сколько томитъ желаніе посидѣть tête-à-tête съ знаменитостью и побесѣдовать съ умнымъ человѣкомъ.

Васъ неоднократно звали въ домъ; хозяйка дома, черезъ своихъ друзей и знакомыхъ, давно изъявляла желаніе видѣть васъ съ своей гостиной. Вы являетесь. Хозяйка дома по большей части дама среднихъ лѣтъ. Она предлагаетъ вамъ стулъ послѣ себя; вы садитесь. Послѣ

обычныхъ общеупотребительныхъ фразъ, начинается разговоръ объ искусствѣ; вы артистъ—нельзя же иначе!

— Вы, вѣроятно, больше всего любите литературу... не правда ли?.. говоритъ дама, обворожительно улыбаясь и слегка прищуривая глазки.

— Да, сударыня, литература—мой предметъ..

— Да, литература! да! это такое благородное искусство! C'est si agréable! ça élève l'âme!.. Пушкинъ, Беранже... Ломоносовъ... не правда ли?.. А впрочемъ, знаете, музыка... вѣдь это также? c'est si beau... ça élève l'âme... Доницетти... Бетховенъ... Варламовъ... У меня племянникъ, который... Да, музыка... Вы, конечно, любите музыку?...

— Очень!

— Не правда ли?.. Ну... ну, а живопись? c'est si agréable, la peinture! n'est ce pas? Рафаэль... Айвазовскій... c'est si beau!..

— О, конечно!

— Да, не правда ли?.. Но вѣдь и скульптура также... Это искусство, которое... n'est ce pas?.. Микель-Анжело... Пименовъ...

И такъ далѣе.

Перейдемъ теперь къ «восторженнымъ».

Вы спрашиваете: «Кто эта дама?» — «Очень милая женщина», отвѣчаютъ вамъ: — «но только ужасно какъ exaltée,—черезчуръ ужъ восторженна!» Часто вотъ это что значитъ: у дамы огня или восторженности на пятнадцать копѣекъ; но она хочетъ убѣдить васъ, что у нея того и другого на сто рублей. Такая дама неоспоримо принадлежитъ къ категоріи скучныхъ. Вы говорите самую обыкновенную вещь, говорите, напримѣръ, что угнетеніе возмутительно: дама дѣлаетъ прыжокъ, судорожно схватываетъ вашу руку и восклицаетъ: «благодарю васъ! о, благодарю!.. Я въ васъ не ошиблась!.. я знала, что вы благородно думаете! всегда знала!.. увѣрена была въ этомъ!.. Да, угнетеніе,—это ужасно! это возмутительно, чудовищно! омерзительно!..» Затѣмъ слѣдуетъ новый прыжокъ и новое пожатіе руки.

Иногда, впрочемъ, искренняя, неподдѣльная востор-

женность такъ же скучна и утомительна, какъ и искуственная. Говорите вы о «Королѣ Лирѣ»—дама или барышня мечется, какъ пиѳія на треножникѣ; читаете имъ стишки Мерзлякова: «ахъ, какъ мило! Charmant! Прелесть!..» Показываете картину знаменитаго мастера: «превосходно! обворожительно! удивительно!» Развертываете литографію съ изображеніемъ собачки: «мило! délicieux! прелесть!» Впрочемъ, съ дамами и барышнями—особенно хорошенькими,—рѣдко бываетъ скучно; приходя въ восторгъ (искуственно или естественно), онѣ оживляются и кажутся тогда еще милѣе; вы любуетесь ими, и это служитъ вамъ развлеченіемъ отъ скуки.

Но скажите намилость, что дѣлать съ какимъ-нибудь толстымъ господиномъ или чахоточнымъ юношей, который тормошитъ васъ, дергаетъ и вертитъ во всѣ стороны, стараясь обратить вниманіе ваше на закатъ солнца или блескъ мѣсяца въ водѣ? Куда дѣваться отъ тѣхъ господъ, которые, въ клубѣ, въ театрѣ, на гуляньяхъ, кидаются вамъ на шею, осыпаютъ васъ звонкими поцѣлуями и съ какою-то напыщенною торжественностью благодарятъ судьбу, доставившую имъ счастіе встрѣтиться съ вами.

Въ отношеніи къ восторженному, можно всегда руководствоваться такимъ соображеніемъ: чѣмъ больше выказываетъ онъ расположенія къ эффекту, тѣмъ меньше въ немъ искренности и, слѣдовательно, тѣмъ больше шансовъ для скуки въ его обществѣ. Восторженный всегда подверженъ крайностямъ; у него никогда нѣтъ ни въ чемъ середины: или все превосходно, изумительно, невѣроятно, непостижимо, божественно, очаровательно,—или все скверно, омерзительно и чудовищно гадко! Положиться въ чемъ-нибудь на восторженнаго или вѣрить ему—нѣтъ возможности. Онъ подружился съ вами—вы дѣлаетесь образцомъ человѣка; завтра вы ему не понравились,—вы превратились мгновенно въ послѣдняго изъ смертныхъ! Благословенны стократъ люди, восторженность которыхъ умѣряется врожденною робостью. Тутъ, по крайней мѣрѣ, дѣло ограничивается тѣмъ, что на васъ пучатъ сверкающіе зрачки и тайкомъ, украдкою, жмутъ

вамъ руку, какъ-бы желая сказать: «я васъ понялъ, понялъ!.. и вполнѣ оцѣняю!..»

Самые опасные изъ нихъ опять-таки любители искусствъ. Боже избави встрѣтиться съ такимъ человѣкомъ въ концертѣ, передъ изящнымъ зданіемъ или въ картинной галлереѣ! Подхвативъ васъ за руку, мечется онъ отъ картины къ статуѣ, отъ статуи къ какой-нибудь вазѣ, все щупаетъ, ко всему прикасается, перебѣгаетъ изъ залы въ другую, и наконецъ, утомивъ до-нельзя и васъ, и себя, накричавшись, намахавшись руками и обративъ на себя всеобщее вниманіе, падаетъ онъ въ кресло. Вы думаете, что все кончено: ничуть не бывало; наблюдая вашего собесѣдника, вы невольно начнете себя спрашивать: зачѣмъ, напримѣръ, упавъ въ кресло выбралъ онъ именно такое мѣсто, которое больше всего на виду? Почему, когда убѣждаете вы его уйдти, говоря, что надо, наконецъ, дать отдохнуть нервамъ, почему оттолкнетъ онъ васъ рукою и разслабленно-трогательнымъ голосомъ повторяетъ: Нѣтъ, нѣтъ... не уводите меня!.. дайте мнѣ, дайте насмотрѣться на эту мадонну!.. О, Рафаэль! О, дивный урбинскій юноша!.. О, божественный Санціо!—сынъ добродѣтельнаго старца Санти и ученикъ Пьетро-Вануччи,—иначе: вдохновеннаго Перуджино!..» Зачѣмъ всѣ эти фразы, и зачѣмъ, когда произноситъ онъ ихъ, глаза его перебѣгаютъ отъ мадонны къ толпѣ, отъ толпы къ мадоннѣ, и вся фигура его силится принять что-то меланхолическое, взволнованное и глубоко потрясенное?.. Не скучно ли все это?..

Но скучные люди изъ категоріи весельчаковъ, всѣ рѣшительно, должны блѣднѣть и меркнуть передъ «болтунами». Болтуны стоятъ на первомъ планѣ, и никто никогда не собьетъ ихъ съ почетнаго мѣста. Постараемся уловить главные оттѣнки этого семейства,—столько же многочисленнаго, сколько разнообразнаго.

«Просто болтуны»—люди, болтливость которыхъ, ограничиваясь однимъ предметомъ, одною темою, разматывается постепенно, какъ клубокъ нитокъ; эти не такъ еще скучны; но вотъ другой разрядъ: это такъ называемыя «стрекозы». Болтливость послѣднихъ не оста-

навливается на одной мысли, но идетъ прыжками, скачетъ, какъ стрекоза, или разсыпается какъ быстрая игра на разстроенномъ фортепьяно. Примѣръ: «были вы вчера въ театрѣ? видѣли Фанни Эльслеръ?.. Отлично! не правда ли? а?.. Удивительно! Но надо, однакожъ, быть справедливымъ: хорошо, конечно; удивительно хорошо,—но все не то, что Тальони!.. Нѣтъ!.. Тальони—геній, геній перваго разбора! Одна есть, была и будетъ! Помните ли, какъ она тогда бѣсновалась? Помните ли, что было за время? Впрочемъ, и то надо сказать: были мы тогда молоды! адски молоды!.. О, молодость! «О, моя юность! о, моя свѣжесть!» какъ говоритъ Гоголь!.. Кстати: сейчасъ заходилъ къ Базунову; видѣлъ послѣднее изданіе Гоголя: на скажу, чтобы понравилось; вообще, что касается до изданій, у насъ пока еще... Вотъ и Г. говоритъ то же; я съ нимъ вчера встрѣтился... Каковъ, однакожъ—ужъ полковникъ! а?.. Счастливо служитъ! необыкновенно счастливо! Братъ его, Пьеръ, служившій по штатской службѣ, до сихъ поръ только коллежскій ассессоръ!.. Впрочемъ, самъ виноватъ! Предлагали ему тогда отправиться съ миссіонерами—отказался! Къ чему? Зачѣмъ? Онъ много проигралъ черезъ это... очень много!.. И, наконецъ, Китай уже самъ по себѣ чрезвычайно интересенъ... Теперь эта война и потомъ этотъ вопросъ о чайной свободной торговлѣ... Слышали вы что-нибудь объ этомъ вопросѣ? Любопытно знать, чѣмъ все это кончится... Но мы вспоминали молодость, Тальони! Гдѣ-то теперь Тальони? Говорятъ купила дворецъ въ Венеціи... Счастливая! О, Италія! Италія!.. Вы не думаете ѣхать? Всѣ ѣдутъ! и мнѣ хочется; не знаю, что̀ удерживаетъ, рѣшительно не знаю! Думаю, всему виною та неподвижность, которой всѣ мы, русскіе, такъ подвержены... Тяжело какъ-то разставаться съ своими привычками, мѣстами, гдѣ родился и выросъ... Когда я жилъ въ деревнѣ... у меня деревня въ Тамбовской губерніи, — тогда, повѣрите ли...» и т. д.

Пріемы болтуновъ такъ же разнообразны, какъ они сами. У каждаго болтуна своя метода, свой способъ приступать къ дѣлу. Самая обманчивая метода у «болтуновъ

съ церемоніями». Такой болтунъ, ворвавшись къ вамъ въ кабинетъ смѣло и рѣшительно, скорчиваетъ вдругъ испуганную физіономію, становится на цыпочки и бросается назадъ къ двери, со словами:

— Ахъ, Боже мой! я помѣшалъ вамъ!.. Никогда не прощу себѣ этого!. Впрочемъ, я на секунду... на одну секунду... вы заняты?..

— Да, немножко...

— Ну, такъ и есть, я это зналъ... я только мимоходомъ... я вамъ не помѣшаю...

До сихъ поръ ничего; есть еще надежда освободиться отъ посѣтителя; но этимъ обыкновенно не кончается; вошедшій господинъ проситъ позволенія выкурить папироску—«одну, единственную папироску». Вы позволяете,— и съ той минуты вы пропали! Изъявивъ согласіе на куренье папиросы, вы задѣли слабую пружину, державшую языкъ болтуна на привязи; клапанъ раскрылся, колесо завертѣлось, и остановится тогда только, когда истребится весь запасъ вращающей силы.

«Безцеремонный болтунъ» гораздо лучше. Онъ подлетаетъ на всѣхъ парусахъ, неожиданно поворачивается бортомъ и разомъ выстрѣливаетъ всѣми своими орудіями. Лучше даже такъ называемые «перебойщики и торопыги», которые не даютъ произнести слова, перебиваютъ вашу фразу и предупреждаютъ мысль. Вы говорите:

— Я былъ вчера...

— Въ балетѣ?..

— Нѣтъ...

— Въ оперѣ?

— Нѣтъ... въ Александринскомъ театрѣ, давали...

— «Горе отъ ума?..»

— Да; не скажу, чтобы я остался доволенъ...

— Гриневой?

— Нѣтъ...

— Каратыгинымъ?

— Нѣтъ; общимъ расположеніемъ ролей...

Или:

— Я слышалъ, будто Кукольникъ...

— Написалъ новую драму?

— Нѣтъ...

— Ѣдетъ въ Землю Донскихъ казаковъ?

— Вовсе нѣтъ...

— Перемѣнилъ квартиру?

— Да...

— Я только-что хотѣлъ сказать объ этомъ!

Рядомъ съ перебойщиками поставимъ тѣхъ, которые спѣшатъ выразить сомнѣніе въ томъ, о чемъ вы вовсе даже и не думали.

— Знаете ли, что Бабакинъ...

— О, это неправда!

— Какъ неправда?

— Да, неправда; я знаю это изъ вѣрныхъ источниковъ...

— Что жъ вы знаете?

— Что онъ ѣдетъ за границу!

— Я вовсе не о томъ: Бабакинъ сломалъ себѣ ногу...

— Ба! это для меня новость!

Примкнемъ тутъ же «попугаевъ,» начинающихъ болтовню свою повтореніемъ того, что вы уже сказали:

— Хорошій обѣдъ отличная вещь, когда не дорого стòитъ.

— Да, да, конечно, когда не дорого стòитъ!

— Въ Петербургѣ перемѣнчивая погода...

— О, да! еще бы! ужасно перемѣнчивая погода; этимъ Петербургъ отличается; иначе, впрочемъ... и т. д.

Можете проговорить самый длинный періодъ, можете высказать и уяснить вашу мысль, «попугай» не преминетъ повторить вашъ періодъ, не преминетъ обойдти кругомъ вашу мысль прежде, чѣмъ приступитъ къ изложенію собственной.

Трудно встрѣтить также что-нибудь убійственнѣе болтуна, одареннаго большою памятью, читающаго сплошь и рядомъ все, что является въ печати, и помнящаго все то, что говорили ему отъ колыбели до вчерашняго дня включительно. Онъ можетъ найти себѣ достойнаго товарища только между болтунами съ «загвоздкою,» то-есть тѣми, которыхъ поражаетъ одинъ какой-нибудь случай, мысль, личность, новость или происшествіе. Мозгъ послѣднихъ долженъ представлять подобіе греческой губки,

которая всосетъ вдругъ то, къ чему прикоснется, не оставляя уже мѣста ни для чего другого. Благодаря такимъ лицамъ, сколько прекрасныхъ мотивовъ сдѣлались скучными, сколько стиховъ пріѣлось, замѣчательныхъ случаевъ потеряли интересъ.

Болтунъ съ загвоздкой ничѣмъ особенно не интересуется; его поражаетъ въ одинаковой степени новое лицо, открытіе, глупый анекдотъ, важное политическое событіе, забавное происшествіе, несчастный случай. Какъ дурень съ писаной торбой, носился онъ повсюду, въ свое время, съ газомъ, пароходствомъ, электрическимъ освѣщеніемъ, кометой и проч. Пріѣзжаетъ наконецъ, Рашель въ Петербургъ — онъ все забылъ, чему такъ сильно наканунѣ еще поклонялся; Рашель поглотила его всего; онъ ни о чемъ больше не болтаетъ и не помышляетъ. Гдѣ бы вы его ни встрѣтили, онъ всюду разсказываетъ анекдоты о знаменитой актрисѣ, описываетъ ея парижскій отель, сообщаетъ вамъ имена ея поклонниковъ, декламируетъ стихи Расина и болтаетъ о Феликсѣ и о брилліантахъ сестры его. Послѣ представленія «Поліевкта,» онъ бѣгаетъ нѣсколько дней сряду съ распростертыми руками, глазами, глупо воздѣтыми къ потолку, и повторяетъ ни къ селу, ни къ городу: «Je crois! je crois!» Говорите такому человѣку объ ужасахъ войны: «да, это ужасно! возражаетъ онъ: — все остановилось; даже самые театры теперь закрыты!» Касаетесь ли вопроса о крестьянахъ: «Да, Г. такъ же думалъ, какъ и вы; что же вышло изъ этого? онъ совсѣмъ раззорился; теперь не на что даже взять билетъ въ театръ...»

Существуютъ еще болтуны «безмозглые» или «съ осѣчкою;» это тѣ, которые суются говорить о чемъ угодно, но никогда не досказываютъ своей мысли, даже фразы: — «Позвольте, позвольте... оно, конечно... но... Позвольте: я не могу объяснить вамъ теперь въ чемъ дѣло, не могу... но первый разъ, какъ мы встрѣтимся съ N*, я непремѣнно заведу рѣчь объ этомъ предметѣ, — и вы увидите, увидите!..» Или: «О, нѣтъ, это совсѣмъ не то; позвольте вамъ сказать: совсѣмъ не то; вы несправедливы, потому что... Ахъ, Боже мой, что же я хотѣлъ сказать? Позвольте... сейчасъ... Да!.. Нѣтъ, впрочемъ не то... фу чортъ

возьми, какъ это непріятно!.. Вотъ, вотъ!.. Нѣтъ опять не то... что же такое сдѣлалось со мной?..» Или: «Послушайте! начинаетъ онъ съ горячимъ убѣжденіемъ: — послушайте: нашъ вѣкъ имѣетъ то преимущество передъ другими, что... гм! гм!.. что при существующемъ развитіи умовъ... гм!.. гм!.. (легкая осѣчка) можно надѣяться... слѣдуетъ даже непремѣнно надѣяться... (жаръ убѣжденія замѣтно охлаждается) что... если взять въ соображеніе... гм! гм!.. если взять въ примѣръ...» (молчаніе). Пружина, вращавшая колесо, лопнула, и колесо остановилось.

Пора впрочемъ и намъ остановиться.

III.

УНЫЛЫЕ.

Унылый человѣкъ уже симъ по себѣ не можетъ быть веселымъ. Онъ можетъ представлять соединеніе всѣхъ возможныхъ добродѣтелей, можетъ быть очень умнымъ, ученымъ и образованнымъ, но даже и въ такомъ случаѣ ему ли сидѣть дома, одному, или въ своемъ семействѣ или въ тѣсномъ кругу знакомыхъ? Стоитъ только человѣку съ уныніемъ пуститься въ свѣтъ, зажить общественною жизнью—онъ, несмотря на весь свой умъ и добродѣтели, легко превращается въ «скучнаго».

Унылые люди бываютъ «здоровые и больные». Первые меньше скучны. Они, по большей части, занимаютъ въ обществѣ роль пассивную: придутъ, сядутъ, молчатъ, пыжутся, вперяютъ на все и на всѣхъ грустный взглядъ и вздыхаютъ болѣе или менѣе выразительно. Вторые рѣшительно невыносимы.

Встрѣчаясь съ человѣкомъ постороннимъ, какое вамъ дѣло, скажите намилость, что у него болитъ печень, разстроены нервы, колетъ подъ ложечкой, или худо варитъ желудокъ? Въ правѣ ли онъ изливать на васъ свою жолчь, надоѣдать вамъ разсказами о своихъ недугахъ или выказывать передъ вами раздражительность? Часто, въ оправданіе такого человѣка, вамъ скажутъ: «Онъ мизан-

тропъ, меланхоликъ или желчный»... Но опять-таки, позвольте васъ спросить, какое мнѣ дѣло до всего этого? Сиди онъ дома, когда такъ, дома сиди или ступай въ больницу...

Нѣтъ возможности сортировать «унылыхъ» сообразно съ состояніемъ ихъ здоровья или по степенямъ и характерамъ ихъ болѣзней; мы никогда бы не кончили. Будемъ брать цѣлыми классами и ограничимся общими чертами. Для начала возьмемъ хоть «самолюбивыхъ и раздражительныхъ».

Изъ перваго отдѣла выставимъ впередъ любой субъектъ. Вы видите: онъ молодъ, холостъ, свѣжъ, имѣетъ состояніе и даже не дуренъ собою; чего еще надо? «Онъ долженъ быть совершенно счастливъ!» говорите вы. Ничуть не бывало; вамъ только такъ кажется. Вступите съ нимъ въ разговоръ. Вы убѣдитесь, что это существо истинно достойное состраданія: весь онъ, съ головы до ногъ, представляетъ одну сплошную рану самолюбія: самолюбіе проникло даже въ мозгъ костей его и изъѣло самыя кости; съ какой стороны ни прикоснитесь, его корчитъ, ему больно и онъ страдаетъ.

Вы не прочли послѣдняго его фельетона, послѣдней статейки или библіографическаго замѣчанія — онъ страдаетъ; прочли, но не говорите о нихъ — страдаетъ; хвалите— онъ устремляетъ на васъ подозрительно испытующій взглядъ, видитъ косвенный намекъ, иронію въ самомъ искреннемъ сужденіи—и снова страдаетъ. Вы печатаете о немъ статью, сравниваете его съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Кольцовымъ,—онъ сухо благодаритъ васъ. «Что съ нимъ?» думаете вы. Въ спискѣ великихъ именъ, съ которыми сравнивали вы его, забыли вы Грибоѣдова; онъ недоволенъ такимъ пропускомъ — и страдаетъ. Имя его помѣщается въ началѣ объявленія, это кажется ему слишкомъ замѣтнымъ, — страдаетъ. Помѣщается имя его въ серединѣ, не довольно замѣтно,—страдаетъ. Помѣстите имя его неумышленно въ концѣ: явный знакъ пренебреженія къ личности и неуваженія къ таланту, — страдаетъ! Статуэтки его собратій рисуются на окнахъ магазиновъ; его статуэтки не имѣется,—Боже, какъ стра-

даетъ! Но въ этихъ корчахъ раздраженнаго самолюбія есть еще смыслъ по крайней мѣрѣ; человѣкъ этотъ хоть что-нибудь да сдѣлалъ; можетъ казаться ему, слѣдовательно, что трудъ его не оцѣненъ по достоинству, что на него мало обращено вниманія, и онъ страдаетъ, основывая все-таки на чемъ-нибудь свои страданія.

Но какъ назвать людей, которые ровно ничего не сдѣлали,—не написали даже фельетона, и между тѣмъ представляютъ точно также одну сплошную рану самолюбія? Вы говорите о вашемъ сапожникѣ, имъ кажется, что вы на нихъ намекаете; ничего не говорите, не думаете даже о нихъ—страдаютъ. Оказываете имъ важную услугу: прекрасно; они принимаютъ ее съ благодарностью; но мысль, что они одолжены именно вами, не даетъ имъ покоя,—и снова ихъ коробитъ. Вы женитесь, дѣлаетесь отцомъ семейства, получаете наслѣдство, добиваетесь мѣста, лишаетесь жены, награждены чиномъ,—все это задѣваетъ ихъ за живое, и они страдаютъ; короче сказать, не знаешь, съ какой стороны приступиться!

Но это еще ничего; встрѣчаются особы, которыя распространяютъ свое самолюбіе не только на то, когда дѣло идетъ о ихъ кожѣ или личности, но рѣшительно на все, что хотя сколько-нибудь къ нимъ приближается, что входитъ въ кругъ ихъ жизни, быта и понятій.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ долженъ сказать, что въ этой категоріи «скучныхъ людей по преимуществу» не послѣднюю роль занимаютъ особы прекраснаго пола—матери семействъ, владѣлицы дачъ, собственныхъ домовъ, деревень, — словомъ имѣющія какую-нибудь собственность, — хоть бы даже собственность заключалась въ моськѣ. Положимъ, вы встрѣтились съ одною изъ такихъ дамъ. О чемъ ни заговорите, ей непремѣнно кажется, что вы подпускаете «шпильку». Домъ ея сыръ и холоденъ,—вы говорите о теплѣ,—даже ничего не говорите, только потираете руками,—шпилька! Дама—москвичка; вы говорите съ увлеченіемъ о Петербургѣ, — шпилька, и въ добавокъ еще шпилька, подающая поводъ къ скучному и безполезному спору. Вы хвалите военную службу, — шпилька: сыновья дамы служатъ по штатской; хвалите

штатскую службу—дама раздражается: сыновей ея обошли чиномъ. У дамы куча родственниковъ; между ними находятся помѣщики, чиновники, великіе мужи и мелюзга, богатые и бѣдные, пьяницы и шулера; обдумывайте и взвѣшивайте каждое ваше слово, говоря вообще о помѣщичьемъ сословіи, о чиновникахъ, шулерахъ и проч. Дача дамы въ Сокольникахъ или на Крестовскомъ—говорите о Сокольникахъ и Крестовскомъ какъ о священныхъ рощахъ. Домъ дамы на Вшивой горкѣ—съ уваженіемъ относитесь объ этомъ переулкѣ; дама переѣхала на Никольскую — Никольская дѣлается тотчасъ же первою улицею столицы. — «Неужто, думаете вы, все, что приближается къ этой дамѣ, лучше того, что у другихъ? Неужто, въ самомъ дѣлѣ, башмачникъ, у котораго заказываетъ она башмаки себѣ и дѣтямъ, лучше другихъ башмачниковъ; горничная ея красивѣе и ловче другихъ; лошади сытѣе другихъ лошадей; дѣти умнѣе и воспитаннѣе другихъ дѣтей; староста ея честнѣе и проницательнѣе другихъ старостъ; виды ея деревни краше другихъ видовъ; родственники ея благороднѣе остальныхъ смертныхъ; обои ея гостиной привлекательнѣе другихъ обоевъ? И неужели даже вчерашній ея знакомый лучше моего знакомаго, котораго знаю я десять лѣтъ?»... Непремѣнно все это должно быть лучше! Еслибъ дама могла согласиться спокойно и безъ раздраженія, что то или другое хуже у нея, чѣмъ у васъ — она не была бы тогда скучною.

Переходъ отъ «самолюбиво-щекотливыхъ къ раздраженнымъ» такъ малъ, что почти незамѣтенъ. Симптомы у нихъ одни и тѣ же. Форма послѣднихъ нѣсколько развѣ грубѣе, и въ основаніи ихъ недуга скрывается можетъ-быть больше зависти и меньше терпимости, чѣмъ въ первыхъ.

При всемъ томъ, однакожъ, если взять самую самолюбимую личность, и противопоставить ей, напримѣръ, «раздраженнаго безъ воспитанія», разница между ними выйдетъ неизмѣримо огромная. Такому человѣку ровно ничего не стоитъ произнести съ особенною интонаціею: «Вы врете!» когда не нравится ему ваша мысль. Вы

скромно сознаетесь, что ощущеніе изящныхъ искусствъ вамъ больше по сердцу, чѣмъ греческій языкъ, и онъ круглый невѣжда въ дѣлѣ изящныхъ искусствъ, — онъ скажетъ необинуясь: «Вы чушь порете! такъ могутъ говорить одни неучи!» и проч., и проч. Вамъ нисколько не легче, когда вамъ скажутъ: «Не сердитесь на него, что «онъ такъ»... все это происходитъ, повѣрьте, отъ боли въ печени и ревматизма»... Снова повторяю: такимъ людямъ мѣсто не въ обществѣ, а въ больницѣ.

Существуютъ еще раздраженные въ такомъ родѣ: К* (вы это навѣрное знаете) весь не стоитъ десяти копѣекъ; между тѣмъ, пріятели или добрые люди хлопочутъ за него, отбиваютъ себѣ пятки въ пріемныхъ сильныхъ міра сего, и выхлопатываютъ ему мѣсто съ восемью стами рублей серебромъ жалованья. Не возмутительно ли видѣть, что К* продолжаетъ все-таки раздражаться; К* недоволенъ; страшно недоволенъ и мѣстомъ, и товарищами, которые за него хлопотали; онъ изливаетъ на все и на всѣхъ ядъ жолчи, мечетъ огнь и пламя, осуждаетъ свѣтъ въ коварствѣ, людей въ злобѣ и черной неблагодарности. Кромѣ названія скучнаго человѣка, не заслуживаетъ ли еще К* названія грубой скотины?

Избави васъ Богъ, почтенный читатель, имѣть въ числѣ вашихъ знакомыхъ или родственниковъ одного изъ этихъ «нетерпимыхъ». Положимъ, что такой найдется; подвергните его испытанію, чтобы убѣдиться, что нѣтъ на землѣ существа болѣе несноснаго и менѣе позволительнаго. Положимъ, предлагаемая статья пришлась ему не по вкусу; покажите ему только видъ, что вы ее читали: онъ разбранитъ автора, разбранитъ журналъ, достанется даже, ни за что, ни про что, всему русскому книгопечатанію; мало того, сами вы рискуете получить непріятность: онъ скажетъ, что одни ограниченные люди могутъ тратить время на чтеніе такого вздора, что вы человѣкъ безъ вкуса, безъ такта, безъ чутья, и проч. Если такой нетерпимый — вашъ мужъ (о, да спасетъ васъ небо отъ этого, моя милая читательница!),—онъ, чего добраго. вырветъ даже книгу изъ вашихъ рукъ и вышвырнетъ ее за окно. Хорошо еще, если этимъ кончится.

Между раздраженными, часто, впрочемъ, попадаются субъекты, которые, относительно говоря, почти безвредны; это, по большей части, люди очень робкіе, не смѣющіе выказывать своей раздражительности, но тѣмъ не менѣе наводящіе невыносимую скуку уже однимъ своимъ присутствіемъ и унылой физіономіей, которая, замѣтьте, всегда бываетъ желтою и всегда странно какъ-то передергивается.

Другіе позволяютъ себѣ раздражаться, но не противъ васъ, а только въ вашемъ присутствіи, противъ жены, дѣтей, и чрезъ то самое ставятъ васъ въ безвыходно-фальшивое положеніе; извѣстно, что въ такомъ положеніи человѣкъ испытываетъ всегда невыносимую скуку. Васъ позвали обѣдать. Подаютъ супъ; внезапно хозяинъ дома бросаетъ ложку.

— Это чортъ знаетъ что такое! восклицаетъ онъ, обращаясь къ женѣ:—ты, душа моя, ни за чѣмъ не смотришь... Этотъ поваръ мерзавецъ!.. я ему надаю пощечинъ!.. Это, наконецъ, твое дѣло смотрѣть...

— Но, другъ мой... возражаетъ сконфуженная хозяйка.

— Но, душа моя, вскрикиваетъ мужъ: — повторяю тебѣ, это чортъ знаетъ что такое! Если ты не намѣрена заниматься хозяйствомъ, такъ ты скажи лучше... Иначе... это...

И пошла перепалка, отъ которой у васъ каждый кусокъ коломъ становится въ горлѣ.

Являюсь я однажды въ одно семейство; тамъ только-что собирались ѣхать въ звѣринецъ; меня приглашаютъ ѣхать вмѣстѣ; мы отправились. При входѣ въ звѣринецъ, глава семейства беретъ на руки младшаго сына, съ тѣмъ, чтобы показать ему льва. Ребенокъ быстро отворачиваетъ голову и начинаетъ трястись всѣмъ тѣломъ.

— Вотъ левъ, самодовольно говоритъ отецъ:—что-жъ ты не смотришь?.. а?..

Ребенокъ продолжаетъ трястись и отворачиваетъ голову.

— Какъ! вскрикиваетъ отецъ:—нѣтъ, не будетъ этого!

Смотри на льва! Онъ сынъ военнаго, самъ будетъ военнымъ и не долженъ быть трусомъ! Смотри на льва!..

Ребенокъ заливается ревомъ. Мать присоединяетъ свои просьбы къ моимъ.

— Оставь меня! яростно возражаетъ мужъ:—я знаю, что дѣлаю! Смотри на льва! я тебѣ приказываю! смотри!

Тутъ отецъ выходитъ изъ себя, дергаетъ ребенка за руку, за ногу; ребенокъ бьется изо всей мочи, мать начинаетъ плакать, остальныя дѣти также; я поставленъ посреди всего этого въ глупѣйшее положеніе и терплю неизъяснимую скуку.

Къ категоріи раздраженныхъ слѣдуетъ также отнести людей съ крайностями. Всѣ «крайніе» люди большею частью страшно нетерпимы; отъ нетерпимости одинъ шагъ до раздражительности. Г* изучаетъ ассирійскія древности М* занимается преимущественно Кривичами и Радимичами. Превосходно; предположите теперь, что Г* и М* люди съ крайностями; кончено: съ ихъ точки зрѣнія, дуракъ и невѣжда тотъ, кто равнодушенъ къ любимымъ ихъ предметамъ; передъ ассирійскими древностями и Радимичами,—все дичь, чушь и выѣденнаго яйца не стоитъ!

Коснувшись ученаго сословія, мы незамѣтно перешли къ новому отдѣлу унылыхъ—«унылыхъ съ претензіею на ученость». Тутъ опять чуть ли не первое мѣсто принадлежитъ дамамъ и барышнямъ, изучающимъ греческій языкъ, политическую экономію, философію, астрономію и проч. Учиться чему-нибудь очень похвально, и почему-жъ дамѣ или барышнѣ не предоставить права изучать что угодно? Но дѣло не въ наукѣ, — дѣло въ претензіи и педантизмѣ, которые наводятъ всегда на всѣхъ адскую скуку.

Развѣ не скучно съ дамой, которая ни о чемъ знать не хочетъ, ни о чемъ больше не говоритъ, какъ о Фейербахѣ, Мальтусѣ и небесныхъ свѣтилахъ? — «Ничего, говорите вы, мнѣ это нравится!» Очень хорошо; съ вами легко согласиться, когда дама умна въ настоящемъ смыслѣ слова, знаетъ предметъ основательно, читала съ толкомъ и сёрьезно. Ну, а какъ Фейербахъ понимается вкривь и

вкось и, главное, является за тѣмъ только, чтобы озадачивать ближняго и пускать пыль въ глаза?..

Развѣ не скучно, когда барышня, танцуя съ вами кадриль, ввертываетъ поминутно такія фразы: — «Oui, monsieur, je dirais avec Voltaire: la vie est un songe...» или: «Aimez vous la philosophie...» Развѣ барышнѣ не скучно съ господиномъ, который, танцуя съ нею мазурку, пыхтитъ, мучится и страшно потѣетъ, стараясь занять ее глубокомысленными разъмышленіями и философскими истинами?

Вообще говоря, къ разряду «унылыхъ съ ученостію» принадлежатъ безъ исключенія всѣ лица, которыя, во-первыхъ: танцуя кадриль, гуляя съ дамами, или сидя въ обществѣ, корчатъ глубокомысленныхъ и страстно любятъ проводить такого рода мысли: — «страшно всегда какъ-то смотрѣть на черепъ; вотъ, думаешь: тутъ кипѣли нѣкогда мысли, здѣсь зарождались поэмы, — а теперь?.. теперь!..» или: — «Душа содрогается при мысли, что стоитъ произвести два слова: трефъ и бубенъ, — и человѣкъ богатый вдругъ превращается въ нищаго!..» или: «Жизнь! Что такое жизнь? — внѣшнія удовольствія и роскошь; въ душѣ—горькія сомнѣнія и безпокойства!..» или: — «Человѣкъ — это цѣлый міръ... это существо, которое... которое...» Затѣмъ слѣдуетъ обыкновенно грустно-задумчивая улыбка; философъ наклоняетъ голову и какъ-бы погружается въ самого себя.

Во-вторыхъ: всѣ тѣ, которые чему-нибудь учились, но постоянно терзаются мыслью, что вы сомнѣваетесь въ томъ, что они что-нибудь знаютъ; преслѣдуемые постоянно такой мыслью, они спѣшатъ скрѣплять каждое ваше слово анекдотомъ изъ древней исторіи, приводятъ часто ни къ селу, ни къ городу ученыя цитаты и совершенно злоупотребляютъ словами: Цицеронъ, анахронизмъ, буцефалъ, Муцій-Сцевола, Абботсфордское аббатство, псевдонимъ, Горацій Коклесъ, и проч.

Въ-третьихъ: люди, дѣйствительно знающіе что-нибудь, но совершенно лишенные находчивости и памяти.—«Позвольте... позвольте...» говорятъ они, прерывая васъ неожиданно,—и вдругъ умолкаютъ, выказывая уны-

лое безпокойство; послѣ того спѣшатъ они домой, роются въ книгахъ, отыскиваютъ забытое мѣсто. и на другой день, въ ту минуту, какъ вы меньше всего ждете, выстрѣливаютъ въ васъ ученой тирадой. Къ тому же классу причисляется каждый, кто, прочитавъ дома статью, диссертацію, ученое открытіе, является къ вамъ, затрогиваетъ только-что прочитанный имъ вопросъ, обнаруживаетъ глупую радость при вашемъ незнаніи и передаетъ вамъ прочитанное какъ-бы въ назиданіе.

Въ-четвертыхъ: всѣ мальчики отъ двѣнадцати до восемнадцати лѣтъ включительно, одаренные какимъ-нибудь талантомъ: пишущіе стихи, сочиняющіе повѣсти, рисующіе и считающіе себя почему-то «непонятыми» Такихъ юношей является годъ отъ году больше и больше; они распложаются какъ кролики. Дай только Богъ, чтобы скука, которую наводятъ они въ юношескихъ лѣтахъ, вознаградилась чѣмъ нибудь въ зрѣломъ возрастѣ!

«Фразёры».—Подъ этимъ названіемъ разумѣютъ особъ двоякаго разбора: «фіоритуристы» и «тупицы».

«Фіоритуристы»—всѣ тѣ, которые никакъ не могутъ убѣдиться, что чѣмъ проще и яснѣе выражается человѣкъ, тѣмъ лучше. Фразёрство, о которомъ мы говоримъ, проистекаетъ по большей части изъ желанія прослыть любезнымъ, — желанія, соединеннаго съ сознаніемъ своей неспособности къ любезности, преимущественно въ женскомъ обществѣ. Вы прогуливаетесь въ лодкѣ; рулемъ правитъ барышня, и правитъ криво и косо. «Сударыня, скажетъ фіоритуристъ, вамъ опасно ввѣрять кормило правленія!..» или: «Я не поручилъ бы вамъ Балтійскаго флота, сударыня! Лавируя такимъ образомъ, вы умчали бы насъ въ самый центръ эскадры враждебнаго флота...» Провинція особенно богата фіоритуристами; тамъ слышалъ я между прочимъ такую фразу: «Вы ѣдете, сударыня? Довольно было впрочемъ вашего короткаго пребыванія въ мѣстахъ нашихъ, чтобы построить въ сердцахъ любящихъ васъ людей храмъ вѣчныхъ воспоминаній!..» и т. д.

«Тупицы»—лица, окончательно обиженныя природой, отчаянно глупыя, повторяющія общія мѣста и говорящія то, что всѣ уже давно знаютъ: «Сегодня пятнадцатое число,

черезъ двѣ недѣли будетъ первое!» — «Петръ великій геній!» — «Я люблю то, что хорошо!» — «Мужчины не женщины!» — «Желѣзная дорога отличное изобрѣтеніе!» — «Въ Петербургѣ можно все достать за деньги...» — «Вообще говоря: болѣзнь скверная вещь!» — «Кто же не имѣетъ недостатковъ?» — «Зимою всегда холодно!» — «Сегодня пятница, завтра суббота!» и т. д. Тупица любитъ иногда пофилософствовать; онъ ввертываетъ тогда подобнаго рода размышленія: — «Люди какъ рыбы, большіе поѣдаютъ маленькихъ...» Иногда тупица пускается въ остроуміе и любезность. Онъ собираетъ каламбуры, остроты, анекдотцы, водевильные куплеты; водевили Александринскаго театра доставляютъ ему большую часть его матеріала; онъ повторяетъ на каждомъ шагу выраженія: — «Какъ сказалъ одинъ д-р-р-ревній воинъ!» — «Я ѣхалъ на лодкѣ Невой... Не вой, братецъ, не вой!», или каждое свое слово скрѣпляетъ словами: — «Ну и кончено! ну конечно!» или задаетъ вамъ вопросъ: — «Что лучше стакана пунша?» и самъ спѣшитъ отвѣтить: «Два стакана пунша!»

Къ тупицамъ принадлежатъ также люди, которые, проживъ съ человѣкомъ десять лѣтъ, ничего больше не въ состояніи сказать о немъ, какъ: «Да, онъ прекрасный человѣкъ!» или: «Да, у него непріятный характеръ!» Такъ же тѣ, которые, находясь съ вами въ вагонѣ, поясняютъ: «Пріѣхали обѣдать», когда пріѣхали обѣдать; «машина поѣхала», когда поѣхала; «машина остановилась!» когда остановилась, и т. д.

Если на похоронахъ подойдетъ къ вамъ господинъ или дама и скажетъ съ унылымъ видомъ: — «Что-жъ дѣлать! всѣ мы смертны!..» или: «какъ быть! никто не минуетъ этого!..» или: «что жъ дѣлать! всѣ мы тамъ будемъ!..» почти навѣрняка заключайте, что къ вамъ подходили тупицы.

Перейдемъ теперь къ «меланхоликамъ». Меланхоликъ — который сознаетъ, что онъ скученъ и потому избѣгаетъ общества, не можетъ имѣть мѣста въ этой «статьѣ», исключительно посвященной лицамъ, навязывающимъ себя и всякому жестоко надоѣдающимъ.

Здѣсь, слѣдовательно, идетъ рѣчь о меланхоликахъ

другого разбора. Къ вамъ является господинъ, очень чисто одѣтый, очень скромнаго, тихаго вида; онъ вяло раскланивается, вяло опускается въ кресло, начинаетъ вертѣть шляпу между колѣнами и молчитъ; молчитъ часъ, другой, третій, изрѣдка развѣ, и то весьма лаконически, отвѣчая на вопросы и скрѣпляя слова свои грустной улыбкой.—«Что съ вами? спрашиваете вы:—вы нездоровы?» — «Нѣтъ-съ, ничего... я такъ!..» — и снова молчаніе. На другой день господинъ снова является, снова садится въ кресло, и снова молчитъ; на третій день то же.—«Что за чортъ! думаете вы:—чего же ему отъ меня надо?» Ему ничего отъ васъ не надо; но вамъ его представили, вы случайно съ нимъ познакомились, и онъ считаетъ своимъ долгомъ посѣщать васъ, посидѣть часъ-другой на вашемъ креслѣ. Быть-можетъ кресло ему понравилось, быть-можетъ, вы сами; меланхоликъ никому не говоритъ объ этомъ. Какъ только меланхоликъ пускается въ объясненія, онъ получаетъ названіе «плаксы». «Боже мой, что съ вами?» восклицаете вы, пораженные глубокимъ уныніемъ, написаннымъ въ чертахъ N*.—«Ничего, возражаетъ протяжно заунывнымъ голосомъ N*;—ничего... такъ, знаете ли... грустно какъ-то!..»—«Но отчего же грустно!»—«Такъ, знаете ли... Когда посмотришь на жизнь... подумаешь обо всемъ этомъ...» — «Ну, такъ что-жъ?» — «Невольно тогда какъ-то грустно дѣлается...» Другого объясненія не ждите. Замѣчательнѣе всего, что плаксы-меланхолики посѣщаютъ всевозможныя гулянья, собранія, театры; вы всегда найдете ихъ тамъ, гдѣ происходитъ веселье; какая у нихъ цѣль при этомъ — неизвѣстно. Встрѣтьте плаксу на иллюминаціи, замѣтьте ему, что лицо его кажется вамъ унылымъ, разстроеннымъ, и спросите, почему такъ?— «Чему же веселиться? возразитъ онъ.—Боже мой, неужто вы веселы? Подумайте только! сколько всѣ эти шкалики, вся эта иллюминація стоитъ денегъ! сколько труда! суеты!.. а къ чему все это?.. Къ чему?.. Для одного мига! для одного часа!..» Въ саду на Минеральныхъ водахъ плакса прогуливается, какъ-бы замышляя самоубійство: «Чему бѣснуется вся эта толпа? говоритъ онъ, распуская нюни:— взгляните, стеклась она сюда со всѣхъ концовъ Петер-

бурга; суетится, скачетъ, прыгаетъ... Что могло привлечь ее сюда? Что?..»—«Но сами-то вы зачѣмъ пріѣхали?»—«Такъ, знаете ли, грустно какъ-то было... взялъ да и поѣхалъ...» Плакса не пропускаетъ ни одной аллеи публичнаго сада, ни одного закоулка; онъ останавливается передъ каждымъ балаганомъ, зрѣлищемъ, оркестромъ; но лицо его остается неизмѣнно разстроеннымъ и какъ-бы всегда сказать хочетъ:—«Боже, что за пустота! и это называется «у нихъ» весельемъ!..»

Говоря о скучныхъ людяхъ изъ породы плаксивыхъ, мы не ошибемся, кажется, если присоединимъ къ нимъ «мнимыхъ больныхъ», людей, наводящихъ нестерпимую скуку жалобами о своемъ животѣ, колотьяхъ и нервическомъ разстройствѣ.

Мнимый больной тотъ же лгунъ, но только лгунъ съ убѣжденіемъ, лгунъ тѣмъ болѣе несносный, что предметъ его лжи уже самъ по себѣ не имѣетъ ничего занимательнаго. И, наконецъ, какое вамъ дѣло до его убѣжденій?—вы ихъ не раздѣляете; питаете даже въ душѣ вашей твердую увѣренность, что они ни на чемъ не основаны. Но жалобы мнимаго больного занимаютъ можетъ-быть послѣднюю роль въ той скукѣ, которую онъ на васъ наводитъ. Нѣтъ существа болѣе пристрастнаго, болѣе близорукаго въ отношеніи къ самому себѣ, какъ мнимый больной; ничтожнѣйшему изъ нихъ кажется непремѣнно, что вниманіе цѣлаго міра должно быть устремлено на его печень и легкія; онъ возмущается, когда не падаете вы въ кресло и не приходите въ ужасъ, слушая разсказъ о колотьѣ въ боку, или остаетесь равнодушны при извѣстіи, что онъ дурно спалъ вчерашнюю ночь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мнимый больной самъ приходитъ въ ужасъ и падаетъ въ кресло, когда дѣлаете вы замѣчаніе о цвѣтѣ его лица, прыщикѣ на носу и тому подобное. Скучнѣе всего, что мнимый больной жалуется всегда почти на ту часть своего организма, которая болѣе всего здорова. Одинъ жалуется на боль и слабость въ ногахъ, говоритъ, что не можетъ иначе прогуливаться, какъ въ каретѣ; а междутѣмъ, смотришь, онъ ежедневно дѣлаетъ десять верстъ, бѣгая вокругъ билліарда. У другого ежедневно являются

припадки холеры; онъ вѣчно въ какой-то тревогѣ, вѣчно разсказываетъ исторію о томъ, что желудокъ его не варитъ вотъ уже скоро пять лѣтъ; а между тѣмъ не видали вы еще человѣка, который такъ страшно пугалъ бы васъ своимъ обжорствомъ: за завтракомъ съѣдаетъ онъ двѣ котлетки, фунтъ сливочнаго масла и полную тарелку жареныхъ грибовъ! Вѣрьте имъ послѣ этого и не смѣйтесь надъ ними!

Между плаксами и меланхоликами остается еще большой пробѣлъ: мы ничего не сказали о «мнительныхъ канючкахъ, попрошайкахъ, постныхъ рожахъ» и еще многихъ другихъ; но всего не усмотришь, не перескажешь. Перейдемъ къ «чувствительнымъ и сентиментальнымъ».

Всѣ чувствительные и сентиментальные, по большей части, добрѣйшіе люди; они одарены прекраснѣйшимъ сердцемъ и мягкою, нѣжною душою; но чувствительность, точно такъ же какъ и мечтательность, хороша и безвредна, въ смыслѣ скуки, тогда только, когда не переходитъ за предѣлъ. «Отъ прекраснаго до комическаго, или, пожалуй, до несноснаго одинъ шагъ». Скучныхъ чувствительныхъ людей можно раздѣлить на два главные разряда: на «счастливыхъ и несчастливыхъ»; потомъ являются еще подраздѣленія: «липкіе» чувствительные люди и «смиренные».

«Липкими» принято называть смертныхъ обоего пола, которымъ свойственно внезапно полюбить встрѣчнаго и поперечнаго и прилипать къ нему сразу всѣмъ сердцемъ, всей душою и всѣми своими чувствами. Названіе «липкихъ» основано, впрочемъ, на томъ, я полагаю, что руки особъ этого разбора сохраняютъ постоянно какое-то влажное, липкое свойство; по всѣмъ вѣроятностямъ, такое свойство дается природой нарочно съ тою цѣлью, чтобы отличить ихъ отъ другихъ людей. А впрочемъ, не знаю; извѣстно мнѣ только то, что когда «липкій» счастливъ, влажность рукъ его несравненно меньше чувствуется; это потому, можетъ быть, что онъ рѣже тогда жметъ вашу руку. Липкій любитъ предаваться мечтаніямъ, любитъ припоминать минуту, часъ и мельчайшія обстоятельства, при которыхъ онъ съ вами познакомился; любитъ звать васъ къ себѣ, сажаетъ васъ между женою и дѣтьми (и всегда

на самомъ лучшемъ и мягкомъ мѣстѣ), и даетъ вамъ почувствовать, что считаетъ васъ не иначе, какъ членомъ своего семейства. Вы говорите, что думаете ѣхать за границу или желали бы сдѣлать кругосвѣтное путешествіе: «Да, возражаетъ онъ:—я самъ мечтаю объ этомъ! Къ несчастью, обстоятельства не позволяютъ мнѣ осуществить любезнѣйшей мечты моей; а то, какъ-бы хорошо было! Мы поѣхали бы вмѣстѣ! Вмѣстѣ бродили бы всюду... вмѣстѣ бы наслаждались!.. вмѣстѣ дѣлили бы бури и опасности... Не правда ли, какъ это было бы пріятно?..»

Сентиментальный человѣкъ, который недоволенъ судьбою, хандритъ или чувствуетъ себя несчастнымъ, еще прилипчивѣе, и, слѣдовательно, еще скучнѣе. Сдѣлавшись предметомъ его дружбы или расположенія, вы превращаетесь въ жалкую жертву. Вы садитесь за столъ—онъ садится рядомъ; перешли послѣ обѣда на диванъ—онъ располагается у васъ подъ бокомъ, идете къ окну или гулять—и онъ за вами. Въ первый же часъ вашего знакомства, онъ легкими намеками объяснитъ вамъ, какъ несчастливъ онъ въ своемъ семействѣ, какъ постоянно сокрушаетъ его мысль, зачѣмъ онъ женился, и проч. Вздохи и знаки нетерпѣнія, которые выказываете вы при этомъ, объясняетъ онъ участіемъ къ себѣ; онъ думаетъ, что нашелъ, наконецъ, сострадательную душу, нашелъ истинно доброе, благородное сердце, способное понимать горести ближняго и сильно ему сочувствующее. Вы, между-тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ усиливаются изліянія, ясно начинаете понимать, почему жена покинула его, почему друзья его проходятъ по улицѣ и стараются не узнавать его.

Приведемъ теперь обращикъ «смиреннаго-сентиментальнаго». Вы случайно встрѣтились съ товарищемъ дѣтства или знакомымъ, котораго не видали нѣсколько лѣтъ.

— Здравствуй, братецъ, говоритъ онъ робко.

— А, здравствуй!..

— Ты не узнаешь меня?.. присовокупляетъ онъ, протягивая вамъ руку съ такимъ видомъ, какъ-будто не совсѣмъ еще увѣренъ, хотите ли взять ее или нѣтъ:—можетъ быть, ты не хочешь узнать меня?

— Помилуй, что за странная мысль!..

— Отчего-жъ?.. старыхъ друзей всегда забываютъ...

— Нисколько!

— Ну, благодарю тебя... а я ужъ думалъ, что не хочешь узнать меня. Мы часто о тебѣ вспоминаемъ... Мы не забываемъ старыхъ пріятелей...

Вы приглашаете такого человѣка обѣдать, онъ отвѣчаетъ, потупляя глаза: «Благодарю тебя; нѣтъ, я себя знаю... зачѣмъ я вамъ? я слишкомъ скучный, печальный собесѣдникъ... Я только всѣмъ вамъ помѣшаю...» Зовете его на вечеръ, гдѣ будутъ читать стихи, играть на фортепьяно или пѣть,—онъ отвѣчаетъ: «Благодарю васъ;— но зачѣмъ же? къ чему? что̀ я буду тамъ дѣлать?.. я слишкомъ незамѣтный человѣкъ, чтобы принимать участіе въ такомъ блистательномъ собраніи... тамъ все большею частью умные, извѣстные люди... но что же я такое?.. нѣтъ, я буду лишнимъ!..» Приглашаете его на дачу или прогулку: «Нѣтъ, благодарю... искренно, душевно благодарю. Для такихъ прогулокъ... словомъ, чтобы быть въ обществѣ, нужна веселость, любезность... у меня нѣтъ этого... я буду скученъ и наведу только скуку на все общество...» и т. д.

Въ основаніи такой скромности лежитъ, очень часто, толстый слой самолюбія... Но предоставимъ охотникамъ до анализа и психологамъ отыскивать и опредѣлять причины, приводящія въ дѣйствіе пружины человѣческой природы. Ограничиваясь одними внѣшними наблюденіями, мы зашли и безъ того уже чуть ли не слишкомъ далеко...

Впрочемъ изслѣдованіе наше почти кончено. Остается сказать нѣсколько словъ о людяхъ безъ чутья, которыхъ нарочно берегли мы для заключенія.

Начать съ того, что къ этой категоріи принадлежатъ безъ исключенія всѣ скучные люди. Скучный человѣкъ потому вѣдь только и скученъ, что нѣтъ у него чутья. Одного чутья, конечно, не достаточно, чтобы быть любезнымъ и занимательнымъ, но совершенно довольно, чтобы не быть скучнымъ.

Чутьемъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы его здѣсь принимаемъ, называется тонкая способность понимать и чув-

ствовать, когда надо говорить и сколько именно; гдѣ надо замолчать, дѣйствовать и бездѣйствовать, и въ какой именно мѣрѣ дѣлать то и другое. Ясно, слѣдовательно, что существо, одаренное чутьемъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть скучнымъ. Чутье скажетъ ему, когда слѣдуетъ укротить порывъ веселости, чтобы не пересолить; скажетъ, гдѣ остановиться на пути сердечныхъ изліяній, чтобы не наскучить; словомъ, укажетъ ему ту, почти неуловимую границу, которая раздѣляетъ скуку отъ занимательности.

Убійственнѣе всего, что чутье это не имѣетъ ничего общаго съ умомъ, познаніями, характеромъ и даже нравственными добродѣтелями! Чутье безпристрастно какъ счастье, какъ фортуна; надо думать, ходитъ оно также съ завязанными глазами и часто попадаетъ туда, гдѣ его вовсе не ждали. Что же удивительнаго послѣ того, если иногда ограниченный человѣкъ сноснѣе умнаго, унылый пріятнѣе веселаго, ученый скучнѣе неуча, и т. д.?

Вся тайна въ присутствіи чутья, которое заключаетъ въ себѣ, собственно говоря, весь смыслъ, всю мораль предполагаемаго изслѣдованія. Больше, кажется, сказать нечего, кромѣ того развѣ, что въ огромной семьѣ скучныхъ людей существуютъ еще скучные писатели... Объ обращикѣ такихъ писателей, сколько замѣтно по вашимъ глазамъ, опущеннымъ на эту страницу, вы, кажется, имѣете уже нѣкоторое понятіе... Спѣшу поставить точку.

ОЧЕРКИ

СОВРЕМЕННЫХЪ НРАВОВЪ.

(ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ).

ЧИТАТЕЛЮ.

Случалось ли вамъ, почтенный читатель, разсматривать когда-нибудь такъ-называемыя «записныя книжки художниковъ»?

Здѣсь, разумѣется, нѣтъ и помину о тѣхъ книгахъ, которыя разграфлены красными и черными чернилами и усыпаны рядами цифръ и расходовъ на краски, карандаши, холстъ, сигары, чай, сахаръ и тому подобныя художественныя и хозяйственныя принадлежности. Начать съ того: художники большею частью рѣдко ведутъ свои счеты; наконецъ, каждому изъ васъ, безъ сомнѣнія, слишкомъ уже надоѣли собственные расходы, чтобы я позволилъ себѣ предлагать вамъ заглядывать еще и въ чужіе. Здѣсь собственно говорится о книжкахъ, листки которыхъ покрыты эскизами всѣхъ возможныхъ родовъ, — эскизами, набросанными безъ всякой системы, порядка, и притомъ самымъ бѣглымъ образомъ.

Безъ такой книжки не обходится ни одинъ художникъ, любящій искусство свое не только на словахъ, но

и на дѣлѣ. Сидитъ ли онъ у окна своей квартиры, гуляетъ ли по улицамъ или за городомъ,—карандашъ и записная книжка всюду его сопровождаютъ. Онъ часто набрасываетъ свои эскизы вовсе не потому, чтобы нуждался въ матеріалахъ; онъ не заботится даже знать, послужатъ ли они къ чему-нибудь и можно ли будетъ въ послѣдствіи составить изъ нихъ картину. Но тѣмъ не менѣе, отдаваясь невольно чувству наблюдательности, а также повинуясь врожденному стремленію выражать рисункомъ свои наблюденія,—онъ неутомимо наноситъ на бумагу все, что сколько-нибудь поражаетъ его глазъ, умъ и сердце. Въ такихъ книжкахъ вы рѣдко встрѣтите что-нибудь цѣлое, оконченное. Случается, что тотъ или другой предметъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, въ забавномъ или серьёзномъ, сильнѣе поразилъ художника; онъ не могъ отъ него оторваться и, возвратясь домой, принялся за обдѣлку эскиза, придалъ ему видъ рисунка, оконченнаго съ любовью и тщаніемъ. Но тогда бѣглый очеркъ перестаетъ уже быть такимъ и превращается въ художественное произведеніе: онъ вырывается изъ записной книжки и поступаетъ въ портфель или самого художника, или любителя. Здѣсь собственно говорится объ эскизахъ, цѣль которыхъ уже въ совершенствѣ достигнута, когда выражена мысль или уловлена главная характеристическая черта изображаемаго предмета.

Мы привели все это къ тому, почтенный читатель, чтобы указать вамъ настоящую точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на предлагаемые теперь очерки. Это не болѣе, какъ эскизы.

Я поступалъ въ отношеніи къ своей записной книжкѣ точно такъ же, какъ художникъ, набрасывалъ на листки ея все, что останавливало мое вниманіе,—не имѣя при этомъ никакой особенной цѣли, не стѣсняя себя заранѣе придуманной формой. Если, кромѣ чувства наблюдательности и стремленія выражать на бумагѣ свои наблюденія, руководило мною что-нибудь,—такъ это была одна только мысль: не дѣлать ничего наобумъ и захватывать въ эскизахъ своихъ какъ можно больше правды, то-есть стараться проводить каждую черту съ натуры.

Душевно сожалѣю, что эскизы эти займутъ мѣста больше, чѣмъ тѣ, которые набрасываются карандашомъ. Въ этомъ отношеніи я всегда завидовалъ рисовальщику. Онъ можетъ въ одинъ мигъ и на небольшомъ клочкѣ бумаги выразить то̀, на что писателю необходимо нѣсколько листовъ, много времени и еще больше труда. Легче разсмотрѣть самый замысловатый рисунокъ, чѣмъ прочесть сряду нѣсколько самыхъ замысловатыхъ печатныхъ страницъ. Я дѣлалъ все возможное, чтобы листки изъ моей записной книжки занимали какъ можно меньше мѣста—и, слѣдовательно, какъ можно меньше утомляли васъ. Не знаю, на сколько успѣлъ я въ этомъ. Во всякомъ случаѣ, прошу васъ вооружиться снисхожденіемъ (оно никогда не мѣшаетъ), прошу отложить строгость до другого, болѣе удобнаго случая, когда въ самомъ дѣлѣ она потребуется, а главное—прошу не хмурить бровей, какъ это вы дѣлаете, когда приступаете къ разсматриванію цѣлой, тщательно оконченной картины, или чтенію строго задуманнаго и строго исполненнаго литературнаго произведенія.

I.

ОТРАЖЕНІЯ.

(Сверху внизъ).

Утромъ, часовъ около одиннадцати... (нѣтъ надобности распространяться о томъ, въ какой улицѣ это происходило, и даже въ какомъ городѣ) маленькая, красивая карета темно-шоколаднаго цвѣта и на лежачихъ рессорахъ остановилась подлѣ тротуара. Изъ нея вышелъ господинъ лѣтъ пятидесяти, но еще статный и, вообще, очень хорошо сохранившійся. Сѣдина едва примѣтно серебрилась въ его небольшихъ бакенбардахъ, тщательно приглаженныхъ по обѣимъ сторонамъ полныхъ щекъ, дышащихъ здоровьемъ; подбородокъ его, съ ямкой по срединѣ, лоснился какъ атласъ — такъ онъ былъ гладокъ и хорошо выбритъ. Ступивъ на тротуаръ, статный господинъ на-

правился размѣреннымъ, сдержаннымъ шагомъ, какимъ ходятъ люди, гуляющіе не столько изъ удовольствія, сколько для моціона.

Хотя держался онъ необыкновенно сановито,—въ наружности его не было ничего натянутаго или надменнаго; совсѣмъ напротивъ: глаза смотрѣли кротко и весело, выраженіе доброты, прямодушія и крайней снисходительности отражалось въ каждой чертѣ его лица, постоянно озареннаго мягкой, пріятной улыбкой. Доброта, такъ рѣзко отпечатанная, всегда дѣйствуетъ обаятельно. Одинъ видъ этого господина пробуждалъ къ нему сочувствіе въ душѣ вашей; каждый встрѣчавшійся съ нимъ невольно становился веселѣе и начиналъ чувствовать пріятную легкость на сердцѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый приходилъ также въ полное убѣжденіе, готовъ даже былъ принять присягу, что господинъ этотъ — человѣкъ съ вѣсомъ и значеніемъ. Онъ, какъ уже сказали мы, не подавалъ ровно никакого повода къ такого рода заключенію, а между-тѣмъ могу васъ увѣрить, невозможно было оторваться отъ мысли, что вы точно встрѣтили лицо, имѣющее вѣсъ и значеніе.

Не постигаю, какъ это дѣлается. Но встрѣчая француза, итальянца, англичанина или американца, особенно послѣднихъ, вы просто скажете: это англичанинъ, это американецъ и т. д.; наружность ихъ, какова бы ни была она, не дастъ вамъ никакого понятія о ихъ званіи и общественномъ положеніи; она часто даже приведетъ васъ въ заблужденіе: вы примете важную особу за куафера, мелкаго лавочника, за члена парламента, и т. д. Они словно совершенно довольствуются уже тѣмъ, что кажутся англичанами, американцами и т. д.

Повторяю вамъ: не постигаю, что пробуждаетъ такого рода дѣйствіе, но при встрѣчѣ съ нашими соотечественниками, тотчасъ же приходятъ на умъ отличія человѣка, его званіе и мѣсто, которое занимаетъ онъ въ обществѣ. Природа ли наша, которой, какъ всѣ утверждаютъ, свойственно порываться въ ширину, тому способствуетъ, но только русскій человѣкъ не довольствуется, какъ-будто, казаться только русскимъ человѣкомъ; ему какъ-будто

мало этого: онъ хочетъ непремѣнно, чтобы знали, сверхъ того, кто онъ такой и съ кѣмъ именно имѣешь дѣло: съ помощникомъ ли, секретаремъ ли палаты, предводителемъ ли дворянства, лицомъ ли высокаго общественнаго положенія, дѣйствительнымъ ли статскимъ совѣтникомъ, и т. д.

Стремленіе къ выраженію своего офиціальнаго значенія такъ сильно въ русскомъ человѣкѣ, такъ неразлучно присутствуетъ въ его душѣ и мысляхъ, такъ часто приводится въ дѣйствіе, что способъ выраженія входитъ уже наконецъ въ привычку и въ послѣдствіи высказывается самъ собою, безъ малѣйшаго напряженія со стороны самого лица. Вы можете забыть иногда, что вы богатый помѣщикъ, владѣлецъ несчетныхъ душъ, что вы предсѣдатель палаты или статскій совѣтникъ, но самая уже ваша фигура получила, такъ сказать, форму вашего офиціальнаго положенія, и стоитъ взглянуть на нее, чтобы тотчасъ же догадаться, кто вы такой и съ кѣмъ имѣешь дѣло.

То же самое было и съ господиномъ, вышедшимъ изъ кареты темно-шоколаднаго цвѣта. Онъ дѣйствительно имѣлъ вѣсъ и значеніе. (Мы подчеркиваемъ это слово потому собственно, что множество лицъ, находясь въ полномъ заблужденіи касательно своего значенія и увлекаясь тщеславіемъ вѣка, принимаютъ наружную форму лицъ несравненно болѣе значительныхъ и вводятъ такимъ образомъ въ заблужденіе публику; такъ, напримѣръ, уѣздный чиновникъ можетъ показаться иногда губернскимъ, секретарь палаты предсѣдателемъ и проч., и проч.).

Не имѣй тотъ человѣкъ, о которомъ идетъ теперь рѣчь, не имѣй онъ въ самомъ дѣлѣ значенія, ему не стали ли бы съ утра и до вечера докучать просьбами. Входилъ ли онъ въ пріемную комнату, — десятки лицъ порывались къ нему съ прошеніями; онъ спускался на лѣстницу, — просители преслѣдовали его до кареты; въ обществѣ, — дамы мило улыбались ему и приступали съ просьбами объ опредѣленіи сына бѣдной вдовствующей старушки или о помѣщеніи семилѣтней дѣвочки, дочери подпоручицы, обремененной дюжиною другихъ малолѣтнихъ дѣвочекъ. Къ нему прибѣгали за обѣдомъ и даже

не оставляли въ покоѣ во время дессерта. По возвращеніи домой, онъ находилъ на письменномъ столѣ своемъ кипы писемъ, которыя необходимо требовали прочтенія и отвѣта; частныя аудіенціи поглощали остальное его время. Какъ, спросите вы, доставало его на все это? Онъ, разумѣется, слушалъ часто разсѣянно и ничего не принималъ къ сердцу, — въ противномъ случаѣ, могъ ли онъ казаться такимъ веселымъ и могъ ли такъ хорошо сохранить себя? Конечно, не могъ бы.

Но значительный человѣкъ не имѣетъ лишняго времени для прогулки. Пройдя съ четверть версты, онъ снова садится въ маленькую карету темно-шоколаднаго цвѣта и ѣдетъ куда призываютъ его многосложныя занятія. Карета останавливается передъ подъѣздомъ большого дома. Едва кучеръ успѣлъ осадить лошадей, на подъѣздѣ показывается инвалидъ, съ лицомъ исполненнымъ суеты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, радостнаго благоговѣнія. Онъ отворяетъ дверцы кареты и высаживаетъ ея владѣльца, соблюдая при этомъ такую осторожность, какъ-будто поддерживаетъ хрупкую вѣтку, покрытую инеемъ, который отъ перваго прикосновенія сейчасъ же долженъ осыпаться.

— Здравствуй, Тарасенко! говоритъ значительное лицо, очевидно, забавляясь суетливою озабоченностью инвалида.

— Здравія желаю, ваше превосходительство!

Тарасенко выпрямляется, комически встряхиваетъ головою и стремглавъ пускается отворять дверь подъѣзда. При входѣ начальника въ прихожую, Тарасенко снимаетъ съ него пальто, быстро вооружается щеткой и, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ сдѣлать движеніе, приступаетъ къ чищенью его вицъ-мундира; чистить рѣшительно нечего: спина вицъ-мундира отливаетъ какъ новый бархатъ, но добраго начальника забавляетъ, повидимому, усердіе инвалида,—усердіе, отъ котораго глаза Тарасенки выскакиваютъ изъ головы и потъ проступаетъ даже на кончикѣ носа.

— Спасибо, Тарасенко!..

— Радъ стараться, ваше превосходительство!

И, какъ-бы поощренный ласковымъ обращеніемъ, инвалидъ такъ задвигалъ щеткой, что раза два неосторожно

коснулся спинной лопатки. При этомъ начальникъ только усмѣхнулся.

— Виноватъ, ваше превосходительство!..

— Ничего, братецъ, ничего: спасибо!

— Радъ стараться, ваше превосходительство!

Добродушная улыбка не сходила съ лица начальника во все время, какъ поднимался онъ по лѣстницѣ; она не оставляла его, напротивъ, обозначалась еще явственнѣе, когда вступилъ онъ въ большую комнату, гдѣ ожидало его нѣсколько человѣкъ въ форменныхъ платьяхъ.

— Здравствуйте, господа!.. сказалъ начальникъ, посылая привѣтливые поклоны, между-тѣмъ какъ лица, къ которымъ они обращались, сохраняли серьезную и почтительную позу, или стояли въ наклоненномъ положеніи, какъ вѣтви плакучей березы и, повидимому, слабѣли и расплывались отъ восхищенія: — здравствуйте, господа! повторилъ онъ.

Но улыбка, появившаяся на губахъ его въ прихожей, распространилась еще болѣе; онъ вдругъ засмѣялся своимъ добрымъ, милымъ смѣхомъ, и долженъ былъ остановиться.

— Ха, ха, ха!..

— Ха, ха, ха!.. поспѣшили отозваться, но не слишкомъ громко, нѣкоторые изъ присутствующихъ; другіе выпрямились и представили рядъ весело улыбающихся физіономій.

— Меня сейчасъ ужасно насмѣшилъ нашъ швейцаръ Тарасенко, сказалъ начальникъ:—онъ, впрочемъ, каждое утро доставляетъ мнѣ такое удовольствіе: не успѣю снять пальто, онъ кидается на меня со всѣхъ ногъ и начинаетъ чистить мнѣ вицъ-мундиръ... Но сегодня онъ находится въ особенномъ припадкѣ усердія; онъ, бѣдняга, такъ усердствовалъ, что раза два хватилъ меня деревяшкою щетки по лопаткѣ... надо было видѣть въ эту минуту его физіономію... Ужасно насмѣшилъ... ха, ха, ха!..

— Хе, хе, хе!.. отозвались на этотъ разъ громкимъ, единодушнымъ хоромъ присутствующіе, никогда еще, во всю свою жизнь (они готовы были поклясться въ этомъ) не встрѣчавшіе такого побудительнаго повода къ смѣху.

Но такимъ необычайнымъ умѣньемъ владѣть собою обладали эти лица, что секунду спустя всѣ были опять серьезны и хранили благоговѣйное молчаніе.

— Я, господа, пріѣхалъ къ вамъ только на минуту, сказалъ начальникъ:—новаго у васъ ничего нѣтъ?—Иванъ Матвѣевичъ, вы, кажется, имѣете что-то сказать мнѣ?.. Господа, можете идти... добавилъ онъ обратившись къ остальнымъ, которые снова приняли видъ вѣтвей плакучей березы и тотчасъ же удалились.

Въ числѣ этихъ господъ находился, между-прочимъ, одинъ, весьма коротенькій, но толстый, съ шитымъ стоячимъ воротникомъ и румянымъ круглымъ лицомъ, принимавшимъ издали видъ колоссальнаго апортоваго яблока, поставленнаго на золотое блюдо. Съ перваго взгляда можно было узнать въ немъ человѣка веселаго нрава, балагура,—словомъ, душу общества тѣхъ людей, которые пользовались съ нимъ одинаковою степенью кредита и состояли съ нимъ въ одинаковомъ званіи. Онъ, впрочемъ, не прочь былъ войдти въ объясненія и даже посмѣяться съ тѣми, которые стояли ниже его на ступеняхъ служебнаго поприща: такъ, напримѣръ, выйдя изъ кабинета директора, обратился онъ съ ласковой улыбкой къ какому-то секретарю, который, казалось, караулилъ его у двери.

— Что, какъ ноньче его превосходительство? спросилъ секретарь, представлявшій изъ себя миніатюрнаго бѣлокураго человѣка съ длиннымъ, острымъ носомъ, выражавшимъ подозрительность, и лѣвою бровью, которая какъ-то робко и безпокойно двигалась.

Это былъ тотъ самый секретарь, съ которымъ произошелъ слѣдующій анекдотъ, долго ходившій по департаменту; директоръ написалъ карандашомъ черновую бумагу и второпяхъ забылъ поставить въ одномъ мѣстѣ запятую. Чиновникъ, переписывавшій бумагу на-бѣло, не посмѣлъ исправить ошибки, и, отправляясь къ начальнику съ переписанной бумагой, обратился къ маленькому секретарю, прося у него совѣта, какъ поступить, — выставить ли запятую, или такъ оставить, какъ было въ черновой?.. Секретарь былъ еще тогда коллежскимъ совѣтникомъ: уже прямое назначеніе чина его состояло, такъ

сказать, въ томъ, чтобы давать совѣты; съ другой стороны, его остановило такого рода размышленіе: «А ну, какъ его превосходительство спроситъ, зачѣмъ здѣсь запятая?.. Развѣ въ черновой бумагѣ есть запятая?.. и вдругъ оробѣвшій чиновникъ скажетъ: секретарь нагнулся къ уху чиновника и шепнулъ ему скороговоркою: «Поставьте маленькую! нужна она—хорошо, не нужна—пройдетъ незамѣченною»...

— Ну, такъ какъ сегодня его превосходительство?.. повторилъ секретарь.

— Ничего... возразилъ весельчакъ: — разсказывалъ очень забавную исторію: нашъ сторожъ, Тарасенко, бросился чистить ему вицъ-мундиръ и, чортъ его знаетъ, отъ излишняго ли усердія, отъ слѣпоты ли, но хватилъ его нѣсколько разъ щеткой по лопаткѣ...

— Можетъ ли быть!

— Да; его превосходительство очень смѣялся, сказалъ весельчакъ, поворачиваясь на каблукѣ.

Присутствуй секретарь въ кабинетѣ въ то время, когда начальникъ разсказывалъ свою исторію, онъ, вѣроятно, смѣялся бы такъ же громко, какъ и другіе, быть можетъ, даже громче,—но теперь не нашелъ онъ ровно ничего забавнаго въ томъ, что сообщилъ весельчакъ. Не переставая двигать лѣвою бровью и какъ-то озабоченно пожимая губами, прошелъ онъ черезъ двѣ комнаты и, приблизившись къ одному изъ столоначальниковъ, сказалъ, понижая голосъ:

— Ужасная случилась непріятность...

— Что такое?

— Его превосходительство...

— Что?.. произнесъ начальникъ, оживляясь.

— Представьте: нашъ сторожъ Тарасенко... вотъ, что внизу стоитъ на лѣстницѣ...

— Ну, ну, ну?.. нетерпѣливо перебилъ столоначальникъ.

— Не знаю, пьянъ ли онъ былъ, или другое что, но только представьте, два раза ударилъ директора щеткой по лопаткѣ...

Ракета, къ которой приставляютъ палительную свѣчку,

не взвивается такъ быстро на воздухъ, какъ быстро поднялся съ мѣста столоначальникъ при окончаніи этого разсказа.

— Гдѣ экзекуторъ?.. не видали ли вы экзекутора?.. Гдѣ экзекуторъ?.. повторялъ онъ торопливо, переходя изъ комнаты въ комнату.

Экзекуторъ не замедлилъ отыскаться. То былъ сухопарый, желтоватый человѣкъ, съ огромными черными бакенами, имѣвшими видъ котлетки; волосы его и густыя, дугообразныя брови были черны какъ смоль; все это согласовалось, какъ нельзя болѣе, съ его синимъ подбородкомъ.

— А! Петръ Петровичъ!.. воскликнулъ столоначальникъ, увидя экзекутора и ускоряя шагъ: — ну что, — не говорилъ ли я вамъ? а?.. Что, дождались, наконецъ? дождались!.. Этого только не доставало!..

— Что такое?.. что такое?..

— Нѣтъ, спросите лучше тамъ, что такое, да, тамъ!.. проговорилъ столоначальникъ, дѣлая сильное удареніе на послѣднее слово и выразительно указывая рукою на отдаленную дверь директорскаго кабинета.

При этомъ поблѣднѣли, казалось, самые бакены экзекутора.

— Что такое?.. Ахъ, Боже мой! Что случилось?.. проговорилъ онъ, подергивая губами.

— Я, впрочемъ, предупреждалъ васъ, что это случится рано или поздно; вы до такой степени слабы, Петръ Петровичъ, до такой степени распустили вашихъ подчиненныхъ, что это ни на что не похоже!..

— Но что же такое? Что? Бога ради!...

— А то же, что вы, или тотъ чиновникъ, которому поручили вы надзоръ надъ служителями, — но это въ сущности все равно, ибо вы начальникъ и, слѣдовательно, отвѣчаете за дѣйствія ввѣренныхъ вамъ подчиненныхъ,—вы, повторяю вамъ, до такой степени распустили...

— Но, ради Создателя, что случилось?..

— Случилось, что инвалидъ, сторожъ, котораго поставили вы на лѣстницѣ для сниманія шинелей, — чортъ его знаетъ, пьянъ ли онъ былъ, — но только такъ хорошо

чистилъ щеткою вицъ-мундиръ директора, что ушибъ ему спину...

Экзекуторъ схватилъ себя за волосы и опрометью устремился въ дальнія комнаты, крича надорваннымъ басомъ:

— Прохоровъ!.. Гдѣ Прохоровъ?.. Подайте мнѣ сюда Прохорова! Прохорова подайте!..

Прохоровъ, коренастый человѣкъ, съ лицомъ рябымъ какъ вафля, — точно изъ земли выросъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ.

— Что вы здѣсь дѣлаете, милостивый государь, а?.. Что вы здѣсь дѣлаете? спрашиваю я васъ... воскликнулъ экзекуторъ, яростно потрясая головою: — я вамъ найду мѣсто, милостивый государь! найду мѣсто, если вамъ не угодно исполнять вашихъ обязанностей.

— Я всегда радъ...

— А, вы рады!..

— Но что такое-съ?..

— Нѣтъ, спросите-ка лучше тамъ, что такое! подхватилъ экзекуторъ, протягивая дрожащую руку по направленію къ директорскому кабинету: — да, спросите тамъ, что происходитъ! Знаете-ли, милостивый государь мой, чѣмъ вы рискуете, а? а?..

— Что такое? Что случилось?.. спросили въ одинъ голосъ молодые и старые люди, находившіеся частью въ комнатѣ, частью привлеченные голосомъ экзекутора.

— А то случилось, что сторожъ Тарасенко, благодаря строгому наблюденію господина Прохорова, напился сегодня пьянъ, какъ стелька... и... и... не смѣю даже выговорить... при входѣ директора, разбѣжался со всѣхъ ногъ и.. и... и ударилъ его щеткою въ спину... Больше ничего. не случилось!.. Ахъ, Боже мой! Боже мой!..

Но Прохоровъ уже не слушалъ экзекутора. Съ лицомъ, пылающимъ какъ жаровня, со стиснутыми кулаками, летѣлъ онъ со всѣхъ ногъ на лѣстницу. При видѣ Тарасенки, смиренно сидѣвшаго на скамьѣ, въ глазахъ Прохорова зажегся цѣлый фейерверкъ и ноги его начали захватывать по пяти ступенекъ разомъ. Въ самую ту минуту, директоръ показался на лѣстницѣ.

Не могу объяснить вамъ, какъ это случилось, но когда

его превосходительство спустился въ прихожую, — тамъ Прохорова уже не оказалось; а между-тѣмъ, замѣтьте, въ этой прихожей рѣшительно не было другой выходной двери, кромѣ парадной; завалился-ли Прохоровъ за лавку, скрылся-ли подъ шинелями при видѣ директора, но онъ исчезъ совершенно. Тарасенко, въ лицѣ котораго явственно выражалось недоумѣніе, — онъ точно былъ ошеломленъ чѣмъ-то,—подалъ пальто начальнику, который, чрезъ минуту, катилъ уже въ своей каретѣ темно-шоколаднаго цвѣта.

Часа два спустя послѣ того, я торопился домой, чтобы убѣжать отъ дождя, который усиливался съ каждой минутой. Холодная капля, упавшая мнѣ за воротникъ, заставила меня приподнять голову; смотрю, а ужъ Тарасенко пробирается подлѣ длинныхъ дрогъ ломового извощика; на дрогахъ возсѣдаетъ его жена и тёща, окруженная всякимъ домашнимъ хламомъ, какъ-то: постелью, периной, сундукомъ, плошками, корытцомъ и проч., и проч. Во время дождя, всѣ физіономіи принимаютъ вообще плаксивый, кислый видъ; такою же точно показалась мнѣ и физіономія Тарасенки; но этому, впрочемъ, могла также способствовать косынка, которою перевязаны были щеки Тарасенки и которая придавала лицу его какое-то бабье выраженіе.

Три дня спустя, директоръ, пріѣхавъ въ департаментъ, случайно какъ-то встрѣтилъ экзекутора.

— Гдѣ-жъ Тарасенко? спросилъ онъ съ тою доброй, милой улыбкой, которая всегда его отличала: — что его не видать?.. Ужъ не боленъ ли онъ?..

— Его уже нѣтъ, ваше превосходительство, — онъ отставленъ отъ должности...

— Это почему?..

— Невозможно было оставить, ваше превосходительство, — человѣкъ самаго нетрезваго поведенія...

— Жаль, сказалъ начальникъ: — очень, очень жаль! Онъ казался мнѣ всегда такимъ кроткимъ, смиреннымъ... Очень жаль!..

Послѣ того не было уже помину объ этомъ предметѣ. Тарасенко канулъ какъ въ воду, — и все пошло опять своимъ порядкомъ, производя свои обычныя отраженія сверху внизъ.

II.

СУЕТА.

Часъ десятый въ началѣ. Туманное петербургское утро смотритъ кислымъ, плаксивымъ свѣтомъ въ единственное окно мрачной прихожей небольшой холостой квартиры. На первомъ планѣ, у двери, на полу свирѣпо шипитъ нечищенный самоваръ, увѣнчанный чайникомъ, въ которомъ, судя по пылающимъ углямъ сквозь нижнюю рѣшетку самовара, чай настоялся до крайней степени и долженъ имѣть видъ крѣпкаго пива; на второмъ планѣ столъ съ подносомъ; на немъ чистый стаканъ на блюдечкѣ, сахарница, серебряная ложечка и десяти-копѣечная французская булка. Далѣе, на скомканной сосновой кровати рисуется человѣкъ въ сидячемъ положеніи. Трудно рѣшить, что дѣлаетъ онъ въ настоящую минуту; даже подойдя ближе, никакъ не скажешь,—спитъ ли онъ или такъ сидитъ, погруженный въ созерцаніе своихъ мыслей. Человѣкъ этотъ принадлежитъ (то-есть не совсѣмъ, а на столько, на сколько можетъ принадлежать человѣкъ, нанимающійся въ мѣсяцъ за три цѣлковыхъ), — принадлежитъ Алексѣю Васильевичу Блошкину, который покоится крѣпкимъ сномъ черезъ двѣ комнаты.

Самоваръ въ десятый разъ закипаетъ бѣлымъ ключомъ и пускаетъ вдругъ такой пронзительный свистъ, что человѣкъ встряхиваетъ головою. Онъ протяжно зѣваетъ, мутными глазами оглядываетъ самоваръ, потомъ окно, приподымается на ноги и медленнымъ шагомъ выходитъ въ сосѣднюю комнату.

Съ перваго взгляда замѣтно, что хозяинъ квартиры человѣкъ небогатый и, притомъ, не домосѣдъ. Мебель второй комнаты, очевидно, поставлена только для формы: нельзя же, чтобы комната оставалась совершенно голою! Противъ зеркала, на столикѣ сверкаетъ лампа, никогда не зажигаемая, и пепельница, въ которой никогда не бываетъ пепла.

Лакей проходитъ въ спальню. Откинутыя занавѣси и

поднятыя шторы свидѣтельствуютъ, что лакей уже не въ первый разъ сюда заглядываетъ. На столѣ, подлѣ кровати съ спящимъ Блошкинымъ, чикаютъ маленькіе золотые часы (не дорогая вещица, но все-таки можно не безъ удовольствія вынимать ее изъ жилетнаго кармана на улицѣ, въ театрѣ и даже въ обществѣ); тутъ находится также мутный графинъ съ водою и романъ графини Дашъ, заложенный на десятой страницѣ вотъ ужъ скоро мѣсяцъ (вы вскорѣ убѣдитесь, что Блошкину рѣшительно не было времени заниматься чтеніемъ). Противъ другого окна также столъ, но уже большаго размѣра и покрытый ситцевымъ чахломъ. На немъ зеркало, бритвенный несессеръ въ сафьяномъ ящикѣ, фарфоровыя банки съ помадой и пудрой, духи, подпилочки для ногтей, щетки, гребни, розовый бантъ, принадлежавшій женскому маскарадному домино, развернутый бумажникъ съ листками, исписанными адресами, и многочисленная коллекція золотыхъ и всякихъ другихъ рубашечныхъ запонокъ. Всѣ эти предметы невольно заставляютъ предполагать въ Блошкинѣ молодого человѣка, не пренебрегающаго наружностью. Въ комодѣ его хранится нѣсколько дюжинъ рубашекъ, изъ коихъ дюжина съ манишками, вышитыми по послѣднему фасону; носовые платки тонки и по угламъ украшены готическими буквами: А и Б. Вообще, бѣлье его и галстуки очень хороши. То же можно сказать о ботинкахъ и платьѣ, которое виситъ въ огромномъ шкапѣ: фраки, сюртуки, жилеты, панталоны и даже форменный вицъ-мундиръ, безъ сомнѣнія, вышли изъ мастерской лучшаго портного.

Въ квартирѣ своей молодой Блошкинъ кажется бѣднымъ молодымъ человѣкомъ, богатство котораго заключается въ бѣльѣ, платьѣ и золотыхъ часахъ; на улицѣ и въ обществѣ онъ имѣетъ видъ джентльмена, строго соблюдающаго наружныя условія, требуемыя свѣтомъ. Но Блошкинъ спитъ; воспользуемся случаемъ сказать нѣсколько словъ о его наружности.

Ему лѣтъ двадцать-пять, двадцать-шесть, никакъ не больше, но и не менѣе. Онъ не красивъ, но и не дуренъ собою. Нѣтъ ничего труднѣе сдѣлать вѣрное опредѣленіе

о характерѣ Блошкина по лицу его,—до такой степени отличается оно отсутствіемъ выраженія; самъ Лафатеръ сталъ бы, кажется, въ тупикъ. Всѣ черты его неопредѣленно какъ-то обозначались и все было какъ-то кругло: носъ, подбородокъ, лобъ, губы, щеки,—все казалось кругленькимъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ общемъ, все это не представляло ничего одутловатаго, грубаго; не дышало свѣжестью, но и нельзя сказать опять, чтобы имѣло видъ болѣзненный... Волосы его, остриженные не коротко и не длинно, переходили изъ каштановаго цвѣта въ свѣтлорусый; замѣчательно было, что волосы его, даже теперь, послѣ нѣсколькихъ часовъ сна, оставались приглаженными, какъ будто по нимъ тотчасъ же прошла щетка; они спускались дугами по обѣимъ сторонамъ изумительно правильнаго пробора, прохваченнаго на затылкѣ à l'anglaise. Изъ-подъ одѣяла выглядывала кисть руки его,—нѣсколько мясистая кисть, но очень красивая, съ ногтями, тщательно обдѣланными въ видѣ миндалины; полураскрытыя губы позволяютъ различать рядъ правильныхъ бѣлыхъ зубовъ.

Какого рода сновидѣнія витаютъ въ настоящую минуту надъ головою молодого человѣка?

Сновидѣнія—многіе утверждаютъ, не что иное, какъ повтореніе въ болѣе или менѣе ясныхъ, опредѣленныхъ формахъ, повтореніе тѣхъ впечатлѣній, которыя получаемъ мы на-яву и которыя, съ бо̀льшею или меньшею силой, дѣйствовали на воображеніе. Мы безошибочно можемъ разсказать впечатлѣнія Блошкина; намъ въ совершенствѣ знакомы самыя задушевныя, сокровенныя его мысли и мечтанія, — словомъ, все то, что доставляетъ работу его мозгу. Голова его постоянно обработываетъ три главные предмета, которые собственно составляютъ цѣль жизни и сущность его мечтаній.

Въ молодости своей мечтаетъ онъ получить камеръ-юнкера; въ среднихъ лѣтахъ мечтаетъ жениться на благовоспитанной и богатой дѣвушкѣ (онъ не прочь отъ купчихи, но только съ воспитаніемъ, которое легко бы обманывало свѣтъ въ ея происхожденіи); для зрѣлаго возраста мечтанія его не простираются далѣе чина, который позволилъ бы ему перейдти въ провинцію и занять тамъ

вице-губернаторское мѣсто. Основываясь на этомъ, мы можемъ почти опредѣлительно сказать, что Блошкинъ видитъ во снѣ осуществленіе одной изъ любимѣйшихъ своихъ мыслей. Но сонъ его прерывается, можетъ быть, на самомъ интересномъ мѣстѣ, лакеемъ, который начинаетъ раскачивать будущаго вице-губернатора за ногу.

— Алексѣй Васильичъ... вставайте!.. Девять часовъ!..

Блошкинъ открываетъ темные глазки; въ нихъ не замѣтно ни особеннаго остроумія, ни также вопіющей тупости мыслительныхъ способностей.

— Который часъ?

— Девять; пять минутъ десятаго, возражаетъ лакей.

— Ахъ, Боже мой!.. Скорѣй одѣваться... или нѣтъ: давай прежде бриться... Самоваръ поставленъ?

— Ужь третій разъ воду наливаю;—давно готовъ.

— Что жъ ты раньше меня не разбудилъ?.. Скорѣй бриться! ахъ, Боже мой, и въ самомъ дѣлѣ десять минутъ десятаго!..

Блошкинъ накидываетъ сѣрый байковый халатъ, покрывавшій его ноги, и бросается къ зеркалу.

По прошествіи десяти минутъ, уже выбритый и умытый, онъ приступаетъ къ туалету и одѣвается съ такою поспѣшностью, что, можно думать, его ожидаетъ любовное свиданіе. Онъ не забываетъ, однакожъ, ни одной запонки, ни одной пуговки, ни одного волоска, который могъ бы придать головѣ его небрежный видъ. Надо также дивиться искусству, съ какимъ повязываетъ онъ галстукъ: разъ, два, три, — и на шеѣ появляется бантъ, надъ которымъ другой просидѣлъ бы полчаса. Алексѣй Васильичъ въ то же время прихлебываетъ чай, который дѣйствительно перепрѣлъ и на видъ крѣпче чернаго пива; но молодому человѣку не до того, — часы показываютъ половину десятаго.

— Бекешъ!

Лакей подаетъ бекешъ.

— Шляпу!

Лакей подаетъ шляпу. Надѣвъ то и другое, Блошкинъ стремительно покидаетъ комнату, спускается съ лѣстницы, выходитъ на улицу и садится на извощика

(каждая секунда дорога ему,—онъ выбираетъ, однакожъ, порядочнаго извощика).

— Пошелъ!

Блошкинъ не перестаетъ погонять и останавливается тогда только, когда лошадь, понукаемая кнутомъ, пускается въ галопъ, что возбуждаетъ смѣхъ другихъ извощиковъ, стоящихъ на биржѣ. Ровно въ десять часовъ молодой человѣкъ подкатываетъ къ большому дому съ подъѣздомъ, выпрыгиваетъ изъ саней, отдаетъ деньги и входитъ въ прихожую, окруженную вѣшалками со множествомъ шубъ, шинелей, пальто и бекешей.

— Его превосходительство пріѣхалъ? спрашиваетъ онъ у инвалида, исправляющаго должность швейцара.

— Сейчасъ изволили пріѣхать.

Одна секунда потребна Блошкину, чтобы снять бекешъ, и одной минуты достаточно на то, чтобы взбѣжать по лѣстницѣ и очутиться въ комнатѣ, гдѣ пишутъ, болтаютъ и расхаживаютъ лица въ вицъ-мундирахъ.

— Блошкинъ, здравствуйте! Васъ зачѣмъ-то его превосходительство спрашивалъ...

— Ахъ, Боже мой... бормочетъ молодой человѣкъ, суетливо застегивая вицъ-мундиръ и пускаясь въ припрыжку по анфиладѣ комнатъ.

— Блошкинъ, здравствуй!.. Послушай, будешь ты сегодня въ театрѣ?

— Извините, господа, некогда, послѣ...

При входѣ въ кабинетъ его превосходительства, лицо молодого человѣка и вся его фигура пріобрѣтаютъ внезапно что-то солидное.

— Вашему превосходительству угодно было меня спрашивать? говоритъ онъ, стараясь держаться не очень прямо, но, опять-таки, и не очень развязно.

— Да; возьмите эту бумагу; распорядитесь, чтобы она была какъ можно скорѣе готова... Возьмите также и эту... Только, прошу васъ, сдѣлайте все эта безъ замедленія.

Блошкинъ считается очень усерднымъ молодымъ человѣкомъ: на него не возлагаютъ большихъ надеждъ,—но, вообще, онъ на хорошемъ замѣчаніи у начальника. Если

Алексѣю Васильичу некогда было отвѣчать товарищамъ на пути въ директорскій кабинетъ,—ему, безъ сомнѣнія, еще менѣе возможно исполнить это въ настоящую минуту. Онъ садится за столъ и пишетъ съ неимовѣрною быстротою, что не мѣшаетъ ему, однакожъ, соблюдать точность, которую выказывалъ онъ, когда торопился одѣваться. Написавъ первую бумагу, онъ смотритъ на часы и быстро поднимается съ мѣста.

— Сдѣлайте одолженіе, Сѣверцовъ, напишите эту бумагу... Я съ своей стороны сдѣлаю то же и для васъ въ другое время; мнѣ необходимо съѣздить на минуту... Пожалуйста, прошу васъ!..

Сѣверцовъ охотно соглашается.

На этотъ разъ, Блошкинъ нанимаетъ уже лихача и впередъ условливается, чтобы тотъ не опоздалъ на станцію желѣзной дороги, гдѣ отравленіе совершается, какъ извѣстно, ровно въ одиннадцать. На дебаркадерѣ Алексѣй Васильичъ встрѣчаетъ двухъ-трехъ знакомыхъ лицъ, — но спѣшитъ пройдти мимо: ему некогда останавливаться, онъ суетливо направляется къ отъѣзжающей дамѣ, которую окружаетъ многочисленное семейство и толпа пріятельницъ. Увидѣвъ Блошкина, отъѣзжающая дама киваетъ только головою и произноситъ разсѣянно: «bonjour!» Ей, очевидно, не до него; она занята разговорами съ родными и близкими ея сердцу. Но Алексѣй Васильичъ считалъ своею обязанностью присутствовать на ея проводахъ и показаться на дебаркадерѣ. (Не мѣшало бы пріискать русское слово, а то все кажется, что говоришь объ Абдель-Кадерѣ). Алексѣй Васильичъ считаетъ также своимъ непремѣннымъ долгомъ сказать нѣсколько словъ пріятельницамъ и родственницамъ отъѣзжающей. Онъ говоритъ одной: «княгинѣ будетъ холодно ѣхать... сегодня шестнадцать градусовъ!»... Другой: «неправда ли, какъ вообще грустно разставаться?»... Третьей: надо, однакожъ, сознаться, желѣзная дорога отличная выдумка; княгиня немножко поскучаетъ, но за то завтра утромъ — она въ Москвѣ!»

Первый звонокъ производитъ живительное дѣйствіе на Блошкина: онъ суетливо прочищаетъ дорогу дамамъ;

но болѣе всего оживляется онъ, когда раздается послѣдній свистъ паровоза и вагоны трогаются; онъ приподымаетъ шляпу, машетъ платкомъ и чуть ли даже не со слезами на глазахъ восклицаетъ, вмѣстѣ съ родственниками отъѣзжающей: Adieu, madame la princesse! Bon voyage! Adieu! Adieu!»...

Четверть часа послѣ отъѣзда машины, онъ снова подпрыгиваетъ по лѣстничнымъ ступенямъ служебнаго мѣста. Бумаги готовы; онъ несетъ ихъ къ его превосходительству, не забывая прежде застегнуть вицъ-мундиръ.

Около двухъ часовъ чиновники начинаютъ расходиться, и Блошкинъ изъ первыхъ появляется на улицѣ. Онъ летитъ домой, чтобы перемѣнить форменное платье на утренній костюмъ, и пускается стремглавъ на дальній конецъ Петербурга, — въ Кирочную. Визиты его непродолжительны; онъ дѣлаетъ ихъ для виду, — отчасти для того также, чтобы нѣкоторымъ образомъ о себѣ напомнить. А впрочемъ, не могу опредѣлить настоящей его цѣли. Онъ пріѣзжаетъ, всходитъ на лѣстницу и является въ гостиную.

«Bonjour, madame la comtesse»... или: «Mr. le comte, j'ai bien l'honneur... m-m-m»... говоритъ онъ, вызывая на лицѣ своемъ пріятную, хотя скромную улыбку. Послѣ того, Алексѣй Васильевичъ занимаетъ вакантное мѣсто. Онъ считаетъ непремѣннымъ долгомъ сказать нѣсколько словъ сосѣдямъ или хозяевамъ дома: — «Были вы вчера въ оперѣ?» (если вчера была опера) или: «сегодня ужасно холодно,—шестнадцать градусовъ!»... или: «послѣднія политическія новости не предвѣщаютъ, кажется, ничего хорошаго?»... Тонъ его рѣчи больше вопросительный; онъ говоритъ рѣдко, но много слушаетъ,—и слушаетъ всегда, надо сказать, съ большимъ вниманіемъ.

Онъ ловитъ первый случай, и также незамѣтно исчезаетъ изъ гостиной, какъ незамѣтно вошелъ въ нее,— и снова летитъ въ другой конецъ города.

— Bonjour, m-me la princesse...

— Mon prince, j'ai bien l'honneur... m... m...

— Были вы вчера въ оперѣ?—Сегодня ужасно холодно — шестнадцать градусовъ!.. и т. д., и т. д., — по-

вторяетъ онъ на Вознесенской, на Владимірской и у Таврическаго сада.

Въ четыре часа вы можете всегда встрѣтить Блошкина на тротуарѣ Невскаго проспекта; руки его плотно заложены въ задніе карманы бекеши; шагъ его суетливъ, лицо выражаетъ озабоченность. Ему поминутно приходится кивать головою и раскланиваться проѣзжающимъ мимо каретамъ. Онъ терпѣть не можетъ нищихъ мальчишекъ, которые привязываются къ гуляющимъ и просятъ копѣечку. Завидя издали такого мальчика, Блошкинъ ускоряетъ шагъ и несется мимо съ неуловимою быстротою. Онъ рѣшительно не имѣетъ времени остановиться поговорить съ знакомымъ.

— Bonjour, Блошкинъ! Были вы вчера въ оперѣ? Какъ пѣла де-Мерикъ? спрашиваютъ его мимоходомъ.

— Скверно,—была не въ голосѣ, возражаетъ Алексѣй Васильевичъ тоже мимоходомъ.

Десять шаговъ далѣе, встрѣчается новый знакомый.

— Bonjour! говоритъ въ свою очередь Блошкинъ:— были вы вчера въ оперѣ? какъ пѣла де-Мерикъ? По-моему, была не въ голосѣ, скверно пѣла!

— Что вы! Она никогда еще такъ не пѣла; она была поразительно хороша... charmante!..

Десять шаговъ далѣе, встрѣчается третій.

— Были вы вчера въ оперѣ, Блошкинъ? спрашиваетъ этотъ:—я не былъ; какъ пѣла де-Мерикъ?

— Поразительно!—удивительно была хороша, — charmante! съ убѣжденіемъ возражаетъ Блошкинъ, и устремляется къ Полицейскому мосту.

Тутъ смотритъ онъ на часы, бросается сломя голову въ сани и стрѣлою пускается домой, чтобы надѣть фракъ и поспѣть къ обѣду, куда его пригласили, сами не зная зачѣмъ, и куда онъ ѣдетъ, самъ не зная для чего,—но ѣдетъ, однакожъ, не взирая на страшную дальность разстоянія. Замѣчательнѣе всего, что Блошкинъ никогда не опаздываетъ. Едва пробило пять, онъ появляется въ гостиную того дома, куда звали обѣдать.

Общество многочисленно, въ гостиной идетъ очень одушевленная бесѣда. Весьма натурально, хозяинъ и хо-

зяйка дома могутъ только кивнуть Блошкину головою: «Bonjour, m-r Blochkine!»—вотъ все, что успѣваютъ они сказать ему. Но извѣстная уже, пріятная, хотя скромная улыбка сіяетъ на лицѣ Алексѣя Васильича во все время, пока общество отправляется къ столу и усаживается. Та же улыбка отличаетъ его за столомъ, когда разговоръ дѣлается общимъ.

Разговоръ замѣчательно интересенъ. Очень развязный молодой человѣкъ повѣствуетъ о путешествіи своемъ въ Италію, откуда только-что вернулся и гдѣ пробылъ два мѣсяца. Флоренція оставила въ душѣ его особенно пріятное впечатлѣніе; въ то время, какъ онъ находился въ этомъ городѣ, туда пріѣхали графиня Бабикова, княгиня Шишкина, m-me Маковская и князь Белебѣевъ; такимъ образомъ составился почти свой петербургскій кружокъ и время проходило необычайно весело. Слушатели вполнѣ соглашаются и восклицаютъ: «c'etait charmant!» хотя каждый думалъ про-себя, что разскащику не стоило ѣздить въ Италію искать впечатлѣній, которыя могъ бы онъ, не стѣсняя себя долгимъ путемъ, встрѣтить въ Морской и Милліонной. Послѣ молодого путешественника, нитью разговора овладѣваетъ сѣдовласый дипломатъ, обстриженный подъ гребенку и до такой степени сухой, костлявый и хрупкій, что, кажется, того и смотри разсыплется какъ старый бисквитъ. Онъ распространяется о добродѣтеляхъ недавно умершей графини, которую всѣ знали, глубоко сожалѣетъ о ней и поминутно приговариваетъ, стуча себя подъ сердце: «Elle avait de ça, voyez vous, la vielle comtesse! Oui,—elle avait de ça!..»

Всѣмъ очень хорошо извѣстно, что этого-то именно (то есть сердца) и не было у покойной графини: но, тѣмъ не менѣе, всѣ подымаютъ глаза къ потолку съ выраженіемъ глубокаго, искренняго сожалѣнія.

Къ концу обѣда, и гости, и хозяева проявляютъ замѣтную суетливость. Почти всѣ ѣдутъ въ оперу; весьма естественно, никому не хочется опоздать. Въ карманѣ Блошкина также билетъ... Обѣдъ кончается.

Какъ дѣлаетъ это Блошкинъ—понять рѣшительно невозможно, но только онъ подъѣзжаетъ къ театру въ то

время, когда лица, съ нимъ обѣдавшія, находятся еще на половинѣ дороги. Онъ садится въ кресла въ ту самую минуту, какъ подымаютъ занавѣсъ. Со сцены льется сладкое пѣніе; публика затаила дыханіе. Но и здѣсь Алексѣй Васильичъ не можетъ оставаться покойнымъ: ему предстоитъ осмотрѣть и пересчитать тѣ ложи, въ которыхъ сидятъ знакомыя ему семейства; въ антрактѣ не достанетъ на это времени,—врядъ ли успѣетъ онъ даже обѣжать всѣ ложи: у него столько знакомыхъ!

Въ партерѣ находится, впрочемъ, около друхсотъ человѣкъ, которые подвергнуты тѣмъ же самымъ заботамъ, что и Блошкинъ. Едва раздается начало финала перваго дѣйствія,—всѣ вскакиваютъ, суетливо выходятъ изъ креселъ и разсыпаются по фойе и коридорамъ. То же самое происходитъ при началѣ финала второго дѣйствія и третьяго. Въ серединѣ послѣдняго дѣйствія суета замѣтно начинаетъ овладѣвать уже всею публикой. Не дослушавъ послѣдней аріи, публика разомъ подымается со своихъ мѣстъ и торопливо спускается къ подъѣздамъ. Справедливость требуетъ сказать, что Блошкинъ опережаетъ всѣхъ и первый садится на извощика. Онъ спѣшитъ явиться во время на балъ въ Малую Морскую.

Алексѣя Васильича приглашаютъ на балы какъ танцора.

Въ извѣстномъ кругу Петербурга находятся два разряда молодыхъ людей, которые, по наружному виду, почти не отличаются другъ отъ друга, но между которыми существуетъ, тѣмъ не менѣе, необъятное пространство. Одни молодые люди являются въ гостиныя этого круга когда имъ заблагоразсудится, и считаются тамъ нѣкоторымъ образомъ своими; роль другихъ скромнѣе, ограниченнѣе,—они изѣстны подъ общимъ именемъ «танцоровъ». Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Блошкинъ. Нельзя даже сказать, чтобы онъ танцовалъ съ особеннымъ искусствомъ, этого не было; но хорошо то, по крайней мѣрѣ, что онъ танцовалъ безъ усталости и никогда не отказывался. Каждая хозяйка дома, приглашая Блошкина, была спокойна въ томъ отношеніи, что на ея балѣ не засидится ни одна старая дѣва, которую другіе избѣгаютъ какъ

заразу и называютъ «монстромъ». Когда въ одинъ и тотъ же вечеръ даются два бала, куда приглашенъ Блошкинъ, онъ не преминетъ показаться на обоихъ, — будь одинъ балъ у Таврическаго сада, другой за Большимъ театромъ. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, ни одна хозяйка дома не погрозила ему пальчикомъ за невниманіе къ ея приглашенію. Ни одна, правда, также и не поблагодарила его за неутомимость; но онъ доволенъ уже тѣмъ, что ему не погрозили.

Если послѣ двухъ баловъ происходитъ маскарадъ— все равно, въ Большомъ ли театрѣ, или Дворянскомъ собраніи (Блошкинъ предпочитаетъ, впрочемъ, Дворянское собраніе), — вы безъ сомнѣнія, встрѣтите его въ маскарадѣ, услышите, какъ говоритъ онъ мимо проходящимъ маскамъ: «je te connais, beau masque!» и какъ, при этомъ, лукаво, хотя безвредно улыбается.

Часу уже въ третьемъ или въ четвертомъ ночи возвращается онъ домой, подымается на лѣстницу своей квартиры, раздѣвается, падаетъ въ изнеможеніи на кровать, и мгновенно засыпаетъ, съ тѣмъ, конечно, чтобы провести такъ же точно другой день, третій, четвертый... и т. д., до безконечности, или вѣрнѣе, до той минуты, когда произведутъ его въ статскіе совѣтники и назначатъ куда-нибудь вице-губернаторомъ. Тогда только перестанетъ онъ носиться турманомъ и внезапно придастъ солидность своимъ ногамъ, лицу и вообще всей фигурѣ. Плавнымъ, размѣреннымъ и мягкимъ шагомъ будетъ выходить онъ тогда въ пріемную комнату, и выслушивая просителей, непремѣнно заложитъ правую руку за жилетъ и нѣсколько склонитъ на бокъ голову.

III.

ОТРАЖЕНІЯ.

(Оконныя занавѣси и портьеры).

Въ гостиной Виленскихъ происходила большая суматоха. Но вечера, рауты и thés-dansants слишкомъ обыкновенны у Виленскихъ, чтобы приготовленія къ нимъ могли

производить безпорядокъ; кромѣ того, приготовленія и суматоха, предшествующія празднествамъ, носятъ всегда отпечатокъ чего-то мѣщанскаго.

У Виленскихъ отель съ великолѣпной парадной лѣстницей, украшенной швейцаромъ, цвѣтами и растеніями. Но это собственно послѣднее дѣло. Въ наше время роскошные отели растутъ какъ грибы и ровно ничего не доказываютъ, кромѣ того развѣ, что на сооруженіе ихъ, а также и наемъ швейцара нужны только деньги. Средства Виленскихъ, говоря относительно, были даже очень ограниченны; но уже самая обстановка ихъ была такого рода, что они никогда, ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ видомъ не могли допускать у себя мѣщанскихъ обычаевъ.

Положеніе въ обществѣ нѣкоторыхъ лицъ, подобныхъ Виленскимъ, представляется намъ всегда въ видѣ пьедестала, который возноситъ ихъ надъ уровнемъ обыкновенныхъ смертныхъ, попирающихъ тротуаръ и мостовую. Человѣку, стоящему на этомъ пьедесталѣ волей и неволей, слѣдуетъ подчиняться особеннымъ условіямъ; условія эти извѣстны: они требуютъ, прежде всего, спокойствія и величавости. Сдѣлавшись уже по этому самому предметомъ вниманія, вы невольно выставите впередъ грудь, закинете назадъ голову и примете благородную осанку. Многіе, конечно, посмотрятъ на васъ съ своей точки зрѣнія; васъ обвинятъ въ высокомѣріи, скажутъ, что вы надменны, надуты, задираете носъ и выказываете глупѣйшую и ничѣмъ неоправданную гордость; но это несправедливо,—это докажетъ только, что люди, бросающіе такого рода обвиненія, не поняли самой простой вещи, именно: вашего положенія въ свѣтѣ.

Но это еще не все: еслибъ достаточно было выпучивать грудь и кидать величественные взгляды, мы вскорѣ никого бы почти не встрѣтили на мостовой; всѣ полѣзли бы на пьедесталы. Но въ томъ-то и дѣло, что это не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда. Не каждый ли день имѣемъ мы случай видѣть смертныхъ, которые вспрыгиваютъ на высоту и возбуждаютъ только смѣхъ, или, что еще хуже,—не удерживаются на своемъ

мѣстѣ, теряютъ равновѣсіе и постыдно шлепаются на земь?.. Ясно, слѣдовательно, какъ дважды два—четыре, ясно, что пребываніе на высотахъ, о которыхъ мы говоримъ, требуетъ особенной снаровки. Снаровка—или назовите какъ хотите—состоитъ вотъ въ чемъ... но для краткости возьмемъ лучше примѣръ.

Положимъ, вы адски бѣдны (можно стоять на пьедесталѣ и не имѣть гроша денегъ въ карманѣ,—это ничего); вы получили наслѣдство, или выиграли въ карты значительный кушъ денегъ (можно также вести адскую игру, стоя на пьедесталѣ; можно даже дѣлать долги и не платить ихъ; главное, во всѣхъ этихъ случаяхъ не слѣдуетъ только терять величаваго спокойствія и наружнаго достоинства); итакъ, неожиданный выигрышъ или наслѣдство наполняютъ ваше сердце порывами самой необузданной радости; но въ томъ-то и штука вся, что вы не должны выказывать того, что чувствуете, особенно такихъ мѣщанскихъ чувствъ, какъ радость или удивленіе, если хотите удержаться на пьедесталѣ. Вамъ слѣдуетъ принять и деньги, и наслѣдство съ тѣмъ видомъ, какъ еслибъ предложили вамъ папироску,—ни болѣе, ни менѣе; конечно, безъ привычки это почти невозможно; но, повторяю вамъ, въ этомъ вся штука.

Мысль объ этомъ положеніи, которымъ такъ справедливо гордились всегда Виленскіе, управляла, можно сказать, всѣми ихъ дѣйствіями. Во всю свою жизнь ни разу не измѣнили они величавому спокойствію, ни разу не потеряли равновѣсія, ни разу не забыли, что стоятъ на пьедесталѣ и, слѣдовательно, должны подчиняться извѣстнаго рода законамъ и дѣйствовать согласно извѣстнаго рода убѣжденіямъ.

Въ наше время, поступки такъ часто противорѣчатъ образу мыслей, такъ часто приходится повторять пословицу: «на словахъ ораторъ, на дѣлѣ плантаторъ», что мы съ особеннымъ наслажденіемъ приведемъ здѣсь нѣсколько случаевъ изъ частной жизни Виленскихъ. Короче было бы представить васъ Виленскимъ. Но, не имѣя лично большого общественнаго значенія и притомъ находясь въ полной неизвѣстности касательно вашего положе-

нія въ свѣтѣ, почтенный читатель,—я, при всемъ моемъ желаніи, не могу этого сдѣлать. Доступъ къ Виленскимъ очень труденъ; близкое знакомство невозможно для тѣхъ, кто не занимаетъ въ свѣтѣ одинаковаго съ ними положенія. Въ пятнадцатилѣтнее знакомство мое съ ними, Виленскій, при встрѣчѣ со мною даже у себя дома, когда насъ никто не видитъ, подаетъ мнѣ всего два пальца... Итакъ, скрѣпивъ сердце, обратимся къ случаямъ изъ частной жизни.

Семь лѣтъ назадъ, Виленская лишилась бабушки, единственной родственницы по женской линіи; бабушка была настоящей воспитательницей внучки, которая осталась круглою сиротою на трехлѣтнемъ возрастѣ. Смерть бабушки дѣлала Виленскую полною наслѣдницею порядочнаго имѣнія; она весьма въ немъ нуждалась. Оно освобождало ее разъ навсегда отъ тяжкой обязанности обращаться къ мужу, склоняться надъ плечомъ его, прибѣгать къ нѣжнымъ и милымъ ласкамъ всякій разъ, какъ приближался срокъ платить модисткѣ. Можете судить, что̀ должна была чувствовать Виленская и какъ трепетно билось ея сердце! При всемъ томъ, прелестное лицо ея неизмѣнно сохраняло величавость и спокойствіе; можно было думать, ее скорѣе печалила смерть бабушки, чѣмъ радовало наслѣдство. Всѣ положительно утверждали, что Виленская вела себя въ этомъ случаѣ съ замѣчательнымъ тактомъ. На похоронахъ, гдѣ я присутствовалъ, стараясь попадаться какъ можно чаще на глаза обоимъ Виленскимъ и придавая лицу своему выраженіе скорби и печали,—только и слышались возгласы: «m-me Vilensky s'est conduite avec dignité vraiment remarquable!..»

Очень еще недавно, вслѣдствіе какого-то объясненія съ мужемъ... а впрочемъ, не знаю,—быть-можетъ, прежде еще нервы Виленской разстроены были девятью балами, на которыхъ она сряду присутствовала, и гдѣ очень много танцовала,—но только возвратясь изъ кабинета мужа, она почувствовала вдругъ головокруженіе и тяжело опустилась на диванъ. Горничныя тотчасъ же сбѣжались, старшая камеристка быстро принялась за шнуровку и, обратившись къ другимъ, сказала, указывая на ноги барыни:

«положите ей скорѣй ноги на диванъ!» Виленская была очень блѣдна; но едва камеристка произнесла эти слова, лицо ея покрылось краской благороднаго негодованія; она раскрыла глаза, строго взглянула на горничную и мгновенно дала ей почувствоватъ всю грубость ея выраженія: «развѣ говорятъ: ея ноги? Я не могла сказать: положите на диванъ ноги ея превосходительства?..»

Но намъ не перечесть всѣхъ случаевъ, которые доказываютъ, что чувство собственнаго достоинства никогда не оставляло Виленскую. Мы можемъ сказать, что въ душѣ Виленскаго сознаніе собственнаго величія, а также умѣнье владѣть собою, нисколько не были слабѣе.

Такъ, напримѣръ, Виленскій, носившій парикъ, неоднократно замѣчалъ, что волосы этого парика могли весьма легко принадлежать прежде какому-нибудь водовозу; онъ, разумѣется, шутливо развивалъ свою философскую мысль, и даже смѣялся, когда жена восклицала съ отвращеніемъ: «Oh, fi!.. fi, quelle horreur!..» со всѣмъ тѣмъ, однакожъ, мысль, что къ темени его дѣйствительно могли прикасаться волосы водовоза или лакея, часто занимала Виленскаго; оставаясь наединѣ, онъ, повидимому, серьезно даже задумывался иногда надъ такимъ предметомъ. Не довѣряя, вѣроятно, своему куаферу (куаферъ былъ гасконецъ), и не желая тревожить себя сомнѣніемъ, онъ снялъ парикъ и съ тѣхъ поръ никогда уже его не надѣвалъ.

Но этотъ примѣръ такъ ничтоженъ, что, по настоящему, не слѣдовало упоминать о немъ. Приведемъ другой.

Лѣтъ пять назадъ, Виленскій лишился сына, отъ перваго брака. (Страшный случай: съ опрометчивостью, свойственною восемнадцатилѣтнему юношѣ, молодой Виленскій имѣлъ неосторожность держать пари, что выпьетъ одна за другою три бутылки шампанскаго, потомъ сядетъ на скаковую лошадь и будетъ скакать съ однимъ извѣстнѣйшимъ жокеемъ; пари, къ несчастію, сослоялось, чему особенно способствовала одна хорошенькая французская актриса, въ которую безъ памяти былъ влюбленъ молодой человѣкъ, и которая подожгла его самолюбіе; съ перваго прыжка скакуна, несчастный юноша, цвѣтъ и

украшеніе общества, упалъ и ударился головою о барьеръ, его подняли мертвымъ!) Можете судить о положеніи отца, когда сообщили ему о смерти нѣжно любимаго сына! Нужно самому имѣть взрослыхъ дѣтей, чтобъ вполнѣ понять его отчаяніе! Онъ былъ убитъ горемъ; въ первые два дня боялись, чтобы не произошло съ нимъ удара, и докторъ не отходилъ ни на секунду. И что-жъ бы вы думали? При выносѣ тѣла, Виленскій держалъ себя такъ спокойно, плакалъ съ такимъ достоинствомъ, что привелъ всѣхъ въ справедливое умиленіе.

Я всегда питалъ къ Виленскимъ чувство невольнаго благоговѣнія; но послѣ этихъ похоронъ (я также на нихъ присутствовалъ, стараясь, по-прежнему, подвертываться какъ можно чаще на глаза обоихъ супруговъ), да! только послѣ этихъ похоронъ я вполнѣ почувствовалъ ту неизмѣримую дистанцію, которая существуетъ между смертнымъ, стоящимъ на пьедесталѣ и тѣмъ, который пресмыкается на мостовой и тротуарѣ; теперь я удивляюсь Виленскимъ. Вѣдь удивляемся же мы, слушая разсказы о римскихъ гладіаторахъ, которые, въ минуту смерти, считали долгомъ сохранять красоту формъ и спокойствіе. Не во сто ли кратъ справедливѣе удивляться современному человѣку, который подавляетъ святѣйшія чувства своего сердца для поддержки своего наружнаго достоинства?

Но мы не можемъ говорить о Виленскихъ безъ увлеченія; начавъ такимъ образомъ, мы, пожалуй, никогда не кончимъ. Обратимся къ суматохѣ, которая — теперь это уже ясно — не могла происходить безъ побудительной причины.

Великолѣпная гостиная была на себя не похожа. Вмѣсто сладчайшаго пѣнія итальянскихъ артистовъ, которыхъ Виленскіе приглашали разъ въ зиму (не столько по собственному желанію, сколько потому, что этого почти требовало ихъ положеніе въ свѣтѣ), раздавался теперь оглушительный стукъ молотковъ; изящная французская болтовня, невольно переносившая васъ ко временамъ Мариво, уступала мѣсто русскимъ возгласамъ, которые ни въ какомъ случаѣ не могли назваться «du marivaudage»; вмѣ-

сто ловкихъ денди и легкихъ, воздушныхъ дамъ, сновали взадъ и впередъ неуклюжіе мастеровые въ затрапезныхъ халатахъ. Вмѣсто жардиньерокъ съ цвѣтами, передъ окнами воздвигались безобразныя лѣстницы, опутанныя веревками. Диваны, patés и кресла, раскинутыя по гостиной въ живописномъ безпорядкѣ, громоздились теперь посреди паркета и лежали опрокинутые на спинку; передъ нами, стоя на колѣняхъ или присѣвъ на корточки, работали мастеровые: они сдирали старую шелковую обивку и накладывали вмѣсто нея ткань, имѣвшую видъ роскошнаго ковра и именуемую moquette. Занавѣси и портьеры изъ того же moquette, но только подбитаго бѣлымъ муаромъ, привѣшивались къ дверямъ и окнамъ другими мастеровыми, стоявшими на лѣстницахъ. Всей этой вознѣ слѣдовало прекратиться къ двумъ часамъ, никакъ не позже; къ этому времени въ гостиной не должно было оставаться признака безпорядка. Случилось такъ, что этотъ самый день былъ пріемнымъ днемъ Виленской. Мастеровые, понукаемые хозяиномъ, иностраннымъ господиномъ во фракѣ, работали не переводя духъ.

Хотя стукъ молотковъ не могъ проникнуть на половину хозяйки дома (всѣ двери тщательно были заперты предупредительными слугами), она проснулась, однакожъ, въ одиннадцать часовъ. Она всегда такъ рано вставала. Отъ одиннадцати до двѣнадцати она умывалась, брала ванну и причесывалась; отъ двѣнадцати до часу пила чай, одѣвалась и къ двумъ всегда уже была готова, чтобы выйдти въ гостиную, или ѣхать съ визитами, смотря по тому, сама ли она принимала или принимали другіе.

Жизнь Виленскихъ была вся распредѣлена по часамъ и протекала въ строжайшемъ порядкѣ; все дѣлалось согласно принятой формѣ и предписанному этикету. Основываясь на этомъ, первымъ дѣломъ Виленской, какъ только она встала, было послать человѣка освѣдомиться о здоровьи мужа. Но мужъ предупредилъ жену. Его камердинеръ встрѣтился съ ея камердинеромъ въ темномъ коридорѣ, который тянулся за парадными комнатами.

— Ну, что, какъ у васъ?.. спросилъ первый.

— Ничего... А у васъ какъ?

— И у насъ ничего!.. Слышь, братъ, подхватилъ камердинеръ Виленскаго:—сегодня дома не обѣдаютъ; самъ ѣдетъ къ кому-то, и твоя также куда-то отправляется.

— Знаю; ну что жъ?

— Анна Васильевна на чай звала, и тебѣ велѣла сказать. Вчера платье ей подарили, — Анна Васильевна продала его и сегодня на чай зоветъ,—приходи же, смотри.

— Тебѣ хорошо такъ-то разговаривать...

— А что?

— А тоже, что всучила мнѣ восемь билетовъ визитныхъ... велѣла разнести непремѣнно. А когда ихъ разнесешь? Одинъ въ Милліонную, другой къ Таврическому саду, третій...

— Ну ихъ къ чорту! перебилъ камердинеръ Виленскаго, отличавшійся веселостью:—завтра разнесешь! Завтра опять пошлютъ; такъ ужъ заодно и эти карточки разсуешь... развѣ впервые!

— Пожалуй, можно...

— Ну, такъ приходи же,—я скажу Аннѣ Васильевнѣ.

— Ладно.

— Вотъ люблю! гуляй, значитъ! гуляй!.. произнесъ камердинеръ Виленскаго, выдѣлывая комическое колѣно и дружески подмигивая товарищу.

Послѣ этого, онъ обдернулъ фракъ, принялъ важную осанку и поспѣшно возвратился въ уборную, гдѣ Виленскій сидѣлъ передъ зеркаломъ съ намыленными щеками и подбородкомъ; за нимъ стоялъ съ бритвою въ рукѣ молодой верзила, состоявшій при немъ въ качествѣ брадобрея.

— Ея превосходительство изволятъ быть здоровы и приказали узнать, какъ здоровье вашего превосходительства, сказалъ камердинеръ строго-почтительнымъ тономъ.

— Благодари ея превосходительство; скажи: хорошо, возразилъ Виленскій, внимательно разсматривая себя въ зеркалѣ: –да приготовь одѣваться и вели подать карету,— я сейчасъ ѣду.

— Слушаю, ваше превосходительство! проговорилъ камердинеръ, заботливо насуливая брови и удаляясь.

Брадобрей принялся тотчасъ же за свое дѣло. По

мѣрѣ того, какъ бритва снимала мыльную пѣну, покрывавшую щеки и подбородокъ Виленскаго, лицо его, подобно Эльборусу или Машуку, освобождающимся отъ утреннихъ облаковъ, открывалось во всемъ своемъ величіи. Въ чертахъ его—чертахъ уже отцвѣтшихъ, хотя все еще прекрасныхъ — очевидно проступала какая-то озабоченность. Мудренаго нѣтъ: въ этотъ день Виленскому предстояло подписать счетомъ сто девять бумагъ самаго важнаго содержанія, предстояло присутствовать въ двухъ комисіяхъ совершенно разнороднаго характера, предстояло сдѣлать нѣсколько визитовъ, предстояло поспѣть къ пяти часамъ на посланническій обѣдъ. И это еще не все: вечеромъ предстояли ему два бала, гдѣ присутствіе его было необходимо; онъ, конечно, явится туда всего на полчаса, но шутка—возвращаться домой, переодѣваться, разъѣзжать по городу, подыматься и спускаться по парадным лѣстницамъ! Но всѣ эти неудовольствія и многосложныя обязанности не столько, казалось, озабочивали Виленскаго, сколько видъ, одинъ видъ бумаги, которая лежала развернутая подлѣ бритвеннаго зеркала; по крайней мѣрѣ, онъ не переставалъ бросать на нее задумчивые взгляды. Она написана была по-французски, но мы лучше переведемъ ее для удобства тѣхъ читателей, которые не имѣютъ счастія изъясняться въ этомъ діалектѣ.

Представляемъ въ точности ея содержаніе:

Англійскій магазинъ.

Счетъ его превосходительства г-на Виленскаго.

126 арш. moquette. . . . . 630 руб. сер.
72 » бѣлаго муаръ . . . . . 288 » »

Никельсъ и Комп.

Но мы не осмѣливаемся входить въ подробности касательно того, какого рода чувства и мысли пробуждала эта бумага въ душѣ Виленскаго: достаточно сказать, что первымъ дѣломъ его, когда онъ одѣлся, было положить счетъ въ бумажникъ. Послѣ того онъ сошелъ съ парадной лѣстницы, сѣлъ въ карету и приказалъ везти себя прежде всего въ англійскій магазинъ.

Но оставимъ Виленскаго. Объясненіе его со старшимъ прикащикомъ магазина не представляетъ ничего особенно достопримѣчательнаго. Никто, конечно, не усомнится, что Виленскій, уговаривая прикащика отложить уплату счета до новаго года, сохранялъ свое обычное недосягаемое величіе и торжественное спокойствіе. Къ тому же, такого рода объясненія слишкомъ уже обыкновенны, чтобы стоило объ этомъ роспространяться.

Къ двумъ часамъ великолѣпныя занавѣски и портьеры изъ moquette, подбитаго бѣлымъ муаръ, драпировались на дверяхъ и окнахъ; patés, кресла и диваны, обитые тою же матеріей, занимали прежнія мѣста свои; тонкое, хотя едва чувствительное благоуханіе наполняло гостиную, и вы дали бы голову на отсѣченіе, что все это устроено было скорѣе руками феи, чѣмъ взъерошенными мастеровыми, съ мозолистыми пальцами и въ затрапезныхъ, дырявыхъ халатахъ.

Въ два часа вышла Виленская, сопровождаемая хозяиномъ - обойщикомъ, иностранцемъ во фракѣ; за ними, въ пяти шагахъ, выступалъ огромнаго роста лакей, державшій въ рукахъ рабочій ящикъ госпожи своей, — безподобную игрушку, которая свободно могла умѣститься на самой маленькой ладони. Виленская приказала поставить рабочій ящикъ на столъ, бросила разсѣянный взглядъ на окна и двери, обратилась къ иностранцу во фракѣ и сказала: «C'est bien... принесите мнѣ вашъ счетъ... завтра... утромъ»...

Иностранецъ прижалъ шляпу къ груди своей, склонилъ на бокъ голову и отвѣсилъ низкій поклонъ; послѣ того, сохраняя прежнюю позу свою, началъ онъ пятиться, производя маленькіе, но очень скорые шажки, подобно тому, какъ это дѣлаютъ актеры послѣ вызова на сцену. Едва скрылся онъ изъ виду, Виленская окинула быстрымъ взглядомъ занавѣски, портьеры и вновь обитую мебель; на этотъ разъ выраженіе удовольствія ясно обозначилось на лицѣ ея, которое сдѣлалось отъ того еще прекраснѣе; къ сожалѣнію, въ эту самую минуту вошелъ лакей и доложилъ:

— Ея превосходительство, генеральша Турманова...

— Проси, сказала Виленская.

Портьеры, занавѣски и новая обивка мебели перестали вдругъ существовать для Виленской; она расположилась на диванѣ и не обращала уже на нихъ вниманія. Нельзя было думать, чтобы вниманіе ея принадлежало честь, — гостья была не болѣе, какъ жена имѣвшаго служить подъ начальствомъ Виленскаго. Минуту спустя, впорхнула Турманова.

Никакое перо не въ состояніи изобразить существа болѣе граціознаго, легкаго и воздушнаго. Лишнимъ считаю описывать ея туалетъ и наружность; загляните въ послѣднюю парижскую картинку модъ,—вы будете имѣть понятіе о ея туалетѣ; что-жъ касается до ея наружности,—разверните лучшій англійскій кипсекъ и выберите въ немъ самую хорошенькую бѣлокурую головку. Турманова затмѣвала собою всѣхъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтницъ, когда-либо существовавшихъ, и даже теперь существующихъ. Дамы ея круга, comme de raison, не чувствовали къ ней большого расположенія; говоря о ней, онѣ остроумно замѣчали, что жизнь Турмановой можно опредѣлить тремя словами: «одѣвается, переодѣвается и раздѣвается...» Мужъ Турмановой былъ еще до сихъ поръ страстно влюбленъ въ молоденькую и хорошенькую жену свою; онъ безпрекословно исполнялъ малѣйшія ея желанія и, можно сказать, носилъ ее на рукахъ. Но другого обращенія, впрочемъ, не могло переносить существо, столь слабое, нѣжное и воздушное.

Войдя въ гостиную и увидѣвъ Виленскую на диванѣ, Турманова была поражена самымъ пріятнымъ и неожиданымъ сюрпризомъ; милое лицо ея озарилось вдругъ выраженіемъ дѣтской радости; едва касаясь паркета своими ножками, она поспѣшила къ хозяйкѣ дома, которая, въ свою очередь, весело кивала ей головою и, повидимому, вполнѣ раздѣляла радость гостьи. Глядя на обѣихъ дамъ, въ душѣ вашей невольно закипало негодованіе противъ тѣхъ, которые обвиняютъ свѣтскихъ женщинъ въ холодности и въ sentiment de traitrise... Но Богъ съ ними!

Виленская радушно усадила гостью въ кресло. Кресло это было, безспорно, лучшимъ мѣстомъ во всей гостиной;

оно прикасалось къ дивану, гдѣ сидѣла хозяйка дома,— съ этого мѣста можно было обозрѣвать большую часть гостиной, которая, какъ уже извѣстно, заслуживала вниманіе; какъ разъ противъ Турмановой, за жардиньеркой и диваномъ, возвышались три окна и далѣе двѣ двери. Великолѣпныя новыя занавѣси и портьеры имѣли видъ каскадовъ изъ живыхъ цвѣтовъ, которые ниспадали по обѣимъ сторонамъ дверей и оконъ и разсыпались роскошными букетами по кресламъ, patés и диванамъ.

Но Турманова не обратила на все это большого вниманія. Казалось даже, новыя портьеры и занавѣси не были ей по вкусу.

И дѣйствительно, оконныя занавѣси изъ moquette, особенно когда подобьютъ ихъ бѣлымъ муаръ, имѣютъ то неудобство, что не пропускаютъ свѣта и даже сильно затемняютъ комнату. Мы можемъ заключить объ этомъ потому, что даже хорошенькое, свѣженькое личико Турмановой покрылось тѣнью и потеряло всю свою веселость, какъ только очутилось оно противъ оконъ, драпированныхъ этимъ moquette.

— Скажите, chère m-me Tourmanoff, какъ пѣлъ вчера Тамберликъ?

— Не знаю, chère m-me Vilensky... я не была въ театрѣ.

— Но вчера давали «Отелло»... Это, кажется, любимая ваша опера...

— Надо вамъ сказать, я вообще въ послѣднее время рѣдко ѣздила въ театръ... еще рѣже ѣзжу въ свѣтъ... Я больше сижу дома.

— Это для меня новость!.. Что-жъ вы дѣлаете дома?

— Какъ вы думаете?

— Занимаетесь хозяйствомъ? спросила Виленская.

Турманова была очень самолюбива. Роскошь, общественное положеніе и монументальное величіе Виленской постоянно давили ее; она всячески старалась высвободиться изъ-подъ этого гнета и дѣлала неимовѣрные скачки, имѣя цѣлью вознестись на пьедесталъ; но скачки никакъ не приводили къ желаемой цѣли, — и это обстоятельство, весьма естественно, усиливало внутреннее раздраженіе

посѣтительницы. Виленская не могла сказать слова безъ того, чтобы Турманова не старалась отыскать въ немъ какого-нибудь саркастическаго намека. Такъ и теперь случилось; при послѣднемъ вопросѣ Виленской, Турманова принуждена была прибѣгнуть къ веселенькому смѣху, чтобы скрыть настоящія свои чувства.

— И, нѣтъ!.. мое хозяйство (она сдѣлала удареніе на послѣднее слово) идетъ очень хорошо и безъ меня; вы не угадали... Представьте, я пристрастилась къ газетамъ... Вы смѣетесь?—нѣтъ, право; я нахожу чтеніе газетъ очень занимательнымъ; вы понимаете, я говорю, разумѣется, объ иностранныхъ газетахъ...

— Что-жъ васъ больше всего занимаетъ?.. Политика?

— Да, отчасти и политика... Но я больше читаю тѣ статьи, въ которыхъ говорится собственно о внутренней жизни Парижа... особенно о жизни de la société... Вчера еще прочла я въ «Indépendance» три статьи, въ которыхъ разсказывается о роскоши этого общества... Ахъ, chère m-me Vilensky, вы представить себѣ не можете, что это такое! Парижское общество рѣшительно безумствуетъ! C'est a qui se ruinera le premier! Можно думать, они какъ-будто задали себѣ цѣль—разориться! Роскошь, которая была при Людовикѣ XIV, ничего не значитъ передъ тѣмъ, что теперь!... Она проявляется во всемъ; въ постройкахъ, въ туалетѣ, въ убранствѣ отелей... въ частной домашней жизни... Нужно прочесть фельетоны, напримѣръ Жюль Леконта о меблировкѣ парижскихъ отелей, имѣть понятіе о томъ, до чего можетъ дойти роскошь... on ne veut que des meubles précieux!..

— Пожалуйста chère m-me Tourmanoff, не нападайте на мебель; я сама имѣю слабость къ мебели...

— Но вамъ это простительно!.. Съ вашимъ состояніемъ вы можете позволить себѣ такую роскошь... Я говорю о тѣхъ людяхъ, которые, не имѣютъ состоянія, или, по крайней мѣрѣ, не бывъ очень богатыми, увлекаются примѣромъ людей съ огромными средствами... Хуже всего то, что эта роскошь точно такъ же и у насъ овладѣваетъ теперь всѣми; не каждый ли день видимъ мы примѣры въ Петербургѣ, Москвѣ и даже провинціи?.. Мы считаемъ

долгомъ какимъ-то примѣнять тотчасъ же къ себѣ все, что видимъ у иностранцевъ... По моему мнѣнію,—это мое убѣжденіе, ma conviction la plus intime,—намъ во сто разъ больше слѣдуетъ воздерживаться отъ роскоши, чѣмъ другимъ европейцамъ. Это непремѣнно...

— Но почему же? Я, право, этого не понимаю...

— Непремѣнно, chère m-me Vilensky, непремѣнно!.. Къ этому обязываетъ насъ уже самое наше положеніе... Примите въ соображеніе, chère m-me Vilensky, одно только: кто,—надо правду сказать, il faut être juste,—кто доставляетъ намъ эти средства къ существованію? Кто доставляетъ намъ эти средства, разработывая ce sol ingrat?.. и какъ еще? à la sueur de son front!.. Нельзя не согласиться, chère m-me Vilensky, что мы, къ сожалѣнію, мало думаемъ объ этомъ. Не всѣ ли мы больше или меньше увлечены роскошью? Мы тратимъ огромныя деньги, разъѣзжаемъ на кровныхъ лошадяхъ, даемъ блистательные вечера, убираемъ наши отели (хорошенькіе глазки Турмановой съ неуловимой быстротою скользнули по оконнымъ занавѣсямъ и портьерамъ),—да, и забываемъ между тѣмъ, что тотъ, который...

— Вы, какъ видно, chère m-me Tourmanoff, проповѣдуете филантропію? перебила Виленская, сопровождая слова свои едва примѣтною улыбкой.

— Вовсе нѣтъ, вовсе нѣтъ! развѣ это значитъ быть филантропкой, когда говоришь правду? возразила Турманова, обводя глазами гостиную.

Во взглядѣ Турмановой ничего, повидимому, не было особеннаго; тѣмъ не менѣе, отъ дѣйствія этого взгляда, тяжеловѣсныя оконныя занавѣси и портьеры покрылись какъ-будто безчисленнымъ множествомъ дыръ и сдѣлались вдругъ сквозными; такъ, по крайней мѣрѣ, можно было думать, глядя на лицо генеральши, которое не только перестало заслоняться тѣнью, но озарилось даже веселостью и тѣмъ милымъ оживленіемъ, которое всегда его отличало.

— Прощайте, однакожъ, chère m-me Vilensky, сказала она, вставая:—я съ вами заболталась... Ah, mon Dieu, il est déjá trois heures... Прощайте, adieu!.

Турманова протянула Виленской руку, съ чувствомъ пожала ее и выпорхнула изъ гостиной также легко и свободно, какъ впорхнула въ нее.

Дѣйствительной статской совѣтницѣ предстояло еще два-три визита. Но, спускаясь съ лѣстницы Виленскихъ, она почувствовала вдругъ начало мигрени и, сѣвъ въ карету, приказала ѣхать домой. Мигрень у Турмановой сказывался всегда тѣмъ, что въ правомъ вискѣ начинала нестерпимо ныть и биться какая-то жилка. Сотрясеніе кареты, сырой и пасмурный день,—все способствовало къ тому, разумѣется, чтобы усилить раздраженіе жилки. Первымъ вопросомъ Турмановой, по пріѣздѣ домой, было освѣдомиться, у себя ли баринъ. Съ ея убѣжденіями (убѣжденіями, такъ горячо высказанными у Виленской), ей, безъ сомнѣнія, непріятно даже было произносить слово: «баринъ»; она дѣйствительно проговорила его съ замѣтнымъ неудовольствіемъ. И если, спрашивая о мужѣ, не могла она сказать: дома ли князь, или баронъ,—въ этомъ винить надо одну покойную мать Турмановой, которая непремѣнно хотѣла выдать дочь за Турманова.

Получивъ утвердительный отвѣтъ, Турманова поднялась на лѣстницу, сбросила шубу на руки горничной и прошла къ себѣ въ гостиную, — очень большую и хорошую гостиную, оклеенную свѣтло-палевыми обоями, согласовавшимися какъ нельзя лучше съ обивкою мебели, оконными занавѣсями и портьерами изъ превосходной шерстяной матеріи съ широкими голубыми разводами по коричневому полю. Прелестные глаза Турмановой всегда съ нѣкоторымъ самодовольствіемъ и даже любовью останавливались на этихъ предметахъ; но увы! въ настоящую минуту, взглядъ, которымъ обвела она гостиную, выразилъ только, что жилка праваго виска, предвѣщавшая мигрень, билась невообразимо ускореннымъ тактомъ и сильно заставляла страдать бѣдную женщину. Мигрень такъ наконецъ усилился, что когда явился въ гостиную Турмановъ,—жена его не въ силахъ уже была подняться съ дивана, на которомъ лежала, подперевъ крошечною своею ладонью больную голову.

— Ахъ, Боже мой!.. Что съ тобою, cher ange?.. тороп-

ливо спросилъ супругъ, представлявшій изъ себя виднаго господина, съ круглымъ маленькимъ лицомъ, не отличавшимся избыткомъ остроумія, но за то преисполненнымъ выраженія добродушія (онъ былъ, впрочемъ, остроуменъ и даже глубокъ,—но добродушіе поглощало въ немъ всѣ остальныя качества).

— Оставьте меня... проговорила супруга съ раздражительностью, свойственною всѣмъ слабымъ, нервнымъ существамъ, одержимымъ сильною головною болью.

— Но что̀ такое?..

— У меня жесточайшій мигрень... Я какъ будто предчувствовала... не даромъ не хотѣла ѣхать сегодня къ Виленской... Оставьте меня, прошу васъ.

— Но, cher ange...

— Я ужасно разстроена! нетерпѣливо прервала супруга.

— Я всегда замѣчалъ, что всякій разъ, какъ ты бываешь у Виленской, она тебя непремѣнно разстроиваетъ...

— Чѣмъ же можетъ она меня разстроивать?... Я, право, не понимаю, откуда берете вы ваши замѣчанія... Если кто-нибудь разстроиваетъ меня... ce qui m'agace les nerfs, такъ это конечно... Но, во всякомъ случаѣ, это не Виленская...

— Но, cher ange...

— Мы, просто, очень много говорили сегодня, и потому, вѣроятно, у меня такъ голова разболѣлась.

— Видишь ли, душа моя, ну, не правъ ли я?.. промолвилъ супругъ:—эта Виленская вѣчно столько накричитъ и наболтаетъ...

— De mieux en mieux!.. Еслибъ всѣ такъ много говорили, какъ Виленскаа, можно бы думать, что мы живемъ въ обществѣ нѣмыхъ!.. Вы, право, сегодня удивительны! Vous êtes impayable, mon cher, съ вашими замѣчаніями... ха, ха, ха!..

— Что съ тобою?..

— Ничего, c'est nerveux!.. Ужасно, однакожъ, какъ болитъ голова!.. Ахъ, кстати о Виленскихъ! Вы знаете, Виленскій сдѣлалъ сюрпризъ женѣ...

— Bah! произнесъ Турмановъ, превращаясь весь въ одну улыбку и самодовольно опускаясь въ кресло.

— Да; Виленская сказала какъ-то, что ей не нравятся портьеры и занавѣси въ гостиной... Мужъ велѣлъ тотчасъ перемѣнить и повѣсилъ вездѣ moquette... C'est superbe!.. Говорите, что хотите, но я всегда буду на сторонѣ Виленскаго; всегда скажу: это образецъ предупредительныхъ мужей... Это настоящій то, что̀ называютъ un mari galant!.. Ахъ, Боже мой, какъ несносно бьется эта жилка въ правомъ вискѣ!.. Пожалуйста, Athanase (Турманова звали Аѳанасіемъ), опустите занавѣсъ на томъ окнѣ... свѣтъ падаетъ мнѣ прямо на глаза... le jour fait mal... Онъ раздражаетъ еще больше нервы...

Супругъ любезно привсталъ съ мѣста и поспѣшилъ исполнить желаніе жены. Но потому ли, что онъ не раздѣлялъ ея предубѣжденія въ отношеніи къ дневному свѣту, или были другія причины, только, подойдя къ окну, онъ никакъ не могъ отъ него оторваться.

— Eh bien, Athanase... что-жъ вы тамъ дѣлаете?..

Онъ торопливо откинулъ шерстяныя занавѣси, послѣ чего возвратился на прежнее мѣсто несравненно медленнѣе, чѣмъ покинулъ его. Лицо его было красно, какъ піонъ.

— Я забылъ сказать тебѣ, началъ онъ, переминаясь и очевидно стараясь скрыть свою неловкость: — я получилъ два письма изъ деревни... Одно отъ управляющаго, другое отъ нашего дудкинскаго старосты...

— Что-жъ они пишутъ?.. вѣрно опять неурожай?..

— Почемъ ты знаешь?..

— Mon Dieu, mais c'est toujours la même chanson! Вѣчно одна пѣсня!.. Управляющій и староста, право, кажется, сговорились писать каждый годъ одно и то же!.. C'est un parti pris!.. Я увѣрена, они насъ обманываютъ; иначе быть не можетъ! Нѣтъ причины, чтобы получали мы меньше доходовъ, чѣмъ другіе; c'est absurde!.. Я никогда не жила въ деревнѣ, но убѣждена, что все это происходитъ отъ того, что управляющій и староста, по-просту, ничего не дѣлаютъ!.. Да; распустили крестьянъ, которые, разумѣется, очень этому рады, лѣнятся, не занимаются полями... По-

вѣрьте, вотъ почему годъ отъ году у насъ меньше доходовъ!.. Да, я всегда буду утверждать, всегда! всегда!— управляющій и староста попросту font leurs choux gras... Повѣрьте мнѣ!.. Все это больше ничего, какъ de la canaille, la plus fieffée canaille!..

— Успокойся, душа моя... прошу тебя, успокойся!.. Ты знаешь, какъ это тебѣ вредно... у тебя же мигрень... И наконецъ, все это не стоитъ того, чтобы выходить изъ себя... Я еще сегодня писалъ управляющему и старостѣ и обоимъ имъ мылю хорошенько голову...

— И прекрасно дѣлаешь!.. Пожалуйста, cher Athanase... потрудись встать еще разъ... Опусти занавѣсъ и на другомъ окнѣ... свѣтъ раздражаетъ мнѣ глаза... И, наконецъ, я не знаю, но эти шерстяныя занавѣси бросаютъ какой-то глупый, тусклый свѣтъ... Хорошо... merci...

Усилія, которыя дѣлала Турманова, чтобы говорить съ мужемъ, замѣтно дѣйствовали во вредъ ея головной боли. Она склонила голову на подушку и закрыла глаза.

— Cher ange... промолвилъ супругъ, торопливо возвращаясь къ дивану:—ты страдаешь!.. Не послать ли за докторомъ?..

— Нѣтъ, не надо... ничего, пройдетъ!.. возразила она слабымъ голосомъ.

Турмановъ нѣжно поцѣловалъ ея руку, умиленно поглядѣлъ ей въ лицо, потомъ неопредѣленно какъ-то обвелъ глазами гостиную, остановилъ ихъ секунды на двѣ на оконныхъ занавѣсяхъ и портьерахъ и, какъ-бы вдругъ осѣненный свѣтлой, радостной мыслью, поспѣшно вышелъ на цыпочкахъ.

Войдя въ кабинетъ, онъ приблизился къ большому письменному столу, заваленному бумагами, отыскалъ между ними письмо, уже совсѣмъ вложенное въ конвертъ, развернулъ его и бѣгло прочелъ для памяти: «...Муку ни за что не продавать за ту цѣну, которую предлагаютъ: лучше повременить и подождать болѣе выгодныхъ условій...»—«Сказать фабриканту, который предлагаетъ купить лугъ, сказать ему, что онъ дуракъ. Ты самъ знаешь, Герасимъ, луговъ у насъ и безъ того не много; я даже удивляюсь, какъ могъ ты написать мнѣ о такомъ пред-

ложеніи...» Дочитавъ до конца, Турмановъ опустилъ перо въ чернильницу и прибавилъ въ концѣ письма слѣдующее: «Обстоятельства перемѣнились; продать муку тотчасъ же; съ фабрикантомъ можешь поторговаться насчетъ луга; но, во всякомъ случаѣ, продай его, продай непремѣнно. Главное, позаботиться выслать какъ можно скорѣе деньги».

Я былъ всегда одинъ изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ хорошенькой Турмановой; но, странно, бывалъ у нея весьма рѣдко. Можете судить о моемъ удивленіи, при полученіи слѣдующей офиціальной записки: «Mr. et M-me Tourmanoff, prient M***, de leur faire l'honneur de prendre part à leur soirée du Jeudi...»

Въ назначенный четвергъ, ровно въ десять часовъ вечера, я входилъ въ гостиную Турмановыхъ. Никогда еще не видалъ я хозяйку дома такой веселой, милой и любезной: она порхала, какъ мотылекъ, отъ одного гостя къ другому; для каждаго находила милое, привѣтливое словцо; я стоялъ, какъ прикованный къ одному мѣсту, не могъ оторвать глазъ отъ нея и вполнѣ раздѣлялъ восхищеніе самого Турманова, лицо котораго сіяло, когда обращалось къ женѣ. Не могу сказать, однакожъ, чтобы мнѣ было очень весело.

Въ обществѣ Турмановыхъ, кромѣ хозяина и хозяйки дома, мнѣ былъ знакомъ всего-на-все одинъ человѣкъ; это былъ одинъ изъ столоначальниковъ Турманова. Увидѣвъ меня онъ тотчасъ же приблизился.

— Вы ничего не замѣчаете? спросилъ онъ, пожимая мнѣ руку.

— Нѣтъ; а что?

— «Обновились!» шепнулъ онъ съ особеннымъ какимъ-то удареніемъ и придавая костлявому лицу своему саркастическое выраженіе.

— Какъ—обновились?

— Взгляните... промолвилъ онъ, подмигивая на окна и двери гостиной.

Тутъ только въ первый разъ примѣтилъ я, что портьеры и оконныя занавѣси были изъ пунцовой шелковой матеріи.

— Ну, такъ что-жъ? сказалъ я: — новыя портьеры и занавѣси...

— Васъ это не удивляетъ?

— Нисколько; Турмановы имѣютъ, кажется, хорошее состояніе... Они могутъ вѣшать, что имъ угодно.

— Нѣтъ, воля ваша, смѣшно! право, смѣшно! произнесъ столоначальникъ, и пожавъ плечами, оставилъ меня.

Я невольно проводилъ его глазами; черезъ минуту онъ подошелъ къ другому господину, и хотя мнѣ невозможно было слышать ихъ разговора, но взгляды столоначальника ясно доказывали, что опять шла рѣчь о новыхъ занавѣсяхъ и портьерахъ.

«Дались же ему эти занавѣси...» Но не успѣлъ я мысленно произнести этихъ словъ,—смотрю: столоначальникъ подходитъ уже къ третьему лицу, толкаетъ его локтемъ и точно такъ же мигаетъ ему на окна и двери, вызывая на лицѣ своемъ рядъ улыбокъ самаго ядовитаго и сатирическаго свойства. Послѣ этого, я потерялъ его изъ виду.

— Скажи, пожалуйста, Каролина Ивановна, сказалъ столоначальникъ женѣ своей, когда, послѣ вечера, отправились они домой въ наемной каретѣ (нѣтъ надобности знать, изъ какихъ источниковъ почерпаю я свои свѣдѣнія):—скажи, пожалуйста, Каролина Ивановна, (жена столоначальника была рижская уроженка), не помнишь ли ты, но только «навѣрное», что̀ стоитъ аршинъ хорошаго драдедаму, или знаешь... этой шерстяной матеріи съ большими разводами?..

— Знаю; зачѣмъ тебѣ?

— Видишь ли, душа моя, мнѣ хочется перемѣнить наши оконныя занавѣси. Потомъ, у насъ ничего нѣтъ передъ дверьми, такъ ужъ я, заодно, купилъ бы разомъ матеріи...

— Вотъ вздоръ какой!

— Совсѣмъ не вздоръ; теперь ужъ такъ заведено, чтобы передъ дверью непремѣнно что-нибудь висѣло...

— Если ужъ ты непремѣнно этого хочешь, — купи ситцу; можно найдти того самаго, что покупали мы, когда дѣлали наши оконныя занавѣси...

— Нѣтъ, матушка, покорнѣйше васъ благодарю! Скорѣй же я откажу себѣ въ другомъ чемъ-нибудь, но ужъ

куплю или драдедаму, или шерстяной матеріи съ крупными разводами.

— Когда тебѣ кажется, что наши занавѣси грязны, по-моему, гораздо лучше, велѣть ихъ вымыть... и отдать потомъ на фабрику, чтобы снова навести глянецъ.

— Снова глянецъ!—ни за что въ свѣтѣ!.. Съ этими ситцевыми занавѣсками наша гостиная похожа на какой-то пансіонъ... что-то такое купеческое... словомъ, я не знаю на что, но только вовсе не на гостиную порядочнаго человѣка!.. Надо тебѣ сказать, я вообще ненаживу ситецъ; съ дѣтства ненавижу его!.. съ дѣтства!..

— А я, напротивъ, очень люблю его; и пыли (она выговаривала: пиль), и моли нѣтъ, и чище какъ-то... и наконецъ, дешевле...

— Гадость! душа моя,—гадость! гадость! воля твоя. но это гадость!

— Ты, Антонъ Осиповичъ, всегда такъ: что у другихъ увидишь, то чтобы сейчасъ же и у тебя было...

— Что̀ я увидѣлъ у другихъ? что̀? что такое?..

— Турмановы повѣсили новыя занавѣси и портьеры. и у тебя тотчасъ же загорѣлось!

— Ахъ, душа моя, сдѣлай милость, избавь меня отъ своихъ наставленій; повѣрь мнѣ, я вовсе въ нихъ не нуждаюсь... Меня удивляетъ одно только, Каролина Ивановна, одно удивляетъ: какъ ты не понимаешь, что есть положенія, которыя, такъ сказать, уже невольно принуждаютъ соблюдать наружное приличіе... Мы необходимо должны приносить жертвы свѣту; мы бываемъ у людей, — и люди у насъ бываютъ... и слѣдовательно... И наконецъ уже самый чинъ мой... Но вы, женщины, этого не понимаете, и потому — лишнее объ этомъ распространяться!..

Супруги замолкли, и каждый погрузился въ собственныя свои размышленія. Дѣйствіемъ этихъ размышленій было то съ одной стороны, что на другое же утро Антонъ Осиповичъ отправился къ одному знакомому человѣку, кажется, къ казначею какому-то, который давалъ взаймы денегъ; знакомый человѣкъ давалъ не свои деньги,—обстоятельство, подвергавшее его большой опасности и

постоянно державшее его въ страхѣ и лихорадочномъ трепетѣ, но онъ вознаграждалъ все это тѣмъ, что бралъ чудовищные проценты. По разсчету Антона Осиповича, занавѣси и портьеры изъ новомодной шерстяной матеріи на три окна и двѣ двери стоили сто-сорокъ-два рубля пятьдесятъ копѣекъ. Но кстати ужъ, занялъ онъ двѣсти-пятьдесятъ рублей, и недѣлю послѣ того задалъ очень миленькій вечерокъ съ ужиномъ и танцами.

Я всегда питалъ въ душѣ самыя враждебныя чувства къ Антону Осиповичу; постоянно бранилъ его, при всѣхъ удобныхъ случаяхъ и даже на всѣхъ перекресткахъ. Но, само собою разумѣется, это нисколько не помѣшало мнѣ ѣхать къ нему на вечеръ. Сознаюсь чистосердечно, меня особенно привлекалъ туда ужинъ; я зналъ Антона Осиповича за весьма самолюбиваго и тщеславнаго человѣка; зналъ, что если онъ даетъ вечеръ и ужинъ, то дѣлаетъ это хорошо.

Статься можетъ, изъ числа читателей найдется такой, который не оправдаетъ моего поступка. Допустивъ возможность такого случая, я почти навѣрное скажу, что такой читатель долженъ непремѣнно быть или скромный провинціалъ, или почтенный отецъ многочисленнаго семейства, или человѣкъ, одержимый какою-нибудь нравственною болѣзнью,—мизантропіею, напримѣръ, и т. д.,— но уже во всякомъ случаѣ такой человѣкъ, который не только не посѣщаетъ столичнаго общества, но даже провинціальнаго. (Въ отношеніи свѣтскихъ обычаевъ, провинціальное общество служитъ зеркаломъ того, что дѣлается въ столичномъ свѣтѣ; зеркало это, правда, съ кривинкой; оно комически показываетъ два носа тамъ, гдѣ одинъ, или, наоборотъ, показываетъ все въ уменьшительномъ видѣ; но все-таки провинція—зеркало столицы). Но не въ этомъ дѣло... Я говорю, посѣщай такой читатель столичное или провинціальное общество, ему, конечно, было бы не безъизвѣстно, что сплетни, брань, злословіе и клевета составляютъ, можно сказать, главную приправу, главный смакъ, основу, пищу разговора, и, обыкновенно, въ грошъ не ставятся. Вы браните на чемъ свѣтъ стоитъ вашихъ знакомыхъ; знакомые бранятъ васъ не на животъ, а на

смерть; тѣмъ и другимъ все это хорошо извѣстно, и между тѣмъ, это нимало не мѣшаетъ другъ у друга пить чай, обѣдать и ужинать.

Вы сидите, напримѣръ, съ вашими знакомыми и всѣ единодушно утверждаете, что Иванъ Петровичъ — общій вашъ пріятель, задавшій вамъ наканунѣ великолѣпное пиршество, — утверждаете единодушно и положительно, что Иванъ Петровичъ первѣйшій негодяй, взяточникъ и тому подобное. Прекрасно! Въ самую эту минуту входитъ Иванъ Петровичъ. Всѣ вы, какъ-бы сговорившись, встрѣчаете его троекратнымъ ура! протягиваете ему руку, предлагаете карту, бокалъ шампанскаго, восторженно треплете его по плечу или животу, даже цѣлуете его и обнимаете... Повѣрьте, это рѣшительно ничего не значитъ!

Но какъ бы тамъ ни было, я провелъ у Антона Осиповича очень пріятно вечеръ, и даже, чего со мною никогда не бывало, пустился въ танцы.

Виновницей такого нарушенія моихъ всегдашнихъ привычекъ была одна очень хорошенькая дамочка, которой меня представили и которая пріѣхала съ мужемъ. Мужу я протянулъ только указательный палецъ и почти не обращалъ на него вниманія; это былъ одинъ изъ мелкихъ чиновниковъ, служившихъ подъ начальствомъ Антона Осиповича; его приглашали только ради жены, оно впрочемъ, такъ и слѣдовало: онъ представлялъ изъ себя человѣка мрачнаго, несообщительнаго, въ которомъ бросалась въ глаза только та особенность, что сколько ни брилъ онъ верхнюю губу и подбородокъ, они сохраняли постоянно самый синій цвѣтъ, — точь въ точь, какъ у одной породы обезьянъ. Бѣдность, какъ вы сами легко можете себѣ представить, не придавала ему значенія въ глазахъ общества; онъ жилъ однимъ жалованьемъ, и въ квартирѣ его — такъ сказали мнѣ, и я убѣдился въ этомъ въ послѣдствіи — въ квартирѣ его не было даже занавѣсокъ передъ окнами. Но справедливость требуетъ сказать, ему не чужды были условія свѣта; онъ былъ одѣтъ очень хорошо.

Что же касается до милой жены его, то туалетъ ея былъ почти безукоризненъ; на пухленькой ея рукѣ (ахъ

что это за ручка, еслибъ вы видѣли!) сверкали даже два золотые браслета, обдѣланные по послѣднему фасону; короче сказать, она была прелестна! Я такъ увлекся, что мнѣ даже въ голову не пришло взглянуть на новые занавѣси и портьеры Антона Осиповича. Мы не разлучались почти во весь вечеръ и разстались въ три часа ночи, когда всѣ стали разъѣзжаться. Нѣтъ сомнѣнія, я проводилъ ее до самыхъ дверей и даже подалъ ей руку, когда она садилась на извощика.

— Ты, душенька, кажется, очень много танцовала съ этимъ господиномъ? спросилъ ея мужъ. (Опять умолчу объ источникѣ, доставившемъ мнѣ эти свѣдѣнія; вамъ это не интересно и, наконецъ, не въ томъ вовсе дѣло).

На такой вопросъ мужа не послѣдовало отвѣта.

— А вѣдь у Антона Осипыча было довольно весело?.. началъ опять мужъ.

Молчаніе.

— Что съ тобой, душенька?

Молчаніе.

— Ты нездорова?

Молчаніе, сопровождаемое сильнымъ толчкомъ локтя въ правый бокъ супруга. Но сани пропадаютъ во мракѣ ночи, и что дальше было—намъ неизвѣстно.

Хорошенькая женщина, жена синебородаго господина, не выходила изъ головы моей во всю ночь. На другое утро, между часомъ и двумя, я отправился къ ней съ визитомъ. (Скромность не исключаетъ истины; наканунѣ, ея слова и взгляды сильно поощрили меня къ продолженію знакомства; я былъ увѣренъ, что меня хорошо примутъ). Итакъ я отправился.

Подойдя къ двери «ея» жилища, я почувствовалъ такое волненіе, что нѣсколько разъ протянулъ къ звонку руку, прежде чѣмъ замѣтилъ, что звонка вовсе не было. Дверь была не заперта и отворилась при первомъ моемъ прикосновеніи къ ручкѣ. Я вступилъ въ крошечную и весьма темную прихожую; тамъ никого не было.

Причина такого опустѣнія тотчасъ же, впрочемъ, мнѣ объяснилась: кухарка и горничная (если таковая находилась) должны были непремѣнно стоять гдѣ-нибудь у двери

и прислушиваться къ разговору, происходившему въ комнатѣ, примыкавшей къ прихожей. Разговоръ былъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ занимателенъ, что самъ я невольно затаилъ дыханіе и вытянулъ шею.

— Она нанимаетъ лакея, держитъ собственную лошадь... У меня кухарка, — грязная, мерзкая баба, и я ѣзжу на ванькахъ! звучалъ свѣтлый голосокъ, который, какъ наканунѣ, такъ и теперь, сладостно отзывался въ моемъ сердцѣ:—я не хочу такъ жить! Слышите ли: не хочу!.. Почему Антонъ Осипычъ находитъ средства жить приличнымъ образомъ, а вы не находите? Почему?..

— Мѣсто его такое... съ соболѣзнованіемъ проговорилъ мужъ.

— Не смѣйте упоминать мнѣ о мѣстѣ! Я дѣлала все, что могла, чтобы опредѣлить васъ приличнымъ образомъ,—вы сами этого не захотѣли!.. Повторяю вамъ: человѣкъ, который женится на порядочной женщинѣ, долженъ знать прежде, можетъ ли онъ содержать ее приличнымъ образомъ... Думали ли вы объ этомъ? Оглянитесь кругомъ, что это?—кабакъ! харчевня! полпивная!.. Я знать ничего не хочу, дѣлайте какъ знаете, но чтобъ были у меня обои и занавѣски къ окнамъ!..

Отрывокъ изъ этого разговора и даже продолженіе его, весьма натурально, не произвели на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія. Въ моемъ положеніи (я разсуждаю теперь какъ денди, какъ свѣтскій человѣкъ), въ моемъ положеніи, ссора между мужемъ и женою могла только меня радовать. Какое мнѣ дѣло до ея характера и отношеній къ мужу! Каковъ бы ни былъ ея нравъ, личико ея останется все также прелестнымъ. Я былъ слѣдовательно покоенъ. Но едва возгласы ея превратились въ пронзительные крики, которые легко могли отнять у ея голоса мелодическую прелесть, я поспѣшилъ кашлянуть. Но такъ-какъ это не помогло, я рѣшился постучать сапогами и умышленно уронилъ на полъ шляпу. Все смолкло въ ту же секунду. Не успѣлъ я подскочить къ выходной двери, уже явилась кухарка. Я велѣлъ доложить о себѣ.

Не стану описывать вамъ моего визита. Достаточно

сказать, мужъ почти до слезъ тронутъ былъ моимъ посѣщеніемъ: онъ не переставалъ жать мнѣ руку, — что, мимоходомъ сказать, было весьма непріятно: пожимая руку, онъ точно вкладывалъ вамъ въ ладонь живую лягушку. Что-жъ касается до жены,—она была милѣе даже, чѣмъ наканунѣ! Нѣжное очертаніе ея личика, проникнутаго плѣнительной меланхоліей, ясно доказало мнѣ, что предшествовавшая ссора могла только быть вызвана мужемъ, къ которому, съ той же минуты, почувствовалъ я отвращеніе. Къ счастью, нѣсколько минутъ спустя, вошла кухарка и объявила ему, что пришелъ какой-то купецъ. Мы остались вдвоемъ... Но слѣдуетъ ли говорить объ этихъ дивныхъ минутахъ, которыя навѣкъ останутся запечатлѣнными въ сердцѣ?.. Нѣтъ, пройду лучше молчаніемъ...

Покидая „ея“ жилище, которое, не смотря на очевидную бѣдность и даже отсутствіе занавѣсокъ, казалось мнѣ истиннымъ раемъ, я встрѣтился подъ воротами съ купцомъ, выходившимъ отъ „ея“ мужа.

— Ба! Иванъ Терентьичъ! Такъ это вы приходили? Какими судьбами? воскликнулъ я.

— Дѣльце такое было-съ...

— Ну что, какъ?.. Обдѣлали?

— Да что, плохо, сударь мой, плохо! возразилъ Иванъ Терентьичъ (на лицѣ его, дѣйствительно проглядывала озабоченность):—вчера приходилъ, совсѣмъ ужъ было покончили; ныньче опять не то: никакимъ манеромъ, говоритъ, невозможно... то, да сё... Прижимаетъ, сударь мой, прижимаетъ!..

— Какъ такъ?

— Да также, прижимаетъ, — и все тутъ! Главная статья: намъ время дорого... Ситецъ вздоръ; намъ это наплевать! Время, сударь мой, дорого, а не ситецъ...

— Какой ситецъ?

— Втрое давалъ, сударь мой, втрое; говорю, время только не задерживайте; онъ все свое: нѣтъ, говоритъ, денегъ твоихъ, братецъ, не надобно; я, говоритъ, не беру, а вотъ у тебя, говоритъ, фабрика ситцевая, такъ принеси куска два ситцу на оконныя занавѣси, — тогда и дѣло сдѣлается. Спасибо, хоть сговорчивъ!..

„У нея будутъ занавѣси!“ воскликнулъ я съ такимъ восторгомъ, что два-три человѣка, шедшіе мимо, обернулись. (Съ Иваномъ Терентьичемъ мы уже разстались). Признаюсь вамъ, мысль эта, что у нея будутъ занавѣси, примирила меня даже съ мужемъ обожаемой мною особы. И въ самомъ дѣлѣ, другой на его мѣстѣ взялъ бы, попросту, деньги и проигралъ бы ихъ въ преферансъ въ клубѣ Соединеннаго Общества; потребовавъ ситецъ, онъ доказалъ, что прямымъ желаніемъ его было угодить милой женѣ. Я былъ тронутъ и не могъ утерпѣть, чтобы не проговорить внутренно: „да, и въ бѣдномъ классѣ скрываются семейныя добродѣтели!..

По прошествіи нѣкотораго времени (вы понимаете, время это слѣдуетъ считать не днями, а часами), я снова отправился къ нимъ съ визитомъ. Боже, какъ была мила она! Она весело порхала, какъ птичка, по своей комнаткѣ. Солнечные лучи, проходя сквозь пышные розаны, отпечатанные на глянцовитомъ ситцѣ, украшавшемъ окна, казалось, усыпали розами ея пухленькія щечки. Я былъ умиленъ, восхищенъ, очарованъ. И не будь тутъ сестры хозяина дома, — бѣдной восьмидушной помѣщицы Петербургской губерніи, пріѣхавшей навѣстить брата, я, конечно, подъ вліяніемъ восторженнаго своего чувства, надѣлалъ бы множество непростительныхъ глупостей...

Кстати объ этой помѣщицѣ. Возвратившись къ себѣ домой (крошечный домикъ, состоявшій всего изъ одного бревенчатаго сруба съ подслѣповатыми аршинными окнами), она тотчасъ же послала человѣка (единственнаго мужского представителя своей дворни), послала его за тридцать верстъ, въ уѣздный городъ, для покупки кумачу. Наличныхъ денегъ было у нея всего-на-все одинъ рубль двадцать копѣекъ серебромъ; но купецъ повѣрилъ ей охотно на такую же сумму и отрѣзалъ одиннадцать аршинъ требуемой ткани.

Какъ ни были малы окна домика, одиннадцати аршинъ всетаки не достало на занавѣси. Но это обстоятельство не затруднило хозяйку; она тотчасъ же приступила къ кройкѣ. Мужъ началъ-было ей совѣтовать выждать времени, когда будутъ деньги, и прикупить кумачу (купецъ

не вѣрилъ имъ больше, какъ на рубль-двадцать), но жена сказала ему дурака, ткнула въ глаза петербургскими родственниками, объявила, что живетъ онъ какъ однодворецъ и ровно ничего не смыслитъ въ приличіи. Мужъ замолкъ, а она продолжала кроить, и выкроила очень миленькія занавѣски, которыя, если и не доходили до верхней перекладины окна, не защищали комнату отъ свѣта, за то драпировались игривыми фестончиками по боковымъ косякамъ, увеселяли взоръ хозяйки и пробуждали зависть, а съ нею вмѣстѣ и саркастическія улыбки сосѣдей и сосѣдокъ...

Но, можетъ быть, въ настоящую минуту и на вашемъ лицѣ, почтенный мой читатель, играетъ точно также саркастически-насмѣшливая улыбка...

„Что̀-жъ такое, что всѣ они, начиная съ Виленскаго и кончая этой восьмидушной помѣщицей, повѣсили себѣ новыя занавѣси и портьеры! говорите вы, движимый тою положительностью, тѣмъ строго-практическимъ чувствомъ, которое васъ всегда отличало:—что̀-жъ, что у нихъ новыя занавѣси и портьеры! За то у каждаго оказалось теперь больше долгу, чѣмъ прежде было!..“

Съ одной стороны, вы, можетъ быть, правы. Дѣйствительно, долгу прибавилось. Но, съ другой стороны, что̀ значитъ долгъ, когда не нарушается имъ сердечное довольство? Что значитъ долгъ, когда цѣною его можно купить удовлетвореніе главной душевной потребности, состоящей въ томъ, какъ извѣстно, чтобы казаться не хуже другихъ и никому не уступать въ дѣлѣ знанія свѣтскихъ потребностей и наружнаго приличія?..

462782
LR
G8576
Grigorovich, Dmitry Vasil'evich
Полное собраніе сочиненій.
ТОМ 7
[Translit.: Polnoe sobranie sochineny.]

NAME OF BORROWER

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED